

НА НОВОМ ПУТИ

НА НОВОМ ПУТИ

Предлагаемая читателю работа — третья из серии книг по истории национально-освободительной борьбы в странах Азии и Африки.

Первая книга — «Века неравной борьбы». В ней рассказывается о сопротивлении народов Азии и Африки порабощению в период образования колониальной системы и до начала общего кризиса капитализма (с XVI в. до Великой Октябрьской социалистической революции).

Вторая книга — «Пробуждение угнетенных» — охватывает период возникновения и развития кризиса колониальной системы империализма, многообразного влияния Октябрьской революции в России на борьбу поработенных народов Востока (1917—1945 гг.).

Третья книга — «На новом пути» — посвящена крушению колониальной системы после второй мировой войны и образованию суверенных государств Азии и Африки. Показаны особенности политической, государственной и социально-экономической жизни этих государств в условиях суверенитета, отношение различных классов и слоев к решению общенациональных проблем.

В книге уделено много внимания путям развития суверенных государств, их значению в борьбе и соревновании двух систем.

Цена 2 р. 51 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

НАЦИОНАЛЬНО— ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЗИИ И АФРИКЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Б. Г. ГАФУРОВ, Г. Ф. КИМ,
С. Н. РОСТОВСКИЙ, В. Г. СОЛОДОВНИКОВ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ

НА НОВОМ ПУТИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственные редакторы:
В. И. ПАВЛОВ, И. Б. РЕДЬКО

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**ЛИКВИДАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА
И ОБРАЗОВАНИЕ
СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ
В АЗИИ И АФРИКЕ**

Распад колониальной системы империализма породил настоятельную потребность во всестороннем изучении социально-экономических и политических процессов, происходящих в странах Азии и Африки. Необычайный размах, глубина и своеобразие этих процессов могут быть поняты лишь на основе марксистско-ленинского анализа современного развития стран Азии и Африки, а также их исторического прошлого. В связи с этим возникла идея издания, состоящего из трех книг, которое призвано отразить работу советских ученых над проблемами национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки.

Ядро авторского коллектива составили следующие научные сотрудники Института народов Азии: В. Н. Никифоров — ответственный редактор книги «Века неравной борьбы»; Г. И. Левинсон и Л. Р. Полонская — ответственные редакторы книги «Пробуждение угнетенных»; В. И. Павлов и И. Б. Редько — ответственные редакторы книги «На новом пути». Руководство авторским коллективом и всей работой осуществлено С. Н. Ростовским.

В основной авторский коллектив вошли научные сотрудники Института народов Азии: Р. Г. Ланда, П. М. Шаститко, К. В. Кукушкин, А. Б. Резников, а также научные сотрудники Института Африки: М. И. Брагинский, А. В. Летнев и В. А. Субботин.

Тема книги «Века неравной борьбы» — сопротивление народов порабощению в период образования колониальной системы и до начала общего кризиса капитализма (с XVI в. до Великой Октябрьской социалистической революции).

Книга «Пробуждение угнетенных» посвящена возникновению и развитию кризиса колониальной системы империализ-

ма, многообразному влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на борьбу поработенных народов Востока.

Распад колониальной системы и проблемы развития освобождающихся стран освещаются в книге «На новом пути». Здесь рассматриваются также разнообразные формы сотрудничества СССР и других социалистических стран с народами Азии и Африки и характерная для современной эпохи борьба мировой социалистической системы с империализмом за пути развития освободившихся стран.

Авторский коллектив ставит перед собой задачу дать связанное изложение главных закономерностей и узловых моментов истории национально-освободительной борьбы основных стран Азии и Африки, по понятным причинам не претендуя на исчерпывающий показ всех этапов развития всех стран этих континентов.

Хронологически ранние этапы национально-освободительной борьбы изложены более сжато, близкие к нашему времени — подробнее. История стран Латинской Америки, а также история азиатских народов России и СССР специально не рассматриваются.

В работе над серией использованы основные имеющиеся труды, а по некоторым конкретным проблемам велось самостоятельное исследование. Авторский коллектив надеется, что издание будет полезно не только специалистам, но и более широкому кругу читателей, интересующихся проблемами Азии и Африки.

* * *

Книга «На новом пути» написана авторским коллективом в следующем составе.

Основные авторы: раздел первый, гл. 1 и 2 — Р. Г. Ланда, В. И. Павлов, гл. 3 — Р. Г. Ланда, В. И. Павлов, И. Б. Редько; раздел второй, гл. 1 — В. И. Павлов, гл. 2 — Ю. Г. Александров, П. П. Моисеев, В. И. Павлов, И. Б. Редько, Ю. Н. Розалиев; раздел третий, гл. 1 — Р. Г. Ланда, В. И. Павлов, И. Б. Редько, гл. 2 — А. Г. Буданов, В. И. Глунин, Ф. И. Куликова, Г. И. Матвеева, гл. 3 — В. И. Павлов, И. Б. Редько.

Проблемы Тропической Африки разработаны сотрудниками Института Африки АН СССР М. И. Брагинским и А. Б. Летневым (в главах 2 и 3 первого раздела, в главах 1 и 2 второго раздела и в главе 1 третьего раздела).

Авторами разработок по истории стран и по основным проблемам являются Ю. Г. Александров, Г. Г. Котовский, П. П. Моисеев (аграрный вопрос и сельское хозяйство), Ю. Н. Розалиев (положение пролетариата и рабочее движе-

ние), Р. А. Ульяновский (отдельные аспекты социально-экономического и революционного процесса), А. Г. Буданов (ДРВ), В. И. Глунин (КНР), В. А. Жаров (Индонезия), Ф. И. Куликова (КНДР), Г. И. Левинсон (Филиппины), Г. И. Матвеева (МНР), А. Н. Узянов (Бирма — с 1945 по 1948 г.), А. Ф. Жабреев (Бирма в последующие годы). В главе 3 третьего раздела использованы материалы А. М. Моделя и Ф. А. Тодер. Научно-техническая подготовка рукописи осуществлена О. С. Ларионовой.

В книге использованы некоторые фактические данные и отдельные положения из исторических работ: «Новейшая история Индии» (М., 1959), «Новейшая история Африки» (М., 1964), «Новейшая история зарубежной Азии и Африки» (Л., 1963), «Новейшая история Азии и Африки» (М., 1965); из монографических работ отдельных историков по странам и районам: по Индии и Пакистану — Ю. В. Ганковского, Л. Р. Гордон-Полонской и А. М. Дьякова; по Бирме — В. Ф. Васильева; по арабским странам — В. Б. Луцкого, Н. С. Луцкой, Г. И. Мирского, А. М. Голдобина и Н. А. Иванова. Среди ученых, из трудов которых почерпнуты некоторые концепции и факты, следует отметить К. Н. Брутенца, Н. И. Гаврилова, Л. А. Гордона, А. И. Динкевича, В. М. Коллонтая, С. М. Кузьмина, М. А. Максимова, В. Г. Растянникова, Л. В. Степанова, В. Л. Тягуненко, Л. И. Рейснера, В. В. Рымалова, Л. А. Фридмана, Г. К. Широкова и А. Ю. Шпирта.

Редакционно-авторский коллектив весьма признателен Р. Т. Ахрамовичу, Л. П. Делюсину, В. А. Жарову, М. С. Капице, А. С. Кауфману, Е. А. Лебедеву, А. Ф. Миллеру, Н. А. Симония, Л. А. Фридману и другим товарищам, принявшим участие в обсуждении работы.

ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В АЗИИ

Развитие национально-освободительной борьбы после второй мировой войны непосредственным образом связано с ее ходом и итогами. Задолго до войны, но особенно в ходе ее и в послевоенные годы накапливался тот горючий материал в национально-освободительном движении, который в последующие пятнадцать лет вызвал крах колониальной системы империализма. Слияние в ряде стран Европы и Азии движений сопротивления агрессорам и революционной борьбы привело в новых, послевоенных условиях к победе в некоторых из них народных революций. Глубокий прорыв в мировой системе империализма, совершенный этими революциями, оказал огромное воздействие на национально-освободительное движение.

Завоевание национального суверенитета и государственности стало насущной и неотложной проблемой для всех основных классов и слоев большинства стран и районов Азии, а затем и Африки. Однако острота этой проблемы, ее осознанность и понимание были различными у разных социальных групп. Эти субъективные моменты, преломляясь в соответствующих национальных условиях, породили необычайное многообразие в тактике и приемах освободительной борьбы, в формах ее организации и идеологических программах. Немалую роль сыграли в этом отношении и предшествующие опыт и традиции. Наконец, непосредственное воздействие на начальные этапы освободительного движения оказала вторая

мировая война, которая по-разному протекала в разных странах.

К внешним факторам, имевшим влияние на освободительные движения, также относятся географическая близость или удаленность от СССР (облегчавшая или затруднявшая оказание помощи революционным силам той или иной страны), наличие оккупационных войск соперничающей империалистической державы (например, в Юго-Восточной Азии, где сам факт японской оккупации и политика японских властей во многом способствовали подрыву позиций и влияния «старых» колонизаторов — Англии, Франции и Голландии), обострение межимпериалистических противоречий в данном регионе (англо-французских в Сирии и Ливане и т. д.), что давало возможность местным национальным силам достигать своих целей путем тактики маневрирования.

Особенно упорный и организованный характер освободительная борьба приняла в Восточной и Юго-Восточной Азии. Именно страны этого района, подвергшиеся японской оккупации, в послевоенный период оказались наиболее слабыми звеньями в колониальной системе империализма. Здесь началась полоса национально-освободительных революций. Значительную роль стали играть патриотические вооруженные силы, образованные или окрепшие (в большинстве случаев под руководством коммунистов) в годы борьбы с японскими оккупантами.

Разгром японской Квантунской армии советскими войсками создал условия для расширения и укрепления освобожденных районов в Китае, для вооружения народной армии и продвижения ее в центральные и южные районы страны. Та же братская поддержка Советской Армии позволила из партизанских сил Кореи основать регулярную армию, сумевшую защитить завоевания народной революции от внутренней реакции и интервенции. В Юго-Восточной Азии национальные вооруженные силы, накопив значительный боевой опыт, после разгрома японских империалистов встали на защиту своих стран, когда возвратившиеся старые колонизаторы пытались восстановить прежние порядки.

Под непосредственным воздействием последствий войны и разгрома фашистских агрессоров развивались и события в Южной Азии. Истощение британского империализма шестилетней войной и отвлечение его сил на Ближний Восток и в Юго-Восточную Азию создали благоприятную обстановку для освободительного движения Индии и Цейлона. Патриотическая энергия их народов, в известной мере скованная участием метрополии в антифашистской коалиции, была высвобождена после завершения войны и направлена на достижение национальной независимости, право на которую было официально

признано руководителями антигитлеровской коалиции для всех народов мира.

Капитуляция гитлеровской Германии в мае 1945 г. ускорила и поражение милитаристской Японии. Однако ввиду намерения определенной части японских правящих кругов сопротивляться до конца, наличия в их руках пятимиллионной армии и подготовленных резервов, а также из-за отсутствия у западных союзников на дальневосточном театре военных действий наземных сил, способных нанести завершающий удар, война здесь могла продлиться еще полтора-два года. Из такой возможности и исходили западные политики, намечая окончательный разгром Японии на конец 1946 г. или даже на 1947 г.

Для народов Юго-Восточной и Восточной Азии это означало не только продление оккупационного режима и превращение их территории в арену боевых действий, но и укрепление сотрудничавших с Японией режимов. Перспектива возвращения «старых» колониальных властей, паназиатская демагогия японцев и их заигрывание с националистическими элементами могли внести раскол в национальные силы и облегчить их дискредитацию в глазах западного общественного мнения как пособников Японии. Безжалостное истребление японскими оккупантами борцов Сопротивления могло серьезно изменить соотношение внутренних сил в пользу элементов, стоявших на позициях компромисса с колониализмом.

Вступление Советского Союза в войну с Японией и быстрый разгром частей Квантунской армии — главной ударной силы японского милитаризма на Азиатском материке — не только избавили народы многих стран от ужасов длительных военных действий, но и внесли изменения в самый характер войны в Азии. Вклад Советского Союза в разгром японского милитаризма уже не позволял представить исход войны как победу западного колониализма. Народы Восточной и Юго-Восточной Азии становились полноправными участниками общего послевоенного урегулирования, основой которого было суверенное право каждого народа самому определить свое государственное и социально-экономическое устройство. Понятно, что условия для осуществления этого права были различны у разных народов и стран.

Образование народно-демократических государств в Азии

Провозглашение Демократической Республики Вьетнам.
С приближением разгрома держав оси для освободительного движения против японских оккупантов во Вьетнаме создалось

благоприятное сочетание внутренних и внешних факторов революции.

К лету 1945 г. в Северном Вьетнаме возникают обширные территории, где хозяевами положения стали органы революционной власти — народные комитеты и комитеты освобождения, находившиеся под руководством КПИК и фронта Вьет-Минь. К началу всеобщего восстания в августе 1945 г. на местах уже сложились первые временные органы революционной власти, готовые немедленно после победы приступить к выполнению основных функций народно-демократического государства.

В начале августа 1945 г. капитулировала 50-тысячная японская армия во Вьетнаме. Это явилось одновременно и ударом по местной реакции, парализовавшим марионеточную систему управления страной, созданную оккупантами после мартовского переворота. Капитуляция японских войск во Вьетнаме была равносильна слому важнейшей части политической надстройки, противостоящей революции.

На Всевьетнамской конференции КПИК, открывшейся 13 августа, было принято решение о начале всеобщего восстания. 16 августа 1945 г. в Тан Чао (Освобожденный район) собрался Всевьетнамский конгресс народных представителей с участием делегатов от различных партий и патриотических организаций. Конгресс определил внутреннюю и внешнюю политику народной власти после победы, избрал Комитет национального освобождения Вьетнама во главе с Хо Ши Мином.

25 августа в официальной столице Вьетнама г. Гуэ (Хюэ) отрекся от престола в пользу республики император Бао Дай. Всеобщая политическая демонстрация 2 сентября наглядно подтвердила, что народная власть победила в Ханое и в Сайгоне. Победа Августовской революции, в которой слились городской и сельский потоки, явилась результатом длительной героической борьбы вьетнамского народа под руководством рабочего класса и его партии за национальную независимость, свободу и демократию, против империалистических поработителей и их прислужников внутри страны.

Конкретно-исторический ход революционных событий сложился так, что Августовская революция, готовившаяся как вооруженное восстание, совершалась в основном мирным путем, хотя вооруженные части Освободительной армии сыграли в ней свою роль.

Всеобщие митинги и политические демонстрации явились по существу основным средством установления народной власти. Дезорганизация врагов революции была столь велика, что революционным силам не потребовалось прибегнуть к вооруженной борьбе. Она последовала уже после возникновения ДРВ и была вызвана империалистической агрессией,

прямым военным нападением колонизаторов на молодую республику.

С победой Августовской революции начался процесс упрочения народной власти. 28 августа было сформировано Временное революционное правительство ДРВ. Председателем Временного революционного правительства был избран Хо Ши Мин. Семь из 12 портфелей министров были предоставлены членам фронта: внутренних дел, национальной обороны, пропаганды, финансов, труда, образования, по делам молодежи. Пять министерских портфелей были переданы лицам, не входившим во фронт Вьет-Минь (юстиции, общественных работ, экономики, социального обеспечения, здравоохранения). 2 сентября 1945 г. была обнародована Декларация независимости, официально уведомившая все страны мира о возникновении по воле народа Демократической Республики Вьетнам — единого, независимого и свободного государства, родившегося в ходе борьбы с фашизмом и империализмом.

В ноябре 1945 г. Временное правительство опубликовало декрет о местных органах власти. Согласно этому декрету на территории всей страны вместо временных народных комитетов путем всеобщего и прямого голосования граждан республики создавались народные советы и их исполнительные комитеты. В январе 1946 г. были проведены первые и пока единственные в истории Вьетнама охватившие всю его территорию выборы высшего органа государственной власти — Национального собрания. Тем самым была создана единая выборная система представительных органов в центре и на местах, являвшаяся политической основой Демократической Республики Вьетнам. Таким образом, ДРВ образовалась как государство, полностью объединенное территориально в масштабах всей страны, где перед нашествием империалистов были проведены общенациональные выборы и созданы общенациональные органы власти. В последовавшей в конце 1946 г. войне не было условий для переизбрания Национального собрания, а после окончания войны общенациональные выборы, предусмотренные Женевскими соглашениями, были сорваны империалистами и их марионетками в Южном Вьетнаме.

Эксплуататорские элементы, если они не являлись изменниками родины, имели право политической организации, право участвовать в избрании органов государственной власти и входить в состав народных советов и их исполнительных комитетов, а также высшего органа государственной власти — Национального собрания. Вытекавшая из этого многопартийность отражалась по преимуществу на составе центральных, областных и частично провинциальных органов государства. Следует, однако, подчеркнуть, что фактически фронт Вьет-Минь, в котором руководящая роль принадлежала Коммуни-

стической партии, определял характер и направление деятельности органов государственной власти. По своей классовой сущности эта государственная власть являлась революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

Экономическая политика государства в целом не выходила за общедемократические рамки. Ненавистный народным массам средневековый подушный налог, который обеспечивал империалистам до 60% доходной части колониального бюджета, был заменен прогрессивным подоходным налогом. От сельскохозяйственного налога были освобождены все крестьянские дворы, имевшие наделы земли менее 0,09 га, т. е. примерно одна треть всех крестьянских хозяйств. 26 октября 1945 г. Временное правительство ДРВ обязало помещиков снизить на 20% арендную плату, взимающуюся с крестьян. Был издан декрет о переделе общинных земель, фактически находившихся в руках сельской верхушки, и приняты меры по снижению на 25% ростовщического процента.

В сельской местности стимулировались движения трудовой взаимопомощи. Создавались первые потребительские, кредитные кооперативы. Производственная взаимопомощь и зачатки кооперирования способствовали развитию сельскохозяйственного производства и подъему производительности труда, показывали крестьянству преимущества коллективных форм производства, облегчали мобилизацию крестьянства на активное участие в демократическом строительстве. Все эти меры, проведенные народной властью, дали возможность преодолеть продовольственный кризис. В 1946 г. в Северном Вьетнаме, несмотря на наводнения, разруху и начало агрессии империалистов, удалось собрать 2 млн. т риса, почти в три раза увеличить по сравнению с 1940—1944 гг. сбор кукурузы, батата и других неполивных культур. Председатель Совета национальной обороны Во Нгуен Зиап в своем отчете народу от имени правительства ДРВ по случаю первой годовщины со дня образования республики констатировал: «Революция одержала победу над голодом; эта победа явилась одним из величайших достижений нашей новой демократии».

Коммунистическая партия не выдвигала в то время лозунга коренной аграрной реформы. Конфискации подлежали лишь земли иностранных колонизаторов и предателей вьетнамского народа. Политика Временного народного правительства в области аграрных преобразований после провозглашения ДРВ сводилась в основном к ограничению размеров арендной платы, что определялось стремлением народной власти вовлечь в борьбу против агрессоров даже часть зажиточных слоев деревни, нейтрализовать колеблющиеся элементы. Империалистам не удалось спровоцировать гражданскую войну во Вьетнаме.

Помещики и связанные с ними деревенские богатеи, воспользовавшись создавшейся в стране обстановкой, саботировали мероприятия народной власти. Они отказывались снизить арендную плату, взимали дополнительные поборы за пользование тяглом, инвентарем, за семена. Не была ликвидирована и долговая зависимость крестьян от зажиточной верхушки деревни, унаследованная от колониального периода.

Во время господства французского империализма во Вьетнаме сформировался сравнительно сильный своей сплоченностью и организованностью национальный рабочий класс, сконцентрированный на принадлежавших иностранному капиталу крупных, хотя и немногочисленных промышленных предприятиях в обрабатывающей промышленности и на транспорте. С победой Августовской революции он стал постепенно превращаться в ведущую силу народно-демократического государства. Народная власть ввела в стране 8-часовой рабочий день на государственных и частных предприятиях, установила минимум зарплаты, очертила круг обязанностей частных предпринимателей по отношению к рабочим.

Предоставление рабочему классу политических и экономических прав, создание на предприятиях временных органов народной власти — рабочих революционных комитетов, повышение роли профсоюзов — все это в целом характеризовало основную линию государства, направленную на улучшение условий жизни и труда рабочих. Однако и здесь Коммунистическая партия и народное правительство, стремясь к мирному урегулированию конфликта с Францией, вынуждены были идти на отсрочку мер по углублению социальных преобразований, не приступали к национализации промышленных предприятий и концессий, принадлежащих французскому капиталу. Некоторые меры, предпринятые в этом направлении в конце 1945 г., — национализация части Трансиндокитайской железной дороги, электростанции и водопровода в Ханое, крупной типографии, некоторых мастерских и т. д. — не задели основы экономических позиций французского капитала — банковской системы и концессионных владений. В руках французского капитала оставалась горнодобывающая промышленность — наиболее развитая отрасль вьетнамской промышленности. Из сферы деятельности иностранного капитала не были изъяты не только пахотные земли, но и недра страны.

Политика народной власти в отношении национальной буржуазии и мелкой буржуазии определилась прежде всего стремлением привлечь их к участию в освободительной борьбе против империалистической агрессии. За национальной буржуазией обеспечивалась свобода предпринимательства, ей оказывалась помощь в развитии отраслей промышленности, производящей предметы первой необходимости. Что касается

торговцев, то им была предоставлена свобода торговли; их собственность пользовалась защитой закона.

Силы империализма не примирились с возникновением в Азии первого народно-демократического государства. 6 сентября 1945 г. в Сайгон вступили подразделения английских оккупационных войск. Английские представители потребовали разоружения вьетнамских вооруженных сил. Вместе с английскими частями прибыли первые части французского экспедиционного корпуса. На Юге началась героическая война Сопротивления вьетнамского народа против империалистической интервенции. Демократическим силам Вьетнама предстояла длительная и тяжелая борьба с агрессорами.

Образование Корейской Народно-Демократической Республики. Разгром Квантунской армии в Маньчжурии и выход Советской Армии в Корею положили конец японскому колониальному господству в этой стране. Условия, сложившиеся к этому времени в стране, благоприятствовали развитию народно-демократической революции под руководством рабочего класса. Накануне освобождения, в годы второй мировой войны, в экономической и политической жизни Кореи, в расстановке классовых сил произошли существенные изменения, ускорившие вызревание революционной ситуации. Развитие японским империализмом в своей колонии промышленности военного значения привело к росту пролетариата. Общее число рабочих к концу войны превышало 2 млн. человек, из них около 600 тыс. было занято в фабрично-заводской промышленности. В северной части страны, где были развиты химическая, металлургическая, энергетическая, горнодобывающая промышленность, сложились крупные пролетарские центры. Формирование рабочего класса шло преимущественно за счет выходцев из полупролетарских и непролетарских слоев. (Примерно 400 тыс. фабрично-заводских рабочих, пополнивших предприятия Кореи после 1930 г., являлись выходцами из непролетарской среды). Но вместе с тем в годы войны происходила концентрация рабочих на сравнительно крупных предприятиях. В 1943 г. на предприятиях, насчитывающих более 200 рабочих, было занято около 40%, а на предприятиях, имеющих более 1000 рабочих, — свыше 15% всех промышленных рабочих страны. Несколько возросла прослойка квалифицированных рабочих и повысился их образовательный уровень. Это объективно содействовало формированию революционных качеств пролетариата.

В период войны резко усилился процесс расслоения буржуазии. Мероприятия японских милитаристов, в частности политика насильственной концентрации производства, закон «О военном урегулировании», вели к поглощению японскими монополиями мелких и части средних корейских предприятий.

Усилилось разорение значительных групп национальной, особенно городской мелкой буржуазии. Вместе с тем, не только крупная, но и часть средней буржуазии была вовлечена японскими милитаристами в военно-промышленное строительство. К концу второй мировой войны в Корее выделилась шестерка крупных промышленников и финансистов, тесно связанных с японскими монополиями (группы Ким Сон Су и Ким Ен Су, Пак Хын Сика и др.).

На обслуживание нужд войны переключено было сельское хозяйство, что крайне болезненно отразилось на положении трудового крестьянства. Возросла бедняцкая прослойка. Военно-стратегическое строительство сопровождалось изъятием крестьянских земель, сокращением посевных площадей, тягловой силы. Значительная часть крестьянских земель (на юге около половины) находилась под залогом.

Резко ухудшились условия жизни подавляющего большинства корейского населения. Цены на товары возросли по сравнению с довоенным уровнем почти в 4,5 раза. Принудительные займы и всякого рода военные пожертвования отнимали не менее половины заработка рабочего и служащего, дохода ремесленника и кустаря. В сложившихся условиях недовольство народных масс достигло большой остроты.

Фашизация режима, законы военного времени исключали возможность легальной деятельности демократических сил, массовых открытых выступлений. Освободительное движение этого периода характеризовалось серьезными глубинными сдвигами, обусловленными, с одной стороны, ростом влияния рабочего класса и коммунистов, с другой — падением престижа корейской национальной буржуазии. Колебания, свойственные ей сделки с империализмом завершились в годы войны полным переходом лидеров национальной буржуазии в стан врагов. Возглавленные ими национал-реформистские организации фактически распались. Что касается рабочего класса, коммунистов, то они и в трудное военное время продолжали самоотверженную борьбу.

Партизанское движение, для которого характерна была в годы войны тактика мелких боев, внезапных ударов в тылу врага, связанные с этим движением антияпонские, антивоенные выступления корейского рабочего класса, диверсии и саботаж на военных объектах, транспорте; «рисовые бунты» в городах; арендные конфликты, невыполнение рисопоставок в деревнях; протесты против всеобщей трудовой мобилизации; отказ корейских студентов служить в японской армии и уход многих из них в отряды Сопротивления — все это свидетельствовало о росте недовольства в широких слоях населения. В создавшихся условиях правящие круги Японии были вынуждены видоизменять формы и методы своего господства, пойти

на некоторые уступки населению колонии. В частности, в 1944 г. был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав, провозглашены декларации о реформах в области труда и быта корейских трудящихся в Японии и т. п. При всей ограниченности этих частично проведенных, а в большей части обещанных мер они свидетельствовали о нарастающем «кризисе верхов».

Созревание революционной ситуации, объективных предпосылок революции не могло обеспечить ее победы без зрелости субъективных условий. Хотя коммунисты Кореи, в первую очередь партийное руководство партизанских отрядов, достигли немалых успехов в создании организационных и идеологических основ коммунистического авангарда, единой марксистско-ленинской партии в Корее в тот период не было. Но направление и ход событий подготавливали условия для формирования Коммунистической партии Кореи.

После освобождения страны произошли дальнейшие изменения в расстановке классовых сил в Корее. Крах японского господства нанес тяжелый удар помещичье-компрадорским слоям, верхушке буржуазии, на которые опирались империалисты. Национальная буржуазия, ослабленная как империализмом, так и революционной борьбой трудящихся, не смогла в создавшихся условиях серьезно бороться за власть. Решающая роль Советского социалистического государства в победе над германским фашизмом и японским милитаризмом укрепила престиж международного рабочего класса. Освобождение Кореи Советской Армией способствовало усилению позиций корейского рабочего класса, влияния коммунистов на непролетарские массы. Наличие советских вооруженных сил на территории Кореи гарантировало рабочий класс и трудящихся от попыток контрреволюции использовать вооруженное насилие.

Корейский рабочий класс получил возможность опереться на помощь и опыт Советского государства и его Коммунистической партии, тем более что в северной части Кореи находились советские вооруженные силы. Сразу после освобождения по инициативе трудящихся и под руководством коммунистов в городах и деревнях Северной Кореи стали создаваться народные комитеты, представлявшие собой блок рабочего класса, крестьянства, всех прогрессивных демократических сил. Их деятельности способствовало то обстоятельство, что от управления были отстранены чиновники японского колониального аппарата и упразднены органы колониальной администрации. Большую помощь народным комитетам во всех сферах деятельности, в частности в подготовке национальных кадров, оказала советская гражданская администрация.

В октябре 1945 г. было создано Оргбюро ЦК Коммунисти-

ческой партии Северной Кореи. Программные положения партии, направленные на провозглашение независимости страны и решение первостепенных общедемократических задач революции, обеспечили партии поддержку широких масс.

Активным помощником компартии стал Коммунистический союз молодежи, организованный в октябре 1945 г. (в ноябре того же года он был преобразован в Демократический союз) и объединивший широкие социальные слои молодежи.

В Северной Корее сложилась многопартийная система при руководящей роли компартии. В октябре 1945 г. была создана Демократическая партия, объединившая преимущественно представителей национальной буржуазии и интеллигенции. Одновременно на базе прогрессивной части религиозного общества «Чхондоге» сформировалась партия «Чхонудан», состоявшая главным образом из крестьян. Программы обеих партий провозглашали своей целью создание единого независимого демократического корейского государства.

В конце 1945 г. была создана Новая народная партия Северной Кореи, примыкавшая по своим целям и задачам к компартии. Она объединяла главным образом трудовое крестьянство и прогрессивную интеллигенцию.

Благоприятные условия, созданные советскими войсками в Северной Корее, способствовали быстрому росту массовых демократических организаций. Осенью 1945 г. был создан Демократический союз женщин («Пукчосон минчжучжугу ёсон томмэн»), провозгласивший своей основной задачей объединение женщин для борьбы за демократизацию Кореи, за равноправие женщин. Повсеместно в деревнях возникали крестьянские союзы, которые в начале 1946 г. объединились в Крестьянский союз Северной Кореи («Пукчосон нонмин тонмэн»). Были созданы Ассоциации работников культуры и искусства и другие объединения интеллигенции. Крупной силой становились профсоюзы. В ноябре 1945 г. был основан Всеобщий рабочий союз Северной Кореи. Профсоюзы развернули активную подготовку к проведению демократических преобразований и, в частности, к разработке и проведению в жизнь закона о труде.

Укрепление руководящих позиций рабочего класса и Коммунистической партии, как и весь процесс революционного преобразования общества, встречало активное сопротивление враждебных элементов. Они прибегали к саботажу, провокациям, диверсиям, проникали в демократические органы власти для подрыва государственных мероприятий изнутри. Однако пребывание в стране Советской Армии лишало реакцию возможности навязать гражданскую войну.

Иное положение сложилось в Южной Корее. Революционный процесс, развернувшийся на Юге после освобождения

страны, был насильственно прерван империалистами США. После капитуляции Японии народные массы Южной Кореи выступили с требованием создания независимого демократического корейского государства. В августе 1945 г., когда в Южной Корее стало известно о капитуляции Японии, в Сеуле и других крупных городах и селах проходили массовые демонстрации и митинги, на которых народ выражал свое желание строить жизнь на демократических началах.

Несмотря на крайне сложную обстановку и противодействие японской военщины, которая фактически оставалась у власти до прибытия туда американских оккупационных войск, в Южной Корее началось создание политических партий и организаций демократического направления, профсоюзов, крестьянских союзов, женских и молодежных объединений. По инициативе масс в городах и деревнях создавались народные комитеты. Они устанавливали на предприятиях рабочий контроль, в сельских районах добивались снижения арендной платы, налаживали снабжение населения продовольствием. Однако оккупация американскими войсками Южной Кореи прервала процесс демократизации страны и коренным образом изменила положение. В Южной Корее началось преследование демократов и патриотов, насаждались реакционные, антинародные органы власти. Деятельность народных комитетов была запрещена.

На состоявшемся в декабре 1945 г. в Москве совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии было принято решение о Корее (к этому решению присоединился и Китай). Оно предусматривало, что в соответствии с задачами восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для ее демократического развития, для быстрой ликвидации последствий японского колониального господства создается Временное корейское демократическое правительство, которое будет принимать все меры для развития экономики и культуры страны. В целях содействия созданию этого правительства было решено образовать совместную советско-американскую комиссию. Ей поручалось с участием Временного корейского правительства, с привлечением корейских демократических организаций разработать меры помощи и содействия (опеки) политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи.

Московское соглашение было принято в соответствии с советским проектом в острой борьбе против попыток США навязать Корее марионеточный проамериканский режим. Принятие советского проекта явилось крупной победой демократических сил и открывало путь к образованию независимого

демократического корейского государства. В понятие опеки Советское государство вкладывало содействие и помощь созданию независимого демократического корейского государства, в то время как по предложению США Корея должна была стать подопечной территорией. Под предлогом осуществления международного контроля США намеревались установить над страной свое господство, но в сложившихся условиях были вынуждены согласиться с советским предложением о Корее. Однако сразу же стали предпринимать меры к тому, чтобы использовать это соглашение в своих империалистических целях. Пути развития Севера и Юга все более расходились.

В феврале 1946 г. в качестве центрального органа народной власти Северной Кореи был избран Временный народный комитет. Огромные трудности встали перед органами народной власти. Трудности эти в первую очередь были связаны с последствиями колониального прошлого, с наличием сильных феодальных пережитков, с искусственным расчленением страны.

Возглавив руководство обществом, рабочий класс и его партия учитывали обязательность и неизбежность промежуточных ступеней и этапов развития, игнорирование которых таит большую опасность. Первоочередные общедемократические задачи революции были сформулированы в программе из 20 пунктов, разработанной компартией в феврале 1946 г. и ставшей платформой деятельности народной власти.

Первостепенной задачей компартия и народная власть считали проведение земельной реформы. Около 80% крестьян Северной Кореи являлись до освобождения арендаторами и полуарендаторами. Основные земельные массивы были сосредоточены в руках помещиков и японских колонизаторов.

В марте 1946 г. Временный народный комитет принял закон о земельной реформе. Она предусматривала конфискацию и безвозмездную передачу крестьянам земель, принадлежавших ранее японским империалистам, изменникам корейского народа и корейским помещикам. В распоряжение малоземельных и безземельных крестьян, а также батраков поступило 1 млн. 325 тыс. чонбо земли. В результате осуществления аграрной реформы около 725 тыс. хозяйств безземельных и малоземельных крестьян (72% всех крестьянских хозяйств Северной Кореи) и свыше 17 тыс. батраков получили землю. Кроме того, в государственный фонд поступило около 18 тыс. чонбо. На этих землях впоследствии были созданы государственные хозяйства.

Реформа осуществлялась при самом широком участии трудового крестьянства. В помощь народным комитетам на местах было создано 11 500 крестьянских комитетов. Компартия

направила в деревню тысячи рабочих, которые непосредственно участвовали в проведении реформы. Вражеские элементы, в первую очередь помещики, пытались сорвать ее. Они организовывали диверсии, саботаж, провокации, убийства активистов, запугивали крестьян. Реакционеры использовали также ошибки, которые допускались некоторыми органами власти на местах во время проведения земельной реформы. Земля подчас изымалась у лиц, которые по закону должны были ее сохранить.

Ликвидировав в сезерокорейской деревне пережитки феодализма, освободив крестьян от вековой кабалы, земельная реформа одновременно ударила и по капиталистическим элементам деревни. Так, ст. 10 закона о реформе гласила, что земли, которыми наделяются крестьяне, не могут быть проданы, сданы в аренду или отданы под залог. Было ограничено применение наемного труда. Это ослабило позиции кулаков. После реформы кулаки составляли около 2—3% крестьянских дворов вместо 6% до освобождения.

Наряду с законом о земельной реформе Временный народный комитет принял постановление о едином натуральном сельскохозяйственном налоге в размере 25% фактического сбора урожая. В дальнейшем норма натурального налога была дифференцирована и колебалась от 10 до 27% урожая.

Все эти мероприятия народной власти приобщали трудовое крестьянство к государственной и общественной деятельности, подрывали силы реакции в деревне, открывали путь подъему сельскохозяйственного производства, укреплению смычки между городом и деревней, улучшению жизни масс.

Перед народной властью встали неотложные задачи по налаживанию промышленности. Из 1034 крупных и средних предприятий Северной Кореи в августе 1945 г. 1015 бездействовали. Народные комитеты при содействии советской администрации восстанавливали разрушенные предприятия и затопленные шахты. Командование советских войск в Северной Корее издало приказ о привлечении советских специалистов, находившихся в рядах армии, к оказанию технической помощи. Советская Армия сохранила народное достоинство корейцев и передала его корейской народной власти.

В августе 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял закон о национализации промышленности, транспорта, средств связи и банков, торговых предприятий и культурных учреждений, принадлежавших японским колонизаторам и изменникам корейского народа. В результате в руках государства сосредоточилось 80% промышленного производства Северной Кореи. Народная власть вместе с тем не конфисковала средства производства, принадлежащие националь-

ной буржуазии. В октябре 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял постановление, дававшее право департаментам промышленности, торговли, земель и лесов, а также провинциальным народным комитетам продавать или сдавать в аренду частным гражданам предприятия и промыслы с числом рабочих, не превышающим 50. Банкам разрешалось предоставлять им на общих условиях краткосрочные кредиты.

Привлекая частный капитал, народная власть активно воздействовала на него, осуществляла над ним повседневный контроль. Прибыли владельцев регулировались налоговой политикой, кредитной системой, политикой цен. Профсоюзы следили за выполнением предпринимателями рабочего законодательства. Процесс преобразования мелкой и средней промышленности и торговли был длительным и требовал детальной и серьезной подготовки. Он проходил в форме постепенного вовлечения промышленников, ремесленников и торговцев в разные виды кооперативов, где они получали заработную плату сначала в зависимости от количества затраченного труда и суммы внесенного пая, а затем только в зависимости от вложенного труда.

В июне 1946 г. Временный народный комитет принял закон о труде рабочих и служащих. Устанавливался 8-часовой рабочий день, а для рабочих и служащих, занятых на работах с вредными условиями труда, — 7-часовой, для подростков от 14 до 16 лет — 6-часовой. Был установлен принцип равной оплаты за равный труд, введено социальное страхование. Среди социальных преобразований важную роль играл закон о равноправии женщин. Он гарантировал женщинам равные права с мужчинами во всех областях экономической, культурной и политической деятельности. Начались преобразования в области культуры. Развернулось наступление на неграмотность.

Проводимые в Северной Корее преобразования способствовали упрочению союза рабочего класса и трудового крестьянства, укреплению доверия к рабочему классу, коммунистам со стороны других слоев населения. Это позволило к лету 1946 г. организационно оформить сложившийся в процессе революционного преобразования общества Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ) Северной Кореи. В условиях расчлененной Кореи Единый фронт был призван с самого начала способствовать решению общенациональных задач революции — мирному воссоединению страны на демократических началах.

В августе 1946 г. произошло объединение Коммунистической партии и Новой народной партии — на этой основе была создана Трудовая партия Северной Кореи. Объединение было

призвано обеспечить дальнейшее сплочение революционных сил.

В ноябре 1946 г. состоялись выборы в народные комитеты. За кандидатов Единого фронта подали свои голоса 97% избирателей. Наибольшее число голосов получили члены Трудовой партии (57,7%).

В феврале 1947 г. первый съезд народных комитетов избрал Народное собрание в качестве высшего органа государственной власти Северной Кореи. Почти 90% его состава (как и народных комитетов) представляли рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенция. Первая сессия Народного собрания сформировала Народный комитет Северной Кореи. Таким образом, к началу 1947 г. в Северной Корее были в основном решены общедемократические, антифеодалские задачи революции.

План восстановительных работ был успешно выполнен; почти все национализированные предприятия вступили в строй. Однако предстояло еще преодолеть значительные трудности: ощущалась острая потребность в технических специалистах и квалифицированных рабочих; не хватало сырья, материалов, оборудования. Находившиеся в рядах Советской Армии в Корее специалисты различных отраслей хозяйства продолжали активно помогать корейским трудящимся овладевать профессиями, обучали и готовили кадры, передавали им свой опыт и знания. Многие важные промышленные предприятия были пущены в эксплуатацию при самой непосредственной помощи советских специалистов (Хыннамский химический комбинат, металлургические заводы в Сонниме, Хванхэ, Чончжине и др.).

В Южной Корее экономическое положение оставалось крайне тяжелым. Многие промышленные предприятия не были восстановлены, производство сокращалось.

Политика США, способствовавшая насаждению реакции и милитаризации, наталкивалась на растущее сопротивление народных масс Юга. Революционизирующее влияние на трудящихся оказывали успехи северокорейских трудящихся в строительстве новой жизни. В феврале 1946 г. на совещании демократических партий и общественных организаций Юга был создан Демократический национальный фронт, который возглавили коммунисты.

Многолюдные митинги, демонстрации происходили в Южной Корее под лозунгами осуществления таких же реформ, какие проводились на Севере. Вспыхнувшая в сентябре 1946 г. забастовка железнодорожников вылилась в крупное массовое выступление, движением были охвачены важнейшие промышленные районы Юга. В провинциях Кёнсан-намдо и Чолла-пукто происходили крестьянские волнения. В октябре

в Тэгу, а в начале ноября в Пусане восставшие установили власть народных комитетов.

В конце 1946 г. Коммунистическая партия Южной Кореи объединилась с Новой народной партией и Народной партией в Трудовую партию Южной Кореи. Хотя и после объединения условия ее деятельности оставались крайне сложными, члены Трудовой партии Южной Кореи, проявляя мужество и самоотверженность, возглавили многие крупные выступления, в частности мартовские политические забастовки 1947 г. Под их влиянием росла организованность рабочего класса. В начале 1947 г. в Южной Корее функционировал 21 отраслевой профсоюз, объединивший свыше 520 тыс. рабочих.

Видя невозможность установить свой диктат над всей страной, США взяли курс на создание в Южной Корее марионеточного буржуазно-помещичьего государства. Они отвергли советское предложение о выводе из Кореи советских и американских войск и о предоставлении корейскому народу права самому сформировать правительство; отказались от обязательств, взятых на Московском совещании министров иностранных дел, и незаконно вынесли корейский вопрос на обсуждение II сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Вопреки протестам Советского Союза Генеральная Ассамблея большинством голосов зависимых от США стран 14 ноября 1947 г. одобрила американский проект резолюции, предусматривающий проведение выборов в общекорейское собрание под наблюдением комиссии ООН. Это решение являлось вмешательством во внутренние дела корейского народа, нарушало его права и интересы. Исходя из этого, Советское правительство отказалось признать комиссию ООН по Корее.

Трудовая партия Северной Кореи созвала в конце февраля 1948 г. второй съезд. Он наметил пути дальнейшего сплочения демократических сил страны, укрепления национального фронта, важнейшего условия образования единого независимого демократического корейского государства. Съезд предложил созвать совещание представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи для выработки конкретных мер борьбы против готовящихся выборов на Юге.

Курс США на проведение сепаратных выборов вызвал мощную волну протеста. В воззвании ЕДНФ Северной Кореи указывалось, что корейский народ никогда и ни при каких условиях не согласится признать созданное под прикрытием комиссии ООН марионеточное правительство.

Во всеобщей забастовке южнокорейских рабочих в феврале — марте 1948 г. участвовало более 1 млн. человек. В отдельных сельских районах выступления крестьян против сепаратных выборов переросли в вооруженные столкновения с

полицией. В движении протеста против действий США участвовала и значительная часть мелкой городской буржуазии. На о-ве Чечжудо вспыхнуло восстание, в ходе которого были созданы народные комитеты. По всей стране происходили митинги, демонстрации протеста.

В апреле 1948 г. в Пхеньяне состоялось Объединенное совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, которое, осудив политику США, единодушно решило бойкотировать сепаратные выборы в Южной Корее. Совещание обратилось к правительствам США и СССР с просьбой об одновременном выводе войск из Кореи. Советское правительство подтвердило свое согласие вывести войска, если на это же пойдут Соединенные Штаты Америки.

Но американские империалисты не собирались покидать Корею. Несмотря на активный протест населения, они провели в мае 1948 г. в Южной Корее сепаратные выборы в законодательный орган — Национальное собрание. Выборы проводились в обстановке террора. В Сеуле и других крупных городах было введено чрезвычайное положение. В порты Инчжон и Пусан вошли военные корабли США. В августе 1948 г. Национальное собрание утвердило конституцию «республики». Было образовано правительство во главе с Ли Сын Маном.

В этих условиях на созванном в июне 1948 г. в Пхеньяне по инициативе Трудовой партии втором объединенном совещании лидеров политических партий и организаций Северной и Южной Кореи было решено провести общекорейские выборы в Верховное народное собрание и образовать единое корейское правительство. В Северной Корее выборы проводились как всенародный праздник. В южной же части страны они были конспиративными. Несмотря на террор, большинство южнокорейского населения отдало свои голоса за кандидатов Единого демократического национального фронта.

В сентябре 1948 г. в Пхеньяне открылась первая сессия Верховного народного собрания. Она провозгласила создание Корейской Народно-Демократической Республики, приняла конституцию КНДР и утвердила состав кабинета министров КНДР во главе с Ким Ир Сеном. На карте мира появилось новое суверенное демократическое государство.

Народно-освободительная война в Китае и образование КНР. После второй мировой войны китайская революция вступила в завершающий этап. С разгромом Квантунской армии была освобождена территория северо-восточной части страны, ставшая впоследствии одной из главных опорных баз освободительной борьбы китайского народа.

Разгром японских захватчиков советскими войсками, расширение и укрепление освобожденных районов в ходе гене-

рального наступления народных войск значительно упрочили демократические силы страны. К концу 1945 г. освобожденные районы охватывали почти четверть территории Китая (преимущественно на севере) с населением около 150 млн. человек. Выросли и боевые силы народных армий, значительно пополнивших свое вооружение за счет капитулировавших японских войск.

Однако и гоминьдановцам удалось с помощью американских войск укрепить свое стратегическое положение. Уже после капитуляции Японии чанкайшистское правительство на американских судах и самолетах перебросило крупные контингенты войск на север страны, заняв Шанхай, Нанкин, Бэйпин, Тяньцзинь, Гуанчжоу и другие стратегические центры. Под предлогом обеспечения капитуляции японских войск во все важнейшие порты Китая были введены американские военно-морские силы, высадились военно-воздушные и морские десанты американской армии. Это была слабо замаскированная интервенция, призванная оказать помощь гоминьдановской реакции в разгроме революции.

После капитуляции Японии в Китае разгорелась острая борьба вокруг вопроса о дальнейших перспективах развития страны. Трудящиеся во главе с рабочим классом решительно выступали за установление внутреннего мира, немедленную ликвидацию диктатуры гоминьдана и полную победу демократической революции. Реакционные силы, поддержанные империалистами США, упорно противились малейшим демократическим преобразованиям и лихорадочно готовились к гражданской войне, намереваясь вооруженным путем расправиться с революционным движением народных масс, возглавляемых Коммунистической партией. Активизировалась национальная буржуазия, имевшая значительное влияние в районах гоминьдановского господства. Поддерживая выдвинутые компартией лозунги демократизации страны, национальная буржуазия вместе с другими примыкавшими к ней промежуточными слоями резко расходилась, однако, с коммунистами во взглядах на характер и методы будущего демократического переустройства Китая.

В сложной послевоенной политической борьбе симпатии большинства народа были на стороне КПК. Однако проблема завоевания и тем более организации масс к началу послевоенного периода компартией была далеко не решена. Прочным политическим влиянием она обладала только в старых освобожденных районах; в районах, освобожденных после капитуляции Японии (с населением около 50 млн. человек), коммунисты еще не успели пустить глубоких корней. На остальной территории страны компартия почти не имела своих организаций, а существовавшие отдельные ячейки были загнаны в глу-

бокое подполье. Связи компартии с рабочими центрами за годы антияпонской войны были почти полностью утрачены. Руководство рабочим движением в гоминьдановских районах находилось преимущественно в руках Китайской ассоциации труда — легальной профсоюзной организации, в которой влияние коммунистов было незначительным. Хотя под напором масс эта организация в послевоенный период значительно полевела, установила контакты с профсоюзами освобожденных районов и возглавила смелые боевые выступления рабочих в крупнейших пролетарских центрах страны, однако отсутствие подлинно революционного руководства коммунистов все же сказывалось на ее действиях. Не был охвачен влиянием КПК и безбрежный океан крестьянской бедноты гоминьдановских районов. В то время как деятельность компартии в гоминьдановском Китае была повсеместно запрещена и она имела лишь один печатный орган в Чунцине, различные реформистские буржуазные партии и группы, с которыми гоминьдановцы заигрывали, существовали легально и пользовались некоторой свободой слова. Правда, они были весьма немногочисленны, не имели массовой базы, но все же оказывали определенное политическое влияние, особенно на мелкобуржуазные массы в городах.

Большинство китайского народа, поддерживая выдвинутый КПК лозунг образования демократического коалиционного правительства, выражало открытое недовольство режимом Чан Кай-ши, даже значительная часть национальной буржуазии перешла в оппозицию к гоминьдановскому правительству. Однако требования ликвидации гоминьдановской диктатуры не вылились еще в открытые революционные выступления. Массы, смертельно уставшие от восьмилетней антияпонской войны, рассчитывали на мирный исход борьбы; они надеялись, что чанкайшисты добровольно, не прибегая к насилию, передадут власть демократическому коалиционному правительству. Мирные настроения имели место также в народной армии, в рядах КПК.

Распространению мирных, реформистских настроений активно содействовала национальная буржуазия, предпринявшая после капитуляции Японии попытку перехватить у КПК руководство революцией и организовать самостоятельное буржуазно-демократическое движение под флагом «третьего пути». Стремясь предотвратить победу народной революции, национальная буржуазия добивалась проведения ограниченных демократических реформ на основе примирения гоминьдана с компартией при ее посредничестве. Лозунгом национальной буржуазии был некий «китайский тип демократии», долженствующий «примирить капитализм и коммунизм». Ради свержения или хотя бы ограничения власти Чан Кай-ши бур-

жуазия готова была пойти на некоторое сотрудничество с компартией, но на условиях, которые исключали бы возможность прихода коммунистов к власти.

Угроза гражданской войны, тяжелое экономическое положение в гоминьдановских районах, усиление репрессий, а также американская вооруженная интервенция вызывали глубокое возмущение в широких слоях китайского народа. Осенью 1945 г. по гоминьдановским районам прокатилась волна забастовок, античанкайшистских митингов, демонстраций. Кульминационным пунктом движения явилось выступление студентов Юго-западного университета в Куньмине, завершившееся 1 декабря расстрелом и массовым избиением забастовщиков. Массовые студенческие волнения были традиционным для Китая признаком политической активизации промежуточных сил. С этим обстоятельством гоминьдановцам приходилось серьезно считаться. Несмотря на стихийность и неорганизованность, первое послевоенное массовое выступление населения гоминьдановских районов оказало серьезное воздействие на политическую обстановку в Китае.

Протест китайского народа против гражданской войны был поддержан мировой общественностью. По настоянию правительства Советского Союза на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии, происходившем в декабре 1945 г., было принято решение, в котором отмечалась необходимость мирного объединения Китая и прекращения гражданской войны. Три державы взяли на себя обязательство придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела Китая; было достигнуто согласие «в отношении желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок». Эта дипломатическая акция Советского Союза имела большое значение для китайской революции: была сорвана прямая вооруженная интервенция США в Китае.

В сложившейся обстановке первостепенное политическое значение приобрел вопрос об ответственности за развязывание гражданской войны. Стремясь уйти от этой ответственности, реакция предприняла сложный политический маневр, предложив компартии переговоры о мире.

Со своей стороны КПК, хотя и не отвергла в принципе поиски мирного пути развития революции, но, исходя из оценки реального соотношения сил, считала гражданскую войну неизбежной. Поэтому свою главную задачу компартия видела во всесторонней подготовке к неминуемому военному столкновению с реакцией, причем основная роль в предстоявших сражениях отводилась народным армиям и населению освобожденных районов. Политическое движение масс в районах гоминьдановского господства, по мнению КПК, должно было

играть подчиненную, второстепенную роль. Иными словами, при оценке перспектив революции руководство КПК исходило прежде всего из военного варианта развития событий. Этим и определялась тактика КПК в первые переходные послевоенные месяцы, характеризовавшиеся неустойчивым равновесием политических сил.

Учитывая мирные настроения масс, компартия стремилась локализовать военные столкновения с гоминьдановской армией, максимально оттянуть развертывание военных действий в масштабах всей страны, с тем чтобы выиграть время для повышения боеспособности народных войск и укрепления их тыла в освобожденных районах, для разоблачения политических маневров реакции и завоевания на свою сторону масс. Большое значение для КПК имела в этом смысле и политическая трибуна, которую она получала в ходе переговоров о мире. Руководствуясь этими соображениями, КПК приняла вынужденное предложение гоминьдана о мирных переговорах.

Переговоры между компартией и гоминьданом продолжались с перерывами начиная с осени 1945 г. до марта 1947 г. Роль посредника на переговорах взяла на себя американская дипломатия (миссия Маршалла), фактически оказывавшая всяческую поддержку реакции. Активное участие в переговорах принимала Демократическая лига — основная партия промежуточных сил, стремившаяся стать арбитром между коммунистами и гоминьдановцами. Однако, несмотря на переговоры, военные действия между гоминьдановскими войсками и народными армиями не прекращались, хотя и носили до лета 1946 г. локальный характер. Политическая деятельность КПК в этот период характеризовалась достаточно гибким сочетанием вооруженной борьбы с использованием всех возможностей легальной работы в районе гоминьдановского господства. Но главной все же была вооруженная борьба.

Наиболее крупным событием в ходе мирных переговоров была Политическая консультативная конференция, происходившая в Чунцине 10—31 января 1946 г.

Созыв конференции для решения важнейших политических вопросов, от которых зависело будущее страны, содействовал усилению политической активности народных масс. Рабочие, учащаяся молодежь, представители интеллигенции и национальной буржуазии участвовали в собраниях и митингах, на которых обсуждались вопросы, поставленные на конференции. В ряде крупных городов центра и юга Китая — Шанхае, Чунцине, Куньмине и др. — произошли забастовки против гражданской войны и гоминьдановской диктатуры. Поддержка народных масс значительно укрепляла позиции представителей демократических сил на конференции.

31 января, после трехнедельной острой политической борь-

бы между делегациями компартии, гоминьдана и Демократической лиги, конференция приняла решения, в которых содержался конкретный план мирного перехода от гоминьдановской диктатуры к демократическому коалиционному правительству. Решения конференции, отражавшие соотношение классовых сил в стране, носили компромиссный характер. Их осуществление позволило бы сделать первые реальные шаги на пути демократизации Китая. Но центр политической борьбы все более перемещался на поля сражений. Гоминьдановская клика и не помышляла о выполнении решений Политической консультативной конференции. Состоявшийся в начале марта 1946 г. пленум ЦИК гоминьдана официально отверг решения конференции и принял курс на форсированную подготовку к гражданской войне.

В этих условиях ЦК КПК отказался от сделанной в годы антияпонской войны уступки помещикам и 4 мая 1946 г. принял решение о возвращении к политике ликвидации помещиков как класса, т. е. конфискации помещичьих земель и передаче их в собственность малоземельным и безземельным крестьянам. «Разрешение земельной проблемы в освобожденных районах, — говорилось в решении ЦК КПК, — является основной исторической задачей нашей партии в настоящее время, главным звеном всей работы». Земельная реформа, улучшая политическое и экономическое положение освобожденных районов, укрепляя тыл народных армий, в то же время резко обостряла классовую борьбу в стране и делала неминуемым широкое вооруженное столкновение в самое ближайшее время. Коммунисты проводили также усиленную военную подготовку к гражданской войне. Были расширены ряды народного ополчения и улучшено его вооружение, значительно повышена боевая подготовка регулярных войск. Огромное значение для повышения боеспособности Народно-освободительной армии имела передача ей Советской Армией японского трофейного оружия. Полученные Народно-освободительной армией трофеи только двух из трех действовавших на Востоке фронтов Советской Армии включали более 3700 орудий — минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 1200 пулеметов, около 680 различных складов, а также корабли Сунгарийской речной военной флотилии.

В июне—июле 1946 г. гоминьдановские армии развернули общее наступление против освобожденных районов в Северном Китае.

Невыгодное вначале для КПК соотношение сил на фронте в значительной мере компенсировалось общей благоприятной политической ситуацией в стране. Положение в Китае теперь сильно отличалось от обстановки, в которой действовала ки-

тайская Красная Армия в начале 30-х годов. В то время освобожденные районы были расположены в глубине Китая, за тысячи километров от Советского Союза. Но главным было отсутствие непосредственной революционной ситуации во всем Китае. Китайские коммунисты вели вооруженную борьбу в условиях спада революционной волны. Красная Армия фактически действовала в обстановке политической изоляции от пролетарских центров страны. Неблагоприятной была и международная ситуация, характеризовавшаяся наступлением фашизма и реакции; реакционным силам внутри страны помогали действия японского империализма, развернувшего с 1931 г. широкое вторжение в пределы Китая.

Теперь же, в 1946 г., Народно-освободительная армия вела борьбу совершенно в других условиях. На поле боя ей противостоял лишь один противник — гоминьдановские войска. Соединенные Штаты, приложившие максимум усилий для спасения гоминьдановского режима, в тогдашней международной обстановке все же не решились на открытую вооруженную интервенцию; на протяжении всей гражданской войны 1946—1949 гг. не было сколько-нибудь крупных непосредственных столкновений с вооруженными силами США, расположившимися на территории Китая. Еще большее значение имел тот факт, что НОА обрела теперь прочный тыл и мощную базу снабжения на Северо-Востоке: освобожденные районы на протяжении многих тысяч километров непосредственно примыкали к границам Советского Союза; общая международная ситуация также весьма благоприятствовала развитию китайской революции, сковывая наиболее агрессивные силы империализма. Решающим, однако, обстоятельством, предопределившим победу народной революции в Китае, было возникновение непосредственной революционной ситуации, которую КПК ждала и по мере сил готовила с 1927 г.

Поставив судьбу своего реакционного режима в зависимость от политической и материальной помощи США, клика Чан Кай-ши шла на все новые уступки американскому империализму, стремившемуся превратить Китай в свое колониальное владение. 4 ноября 1945 г. был подписан китайско-американский договор «О дружбе, торговле и мореплавании», образовавший правовую основу по существу неограниченного хозяйничанья американского империализма в Китае. Вместе с рядом других кабальных соглашений, заключенных гоминьдановцами в 1947—1948 гг., этот договор фактически лишал Китай национальной самостоятельности и ставил правящую гоминьдановскую клику в полную зависимость от американской военной и экономической помощи, общий размер которой за 1945—1948 гг. составил около 6 млрд. долл. В обмен на эту помощь американский империализм получал контроль над

экономикой страны и право политического вмешательства в ее внутренние дела.

Антинациональная внешняя и реакционная внутренняя политика гоминьдановской клики еще более углубила политический и экономический кризис в стране. В то время как американские монополии и гоминьдановские заправилы наживались на гражданской войне, народное хозяйство деградировало, положение трудящихся становилось невыносимым. На усиление террора народ отвечал активными политическими действиями — демонстрациями, забастовками, голодными бунтами, вооруженными восстаниями. В это движение втягивались все слои населения — рабочие, крестьяне, интеллигенция, мелкая городская буржуазия, национальная буржуазия. В авангарде движения шли рабочий класс и учащаяся молодежь, политическим руководителем, а во многих случаях и организатором движения была Коммунистическая партия Китая.

Своего наивысшего подъема массовые выступления против гоминьдановского режима достигли в первой половине 1947 г. Число забастовок превысило 3 тыс., в них участвовало 3200 тыс. рабочих основных пролетарских центров страны — Шанхая, Тяньцзиня, Уханя, Гуанчжоу, Циндао и др. Центром забастовочной борьбы был Шанхай; в 1947 г. в забастовках и трудовых конфликтах приняло участие свыше 1 млн. шанхайских рабочих.

Наивысший за всю историю китайской революции подъем переживало в 1947 г. студенческое движение. Это свидетельствовало о том, что среди мелкой и национальной буржуазии росло недовольство политикой США и гоминьдановского правительства. Иллюзии буржуазии в отношении гоминьдановского правительства и политики США начали рассеиваться. Наиболее яркими эпизодами студенческого движения были антиамериканские забастовки и демонстрации студентов в январе 1947 г. и студенческие демонстрации против голода и войны в мае—июне 1947 г.

Вспыхивают волнения городских низов. За первые пять месяцев 1947 г. в 38 городах девяти провинций гоминьдановских районов произошли голодные «рисовые бунты», в которых приняло участие более 170 тыс. человек.

Глухое брожение охватило гоминьдановскую деревню — бывали случаи неповиновения властям и даже открытые бунты. Крестьяне выступали против непосильных налогов, реквизиций и рекрутчины. Это создавало благоприятные условия для развертывания коммунистами партизанского движения в гоминьдановском тылу. В 1947 г. крестьянские партизанские отряды действовали в семнадцати провинциях. Однако партизанское движение не было массовым. К середине 1948 г. в партизанских отрядах насчитывалось всего 30 тыс. бойцов. С ору-

жием в руках поднялись против чанкайшистской тирании народы национальных окраин. Вооруженными восстаниями были охвачены Внутренняя Монголия, Сикан, Синьцзян.

Вооруженное восстание на Тайване 28 февраля 1947 г. было потоплено в крови гоминьдановскими палачами.

В Китае сложилась революционная ситуация. Вначале Коммунистическая партия, стоявшая во главе революционной борьбы китайского народа, не могла в полной мере использовать возможности этой ситуации. Перенеся на длительный период центр тяжести своей работы в глухие сельские районы, КПК создала там обширные опорные базы революции и ее ударную силу — Народно-освободительную армию, но в то же время оказалась изолированной от основных промышленных, пролетарских центров страны. Хотя после окончания антияпонской войны КПК несколько усилила свою деятельность в гоминьдановских районах, однако она не могла навестать упущенного в прошлые годы; ее работа в городах никак не отвечала требованиям обстановки и на протяжении всего периода народно-освободительной войны оставалась наиболее слабым местом партии. Поэтому революционные выступления на подвластных гоминьдану территориях, несмотря на их размах и боевое настроение масс, были разрозненными и недостаточно организованными. Путем жесточайших репрессий гоминьдановцам удалось сдержать натиск масс и предотвратить революционный взрыв в контролируемых ими районах.

Тем не менее революционный подъем в районах гоминьдановского господства подорвал главную опору режима Чан Кай-ши — его военную машину, лишил гоминьдановские войска устойчивого тыла, изолировал реакцию, создав тем самым необходимые политические предпосылки для решающих военных успехов Народно-освободительной армии.

Характерной чертой последней гражданской войны в Китае было то, что главный урон гоминьдановские войска несли не на поле боя: около двух третей всех людских потерь в первые два года войны составили сдавшиеся в плен и перешедшие на сторону НОА. По мере углубления политического кризиса гоминьдановского режима все более учащались переходы на сторону НОА целых частей и соединений во главе со своими командирами и со всем вооружением. Особенно массовым это явление стало во время решающих сражений в 1949 г.

После того как реакция развязала гражданскую войну в масштабах всей страны, КПК видела свою главную задачу в том, чтобы мобилизовать силы освобожденных районов на вооруженную борьбу против гоминьдановского режима. В директиве от 20 июля 1946 г. ЦК КПК призвал партию сосредоточить внимание на аграрной реформе и на этой основе при-

влекать на свою сторону всех возможных союзников. Аграрная реформа энергично проводилась во всех освобожденных районах при активном участии крестьянской бедноты. Одновременно расширялись ряды народного ополчения, которые вели борьбу с помещичьими бандами, прикрывали тылы НОА, вели партизанские действия в захваченных гоминьдановцами местностях. Компартия развертывала народную, по существу крестьянскую войну против гоминьдановской армии.

Опираясь на крестьянство освобожденных районов и применяя тактику маневренной партизанской войны, НОА сумела выйти из-под удара гоминьдановских войск и сохранить свою живую силу. Оправившись от временных неудач первых месяцев войны, НОА скоро перехватила инициативу в свои руки и начала понемногу теснить гоминьдановцев.

К исходу первого года войны НОА не только полностью сорвала наступление гоминьдановских войск и в основном восстановила положение, существовавшее к началу войны, но и разгромила гоминьдановский фронт, прочно овладела основными участками железнодорожных линий в Северном Китае. За год боев гоминьдановцы потеряли 1120 тыс. человек, численность же НОА возросла до 2 млн. бойцов, улучшилось ее снаряжение и вооружение за счет трофеев. Неудачи на фронте и революционный подъем в тылу гоминьдановских войск подрывали их боеспособность. Началось разложение военной машины Чан Кай-ши, созрели условия для перехода народных вооруженных сил в стратегическое наступление.

10 октября 1947 г. была опубликована декларация Народно-освободительной армии Китая, в которой был провозглашен курс на вооруженное свержение реакционного гоминьдановского режима и осуществление в полном объеме программы-минимум, принятой VII съездом КПК.

В политической области декларация предусматривала образование демократического коалиционного правительства, наказание военных преступников, предоставление национальным меньшинствам политического равноправия и прав на автономию, аннулирование кабальных договоров и проведение независимой внешней политики. В области экономики выдвигались требования конфискации бюрократического капитала и полной ликвидации помещичьего землевладения.

Эта программа КПК получила широкую поддержку в стране. В начале 1948 г. о своей солидарности с требованиями компартии и готовности поддержать вооруженную борьбу против гоминьдановского режима заявили Демократическая лига, Революционный комитет гоминьдана и другие партии национальной буржуазии. Народно-демократический единый фронт, который начал складываться в Китае после окончания второй мировой войны в ходе совместной борьбы различных

демократических сил страны против внутренней реакции и агрессии американского империализма, приобретает теперь форму прямого сотрудничества всех демократических партий Китая под непосредственным руководством КПК. В августе 1948 г. делегаты демократических партий и групп стали съезжаться в освобожденные районы, чтобы совместно с КПК подготовить созыв новой Политической консультативной конференции без участия реакционеров. Установились также активные деловые, торговые и финансовые связи с национальной буржуазией в гоминьдановских районах, особенно с наиболее богатой и влиятельной шанхайской буржуазией.

Национальная буржуазия пошла на это только после того, как окончательно убедилась в неизбежности краха чанкайшистской реакции. Она не питала иллюзий относительно намерений КПК, руководившей революцией и открыто провозгласившей своей целью построение социализма. Однако политические представители национальной буржуазии отнюдь не считали окончательно решенным вопрос о перспективах развития Китая. Они полагали, что после смены политического режима, когда перед страной во весь рост встанет проблема хозяйственного строительства, национальный капитал сумеет дать бой на экономическом фронте и если не исключить, то по крайней мере затормозить социалистическое развитие страны.

Дальнейший ход народно-освободительной войны характеризуется резким ускорением темпов революционных событий. Первоначально руководство КПК, исходя главным образом из военного варианта развития революции, планировало добиться победы через пять лет, т. е. примерно к 1952 г. Однако общенародный революционный подъем в районах гоминьдановского господства значительно ускорил развал гоминьдановского режима и позволил Народно-освободительной армии добиться решающих побед уже в начале третьего года войны.

В конце 1948 — начале 1949 г. НОА провела крупнейшие сражения, оказавшиеся решающими для исхода войны. В ходе трех операций (Ляоси-Шэньянской, Хуайхайской и Бэйпин-Тяньцзиньской) были уничтожены главные силы гоминьдановской армии, насчитывавшие более 1,5 млн. человек. После этих сражений НОА оставалось лишь добить гоминьдановскую армию и завершить освобождение Китая.

Главной опорой НОА в гражданской войне было революционное крестьянство, да и сама она почти целиком формировалась из вооруженных крестьян. Коммунистическая партия Китая также на 90% состояла из крестьян. Понятно, что, добиваясь победы в народно-освободительной войне, КПК основные усилия направляла на развертывание аграрной революции. В самый разгар вооруженной борьбы с реакцией бедней-

шее крестьянство старых освобожденных районов, несшее на себе главные тяготы войны, выдвинуло требование об уравнительном переделе земли. КПК в принципе поддержала это требование.

Поскольку сельские верхи (так называемые кулаки старого типа) в период народно-освободительной войны участвовали в борьбе против трудового крестьянства на стороне помещиков, аграрная реформа, проводившаяся в освобожденных районах, была направлена и против помещиков и против кулаков старого типа. Основной лозунг КПК по крестьянскому вопросу на завершающем этапе народно-демократической революции состоял в том, чтобы, «опираясь на бедняка, держа прочный союз с середняком, ликвидировать систему феодальной и полуфеодальной эксплуатации класса помещиков и кулаков старого типа».

В новых освобожденных районах аграрная реформа была отложена до окончания войны. Однако и здесь КПК принимала меры к тому, чтобы трудовое крестьянство немедленно получило реальную выгоду от прихода Народной армии, что достигалось главным образом путем снижения арендной платы. В то же время такое ограничение аграрных преобразований было призвано ослабить сопротивление реакции и помочь предпринимавшимся в этот период усилиям КПК максимально изолировать клику Чан Кай-ши, привлечь на свою сторону всех возможных союзников, включая даже часть высшего гоминьдановского чиновничества и генералитета.

Несколько иная политика проводилась в отношении рабочего класса. Партийным комитетам и народной администрации в освобожденных городах была дана директива заморозить заработную плату и продолжительность рабочего дня на дореволюционном уровне, «не торопиться с организацией городского населения на борьбу за проведение демократических преобразований и улучшение жизненных условий», выждать, пока «население успокоится» и «обстановка станет ясной». Иными словами, в городе был взят курс на сдерживание революционной самостоятельности масс. Лишь на Северо-Востоке Китая рабочие привлекались к более активному участию в работе военной администрации, особенно в области экономики. КПК стремилась усилить свое политическое влияние на рабочий класс, в частности путем восстановления единства профсоюзного движения. В августе 1948 г. в Харбине профсоюзы освобожденных районов совместно с Китайской ассоциацией труда, действовавшей в районах гоминьдановского господства, провели VI Всекитайский съезд профсоюзов (V съезд проходил в 1929 г.), восстановивший Всекитайскую федерацию профсоюзов. Руководящее положение в федера-

ции заняли коммунисты. Но и после этого профсоюзы далеко не всегда следовали линии, намеченной КПК. Во время гражданской войны, да и после образования КНР, профсоюзы неоднократно критиковались КПК за «экономический» уклон, выражавшийся в «чрезмерной» заботе об улучшении материального положения рабочих.

Показательно было и отношение КПК к революционной борьбе рабочего класса в гоминьдановских районах. Несмотря на режим жесточайших репрессий, гоминьдановцам не удалось остановить неудержимое нарастание революционной волны. Массовые политические выступления широчайших слоев народа в крупнейших городах страны буквально потрясали основы гоминьдановского режима. Активную роль в этой политической борьбе принимал рабочий класс гоминьдановского Китая, но роль эта была все же ограниченной. Даже на заключительном этапе гражданской войны, когда гоминьдановский режим на глазах разваливался под ударами НОА, КПК не выдвигала лозунга вооруженного восстания в городах. Это понятно. Будучи оторванной от рабочего класса, КПК не могла обеспечить должной подготовки вооруженных выступлений рабочих. Боевым рабочим дружинам, возникавшим в городах при подходе частей НОА, ставилась лишь задача охраны промышленных предприятий от разграбления и разрушения гоминьдановцами. Население гоминьдановских городов призывалось «поддерживать порядок» в ожидании прихода Народно-освободительной армии.

В течение длительного времени КПК сосредоточивала основные усилия на работе в революционных базах в деревне, преследуя цель накопить там силы, окружить города и затем завоевать их. К началу 1949 г. революционные базы уже в основном выполнили свою задачу. Вопрос о власти в масштабе всей страны был уже практически предрешен в пользу революции. Исходя из этого, второй пленум ЦК КПК, состоявшийся в начале марта 1949 г. в деревне Сибайпо близ Шицзячжуана, постановил перенести центр тяжести работы партии из деревни в город, с тем чтобы руководить деревней из города. Народно-освободительной армии была дана директива отныне в первую очередь занимать города. В связи с тем что партия длительное время была оторвана от пролетариата, на пленуме возник вопрос о социальной опоре партии в городах. Пленум отверг предложение части партийных кадров опираться не на рабочих, а на городскую бедноту или даже на буржуазию и призвал партию во всей работе в городах опираться прежде всего на рабочий класс. Однако главной опорой партии по-прежнему оставалось крестьянство.

Что касается перспектив революции, то пленум выдвинул задачу превращения Китая в социалистическую страну и на-

метил основные этапы переходного периода. Пленум поручил ЦК КПК ускорить подготовку к образованию Китайской Народной Республики.

С этой целью КПК приняла меры по организационному укреплению партии и централизации партийного и государственного руководства. Высшим органом власти в освобожденных районах был практически Народно-революционный военный совет Китая, назначенный ЦК КПК. Собственно, и сама партия носила военизированный характер, вся партийная работа строилась по армейскому образцу, нормы внутрипартийной демократии обычно не соблюдались.

Естественно, что в деятельности партии, руководившей органами власти освобожденных районов, преобладали военно-административные методы, вполне отвечавшие крестьянскому составу партии и вооруженных сил.

Лишь в старых освобожденных районах, где военные действия уже закончились и была проведена аграрная реформа, осуществлялись выборы сельских, районных и уездных конференций народных представителей и правительственных советов соответствующих ступеней. Кое-где были созданы также городские и провинциальные конференции народных представителей, избравшие городские и провинциальные народные правительственные советы.

В новых освобожденных районах вся полнота власти находилась в руках военно-контрольных комитетов, назначавшихся Народно-революционным военным советом Китая (в крупных административных районах и провинциях) или фронтовыми военными и политическими органами (в городах, уездах, волостях) и состоявших почти целиком из коммунистов. В помощь военно-контрольным комитетам в ряде крупных городов (в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Датуне, Ухане, Сиане, Цзинане, Тайюане, Бэнпу, Баодине, Чжанцзякоу) были созваны конференции представителей различных слоев населения, обладавшие совещательными функциями.

По своему классовому характеру органы народной власти в освобожденных районах до образования КНР представляли собой разновидность революционно-демократической диктатуры крестьян. Большинство в народных органах власти принадлежало представителям крестьян, хотя к участию в органах власти привлекались представители рабочих, а также городской мелкой буржуазии и национальной буржуазии. Безраздельное руководство народной властью на всех ее ступенях снизу доверху находилось в руках КПК, в основном состоявшей из прошедших военную выучку крестьян.

Важнейшей составной частью подготовки к образованию КНР было создание и развитие массовых организаций рабочего класса, трудового крестьянства и других слоев трудя-

щихся. В деревне формой массовой организации трудящихся крестьян были крестьянские союзы и народное ополчение, объединявшие многие десятки миллионов батраков, бедняков и середняков (помещичьи и кулацкие элементы в эти организации не допускались). Большинство членов крестьянских союзов и бойцов народного ополчения составляли батраки и бедняки, руководили ими коммунисты. В своей основе эти организации явились результатом революционной самостоятельности трудового крестьянства, поднятого и организованного коммунистами.

В марте—мае 1949 г. по решению КПК и под ее руководством были созданы такие массовые народные организации, как Всекитайская демократическая федерация женщин, Всекитайская федерация демократической молодежи, Новодемократический союз молодежи Китая, а также различные организации, объединявшие демократические круги интеллигенции. Однако в отличие от крестьянских союзов в демократических организациях городского населения элемент революционной самостоятельности масс был относительно слабым, создавались и работали они преимущественно по указаниям сверху.

Партия вела также напряженную борьбу за максимальную изоляцию реакции. Важным этапом этой борьбы были мирные переговоры с гоминьданом весной 1949 г. Мощный революционный подъем в гоминьдановских районах, успехи НОА и укрепление освобожденных районов, тяжелые поражения гоминьдановских войск усилили развал в лагере реакции. В чанкайшистских войсках, правительственном и партийном аппарате распространились пораженческие настроения. Многие местные милитаристы ради спасения своей шкуры стремились к мирному соглашению с коммунистами. Даже американская дипломатия не исключала возможности компромисса с КПК с помощью гоминьдановского вице-президента Ли Цзун-жэня. В этой обстановке реакция предложила коммунистам новые переговоры о мире, рассчитанные на то, чтобы спасти хотя бы остатки гибнущего гоминьдановского режима. КПК приняла это предложение, рассматривая мирные переговоры как средство дальнейшей изоляции реакции и приближения окончательной победы революции.

На состоявшихся в Бэйпине 1—15 апреля 1949 г. переговорах между делегациями гоминьдана и КПК был выработан проект мирного соглашения. В основу проекта были положены условия декларации НОА от 10 октября 1947 г. Чтобы облегчить соглашение о мирной ликвидации гоминьдановского режима, КПК выразила готовность включить в состав демократического коалиционного правительства часть «патриотически настроенных» гоминьдановских деятелей. Однако в гоминьдановских верхах победу одержали наиболее воинствен-

ные элементы, и гоминьдановское правительство отказалось подписать соглашение.

21 апреля 1949 г. войска НОА перешли в новое наступление к югу от Янцзы. 23 апреля пала гоминьдановская столица Нанкин, 27 мая был освобожден Шанхай. Развивая наступление, части НОА к осени 1949 г. освободили Центральный, Северо-Западный и значительную часть Южного и Юго-Западного Китая. Гоминьдановский режим был свергнут.

Хотя мирное соглашение было сорвано реакцией, переговоры о мире сыграли свою роль. Отдавая приказ НОА о наступлении на всех фронтах, Народно-революционный военный совет Китая объявил всем гоминьдановским местным правительствам и военным группировкам, что готов подписать с ними соглашения местного характера на основе условий, выработанных в Бэйпине. Ряд крупных гоминьдановских сановников и военачальников (Чэн Цянь, Чэн Мин-чжэнь, Тао Чжи-юе, Лу Хань и др.) приняли эти условия, обеспечив таким образом мирное освобождение провинций Хунань, Юньнань, Сикан, Синьцзян. Многие из этих гоминьдановских деятелей получили затем видные посты в правительстве КНР. На заключительном этапе войны и в первое время после образования КНР низовой гоминьдановский административный, судебный и хозяйственный аппарат продолжал исправно функционировать под контролем НОА. Основная масса низшего и частично среднего гоминьдановского чиновничества, была принята на службу народной власти. Широко привлекались к работе в органах народной власти и представители национальной буржуазии. Таким образом, социальная база народной власти по сравнению с начальным периодом гражданской войны значительно расширилась, хотя основу ее по-прежнему составляли крестьяне.

21 сентября 1949 г. в Пекине открылась сессия Народной политической консультативной конференции Китая. Она явилась организационной формой народно-демократического единого фронта трудового крестьянства, рабочего класса, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и прочих патриотических элементов во главе с коммунистами.

На сессии единогласно были приняты организационный статут Народной политической консультативной конференции Китая, Закон об организации Центрального народного правительства Китайской Народной Республики, а также решения о столице, гимне и флаге КНР. НПКК была признана организационной формой единого фронта. Всекитайский комитет НПКК стал постоянным рабочим органом единого фронта. В Законе об организации Центрального народного правительства КНР были определены классовый характер, политическая основа и организационная структура власти.

Сессия приняла также Общую программу НПКК, которая до выработки Конституции КНР выполняла одновременно роль основного закона КНР. В последний день работы, 30 сентября 1949 г., НПКК избрала свой Всекитайский комитет и Центральное народное правительство КНР во главе с Мао Цзэ-дуном. В Центральном народном правительственном совете Коммунистическая партия Китая получила 33 места из 63. 1 октября 1949 г. на многотысячном торжественном митинге в Пекине, на площади Тяньаньмынь, была оглашена Декларация Центрального народного правительства о создании Китайской Народной Республики. На следующий день после провозглашения КНР она была признана Советским Союзом, который установил с ней дипломатические отношения. Затем последовало признание КНР всеми народно-демократическими странами Европы и Азии.

С первого дня существования Китайская Народная Республика получила могучую братскую поддержку СССР, всего социалистического содружества в борьбе против империалистической агрессии, за восстановление и развитие народного хозяйства и утверждение новых общественных отношений. Перед Китаем открывался путь к социализму.

Образование новых государств в Юго-Восточной Азии

Капитуляция японского милитаризма создала своего рода междувластие в большинстве стран Юго-Восточной Азии. В этой обстановке встал вопрос: кто быстрее — оккупационные органы держав-победительниц или консолидировавшиеся национально-государственные органы — перехватит инициативу и заполнит тот «вакуум» власти, который образовался в Юго-Восточной Азии после капитуляции японских войск. Впрочем, этот «вакуум» был предельно краткосрочен, ибо освободительные силы продемонстрировали поразительную способность к созидательному государственному творчеству. В сложившейся обстановке иностранная оккупация незамедлительно перерастала в интервенцию.

Образование Республики Индонезии. К концу второй мировой войны в захваченной Японией Индонезии складывалась революционная ситуация. Японская оккупация привела страну к экономической разрухе и тяжелым лишениям. В стране развернулось антияпонское движение, выражавшееся в актах саботажа, крестьянских и солдатских восстаниях, активной деятельности подпольных организаций. Даже те слои населения, которые в первые месяцы оккупации сочувствовали японцам, вливались в ряды национально-освободительного движе-

ния. Образовался широкий национальный фронт в борьбе против иностранного империализма. Требование независимости Индонезии стало всеобщим.

Японские власти наряду с репрессивными мерами охотно прибегали к демагогии, надеясь мелкими уступками привлечь к сотрудничеству определенные слои населения. Эту политику оккупантов нередко использовали в своих интересах лидеры национально-освободительного движения. 1 января 1945 г. было разрешено создать Исследовательский комитет по подготовке независимости, который должен был выработать проект конституции индонезийского государства. Сукарно воспользовался представившейся возможностью и 1 июня 1945 г. на заседании первой конференции комитета выступил с речью, известной под названием «Рождение Панча Сила». В ней были сформулированы идеи независимости и национального объединения индонезийского народа, провозглашены пять принципов, на которых должно быть основано суверенное государство Индонезии: национализм (единое национальное независимое государство), гуманизм (равноправие, независимость и сотрудничество всех наций), демократизм, социальная справедливость (т. е. политическое и экономическое равенство), вера в бога (понимаемая как свобода совести и убеждений). Впоследствии эти принципы легли в основу мархаэнизма (от «мархаэн» — простой народ) — официальной идеологии Национальной партии Индонезии. 17 августа 1945 г. через три дня после капитуляции Японии была провозглашена независимость Индонезии.

Августовская революция была революцией единого национального фронта. В ней принимали участие рабочие, крестьяне, национальная интеллигенция, мелкая буржуазия города и деревни, национальная буржуазия, патриотически настроенные слои помещиков. Руководство революцией осуществлялось выходцами из мелкобуржуазных и служилых слоев города и состоятельных верхов деревни. В период японской оккупации, работая легально, они проникали на предприятия, плантации и в воинские формирования, созданные японцами из индонезийской молодежи. Это способствовало налаживанию контактов с народными массами и укреплению влияния национально-буржуазных элементов. Однако они не были безраздельным гегемоном революции.

Индонезийский рабочий класс был старше национальной буржуазии. Он сформировался главным образом на иностранных предприятиях. Его классовая борьба была одновременно и общенациональной антиколониальной борьбой против империалистов. Но рабочий класс не смог единолично возглавить революцию, так как его авангард — Коммунистическая партия, разгромленная в 1926 г., в течение длительного времени вы-

нужденная работать в глубоком подполье, была изолирована и не смогла наладить контакты с широкими массами народа. Ее связи с международным рабочим и коммунистическим движением были крайне затруднены. Поэтому партия была слаба идеологически, политически и организационно. Она не усвоила в достаточной мере теории марксизма-ленинизма, не выработала творческого подхода к конкретно-историческим условиям развития индонезийского общества, не имела развернутой программы борьбы, четко определявшей стратегию и тактику и содержавшей правильные лозунги.

После провозглашения независимости страны различные группировки начали создавать свои партии и организации. Самой крупной партией была в то время Машуми (Консультативный совет мусульман Индонезии), образованная в ноябре 1945 г. В нее входили как целые организации, так и индивидуальные члены, исповедовавшие ислам и выступавшие за создание теократического государства. Религия объединила в рядах Машуми помещиков и крестьян, крупных компрадоров и национальную буржуазию, предпринимателей и рабочих, ростовщиков и арендаторов. Политику партии определяло ее весьма консервативное руководство, а оно в большинстве своем стремилось к тесному сотрудничеству с иностранным империализмом.

Другой крупной партией была Национальная партия Индонезии, которая выражала интересы мелкой и средней национальной буржуазии, выступавшей за свержение империалистического гнета. Она объявила себя связанной с жизнью простого народа (мархаэна) и выступила за организацию общества, основанного на взаимопомощи. В доктрине партии — мархаэнизме — были сильны элементы мелкобуржуазного демократизма. Партия даже осуждала капитализм, как таковой, ибо он создает «угнетение человека человеком» и «порождает империализм, который несет за собой колониализм».

Рабочий класс имел не одну, а три параллельно действовавшие партии. Несмотря на новые условия, сложившиеся после провозглашения независимости, КПИ продолжала оставаться на нелегальном положении. Легально существовали Рабочая партия во главе с Сетиаджитом, Социалистическая партия Индонезии во главе с Амиром Шарифуддином и КПИ. Все три партии в ноябре 1945 г. составили «левое крыло», которое впоследствии получило название «Народно-демократический фронт».

Социалистическая партия Индонезии в декабре 1946 г. объединилась с немногочисленной Народно-социалистической партией правого социалиста Сутана Шарира, которая выиграла от такого объединения, получив в парламенте голоса «левого крыла». А Социалистическую партию Индонезии такое объ-

единение ослабляло в политическом, идеологическом и организационном отношениях. Таким образом, Социалистическая партия Индонезии пошла на объединение с правосоциалистической партией Сутана Шарира, не уделяя в то же время должного внимания работе среди крестьян и проводя сектантскую политику в отношении национальной буржуазии.

В ноябре 1946 г. организовался крупнейший профсоюзный центр страны СОБСИ (Центральная всеиндонезийская организация рабочих). В рядах СОБСИ в 1947 г. насчитывалось полтора миллиона человек. Профцентр примыкал к «левому крылу». И все же «левое крыло» не являлось организационным оформлением единого национального фронта, прежде всего потому, что в нем не участвовал самый многочисленный класс индонезийского общества — многомиллионное крестьянство. В ноябре 1945 г. возникла крестьянская организация БТИ («Барисан тани Индонесиа»), но в то время по своему составу она была неоднородна (в нее входили даже помещики).

В августе 1945 г. вступила в силу временная конституция, закрепившая демократизм и единство только что родившейся «республики островов». Были созданы органы исполнительной и законодательной власти: Центральный национальный комитет, который стал выполнять функции парламента, избраны президент и вице-президент, сформировано правительство, в котором участвовали представители основных сил революции. Однако с первых же дней образования независимого государства индонезийскому народу пришлось столкнуться с немалыми трудностями в организации и защите Республики Индонезии.

Завоевание Бирмой независимости. К 1945 г. в Бирме, как и в Индонезии, сложились объективные и субъективные условия, благоприятные для осуществления национально-освободительной революции. Еще летом 1944 г. была создана усилиями бирманских коммунистов, социалистов и командования Национальной армии Бирмы (НАБ) во главе с Аун Саном Антифашистская лига народной свободы (АЛНС). Впоследствии в АЛНС вошли также некоторые буржуазные группировки, массовые организации рабочих, крестьян, интеллигенции, буддийского духовенства, национальных меньшинств.

В результате объединения под общим флагом различных патриотических сил АЛНС с момента ее создания стала эффективным центром руководства движением Сопротивления, начатого коммунистами, и первым в истории страны единым общенациональным антиимпериалистическим фронтом, в котором преобладали левые революционные силы, представляющие рабочих, крестьян, мелкобуржуазные элементы города и отчасти национальную буржуазию. О большом влиянии и роли

марксистских сил в АЛНС в лице КПБ уже говорилось. Забегая вперед, отметим, что КПБ в июле 1945 г. вышла из подполья и впервые в своей истории собралась в легальных условиях на свой второй съезд. Это еще больше упрочило позиции коммунистов в массах и АЛНС. Что касается НРП, принявшей в сентябре 1945 г. название Социалистической партии (СПБ), то она также заняла видное место в АЛНС. В программе СПБ указывалось, что ее политической идеологией является марксизм, применительно к Бирме. Многие командиры НАБ были коммунистами, социалистами или сочувствовали им. Этим в большой мере и определялся революционный и народный характер армии. В целом же сама АЛНС стала организацией самых широких народных масс. В мае 1945 г. она насчитывала в своих рядах уже около 200 тыс. членов. Все это, вместе взятое, и предопределило большой успех национального восстания 27 марта 1945 г., возглавленного АЛНС.

1 мая 1945 г. вооруженные силы АЛНС освободили столицу страны Рангун, куда лишь через два дня вошли союзные войска. После этого в течение четырех месяцев была освобождена вся страна. Большую роль вооруженных сил АЛНС в освобождении Бирмы от японских оккупантов вынуждено было признать даже английское командование. В ходе освобождения в стране сложилось своеобразное двоевластие: власть британской военной администрации и власть Антифашистской лиги народной свободы, опирающейся на поддержку народа.

Казалось бы, что англичане должны считаться с новой обстановкой, сложившейся в стране, прежде всего с наличием мощной и влиятельной АЛНС, располагавшей собственной армией и опытом вооруженной борьбы, с небывалым патриотическим подъемом, охватившим все слои населения, с политической активностью рабочего класса и крестьянства, а также с тем, что органы Лиги в ряде районов страны имели реальную власть, признаваемую народом. Однако английский империализм, упорно игнорируя происшедшие перемены, взял курс на реставрацию довоенных порядков. Согласно «Белой книге», опубликованной в мае 1945 г., в Бирме устанавливалась английская военная администрация, а затем гражданское управление, в котором вся полнота власти принадлежала английскому губернатору, а исполнительный совет при нем являлся чисто совещательным органом. Даже на статус доминиона Бирма могла рассчитывать лишь в неопределенном будущем. Англичане отказались признавать за руководством АЛНС, фактически выполнявшим функции Временного национального правительства, право представлять страну. Они отвергли также требование Лиги (16 мая 1945 г.) об участии НАБ в антияпонской войне как самостоятельной воинской

единицы. Английское командование добивалось роспуска НАБ и сдачи оружия. При этом только незначительная ее часть была включена в английскую армию. Когда в октябре 1945 г. английская военная администрация была заменена гражданской, было отвергнуто требование АЛНС о предоставлении ее представителям большинства мест в Исполнительном совете при губернаторе.

Бирманский народ выступил против реставрации худших времен колониализма со всей решительностью. По призыву АЛНС по всей стране развернулась кампания протестов, митингов, демонстраций.

Патриоты требовали изгнать из Исполнительного совета ставленников английского губернатора и сформировать его из представителей АЛНС; предоставить совету права Временного национального правительства; провести всеобщие выборы в Учредительное собрание; улучшить материальное положение трудящихся и признать права всех национальностей Бирмы на самоопределение. В стране начался общий подъем рабочего и крестьянского движения. Активизировалась в легальных условиях деятельность Всебирманского конгресса профсоюзов и Всебирманской крестьянской организации, вошедших в АЛНС и руководимых коммунистами. Антифашистская лига народной свободы приступила к созданию полувоенной Народно-добровольческой организации (НДО) во главе с Аун Саном. НДО, сформировавшаяся из кадров распущенной англичанами НАБ и бывших партизан, вскоре стала военной опорой АЛНС.

Важную роль в мобилизации масс на решительную борьбу сыграл первый съезд Антифашистской лиги народной свободы в январе 1946 г. Историческое значение этого съезда прежде всего в том, что он четко сформулировал задачу достижения Бирмой полной независимости. Съезд выступил за созыв Учредительного собрания, выработку конституции независимой Бирмы, национализацию английской собственности в промышленности, передачу земли тем, кто ее обрабатывает. Президент АЛНС Аун Сан в докладе съезду подчеркнул решающую роль народных масс в борьбе за независимость. В своей речи он выразил восхищение «мощью и доблестью» Советского Союза, его «великой ролью» в победе над фашизмом, а также тем, «как эта великая страна социализма отстаивает дело зависимых и колониальных народов». Успех съезда обеспечивался благодаря единству в рядах АЛНС по коренным вопросам политики и тактики в борьбе за независимость, благодаря сотрудничеству коммунистов и социалистов в этой борьбе под знаменем АЛНС, несмотря на расхождения в идеологии.

Однако, к сожалению, вскоре после съезда АЛНС произошел раскол в КПБ. Состоявшийся в марте 1946 г. пленум ЦК

КПБ единодушно осудил линию второго съезда партии, ориентировавшую на мирное развитие национально-освободительной революции, как линию оппортунистическую. Но на пленуме возникли разногласия по организационному вопросу. Бывший генеральный секретарь партии (до второго съезда) Такин Со добивался своего единовластия в партии, обвинив послесъездовское руководство в оппортунизме. Когда большинство опровергло это притязание Такина Со, он вышел из партии и объявил о создании параллельной компартии под названием КПБ («Красный флаг»). На его сторону перешли всего 7 членов ЦК КПБ из 31.

Как показали последующие события, раскол в КПБ произошел на самом деле по коренным вопросам политики и тактики партии. КПБ в подавляющем своем большинстве не поддерживала сектанта Такина Со, призывавшего на разрыв с АЛНС и даже на борьбу с ней, как организацией сплошь буржуазной и соглашательской. Коммунистическая партия Бирмы — с того времени в литературе часто встречается под названием КПБ («Белый флаг») — осталась в рядах АЛНС и продолжала играть в ней большую роль. Один из ее руководителей, Такин Тан Тун, работал по-прежнему генеральным секретарем лиги. Организация «Красный флаг» вскоре ушла в подполье и начала самостоятельную вооруженную борьбу. Это был удар не по английскому империализму, а по единству патриотических сил Бирмы. Под влиянием «Красного флага» начался раскол в рабочих и крестьянских организациях.

Хотя большинство коммунистов остались в рядах АЛНС и продолжали борьбу за ее единство, раскол компартии явился серьезным ударом по коммунистическому движению и в целом по освободительной революции в Бирме. Уходом «Красного флага» в подполье и объявлением им войны всем своим идейным противникам воспользовались прежде всего империалисты. Под предлогом «восстановления законности и порядка» они начали разоружать бойцов НДО, проводить массовые аресты: весной и летом 1946 г. в тюрьмы было брошено более 22 тыс. патриотов, в том числе 600 видных политических деятелей. Были начаты провокационные расследования по «выявлению преступности» бывших солдат и офицеров НАБ в годы японской оккупации. В июле 1946 г. английский генерал-губернатор объявил вне закона организации «Красного флага». Попытка компартии «Белого флага» протестовать против этой репрессивной меры и привлечь к движению протеста АЛНС не увенчалась успехом в связи с общим ослаблением после раскола компартии влияния и авторитета коммунистов в АЛНС и массовых организациях трудящихся. Обострились отношения между коммунистами и другими группировками

внутри АЛНС. В результате в августе 1946 г. Такин Тан Тун был заменен на посту генерального секретаря АЛНС социалистом У Чжо Ньейном.

Тем не менее подъем национально-освободительного движения продолжался. Деревня бурлила. Неповиновение крестьян властям и помещикам стало повсеместным. Члены ГДО, возмущаясь ограничением их деятельности колониальными властями, открыто проводили военные учения, бросая вызов колонизаторам. 26 июля 1946 г., в «день борьбы против репрессий правительства», в Рангуне состоялась 20-тысячная демонстрация, возглавленная рабочими порта. Обстановка для колонизаторов стала столь угрожающей, что некоторые английские капиталисты даже тайно готовились к бегству из Бирмы. В сентябре 1946 г. началась всеобщая политическая забастовка, парализовавшая все отрасли промышленности и транспорта. В ней приняли участие также служащие государственных учреждений и части гражданской полиции. Охрану порядка обеспечивали отряды НДО.

Организованность и дисциплинированность участников забастовки, единодушие, с которым выдвигались антиимпериалистические и антифеодальные требования во время многочисленных митингов и демонстраций, крестьянских сходок, собраний рабочих и служащих, заставили правительство Англии пойти на уступки. Губернатор Ранс в сентябре 1946 г. сформировал новый Исполнительный совет, куда вошли и лидеры АЛНС во главе с Аун Саном. Но это не изменило статуса Совета. Он не мог выполнять функций Временного национального правительства. Губернатор, он же председатель Совета, сохранил права вето. Вскоре Совет санкционировал разгон забастовок и демонстраций. Начались репрессии против профсоюзов, руководимых прежде всего коммунистами. Это привело к обострению конфликта между компартией и руководством АЛНС, представители которой в Исполнительном совете фактически делили ответственность за подавление забастовок. Коммунисты и до этого выступали с публичной критикой действий руководства АЛНС и лично Аун Сана, требуя немедленного превращения Исполнительного совета в национальное правительство. Без выполнения этих условий компартия считала вхождение в Исполнительный совет проявлением соглашательства с империализмом. Разумеется, после подавления забастовки критика компартии в адрес руководства АЛНС стала особенно резкой. Дальнейшее нарастание конфликта привело к исключению компартии из АЛНС в октябре 1946 г.

Раскол АЛНС не только ослабил национально-освободительное движение, но и способствовал поправлению руководства АЛНС. Преобладающее значение в АЛНС после исклю-

чения коммунистов получила Социалистическая партия, в которой наряду с революционной тенденцией (антиимпериалистической) стала развиваться и тенденция соглашательская, антикоммунистическая. Используя лозунг «творчески применяемого» марксизма и стихийную симпатию масс к социализму, Социалистическая партия стала повсеместно создавать под своим контролем рабочие и крестьянские союзы, противопоставляя их соответствующим организациям коммунистов. Это обстоятельство, а также обещание социальных реформ, рост авторитета АЛНС в массах и отсутствие единства в рядах коммунистов позволили социалистам укрепить свои позиции в массах. Кроме того, на позиции АЛНС к этому времени стали отрицательно сказываться колебания различного рода буржуазных и помещичьих группировок, ранее стоявших в стороне от национально-освободительной борьбы, но решивших примкнуть к АЛНС в момент наивысшего подъема с целью воспользоваться плодами будущей победы.

Тем не менее руководство АЛНС по-прежнему настаивало и решительно требовало независимости. В декабре 1946 г. правительство лейбористов было вынуждено заявить о своем согласии вести переговоры с Исполнительным советом о статусе Бирмы в рамках британского содружества. Переговоры Эттли с делегацией Исполнительного совета во главе с Аун Саном происходили в Лондоне и завершились подписанием 27 января 1947 г. соглашения о предоставлении Бирме права самой решить вопрос о своем политическом статусе. Но соглашение содержало ряд оговорок в пользу сохранения английских позиций в Бирме, особенно в районах меньшинств. Англия рассчитывала на раскол Бирмы, если она откажется от статуса доминиона. Однако конференция представителей большинства народностей Бирмы, созванная в феврале 1947 г. в Панлоне, высказалась за вхождение этих народностей в состав бирманского независимого государства. Тем самым был нанесен решительный удар по планам английского империализма в Бирме. Новой победой патриотических сил явились выборы в Учредительное собрание в апреле 1947 г. АЛНС и поддерживавшие ее организации получили 194 мандата из 210. КПБ, также оказавшая поддержку АЛНС, получила 7 мандатов. Однако контакты между АЛНС и компартией в тот период не привели к их сближению как из-за сопротивления АЛНС, так и ввиду недооценки КПБ январского соглашения 1947 г., санкционировавшего выборы в Учредительное собрание.

На конференции АЛНС 19—23 мая 1947 г. Аун Сан подчеркнул необходимость сплочения всех патриотических сил независимо от их национальной, партийной и религиозной принадлежности. Он выдвинул тезис о необходимости сочетать

мирные и немирные формы борьбы; а также требование национализации иностранной собственности, создания общественного сектора в промышленности, ограничения частного предпринимательства, полной передачи земли государству и крестьянским кооперативам. «Только таким путем и как можно скорее преодолев капитализм, — говорил Аун Сан, — мы можем установить истинную демократию». Для этого он предлагал создать новый государственный аппарат, отвечающий интересам всех трудовых слоев. Конференция выступила в защиту права наций на самоопределение, за мирное урегулирование международных отношений, за «ниспровержение мирового империализма» и широкий план мероприятий по восстановлению бирманской экономики.

9 июня 1947 г. Учредительное собрание одобрило резолюции конференции АЛНС, а 16 июня приняло решение о провозглашении независимости Бирмы с выходом из Британского содружества наций. Тем самым рухнули планы Англии сохранить «традиционные» политические связи с Бирмой. Словно предостерегая империалистов от возможной попытки обратить вспять ход событий с помощью какой-либо авантюры, Аун Сан заявил на заседании Учредительного собрания, что кроме мирного пути «есть еще насильственный путь» и что «никакая сила не может заставить Бирму отказаться от своих целей». На массовом митинге 13 июля 1947 г. он снова указал на необходимость ликвидации старого государственного аппарата и замены его новым, защищающим интересы народа. При этом он напомнил историю Советского Союза в первые годы после Октября.

В ответ на это озлобленная реакция и империалистическая агентура прибегли к политическому террору. 19 июля 1947 г. вооруженные бандиты ворвались в зал заседаний Исполнительного совета и в упор расстреляли Аун Сана и шесть других руководителей АЛНС. Убийцы оказались наймитами крайне правого политического деятеля У Со, богатого помещика и известного коллаборациониста, готового из карьеристских соображений на любое преступление.

Гибель Аун Сана, выдающегося и популярного вождя национально-освободительной борьбы, убежденного революционного демократа, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в массах, была большой потерей для бирманского народа. Однако ожидавшихся колонизаторами растерянности и беспорядков бирманцы не допустили. Похороны Аун Сана и его товарищей 20 июля 1947 г. вылились в грандиозную политическую манифестацию с участием 100 тыс. человек. Компартия Бирмы, решительно осудившая преступление реакции, выступила за восстановление единства антиимпериалистического движения. Проявленная рабочими и крестьянскими

союзами готовность бороться против всех попыток империалистов использовать гибель Аун Сана для протаскивания своих планов вынудила колонизаторов к отступлению. Кабинет Эттли 24 июля признал за Исполнительным советом права Временного национального правительства. При этом, очевидно, учитывалось то обстоятельство, что у руководства Исполнительным советом и АЛНС после смерти Аун Сана стали более правые лидеры, такие, как спикер Учредительного собрания Такин Ну, связанные с буржуазно-клерикальными кругами интеллигенции, генеральный секретарь АЛНС правый социалист У Чжо Ньейн и др.

24 сентября 1947 г. Учредительное собрание утвердило конституцию независимого Бирманского Союза. 17 октября 1947 г. Эттли и Такин Ну, сменивший Аун Сана на посту главы АЛНС, подписали договор о передаче всей власти в руки национального правительства Бирмы. 10 декабря того же года английский парламент, несмотря на яростное сопротивление консервативной оппозиции, был вынужден утвердить этот договор. Независимость Бирмы была официально провозглашена 4 января 1948 г. Тем самым национально-освободительная революция бирманского народа завершилась победой.

Однако по договору Ну — Эттли Англия все еще сохраняла свои некоторые привилегии в Бирме. Под ее контролем остались вопросы обороны и финансов. Договор гарантировал и неприкосновенность английской собственности в стране.

Бирме потребовалось немало усилий и времени, чтобы освободиться из-под контроля Англии и ослабить ее позиции в экономической жизни страны. Они были подорваны только после прихода к власти Революционного совета Бирмы в 1962 г.

В целом же было бы, однако, неправильно недооценивать значение договора от 17 октября 1947 г., положившего начало завоеванию Бирмой политической независимости. Следует подчеркнуть, что Бирма явилась первой британской колонией, которая решительно отвергла статус доминиона и порвала с Британским содружеством наций. Перед Бирмой открылись большие перспективы для самостоятельного развития. Этому способствовала как международная обстановка, сложившаяся после второй мировой войны, так и внутренняя расстановка классовых и политических сил. Решающую роль в борьбе за независимость сыграл сам бирманский народ, его рабочий класс и крестьянство.

Провозглашение независимости Филиппин. На Филиппинах, где к моменту высадки первых американских десантов в январе 1945 г. партизаны Хукбалахап освободили от японцев значительную территорию, после окончания войны сложилась исключительно напряженная ситуация. Экономическое поло-

жение страны было крайне тяжелым вследствие огромного ущерба, нанесенного народному хозяйству японской оккупацией и военными действиями. В ряде районов свирепствовал голод. Вернувшиеся на архипелаг американские колонизаторы всячески стремились восстановить свою прежнюю опору в лице помещиков и крупных дельцов, объявив о «реабилитации» всех сотрудничавших с японцами коллаборационистов, связанных с этими паразитическими слоями. Вместе с тем в стране ширилось массовое антиимпериалистическое движение, росло влияние компартии: коммунисты завоевали сильные позиции в Национальном крестьянском союзе, насчитывавшем 300 тыс. членов, и Конгрессе рабочих организаций, в котором было 100 тыс. членов. В сентябре 1945 г. в связи с окончанием войны Хукбалахап объявила о самороспуске, но ее участники сохранили оружие, создав Лигу ветеранов Хукбалахап. Еще раньше, в июне 1945 г., был создан Демократический альянс, в который вошли компартия, Хукбалахап, Национальный крестьянский союз, Конгресс рабочих организаций и ряд буржуазно-патриотических группировок. Программа альянса предусматривала достижение полной политической и экономической независимости, индустриализацию страны, осуществление аграрной реформы, уважение демократических свобод и наказание коллаборационистов.

Подъем патриотического движения не позволил империалистам США отказаться от предоставления обещанной Филиппинам в 1934 г. независимости. Волна многотысячных митингов и демонстраций протеста, провозглашение независимости в соседней Индонезии и наличие в лице ветеранов Хукбалахап революционных вооруженных сил вынудили колонизаторов выполнить обещанное: они обязались передать всю полноту власти в руки национального правительства после апрельских выборов 1946 г.

Но фактически США приложили все силы к тому, чтобы независимость Филиппин была чистой формальностью. Прибегая к демагогии и насилию, они добились избрания президентом Филиппин своего ставленника Рохаса, во время оккупации сотрудничавшего с японцами. Все депутаты от Демократического альянса были лишены своих мандатов. Только после этого 4 июля 1946 г. было объявлено об упразднении суверенитета США над Филиппинами. Однако практически США сохранили почти все главные позиции на архипелаге. Они заставили Рохаса заключить в 1946 г. договор, освобождавший американские товары от пошлин и устанавливавший контроль США над филиппинской валютой, а также договоры, отдававшие филиппинскую армию в руки американских советников и предоставлявшие США право иметь военные базы на Филиппинах в течение 99 лет. В конституцию республики была

внесена поправка, по которой граждане США уравнивались с филиппинцами в правах на эксплуатацию природных ресурсов и коммунальных предприятий.

Независимость Филиппин оказалась в значительной мере фикцией. Последующая политика буржуазно-помещичьей верхушки страны, характеризовавшаяся проамериканским курсом на международной арене и оголтелым антикоммунизмом внутри страны, служит наглядным тому подтверждением.

* * *

Таким образом, сразу же после разгрома Японии в странах, полностью или частично оккупированных ею, начался процесс образования новых государств или новых, народных органов власти. Уже само это обстоятельство убедительно свидетельствует, что колониальные режимы были исторически изжившей себя формой власти, а их восстановление встретилося с отпором совершенно иного масштаба, чем то сопротивление, которое оказывали местные феодальные правители в период колониального раздела мира. Длительные освободительные войны с участием или под руководством коммунистов пугали стратегов США и Англии, к тому же Англия была очень ослаблена войной. Они означали бы такое отвлечение и расщедоточение их военной мощи, которое поставило бы под сомнение их способность осуществлять свои империалистические цели. США и Англия предполагали, что смогут превратить в фикцию национальные суверенитеты. Поэтому, если исключить Малайю, где интересы английских монополий были особенно велики, Англия предпочитала во второй половине 50-х годов удерживать Юго-Восточную Азию в сфере империализма при посредстве вооруженных сил Франции и Нидерландов или местных реакционных режимов. Не последнее значение имели и давние противоречия между США и Англией, в том числе и на колониальной периферии, где Англия десятилетия сохраняла господствующее положение, не допуская США. Последние были заинтересованы в разрушении английской колониальной монополии и в утверждении своего неокOLONиалистского преобладания, основанного на косвенных формах, главным образом экономического господства.

Ликвидация колониальных и зависимых режимов в Южной Азии

Успехи народной революции в Китае, образование КНДР, ДРВ, освободительная война народов Индонезии и Малайи ограничивали возможности английского империализма воору-

женным путем противостоять растущим национально-освободительным силам во всех районах Британской империи. Наряду с применением военно-полицейских мер и жестокого колониального курса в Юго-Восточной Азии британские правящие круги склонялись к политическому маневру в странах Южной Азии, к поискам «мирного» пути послевоенного урегулирования в Индии и на Цейлоне.

Раздел Индии и образование на ее территории двух независимых государств. Вторая мировая война вызвала глубокие изменения в экономической и социальной жизни индийского народа. Общее понижение жизненного уровня трудового населения, голод, охвативший обширные районы и унесший миллионы жизней, потери на фронтах — все эти тяжкие последствия войны не могли не сказаться на настроениях и чувствах народа. И все же не эти страдания, которых и раньше было так много в жизни народов Индии, определили появление новых черт в национальном, социальном и религиозном мировоззрении рядового индийца и ускорили созревание объективных предпосылок освободительной революции.

Если прошлые войны британских хозяев лишь подтвердили в глазах их индийских подданных давнюю истину о непобедимости империи, то последняя война, поглотив британские и прочие европейские колонии в Юго-Восточной Азии, вплотную подошла к пределам Индии. Не меньшее впечатление произвели на сознание индийцев мужество и военная выучка индийских солдат, которые не только прославили себя на далеких фронтах Северной Африки и Италии, но и внесли весомый вклад в победу над агрессором на границах родины. Весь ход войны свидетельствовал, что Британская империя уже не принадлежит к мировым силам, определяющим ход истории. Перед индийским общественным мнением с особой убедительностью предстала политическая, военная и экономическая мощь страны социализма, впервые остановившей, а затем опрокинувшей фашистскую агрессию. Очевидным становилась для индийцев и преобладающая роль США в западном мире. Превращение Советского Союза и Соединенных Штатов в державы, от которых зависели послевоенные судьбы человечества, по-разному воспринималось в различных слоях индийского населения, но для каждого мыслящего индийца было ясно, что исторические сроки Британской империи, а вместе с ней и колониального режима в Индии сочтены. Речь могла идти лишь о том или ином пути национального освобождения и будущем статусе суверенного государства.

Массовые аресты, проведенные среди руководителей Национального конгресса к осени 1942 г., введение в Индию английских и американских войск, выполнявших оккупационные функции, суровый полицейский режим сдерживали про-

явление, но не накопление социального недовольства. Напротив, тяготы войны не могли не ускорить этого последнего процесса, хотя он проходил неравномерно в разных районах Индии. С наибольшей силой последствия войны обрушились на экономику и социальную структуру Бенгалии. Голод 1942—1943 гг. не только унес миллионы жизней, но и разорил собственнические слои крестьян, еще более усилил позиции крупных землевладельцев (заминдаров) и спекулянтов. Города Бенгалии, особенно Калькутта, оказались переполненными голодающими крестьянами, которые, продав свои владельческие права на землю, уже не могли вернуться к ней. Социальные и политические последствия голода и по сей день налагают свой отпечаток на общественную жизнь Бенгалии, а в первые послевоенные годы они во многом непосредственно воздействовали на ход событий.

Земля крестьян-мусульман нередко переходила в руки индусов — помещиков и ростовщиков. В городе бенгальский крестьянин становился жертвой дельцов, среди которых было немало небенгальцев. Так складывалась обстановка, в которой классовый протест ограбленного и обездоленного труженика направлялся в русло ненависти к людям другой религиозной общины или, в меньшей мере, иной национальности. Сходные явления, хотя и не в таком драматическом виде, наблюдались и в другой провинции с мусульманским большинством — в Пенджабе. Социальная антииндусская демагогия коммуналистской (т. е. основанной на религиознообщинном принципе) партии Мусульманская лига использовала недовольство мусульманских масс для того, чтобы превратить свое требование об образовании Пакистана (страны «чистых», т. е. мусульман) из притязания немногочисленных городских слоев в массовый лозунг преобладающей части мусульманского населения Индии, особенно там, где оно составляло большинство.

Таким образом, консерватизм мировоззрения широких, главным образом крестьянских, масс, втянутых в политическую жизнь до их политического пробуждения и воспитания, привнес в общественную жизнь Индии активный массовый коммунизм — идеологию недоверия и даже ненависти к иноверцам. Следует подчеркнуть, что коммунизм в той или иной мере был присущ и общественному сознанию приверженцев других религиозных общин страны — индусов, сикхов, христиан, парсов. Однако мусульманский коммунизм, претендовавший на образование особого государства по религиознообщинному признаку, противостоял всем индийцам-немусульманам, во всяком случае в пределах территории, на которой должно было разместиться это государство. Вот почему требование Пакистана было использовано британскими влас-

тиями и местной реакцией как глазное средство для раскола освободительной борьбы.

Отходу мусульманских масс от конгрессиистского руководства способствовало и то, что последнее само не было свободно от элементов индусского коммунализма. Официальные программные положения этой партии носили строго светский и антикоммуналистский характер. Но неясность и ограниченность рекомендованных в них социально-экономических преобразований делали их малодоступными сознанию неграмотного крестьянина или ремесленника. Простой человек нуждался в облегчении — действительном или иллюзорном — своих повседневных тягот и нужд. Разрозненные усилия отдельных конгрессиистских лидеров мало что меняли в действительном положении трудовых слоев. Националистические призывы также мало трогали крестьянина, который прежде всего ощущал себя членом своей семьи, затем — касты и религиозной общины. Отсюда следует обращение некоторых лидеров Национального конгресса к моральным идеалам религиозного мировоззрения народных масс.

Не следует представлять себе это обращение как простой политический расчет. Религиозные воззрения, реформированные и приспособленные к национальным интересам, представляли собой не менее самостоятельный компонент идеологии Конгресса, чем его официальные политические документы. Те и другие составляли в совокупности эклектическое целое, внутренние противоречия и единство которого находили свое выражение как в столкновениях и разногласиях лидеров, так и в их сознании взаимозависимости друг от друга. Для буржуазного и радикально-интеллигентского крыла Конгресса разрыв с религиозно-моральным течением означал бы утрату влияния на десятки миллионов людей, далеких от понимания благ буржуазно-национальной государственности и капиталистической цивилизации. Для религиозно-реформаторской части лидеров отход от лозунгов о государственной самостоятельности и некоторых социальных преобразованиях означал бы отказ от тех политических целей, с которыми даже самые отсталые массы связывали, хотя и смутно, свои чаяния о лучшем будущем.

Претендуя на представительство всего народа Индии, конгрессиистское руководство давало место в своих рядах не только лидерам индусского реформаторства, но и виднейшим знатокам ислама и других религиозных учений. Обращаясь к массам, руководители Конгресса утверждали свободу вероисповедания и равенства всех религий. И все же преобладание и большая активность индусов в конгрессиистском движении, а также сама масштабность и огромное влияние М. К. Ганди, представлявшего индусское реформаторство, приводили к

тому, что морально-этическая трансформация конгресси-ской идеологии приобретала по преимуществу индусскую окраску. Именно исходя из таких концепций индуизма (или близкого к нему джайнизма), как сатьяграха и ахимса, Ганди разработал тактические принципы Конгресса о ненасильственном сопротивлении, далеком от духа воинствующего исламизма. Наконец, само поклонение индусов личности Ганди позволяло разжигать недоверие мусульман к Конгрессу и представлять его в их глазах как индусскую организацию, столь же коммуналистскую, как и Мусульманская лига.

Отмеченные обстоятельства, порожденные незрелостью национального и классового самосознания, несомненно ставили под угрозу национальное единство под эгидой Конгресса. Но сами по себе они еще не были непреодолимым препятствием для объединения антибританских действий. В частности, первым массовым выступлением после войны присуще единство классовых или патриотических действий представителей разных общин. Так, в ответ на попытку лишить индийский пролетариат надбавки военного времени к номинальной заработной плате (в связи с ростом цен) начались забастовки. Общее недовольство вызвало и использование англичанами индийских войск (состоявших из индусов, мусульман и сикхов) осенью 1945 г. против патриотов по преимуществу мусульманской Индонезии. Специальные комитеты по борьбе против участия индийских войск в империалистической оккупации Юго-Восточной Азии были созданы как Национальным конгрессом, так и Мусульманской лигой. Обострению и без того напряженной обстановки способствовал суд над офицерами Индийской национальной армии (среди которых было немало мусульман), созданной индийскими националистами при поддержке японцев и сдавшейся английским войскам при их вступлении в Бирму. Отданные англичанами под суд, эти офицеры рассматривались индийской общественностью как патриоты, имевшие смелость вступить в открытую борьбу с колонизаторами.

Особенно возбуждена была молодежь Бенгалии, среди которой пользовался большой популярностью глава Индийской национальной армии Субхас Чандра Бос (кстати, индус по происхождению). В конце 1945 г. в Калькутте начались волнения среди студентов и рабочих, вылившиеся в кровопролитные баррикадные бои. В дальнейшем волнения перекинулись в Бомбей, Дели и другие города. Начались выступления в англо-индийской армии: летчики требовали демобилизации и увеличения пособий, моряки — того же, а также улучшения питания и прекращения грубого обращения английских офицеров. Выступления переросли в восстание моряков 19—23 февраля 1946 г., охватившее Бомбей, Карачи, Мадрас и

другие порты Индии. Восстание было поддержано всеобщей забастовкой в Бомбее и других городах, проведенной по призыву компартии Индии.

Опасаясь развязывания неконтролируемой ими революционной инициативы снизу, Национальный конгресс и Мусульманская лига совместно добились прекращения восстания. Однако антиимпериалистическая борьба продолжала усиливаться. В течение 1946 г. вся страна была охвачена массовым забастовочным движением, в котором участвовало около 2 млн. индийских рабочих и служащих. Сложившаяся обстановка побудила правящие круги Англии, с одной стороны, ускорить поиски соглашения с руководством Конгресса и Лиги, а с другой — предпринять меры для раскола патриотического движения по религиознообщинному признаку. В марте 1946 г. премьер-министр Англии Эттли согласился направить в Индию миссию из трех министров своего кабинета с целью выработки нового статуса Индии. Миссия после переговоров с лидерами главных индийских партий предложила в мае 1946 г. превратить Индию в британский доминион, одновременно расчленив ее на три зоны (индусскую и две мусульманские), из которых каждая должна была бы явиться самостоятельным государственным образованием. На основе религиознообщинного принципа летом 1946 г. были проведены выборы в Учредительное собрание и создано Временное правительство, главой которого стал английский вице-король Индии, а его заместителем — председатель Национального конгресса Джавахарлал Неру. Мусульманская лига отказалась войти в правительство и призвала мусульман начать «прямые действия» за образование Пакистана. Мусульманское движение вылилось в августе 1946 г. в Калькутте и сельских районах Бенгалии в погромы индусского населения. В ответ индусы стали нападать на мусульман там, где последние были в меньшинстве (например, в Бихаре).

Временное правительство пыталось бороться с погромами, но в его распоряжении было недостаточно сил, ибо в стране по-прежнему хозяйничали английские колониальные власти и войска. Тем не менее авторитет правительства стал расти вследствие выступлений Дж. Неру за политику дружбы со всеми народами, за поддержку освободительных движений в Азии и Африке, против расовой дискриминации. Учитывая возросшую популярность Временного правительства, руководство Мусульманской лиги под давлением ее местных организаций решило войти в него. Но и внутри правительства оно продолжало требовать отделения от Индии областей с мусульманским большинством.

Хотя к середине 1946 г. раздел страны стал проблемой, вокруг которой происходили особенно острые столкновения, в

основных районах Индии продолжали нарастать классовые и патриотические выступления. Бастовали самые различные отряды рабочего класса (железнодорожники, шахтеры, докеры, текстильщики, плантационные кули). Наряду с экономическими требованиями стачечники выдвигали требования политические: демократизации политического режима, ликвидации отжившей феодальной власти князей, введения всеобщего избирательного права и т. д.

В районах, где религиознообщинная рознь не достигла такой остроты, как в Бенгалии и Пенджабе, социально-классовые интересы масс начали все более обретать программу и организацию, не только свободные от влияния Конгресса, но подчас и враждебные ему. В области Телингана (Хайдарабад) крестьяне под руководством коммунистов создали выборные «панчаяты», т. е. советы из пяти человек, изгоняли представителей прежних властей и помещиков, делили землю феодалов, а для сопротивления посланным против них войскам хайдарабадского низа образовали отряды самообороны. Крестьянское движение усилилось и в других областях Индии, часто сливаясь с движением за образование провинций по языковому, т. е. национальному, принципу. Тем самым реально возникала перспектива, что судьбы будущего государства будут решаться не только в ходе борьбы Конгресса с пользовавшимися поддержкой колонизаторов религиознообщинными и феодально-княжескими элементами, но и с социально более радикальными, чем он сам, силами крестьянской демократии, тяготеющей к коммунистической идеологии. Эта возможность несомненно все больше становилась бы реальностью при дальнейшем промедлении с решением главного политического вопроса — предоставления Индии независимости.

Наращение в стране массового антиимпериалистического, рабочего и крестьянского движения, сопровождавшееся усилением нажима на колонизаторов со стороны буржуазных слоев, а также общее ослабление позиций Англии после войны вынудили наконец правительство Эттли пойти на отказ от непосредственного политического господства над Индией. 20 февраля 1947 г. Эттли объявил, что в июне 1947 г. власть в Индии будет передана индийцам. При этом он дал понять, что англичане могут передать власть правительствам разных областей Индии, если не будет возможности создать единое для всей страны правительство. В страну прибыл новый вице-король Маунтбэттен, начавший переговоры с лидерами Национального конгресса и Мусульманской лиги.

После завершения переговоров, 3 июня 1947 г., в Лондоне и Дели одновременно был опубликован проект передачи власти местным национальным верхам, получивший наименова-

ние плана Маунтбэттена. Согласно этому плану предусматривалось образование в Индии двух самостоятельных государств — Индустана и Пакистана. План оставлял судьбу крупных княжеств на усмотрение их феодальных правителей. План Маунтбэттена, не только закреплявший раскол Индии (что к тому времени уже было неизбежно), но и способствовавший дальнейшему разжиганию индо-мусульманской вражды, должен был обеспечить сохранение английских позиций в Индии на новых основах: путем взаимного экономического и всякого другого ослабления Индустана и Пакистана, а следовательно, усиления зависимости каждого из них от Англии; путем подогревания розни между индийскими государствами и игры на противоречиях между ними; путем сохранения британских «обязательств» по отношению к князьям, не пожелавшим подчиниться новой власти.

Проведение плана в жизнь, т. е. расчленение индийской территории, сопровождалось в июле-августе 1947 г. индусско-мусульманской резней, погромами и грабежами, бегством мусульман из районов, отходивших к Индии, а индусов и сикхов — из районов, отходивших к Пакистану. Особого накала религиозная вражда достигла в Пенджабе, где индусская и сикхская общины пытались сопротивляться включению населенных ими районов в состав Пакистана. В результате всех столкновений и кровавых погромов погибло свыше 500 тыс. человек.

Независимость Индии и Пакистана была провозглашена в августе 1947 г. Правительство Индии возглавил председатель Национального конгресса Джавахарлал Неру, правительство Пакистана — секретарь Мусульманской лиги Лиакат Али-хан. Оба государства получили статус британских доминионов. Однако борьба между ними продолжалась в форме постоянно разжигавшихся колонизаторами пограничных конфликтов, преследования соответствующих религиозных меньшинств, соперничества из-за спорных территорий, в частности княжества Кашмир. Передовая общественность Индии и Пакистана, прежде всего компартия Индии, протестовала против разжигания индо-мусульманской вражды, стремилась к ее прекращению. Однако реакционные силы в обоих государствах продолжали шовинистическую пропаганду, террор и погромы. От рук индусских фанатиков в январе 1948 г. погиб выдающийся лидер индийского народа Махатма Ганди, призывавший к прекращению коммуналистско-шовинистической истерии, к веротерпимости индусов и мусульман, нормализации отношений между Индией и Пакистаном. Став доминионами, Индия и Пакистан, серьезно ослабленные искусственным расчленением единой до того хозяйственной территории, массовыми разрушениями при погромах и наплывом потеряв-

ших свое имущество беженцев, оказались в тяжелой экономической зависимости от бывшей метрополии.

Предложение Англией плана Маунтбэттена и принятие его индийскими и пакистанскими руководителями несомненно было компромиссом этих двух или, точнее, трех сторон при известном отступлении британского колониализма. Вместе с тем в сложившейся обстановке это отступление могло превратиться во временный маневр, который подготовил бы почву для восстановления и даже укрепления колониализма в важнейших сферах политической и экономической жизни двух молодых государств. Тем более, что за пределами компромисса, касающегося в сущности лишь вопроса об организации центральных органов власти в двух государствах и их взаимоотношений с метрополией, оставался целый комплекс важнейших проблем, которые могли решиться только реальным соотношением двух противостоящих лагерей — сил национального единства, с одной стороны, и империализма и внутренней реакции — с другой.

В Индии решающей из подобных проблем было преодоление сепаратистских устремлений князей и религиознообщинной реакции, использовавших несоответствие колониальной административной структуры национальному («лингвистическому») делению страны и опиравшихся на крупное землевладение самих князей и индийских помещиков. В случае победы феодального сепаратизма Индия была бы превращена в хаотический конгломерат административных единиц, образованных еще колонизаторами и противостоящих самому принципу единого суверенного государства. Отдельные части такого конгломерата, вроде крупных княжеств, могли добиться сохранения «особых отношений» с бывшей метрополией и на деле отложиться от центральной власти. При таком повороте событий отсутствовала бы единая социально-экономическая политика, что еще более укрепило бы внутренние позиции реакционного сепаратизма.

В методах достижения и упрочения национального единства с самого начала определились две линии: исходящий сверху курс на компромисс с феодальной реакцией посредством выкупа ее «прав» и использования народных движений для давления на нее; исходящий снизу курс на революционное устранение всех феодальных элементов и демократическое переустройство административной системы по национальному признаку. Понятно, то или иное решение этих проблем накладывало свой глубокий отпечаток на всю последующую общественную и государственную жизнь Индии.

В ходе проведения курса «сверху» образовался, хотя и не преодолел своих внутренних противоречий, блок национальной буржуазии, мелких и средних землевладельцев из сельских

верхов, обуржуазившейся интеллигенции, бывших чиновников и офицеров колониальной службы с правыми и умеренными функционерами Национального конгресса, ставшего правящей партией. В отдельных районах (провинциях) Индии соотношение сил внутри этого блока было различным, что придавало ему известную пестроту в смысле местной политической окраски и соответственно влияния на демократические массы и взаимоотношения с их организациями и партиями. Поэтому в отдельных случаях некоторые силы, входившие в блок, могли бороться в союзе с местными коммунистами и возглавлявшимися ими организациями. Но в общеиндийском масштабе такой союз не сложился, что отразилось на ходе общественной борьбы как в 1947—1950 гг., так и в последующие годы.

Особенно острые схватки с силами феодально-сепаратистской реакции развернулись в крупнейших княжествах — Хайдарабаде (в состав которого входили национальные территории народов андра, или телугу, маратхов и каннара) и Траванкур-Кочине (который занимал большую часть Кералы, территории народа малайяли). Застрельщиками этой борьбы выступили коммунисты и другие левые силы. Крестьянское восстание в Телингане все более смыкалось с движением народа андра в провинции Мадрас за образование единой «лингвистической» провинции Андхра. В случае объединения и победы этих двух демократических потоков появился бы прецедент последовательно демократического решения важнейших вопросов единства государства и ликвидации феодального землевладения. Вместе с тем упорное сопротивление низама включению его княжества в состав Индии и угроза вырезать индусов на его территории (низам и его вооруженные силы были мусульманами) подрывали саму идею достижения политического единства страны на основе компромисса с князьями и прочими феодальными элементами.

Поэтому 13 сентября 1948 г. в Хайдарабад были введены индийские войска, и низам был фактически устранен. Одновременно был нанесен удар и по левым силам — на территории Хайдарабада была запрещена деятельность компартии и демократической организации «Андхра махасабха». События в Хайдарабаде вынудили большинство индийских князей принять предложенные правительством условия и войти в состав Индии.

В 1950 г. требование большинства индийского народа покончить со статусом доминиона было претворено в жизнь. 26 января 1950 г. Индийский Союз был провозглашен республикой с двухпалатным парламентом (в составе Народной палаты и Совета штатов) и избираемым обеими палатами президентом. По конституции президент назначает главу прави-

тельства из депутатов от партии парламентского большинства. Свои парламенты имеют также и штаты, из которых состоит Республика Индии. Эти парламенты формируют ответственные перед ними правительства штатов. Избирательным правом пользуются все граждане республики (включая женщин), достигшие 21 года, независимо от расовой или религиозной принадлежности, социального происхождения и образовательного ценза. Первые выборы в центральный парламент и парламенты штатов были проведены в конце 1951 г. Победу одержал Национальный конгресс.

В целом в 1947—1951 гг. восторжествовал курс влиятельных кругов Национального конгресса на укрепление государственного единства и суверенитета через такой компромисс с империализмом и феодальной реакцией, который означал существенное отступление этих сил и превращение провозглашенной независимости в политическую реальность. Победа этого курса не могла быть достигнута без активного вмешательства масс на решающих участках борьбы. Немалая заслуга в активизации масс принадлежит индийским коммунистам, которые смогли в ряде районов поднять народ. Это принесло им заслуженное признание в Андхре, Керале и других районах.

Вместе с тем в общеиндийском масштабе руководство КПИ не смогло занять достаточно активную, свободную от сектантства позицию. Как отмечают индийские коммунисты, игнорировалось то важное обстоятельство, что в ходе экономического и политического развития Индии противоречия между империализмом и индийским народом, включая национальную буржуазию, обострялись быстрее, чем противоречия между национальной буржуазией и ее руководством, с одной стороны, и растущим национальным революционным движением — с другой. Вот почему коммунисты заняли негативную позицию по отношению к ряду общенациональных акций конгрессистского руководства и не смогли существенно укрепить свои позиции во всеиндийском масштабе.

Пакистан, возникший как самостоятельное государство одновременно с Индией, находился в еще более трудном положении. Его зависимость от империалистических государств была намного сильнее, что объясняется как обстоятельствами, при которых была образована эта мусульманская «страна чистых» (поддержка империалистами мусульманского сепаратизма, разжигание ими религиозной розни между мусульманами и индусами, обещание своей поддержки), так и относительной слабостью Пакистана по сравнению с Индией: государство было расколото на две части, далеко отстоящие друг от друга, население его было в 4—5 раз меньше населения Индии, экономика была более

отсталой и носила преимущественно аграрный характер. Пришедшие к власти буржуазно-феодалы, контролировавшие Мусульманскую лигу, были тесно связаны с иностранными монополиями и не желали осуществления необходимых социальных преобразований — коренной аграрной реформы и индустриализации страны.

Крайне обострился в Пакистане и национальный вопрос, ибо правящие круги подвергали дискриминации национальные меньшинства — синдхов, белуджей, пуштунов, а также не считались с правами населявших восточную часть страны бенгальцев, создавая благоприятные условия крупной торгово-промышленной буржуазии пенджабских городов и переселившихся из Индии крупных гуджаратских предпринимателей. Ввиду всего этого в Пакистане с первых же лет его существования развернулось крестьянское и национально-демократическое движение. Правящие круги страны, подавлявшие выступления масс снизу, ограничивались незначительными реформами (к тому же в основном чисто декларативными), мало менявшими положение. Во внешнеполитическом плане Пакистан все больше втягивался в орбиту империалистических военных блоков и интриг против нейтралистской Индии. В стране усилились позиции империализма США.

Достижение независимости Цейлона и утверждение ее в Непале. К 1946—1947 гг. относится подъем антиколониального движения на Цейлоне, тесно связанный с успехами освободительной борьбы в Индии. В движение стали широко вовлекаться плантационные рабочие, часть крестьянства, государственные служащие. Повышению организационно-политического уровня движения во многом способствовало активное участие в нем Цейлонской федерации профсоюзов (возникшей в 1940 г.) и компартии Цейлона (образованной в 1943 г.). Всеобщая забастовка в мае — июне 1947 г. явилась убедительным свидетельством крепнущей силы прогрессивных организаций рабочего класса и в целом левого крыла национально-освободительного движения. Пытаясь противостоять патриотическим силам страны, английские империалисты стремились максимально усилить позиции крупной сингальской буржуазии и плантаторов. Именно эти связанные с английским капиталом привилегированные эксплуататорские слои составили ядро созданной еще в 1946 г. Объединенной национальной партии, во главе которой встали Сенанаяке и Кота-лава.

В феврале 1948 г. Англия предоставила Цейлону права независимого доминиона. Власть перешла в руки буржуазно-плантаторского правительства Сенанаяке, связанного к тому же и с феодально-клерикальными элементами. По условиям «договора об обороне» на Цейлоне оставались английские

войска и военные базы. Контроль над внешней политикой Цейлона оставался за Англией, а над экономикой Цейлона — за английским капиталом. Тем не менее предоставление независимости Цейлону имело большое значение, так как открыло возможности для завоевания в будущем подлинной политической и экономической самостоятельности.

Исключительно своеобразны оказались пути достижения фактической независимости Непалом. Это феодальное королевство, всегда бывшее формально самостоятельным, а на деле превращенное в полуколонию Англии, к моменту окончания второй мировой войны находилось в условиях искусственно консервировавшейся английскими колонизаторами изоляции от внешнего мира. Однако война дала толчок демократическому движению в стране: расширился кругозор непальцев, участвовавших в войне и вернувшихся на родину с мыслями о необходимости коренных перемен в жизни страны; появились первые промышленные предприятия, начали развиваться пролетариат и национальная буржуазия. Задачи антифеодального и антиимпериалистического движения практически концентрировались вокруг главной проблемы — необходимости ликвидации тирании феодального семейства Рана, управлявшего страной с 1846 г., сотрудничавшего с англичанами и мало считавшегося даже с властью короля. В 1947 г. непальскими эмигрантами в Индии, главным образом выходцами из обедневших аристократических родов и мелкобуржуазной интеллигенции, был создан Непальский национальный конгресс (ННК), вскоре ставший из подполья руководить оппозиционными выступлениями на территории самого Непала (забастовками, кампаниями гражданского неповиновения). В целях свержения автократического режима Рана ННК установил в 1948 г. контакты с королем. Вскоре ННК раскололся на ННК и Непальский конгресс, левое крыло которого образовало в 1950 г. компартию Непала.

Развернувшееся в стране демократическое движение проходило под лозунгом возвращения королю его прерогатив. Попытка премьер-министра Мохан Шамшера Джанг Бахадур Рана подавить оппозицию не увенчалась успехом. Более того, в конце 1950 г. на юге Непала борьба стала принимать форму вооруженных столкновений. В январе 1951 г. Мохан Шамшер был вынужден пойти на компромисс с лидерами Непальского конгресса, образовав коалиционное правительство с их участием. Однако против этого компромисса решительно выступили, объединившись в едином фронте, все остальные организации и силы оппозиции. В ноябре 1951 г. Мохан Шамшер был вынужден уйти в отставку. Тем самым был положен конец столетней тирании Рана, а Непал стал конституционной монархией. Открылся путь к осуществлению социальных пре-

образований и модернизации непальского государства. Непал стал членом ООН, провозгласил политику нейтралитета и вышел из искусственно навязанной ему колонизаторами международной изоляции.

Нельзя не видеть существенного различия в формах и методах достижения независимости народами Юго-Восточной и народами Южной Азии. Юго-Восточная Азия была фронтом антияпонской войны — Бирма, Индонезия, Малайя, Индокитай, Филиппины оказались странами, в которых военные силы одних империалистических держав вытеснили военные силы ряда других держав, а затем народные массы, оказавшиеся вооруженными и организованными националистами и коммунистами, по прошествии нескольких лет изгнали завоевателя и вооруженным путем воспротивились возвращению господства старых колонизаторов. Это своеобразное сочетание обстоятельств, позволившее национально-освободительным силам столь эффективно воспользоваться вооруженной борьбой двух групп империалистических хищников, является довольно редким в истории. Оно предопределило вооруженный характер борьбы народных масс в Юго-Восточной Азии, ответивших по сути дела национально-революционной войной на войну колонизаторов и на их стремление реставрировать колониальное господство.

Конечно, не случайно, что в сложных революционных ситуациях, имевших место в это время в Юго-Восточной Азии, коммунистические партии показали себя мощной организованной силой, которая сплавляла вооруженные массы в народные освободительные армии и выделяла из своей среды наиболее преданных и последовательных руководителей — военачальников. Компартии были душой и антияпонского сопротивления и массовой вооруженной борьбы за изгнание возвращавшихся после 1945 г. в страны Юго-Восточной Азии английских, французских, голландских и американских империалистов. Коммунистические партии этих стран, сделавшие впоследствии немало сектантских ошибок, показали себя способными использовать непосредственную революционную ситуацию, объективно вытекавшую из войны империалистов между собой, для организации вооруженной национально-освободительной революции против империалистических держав.

* * *

Подводя итог процессам завоевания независимости в странах Южной Азии, следует отметить, что они были для некоторых стран мирными, но лишь в одном отношении — обошлось без крупных вооруженных столкновений с самим импе-

реализм. Проявив присущую ему способность к маневрированию, британский империализм продемонстрировал и другую свою способность — умение осуществлять свои политические цели руками других. Так, разделение Индии проходило в условиях кровавых столкновений индусов и сикхов с мусульманами и стоило им многих сотен тысяч жизней. Семена внутренних распри были посеяны и на Цейлоне и не раз давали впоследствии кровавые всходы. Десятки тысяч патриотов погибли во время восстаний, расстрелов демонстраций, в тюрьмах и на эшафотах. Наконец, десятки миллионов стали жертвами голода, не говоря уж об опустошительных эпидемиях. Народы Южной Азии могут предъявить не менее длинный счет потерь, понесенных от колониализма и в борьбе с ним, чем народы, добившиеся независимости вооруженным путем.

Британские же буржуазные социологи, преднамеренно фальсифицируя факты, пытаются представить признание национального суверенитета стран Южной Азии как добровольный акт со стороны Англии, как претворение в жизнь предвыборного манифеста лейбористов 1945 г. «Давайте посмотрим в будущее», в котором ширококеставительно заявлялось о намерении добиваться «самоуправления, процветания и благосостояния народов империи». Подобные утверждения являются преднамеренным искажением исторического процесса. Независимость Индии и других стран Южной Азии была достигнута не по воле, а вопреки воле английских правящих кругов. Мотивы, побудившие их пойти на уступки освободительным силам, не имели ничего общего с желанием содействовать политическому, экономическому и культурному прогрессу угнетенных народов. Они были связаны лишь со стремлением английских империалистов сохранить «хорошее лицо» и отступить с наименьшими потерями под ударами чрезвычайно усилившегося в послевоенные годы национально-освободительного движения. Великобритания была вынуждена отказаться от прямого господства над Индией, Бирмой, Цейлоном лишь потому, что у нее не было другого выхода. Попытки сохранить свое политическое господство в этих странах привели бы к полной утрате колонизаторами их позиций.

Это вынуждены признать и многие английские государственные деятели и буржуазные ученые. «Я не могу, — писал специалист по международным проблемам В. Т. Стейс, — присоединить свой голос к тем, кто восхваляет англичан за великодушный уход из Индии и других владений. Было бы безнадежной сентиментальностью предположить, что, как только англичане поняли пагубность подчинения одними народами других народов, они незамедлительно отказались от Индии и Цейлона. История последних пятидесяти лет убедительно сви-

детельствует о том, что английское правительство никогда ни от чего не отказывалось, лишь руководствуясь великодушием. Напротив, правительство Англии цепко держит в своих руках то, что ему удалось захватить, оставаясь глухим ко всем мольбам и просьбам до тех пор, пока обстоятельства не вынуждают к этому. Именно об этом свидетельствует отношение к ирландцам в 20-х годах нашего века и та длительная борьба, которую вели британские власти против Ганди и других борцов за свободу Индии».

Ему вторит лорд Исмей: «В марте 1947 г. Индия представляла собой корабль с грузом боеприпасов в трюме, объятый огнем посреди океана. В это время задача состояла в том, чтобы потушить пожар прежде, чем он доберется до боеприпасов. Тактически у нас не было иного выхода, кроме того, что мы сделали». Не менее выразительное признание сделал лидер английской либеральной партии Клемент Девис: «Мы могли оставаться там, лишь идя против всего мира и против общественного мнения Англии. Более того, вспышка общественного гнева неизбежно уничтожила бы нас, если бы мы попытались там остаться».

Английский империализм отступал под натиском национально-освободительных сил. При этом колонизаторы делали все, чтобы предварительно ослабить и обескровить силы молодых государств, прибегая к расчленению национальных территорий, провоцируя столкновения на религиозной или национальной основе, навязывая предварительные условия, ограничивающие суверенитет.

В сущности речь шла о сохранении Британской империи в виде Содружества наций, т. е. объединения метрополии с фактически самостоятельными «старыми» доминионами, зависимыми азиатскими доминионами и странами, оставшимися на колониальном положении. Действительно, поскольку в этой реформированной империи колониалистский лагерь, представленный Англией, ЮАС и Австралией, обладал огромным экономическим и военным превосходством, образование трех азиатских доминионов еще не означало само по себе устранения колониальной природы империи. Следует иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что английские правящие круги могли сделать выбор, кому непосредственно передать власть, в значительной мере определить характер конституций и государственное устройство. Немалую роль в сохранении английского влияния на молодые независимые государства играл также принцип преемственности администрации: при отсутствии или низком уровне подготовки местного административного персонала в аппарате оставались английские чиновники, а также сохранялся контроль метрополии над вооруженными силами, подготовкой офицерских кадров, осуществ-

лялось снабжение вооружением и припасами. Предполагалось, что без англичан незрелый аппарат насилия окажется неспособным справиться как с завещанными колониализмом распрями, так и с надвигающимися социально-классовыми конфликтами.

По-видимому, и сами правящие круги молодых государств не исключали мысли о возможности «призвания» прежних хозяев. Во всяком случае они без особого сопротивления приняли статус доминиона, который предоставил короне, т. е. бывшей метрополии, легальные возможности для вмешательства в их внутренние дела. Только руководство Бирмы, располагавшее боевой патриотической армией, сразу же взяло решительный курс на полную ликвидацию какой-либо зависимости от метрополии.

Плоды политических перемен в странах Южной Азии прежде всего пожинали национальная буржуазия, средние и мелкие землевладельцы из традиционно привилегированных групп и связанные с ними чиновничьи служилые слои. Уже на самом раннем этапе у указанных классов и слоев выявились те черты классовой и социальной ограниченности, которые с нарастающей силой стали сказываться в ходе избранного ими капиталистического пути развития.

Освободительная борьба арабских народов после второй мировой войны

В первые послевоенные годы на Ближнем Востоке также возник ряд независимых государств. Причем в данном регионе образование их было обусловлено не только социально-политическими сдвигами во время войны и общим подъемом антиимпериалистического движения после нее, но и резким обострением межимпериалистических противоречий.

Завоевание независимости Сирией и Ливаном. В Сирии и Ливане независимость практически была подготовлена во время войны, так как еще в 1943 г. власти Сражающейся Франции вынуждены были восстановить конституции и парламенты обеих стран, передать национальным правительствам экономические ведомства и взять на себя обязательство постепенно вывести свои войска. Исключение из сирийской конституции статьи о французском мандате, установление Сирией и Ливаном в 1944 г. дипломатических отношений со многими государствами, включая СССР, их участие в учредительной конференции ООН — все это свидетельствовало о фактическом прекращении режима мандатного управления. Однако французские колонизаторы не хотели уходить из Сирии и Ливана, не обеспечив себе в этих странах ряд преимуществ (военно-морские и военно-воздушные базы, контроль

над сирийской и ливанской армиями, монопольные концессии и т. п.).

Не добившись этого, французы стали увеличивать свои войска в этих странах. В мае 1945 г. между сирийцами и французскими войсками произошел ряд столкновений. В Сирии развернулось мощное движение за вывод иностранных войск. Англия, располагавшая в Сирии более крупными военными силами, чем Франция, заставила последнюю отступить. Английские империалисты, вынашивавшие далеко идущие планы в отношении Сирии и Ливана (в частности, включение этих стран в так называемую Великую Сирию под эгидой верно служившей англичанам династии Хашимитов), пытались выдворить французских соперников, еще раз представить себя «друзьями арабов». Французские гарнизоны в Сирии стали постепенно заменяться британскими и выводиться в Ливан. Однако возмущение сирийцев и ливанцев (в частности, протест правительств Сирии и Ливана в ООН), поддержка их борьбы всеми арабами и, наконец, решительное выступление в защиту их суверенитета правительства СССР сорвали попытки колонизаторов договориться за спиной арабов. В июле 1945 г. правительствам Сирии и Ливана были переданы входившие в состав французской армии «специальные» формирования из сирийцев и ливанцев. Все иностранные войска — и французские и английские — были вынуждены в конечном счете уйти: к 17 апреля 1946 г. — из Сирии, к 31 декабря 1946 г. — из Ливана.

Палестинская проблема и арабский мир. После окончания второй мировой войны резко обострилась проблема Палестины. Под давлением национально-освободительного движения палестинских арабов, поддерживаемых всеми арабскими странами, с одной стороны, а также переориентировавшихся на США сионистов и энергично поддерживавших их американских империалистов — с другой, Англия была вынуждена передать вопрос о дальнейшей судьбе Палестины на рассмотрение ООН. В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о разделении Палестины на самостоятельные арабское и еврейское государства. 14 мая 1948 г. сионистский Национальный совет в Тель-Авиве провозгласил создание государства Израиль. Арабские государства, не признавая законности существования Израиля, немедленно объявили ему войну.

В этой войне израильская армия, образованная на базе сионистского легиона «Хагана», участвовавшего в военных действиях 1941—1943 гг. на Ближнем Востоке в составе английской армии, и сионистских террористических организаций («Штерн», «Иргун цвей леуми»), накопивших многолетний опыт борьбы как против английских властей, так и против

арабских патриотов, широко использовала помощь США, выражавшуюся в поставках оружия и присылке военных специалистов под видом «добровольцев», крупных финансовых пожертвованиях американских сионистских объединений.

Армии же арабских государств, не имевшие опыта современной войны, были численно небольшими (так как эти страны экономически были не в состоянии содержать крупные армии) и оснащены в основном устаревшим вооружением. Это обстоятельство, а также разногласия между арабскими государствами, прежде всего между Египтом и Трансиорданией, сказались на результатах военных действий. В ходе палестинской войны Израиль захватил значительную часть территории, которая по решению ООН должна была отойти к арабскому государству.

Около миллиона палестинских арабов, покинувших оккупированную Израилем территорию, перешли в соседние арабские страны и были размещены там в лагерях для беженцев. Не имея средств к существованию и поддерживая свою жизнь главным образом за счет помощи различных международных и благотворительных организаций, палестинские беженцы явились фактором постоянного напряжения в последующих отношениях между Израилем и арабскими странами. Проблема их возвращения на родные земли — камень преткновения при любой попытке урегулирования арабо-израильского конфликта.

Английские империалисты, для которых в целом палестинская война и рождение связанного с США Израиля явились крупной неудачей в конкурентной борьбе с США, постарались компенсировать себя, всемерно содействуя укреплению своего ставленника — трансйорданского эмира Абдаллаха. Еще в марте 1946 г. Англия предоставила Трансиордании формальную независимость, надеясь в дальнейшем сколотить руками Абдаллаха «Великую Сирию» в составе Палестины, Трансиордании, Сирии и Ливана. Фактическая зависимость эмирата от Англии осталась прежней и в дальнейшем была закреплена договором от 1948 г., предусматривавшим сохранение в стране английских военных баз, создание совета совместной обороны и консультации по международным проблемам.

Еще до подписания в феврале — июле 1949 г. перемирия между Израилем и арабскими странами (Абдаллах заключил это перемирие первым из правителей арабских стран) начался процесс освоения восточной Палестины правящими кругами Трансиордании. В апреле 1950 г. занятые ими территории были официально включены в государство Абдаллаха, получившее название «Хашимитское королевство Иордании». Однако этот акт аннексии не укрепил положение короля в

той мере, в какой на это надеялись он сам и его английские патроны. Включение в королевство развитых в политическом отношении областей Палестины и поселение в стране более полумиллиона беженцев, изгнанных из Израиля (один из этих беженцев в 1951 г. застрелил Абдаллаха), чрезвычайно обострили внутривнутриполитическое положение в стране.

Провозглашение независимости Ливии. В Ливии после ее освобождения от германо-итальянских войск в январе 1943 г. установился режим англо-французского военного управления (английские войска занимали Триполитанию и Киренаику, французские — Феццан). После завершения войны США также построили в Ливии (вблизи от Триполи) свою крупнейшую военно-воздушную базу. В стране, прежде всего в наиболее развитой области — Триполитании, стали возрождаться политические организации, объединявшие национальную буржуазию, интеллигенцию, городские средние слои и передовую часть нарождавшегося рабочего класса. В Киренаике наиболее сильна была феодальная сенуситская группировка во главе с Мухаммедом Идрисом ас-Сенуси.

Колонизаторы выдвинули план раздела Ливии, предусматривавший передачу опеки над Киренаикой Англии, Феццаном — Франции. Но ливийские патриоты при поддержке арабо-азиатских и социалистических стран решительно выступили против этого плана. Между империалистическими державами, претендовавшими на «итальянское наследство» в Ливии, также не было единства, не говоря уж о стремлении США выставить из Ливии всех конкурентов. Кроме того, политическая обстановка на Ближнем Востоке побуждала империалистов несколько умерить свои аппетиты. Вследствие этого 21 ноября 1949 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию об обязательном провозглашении независимости Ливии до 1 января 1952 г. В соответствии с этой резолюцией 24 декабря 1951 г. была провозглашена независимость Соединенного королевства Ливии. Эмир ас-Сенуси стал королем под именем Идриса I.

Таким образом, и на Арабском Востоке завершение войны также принесло крушение колониальных режимов в Сирии, Ливане, а затем в Ливии. Однако этот процесс не принял здесь такого размаха, как в основных районах Азии. Колониализм смог удержать под своей властью страны Магриба, Аден и другие районы Аравии. Нефтяные и прочие интересы западных монополий, стратегическое значение Суэцкого перешейка, Адена и других районов Арабского Востока побуждали империалистов особенно цепко держаться за свои позиции в этой части земного шара. Немало им помог и палестинский конфликт, созданный и раздутый британским империализмом. На время он отвлек силы и внимание арабских патриотов от не-

посредственной борьбы с империализмом и внутренних социальных проблем.

Однако тот же палестинский вопрос показал гнилость монархических режимов, их неспособность защитить достоинство арабских народов и благополучие собратьев в Палестине. Стало также очевидно двуличие западной дипломатии в палестинском вопросе, ее намерение превратить Израиль в постоянно действующий рычаг для давления на арабский мир. Поэтому палестинский конфликт отсрочил, но не исключил прямого столкновения патриотических сил арабских народов с империализмом и внутренней реакцией.

* * *

Рассматривая войну как «естественное» средство решения спорных вопросов, как наиболее эффективное орудие осуществления своих агрессивных внешнеполитических планов, западные державы пытались завершить вторую мировую войну очередным разделом колониального мира. Однако эта война уже не могла сопровождаться новым версальско-вашиingtonским изданием мирных договоров. Благодаря решающей роли СССР в разгроме ударных сил империализма она превратилась в великую битву народов за торжество демократии и освобождение от империалистического и колониального гнета. Именно успехи социализма и национально-освободительного движения стали решающим фактором послевоенного урегулирования, резко ограничившим возможности диктата западных держав. Уже трехсторонние международные конференции основных участников антигитлеровской коалиции в Тегеране, Ялте, Потсдаме отразили такое соотношение сил социализма и капитализма в этой коалиции и во всем мире, которое определялось решающей ролью Советского Союза в войне. Советский Союз в значительной степени добился принятия в качестве общей союзнической политики таких предложений, которые могли бы стать в случае их реального осуществления хорошей основой для установления длительного и прочного мира в интересах социализма, демократии и национального освобождения.

Расчеты империалистов, которые исходили из неизбежности ослабления Советского Союза, на сохранение колониальной системы оказались опрокинутыми. Победа СССР во второй мировой войне и образование мировой социалистической системы демонстрировали поразительное несоответствие между тем, чего добивались в войне империалистические государства, и тем, к чему в конечном счете привела война. Надвигалась новая мощная волна освободительных революций, которую империализм был не в силах предотвратить.

Однако колониальные державы, неспособные реально оценить происшедшие перемены, тешили себя надеждой, что им удастся сохранить и восстановить свои империи. После второй мировой войны империалисты приступили к разработке и осуществлению планов укрепления или реставрации колониальных порядков посредством военной силы. Лейбористский премьер Эттли, пришедший на смену Черчиллю в июне 1945 г., в одном из своих первых выступлений в английском парламенте заявил: «Мы еще нуждаемся в сохранении значительных вооруженных сил для выполнения наших обязательств в Европе, оккупации Японии и восстановления наших колониальных владений, в первую очередь в Азии».

Главную ставку крупная французская буржуазия, восстанавливая свои позиции в колониях, делала на насильственное подавление, на возвращение к прежнему, довоенному, лишь слегка завуалированному положению. Однако условия, в которых находились Англия, Франция и другие империалистические державы в первое послевоенное десятилетие, были очень различны. Из второй мировой войны все империалистические государства, за исключением США, вышли ослабленными. Это обстоятельство в немалой степени способствовало успеху освободительной борьбы народов.

Не чувствуя себя способным одними лишь своими силами обеспечить восстановление колониальных империй, ряд держав-метрополий обратился за содействием к Соединенным Штатам. Как известно, в ходе войны в мире империализма произошел передел рынков и ресурсов в пользу США. К концу войны на долю США приходилось почти две трети промышленного потенциала капиталистического мира, около трети мирового экспорта товаров, свыше половины золотого запаса. США имели самый мощный военно-воздушный и военно-морской флот и самую большую в капиталистическом мире сухопутную армию. Вдобавок они обладали временной монополией на атомное оружие. Все эти факторы предопределили господствующее место США в капиталистическом мире. «Экономический, а вслед за ним политический и военный центр империализма, — подчеркивается в Программе КПСС, — переместился из Европы в США».

Американский империализм, уповая на атомную монополию, взял курс на установление своего мирового господства. Мощь и влияние Советского Союза и других социалистических стран стали главным препятствием на пути Соединенных Штатов Америки к мировому господству. Вот почему и политическая и военная стратегия американского империализма в послевоенные годы предусматривала прежде всего борьбу против СССР, против всех социалистических стран.

Эта стратегия предусматривала концентрацию военно-по-

литических усилий США в странах Азии, прилегающих к границе Советского Союза, т. е. в Турции, Иране, Китае и Японии. Отвлечение американских сил к этим странам заметно облегчало сопротивление колониальных народов державам-метрополиям, отстаивание своей провозглашенной независимости или ее завоевание.

Инициаторами более тесной координации сил империализма в борьбе против социализма и национального движения выступили господствующие круги Англии. Они рассчитывали при поддержке монополий США преодолеть послевоенные экономические затруднения, восстановить свою былую роль на международной арене и справиться с национально-освободительным движением, потрясавшим Британскую империю. Идеологическая и внешнеполитическая платформа, на которой создавался послевоенный англо-американский союз, была сформулирована в речи Черчилля, произнесенной им 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже г. Фултона в США в присутствии президента Трумэна. Речь Черчилля выражала стремление правящих классов Англии и США путем создания совместного военно-политического союза любой ценой помешать укреплению мировой социалистической системы, торжеству национально-освободительных революций. Черчилль предложил в своей речи создать «ассоциацию народов, говорящих на английском языке». «Это означает, — заявил он, — особые отношения между Британским содружеством наций и империей, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой». Черчилль призывал «продвигаться вперед, опираясь на строгую и реальную силу», и заверял, что, «двигаясь по такому пути, можно обеспечить англо-американское господство над миром на протяжении целого столетия». В этих словах содержались откровенная претензия правящих кругов Англии и США на господство над всем миром и ультимативное требование ко всем народам безоговорочно подчиниться этому господству.

Объединяя свои усилия с США, Англия стремилась также воспользоваться значительным ослаблением позиций Франции, для того чтобы добиться установления военно-политического союза между двумя странами, который мог бы стать ядром будущего военно-политического блока западноевропейских государств под британским верховенством. Однако ее планы наталкивались на серьезные англо-французские противоречия. В Париже отдавали себе отчет в том, что Англия стремится главенствовать не только в европейских делах, но и утвердиться в некоторых французских владениях.

Однако общие империалистические устремления в борьбе против социалистических стран и освободительных движений постепенно брали верх.

Своекорыстие французской монополистической буржуазии, сумевшей восстановить после войны свою власть, пользуясь присутствием американских войск, взяло верх над национальными интересами Франции. В марте 1947 г. был заключен так называемый оборонительный англо-французский союз, положивший начало созданию военных агрессивных блоков — Западного союза и Североатлантического пакта.

Позиция Англии и Франции отвечала интересам США. Американские планы мирового господства предусматривали, в частности, поддержку реакционным режимам, глубокое внедрение в колониальные империи европейских держав.

Для прикрытия экспансии США идеологи американского империализма выдвинули концепцию «вакуума силы». Суть ее состояла в том, что с разгромом фашистских держав и ослаблением колониального господства Англии и Франции якобы создастся опасный для ряда районов мира «вакуум», который в целях «сдерживания» коммунизма должен быть заполнен извне, в первую очередь Соединенными Штатами Америки.

Концепция «вакуума силы» была сформулирована в послании президента Трумэна Конгрессу США от 12 марта 1947 г. Приняв «доктрину Трумэна», США фактически заявили о своих претензиях на мировое господство. Вслед за провозглашением «доктрины Трумэна» американские и английские правящие круги развернули активную деятельность по разжиганию «холодной войны», по сколачиванию военно-политических группировок государств, которые они надеялись превратить в орудия своей экспансионистской политики.

В итоге стараний английского правительства 17 марта 1948 г. был подписан договор о создании Западного союза, участниками которого стали Англия, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург. 4 апреля 1949 г. был создан Североатлантический пакт, который фактически поглотил Западный союз. Тем самым Англия была низведена до положения «младшего партнера». Ее участие в НАТО явилось отходом английских правящих кругов от традиционной политики — избегать постоянных союзов и сохранять свободу действий. Так было положено начало послевоенному «коллективному колониализму», принявшему в последующие годы весьма разнообразные формы. В то же время империалисты Соединенных Штатов Америки сделали прямую заявку на роль руководителя капиталистического мира как в европейской, так и в глобальной политике. Видное место в их расчетах отводилось и овладению «колониальным наследством» европейских держав и Японии. Вот почему военно-политические соглашения не могли снять межимпериалистических противоречий.

ВОСРУЖЕННАЯ АГРЕССИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА И СОПРОТИВЛЕНИЕ ОСВОБОЖДАЮЩИХСЯ НАРОДОВ

По мере нарастания «холодной войны» против мира социализма и усиления агрессивности в глобальной политике империализма колонизаторы все чаще начинают прибегать к вооруженной интервенции по отношению к молодым суверенным государствам и кровавому подавлению народных выступлений в колониях. За шесть лет с 1948 по 1954 г., т. е. за период наибольшего обострения «холодной войны», только одна Ливия получила независимость мирным путем. За эти же годы сотни тысяч борцов отдавали свою жизнь в боях с империализмом и внутренней реакцией в Китае и Корее, Вьетнаме и на Филиппинах, в Малайе и Индонезии, в Алжире, Кении, на Мадагаскаре. Демократическое и рабочее движение США и колониальных держав вписало в те годы немало славных страниц в борьбу с милитаризмом и колониализмом, однако «холодная война» и сопутствующая ей волна шовинизма препятствовали его усилиям прекратить колониальную агрессию и насилие.

Вооруженная борьба народов Юго-Восточной Азии с колониальной агрессией

Влияние или руководящая роль коммунистов и других левых сил в освободительной борьбе Индонезии, Вьетнама и Малайи делали в глазах империалистов неприемлемым компромисс на условиях признания независимости. К тому же

у империалистических политиков были все основания полагать, что патриотические силы этих стран, накопившие немалый опыт вооруженного сопротивления, не пойдут на компромисс, в чем-то ущемляющий их суверенитет. Полностью же отказаться от политического контроля над этим районом, кладовой сырья, включая стратегическое, западные монополии не собирались. К тому же французский и голландский империализм не располагал такими возможностями, как американский и британский, для существенного ограничения суверенитета после его формального предоставления. Отмеченные обстоятельства и соображения, а также географическая отдаленность этих стран от социалистического мира и их изолированность от главных очагов освободительной борьбы толкали империализм на развязывание агрессии.

Начало агрессии против Республики Индонезии. В кратчайший срок индонезийская революция разрешила задачу захвата власти у японских оккупантов и частичного разоружения японской армии. Захваченным у японцев оружием были оснащены около 100 батальонов, составивших основу созданной 5 октября 1945 г. Национальной армии Индонезии. Когда 29 сентября 1945 г. первые английские отряды под предлогом разоружения японских войск высадились на Яве, они столкнулись с нормально функционирующими органами государственной власти.

Англичане попытались с ходу задушить молодую республику. Одна за другой организовывались провокации, захватывались военной силой города. При этом использовались и японские вооруженные силы. Так, столица Центральной Явы — Семаранг — была взята японскими войсками. Сменившие английские части войска голландских колонизаторов открыто готовили нападение на республику. Укрепившись в восточных районах страны и в крупных центрах Явы и Суматры, голландцы принялись насаждать здесь своих марионеток. Кульминационным пунктом этих провокаций явился штурм Сурабаи 10 ноября 1945 г. Население Сурабаи героически обороняло город, показав решимость отстоять республику. Этот день ежегодно отмечается в Индонезии как День героев.

Империалистические круги США и Англии делали все возможное, чтобы восстановить в Индонезии голландский колониальный режим. К этому их побуждали не только важное стратегическое положение Индонезии или колоссальные природные и людские ресурсы богатейшей страны. Ближайшими соседями Индонезии являлись колониальные владения крупнейших империалистических государств — США, Англии и Франции, и империалисты не без основания боялись, что примеру Индонезии последуют другие колониальные страны Юго-Восточной Азии. Кроме того, английский и американский ка-

питал имел в Индонезии большие экономические интересы, так как голландские колонизаторы проводили здесь политику «открытых дверей».

В январе 1946 г. Советский Союз обратил внимание мировой общественности на положение в Индонезии и поставил этот вопрос в ООН. Империалистические страны первоначально препятствовали обсуждению индонезийского вопроса, а затем, используя в своих интересах машину голосования, создали комиссию ООН по Индонезии, которая стала активным пособником колонизаторов.

Вместе с тем отпор индонезийского народа, моральная и политическая поддержка его борьбы Советским Союзом и прогрессивными силами всего мира заставили колонизаторов пойти на переговоры с республиканским правительством. В марте 1947 г. в Лингаджати было подписано соглашение, по которому признавалась де-факто власть республиканского правительства на Яве, Мадуре и Суматре. Это была серьезная политическая победа молодой республики. Вместе с тем соглашение предусматривало создание на федеральной основе Соединенных Штатов Индонезии, включающих всю территорию бывшей Нидерландской Индии. Республика Индонезии должна была стать частью этой федерации. Соединенные Штаты Индонезии должны были войти в состав Голландско-Индонезийского союза под эгидой голландской короны. Таким образом, колонизаторы планировали растворить революционную Республику Индонезии в Соединенных Штатах Индонезии и ограничить суверенитет вновь создаваемого государства рамками Голландско-Индонезийского союза.

После подписания соглашения голландские колонизаторы продолжали свою провокационную деятельность. Они рассчитывали, что премьер-министр Индонезии Сутан Шарир в итоге примет их условия. Когда в конце мая 1947 г. колонизаторы предъявили республике ультиматум, Шарир готов был принять его и заявил, что признает суверенитет Голландии в переходный период.

Подобная позиция Шарира привела к падению его кабинета и созданию правительства «левого блока» во главе с Амиром Шарифуддином. В ответ 20 июля 1947 г. Голландия начала военные действия, опираясь на помощь и поддержку США и Англии. Голландцам удалось захватить часть территории республики. В этих условиях правительство Шарифуддина в январе 1948 г. вынуждено было принять новое соглашение, навязанное колонизаторами при посредстве пресловутой комиссии ООН по Индонезии. Переговоры происходили на борту американского корабля «Ренвил». По Ренвилскому соглашению территория республики была урезана, а ее права уравнены с правами государств — членов будущих Соединенных

Штатов Индонезии. Подписание соглашения вызвало раскол среди национальных сил. Кабинет Амира Шарифуддина был заменен реакционным правительством Хатты, которое стало проводить антидемократическую и антинациональную политику, в частности приступило к сокращению армии.

В августе 1948 г. конференция КПИ обсудила тяжелое положение, которое создалось для революции, и выработала резолюцию — «Новый путь для республики Индонезии». В ней, в частности, была поставлена задача борьбы за единый национальный фронт. Признав ошибочным существование в стране нескольких партий, исходящих из принципов марксизма-ленинизма, конференция предложила им как можно скорее объединиться.

Тогда контрреволюционные силы, воспользовавшись некоторыми ошибочными действиями КПИ и левых организаций, спровоцировали в сентябре 1948 г. столкновение между войсками, поддерживавшими КПИ, и войсками правительства Хатты в районе Маджуна на Восточной Яве. Маджунские события понадобились реакции для начала жестокого террора против КПИ и физического уничтожения ее руководителей. В результате террора погибли генеральный секретарь КПИ Муссо, члены политбюро Амир Шарифуддин, Сетиаджит, Маруто Дарусман, руководитель СОБСИ Харьоно, многие руководители местных организаций партии и профсоюзов, сотни рядовых активистов. Десятки тысяч патриотов были брошены в тюрьмы.

Разгром КПИ и других массовых организаций значительно ослабил национально-освободительное движение страны. Этим воспользовались голландские колонизаторы, которые в декабре 1948 г. совершили новое нападение на республику, захватили ее столицу и все крупные города и арестовали правительство. Однако борьба народа против колонизаторов не прекращалась. Во время голландского наступления коммунисты боролись в первых рядах защитников республики. Партизанское движение достигло такого размаха, что фактически вся Ява, за исключением крупных городов, была очищена от оккупантов. Широкое партизанское движение и возмущение мирового общественного мнения агрессивной политикой империализма в Индонезии вынудили колонизаторов восстановить республиканское правительство в его столице Джокьякарте и начать с ним переговоры о проведении Конференции круглого стола.

Конференция круглого стола происходила в Гааге с 23 августа по 2 ноября 1949 г. На ней было принято решение разделить Индонезию на 15 автономных единиц с большей или меньшей зависимостью от центрального правительства. Суверенитет Индонезии был ограничен рамками Голландско-

Индонезийского союза, возглавлявшегося нидерландской королевой Юлианой. Фактически Голландия имела возможность в некоторых случаях осуществлять контроль над внешней политикой, обороной, внешней торговлей и финансами Индонезии. В области экономики было восстановлено господство иностранного капитала и навязана выплата долгов Голландии, США, Англии и некоторым другим странам в сумме свыше 1 млрд. долл.

Империалисты Голландии и других стран полагали, что Конференция круглого стола завершила и юридически оформила поражение революции в Индонезии, что индонезийский народ добился лишь формальной политической независимости, но осуществить и защитить свою независимость у него нет ни сил, ни средств. Эти расчеты оказались ошибочными. Героическая борьба индонезийского народа, поддержанная миром социализма, создала условия для дальнейшего развития революции в новых формах, что позволило индонезийскому народу постепенно освободиться от голландского империализма и добиться действительной политической независимости, шаг за шагом ликвидируя остатки колониального господства.

Уже весной 1950 г. в противовес решениям Конференции круглого стола было провозглашено создание единой неделимой Республики Индонезии.

Подавление английским империализмом национально-освободительной борьбы народа Малайи. Вооруженная борьба малайского народа явилась ответом на репрессии английских колонизаторов в 1948 г.: запрет Всемалайской федерации профсоюзов 12 июня, введение чрезвычайного положения 18 июня, объявление вне закона компартии Малайи 23 июля. В июне — августе 1948 г. малайские коммунисты создали по всей стране партизанские отряды, основу которых составили ветераны антияпонской армии народов Малайи. Постепенно активизируя свои боевые действия, партизаны объединились в 1949 г. в Освободительную армию народов Малайи. Благодаря поддержке рабочих и крестьян Освободительная армия смогла установить контроль над рядом районов.

К 1952 г. англичане бросили против малайских патриотов 40-тысячную армию, крупные силы полиции, авиации и флота. Целые селения уничтожались колонизаторами с воздуха, население загонялось в концлагеря. Каратели развернули химическую войну, отравляя большие площади посевов в контролируемых партизанами районах. Селения плантационных рабочих и горняков обносились колючей проволокой, чтобы пресечь все возможные контакты трудящихся с отрядами партизан. Против Освободительной армии были брошены также на вербованные на Северном Борнео отряды

даяков. Однако партизаны продолжали мужественно и стойко сражаться. Тогда англичане прибегли к политическим маневрам и заигрыванию с местными феодально-буржуазными кругами. В 1954 г. три буржуазные партии — Объединенная малайская национальная организация, Китайское общество Малайи и Индийский конгресс Малайи — слились в единую Союзную партию, подготовив тем самым почву для компромисса с правящими кругами Англии. В августе 1957 г. была провозглашена независимость Малайи.

По новой конституции Малайская Федерация стала конституционной монархией. Значительная часть населения, особенно китайского, была лишена права голоса. Правительство Союзной партии во главе с Абдулой Рахманом осенью 1957 г. заключило с Англией «договор об обороне и взаимной помощи». В Малайе остались английские войска, были выстроены военные и авиационные базы. Тем самым английские колонизаторы получили возможность продолжать «усмирение» повстанческого движения, прикрываясь при этом вывеской «национального правительства» формально независимой Малайи. Постепенно, сочетая маневры с репрессиями, колонизаторам и их феодально-буржуазным союзникам удалось отколоть от партизан значительную часть населения, прежде всего собственно малайцев, и фактически свести действия Освободительной армии к изолированным, редким и малоэффективным выступлениям.

Национально-освободительное движение Малайи потерпело временное поражение. Его сила была в мужестве и стойкости рабочих, составлявших основной костяк Освободительной армии. Но его слабостью было отсутствие умелого сочетания вооруженной борьбы и политической работы в массах, чем воспользовались феодальные консерваторы и буржуазные реформисты. Партизанам при их ставке исключительно на военные средства трудно было бороться с превосходящими силами противника. Определенную роль сыграло и преобладание среди партизан лиц китайской национальности, что впоследствии помогло колонизаторам изолировать Освободительную армию от собственно малайского населения.

Сопrotивление филиппинских патриотов проамериканскому режиму. В 1945—1948 гг. Коммунистическая партия Филиппин, находясь на легальном положении, достигла значительных успехов в борьбе за массы: под ее влиянием находилось самое крупное в стране профсоюзное объединение и единственная массовая крестьянская организация. Коммунистическая партия приобрела немало сторонников среди интеллигенции и студенчества. Совместно с буржуазными патриотическими группами, она руководила Демократическим альянсом — организацией единого национального фронта.

Коммунисты возглавили также Лигу ветеранов — Хукбалахап — бывших партизан, которые со времени антияпонской борьбы сохранили много оружия.

Уже с конца 1946 г. на Филиппинах стал назревать острый внутренний конфликт в связи с тем, что после провозглашения независимости правительство попыталось силой разоружить ветеранов Хукбалахап. Коммунисты, стараясь предотвратить гражданскую войну, вступили в переговоры с правительством и согласились зарегистрировать оружие, принадлежавшее бывшим партизанам, но предложили правительству удовлетворить такие требования трудящихся, как проведение аграрной реформы, разоружение помещичьих наемных отрядов и т. п. Реакционные буржуазно-помещичьи круги, поддержанные американским империализмом, всячески саботировали заключение соглашения с демократическими организациями и фактически вели дело к гражданской войне. В 1948 г. произошла смена руководства Коммунистической партии (генеральный секретарь ЦК КПФ Фрианеса был отстранен «за примиренчество»), переговоры с правительством были прекращены, партия провозгласила курс на вооруженный захват власти. Из партизанских отрядов была сформирована Армия освобождения страны, развернувшая бой против правительственных войск.

Коммунистическая партия ушла в подполье. Все находившиеся под ее влиянием рабочие и крестьянские организации вскоре были объявлены вне закона. Однако партизаны вели успешные операции во многих районах о-ва Лусон и рассчитывали со дня на день захватить власть во всей стране. Но уже летом 1951 г. обнаружилось, что успехи партизан были непрочными. Начались первые военные неудачи, а за ними падение морального духа партизан, ослабление поддержки населения. Партизанам пришлось круто изменить свою тактику и полностью перейти к обороне. Тяжкий удар был нанесен арестом членов ЦК КПФ.

В условиях послевоенной хозяйственной разрухи среди городских безработных и деревенской бедноты многие были доведены до отчаяния. Однако от слепого отчаяния до готовности к организованной, целенаправленной борьбе — долгий путь политического развития. Филиппинские народные массы, как показала жизнь, еще не преодолели этого пути, когда в 1948 г. к ним был обращен призыв взяться за оружие. Рабочие и крестьяне, прогрессивная интеллигенция поддерживали Коммунистическую партию в ее борьбе за упрочение независимости, за аграрную реформу, за демократические права народа и предотвращение гражданской войны, но далеко не все из них откликнулись на призыв к вооруженной борьбе за власть. Народ был измучен в годы разоритель-

ной второй мировой войны. К тому же в глазах масс гражданская война велась против национального правительства, в условиях только что достигнутой Филиппинами государственной независимости. В конечном счете только в центральной части о-ва Лусон, в районе наиболее острого безземелья и кабальной издольщины, удалось сформировать из крестьян несколько крупных партизанских отрядов. Городской пролетариат не оказал эффективной поддержки партизанам. Демократическая интеллигенция и национальная буржуазия не одобрили развертывания гражданской войны, они отошли от единого фронта. Демократический альянс прекратил свое существование. Таким образом, социальная база движения значительно сузилась.

Руководители партизан рассчитывали, что для привлечения масс на свою сторону достаточно «разжигать борьбу, демонстрировать мощь революционных сил». Один из этих руководителей говорил, обращаясь к партизанам-активистам: «Горстка людей может изменить мир, если их идеи отвечают потребностям человечества». Подобные иллюзии вели к игнорированию трудной повседневной работы по воспитанию, просвещению и организации трудящихся масс. К тому же не удалось обеспечить партизан даже простейшим оружием.

Плохо вооруженные, измученные недоеданием и болезнями партизаны показывали чудеса храбрости. Между тем против Армии освобождения страны, насчитывавшей не более десяти тысяч бойцов, были брошены солдаты правительственной армии — «гражданские гвардейцы», жандармерия, полиция — в общей сложности до 100 тыс. карателей. США не только предоставили филиппинскому правительству большое количество оружия, военных инструкторов и финансовую помощь, но и держали на архипелаге свои войска, которые могли быть введены в действие в случае, если бы партизаны стали брать верх над армией правительства. В этих условиях замечательный героизм и самоотверженность бойцов Армии освобождения не могли предотвратить поражения.

Осенью 1951 г. командование Армии освобождения страны решило децентрализовать руководство партизанской борьбой. В 1952 г. Коммунистическая партия признала первоначальные расчеты на быструю победу нереальными и переориентировала повстанцев на длительную многолетнюю борьбу. Не отказываясь еще от военных действий, компартия вместе с тем решила перенести центр тяжести на «битву за резервы» (пропаганда для привлечения на свою сторону народных масс).

Борьба Демократической Республики Вьетнам против иностранной интервенции. С захватом Сайгона французские ко-

лонизаторы начали распространять свой контроль на юге Вьетнама. Однако и в этих условиях Народный комитет Южного Вьетнама и областной комитет фронта Вьет-Минь продолжали руководить сопротивлением южновьетнамского населения французским колонизаторам.

Империалистическая агрессия в Южном Вьетнаме была лишь частью обширного плана Франции восстановить свое владычество над всем Вьетнамом и Индокитаем.

В августе — сентябре 1945 г. под предлогом принятия капитуляции японских войск с севера во Вьетнам вступили чанкайшистские части, стремившиеся свергнуть власть Временного народного правительства ДРВ. Четыре армии, насчитывавшие около 200 тыс. человек, продвигались к Ханюю. Китайские милитаристы везли в своих обозах эмигрантских националистических лидеров Национальной партии Вьетнама («Куок Зан Данг») и возникшей в Южном Китае в 1942 г. так называемой Революционной лиги («Донг Минь Хой»). Чанкайшисты разоружали части ДРВ и отряды самообороны, распускали народные комитеты, заменяя их вьетнамскими эмигрантами или местными реакционерами. 9 сентября 1945 г. гоминьдановские части вошли в Ханой. Политическая обстановка чрезвычайно осложнилась. Связанные союзническими соглашениями, принятыми в Потсдаме, чанкайшисты не решались произвести открытый государственный переворот, но всячески помогали заговорщической деятельности вьетнамской реакции.

В ноябре 1945 г. под давлением обстоятельств КПИК обнародовала коммюнике о самороспуске и ушла в подполье. Но это не означало, что партия отказалась от руководства государственной и общественной жизнью страны. Руководимый ею фронт Вьет-Минь прочно удерживал господствующие позиции. Пользуясь поддержкой миллионных масс, народная власть заключила временную коалицию с буржуазно-помещичьими группировками, одновременно ведя напряженную дипломатическую борьбу на внешнеполитическом фронте.

КПИК и народная власть проявляли гибкость и умело маневрировали во имя сохранения завоеваний Августовской революции. Ценой уступок у французских властей было вырвано предварительное соглашение от 6 марта 1946 г. Оно признавало за Вьетнамом статус «свободного государства, имеющего свои органы власти, свою армию и финансы». Временное правительство соглашалось на вступление ДРВ в так называемую Индокитайскую федерацию и во Французский союз, на допуск в северную часть страны сроком на пять лет 15-тысячной французской армии для замены войск Чан Кай-ши. Вопрос об оккупированном Юге подлежал решению путем референдума. 24 марта 1946 г. в заливе Ха Лонг (Се-

верный Вьетнам) состоялась встреча Хо Ши Мина с верховным комиссаром Франции Д'Аржантье. На этой встрече был согласован вопрос об обмене парламентскими делегациями между ДРВ и Францией и продолжении переговоров по осуществлению соглашения от 6 марта 1946 г.

Еще накануне переговоров французская сторона заявила о своем намерении фактически отделить южную часть Вьетнама от остальной территории и организовать там сепаратное автономное государство — Кохинхину. Когда же начались переговоры в Далате, стало ясно, что под статусом «свободного государства» представители французского правительств понимали автономию, при которой ДРВ лишалась бы основных прерогатив суверенитета. «Индокитайская федерация», о которой шла речь в предварительном соглашении, означала по существу замаскированное колониальное генерал-губернаторство Индокитая во главе с верховным комиссаром Франции.

Отказ правых кругов Франции признать независимость и единство Вьетнама завел Далатскую конференцию в тупик. Было решено продолжить переговоры во Франции после формирования нового французского кабинета.

Стремясь оказать давление на вьетнамскую сторону, французские колонизаторы активизировали военные действия. В такой обстановке 6 июля 1946 г. во дворце Фонтенбло под Парижем возобновились прерванные в Далате франко-вьетнамские переговоры. Представители Франции настаивали на условиях, означающих полную капитуляцию ДРВ (Вьетнам лишался самостоятельности в области внешних сношений, финансов, обороны). Делегация ДРВ в Фонтенбло добивалась признания Францией независимости ДРВ, целостности ее территории, суверенитета во внутренних и внешнеполитических вопросах. При этом ДРВ готова была пойти на существенные уступки в политической, экономической и культурной областях. Тем не менее французским представителям казалось, что после вступления их экспедиционного корпуса в Северный Вьетнам и создания периферийных марионеточных группировок они смогут восстановить свое бывшее господство, и поэтому они пытались завести переговоры в тупик.

Верховный комиссар Франции в Индокитае направил в Париж меморандум, в котором докладывал французскому правительству о боевой готовности колониальных войск и требовал прекращения переговоров в Фонтенбло. Вьетнамская делегация, чтобы избежать войны, 14 сентября 1946 г. подписала с правительством Франции временную конвенцию о так называемом модус вивенди. Правительство ДРВ соглашалось на установление единой таможенной системы и валюты в Индокитае. Французское же правительство дало

обещание прекратить огонь в Кохинхине. Дальнейшие переговоры откладывались до января 1947 г.

Используя «модус вивенди», колонизаторы наращивали военные силы во Вьетнаме, вели подготовку к широким военным действиям. Уже в октябре 1946 г. французское командование отдало приказ о «нейтрализации вьетнамского сопротивления», а его войска захватили главный порт ДРВ — г. Хайфон.

В этих условиях была созвана вторая сессия Национального собрания ДРВ, которая приняла первую в истории Вьетнама конституцию, закрепившую исторические завоевания вьетнамского народа на начальном этапе развития народно-демократического строя. В конституции не давалась характеристика общественного строя и классовой сущности вьетнамского государства, что являлось следствием тех особых условий, в которых находилась молодая республика. Конституция прежде всего отражала задачи антиимпериалистической борьбы и закрепляла порядки, отвечавшие интересам сплочения всего народа в борьбе с агрессорами.

В стране было объявлено осадное положение. Народная власть в условиях нависшей военной опасности еще более сплотила ряды вьетнамского народа в организационных рамках двух фронтов: Вьет-Миня — Национального союза и Льен-Вьета — более широкого патриотического объединения (последнее было создано летом 1946 г.). Был укреплен государственный аппарат, заложены организационные и политические основы Народной армии. Эти мероприятия сыграли важную роль в усилении отпора французским колонизаторам, которые 19 декабря 1946 г. атаковали Ханой, начав открытую войну против Демократической Республики Вьетнам.

В первый период войны под давлением превосходящих сил противника (французские империалисты сосредоточили во Вьетнаме 200-тысячную армию, оснащенную современной военной техникой) Народная армия вынуждена была оставить столицу республики Ханой и другие крупные населенные пункты. На оккупированной территории развернулась широкая партизанская война.

Столкнувшись с решительным сопротивлением вьетнамского народа, империалисты прибегли ко всякого рода провокациям, использовали внутренние реакционные силы для раскола его рядов. В 1948 г. появилось временное центральное правительство Вьетнама во главе с генералом французской службы Нгуен Ксюаном, а в 1949 г. главой «Государства Вьетнам» стал экс-император Бао Дай. В заключенном с ним соглашении Франция «торжественно провозглашала независимость Вьетнама в рамках Французского Союза». «Независимость» обставлялась такими политическими, воен-

ными и экономическими оговорками, при которых Франция сохраняла полный контроль над Вьетнамом.

«Признав» марионеточное государство Бао Дая, США начинают открыто вмешиваться в войну во Вьетнаме, готовясь к замене французских колонизаторов в случае их поражения в грязной войне. Монополии США постепенно огтесняли французские фирмы, действовавшие во Вьетнаме.

В вооруженных силах и административных органах марионеточного правительства обосновывались американские советники и военные. Однако народные массы Вьетнама под руководством революционного правительства усиливали борьбу. В период войны Соппротивления система органов государственной власти и государственного управления была приспособлена к условиям военного времени. В соответствии с декретом от 19 ноября 1948 г. вся страна была разделена на военные зоны; во главе каждой из них стоял военно-административный комитет, руководивший движением Соппротивления.

В ходе развертывания борьбы против французских захватчиков рос авторитет коммунистов. Им доверялись самые ответственные посты во всех звеньях государственного аппарата, в органах фронта и общественных организациях. Это свидетельствовало о том, что в процессе вооруженной борьбы против врага шло усиление революционного руководства в союзе патриотических сил.

При решающей роли рабочего класса удалось эвакуировать в глубокий тыл две трети предприятий республики. В джунглях и горах Вьетнама в годы войны было введено в строй 130 небольших государственных военных предприятий, а также металлообрабатывающие, химические, текстильные, бумажные, фармацевтические и другие мастерские. В годы войны Соппротивления на освобожденной территории предпринимались шаги по ликвидации экономических позиций иностранного капитала. В марте 1950 г. народная власть приняла решение о национализации лесов и недр страны, а также земельных фондов, принадлежавших империалистам и изменникам. В 1951 г. начал функционировать Национальный банк Вьетнама, ставший важной частью государственного сектора народного хозяйства.

Еще в мае 1946 г. в Ханое на второй конференции представителей профсоюзов было решено создать Всеобщую конфедерацию труда. К концу 1946 г. ВКТ уже насчитывала 250 тыс. членов. В 1949 г. ВКТ Вьетнама была принята в члены Всемирной федерации профсоюзов.

В годы войны не прекращались усилия по преобразованию сельского хозяйства. В марте 1947 г. правительство ДРВ приняло декрет об укреплении деревень и стимулиро-

вании кооперативного движения. Его важной первоначальной формой были коллективные ирригационные работы. Благодаря этим и другим мерам в ходе самых трудных первых лет войны Соппротивления народной власти удалось стимулировать сельскохозяйственное производство. До 1949 г. основным моментом в аграрной политике ДРВ была линия на снижение арендной платы, взимаемой с крестьян помещиками. Однако по мере развертывания освободительной борьбы и поправления отдельных прослоек помещиков, особенно в Южном Вьетнаме, где существовало марионеточное правительство, революционная власть с 1949 г. начинает принимать более решительные меры, вплоть до конфискации земли и имущества колонизаторов и вьетнамских предателей.

В годы войны вьетнамские коммунисты содействовали дальнейшему расширению единого национального фронта, вовлекали в него представителей национальных меньшинств, религиозных групп, добивались объединения всех политических партий.

7 ноября 1949 г. Постоянный комитет Вьет-Миня поставил вопрос об объединении обоих фронтов, был выдвинут лозунг: «Укреплять Вьет-Минь, расширять. Льен-Вьет, готовить объединение обеих организаций!». Дальнейшей консолидации единого национального фронта содействовали выход из подполья Коммунистической партии Индокитая и проводившиеся под ее руководством важные социально-экономические преобразования. Эти качественные сдвиги, происходившие внутри страны, были тесно связаны с коренным изменением ее положения на мировой арене: в 1950 г. социалистические страны установили дипломатические отношения с ДРВ и стали оказывать ей помощь и поддержку.

11 февраля 1951 г. открылся второй съезд Коммунистической партии Индокитая, на котором было принято решение о переходе партии на легальное положение и о переименовании ее в Партию трудящихся Вьетнама. Съезд принял манифест, программу и устав, более полно отвечавшие требованиям современной обстановки. «Главная задача вьетнамской революции,— говорилось в программе Партии трудящихся,— состоит в том, чтобы изгнать империалистических агрессоров, достичь полной независимости и единства народа, уничтожить колониальный режим в районах, временно оккупированных врагом, искоренить все остатки феодализма и полуфеодализма, с тем чтобы земледельцы могли иметь землю, развивать народно-демократический строй и заложить основы социализма».

В марте 1951 г. по инициативе Партии трудящихся был созван Всевьетнамский конгресс народных представителей, на котором присутствовало 360 депутатов, представлявших все

слои вьетнамского народа. Конгресс принял решение о слиянии обоих фронтов в рамках Льен-Вьета. Ведущей силой фронта стала Партия трудящихся. В рядах фронта объединилось несколько миллионов человек.

Создание Объединенного национального фронта, руководимого Партией трудящихся, укрепление Народной армии и системы государственных органов, проводившиеся в годы войны социально-экономические преобразования явились решающими внутренними факторами, обеспечившими успехи вьетнамского народа в борьбе против интервентов. Конечно, военная обстановка замедлила темпы и масштабы осуществления социально-экономических преобразований. Они сводились, как было показано выше, к образованию государственного сектора народного хозяйства и некоторым аграрным реформам в интересах трудового крестьянства.

В соответствии с аграрными декретами 1949—1953 гг. были перераспределены и переданы во временное владение крестьян общинные земли, захваченные помещиками и кулаками, земли реакционеров и изменников. К середине 1953 г. к крестьянам таким путем перешло более 564 тыс. га земель. При этом крестьяне должны были выплачивать только поземельный налог и продовольственные поставки в размере 8—12% собранного урожая. Растущая политическая активность масс и успехи на фронте борьбы с агрессорами создавали благоприятные предпосылки для осуществления дальнейших шагов по пути углубления аграрных преобразований. Согласно декрету правительства ДРВ от 12 апреля 1953 г. было предусмотрено наказание помещиков, саботировавших предписания народного правительства. Помещики должны были возместить арендную плату, незаконно полученную ими у крестьян в нарушение декрета 1949 г. Столь же категорически требовалось сократить процентные ставки, взимаемые с крестьян за ссуды. Земли, принадлежавшие колонизаторам и коллаборационистам, отныне передавались бедным крестьянам и беднякам не во временное, а уже в постоянное пользование.

На третьей сессии Национального собрания, открывшейся 14 декабря 1953 г., был принят закон об аграрной реформе, предусматривавший ликвидацию помещичьего землевладения и передачу земли трудящимся крестьянам. Закон вводил различие между помещиками-реакционерами и помещиками, принимавшими участие в войне Сопротивления. У помещиков-реакционеров земля и все имущество конфисковались, у помещиков, участвовавших в борьбе с врагом, земля, рабочий скот и инвентарь выкупались. Все конфискованные и выкупленные земли должны были бесплатно распределяться среди крестьян.

С 1950 г. вьетнамский народ стал получать во все возраста-

тающих масштабах военно-экономическую помощь от СССР, КНР и других социалистических стран.

С первых дней существования народной власти во Вьетнаме активную поддержку оказывала ей Французская коммунистическая партия. Упорную борьбу против агрессии во Вьетнаме вели докеры Марселя, Порт-Вандра, Бордо, Ла-Паллиса, Нанта, Руана, моряки «Бельфора», «Пастера», «Лиона» и других кораблей, занятых военными перевозками во Вьетнам. Железнодорожники Нанта, Лиона, Сан-Пьер-де-Кора, рабочие заводов «Рено», Фив-Дилля, Тулузы, Гренобля, Ниццы показали в этой борьбе образцы пролетарского интернационализма.

В октябре 1950 г. Народная армия Вьетнама перешла в наступление и прочно овладела инициативой военных действий, которую не выпускала до конца войны. Она освободила ряд крупных городов, овладела ключевой позицией французов в Северо-Западном Вьетнаме — г. Лао-Каем. Это было самое жестокое поражение колонизаторов за время войны; весь северный район страны, за исключением порта Мон-Кэй, был освобожден от оккупантов. Части Народной армии вышли на подступы к Ханюю.

В марте 1951 г. была проведена объединенная конференция представителей Единого национального фронта Вьетнама, Национального фронта Патет-Лао и Национального фронта Кхмера. На ней был создан Единый национальный фронт народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, означавший своего рода союз между тремя фронтами, направленный против колонизаторов. После этого три освободительные армии поддерживали друг друга и координировали свои действия.

Но во Вьетнам прибывали новые контингенты французских войск, поступали новые партии американского вооружения — танки, самолеты, десантные суда, бронемшины. Американские офицеры начали принимать непосредственное участие в руководстве военными операциями. Только в феврале 1951 г. в Сайгон прибыло 413 американских офицеров и технических специалистов. Однако осенняя кампания 1952 г. кончилась поражением оккупантов, а весной 1953 г. Народная армия продолжала наступательные операции в Северном и Центральном Вьетнаме. Активные боевые действия проводились ее частями и в Намбо — юге страны.

9 мая 1953 г. французский командующий в Индокитае генерал Салан был отозван, а на его место назначен Анри Наварр, до этого бывший начальником штаба наземных войск Североатлантического союза в центральной зоне Европы. Предварительно побывав в США, Наварр привез с собой во Вьетнам одобренный Пентагоном план «мобильной» войны против вьетнамского народа. Империалисты США взя-

ли на себя уже около половины всех расходов на грязную войну. Кроме ассигнованных на 1953 г. 400 млн. долл. они согласились дополнительно выделить еще 385 млн. долл.

К началу осенне-зимней кампании 1953/54 г. вооруженные силы оккупантов состояли из четырех изолированных группировок. 15 октября 1953 г. Наварр приступил к осуществлению так называемой операции «Чайка», имевшей целью объединить изолированные группировки французских войск в Северном и Центральном Вьетнаме. Но уже к 18 октября наступление французских войск было сорвано и они перешли к обороне.

11 декабря 1953 г. народные войска заняли Лай-Тяу — главный город Северо-Западного Вьетнама. Укрепленный район Дьен-Бьен-Фу оказался в окружении. 7 мая 1954 г. крепость в Дьен-Бьен-Фу пала. Армия колонизаторов в этой битве потеряла свыше 16 тыс. солдат и офицеров и огромное количество снаряжения. Общие потери оккупантов с начала войны составили около 400 тыс. человек. Франция затратила на войну во Вьетнаме 300 млрд. фр., а США — 2900 млн. долл. Битва при Дьен-Бьен-Фу поставила интервентов перед полной военной катастрофой. Народная армия к весне 1954 г. контролировала 75% территории Вьетнама, на которой проживала большая часть населения страны. Но застрельщики грязной войны еще не смирились.

Незадолго до падения Дьен-Бьен-Фу агрессивные круги Соединенных Штатов выступили за крестовый поход против вьетнамского народа. Седьмой американский флот вошел в территориальные воды ДРВ. Американские летчики включились в военные операции против Народной армии. 29 марта 1954 г. государственный секретарь США Даллес призвал организовать так называемые объединенные действия против народов Индокитая. Но ни Англия, ни Франция не решились идти на огромный риск, связанный с подобными действиями. Французское правительство было вынуждено пойти на рассмотрение вопроса о прекращении войны в Индокитае.

Демократическим силам мира, решительно поддерживавшим справедливую освободительную борьбу вьетнамского народа, удалось добиться созыва в апреле — июле 1954 г. в Женеве совещания министров иностранных дел СССР, КНР, ДРВ, Франции, Англии, США и других заинтересованных государств по вопросу о восстановлении мира в Индокитае. Вопреки всем препятствиям, чинимым представителями США и других империалистических держав, совещание завершилось подписанием ряда важных соглашений. Они предусматривали прекращение военных действий в странах Индокитая — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Во Вьетнаме установилась временная демаркационная линия, проходящая пример-

но через географический центр страны — по 17-й параллели — от побережья Южно-Китайского моря до границ с Лаосом.

Намечая конкретный путь мирного развития Вьетнама, Женевские соглашения предусмотрели проведение в июле 1956 г. всеобщих свободных выборов для объединения вьетнамского народа, для ликвидации временной демаркационной линии. Женевские соглашения закрепляли и такое важное положение, как запрещение использования территории стран Индокитая, и в частности Вьетнама, в агрессивных целях. Запрещался ввод во Вьетнам иностранных войск и иностранного военного персонала, а также ввоз оружия и боеприпасов. Обе стороны обязывались следить за тем, чтобы отведенные им зоны не входили ни в какой военный союз и не использовались для возобновления военных действий или в целях агрессивной политики.

Участники конференции соглашались воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, уважать их независимость и суверенитет. Былработан порядок осуществления контроля за соблюдением условий восстановления мира в Индокитае. Важные функции возлагались на международные комиссии в составе представителей Индии, Польши и Канады под председательством Индии для наблюдения и контроля за осуществлением условий перемирия.

Страны, подписавшие декларацию, обязывались уважать суверенитет, независимость, единство и территориальную целостность стран Индокитая, не вмешиваться в их внутренние дела, а также консультироваться между собой по любому вопросу, переданному им на рассмотрение международной комиссией по наблюдению и контролю, для принятия соответствующих мер. Американские представители отказались присоединиться к заключительной декларации, не желая связывать себя какими-либо обязательствами по Индокитаю, однако под давлением общественного мнения вынуждены были заявить, что не станут нарушать ее положения. Дальнейшие события, однако, показали, что отказ США поставить свою подпись под заключительной декларацией был преднамеренным актом американских правящих кругов, имевшим целью в дальнейшем срыв Женевских соглашений.

Женевское совещание и его решения увенчали важнейший этап в борьбе вьетнамского народа за свободу и независимость и открыли новую полосу в развитии страны. 27 июля 1954 г. на всех участках фронта в Северном Вьетнаме прекратились военные действия. Затем мир распространился на Центральный и Южный Вьетнам.

В Южном Вьетнаме Народная армия к февралю 1955 г. оставила большую территорию, находившуюся в руках народ-

ной власти. К середине мая — одновременно с освобождением французами Хайфона — завершился перевод в ДРВ последних частей Народной армии, сконцентрировавшихся в феврале в Центральном Вьетнаме; закончился и обмен военнопленными.

Правительство ДРВ предпринимало все усилия для реализации не только военных, но и политических статей Женевских соглашений. Готовность ДРВ к проведению консультаций с южновьетнамскими властями была убедительно продемонстрирована в заявлении от 6 июня 1955 г. и ноте от 19 июля 1955 г. Предпринимались шаги, направленные на развитие экономических и культурных связей с Южным Вьетнамом. Однако все это не получало отклика со стороны марионеточной клики, взявшей курс на раскол Вьетнама. Разделенные временной демаркационной линией, две части одной страны пошли разными путями развития.

Таким образом, общенациональный поток революции, бывший до этого единым по форме и содержанию, претерпел своеобразное раздвоение. На Севере Вьетнама, где установилось безраздельное политическое господство народно-демократического строя, на повестку дня выдвинулись задачи проведения коренных социально-экономических преобразований, прежде всего аграрной реформы, призванной ликвидировать помещичье землевладение; задачи восстановления народного хозяйства, разрушенного долгими годами военных действий и хозяйничаньем империалистов; строительства основ социализма. Наряду с этим сохранялась задача воссоединения страны на мирной демократической основе. На пути к осуществлению этой цели вьетнамский народ встретил огромные трудности. Американские империалисты, пришедшие на смену французским колонизаторам, превращали Южный Вьетнам в одну из своих военных баз в Юго-Восточной Азии, делали все, чтобы сорвать Женевские созвещения. В 1955 г. Южный Вьетнам был объявлен республикой во главе с Нго Динь Зьемом — ставленником США. Оказывая прямую военную поддержку новому режиму, а после него и другим марионеточным правителям, США стремились не допустить воссоединения страны и в конечном итоге развязать агрессивную войну против ДРВ.

Революционные силы Южного Вьетнама оказались временно ослабленными перегруппировкой на Север военных и политических кадров и соответствующим свертыванием институтов народно-демократического строя, порожденного Августовской революцией, органов фронта Льен-Вьет и Партии трудящихся Вьетнама. В изменившихся условиях им предстояло снова развернуть борьбу за решение прежде всего антиимпериалистических задач революции.

В создавшейся обстановке особенно важное значение приобрело укрепление народно-демократического строя в Северном Вьетнаме, осуществление коренных социально-экономических преобразований, повышение материального благосостояния трудящихся. С честью выдержав суровое испытание войны Спрогивления против империалистических захватчиков, вьетнамский народ отстоял завоевания Августовской революции, защитил свою демократическую республику и получил возможность приступить к восстановлению народного хозяйства и коренным социально-экономическим преобразованиям.

* * *

Как видно, исход длившейся все послевоенное десятилетие кровавой борьбы патриотических сил стран Юго-Восточной Азии ознаменовался поражением империализма. Индонезия, Вьетнам, Камбоджа и Лаос добились полной независимости (на всей национальной территории или на ее значительной части). Патриотическое сопротивление в тех странах, где оно потерпело временное поражение, оказалось столь упорным, что и здесь в случае фактического устранения империализма баланс сил неизбежно восстановился бы в пользу лагеря национального освобождения. Поэтому «присутствие» империалистов в этом регионе становилось, если исходить из целей их политики, необходимым условием как «сдерживания» освободительных сил, так и их «отбрасывания», коль скоро для этого возникнет подходящая обстановка.

Империализм мог извлечь серьезные уроки из своих поражений предшествующего десятилетия. Его стратегам было очевидно, что местная реакция не может выстоять в войне с освободительными силами, если не получит прямой поддержки интервентов (опыт Вьетнама). Более того, империалистическая интервенция оказывается столь же безуспешной, если несет с собой простую реставрацию колониального режима (опыт Вьетнама и Индонезии). Напротив, если интервенция сочетается с определенными уступками местным влиятельным кругам и широким социальным маневром по отношению к части трудовых слоев, то возможно образование относительно прочного режима, не способного, однако, существовать без постоянной опоры и ориентации на империалистическое покровительство (что не исключает использования такими режимами международной обстановки для выторговывания более выгодных условий покровительства).

Эти новые условия осуществления империалистической политики и соответствующие им методы нашли свое выражение в блоке СЕАТО, договор о котором был подписан в Ма-

ние в сентябре 1954 г. и вступил в силу в феврале 1955 г. Его образование было непосредственно связано с «уходом» Франции из Индокитая и теми перспективами, которые открывались перед национально-освободительным движением в Юго-Восточной Азии в полной ликвидации всех колониальных и марионеточных режимов. Организаторы СЕАТО — империалисты США и Англии подчеркивали, что основной задачей блока является борьба с национально-освободительным движением, с «подрывной деятельностью коммунистов». При штабе СЕАТО был создан специальный «исследовательский центр» для борьбы против «коммунистической деятельности». Руководители СЕАТО взяли на себя жандармские функции по подавлению национально-освободительного движения.

Большая заслуга в разоблачении колониальной и агрессивной сути СЕАТО и в противодействии вовлечению в него основных государств Южной и Юго-Восточной Азии принадлежит дипломатии Индии и ее руководителю Дж. Неру. В своем выступлении 29 сентября 1954 г. в Народной палате он заявил: «Манильский договор опасно тяготеет в направлении сфер влияния, которое должны оказывать могущественные страны, а не две-три слабые и небольшие страны Азии, ставшие их союзниками». Действительно, из восьми участников СЕАТО только три страны являются азиатскими: Пакистан, Филиппины и Таиланд. Остальные его участники — США, Англия, Франция, Австралия и Новая Зеландия.

Стремясь не допустить дальнейшего развития революционного процесса, США с 1950 по 1964 г. затратили лишь в Юго-Восточной Азии на «борьбу против коммунизма» 5 млрд. долл. и приступили к подготовке агрессии не только в Юго-Восточной Азии, но и в прилегающих к этому региону странах, опираясь при этом на ударный кулак — американские вооруженные силы.

Развитие национально-освободительной борьбы в арабских странах Северной Африки и Ближнего Востока

Как уже показывает опыт Азии, в глобальном масштабе соотношение сил национального освобождения и колониализма складывалось под решающим воздействием возросшей мощи мира социализма. Вместе с тем в пределах континента или региона непосредственным стимулом для складывания нового соотношения сил могла послужить победа антиимпериалистической революции в одной-двух крупнейших странах. Так, отступление империализма в послевоенной Азии началось с завоевания суверенитета Индией (1947 г.)

и с победой великой китайской революции (1949 г.). Эти исторические достижения двух величайших народов Азии, которые использовали для своего освобождения косвенную или прямую поддержку мира социализма, в свою очередь оказывали влияние на соотношение сил как в мировом, так и в региональном, азиатском масштабах, облегчив в дальнейшем освобождение средних и малых стран этой части света. Подобным же образом развитие египетской революции и особенно отпор, который дал в 1956 г. народ Египта при поддержке социалистических стран и афро-азиатских народов империалистической агрессии, а также вооруженная борьба Алжира ускорили национально-демократические революции в арабских странах и распад колониальных империй в Африке.

Революция 1952 г. в Египте. Революция 1952 г. в Египте является важнейшим рубежом в послевоенной истории не только Египта, но и всех арабских и африканских стран. Антиимпериалистическая и антифеодальная по своему характеру, она ликвидировала в Египте монархический строй, свергнув реакционно-компрадорский режим короля Фарука, и подготовила условия для решительного освобождения Египта от уз колониальной зависимости, экономической отсталости и средневековых пережитков. Само по себе это уже имело огромное значение и оказало в дальнейшем большое влияние на ход событий в арабо-африканских странах. Но сущность революции 1952 г. этим не исчерпывается. Ее важность заключается и в том, что это была первая в послевоенном афро-азиатском мире успешно завершившаяся революция в формально независимой стране, ставившая целью завоевание независимости фактической. Именно вследствие этого опыт египетской революции 1952 г., рожденные ею формы и методы политической борьбы, особенности организации и руководства ее движущих сил явились в дальнейшем образцом для многих сходных с нею движений прежде всего в арабских странах.

Революция 1952 г. произошла в стране, где самые широкие слои населения, включая недовольные засильем иностранного капитала круги национальной буржуазии, были заинтересованы в свержении господства империализма, продажной феодально-бюрократической клики и близко стоявшей к ней крупной компрадорской буржуазии. Но силы, противостоящие колонизаторам и их внутренней агентуре, были разьединены. Египетский пролетариат был численно слаб и плохо организован. Коммунисты не сумели его возглавить в значительной мере ввиду того, что им не удалось объединиться в единую марксистско-ленинскую партию. Не было в Египте и последовательно революционной буржуазно-демократической партии или единого фронта всех патриотиче-

ских организаций, способного повести за собой широкие народные массы.

Руководство в национально-освободительном движении принадлежало партии Вафд, выразителю интересов национальной буржуазии и либеральных помещиков. Но Вафд не был революционной организацией, в борьбе за независимость признавал только легальные методы. Выступая с антиимпериалистических позиций, Вафд в то же время неоднократно шел на компромиссы с колонизаторами, опасаясь открытого столкновения с ними; Вафд никогда не требовал раздела земель помещиков и королевской семьи, никогда не выступал против господства крупного капитала.

Посулы некоторых реформ и обещания добиться эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала (где они находились в соответствии с кабальным договором 1936 г.) принесли Вафду победу на парламентских выборах 1950 г. Движение за отмену этого договора особенно массовый характер приняло в августе—сентябре 1951 г., когда по всей стране проходили митинги и демонстрации. 15 октября 1951 г. парламент Египта денонсировал договор 1936 г. Началась забастовка египетских рабочих в оккупированной англичанами зоне Суэцкого канала, сопровождавшаяся нападениями патриотических отрядов освобождения на английские войска.

Однако правительство Вафда медлило, ограничиваясь лишь протестами против расправ английской военщины с бастующими и партизанами. Увольнение английских чиновников и отзыв посла из Лондона— вот самое большее, на что решилось руководство Вафда, не допустившее участия египетской армии в боевых действиях против оккупантов. Воспользовавшись его пассивностью и нерешительностью, а также провокационным поджогом Каира 26 января 1952 г. экстремистами и агентами реакции, король Фарук уволил в отставку вафдистский кабинет под предлогом его неспособности обеспечить общественный порядок. Вафд не оказал сопротивления этому по сути дела контрреволюционному перевороту. Дворцовая клика, захватившая в результате переворота безраздельную власть в стране, установила режим террора. Парламент был распущен, наиболее активные участники патриотического движения брошены в тюрьмы и концлагеря.

Однако события зимы 1951/52 г. не прошли бесследно. Недовольство широких народных масс реакционным режимом было всеобщим. Все больше чувствовалась потребность в политической организации, способной возглавить патриотическое движение народа. Эту задачу не мог выполнить Вафд, продемонстрировавший бессилие и малодушие в январе 1952 г. Тем более этого не могли сделать другие партии крупной буржуазии, занимавшие открыто проколониза-

торскую позицию. Не по силам эта задача была и мелкобуржуазным экстремистским организациям типа Ассоциации братьев-мусульман, стоявшей на позициях крайнего национализма и религиозного фанатизма.

В этих условиях постепенно стала возрастать политическая роль действовавшего в рядах египетской армии тайного патриотического общества «Свободные офицеры» во главе с Гамаль Абд ан-Насером. В 1947 г. оно насчитывало около тысячи офицеров. Особенно усилилось его влияние во время и после Палестинской войны 1948—1949 гг. Члены общества были, как и подавляющее большинство египетских офицеров, выходцами из городских средних слоев, зажиточного крестьянства, служилой интеллигенции.

Слабостью общества было отсутствие четко разработанной программы. Молодые офицеры (самым старшим из них в 1952 г. было 30—35 лет) были связаны лишь общей клятвой «защищать честь и достоинство Египта». После поражения Египта в Палестинской войне 1948—1949 гг. символом веры «Свободных офицеров» стала также ненависть к бездарному и расточительному королю, вмешивавшемуся в руководство боевыми операциями, к продажной дворцовой клике, империалистическим прислужникам — феодалам и крупным буржуа, из-за казнокрадства и предательства которых египетская армия получила совершенно негодное оружие, испытывала нехватку боеприпасов и снаряжения.

В январе 1952 г. председателем правления офицерского клуба в Каире стал бригадный генерал Мухаммед Нагиб, известный широким кругам египетской общественности благодаря его конфликту с королем, ранению на палестинском фронте и военно-литературным трудам. Выступление офицеров было ускорено произволом Фарука, который 15 июля 1952 г. распустил правление клуба офицеров в Каире, а 18 июля уволил Нагиба из армии. По сигналу исполкома общества армейские части в ночь на 23 июля захватили власть в Каире и других главных городах. Нагиб был провозглашен верховным главнокомандующим вооруженными силами, а исполком «Свободных офицеров» преобразовался в Совет руководства революцией и заставил короля утвердить новый состав правительства, а 26 июля отречься от престола. Вся полнота власти оказалась в руках Совета руководства революцией.

«Свободные офицеры» передали в ночь на 23 июля послу США, а через него и представителям Англии, что переворот является внутренним делом Египта, что неприкосновенность личности и собственности всех иностранных граждан, включая англичан, будет соблюдаться, а всякое вмешательство извне встретит сопротивление египетской армии. Поэтому Фа-

рук тщетно просил Англию об интервенции, против которой возражали США. Судя по всему, США расценили июльскую революцию как обычный военный переворот, заменивший обветшавшую монархию твердой диктатурой, с помощью которой они явно рассчитывали расширить и укрепить экономические и политические позиции США в Египте за счет вытеснения Англии.

Восставшие офицеры, будучи молодыми, политически неопытными и неизвестными народу людьми, предоставили играть главную роль генералу Нагибу. 14 августа Нагиб был введен в Совет руководства революцией. 25 августа Насер уступил ему пост председателя Совета, оставшись его заместителем, 9 сентября Нагиб стал премьер-министром, а 18 июня 1953 г., в день провозглашения республики,— первым президентом Египта. В целом Нагиб проводил в жизнь решения Совета руководства революцией, однако он был временным попутчиком революции. Землевладелец и состоятельный человек, он всегда выступал за укрепление связей с Западом и широкое привлечение иностранного капитала.

Постепенно выяснилось, что империалисты и внутренняя реакция ошибались в своих оценках революции 1952 г. Независимо от роли Нагиба и тех или иных мер, осуществлявшихся им, Совет руководства революцией, фактическим главой которого все время был Насер, не выпускал из своих рук реальной власти. В сентябре 1952 г. он решил провести аграрную реформу — были конфискованы земли королевской фамилии и крупнейших помещиков, всего 6,4% земель Египта (из 36%, находившихся во владении феодалов), и началось их распределение за выкуп среди крестьян. В октябре 1954 г. было заключено соглашение о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала.

Весной 1954 г. произошло открытое столкновение Нагиба с большинством Совета руководства революцией. Нагиб, считая революцию законченной, стремился вернуться к «нормальному» положению, требуя для этого разрешения деятельности запрещенных политических партий, что вновь должно было открыть путь к власти феодалам и крупной буржуазии, и замены гражданским правительством Совета руководства революцией. В ходе развернувшейся борьбы Насер стал премьер-министром и вновь занял пост председателя Совета руководства революцией. Нагиб сохранил лишь чисто почетную должность президента республики. В ноябре 1954 г. он был смещен и окончательно устранен с политической арены. Его обязанности принял на себя Насер, который в соответствии с утвержденной 23 июня 1956 г. путем всенародного опроса постоянной конституцией был избран президентом республики.

Наращение освободительного движения в 1954—1956 гг. Арабский мир в 1954—1956 гг. был охвачен революционным брожением: в феврале 1954 г. всеобщее восстание в Сирии смело проамериканскую диктатуру Шишekli; под давлением международного общественного мнения и все возраставшего вооруженного сопротивления туниских и марокканских патриотов правительство Франции вынуждено было пойти на предоставление автономии внутреннего управления Тунису (июль 1954 г.) и Марокко (ноябрь 1955 г.), а в марте 1956 г. была провозглашена независимость обеих стран; в январе 1956 г. политической самостоятельности добился народ Судана; в Ираке ширилась борьба народных масс против феодально-бюрократического деспотизма послушной империалистам монархии; активизировались и прогрессивные силы Иордании, достигнувшие значительных успехов на парламентских выборах 1954 г. и принудившие убраться из страны британского ставленника генерала Глабба.

Осенью 1954 г. в Алжире вспыхнуло восстание, организованное незадолго до этого возникшим Фронтом национального освобождения (ФНО) Алжира. Главной силой ФНО явились группы патриотического подполья, готовившиеся к вооруженной борьбе еще с 1947 г. Опираясь на наиболее обездоленную часть жителей горных областей Ауреса и Кабилии, активисты ФНО смело вступили в борьбу с колонизаторами. Несмотря на жестокие репрессии и военно-техническое превосходство сил карателей, ФНО добился значительных успехов: к осени 1955 г. партизанское движение охватывало уже как горные, так и равнинные районы, во Франции стала шириться борьба за мир в Алжире, алжирский вопрос был поставлен в ООН. В августе 1956 г. состоялся съезд ФНО в Суммаме (Кабилия). На нем была принята политическая программа, провозгласившая в качестве важнейших целей завоевание независимости Алжира, создание демократической республики, проведение аграрной реформы. Съезд образовал руководящий орган национально-освободительного движения — Национальный совет алжирской революции.

В ходе борьбы ФНО постепенно сформировал из сравнительно небольших и плохо вооруженных партизанских отрядов Армию национального освобождения (АНО), численность которой непрерывно возрастала (3 тыс. бойцов в 1954 г., 60 тыс. — в 1956 г., 130 тыс. — в 1958 г.). АНО получила значительную помощь от социалистических стран, в первую очередь от СССР, и от арабских стран, главным образом Египта (с 1958 г. — ОАР), Туниса, Марокко и Ирака. После установления французскими войсками прочной блокады границ Алжира с Тунисом и Марокко в конце 1957 г. советское и чехословацкое оружие для алжирской АНО стало перевозиться мо-

рем на болгарских, югославских и египетских кораблях. На освобожденной повстанцами территории были созданы революционные органы власти (народные собрания в деревнях, трибуналы и региональные комитеты ФНО), ведавшие судом, производством, сбором налогов, снабжением АНО продовольствием и информацией, набором молодежи в партизанские отряды. Впоследствии эти органы стали также нелегально функционировать и в районах, оккупированных французскими войсками. Численность этих войск в Алжире постоянно увеличивалась, так что к 1958 г. в Алжире находилось до 800 тыс. французских солдат и офицеров, две трети авиации и половина военного флота Франции.

Основной опорой ФНО было крестьянство, особенно бедняки и сельскохозяйственные рабочие, составлявшие большинство населения алжирской деревни. Промышленный пролетариат также участвовал в борьбе, но не смог ее возглавить. Это объясняется рядом причин: значительная часть промышленного пролетариата была представлена выходцами из Европы, враждебно относившимися в основной своей массе к алжирской революции; предательскую роль играли правые социалисты; экономическое положение занятых рабочих было намного лучше положения подавляющего большинства крестьян и безработных. Борьбой руководили главным образом представители городской мелкой буржуазии и интеллигенции. Национальная буржуазия колебалась: наиболее радикальное ее крыло в конце концов (в 1956 г.) примкнуло к ФНО, но в целом буржуазия, чрезвычайно слабая в Алжире и в значительной мере зависевшая от хозяйничавших в стране французских и местных европейских капиталистов, все время выжидала исхода борьбы, делая ставку то на ФНО, то на колониалистов.

Освободительному движению арабских стран были свойственны противоречия, определившие в известной степени особенности его последующего развития. Антиимпериалистическая направленность имела прежде всего националистический характер, позволявший объединять под знаменем национального освобождения самые разнородные в социальном и идейном отношении силы: от рабочих и крестьян до буржуазии и феодалов, от марксистов и стихийных социалистов до крайних шовинистов и религиозных фанатиков. Движение арабов в 1954—1956 гг. ставило перед собой прежде всего исключительно национальные задачи и почти не интересовалось задачами социальными. Конечно, определенные пункты социально-экономического характера (например, требования аграрной реформы, обобществления «крупных средств производства», экспроприации собственности иностранных колонизаторов) содержались в программах некоторых партий

и организаций, таких, как ФНО Алжира, сирийская партия Баас (т. е. Социалистическая партия арабского возрождения), тунисский Новый Дустур. Однако все эти требования были сформулированы в самом общем виде и осознавались массами как лозунги скорее национальные (т. е. направленные против иностранного капитала), чем социальные (т. е. заостренные против собственных феодалов и буржуазии). Этим, в частности, объясняется, почему те или иные партии, придя к власти в арабских странах, не спешили с осуществлением внутренних преобразований. Их программы хорошо служили делу сплочения масс в борьбе против империализма и за национальную независимость. После достижения этих целей каждая из социально-политических группировок освободительного движения тянула в свою сторону, по-своему интерпретируя социальный контекст программных положений. К тому же в ряде арабских стран националисты вообще считали социальные требования масс чем-то второстепенным, отвлекающим от главной задачи — борьбы за независимость.

Единство всех антиимпериалистических сил арабского мира подрывал также бытовавший среди националистов антикоммунизм. Коммунистов считали «неарабами», «немусульманами», «врагами арабского национализма и ислама». Неарабское происхождение многих коммунистов (особенно в Алжире, Тунисе, Египте) в ряде случаев помогало националистам изолировать компартии от арабских трудящихся, играя на националистических предрассудках и вызываемых ими недоверии и предубежденности. Ангикоммунизм ослаблял позиции арабских руководителей перед лицом империализма, ибо делал их податливыми любому обвинению империалистической пропаганды в «коммунизме», заставляя каждый удар против империализма или отечественной реакции «уравновешивать» соответствующими антикоммунистическими мерами. Антикоммунизм являлся почти непреодолимым препятствием для восприятия идей научного социализма и отбрасывал коммунистов в оппозицию. Характерно, что даже усилившаяся тяга к арабскому единству понималась националистами как стремление создать союз всех арабов как против империализма, так и против коммунизма.

Тем не менее в 1954—1956 гг. в арабском мире наметились первые тенденции к преодолению отмеченных выше слабостей освободительного движения: националистической узости, идейно-социальной аморфности, антикоммунизма. В наибольшей степени эти тенденции в рассматриваемый период проявились в Сирии и Египте. В Сирии после свержения Шишekli была фактически легализована компартия, образовавшая совместно с некоторыми буржуазными партиями Национальный союз Сирии, выступивший за создание в стране

демократического правительства. В октябре 1954 г. генеральный секретарь партии Халед Багдаш был избран депутатом парламента. Компартия, выступая по ряду вопросов совместно с партией Баас и другими революционными силами, получила возможность оказывать определенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику республики. Резко выступив против попыток империалистических держав вовлечь Сирию в агрессивные блоки, правительство страны заключило в октябре 1955 г. военный союз с Египтом. Была проведена национализация железных дорог, крупных электростанций, ликвидирована монополия на выпуск национальной валюты французским банком Сирии и Ливана.

Бесспорным лидером антиимпериалистической борьбы арабов в 1954—1956 гг. оставался Египет. В апреле 1955 г. Египет принял активное участие в созыве Бандунгской конференции стран Азии и Африки, в ее работе и выработке основных принципов. Решительно отметая давление империалистических держав, пытавшихся втянуть Египет в свои агрессивные планы на Ближнем Востоке, правительство Насера пошло на установление в 1955 г. первых контактов со странами социалистического лагеря и заключило ряд выгодных торговых соглашений: СССР в обмен на хлопок поставил Египту зерно, нефтепродукты и необходимое вооружение, Чехословакия — машины, промышленное оборудование, оружие. Опираясь на поддержку стран социализма, Египет смог и дальше продолжать независимую внешнюю политику, в частности оказывать значительную помощь патриотам в арабских странах, еще не достигших независимости. Возможность получения непосредственной помощи от СССР и других стран социализма стала оказывать все возрастающее влияние на ход освободительного движения в арабских странах.

Суэцкий кризис и его уроки. С победой июльской революции 1952 г. Египет взял курс на самостоятельное экономическое развитие, на сотрудничество со странами социализма. Империалисты были вынуждены расстаться с иллюзиями о возможности превращения Египта в своего сателлита. США, а затем Англия и, наконец, Международный банк реконструкции и развития отказались финансировать строительство Асуанской плотины, возведение которой означало бы гигантский скачок в развитии сельского хозяйства и энергетики Египта.

Ответом Египта на шантаж империалистов явилась осуществленная 26 июля 1956 г. национализация компании Суэцкого канала, крупнейшей иностранной монополии в этой стране, получавшей не менее 16 млн. ф. ст. прибыли ежегодно. Египту в 1955 г. отчислялась всего тридцатая часть этих

прибылей. Взяв управление каналом в свои руки, египтяне не только получили возможность использовать доходы от эксплуатации канала в интересах национальной экономики, но и установили контроль над транспортировкой 60% всех товаров, перевозившихся к тому времени по морским каналам капиталистического мира. С этим монополии Запада не могли примириться. Крупные капиталисты Англии и Франции, являвшиеся акционерами компании Суэцкого канала, сразу же выступили за вооруженное подавление попытки Египта осуществлять не на словах, а на деле свой национальный суверенитет. Для империалистических кругов Запада, даже для тех, кто экономически не был затронут национализацией Суэцкого канала, было ясно, что это прецедент, крайне опасный для перспектив сохранения колониальных позиций в любой стране Азии и Африки.

Англия надеялась, расправившись с Египтом, поправить свои дела на Ближнем Востоке, где ее интересам национализация Суэцкого канала наносила новый сильный удар (после национализации Англо-иранской нефтяной компании правительством Моссадыка в 1951—1953 гг. и изгнания из Иордании весной 1956 г. Глабб-паши). Франция помимо защиты прав французских акционеров компании Суэцкого канала считала необходимым военное выступление против Египта также и потому, что он наиболее активно из всех арабских стран поддерживал восставший Алжир. Заявления французского правительства с начала Суэцкого кризиса были наиболее воинственны. «Нужно выиграть битву за Суэц,— заявил статс-секретарь Лемэр,— чтобы спасти Алжир».

Потерпев неудачу в попытках заставить Египет отказаться от национализации Суэцкого канала, империалисты организовали 29 октября 1956 г. агрессию Израиля, к которой присоединились затем Англия и Франция. Израильская армия, внезапно вторгнувшись на египетскую территорию, ставила целью оттянуть на себя главные силы египтян, в то время как англо-французские части, базировавшиеся на Кипре, должны были начать оккупацию зоны Суэцкого канала. Англия и Франция 30 октября предъявили Египту ультиматум, требуя отвода египетских войск из зоны канала якобы «для обеспечения свободы судоходства по каналу» в условиях начавшегося конфликта с Израилем. После отклонения ультиматума англо-французские интервенты начали 31 октября бомбардировки зоны канала, а 1 ноября — высадку десантов в Порт-Саиде и Порт-Фуаде. После упорных боев оба полуразрушенных города были захвачены интервентами.

В ходе тройственной агрессии Египет понес значительные потери: только прямые убытки народного хозяйства от военных действий составили 1,4 млрд. долл. Однако колониза-

торам не удалось добиться главного — заставить Египет отступить. 5 ноября 1956 г. правительство СССР заявило о «решимости пойти на применение силы, чтобы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке». Колонизаторы вынуждены были бить отбой. Правительство Англии 6 ноября и правительство Франции 7 ноября сообщили, что ими отдан приказ войскам о прекращении огня. При решительной поддержке Советского Союза и других социалистических стран, большинства независимых государств Азии и Африки, а также передового общественного мнения всего мира Египет смог противостоять разбойничьему нападению.

Правительство Насера разорвало все отношения с Англией и Францией, наложило секвестр на имущество их подданных. В январе 1957 г. был принят закон о «египтизации», по которому акции банковских, страховых и торговых компаний превращались в «именные, находящиеся во владении египтян», а правления этих компаний должны были состоять из «египтян по рождению». Тем самым иностранный капитал и его компрадорские прислужники (большинство которых не были египтянами по рождению) устранялись из важных сфер национальной экономики Египта. Развитие торговых связей с социалистическими странами ослабляло зависимость Египта от империалистических держав, объем торговли с которыми сократился в три раза.

Таким образом, Суэцкий кризис завершился тяжелым морально-политическим поражением империализма. Впервые независимая страна Африки воспользовалась своими суверенными правами в столкновении с могущественными колониальными державами, а империалисты не смогли навязать ей удобного им решения. Азиаты и африканцы стали свидетелями того, как Советский Союз заставил империалистов отступить.

Американские империалисты, которые были в курсе планов англо-франко-израильских интервентов и оказывали им содействие, сочли целесообразным на завершающем этапе агрессии отмежеваться от них и присоединиться к требованию вывода войск агрессоров из Египта. Они решили ввиду ослабления позиций английского и французского империализма на Ближнем и Среднем Востоке взять на себя функции по организации интервенций против арабских народов. Провозглашенная США так называемая доктрина Эйзенхауэра (1957 г.) являлась логическим продолжением в новых условиях печально известной «доктрины Трумэна». В соответствии с «доктриной Эйзенхауэра», ставшей своеобразным манифестом американского колониализма, Конгресс США одобрил программу экономической и военной помощи странам Ближнего и Среднего Востока, а также предоставил прези-

денту широкие полномочия в использовании вооруженных сил США для осуществления интервенции в указанные страны, если им будет угрожать агрессия «страны или стран, контролируемой или контролируемых международным коммунизмом».

Однако расчетам американских империалистов на широкую поддержку народами Востока планов создания американской империи с «позиции силы» не суждено было оправдаться. Враждебность «доктрины Эйзенхауэра» национально-освободительному движению была слишком очевидна. Стремление колонизаторов к заполнению «вакуума», образовавшегося в этом районе в результате поражения тройственной агрессии, глубоко противоречило национальным интересам освободившихся народов. «Антизападные чувства у арабских народов,— констатируют сами американские исследователи внешней политики США,— в результате появления „доктрины Эйзенхауэра“ значительно углубились. И объясняется это прежде всего тем, что „доктрина Эйзенхауэра“ была по существу направлена против единства арабских стран, на раскол арабского мира, на противопоставление антикоммунистических стран тем странам, которые осуществляют независимый курс. Другими словами, „доктрина Эйзенхауэра“ явилась американским изданием Багдадского пакта».

О подлинных замыслах американских империалистов лучше всего свидетельствовали их практические дела. США подготовили реакционный переворот в Иордании, приведший в 1957 г. к власти правительство, покорное воле империалистов. Затем империалисты США приступили к подготовке интервенции против Сирии с целью воспрепятствовать продвижению ее по пути демократии. Действия колонизаторов вызвали взрыв негодования в арабских странах. Советское правительство снова решительно предупредило империалистов о своей готовности применить силу для обуздания агрессоров, и тем пришлось отступить.

Национально-освободительное движение в Тропической и Южной Африке

Вторая мировая война способствовала росту освободительного движения в Африке. В годы войны сотни тысяч африканцев участвовали в военных действиях на различных фронтах бок о бок с представителями других народов и надеялись, что окончание войны ознаменуется ликвидацией позорной системы колониализма и предоставлением африканским странам независимости. Огромное воздействие войны на образ мыслей африканцев, находившихся в армии, отметил уже в 1943 г. английский еженедельник «Ист Африка

энд Родезия», который в одной из статей писал: «Жестоко ошибается тот, кто думает, что после войны африканцы легко и с охотой вернутся к тем условиям и возможностям, которые они имели до 1939 г. Война ускорила их прогресс с такой быстротой, какая показалась бы немыслимой четыре года назад. Десятки тысяч самых сильных и предприимчивых людей из племен были просвещены военной жизнью для мирной жизни; они испытали настоящее перерождение, переоценку ценностей, переворот в суждениях и планах на будущее».

Определенное влияние на подъем национально-освободительного движения в Африке имели решения Пятого panaфриканского конгресса, состоявшегося в октябре 1945 г. в Манчестере. Panaфриканское движение, возникшее после первой мировой войны, объединяло вначале по преимуществу негров США, а также африканских студентов и эмигрантов, проживавших в Европе и США. Его влияние на национально-освободительное движение в самой Африке было вплоть до окончания второй мировой войны незначительным. Отличительная особенность Пятого panaфриканского конгресса состояла в том, что основное внимание он сосредоточил на выработке программы борьбы за освобождение Африканского континента от империалистического господства. Конгресс резко осудил политику империалистических держав в Африке и потребовал предоставления колониям полной политической независимости.

В самой Африке уже в годы войны стали создаваться национальные политические партии: в 1944 г. возникли Национальный совет Нигерии и Камеруна, Союз африканцев Кении. После окончания войны африканские политические партии были организованы во многих странах — на Золотом Береге, в Сьерра-Леоне, Ньясаленде, Северной Родезии, Южной Родезии, Уганде, Танганьике, во французских колониях Западной Африки, на Мадагаскаре, подопечных территориях Того и Камеруне. В 1946 г. различные политические организации французских колоний Западной Африки слились в единую партию — Демократическое объединение Африки (РДА). Несколько позже возникли политические партии в бельгийских и португальских колониях.

Основными требованиями африканских политических партий стали расширение прав коренного населения, ликвидация колониального режима и предоставление колониям независимости. Борьба за осуществление этих требований приобрела различные формы: движения за расширение прав африканцев в органах колониального управления, кампаний бойкота колониальной администрации, массовых забастовок рабочих, вооруженных восстаний.

Уже в годы второй мировой войны происходили крупные

антиимпериалистические выступления африканских рабочих. Так, в Северной Родезии в 1940 г. горняки двух крупнейших шахт Медного пояса объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. В январе 1945 г. развернулась всеобщая забастовка в Уганде, переросшая в восстание против английского колониального господства. В Энтеббе, Кампала, Коджа, Джинда и других местах проходили забастовки и антиимпериалистические выступления под лозунгами повышения заработной платы, расширения африканского представительства в провинциальном собрании. Для подавления движения английские колониальные власти использовали вооруженную силу. Во многих городах произошли кровавые столкновения между африканцами и полицией. В течение всего 1945 г. английские власти осуществляли репрессии против активных участников антиимпериалистических выступлений.

После окончания войны антиимпериалистическое движение приобрело массовый характер почти во всех странах Африки. В рассматриваемый период наиболее крупными антиимпериалистическими выступлениями африканцев явились восстания на Мадагаскаре и в Кении.

Национально-освободительное движение на Мадагаскаре в первые послевоенные годы возглавляла массовая политическая партия Демократическое движение за мальгашское возрождение (МДРМ), созданная в 1946 г. Мальгаши требовали аннулирования договора 1896 г. о протекторате, ликвидации колониального режима и предоставления острову политической независимости. Колонизаторы ответили репрессиями. В январе 1947 г., накануне выборов в провинциальные ассамблеи, французские власти арестовали наиболее активных членов МДРМ, с тем чтобы обеспечить победу на выборах своим ставленникам. Однако победу на выборах все равно одержали прогрессивные силы. Из 92 мест, имевшихся во всех ассамблеях, партия МДРМ завоевала 64. Тогда французские колонизаторы усилили репрессии. В марте 1947 г. в городах Мураманге, Диего-Суаресе и др. произошли вооруженные столкновения между мальгашами и европейцами. Это явилось поводом для вооруженной расправы с патриотами. Тюрьмы и концентрационные лагеря были переполнены.

Патриоты начали создавать партизанские отряды, пользовавшиеся поддержкой населения. Партизаны контролировали лесные районы восточного побережья, осадили ряд крупных городов в районе плато. Для подавления восстания французское правительство перебросило на остров моторизованные воинские части, отряды парашютистов, алжирских и сенегальских стрелков. Партия МДРМ была распущена, ле-

путаты французского парламента, избранные мальгашами, лишены парламентской неприкосновенности, в большом количестве выносились смертные приговоры. В ходе подавления восстания было убито 89 тыс. мальгашей. Лишь к концу 1948 г. колониальным властям удалось подавить движение.

В Кении национально-освободительным движением руководил Союз африканцев Кении, во главе которого стоял Джомо Кеньята. Партия требовала осуществления конституционных реформ, расширения политических прав африканцев, улучшения положения рабочих, признания свободы деятельности профсоюзов, наделения безземельных и малоземельных крестьян землей. В борьбе за осуществление этих требований Союз африканцев Кении организовывал массовые митинги и демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч человек. Английские колониальные власти, напуганные подъемом национально-освободительного движения, стали на путь репрессий и провокаций в целях его подавления.

Чтобы иметь предлог для запрещения деятельности Союза африканцев Кении, колониальные власти начали распространять слухи о террористической деятельности тайной организации Мау-Мау, стремящейся якобы к уничтожению всех европейцев, живущих в Кении. 20 октября 1952 г. в Кении было введено чрезвычайное положение. По всей стране начались массовые аресты активных членов Союза африканцев Кении. Джомо Кеньята, Фред Кубаи, Ричард Очиенг (Онеко) и другие видные политические деятели были арестованы и осуждены на тюремное заключение, каторжные работы и ссылку в отдаленные районы на длительные сроки. Под предлогом борьбы с Мау-Мау колонизаторы бросили в тюрьмы и концлагеря к июлю 1953 г. около 115 тыс. человек.

В ответ на репрессии и преследования кенийцы приступили к созданию партизанских отрядов, которые сконцентрировались в труднодоступных горных районах. Первое время действия партизан были разрозненны и не связаны друг с другом, но постепенно они стали выступать более организовано. Возросла их численность, выработались определенные тактические методы борьбы против английских войск. К 1953 г. партизанские отряды слились в единую Африканскую армию освобождения. Для подавления восстания английское правительство вынуждено было перебросить в Кению крупные вооруженные силы из Англии и Родезии. Районы действия партизан были блокированы и подвергались бомбардировке с воздуха. До 1956 г., несмотря на тяжелые условия, партизанские отряды мужественно сражались против значительно превосходивших сил противника. 21 октября 1956 г. англичанам удалось схватить командующего Африканской армией освобождения Дедама Кимати (18 февраля

1957 г. он был казнен в Найроби). В ходе подавления восстания с 1952 по 1956 г., по официальным данным, было убито 11 500 африканцев.

Антиимпериалистическое движение развернулось и в другой восточноафриканской колонии — Уганде. Выступления 1953—1955 гг. были вызваны стремлением английского империализма осуществить помимо воли африканцев объединение трех своих колоний — Кении, Уганды и Танганьики. Цель объединения состояла в усилении позиции европейских поселенцев Кении, в распространении их господства на обширную территорию. Против идеи образования восточноафриканской федерации решительно выступили африканцы всех трех территорий, но особенно большого размаха антиимпериалистические выступления приобрели в Уганде. Это заставило Англию отказаться от плана создания федерации.

Еще более массовый характер освободительное движение приобрело в западноафриканских колониях Англии. В отличие от Восточной Африки выступления против колониального режима были здесь более организованны, проходили под руководством массовых политических партий и профсоюзов. В Нигерии, например, уже в годы второй мировой войны профсоюзное движение достигло больших успехов. К 1945 г. здесь существовало 97 профсоюзных организаций, насчитывавших 27 тыс. членов. Под руководством профсоюзов в 1945 г. проходила первая в стране всеобщая забастовка, в которой участвовало 150 тыс. человек. Рабочие требовали повышения заработной платы, улучшения условий труда и жизни. Забастовка парализовала работу промышленности и транспорта. Колониальные власти вынуждены были частично удовлетворить требования рабочих (увеличить им зарплату на 50%). В 1949 г. по Нигерии прокатилась новая волна забастовок, содействовавшая подъему освободительного движения.

Рабочий класс Золотого Берега (Гана) также создал свои первые профсоюзные организации во время войны. В 1945 г. в стране был образован Конгресс профсоюзов Золотого Берега. В послевоенные годы профсоюзы активно включились в борьбу за независимость и стали массовой опорой прогрессивной Народной партии конвента, возглавленной Кваме Нкрума. В январе 1950 г. по призыву Народной партии конвента развернулась всеобщая забастовка, которая охватила рабочих промышленных и торговых предприятий, железнодорожников, служащих правительственных учреждений и учреждений связи. В ряде городов между полицией и демонстрантами произошли кровавые столкновения. Наиболее активные члены Народной партии конвента, в том числе и Кваме Нкрума, были арестованы, печатный орган партии —

газета «Ивнинг ньюс» — закрыт. Однако, несмотря на ре-прессии, подъем национально-освободительного движения в стране продолжался.

В английских колониях Центральной Африки национально-освободительное движение разворачивалось под лозунгом ликвидации сколоченной империалистами в 1953 г. Федерации Родезии и Ньясаленда.

Во французских колониях Тропической Африки, где промышленность была развита слабее, рабочий класс был малочислен, но и здесь он принимал весьма заметное участие в национально-освободительном движении. После окончания войны во французских колониях Тропической Африки стали создаваться профсоюзы, активно включившиеся в борьбу за независимость. Они начали борьбу за издание трудового законодательства, улучшение условий труда и повышение заработной платы африканских рабочих. 3 ноября 1952 г. под этими лозунгами во всех французских колониях Западной Африки проходила всеобщая забастовка. Она свидетельствовала о влиянии профсоюзов на широкие слои африканских трудящихся и ускорила одобрение французским парламентом 23 ноября 1952 г. кодекса о труде для заморских территорий. Кодекс вводил 40-часовую рабочую неделю, запрещал принудительный труд; трудящимся разрешалось иметь свои профсоюзы и использовать забастовку как средство борьбы за улучшение своего экономического положения. Хотя не все предписания трудового кодекса проводились в жизнь, сам факт его принятия имел огромное значение, как показатель укрепления позиций рабочего класса и его организаций в борьбе против колониализма.

Руководство национально-освободительным движением во французских колониях Западной Африки в первые послевоенные годы принадлежало Демократическому объединению Африки (РДА), включавшему в свой состав различные политические партии и организации отдельных территорий. В борьбе за независимость РДА стремилось объединить усилия африканцев всех французских колоний Тропической Африки. До 1950 г. между РДА и Французской коммунистической партией существовало тесное сотрудничество. Однако позже правое крыло РДА, возглавляемое Уфуэ-Буаьи, начало проводить политику сотрудничества с французским империализмом и порвало дружественные отношения с коммунистами. Это привело к расколу РДА. Единство действий было нарушено, а влияние РДА как единой политической организации ослабло. Руководство освободительным движением перешло к политическим партиям, существовавшим на каждой из территорий Французской Западной и Экваториальной Африки.

Широкий размах в послевоенные годы приобрело нацио-

нально-освободительное движение в Камеруне — подопечной территории под французским управлением. Борьбу за независимость возглавил здесь Союз народов Камеруна, созданный в 1948 г. Под его руководством в стране стали создаваться партизанские отряды, начавшие вооруженную борьбу за независимость. Французские власти бросили против восставших авиацию, танки и артиллерию; в стране было объявлено военное положение. Деятельность Союза народов Камеруна в 1955 г. была запрещена.

* * *

Антиколониальная борьба в Тропической и Южной Африке развернулась позднее освободительного движения в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, но под его непосредственным воздействием. Если азиатские и арабские страны боролись непосредственно за независимость и укрепление ее, то национально-освободительное движение африканских народов в первое послевоенное десятилетие еще не достигло столь высокого уровня развития. Тем не менее, накопив значительный опыт борьбы, оно уже становилось грозной силой для империалистов. В странах Африки возникли и укрепились политические партии, профсоюзы и другие массовые организации, которые повели за собой самые широкие слои населения в большинстве стран. Почти в каждой из них началось формирование общенационального фронта антиколониального движения.

Этот авангард, поднимая массы на борьбу с колонизаторами и перестраивая свои ряды под ожесточенными ударами врага, получил возможность извлечь необходимые уроки из первых успехов и первых неудач. Тем самым накапливался ценный опыт политической, идеологической, забастовочной и вооруженной борьбы, нащупывались наиболее правильные формы организации патриотов, постепенно формировались кадры наиболее стойких и мужественных борцов за независимость. Национально-освободительное движение, таким образом, проходило в своем развитии необходимый этап собирания сил и накопления средств, этап предварительной подготовки к решающим боям за независимость.

Некоторые итоги освободительной борьбы в послевоенное десятилетие и XX съезд КПСС

В целом национально-освободительное движение в Азии и Африке, подготовленное борьбой народов за свободу в течение всего предшествующего периода (со времени первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической револю-

ции), добилось за одно послевоенное десятилетие больших успехов, чем за многие предыдущие десятилетия. Главным его завоеванием явилось возрождение суверенитета многих, в том числе самых крупных стран Азии и Северной Африки, их выход на мировую арену в качестве независимых государств. Обратной стороной этого процесса было крушение колониальных империй на самом большом континенте мира — в Азии — и начало их ликвидации в Африке. Национально-освободительное движение в Азии и Африке с начала 50-х годов вступило в полосу нового революционного подъема. Возрастающее воздействие на развитие революционного процесса в Азии и Африке оказывали успехи мировой социалистической системы, укрепление ее международных позиций. В то же время во многих странах Азии ранее совершившиеся революции, продолжая развиваться и углубляться, вступали в новый этап, характеризовавшийся прежде всего концентрацией усилий прогрессивных кругов на борьбе за укрепление политической самостоятельности, за переустройство внутренней жизни на путях экономического и социального прогресса.

Новые возможности и исторические перспективы, открывшиеся перед национально-освободительными силами, были внимательно рассмотрены на состоявшемся в феврале 1956 г. XX съезде КПСС. Исходя из конкретного анализа экономической и политической обстановки, сложившейся в мире после второй мировой войны, съезд выдвинул ряд принципиально важных положений, которые имели огромное значение для правильного уяснения марксистско-ленинскими партиями новой исторической обстановки вообще, задач и путей развития национально-освободительных революций в частности.

Как отмечал в своей речи на XX съезде КПСС О. В. Куусинен, в годы культа личности Сталина давалась, в частности, неверная характеристика и оценка роли национальной буржуазии стран Востока. Было догматизировано положение о том, что в эпоху общего кризиса капитализма пролетариат колониальных и зависимых стран обязательно должен стать гегемоном национально-освободительной и антифеодальной революции. Из этого положения делался вывод, что только руководство пролетариата может обеспечить победу в борьбе за национальную независимость. Поэтому, когда Индия, Бирма, Индонезия, Египет и некоторые другие страны, где пролетариат еще не смог стать гегемоном, завоевали суверенитет при руководстве национальной буржуазии и близких к ней политических сил, этот путь достижения независимости нередко ошибочно трактовался как «окончательный сговор крупной буржуазии с империализмом».

Непонимание глубины объективных противоречий между национальной буржуазией и империализмом приводило к тому, что ее политическую позицию порой определяли лишь одним фактором — страхом перед классовой борьбой рабочего класса и крестьянства. Тем самым ленинское толкование двойственности природы национальной буржуазии подменялось односторонним представлением о ней лишь как о союзнике и агентуре империализма в борьбе против трудящихся. Политическая линия национальной буржуазии изображалась во многих работах лишь как цепь предательств и капитулянтских маневров. Так, в частности, оценивалось поведение индийской буржуазии и Национального конгресса, возглавляемого М. К. Ганди и Дж. Неру. Подобного рода ошибки допускались и в оценке национальных лидеров Бирмы, Индонезии, арабских стран.

Игнорирование противоречий между национальной буржуазией и империализмом вело к отрицанию того несомненного факта, что на определенных этапах антиимпериалистической борьбы интересы местной буржуазии в основном совпадали с интересами большинства народа. Она выступала как наиболее сознательный выразитель общенациональных устремлений при одновременном соблюдении своих специфически классовых интересов. Поэтому патриотические требования, содержащиеся в программах национально-буржуазных лидеров, объективно отражали, хотя и далеко не полностью, устремления масс, поднявшихся на освободительную борьбу. Идя на уступки таким лидерам, колонизаторы отступали по существу не столько перед маневрами и давлением национальной буржуазии, сколько перед натиском всех освободительных сил.

Отдельные этапы завоевания суверенитета странами Востока нередко изображались как цепь кабинетных сделок буржуазии с империализмом за спиной народа и против народа. Массам же отводилась роль мощной, но стихийной силы, лишь косвенно воздействующей на ход истории. Объективно подобные концепции преуменьшали их историческую роль.

Несомненно, что национально-буржуазные программы содержали классово-эгоистические положения, требовавшие принципиальной критики с марксистско-ленинских позиций. Однако непоследовательность программ национальной буржуазии или руководства, выражавшего по преимуществу ее интересы, не могла служить поводом к тому, чтобы игнорировать реальные достижения возглавляемой ими борьбы.

Сектантские ошибки выражались также и в том, что абсолютизировались вооруженные методы борьбы, недооценивалась, в частности, возможность достижения в определенных

исторических условиях независимости мирным путем. При этом не учитывались специфические особенности отдельных стран, изменения в соотношении социальных сил, происшедшие как в международном масштабе, так и в самих странах Востока. Рост авторитета Советского Союза, всего лагеря социалистических государств, поражения империалистических армий в таких странах, как Корея и Вьетнам, мощный размах движения солидарности трудящихся метрополий с народами колоний и, наконец, всеобщий подъем национально-освободительной борьбы — все это вынуждало колонизаторов в некоторых случаях отступать без развязывания колониальных войн.

Непонимание острого и глубокого характера противоречий между силами национального прогресса и силами империализма вело к принижению исторической значимости пусть еще первых, но существенных успехов молодых государств на международной арене в борьбе против колониализма, за укрепление мира. Отбросив неверные сектантские взгляды и установки, XX съезд КПСС констатировал, что «наступил предвиденный великим Лениным новый период всемирной истории, когда народы Востока принимают активное участие в решении судеб всего мира, становятся могучим фактором международных отношений». Съезд одобрил достигнутое за предшествующее время установление хороших, дружественных отношений с Индийской Республикой, а также с Бирмой, Афганистаном, Египтом и призвал к дальнейшему развитию всесторонних связей с другими суверенными государствами, к всемерной поддержке освободительных движений. Изживание догматически-сектантских представлений и практические шаги на этой основе КПСС и других коммунистических и рабочих партий становились важным условием укрепления союза и сплоченности всех отрядов мирового революционного движения, эффективного воздействия социалистического сотрудничества на исторические судьбы народов Азии и Африки.

ЛИКВИДАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ В АФРИКЕ И ОСТАТКОВ КОЛОНИАЛИЗМА В АЗИИ

Второй послевоенный период освободительного движения, начавшийся в середине 50-х годов, разворачивается в весьма противоречивой международной обстановке. С одной стороны, к этому времени империализму удалось преодолеть те последствия войны, которые выразились в разгроме крупнейших империалистических держав континентальной Европы и Японии, и добиться, хотя и на суженной основе, известной стабилизации своей системы. С другой стороны, опережающими темпами шло развитие и укрепление системы социализма. Существование и развитие двух мировых систем как объективной закономерности эпохи перехода человечества от капитализма к социализму послужили основой подтвержденного XX съездом КПСС курса на мирное сосуществование государств с различным социальным строем как генеральной линии внешней политики Советского Союза.

Осуществление этого курса пробивает себе путь по мере того, как упорно и терпеливо преодолевается сопротивление воинствующей империалистической реакции и псевдореволюционных отступников. Трудности, а порой и неудачи борьбы за мирное сосуществование проистекают из того, что и те и другие противники мирного сосуществования объективно опираются на два внешне противоположных, но внутренне взаимно обусловленных порождения империализма и колониализма — на огромный военно-промышленный комплекс империалистических держав и глубокую социально-экономи-

ческую отсталость в прошлом поработанных стран. Поэтому, утверждая курс на мирное сосуществование, страны развитого социализма противостоят непрекращающимся проявлениям империалистического диктата и агрессии, обеспечивая тем самым освободившимся странам более благоприятные условия завершения революционных преобразований в мирной обстановке, и в то же время активно сотрудничают с освободившимися странами в преодолении их экономической отсталости.

Расчистить путь к экономическому подъему и социальным преобразованиям можно, лишь полностью устранив последние колониальные, расистские и марионеточные режимы, само существование которых служит постоянной причиной агрессивных действий империализма и его контратак против национального суверенитета и социальных завоеваний африканских народов.

Борьба арабских народов с империалистическими интервенциями и колониальными режимами

События в Ливане и Ираке и поражение англо-американской интервенции. Процессы, развернувшиеся после Суэца на Арабском Востоке и в прилегающих к нему африканских странах, показали, что поражение двух сильнейших западных держав, сохранявших свои империи в Африке, не могло не повлечь своего рода цепной реакции национального освобождения. В ответ на это империализм предпринимает усилия по максимальной локализации египетского очага антиколониализма. Если в колониях этот курс осуществлялся через аппарат колониального насилия, то по отношению к арабским государствам была применена тактика интервенции, основанная на «доктрине Эйзенхауэра».

Летом 1958 г. объектом империалистической агрессии стал Ливан. Поводом для интервенции послужило выступление народных масс против реакционной политики правительства Шамуна, поддерживавшего «доктрину Эйзенхауэра».

Действия империалистов были ускорены вследствие того, что в Ираке 14 июля 1958 г. произошла революция, покончившая с долголетним хозяйничаньем проимпериалистической клики Нури Саида. Антимонархическая и антиимпериалистическая по своему характеру революция была осуществлена нелегальной патриотической организацией во главе с генералом Касемом и полковником Арефом, действовавшей среди армейского офицерства. В подготовке и обеспечении победы революции значительную роль сыграл созданный в 1957 г.

Фронт национального единства, в который входили наряду с компартией Ирака буржуазные национально-демократическая партия и партия независимости, а также мелкобуржуазная — Баас. Попытки империалистов Англии и США задушить революцию путем военной интервенции были сорваны благодаря решительному предупреждению Советского Союза.

Революция победила в течение нескольких часов. Король Фейсал и его семья были убиты, новое правительство из высших офицеров и деятелей Фронта национального единства возглавил генерал Касем. В этих условиях США уже 15 июля начали интервенцию в Ливане, а английские империалисты поспешили начать свою интервенцию в Иордании. В конечном счете эти действия предпринимались империалистами для удушения иракской революции. Основными методами, применявшимися здесь, были подрывные действия, организация контрреволюционных заговоров, поддержка реакционных сил, проведение диверсионно-террористических актов, натравливание на Ирак соседних государств, где у власти находились реакционные правительства. Однако задушить иракскую революцию колонизаторам не удалось. В июле 1959 г. правительство республики заявило о своем выходе из Багдадского пакта, который вскоре после этого был переименован в Организацию центрального договора — СЕНТО. Новое название блока указывало на то, что он призван играть роль связующего, центрального звена между НАТО и СЕАТО.

Завоевание независимости алжирским народом. Серьезные поражения, понесенные империалистами в Египте, Ираке и ряде других стран этого района, побуждали их усилить репрессии против освободительных сил Алжира. Фронт национального освобождения (ФНО) и Армия национального освобождения (АНО) стремились вовлечь в вооруженную борьбу максимально большее число участников и распространить эту борьбу на всю территорию страны. Французские мотомеханизированные соединения с их тяжелым вооружением не смогли подавить АНО в зародыше и воспрепятствовать ее операциям. С 1956 г. французское командование перешло к «тактике квадратов»: территория Алжира была разделена на квадраты, в каждый из которых была послана французская воинская часть, взявшая на себя карательные, политические и прочие функции. В 1959—1960 гг. АНО понесла очень тяжелые потери. Однако в 1960 г. начался резкий подъем освободительной борьбы в городах, французы вынуждены были стянуть туда значительные силы, что облегчило положение АНО, которая смогла к осени 1961 г. восстановить свои позиции в большинстве районов страны. Опираясь на поддержку народа, ФНО продолжал борьбу за независимость.

Несмотря на военно-техническое превосходство, Франции пришлось отступить и признать независимость Алжира. По Эвианским соглашениям, заключенным 18 марта 1962 г., военные действия были прекращены в ожидании проведения референдума по вопросу о независимости. До проведения референдума власть передавалась временному исполнительному органу из лиц, назначенных французской и алжирской сторонами. Предусматривалось восстановление всех политических свобод. Политические заключенные и беженцы получали возможность вернуться в родные места. ФНО становился легальной организацией.

Но Франция постаралась обеспечить свои преимущества и на случай независимости Алжира (тем более что никто не сомневался относительно возможных результатов референдума). В течение трех лет французские войска должны были оставаться на территории Алжира, а французские граждане — пользоваться всеми правами алжирских граждан. Франция сохраняла за собой на пятнадцать лет военно-морскую базу в Мерсаль-Кебире, а на пять лет — ряд аэродромов и военных полигонов.

Предусматривалось сотрудничество между Алжиром и Францией на основе «взаимного уважения их независимости, взаимной выгоды и соблюдения интересов обеих сторон». В течение трех лет Франция обязывалась оказывать Алжиру экономическую и техническую помощь. Алжир при этом был обязан оставаться в зоне франка.

Создание на паритетных началах смешанного франко-алжирского общества по совместной эксплуатации недр Сахары должно было сохранить за Францией возможность эксплуатировать богатейшие источники нефти и газа. Действовавшие в Сахаре к 1962 г. французские компании сохраняли все свои концессии и пользовались правом предпочтения при предоставлении новых концессий. Собственность французских граждан в Алжире могла быть национализирована лишь при условии заранее определенной компенсации. Французы сохраняли право на пропорциональное представительство в алжирском парламенте, на создание своих школ, профсоюзов, ассоциаций, на предпринимательскую деятельность, свободный въезд и выезд из Алжира.

Эвианские соглашения, несмотря на компромиссный характер, явились важной победой алжирского народа. 1 июля 1962 г. 99% алжирских избирателей проголосовали за независимость Алжира, которая была признана Францией.

Революция в Йемене и интервенция против нее. События в Алжире имели большое значение для освободительного движения в других арабских странах и в Африке. В сентябре 1962 г. победила революция в Йемене. На руинах абсолютист-

ско-теократического имамата возникла Йеменская Арабская Республика (ИАР). Революцию осуществила тайная антимонархическая организация «Свободные офицеры», действовавшая в йеменской армии и имевшая связь с объединявшей йеменских эмигрантов-антимонархистов в Египте, Сомали, Эфиопии и Адене организацией «Свободные йеменцы».

«Свободные офицеры» и «Свободные йеменцы», не ограничиваясь влиянием в армии, привлекли на свою сторону и многие племена. Поэтому, несмотря на то что король Мухамед аль-Бадр, бежавший в день переворота, 26 сентября 1962 г., сумел опереться на феодальную аристократию ряда племен, ему не удалось восстановить положение. Не помогла ему и открытая интервенция королей Иордании и Саудовской Аравии, проходившая при поддержке Англии и США. Образованный 28 сентября Совет революционного командования впервые в истории провозгласил Йемен республикой, а проведенные правительством ИАР меры способствовали в дальнейшем поражению иорданско-саудовских интервентов и их йеменских приспешников. Существенную военную помощь Йемену немедленно оказало и правительство ОАР.

Опыт арабских народов убедительно свидетельствовал о провале империалистической политики удушения национально-освободительных движений на основе «жесткого курса» с помощью методов, заимствованных из арсенала «классического» колониализма. Вместе с тем они показывали, что экспорт контрреволюции терпит провал, если страны мировой социалистической системы выступают единым фронтом в защиту независимости освободившихся от колониального гнета народов.

Немаловажное значение имела также и возросшая сплоченность арабских народов. Именно в ходе антиимпериалистической борьбы, а также под влиянием агрессивной политики Израиля усилилась тяга арабов к единству, к объединению усилий для достижения полного освобождения от колониального гнета.

Во главе движения за арабское единство, зародившегося еще в конце XIX в. на базе общности исторических судеб, языка и культурных традиций, стали в рассматриваемый период руководители Египта, престиж которого особенно возрос после революции 1952 г. Несмотря на допускавшиеся различными представителями арабских стран националистические искажения смысла единства, сводившегося иногда лишь к вопросу о государственном слиянии более слабых стран с более сильными, эта идея играла объективно прогрессивную роль в сплочении арабов на антиимпериалистической основе, во взаимопомощи арабских государств, в поддержке освободившимися народами своих братьев, еще сражающихся

за независимость. В этом плане особенно высокой оценки заслуживала помощь Египта народам Алжира (с 1954 г.), Омана (с 1955 г.), Йемена (с 1962 г.), Египта и Алжира — освободительной борьбе африканских народов и т. д.

Антиимпериалистическое движение в арабских странах все теснее переплеталось с борьбой против внутренней опоры империализма, в первую очередь феодалов и крупной буржуазии, запятнавших себя сотрудничеством с колонизаторами, что влекло за собой далеко идущие хозяйственные и социальные последствия.

Образование суверенных государств в Тропической Африке

Ликвидация английских владений в Африке. В Африке, как и в Азии, английский колониализм наиболее тщательно подготовился к «передаче власти». Для этого не только готовились кадры чиновников, военных и политиков, но и подкармливалась та социальная среда, на которую этой будущей африканской «элите» предстояло опираться.

В африканских владениях Англии, по подсчетам известного деятеля консервативной партии Уолтера Эллиота, только за время пребывания у власти правительства Эттли было осуществлено 36 конституционных реформ, включая введение 12 новых конституций, увеличивавших представительство коренного населения в законодательных органах колоний. Официальные члены законодательного совета постепенно заменялись неофициальным большинством, частично назначаемым, частично выборным, а исполнительный совет постепенно заменялся советом министров. Однако процесс этого конституционного преобразования ответственных органов колоний был чрезвычайно медленным и трудным. Он был вызван рядом факторов международного и внутреннего порядка и в каждой колонии имел различные формы, темпы и особенности — в зависимости от сложившейся обстановки и от степени развития и зрелости национально-освободительного движения. Однако общей чертой конституционных реформ во всех колониях был их вынужденный, а не добровольный характер.

Следует иметь в виду, что сам по себе вопрос об увеличении африканского представительства в законодательных органах не являлся и не является решающим вопросом для продвижения колонии к самоуправлению. Каким бы изменениям и модификациям ни подвергался состав законодательных советов колоний и как бы ни изменялось в нем соотношение между выборным африканским и неафриканским представительством, при всем при этом решающим оставался тот факт,

что законодательные советы составляли часть колониальной структуры управления и были порождены английским законодательством, разработанным специально для колоний и имевшим своей главной задачей сохранение колониального правового режима. Это обстоятельство определяло невозможность для законодательных советов решить вопрос о прекращении колониального статута, ибо они были лишены права решать этот вопрос и действовали исключительно на основе колониального права, ограничивавшего их компетенцию и дававшего им право законодательной инициативы лишь в той мере, в какой она не выходила за рамки юрисдикции чисто колониальной легислатуры.

Таким образом, если в Азии «переходный период» характеризовался статусом ограниченного суверенитета, то в Африке, по сути дела, речь шла о самоуправлении для белого меньшинства с символическим допуском к нему основного населения. Да и сам этот период первоначально затягивался на неопределенные годы. Только мощный подъем антиколониального движения в конце 50-х годов заставил английских колонизаторов поторопиться с ликвидацией большей части своей империи в Африке.

Первой страной, прорвавшей цепь колониализма в Тропической Африке, явился Золотой Берег. Колониальные власти пытались подавить народные выступления репрессиями. Но они были уже не в силах справиться с положением. На состоявшихся в феврале 1951 г. выборах в законодательную ассамблею победила Народная партия конвента. Было сформировано правительство, которое возглавил освобожденный из тюрьмы Кваме Нкрума. Оно потребовало от английских властей пересмотра действовавшей конституции. Однако только через 6 лет колонизаторы пошли на уступки. 6 марта 1957 г. Золотой Берег, восстановивший название средневекового африканского государства Западной Африки — Гана, был провозглашен независимым государством.

Предоставив независимость Гане, английское правительство стремилось сдержать развал своей африканской империи путем реформирования режимов в других колониях. Так, в Нигерии английское правительство, прежде чем согласиться на предоставление стране независимости в октябре 1960 г., провело конституционные реформы в 1947, 1951 и 1954 гг. В Кении конституционные реформы осуществлялись через каждые два года — в 1954, 1956, 1958, 1960, 1962 гг., и лишь в декабре 1963 г. английское правительство согласилось признать независимость страны. Подобная политика частичных уступок проводилась и в других колониях.

Понимая, что рано или поздно придется предоставить колониям независимость, английское правительство изыскивало

различные средства для сохранения в них своих экономических позиций и политического влияния. Одним из таких средств являлась испытанная политика «разделяй и властвуй». Эта политика проявилась в расчленении Нигерии на три района, в каждом из которых было образовано свое представительное собрание и правительство. Английские правящие круги всячески поддерживали реакционно-феодалные элементы севера Нигерии, которые они рассматривали как свою главную социальную опору. В Уганде английское правительство поддерживало сепаратистские устремления Буганды и других феодальных «королевств». Стремление феодальной верхушки Буганды отделиться и образовать самостоятельное государство раскалывало единый антиимпериалистический фронт борьбы народов Уганды и позволило английскому правительству на некоторое время (до октября 1962 г.) оттянуть сроки предоставления стране независимости. В Кении английские власти открыто поддерживали Африканский демократический союз Кении (КАДУ) — партию, добивавшуюся расчленения страны на 6—7 самостоятельных районов со своими правительствами и представительными собраниями.

Повсюду колонизаторы стремились обеспечить приход к власти своих ставленников. Там, где существовала значительная прослойка европейских поселенцев (Южная и Северная Родезия, Кения), англичане стремились укрепить эту свою социальную опору. В период колониализма европейские поселенцы стали собственниками промышленных предприятий и плантаций. В целях укрепления их позиций английское правительство осуществило, вопреки воле африканцев, насильственное объединение трех территорий Центральной Африки в Федерацию Родезии и Ньясаленда. Путем объединения Ньясаленда, Северной Родезии и Южной Родезии европейские поселенцы и иностранные монополии рассчитывали упрочить свои позиции на обширной и богатой природными ресурсами территории.

Таким образом, английский империализм в своем стремлении сохранить или продлить господство в колониях пользовался разнообразными средствами, в зависимости от условий и возможностей, существовавших в той или иной стране. Но широкий размах национально-освободительного движения срывал расчеты колонизаторов.

1 октября 1960 г. самая большая по населению колония в Африке, Нигерия, стала независимым государством, в апреле 1961 г. независимость обрела Сьерра-Леоне, другая английская колония в Западной Африке. В Восточной Африке первой из английских колоний, завоевавших независимость, стала подопечная территория Танганьика. 9 декабря 1961 г. на вершине горы Килиманджаро, самой высокой точке Афри-

канского континента, запыхал факел свободы, возвестивший о независимости Танганьики. Менее чем через год, 9 октября 1962 г., независимым государством стала Уганда, а в декабре следующего года обрели независимость Кения и Занзибар.

В английских колониях Центральной Африки усиливалось движение за выход Родезии и Ньясаленда из федерации. Особенно широкий размах оно приобрело в конце 1958 — начале 1959 г. в Ньясаленде. В феврале 1959 г. восставшие ньясалендцы захватили аэропорт в Форт-Хилле. Для подавления восстания английские власти ввели в действие законы о чрезвычайном положении. Возглавивший движение Африканский национальный конгресс был запрещен, а его лидер Хастингс Банда брошен в тюрьму. Аресту подверглись и другие активные участники антиимпериалистических выступлений. При подавлении восстания в Ньясаленде, по официальным данным, было убито 44 и ранено 70 человек. Хотя антиимпериалистическое выступление было подавлено, борьба за выход Ньясаленда из федерации в последующие годы не только не прекратилась, но и усилилась. В Северной и Южной Родезии борьба африканцев за расширение политических прав и независимость приобрела массовый характер со второй половины 50-х годов.

Подъем национально-освободительного движения заставил английских колонизаторов осуществить в Ньясаленде и Северной Родезии некоторые реформы, расширявшие участие африканцев в органах колониального управления. В результате этих реформ в 1960—1962 гг. большинство членов законодательных советов этих территорий составили африканцы. Под нажимом растущего национально-освободительного движения английское правительство вынуждено было согласиться на ликвидацию Федерации Родезии и Ньясаленда, прекративших свое существование 31 декабря 1963 г.

С ликвидацией Федерации Родезии и Ньясаленда возникла возможность провозглашения независимости Ньясаленда и Северной Родезии. Уже в ноябре 1962 г. английское правительство признало за Ньясалендом право на внутреннюю автономию. В соответствии с этим в протекторате было образовано Законодательное собрание и кабинет министров. Внутреннюю автономию получила и Северная Родезия. В январе 1964 г. здесь состоялись выборы, после которых было образовано первое в истории страны африканское правительство во главе с Кеннетом Каундой, лидером Объединенной партии национальной независимости. В 1964 г. Ньясаленд и Северная Родезия провозгласили свою независимость. Возникли еще два суверенных государства: Малави и Замбия.

Ликвидация французских владений в Африке. В странах Тропической Африки французский империализм также стре-

мился сохранить после войны свои позиции. По конституции 1946 г. все заморские территории Франции были включены в так называемый Французский союз. Колонии Тропической Африки объединялись в две федерации — Французскую Западную Африку (ФЗА) и Французскую Экваториальную Африку (ФЭА). Во ФЗА входило восемь колоний: Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Гвинея, Дагомея, Мавритания, Нигер, Сенегал, Судан; в ФЭА — четыре колонии: Габон, Конго (Браззавиль), Убанги-Шари и Чад. Кроме того, под французским управлением находились две подопечные территории Камерун и Того, о-в Мадагаскар и Французское Сомали. В 1947 г. во ФЗА были образованы большие советы — консультативные органы при генерал-губернаторах. Каждая из территорий посылала в Большой совет по 5 своих представителей. В соответствии с этим Большой совет ФЗА состоял из 40 членов, а Большой совет ФЭА — из 20 членов. Во всех колониях Французской Западной и Экваториальной Африки были образованы правительственные советы, избираемые территориальными ассамблеями.

Однако рост национально-освободительного движения заставил французское правительство пойти на дальнейшее расширение политических прав африканцев в колониях.

После реформ 1956—1957 гг. каждая из 12 территорий, входивших во ФЗА и ФЭА, стала фактически самостоятельной колонией, имеющей свое местное правительство и территориальную ассамблею. На подопечных территориях — Камеруне и Того — тоже были образованы местные правительства. Высшая власть во всех колониях принадлежала верховному комиссару, назначавшемуся французским правительством. Реформы 1956—1957 гг. являлись типичным проявлением политики сохранения в колониях позиций французского империализма.

В 1958 г. во Франции вступила в действие новая конституция, предусматривавшая некоторые формальные изменения во взаимоотношениях между метрополией и колониями. Каждая из колоний в Африке стала называться республикой, а Французский Союз был переименован во Франко-африканское сообщество. Но дальше изменения терминов дело вначале не пошло. Образование «республик» и «Франко-африканского сообщества» не могло замаскировать сохраняющуюся экономическую и политическую зависимость колоний от метрополии.

Проект конституции подлежал утверждению на референдуме не только во Франции, но и в ее колониях. Было специально предусмотрено право любой из африканских территорий на отделение от Франко-африканского сообщества, если большинство избирателей данной территории на референдуме ска-

жет «нет». Но французское правительство надеялось, что, опираясь на аппарат колониального управления и своих ставленников в правительствах колоний, оно обеспечит одобрение проекта конституции и тем самым получит возможность говорить о добровольном присоединении своих африканских колоний к франко-африканскому сообществу. Но жизнь уже разрывала рамки колониального права.

Осенью 1958 г. народ Гвинеи проголосовал против конституции и завоевал независимость. Национально-освободительное движение в Гвинее возглавлялось Демократической партией Гвинеи. Еще в 1957 г. местное правительство ликвидировало власть кантональных вождей, являвшихся проводниками политики колонизаторов. Это существенно подорвало позиции французских властей. Во время референдума по вопросу об одобрении проекта конституции Демократическая партия Гвинеи призвала африканцев сказать «нет» конституции и тем самым обеспечить провозглашение независимости страны. Гвинейские профсоюзы активно поддержали эту решительную позицию, и подавляющее большинство населения отвергло конституцию. 2 октября 1958 г. гвинейское правительство заявило о выходе из Французского сообщества и объявило Гвинею независимым государством.

Французское правительство, озабоченное возможностью революционизирующего воздействия примера Гвинеи на другие колонии, не только отказалось признать независимость страны, но применило против Гвинеи экономические санкции. Оно хотело доказать, что разрыв с Францией влечет за собой экономическую катастрофу.

Экономический бойкот, осуществленный французским правительством, действительно вызвал в Гвинее временные трудности, поскольку экономика и внешняя торговля Гвинеи длительное время были связаны с метрополией. Но затруднения были успешно преодолены благодаря финансовой помощи, оказанной молодой республике ее друзьями — правительствами Ганы и СССР, а также благодаря умелому использованию правительством Ахмеда Секу Туре межимпериалистических противоречий.

Образование независимой Гвинейской Республики явилось вторым мощным ударом по колониализму в Тропической Африке. Особенно большое воздействие оно оказало на французские колонии, которые вскоре убедились, что разрыв Гвинеи с Францией не только не привел к экономической катастрофе, а, наоборот, способствовал самостоятельному развитию Гвинеи по пути независимости и социальных преобразований. После 1958 г. во всех французских колониях еще больше усилилось движение за независимость, и уже к концу 1960 г. 12 французских колоний Тропической Африки и две подопеч-

ные территории стали суверенными государствами. За исключением Сомали, Франция вынуждена была признать независимость всех своих колоний на Африканском континенте.

Французским правящим кругам пришлось в июне 1960 г. дополнить конституцию положением относительно возможности договорных отношений о добровольном пребывании в обществе. Французская колониальная империя исчезла с карты мира. Независимость французских колоний Тропической Африки была завоевана в основном не насильственными, а мирными средствами борьбы. Французский империализм был вынужден пойти на признание независимости этих своих колоний путем соглашений, поскольку к тому времени он уже потерпел поражение во Вьетнаме и вел перспективную войну в Алжире.

Ликвидация бельгийских владений в Африке. Бельгийский империализм проявил известную гибкость, хотя и со значительным по сравнению с Англией и Францией «опозданием» в колониальной политике. До 1959 г. коренное население Бельгийского Конго и подопечной территории Руанда-Урунди было совершенно устранено от управления делами своих стран. При генерал-губернаторе Бельгийского Конго, в руках которого была сосредоточена верховная власть, имелся правительственный совет с совещательными функциями, но он состоял из бельгийских колониальных чиновников. В каждой из шести провинций колонии имелись провинциальные советы, но в них тоже входили бельгийцы — высокопоставленные колониальные чиновники и представители европейской части населения.

Во второй половине 50-х годов национально-освободительное движение в бельгийских колониях приобрело массовый характер. Именно с этого времени здесь стали возникать различные политические партии. Одной из первых политических организаций Бельгийского Конго был Альянс баконго (Абако), созданный еще в 1948 г. В 1958—1960 гг. в стране возникло множество новых партий. К 1960 г. в Конго существовало не менее 113 различных политических организаций. Наиболее крупными среди них были: Конголезское национальное движение, возглавляемое Патрисом Лумумбой, Африканская партия солидарности во главе с Антуаном Гизенгой, Национальная партия прогресса, Центр африканской перегруппировки (СЕРЕА), Конфедерация ассоциаций Катанги — Конакат. Последняя была образована при активной поддержке европейских поселенцев, а ее деятельность финансировалась бельгийской горнорудной компанией «Юньон-Миньер дю О'Катанга». Лидер партии Моиз Чомбе не скрывал своих связей с иностранными монополиями и призывал к сотрудничеству с местными европейцами.

Возникновение большого числа политических партий во многом объясняется и политикой бельгийских колонизаторов, которые поддерживали притязания лидеров, представлявших региональные и родо-племенные интересы. Если в прошлом бельгийские колониальные власти решительно противодействовали возникновению среди африканцев любых политических организаций, то теперь они стали поощрять создание мелких политических партий, стараясь привлечь на свою сторону их руководителей. Бельгийцы рассчитывали при этом, что существование множества политических течений облегчит им сохранение господствующих позиций в стране.

Одновременно колониальные власти обрушили репрессии на освободительные силы. В начале 1959 г. в ряде городов полиция применила против мирных демонстраций оружие. Январские расстрелы, особенно расстрел мирной демонстрации в Леопольдвиле, всколыхнули всю страну. Чтобы успокоить общественное мнение, бельгийское правительство 13 января опубликовало декларацию, в которой давались обещания осуществить в Конго в ближайшее время конституционные реформы: учредить выборные органы, ликвидировать расовую дискриминацию и предоставить в дальнейшем стране независимость.

Обещания бельгийских властей были крайне неопределенны, без указания конкретных сроков их осуществления. Созданный в марте 1959 г. Законодательный совет состоял из бельгийских колониальных чиновников; представители конголезцев в нем отсутствовали. Поэтому наиболее прогрессивные политические партии не только не прекратили, но еще более усилили борьбу против колониального режима; партия Конголезское национальное движение потребовала предоставления стране независимости уже в 1960 г.

В этих условиях бельгийские власти были вынуждены для решения вопроса о будущем устройстве Конго пойти на созыв в январе 1960 г. Конференции круглого стола с участием представителей основных африканских политических партий. В соответствии с принятыми на ней решениями правительство Бельгии соглашалось провозгласить Конго независимым государством 30 июня 1960 г., а до этого, в мае — июне, провести всеобщие выборы в конголезский парламент. Вместе с тем соглашение, принятое на Конференции круглого стола, сохраняло за бельгийскими офицерами командные позиции в конголезской армии, весь высший административный аппарат также оставался в руках бельгийцев, опираясь на который они рассчитывали оказывать решающее влияние на конголезское правительство. Колонизаторы учитывали также серьезные затруднения Конго в национальных кадрах. Все это давало основание предполагать, что, получив независимость, Кон-

го, как и прежде, останется под контролем колонизаторов. Дальнейшие события показали несостоятельность расчетов, не принимавших во внимание революционной активности конголезского народа.

Во второй половине мая 1960 г., в соответствии с решениями Брюссельской конференции, состоялись выборы в палату депутатов. Важную победу на них одержала партия Конголезское национальное движение, завоевавшая большинство мест. Следующими по числу мест были Национальная партия прогресса, Африканская партия солидарности, Абако.

Победа прогрессивных сил на выборах обеспечила образование первого конголезского правительства, твердо ставшего на антиимпериалистические позиции. Правительство возглавил пламенный патриот Пагрис Лумумба. 30 июня состоялось торжественное заседание конголезского парламента, на котором Республика Конго была провозглашена независимым государством. Однако сразу же после этого бельгийские империалисты при поддержке своих западных партнеров организовали серию заговоров против молодого государства и его правительства, стремясь превратить в фикцию провозглашенный суверенитет.

Завоевание независимости народами Конго способствовало росту национально-освободительного движения на подопечной территории под бельгийским управлением — Руанда-Урунди. Политическая жизнь разворачивалась здесь под знаком борьбы не только против колониального режима, но и межплеменной розни двух основных народов, населяющих страну, — бахуту и батутси. Последние, особенно в Руанде, представляли господствующую феодальную прослойку, на которую в течение многих лет опирались бельгийские колонизаторы. Когда в конце 50-х годов в Руанда-Урунди усилилось национально-освободительное движение, бельгийские власти постарались углубить раздоры между бахуту и батутси.

В конце 50-х годов в Руанда-Урунди стали возникать политические партии. В Руанде наиболее влиятельной стала Пармехуту — партия, пользовавшаяся поддержкой бахуту. В Урунди наибольшим политическим влиянием пользовалась Юпрона, возглавляемая представителями батутси. В декабре 1960 г. на выборах в Законодательное собрание Руанды победу одержала Пармехуту, и местное правительство образовали представители этой партии. В Урунди, где выборы в Законодательное собрание проходили в сентябре 1961 г., победу одержала партия Юпрона, сформировавшая правительство Урунди. Оба правительства требовали в ООН образования на подопечной территории двух самостоятельных государств. Генеральная Ассамблея ООН 1 июня 1962 г. приняла решение, удовлетворяющее это требование. На Африканском контин-

ненте появились республика Руанда и королевство Бурунди. Бельгия лишалась своей последней колонии в Африке.

Восстания в португальских владениях. Сохраняя в своих колониях наиболее жестокие формы расового угнетения, португальские власти тем не менее начали отдавать дань времени. В 1951 г. колонии Португалии были переименованы в заморские провинции. Реформа разделила население португальских колоний на две неравные группы — «цивилизованных» и «нецивилизованных». В первую зачислялись все лица европейского происхождения, независимо от их культурного уровня, и небольшая часть африканцев, принявших португальский образ жизни, т. е. лица, порвавшие с местными религиями и принявшие католичество, умеющие читать и писать португальски, владеющие профессией, приносящей доход, или торговым заведением. Совершенно очевидно, что этим требованиям могла отвечать лишь очень незначительная часть африканцев, и действительно, во всех португальских колониях только 0,3% коренного населения заслужили статус «цивилизованных» африканцев. За этой небольшой группой населения закон 1951 г. признавал право португальского гражданства. Остальная часть населения — 99,7% «нецивилизованных» — была лишена всех прав: им не разрешалось вступать в политические партии, профсоюзные и культурные организации.

В условиях жестоких преследований освободительным силам Анголы, Мозамбика, «португальской» Гвинеи было исключительно трудно организовать борьбу. Именно поэтому до конца 50-х годов португальские колонии называли «зоной молчания». Однако постепенно революционное движение нарастало и здесь. Со второй половины 50-х годов в португальских колониях возникли нелегальные организации, возглавившие борьбу против колониализма.

В 1961 г. началось восстание в Анголе. Особенно широкий размах оно приобрело в северных районах страны. Португальские власти вынуждены были срочно перебросить в Анголу войска из метрополии. Каратели использовали для подавления восстания самолеты и другое оружие, полученное от союзников по НАТО, главным образом из США. Напалмовые бомбы сжигали целые селения. К началу 1963 г. число убитых превысило 130 тыс., а число беженцев — 400 тыс. человек. Хотя португальское правительство не раз заявляло, что с восстанием в Анголе покончено, оно на самом деле приобретает все более широкие масштабы. Особенно значителен вклад в вооруженную борьбу партизанских отрядов, действующих под руководством прогрессивной политической партии НДОА (Народное движение за освобождение Анголы).

Осенью 1964 г. развернулось восстание и в другой крупной

португальской колонии — Мозамбике. Во главе восстания встал Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО). Ширится национально-освободительное движение и в «португальской» Гвинее. В последние месяцы 1962 г. здесь также развернулось восстание против господства колонизаторов. К концу 1966 г. партизанские отряды освободили и контролировали около половины территории страны.

Борьба африканских патриотов с расистскими режимами в Южной Родезии и ЮАС. После ликвидации Федерации Родезии и Ньясаленда и образования Малави и Замбии европейское меньшинство Южной Родезии упорно не желало идти на какие-либо уступки политическим требованиям африканцев. Местное правительство, состоявшее целиком из европейцев, поставило перед английским правительством вопрос о предоставлении независимости и Южной Родезии. Осуществление такого шага в условиях, когда в стране господствовало европейское меньшинство, а коренное африканское большинство было лишено всяких прав, явилось бы шагом в сторону дальнейшего усиления реакции. Именно поэтому против немедленного предоставления независимости Южной Родезии выступили как африканцы Южной Родезии, так и африканцы всего континента.

Английское правительство отдавало себе отчет в том, что выполнение требований европейских поселенцев и монополий, заинтересованных в сохранении существующего режима, может лишь привести к росту борьбы против расистов и их иностранных покровителей. Поэтому оно стремилось выйти из кризиса на путях осуществления частичных реформ, которые, расширяя участие африканцев в органах государственного управления, сохранили бы вместе с тем позиции британских монополий.

Однако европейские поселенцы Родезии придерживались иной политики. Они мечтали о закреплении своего господствующего положения и образовании расистского государства по типу Южно-Африканской Республики.

В ноябре 1965 г. правительство белых расистов в одностороннем порядке, без согласия английского правительства, провозгласило «независимость» Родезии.

Африканские политические партии Родезии, поддержанные правительствами независимых африканских государств и Организацией африканского единства, решительно выступили против лживой независимости и потребовали от английского правительства применения санкций против незаконного режима белых расистов. Африканские политические партии Родезии требуют отмены расистской конституции 1961 г., демократизации органов государственного управления, проведения всеобщих выборов по принципу: один человек — один голос,

образования африканского правительства и лишь после этого решить вопрос о предоставлении стране подлинной, а не мнимой независимости. Эти справедливые требования встречают полную поддержку в ООН и у мирового прогрессивного общественного мнения. Какую опасность для африканцев представляет расистский режим, показывает пример ЮАР.

ЮАР не колония, а суверенное государство, но господствующее положение во всех сферах экономической и политической жизни занимает европейское меньшинство. В основе деятельности всех правительств ЮАР (ранее ЮАС) лежала политика апартеида — политика расовой дискриминации, объявлявшая африканцев неполноценными людьми и не признававшая за ними прав, которыми пользовались европейцы.

К моменту окончания второй мировой войны в ЮАС заметно возросло влияние Коммунистической партии и Африканского национального конгресса (АНК), выступавших за равноправие коренного населения; это сильно обеспокоило правящие круги ЮАС. В 1950 г. правительство Малана провело в парламенте закон о подавлении коммунизма. Закон объявлял деятельность Коммунистической партии незаконной и предусматривал суровые наказания за принадлежность к ней. Вскоре Южноафриканская компартия перестроила свои ряды и развернула активную деятельность в нелегальных условиях.

Несмотря на суровые преследования, национально-освободительное движение в ЮАС приобретало все более широкий характер. АНК вместе с другими прогрессивными организациями индийцев и европейцев усилил борьбу против расистских законов, за предоставление всем слоям населения, независимо от их расовой или национальной принадлежности, равных демократических прав. В июне 1955 г. по инициативе АНК и Южно-Африканского Индийского конгресса в Кейптауне был созван Народный конгресс, в котором участвовали все прогрессивные организации страны. Конгресс единогласно принял Хартию свободы, в которой была сформулирована программа борьбы за преобразование социально-экономического и политического строя ЮАС на демократических принципах. Хартия требовала для всех жителей ЮАС равенства в экономической, политической и социальной областях, введения всеобщего избирательного права, отмены всех дискриминационных законов, введения 40-часовой рабочей недели и прогрессивного социального законодательства, передачи земли тем, кто ее обрабатывает. В хартии выдвигались и другие демократические требования. С момента своего появления Хартия свободы стала важным программным документом, объединившим все прогрессивные силы страны в борьбе за

ликвидацию реакционного расистско-фашистского государства в Южной Африке.

На этом пути существуют значительные трудности. Следует учитывать разницу между борьбой африканских народов против английских колониальных и местных расистских режимов. Английские империалисты были в основном внешним врагом, опиравшимся на административный аппарат колониального угнетения. Расисты в Южной Африке — это внутренний враг, который использует свои позиции в промышленности и сельском хозяйстве. Поэтому борьба против колонизаторов здесь носила не только национальный, но и ярко выраженный социальный характер. Несомненно поэтому, что борьба против расизма является более длительной и трудной. Не случайно английское правительство не принимало никаких действенных мер для того, чтобы власть в Солсбери перешла в руки африканского большинства, и терпело унижения от расистского режима Яна Сmita. Если, рассуждали в Лондоне, южноафриканский форпост расизма будет смыт волной национально-освободительного движения, то это поставит под удар позиции английского капитала. Ведь в Южную Африку британские монополии вложили три с лишним миллиарда долларов. Немалые экономические интересы имеют здесь монополии США, капиталовложения которых дошли здесь до 1 млрд. долл.

Существование расистских режимов в Южной Африке представляет серьезную угрозу для молодых африканских государств. Борьба против расовой дискриминации в ЮАР и Родезии неразрывно связана с общей борьбой против империализма и колониализма, за национальное и социальное освобождение. Проблемы Южной Африки выходят за рамки чисто региональных и имеют международное значение. Не случайно за последние годы не проходило ни одной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой не обсуждался бы вопрос о положении в этой части континента.

Национально-государственная консолидация и африканская солидарность. Среди множества нерешенных проблем, с которыми столкнулись национальные правительства, едва ли не самой острой и запутанной является проблема несовпадения этнических границ с государственными.

«Закрепляя» территориальный раздел Африки в различных документах, империалисты менее всего думали о том, какие народы населяют ту или иную часть континента, объявляемую колонией или протекторатом. Границы между колониями часто проводились в соответствии с градусной сеткой географической карты. В результате племена, народы и даже отдельные населенные пункты искусственно рассекались, оказывались по разные стороны границы. Установление таких гра-

ниц привело к тому, что в Тропической Африке не было ни одной колонии с более или менее этнически однородным населением. В пределах одной колонии, как правило, соседствовало множество этнических групп, принадлежавших к разным языковым семьям, а иногда и к разным расам (например, арабы и нилоты Судана).

Этническая и лингвистическая чересполосица в наибольшей степени характерна для Западного Судана. Государственные границы протянулись там в меридиональном направлении с севера на юг, в то время как границы расселения многих народов совпадают с широтным направлением. В итоге народ мандинго, например, оказался разрезанным между Сенегалом, Мали, Гамбией, Португальской Гвинеей, Гвинеей, Сьерра-Леоне, Берегом Слоновой Кости, Верхней Вольтой и Мавританией. В Восточной Африке мы наблюдаем аналогичное положение: нилотские народы были разобщены границами четырех колоний: Судана, Уганды, Кении и Бельгийского Конго; сомалийцы оказались разделенными границами между Британским, Французским, Итальянским Сомали и британской колонией Кенией (часть сомалийцев живет в Эфиопии).

Искусственный раздел территории с этнически однородным населением, создание многонациональных колоний породили две проблемы: отношения между различными народами в пределах одной страны и отношения между самими этими странами. В колониальный период наиболее актуальной была первая из них; в годы независимого существования не меньшую остроту приобрела вторая.

Чтобы понять причины трений между отдельными народами одной колонии, следует прежде всего иметь в виду, что раздел континента империалистами сам по себе был тормозом национальной консолидации. Складыванию африканских наций мешала также экономическая, административная и языковая политика колонизаторов. Они поощряли идеологию племенной разобщенности — трибализм, регионализм, разжигали национальный антагонизм. Народ одной этнической или языковой группы враждовал с народом другой. Постоянные конфликты вспыхивали между земледельцами и кочевниками.

Играя на племенных распрях, хозяева колоний бросали на подавление волнений в одном районе воинские части, которые рекрутировались за счет выходцев из другого, в прошлом враждебного первому району. В низовых звеньях колониальной администрации данного района опять-таки нередко служили выходцы из других, более развитых районов, не знавшие местного языка, местных обычаев, не исповедовавшие местной религии. Все это лишь усугубляло национальные трения. Так, среди чиновников-африканцев, работавших в исла-

мизированной Северной Нигерии, было много выходцев из южной части страны, не являвшихся мусульманами.

Национальные и племенные распри нанесли большой ущерб в период завоевания политической независимости. Используя национализм и сепаратистские тенденции реакционной феодальной верхушки, английские колонизаторы на несколько лет оттянули сроки предоставления независимости Гане, Нигерии, Кении. Широко известна пагубная роль катангского сепаратизма в Конго в 1960—1962 гг. В 1963 г. вспыхнул реакционный мятеж в Мали, организованный сепаратистами из кочевых туарегских племен.

Сепаратистские тенденции проявлялись в Тропической Африке тем сильнее, чем более богатой и развитой в экономическом отношении была та или иная провинция, та или иная колония. Не случайно, что именно Берег Слоновой Кости и Габон — наиболее богатые природными ресурсами французские колонии в Западной Африке — решительно отказались от получения независимости в рамках крупных федераций с соседними колониями.

Большинство независимых государств в Африке существует лишь несколько лет. Естественно, что национальный вопрос не успел потерять свою злободневность после ликвидации колониального режима. В плане внутригосударственном наметились предпосылки нормализации отношений между различными народами и этническими группами на новой, более демократической основе. В конституциях африканских государств провозглашен принцип равноправия граждан независимо от расы и национального происхождения. В правительствах, партиях, парламентах, органах власти на местах представлены различные этнические группы. Серьезным фактором национальной консолидации служит экономическая политика, в особенности в тех странах, где ее острие направлено на решительную ликвидацию колониальной структуры экономики, планомерное и более или менее гармоничное развитие всех районов, стягивание отдельных рынков в единый внутренний рынок. Но наряду с новыми, положительными моментами еще сохраняют свое значение и отрицательные — трибализм и сепаратизм, национальная и религиозная исключительность.

Борьба между старым и новым в межнациональных отношениях внутри независимых государств протекает подчас в довольно острых формах. В межгосударственном плане она нередко принимает еще более ожесточенные формы, сопровождаясь усилением напряженности в отношениях между соседями, пограничными конфликтами и даже серьезными вооруженными столкновениями. Искусственность государственных границ в разное время вызывала напряженность в отно-

шениях между Сомали и Кенией, Ганой и Того, Камеруном и Нигерией, Мавританией и Марокко. Весьма острым был сомалиско-эфиопский конфликт, который в феврале 1964 г. вылился в вооруженное столкновение между обеими странами с участием регулярных войск.

Втягивание различных стран в военные конфликты из-за несправедливых границ или других спорных вопросов может лишь отбросить эти страны назад, привести вместо социального прогресса к регрессу. Попытки урегулирования спорных вопросов немирными средствами чреватые к тому же вмешательством бывших хозяев колоний — империалистов. А это подрывает самую основу независимости, завоеванной столь дорогой ценой.

Межнациональные трения проявляются не только в виде споров из-за границ. Достаточно убедительный пример этому дает Дагомея. В колониальный период Дагомея рассматривалась ее хозяевами главным образом как поставщик кадров чиновников для всей Французской Африки. Дело в том, что дагомейцы одними из первых среди африканцев вступили в торговые и иные отношения с европейскими пришельцами. Именно поэтому из дагомейцев колонизаторы издавна готовили кадры для низшего звена администрации многих завоеванных стран. Чиновники дагомейского происхождения были рассеяны по всем владениям Французской Африки в западной части континента. При этом дагомейцы удерживали своеобразную монополию на сравнительно хорошо оплачиваемую канцелярскую работу.

До поры до времени местная буржуазия была вынуждена мириться с тем, что большая часть вакантных должностей в колониальной администрации замещалась дагомейцами. Но накануне провозглашения независимости глухое недовольство таким положением, имевшее националистическую окраску, стало проявляться в весьма острых формах. В городах Берег Слоновой Кости, например, в конце 50-х годов прокатились дагомейские погромы.

Когда все французские колонии в Западной Африке обрели независимость, положение дагомейских иммигрантов стало еще более шатким. Некоторые правительства приступили к их насильственной репатриации. Таким образом, многие страны лишались опытных квалифицированных кадров, а сама Дагомея оказалась в исключительно трудном положении, ибо ее правительству пришлось решать проблему трудоустройства репатриантов.

По официальным данным, к февралю 1964 г. в Дагомею только из Нигера репатриировалось около 7 тыс. дагомейцев. Непосредственным поводом для изгнания дагомейцев из Нигера послужил пограничный конфликт между обеими странами.

ми из-за небольшого острова Лете. Но в данном случае обострение нигеро-дагомейских отношений обусловлено не только территориальными разногласиями. Действия Нигера следует рассматривать, скорее, как одно из проявлений отрицательной реакции неокOLONиалистских кругов на падение антинародного режима Юбера Мага в Дагомее в октябре 1963 г. Помимо Нигера многие дагомейцы были вынуждены в последние годы покинуть Берег Слоновой Кости, Габон, Конго (Браззавиль) и другие страны. Сложность трудоустройства репатриантов заключается в том, что среди них только часть может быстро найти применение своим знаниям (агрономы, врачи, учителя). Остальные — профессиональные чиновники, а в Дагомее избыток собственных чиновников.

Сплочение африканских государств на антиимпериалистической основе, реалистический подход африканских лидеров к спорным вопросам, продиктованным заботой о будущем освободившихся стран, способны преодолеть тяжелые последствия произвольного, искусственного раздела континента колонизаторами.

— Необходимость такого единения стала ясной руководителям новых государств еще в конце 50-х годов. Без согласования своей внутренней и внешней политики эти государства не смогли бы выполнить ни одной из важных задач, поставленных на повестку дня достижением независимости (отпор коллективному неокOLONиалистскому натиску; решение проблемы отсталости; урегулирование спорных вопросов между соседними государствами; оказание помощи народам последних африканских колоний).

Даст ли ожидаемый эффект, например, создание многоотраслевого хозяйства данной страной без согласования ее сельскохозяйственной политики с другими странами, по крайней мере с соседними? Если все слаборазвитые страны будут возделывать те культуры, за которые можно выручить наибольшее количество валюты, то они рискуют впасть в крайность. Не исключено, что во всех странах будет взят курс на выращивание одних и тех же культур, что спрос на них на внешних рынках упадет, а колебания цен лишь усилятся. Отсюда необходимость постоянной координации планов подъема сельского хозяйства как в региональном, так и в общеафриканском масштабе.

Концепция единства вырабатывалась на многих конференциях, которые проводились в Африке на различных уровнях начиная с 1958 г. Основными вехами на пути к единству были Конференция африканских народов (Аккра, 1958 г.), Конференция независимых государств Африки (Аккра, 1958 г.), Конференции независимых государств в Монровии (1959 г.), Яунде (1961 г.), Касабланке (1961 г.). В трактовке концепции

единства обнаружились различные подходы, что явилось отражением отдельных политических тенденций, преобладавших в той или иной группе государств. Это различие сказалось на двух основных региональных организациях африканских стран, существовавших с 1961 по 1963 г. Африкано-Мальгашский Союз (впоследствии Африкано-Мальгашский союз экономического сотрудничества, а с 1965 г. Общая африкано-мальгашская организация), объединивший бывшие французские колонии в Тропической Африке, с первых месяцев своего существования находился под сильным империалистическим влиянием, что определяло его политическую линию. Напротив, Организация Касабланкской хартии, куда входили Гана, Гвинея, Мали, Марокко, Алжир, ОАР, была создана на антиколониальной и антиимпериалистической основе.

Несмотря на серьезные разногласия, обеим организациям удалось достичь соглашения о создании всеафриканской организации независимых государств. Такая организация — Организация африканского единства — была учреждена в мае 1963 г. на конференции в Аддис-Абебе. Ее создание открыло благоприятные перспективы решения многих жгучих проблем, стоящих перед освободившейся Африкой. Официально провозглашенная цель организации — содействие развитию единства и сотрудничества между африканскими государствами в области политики, экономики, дипломатии, просвещения, культуры, науки, техники и обороны. Одним из принципов принятой на конференции Хартии единства является «мирное урегулирование спорных вопросов путем переговоров, посредничества, примирения или арбитража». С этой целью в рамках ОАЕ учреждена специальная комиссия по посредничеству, примирению и арбитражу. Прекращение военных действий на алжиро-марокканской, а затем на эфиопско-сомалийской границе было осуществлено с помощью механизма Организации африканского единства.

Появление Организации африканского единства не сняло, разумеется, всех спорных вопросов, политических и экономических противоречий между ее членами. То и дело такие противоречия дают о себе знать. Многие члены ОАЕ считают, например, неправомерным сохранение Общей африкано-мальгашской организации (ныне — общая афро-малагасийская организация) как самостоятельной единицы после создания всеафриканского объединения государств. Об отсутствии единства взглядов говорит и такой факт, как неучастие группы стран (Дагомея, Верхняя Вольты, Нигер, Чад, Габон, Того, Малагасийская Республика, Берег Слоновой Кости) в работе Ассамблеи глав государств — членов ОАЕ в Аккре в октябре 1965 г. Но сам факт существования Организации африканского единства приобретает большое положительное значение.

Он свидетельствует о том, что идея африканского единства, несмотря на все препоны и осложнения, становится реальностью.

Внешнеполитический курс молодых государств и ликвидация остатков колониальных империй в Азии

Подъем национально-освободительного движения на Африканском континенте не замедлил сказаться и на положении в Азии. Колонизаторам не удалось в свое время предотвратить перемещение центра антиимпериалистической борьбы в третьем послевоенном пятилетии из Юго-Восточной Азии в арабские страны и Африку. Точно так же они не смогли нейтрализовать в конце 50-х — начале 60-х годов обратное влияние африканских событий на положение в Азии. В первую очередь этому способствовали рост международного авторитета молодых освободившихся государств и развитие движения афро-азиатской солидарности.

Страны Азии и Африки — новый фактор международных отношений. Выход на международную арену независимых государств Азии и Африки сопровождался выработкой и осуществлением курса, отвечающего их национальным интересам и основанного на политике позитивного нейтралитета: неприкосновенность к военным блокам, поддержка национально-освободительной борьбы угнетенных народов, борьба против колониализма. Такой курс диктовался прежде всего необходимостью противостоять попыткам империалистов втянуть страны Азии и Африки в агрессивные военно-политические союзы, всячески ограничить их суверенные права.

Основные принципы политики молодых государств были разработаны на Бандунгской конференции в 1955 г., положившей начало движению афро-азиатской солидарности. Основной предпосылкой этого движения явилась общность задач антиимпериалистической борьбы и исторических судеб стран Азии и Африки в преодолении вековой отсталости на путях социального прогресса. В декабре 1957 г. — январе 1958 г. в Каире была созвана экономическая конференция 45 стран Азии и Африки. Африканские страны на ней были представлены значительно шире, чем в Бандунге. Если на Бандунгской конференции из 39 стран было всего 5 африканских стран, то на конференции в Каире — 19. Этот факт отражал рост политического самосознания и национально-освободительной борьбы народов Африканского континента. Конференция рекомендовала странам-участницам расширять взаимные торговые связи, укреплять экономическое и техническое сотрудничество.

На Каирской конференции был сделан важный шаг в деле организационного оформления движения афро-азиатской солидарности. Было решено создать постоянную организацию для проведения в жизнь резолюций и рекомендаций конференции, поддерживать и укреплять движение афро-азиатской солидарности в других странах.

Окончательное организационное оформление движения произошло на Второй конференции солидарности народов Азии и Африки, состоявшейся в г. Конакри в апреле 1960 г. На этой конференции был принят устав организации и сформулированы ее основные цели. Устав следующим образом определил задачи движения афро-азиатской солидарности: «объединять и согласовывать борьбу народов Азии и Африки против империализма и колониализма, ускорять освобождение народов и обеспечить их экономическое, социальное и культурное развитие».

В сентябре 1961 г. в Белграде состоялась конференция 25 неприсоединившихся стран, на которой присутствовали руководители 24 государств Азии, Африки и Латинской Америки. Конференция подчеркнула, что для молодых национальных государств не может быть нейтральной позиции в вопросах борьбы за мир, против колониализма. Руководители неприсоединившихся стран заявили о своей поддержке Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой по инициативе СССР XV сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г.

Укрепление суверенитета независимых государств Азии. Республика Индия поставила вопрос о ликвидации на своей территории колониальных владений Франции и Португалии. Вопрос о контролировавшейся французскими властями части индийской территории (Пондишери) был решен путем переговоров, вслед за которыми последовало мирное воссоединение этих земель с Индией. Иначе сложились отношения Индии с Португалией, владевшей индийскими территориями Гоа, Диу и Даман. Правительство Салазара категорически отказывалось вернуть Индии эти территории. Помимо совершенно мифических «исторических прав» Португалия ссылалась на некие «моральные обязательства», вытекавшие из ее членства в НАТО. Речь по существу шла о «праве» членов НАТО превращать территории нейтралистских стран в военные базы. Поэтому все попытки Индии добиться от США и Англии, руководителей НАТО, посредничества в мирном разрешении спора оказались безрезультатными. «Мы указываем (западным державам. — Авт.), — заявил Дж. Неру, — что Португалия является членом НАТО и, несомненно, это дает ей преимущество — помимо материальных преимуществ, то есть вооружения и т. п., она имеет и моральное, поскольку ее пози-

ция укрепились. Но наши заявления ни к чему не привели». Более того, в выступлениях Даллеса и других западных деятелей была оказана недвусмысленная поддержка притязаниям Португалии.

Поощряемые своими партнерами по блоку, португальские колонизаторы жестоко репрессировали участников освободительной борьбы в Гоа, направляли сюда подкрепления своим гарнизонам и даже пытались организовать военные провокации против Индии, особенно в последние месяцы 1961 г. Исчерпав все средства мирного урегулирования конфликта, правительство Индии 18 декабря 1961 г. ввело свои войска на территорию Гоа, Диу и Дамана. Военное сопротивление португальцев было сломлено за несколько дней при активной поддержке повстанческих отрядов местных жителей. Исчез еще один островок колониализма в Азии. На стороне Индии выступил Советский Союз, противостоявший в Совете безопасности, вплоть до использования права вето, всем попыткам империалистических держав во главе с США протащить резолюцию с осуждением Индии в качестве «агрессора».

Правительство Индонезии в 1956 г. расторгло ограничивавшие суверенитет Индонезии соглашения Конференции круглого стола 1949 г. и приступило к национализации голландских предприятий и плантаций. Позднее были национализированы английские каучуковые плантации, запрещены иностранные концессии, разорваны дипломатические отношения с Голландией, продолжавшей удерживать под своим господством индонезийскую территорию Западный Ириан. Борьба за воссоединение Западного Ириана с Индонезией особенно обострилась с 1960 г., когда голландские колонизаторы, увеличив свои вооруженные силы на Западном Ириане, жестоко расправлялись с местными патриотами и одновременно предоставили монополиям США право на разведку и добычу природных богатств в этой части Индонезии. Таким образом, правительство Голландии надеялось заручиться сообщничеством США и удержать Западный Ириан. Американо-голландская агентура плела сеть интриг против Индонезии, используя сепаратистские мятежи, реакционные заговоры и регионалистскую и религиозную вражду. При поддержке США Голландия отказалась от решения конфликта путем переговоров, начала с 1961 г. военные провокации против республики и готовилась провозгласить создание на Западном Ириане маарионеточного государства.

Но все эти планы империалистов были сорваны развернувшимся движением солидарности с индонезийским народом, а также благодаря помощи, включая военную, оказанной Индонезии Советским Союзом. Советская помощь во многом способствовала успешному ходу ее борьбы за возвращение За-

падного Ириана. В начале 1962 г. отряды индонезийских добровольцев высадились на Западном Ириане. В таких условиях голландские власти, вооруженные силы которых уже не могли противостоять индонезийскому флоту и авиации, созданным с помощью СССР, вынуждены были пойти на переговоры. По голландско-индонезийскому соглашению от 15 августа 1962 г. Западный Ириан в октябре 1962 г. был передан под контроль ООН, а 1 мая 1963 г. воссоединен с Индонезией.

Антиимпериалистическая политика восторжествовала в 1956 г. на Цейлоне в результате победы Объединенного народного фронта, выдвинувшего программу укрепления независимости страны. Правительство Соломона Бандеранаике добилось ликвидации английских военных баз, оно выступило за осуществление решений Бандунгской конференции, за национализацию иностранных плантаций и компаний; были установлены дипломатические, экономические и культурные отношения с СССР и другими социалистическими странами.

Значительно осложнились английские позиции в Малайе. Убедившись в результате десяти лет ожесточенной войны против малайского народа в провале своих попыток задушить освободительное движение, колонизаторы вынуждены были прибегнуть к политическим маневрам. В стране всячески поощрялись политические группировки малайской буржуазии и феодалов, а также партии крупной китайской и индийской буржуазии, насаждались реформистские профсоюзы и т. д. В августе 1957 г. Англия пошла на провозглашение независимости Малайской Федерации, которая осенью 1957 г. заключила с бывшей метрополией договор об «обороне» и «взаимной помощи», позволивший ей фактически сохранить свои позиции. В 1959 г. самоуправляющимся государством Британского содружества наций был провозглашен Сингапур. Оба эти государства впоследствии (сентябрь 1963 г.) образовали (совместно с британскими колониями на Калимантане) Федерацию Малайзии, использованную империалистами прежде всего против Индонезии. Тем не менее сам факт рождения двух новых государств в Азии явился еще одним свидетельством невозможности сохранения колониальных владений в прежнем виде. Перед народами Малайи и Сингапура, продолжавшими борьбу за полное освобождение от оков колониализма, открылись новые возможности для завоевания подлинной национальной независимости.

Тактика колониализма в послевоенном мире

В период второй мировой войны позорная система угнетения и эксплуатации большинства народов земли сохранялась в почти нетронутom виде. В годы войны и в первое время пос-

ле ее окончания империалистические державы не оставляли мысли преподнести народам новый передел колоний, как это удавалось им делать в прошлом.

Например, в ходе второй мировой войны Англия навязала Эфиопии ограничения суверенитета и оккупировала ряд ее районов, как и другие итальянские колонии. Еще более широкие усилия по восстановлению колониальных порядков были предприняты после окончания войны англичанами в Бирме и Малайе, англичанами и голландцами — в Индонезии, англичанами и французами — в Индокитае, Соединенными Штатами — на Филиппинах, в Корее и, руками чанкайшистов, в ранее оккупированных районах Китая. В войнах против народов Индонезии, Индокитая, Малайи голландские, французские и английские колонизаторы не только оказывали поддержку друг другу, но и использовали огромную экономическую и военную помощь США.

Однако необратимые процессы в ликвидации системы колониального господства империалисты не смогли ни приостановить, ни тем более предотвратить. Непосредственным результатом второй мировой войны было уничтожение двух колониальных империй — японской и итальянской, была также подавлена попытка германского империализма создать свою колониальную империю в Европе и во всемирном масштабе. Возвратившиеся колонизаторы натолкнулись на массовый организованный отпор сражавшихся народов, получавших нарастающую и расширяющуюся поддержку мировых прогрессивных сил в виде моральной солидарности, политического и дипломатического давления на агрессоров и колонизаторов и прямой помощи военным снаряжением, медикаментами и иными материальными средствами. В последующем, не оставляя моральных и политических методов борьбы с колониализмом, антиимпериалистические силы мира стали еще шире прибегать к прямой помощи освобождающимся народам. Мировая система социализма превратилась в могучую опору национально-освободительных сил.

Таким образом, общая закономерность крушения колониальной системы заключалась в том, что колониализм, сдавая позиции своего политического господства в одних странах, сосредоточивал их в других, а силы социализма и национального освобождения, наращивая свои удары, концентрировали их против оставшихся колониальных цитаделей. Именно поэтому бои вокруг этих цитаделей, хотя их масштабы последовательно сокращались, не теряли, а скорее увеличивали свое международное значение. Как видим, ликвидация колониальных империй не была простым слагаемым из результатов одного лишь столкновения метрополия — колония, ибо каждый такой результат был также итогом общей борьбы

основных мировых сил. Благодаря существованию социалистической системы была обеспечена та в высшей степени важная для победы народов «парализованность вмешательства империалистических держав», которую имел в виду В. И. Ленин, говоря об особо благоприятном сочетании условий интернационального положения для успеха национальных войн*.

Массовый организованный отпор, полученный колонизаторами от народов, пользовавшихся прямой или косвенной поддержкой Советского Союза и других социалистических стран, убедительно продемонстрировал наступление новой эпохи в их истории. Понадобился кровавый опыт многолетних войн, тяжелых потерь и страданий, понадобилось новое, сложившееся в результате войн и последовавших революционных процессов соотношение сил на мировой арене и внутри колониальных и зависимых стран, чтобы империалисты вопреки своей воле приступили к «мучительному пересмотру» имперских и прочих построенных на военно-политическом насилии концепций колониализма. Этот пересмотр затянулся на два с лишним десятилетия и не завершен и по сей день. Более того, имперские концепции колониализма оказались необычайно живучими именно в региональных вариантах. Всестороннее изучение обстоятельств освобождения любой из афро-азиатских стран разбивает миф о добровольной самоликвидации колониальных империй и других форм политического диктата. Действительно, суживая сферу своего политического господства, империализм концентрировал свои силы в оставшихся колониальных странах, с тем чтобы создать подавляющее превосходство над местными патриотическими силами. Поэтому сокращение колониальных империй не снижало, а скорее повышало значение международной солидарности в борьбе за окончательную ликвидацию остатков этих империй.

Стратегия английского колониализма. На первый взгляд может показаться странным, что именно Англия, единственная метрополия из участвовавших в войне, которая не подверглась военному разгрому, первой попыталась спасти империю путем ее реконструкции. Немалую роль сыграл здесь субъективный момент — огромный опыт и склонность британских правящих кругов к компромиссу. «Подобно тому, — пишет П. Датт, — как основатели старой Британской империи были первыми в завоевании крупнейших колониальных владений, так и современные английские империалисты, можно сказать, первыми начали всестороннюю разработку новых методов колониализма».

Смысл этой новой колониальной стратегии английского им-

* В. И. Ленин, *О брошюре Юниуса*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 9.

периализма Идрис Кокс, известный исследователь по проблемам внешней политики Англии, определил следующим образом: «Колониальная стратегия английских правящих классов заключалась в том, чтобы оказывать сопротивление силам национального освобождения, где это только возможно, и идти на уступки там, где они (империалисты. — *Авт.*) недостаточно сильны. Это две стороны одной и той же политики, каждую из которых английские империалисты используют в точном соответствии со сложившейся обстановкой». Искусство английских империалистов в том и состояло, что они, как правило, предвидели наступление краха своих режимов и вовремя принимали необходимые меры по передаче политического суверенитета на максимально приемлемых для себя условиях.

В истории британской колониальной империи послевоенных лет закономерности современного колониализма представляли в столь же классическом виде, в каком были представлены закономерности колониализма восходящего капиталистического строя в процессе формирования этой империи. Те глубокие корни, которые за многие десятилетия и даже века пустил британский колониализм в социально-экономические структуры поработанных стран, казалось, надежно гарантировали фиктивность и эфемерность «предоставленных» суверенитетов. И если в исторически кратчайшие сроки эти суверенитеты стали свидетельством развала Содружества наций, то это — результат энергии и борьбы освобождающихся народов, нового соотношения мировых сил. Провал по-своему дальновидных политических замыслов и маневров, предпринятых самыми опытными колониальными политиками ради реконструкции и сохранения самой древней и прочной империи, является наиболее веским доказательством той истины, что колониализм исторически изжил себя в любых формах.

Особенности тактики французского колониализма. Несравненно меньшую гибкость в реформировании явно изживших себя методов колониального управления в первые послевоенные годы проявил французский империализм. Именно он вел две наиболее длительные и кровопролитные войны — вьетнамскую и алжирскую. Сразу же после войны французские правящие круги стали силой оружия восстанавливать свою власть на Ближнем Востоке (Сирия и Ливан) и в странах Индокитая, с невиданной жестокостью подавили национальное восстание 1947 г. на Мадагаскаре.

Напомним, что вывод французских войск в конце 1946 г. с Ближнего Востока был произведен лишь под давлением целого ряда неблагоприятных для колонизаторов обстоятельств. В Индокитае вплоть до разгрома в 1954 г. французские власти перебрали чуть ли не все виды зависимых режимов, чтобы сохранить Вьетнам, Камбоджу и Лаос в составе

колониальной империи. Потерпев поражение в Индокитае, французский колониализм сосредоточил усилия для удержания своей империи в Африке. Следует иметь в виду, что крупная французская буржуазия основывала свое господство в колониях на системе «прямого управления», проводила политику подчинения колоний назначаемой из метрополии администрации, старательного офранцузивания местной интеллигенции и отрыва ее от местных условий и влияний. Практика решения кардинальных политических проблем в колониях путем компромисса и сговора с местными верхами была заимствована у английской буржуазии гораздо позднее, еще не стала привычной для французской буржуазии сразу после войны и широко ею не применялась.

Необходимо учесть также, что первые послевоенные годы во Франции были ознаменованы ожесточенной классовой борьбой. Еще живы были традиции движения Сопротивления, базировавшегося на демократическом единстве рабочих, крестьян, интеллигенции и других промежуточных слоев с патриотическими элементами буржуазии, что в политическом плане находило выражение в совместной борьбе коммунистов, социалистов, радикалов, католиков и деголлевцев. Но постепенно крупная буржуазия, восстанавливая свои сильно пошатнувшиеся за годы немецкой оккупации позиции, взяла курс на раскол единства участников Сопротивления и особенно на изоляцию коммунистов. В этих стремлениях трестов и монополий большую роль должны были сыграть разжигание националистических предрассудков широких слоев многочисленной во Франции мелкой буржуазии, отравление народа, в том числе и трудящихся слоев, ядом великодержавного шовинизма, игра на имперских иллюзиях обывателя. Это давало возможность представить демократические и прогрессивные силы, в первую очередь коммунистов, как отступников от «цивилизаторской миссии» Франции в колониях, растратчиков «национального достояния».

Таким образом, французские тресты и монополии не только были корыстно заинтересованы в пресечении всех тенденций к распаду колониальной империи, но и использовали колониальный вопрос для борьбы против все возрастающего влияния компартии внутри самой Франции. Ни американская, ни английская буржуазия не испытывала, да и не могла испытывать такого страха перед коммунистами в собственной стране, какой испытала в 1944—1947 гг. французская буржуазия. Это было еще одним дополнительным стимулом для буржуазии Франции, чтобы принять исключительно жесткий курс в колониальной политике, вплоть до развязывания колониальных войн, обстановка которых благоприятствует угару буржуазного шовинизма.

Именно всем этим и следует объяснить то обстоятельство, что сразу же после войны правящие круги Франции наиболее откровенно стремились к насильственному подавлению национально-освободительного движения в колониях, в гораздо меньшей степени по сравнению с Англией и США прибегая к политическим маневрам, компромиссам и формальным уступкам.

Вся вторая половина 50-х годов и начало 60-х годов были наполнены ожесточенной борьбой французского колониализма с освободительными силами трех стран Магриба. Первоначально даже требование ограниченной внутренней автономии отвергалось администраторами типа Жюэна и Гийома в Марокко, де Отклока в Тунисе и Сустеля в Алжире. При некоторых различиях французского курса по отношению к каждой из этих трех стран в основу его был положен жесткий оккупационный режим, который был сохранен в Марокко и Тунисе даже после марта 1956 г., когда Франция признала независимость этих стран. Да и этот шаг Франции был продиктован обстановкой, сложившейся в результате вооруженного восстания в Алжире. «Так называемая политика силы имела бы следствием ослабление наших действий в Алжире, — заявил тогдашний министр иностранных дел Пино. — В этом одна из причин того, почему правительство решило проводить политику переговоров в Тунисе и Марокко и сосредоточить наши военные и финансовые усилия на Алжире». Однако французские войска оставались на территории этих государств еще много лет и покинули Тунис и Марокко только в октябре 1963 г.

Война в Алжире, как и вся борьба за Магриб, была, по сути дела, проиграна французским империализмом еще в ноябре 1956 г., когда кончилась провалом тройственная агрессия против Египта. С этого времени военная взаимопомощь арабских государств, опирающаяся на поддержку социалистических стран, стала фактом, с которым империализм вынужден считаться. Несмотря на бесперспективность военного решения алжирского конфликта, французским правящим кругам понадобились еще годы, чтобы в сентябре 1959 г. декларативно признать право алжирцев на самоопределение, а весной 1961 г. начать переговоры с Фронтом национального освобождения о претворении этого права в жизнь.

О стойкости имперских концепций в колониальной политике Франции можно судить и по ее отношению к колониям в Тропической Африке. Если конституция 1946 г. содержала привнесенную демократическими силами правовую основу для получения бывшими колониями известной независимости, то конституция 1958 г. ограничивала полномочия заморских стран — членов французского сообщества автономией. Из ком-

петенции их правительств были изъяты вопросы внешней политики, обороны, юстиции, высшего образования, связи, транспорта, денежного обращения и другие важнейшие функции.

Но жизнь уже разрывала рамки колониального права. Осенью 1958 г. народ Гвинеи проголосовал против конституции и завоевал независимость. Стремясь в реформированном виде спасти остатки империи, Франция начинает с января 1960 г. предоставлять независимость «в рамках сообщества», но его новые государства-участники уже требовали независимости вне его рамок. Чтобы сохранить сообщество как основу неокOLONиализма, французским правящим кругам пришлось в июне 1960 г. дополнить конституцию положением относительно возможности договорных отношений о добровольном пребывании в сообществе. Реорганизованное на этой основе в 1960—1963 гг. сообщество уже стало объединением неокOLONиалистского типа. Французская колониальная империя исчезла с карты мира.

Политика «малых» колонизаторов и борьба за ликвидацию их владений. Позднее Англии и Франции на путь реформ в своих африканских колониях стали «малые» колониальные империи. Следует отметить, что небольшие масштабы колониальных владений отнюдь не влекли за собой склонности к мирному урегулированию своих отношений с поработенными народами. Скорее, напротив—у «малых» империалистов были свои дополнительные мотивы крепко держаться за колониальный режим. Относительная политическая и экономическая слабость Нидерландов, Бельгии и Португалии уже давно вынудила их открыть двери своих владений для капитала и политического влияния великих держав. Поэтому после устранения их колониальных режимов им значительно сложнее поддерживать с бывшими колониями отношения фактической зависимости на основе косвенных форм и приемов господства и подчинения.

К тому же у португальского колониализма военно-политический аппарат являлся неразрывной частью машины насилия над прогрессивными силами метрополии. Поэтому поражения в колониальных войнах подрывали и внутреннюю основу салазаровского режима, что определяло его особую цепкость в усилиях удержать за собой заморские владения. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в португальских колониях было много белых поселенцев, занимавших господствующие позиции в промышленности и сельском хозяйстве.

Таким образом, «национальные» особенности отдельных колониальных империй несомненно наложили свой отпечаток на процесс их ликвидации, а впоследствии—на специфику неокOLONиалистской политики бывших метрополий. Немалую

роль в этом сыграли и их взаимоотношения как в глобальном, так и в колониальном аспектах с Соединенными Штатами. И все же решающее воздействие на ход крушения колониальной системы оказали сами освобождающиеся народы, их классовые силы и избранные ими методы и организация борьбы.

Роль отдельных классов и слоев в завоевании суверенитета и установлении национальной государственности

Достижение независимости и восстановление суверенитета подавляющим большинством народов стран Азии и Африки — таков важнейший политический итог распада колониальной системы империализма. Однако с точки зрения характера установленной власти крушение колониализма дало разные результаты. В Китае, а также в северных частях Кореи и Вьетнама образовались народно-демократические государства. В Индонезии, Бирме и (после 1952 г.) Египте власть делили мелкобуржуазные, средние и буржуазные слои. В Индии, на Филиппинах, на Цейлоне, в Сирии и Ливане, Малайзии определяющей политической силой стала буржуазия. В Пакистане и Марокко буржуазия поделила власть с крупными землевладельцами. В целой группе стран государственная власть по-прежнему определялась наследственной аристократией (Эфиопия, Саудовская Аравия, Непал и др.). Различия общественных и государственных структур в каждой стране определялись конкретной расстановкой классовых сил.

Экономическая и социальная отсталость борющихся за независимость афро-азиатских стран, низкий уровень развития производительных сил, слабость национального капитализма и преобладание феодальных и прочих докапиталистических общественных отношений в их многоукладной структуре определили исключительную социальную пестроту участников национально-освободительного движения, политическую незрелость и неопытность большинства из них (включая и многих искренних революционеров, пользовавшихся популярностью в массах), огромное воздействие на сознание самых широких слоев народа тысячелетнего груза патриархальных, национальных, расовых, религиозных и коммуналистских предрассудков и пережитков.

Все эти обстоятельства во многом мешали народным массам афро-азиатских колоний и зависимых стран правильно осознать собственные интересы, нащупать в сложных условиях первых послевоенных лет верный путь к осуществлению своих чаяний. Поэтому в бурном водовороте послевоенных событий в Азии и Африке народные массы, в том числе их самые пе-

редовые представители и выражавшие их взгляды руководители, часто не могли придерживаться наиболее отвечающей их интересам ориентации, не всегда оказывались в состоянии дать отпор маневрам и интригам империалистов и внутренней реакции, а также четко определить, кто враг и кто друг свободы народов, чей лозунг реально служит интересам трудящихся, а чей является обманом.

Всеми этими объективными трудностями, недостатками и слабостями антиимпериалистического движения умело пользовались колонизаторы и их агентура, стремившиеся расколоть ряды борцов за независимость, максимально сыграть на многообразных противоречиях между ними (социальных, религиозных, национальных, политико-идеологических и пр.), привлечь на свою сторону путем коррупции и запугивания имущие эксплуататорские элементы, подавить с помощью террора и обмана сопротивление трудящихся классов. Отмеченные объективные трудности национально-освободительного движения и методы, использовавшиеся империалистами для борьбы с ним, активно влияли на расстановку классовых сил в Азии и Африке.

Крестьянство — самая массовая сила антиимпериалистического фронта. Массовую базу антиколониальной борьбы на этих континентах повсюду составляло крестьянство. Но фактически афро-азиатское крестьянство не представляло собой единой социальной силы. Оно было расщеплено на множество социальных прослоек, часто принадлежавших даже к различным общественно-экономическим укладам, причем в пределах одной страны. Поскольку товарные и капиталистические отношения в их первоначальной форме обычно не ломали до конца традиционной структуры афро-азиатской деревни, в ней было представлено все социальное многообразие населения, сложившееся на протяжении ее длительного исторического развития: сельская знать из общинных и родо-племенных верхов; крестьяне из полноправных общинников, сохранившие в основе крепкие родо-племенные и патриархальные связи; феодально закабаленные крестьяне, представляющие собой либо средневековый класс-сословие, либо полупатриархальные социальные группы, опутанные различными формами экономической и внеэкономической зависимости (кастовая приниженность, долговая кабала и т. п.); крестьяне-середняки, главным образом арендаторы, а частично и собственники своей земли, ведущие мелкотоварное хозяйство и находящиеся в сфере воздействия товарно-денежных отношений; крестьяне-кулаки, применяющие наемный труд, а иногда и механизмы и ориентирующиеся на капиталистический рынок; крестьяне-бедняки, постоянно разоряемые феодалами, кулаками, ростовщиками и иностранными монополиями, прочно обосновавшимися в сель-

ском хозяйстве афро-азиатских стран. Бедняки-издольщики, кабальные арендаторы, являвшиеся по своему имущественному положению полупролетариями, составляли большинство крестьян во всех рассматриваемых странах. Весьма значительной была также прослойка сельского пролетариата, которая, однако, еще не всюду стала сельскохозяйственным рабочим классом, ибо постоянных и квалифицированных кадров сельскохозяйственных рабочих было мало (преобладали сезонники и поденщики) и на практике сельские пролетарии не отделяли свои интересы от интересов крестьянства в целом.

Общая социально-экономическая отсталость афро-азиатской деревни и особая живучесть в среде крестьянства патриархальных и прочих архаических пережитков затушевывали в сознании бедняков и сельских пролетариев противоположность их интересов интересам имущих слоев крестьянства, что позволяло выступать в роли выразителей общекрестьянских чаяний представителям зажиточной деревенской верхушки — заправилам общины, сельским богатым. Нередко крестьяне вообще не выступали с какими-либо своими собственными требованиями, находясь (иногда всецело) под сильным влиянием традиционных вождей, феодальной аристократии, религиозных лидеров.

Африканское крестьянство, например, не столько боролось за новую жизнь, сколько защищало свою традиционную замкнутость от вторжения захватчика, его чиновников, солдат, переселенцев и миссионеров. Причем поистине страшные последствия для африканского крестьянина имел захват его земель белыми колонистами. Этот захват осуществлялся в размерах, далеко превосходящих непосредственные потребности европейцев в самой земле. Им нужна была полная «чистка» земли от ее исконных хозяев, чтобы превратить этих гордых и самостоятельных членов родо-племенной организации в подневольных поденщиков на плантациях. Дело здесь даже не в том, лучше или хуже, чем раньше, питался и одевался на плантации африканец, — он терял свой традиционный общественный статус полноправного члена племени, воина. Поэтому в районах массовой европейской колонизации главным требованием африканского крестьянства стало требование о возвращении ему отнятых земель.

Крестьянство, перешедшее к возделыванию экспортных культур, страдало от непомерно высоких налогов, от господства иностранных фирм в сбыте сельскохозяйственной продукции, которая становилась легкой добычей перекупщиков, торговцев и ростовщиков. Внешний мир с его повышениями и падениями спроса и соответственно цен на продукты их труда представал перед крестьянами как мир хитростей и обмана.

В послевоенные годы в странах Тропической Африки было отмечено немало крестьянских волнений, направленных против господства империалистов, взимания высоких налогов и других поборов. В целом же крестьянство в 1945—1956 гг. было еще слабо вовлечено в активную антиимпериалистическую борьбу, что было связано с давлением и террором империалистических оккупантов, с влиянием родо-племенной и феодальной верхушки.

Консервативные силы деревенских верхов были склонны устраняться от антиимпериалистического и тем более антифеодального движения. Однако прямые насилия колониальных или оккупационных властей, притеснения крупных феодалов, голод и разорение, принесенные военными действиями, нередко принуждали и деревенские верхи принимать участие в сопротивлении. К тому же в ряде стран их положению в качестве руководителей крестьян стали угрожать крестьянские организации, возглавлявшиеся левыми элементами. В тех случаях, когда крестьянское движение проходило под руководством прогрессивных сил, верхи крестьянства могли переходить на сторону колониальных или оккупационных властей. Вместе с тем из этих же слоев часто происходили люди, обычно образованная молодежь, которые отказывались от своих привилегий и уходили в патриотическое и революционное движение.

Эти противоречивые процессы внутри крестьянства нашли отражение в крестьянском движении, его программах и формах организации. В освобожденных районах Китая организация крестьянских масс была в значительной мере подчинена задаче сопротивления захватчикам и находилась под контролем местных коммунистов и командования национально-революционных армий. Сельские верхи — как феодального, так и предпринимательского типа — не допускались в крестьянские организации. Но они пытались сохранить свое влияние в деревне, используя кабальную зависимость бедняков и их патриархальные иллюзии и сколачивая собственные военные отряды.

Сходный с линией КПК курс был осуществлен коммунистами во Вьетнаме, а также на Филиппинах, в Бирме и Индии (движение в Телингане), где он принес лишь частичный и временный успех. Консервативным верхам деревни удалось изолировать получившие определенные выгоды средние слои крестьян от влияния коммунистов. Исключительная опора коммунистов на беднейшие слои крестьян, которые в ряде азиатских общин по традиции не владели землей, облегчала сельским верхам борьбу за средние слои крестьян по основному вопросу — вопросу о земле. В большинстве колониальных стран Южной и Юго-Восточной Азии в крестьянском дви-

жении возобладали мелкобуржуазные тенденции, что во многом предопределило классовую природу будущих буржуазных и буржуазно-помещичьих суверенных государств.

Рабочий класс и рабочее движение. Рабочий класс во всех афро-азиатских странах был сравнительно слаб, что определялось относительно небольшим удельным весом капиталистического уклада. Среди всех лиц наемного труда современный пролетариат, т. е. постоянные кадровые рабочие фабрик и заводов, шахт и транспорта, плантаций и капиталистических ферм, составлял весьма незначительное меньшинство. Большинство рабочих были временно пришедшими на заработки крестьянами и ремесленниками (т. е. еще не пролетариатом, а своего рода предпролетариатом). К тому же они были распылены, как правило, на множестве мелких и средних предприятий преимущественно с немеханизированным производством.

Связи афро-азиатского пролетариата с непролетарскими слоями, тормозившие рост его классового сознания, в то же время делали его особенно восприимчивым к идеям национального освобождения в том виде, в каком они были распространены в среде крестьянства и городской мелкой буржуазии. Кроме того, во многих странах Азии и Африки большинство рабочих, прежде всего кадровых индустриальных рабочих, трудились на предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу. Для них борьба против капиталистов представлялась по преимуществу как борьба против инонациональных угнетателей, а не против классовых врагов. Поэтому афро-азиатские пролетарии, которые были, как правило, в первых рядах национально-освободительной борьбы, нередко подчиняли собственные классовые интересы (осознаваемые, как отмечалось выше, весьма смутно) интересам общенациональной борьбы за независимость.

Беднейшее крестьянство и рабочий класс большинства афро-азиатских стран в силу ряда неблагоприятных факторов внутреннего развития этих стран, в силу собственной социально-политической незрелости и неоформленности не смогли возглавить национально-освободительное движение. Составив массовую базу этого движения, они не смогли стать во главе его, направить его в русло своих классовых интересов, так как в большинстве случаев еще не отделяли их от общенациональных интересов. Их социальное сознание еще было отягощено мелкобуржуазной, патриархальной и феодальной идеологией, сквозь призму которой им в основном представлялись кардинальные проблемы общественного бытия.

Лишь в Китае и Вьетнаме, отчасти в Малайе и на Филиппинах рабочему классу удалось при посредстве коммунистических партий возглавить освободительную борьбу. Сильны

были также позиции коммунистов в освободительном движении Бирмы и Индонезии. Коммунистические и трудовые партии были единственными в Азии партиями в точном смысле этого понятия. Другие патриотические силы могли создать или широкую многоклассовую организацию типа национального фронта, вроде Национального конгресса в Индии и Антифашистской лиги в Бирме, или узкие заговорщические группы. Однако сочетание тактических приемов, присущих этим двум типам организации, оказалось весьма эффективным средством борьбы с империализмом, особенно если оно подкреплялось пролетарскими методами. Закономерно, что в наибольшей мере этими методами владели коммунистические партии, у которых они были частично заимствованы другими партиями и организациями.

Высшую форму организации в освободительном движении представляли собой коммунистические и трудовые партии Азии, которые в конце второй мировой войны пользовались преобладающим влиянием среди революционных масс Китая, Вьетнама и Малайи, были сильны в Бирме и Индонезии, на Филиппинах, имели прочные корни в ряде центров и районов Индии, Цейлона, Ирана. В странах, где коммунистам пришлось долгие годы возглавлять борьбу с японскими захватчиками, ими были созданы вооруженные силы, способные оказывать многолетнее сопротивление интервентам. Суровые требования войны вызвали сосредоточение лучших кадров партии в вооруженных силах, да и само формирование партии в значительной части происходило из рядов бойцов и командиров. Партийная работа, воспитание и подготовка коммунистов были в первую очередь подчинены задачам войны.

Превращению вооруженных сил в основную социальную среду, где происходило формирование и воспитание партийных кадров, способствовало и то обстоятельство, что в странах, оккупированных японцами, места концентрации пролетариата — города и рабочие поселки оказались под контролем оккупантов. Само бытие рабочей семьи, зависящей от заработка кормильца, сдерживало участие кадровых рабочих в многолетней партизанской войне, базы которой располагались в отдаленных районах. Поэтому и вооруженные силы и партия комплектовались преимущественно из населения деревень, а в руководстве преобладали выходцы из крестьян, сельской интеллигенции и мелкой буржуазии. Политическое воспитание рабочего класса в период борьбы за независимость было затруднено обстановкой террора и отчасти недооценивалось руководством некоторых компартий, взявшим курс на исключительное развитие вооруженной борьбы в сельских районах.

В еще более сложных и противоречивых условиях оказа-

лись рабочее движение и компартии в странах Азии и Африки, находившихся в годы войны под властью или контролем держав антигитлеровской коалиции. Верные своему интернационалистскому долгу, они призвали свои народы и прежде всего рабочий класс к мобилизации всех усилий для разгрома фашистских агрессоров. Этот призыв не был понят широкими патриотическими массами, в представлении которых первоочередной задачей по-прежнему оставалось освобождение от «своих» колониальных угнетателей. Для рабочего класса этот призыв означал отказ от забастовок — наиболее действенного средства борьбы за жизненные права.

Позиция коммунистов подверглась нападкам со стороны самых близких им кругов в антиколониальной борьбе — левых националистов, многие из которых полагали возможным даже сотрудничество с державами оси во имя свержения колониальных режимов. Вопрос о возможности избежать обеих крайностей и совместить в годы войны борьбу против колониальных режимов с сопротивлением фашистским агрессорам является крайне сложным и требует конкретного изучения применительно к обстановке каждой страны.

Имеющийся в этом отношении опыт Бирмы и отчасти Индонезии заслуживает внимания в силу ряда особых обстоятельств. Во-первых, в странах Юго-Восточной Азии во время захвата их японскими войсками практически почти не было сотрудничества местных патриотов с захватчиками. Более того, во Вьетнаме и на Филиппинах они с самого начала оказали решительное сопротивление агрессору. Между тем вооруженные выступления в тылу союзных войск в Индии и на Ближнем Востоке могли бы серьезно сказаться на ходе как тяжелых фронтальных боев в их районах, так и на общем военном положении союзников. Во-вторых, в Бирме и Индонезии патриотические вооруженные силы нанесли удары по японским войскам лишь после того, как исход второй мировой войны был, в общем, решен, а сама Япония была уже накануне полного разгрома. Поэтому они не внесли ощутимого вклада в борьбу с фашизмом.

Несомненно, однако, что позиция коммунистов в странах, не подвергшихся фашистской агрессии, вызвала критическое к себе отношение части патриотической общественности и породила ряд трудностей в их дальнейшей деятельности по объединению антиимпериалистических сил.

Активизация промежуточных слоев в странах Азии и Африки. Многоукладность колониальной экономики с присущим ей разрывом между масштабом выталкивания «излишнего» населения из традиционных укладов жизни и хозяйства и поглощением его сферой капиталистических отношений еще до войны породила огромные массы незанятых (частично или

полностью) людей. Они выходили из разных слоев, но в своей совокупности как бы заполняли поры социальных структур афро-азиатских стран. Глубоко разнящиеся по своим жизненным навыкам и притязаниям, эти люди сближались общей утратой своего традиционного социального положения и невозможностью обрести новое, отвечающее их жизненным притязаниям.

Основная масса этих социальных изгоев формировалась из сословно или кастово приниженных слоев крестьянства и ремесленников. Извечная забитость, отсутствие классового, а нередко и национального самосознания обрекали их на безнадёжность, граничащую с отчаянием, политическое бездействие, иллюзорное ощущение своего бытия. Таков, в частности, распространенный во всем колониальном и полуколониальном мире новый социальный тип люмпен-пролетария — кули. Только исходивший извне революционный толчок огромной силы мог вывести эти массы из состояния политической инертности и действительно прсвратить в горячий материал истории.

Экстенсивность хозяйства в азиатской деревне в условиях малоземелья и быстрого роста населения создавала экономически излишних людей не только среди беднейших, но и среди относительно зажиточных слоев, которые избегали дальнейшего деления своих земельных владений и прискивали для своих младших сыновей источники существования вне сельского хозяйства. Однако колониальные и полуколониальные режимы и общая отсталость ограничивали сферу занятости для сельской интеллигенции низко оплачиваемыми должностями мелких чиновников, низших офицеров, учителей. Разорение войной сельского хозяйства и нарушение многих мирных занятий, особенно в районах, подвергшихся японской оккупации, сближало социальное бытие местной интеллигенции с условиями жизни беднейших слоев крестьян, полупролетариев и рабочих. Участие в вооруженном сопротивлении было для этих людей не только выражением протеста против колониального гнета, но и утверждением достойного места в общественной жизни своего народа.

В странах, избежавших оккупации державами оси (например, в Индии и Египте), вооруженное сопротивление колониализму не получило столь широкого распространения, как в Юго-Восточной и Восточной Азии. Однако и здесь сходные социальные процессы формировали те же элементы крайнего политического радикализма, готового к решительной борьбе за завоевание или укрепление национальной государственности. В Индии и на Ближнем Востоке центрами антиколониальной оппозиции оставались по преимуществу крупные города, а не деревня, что наложило отпечаток и на методы борьбы (демон-

страции, забастовки, восстания и перевороты в городах). И здесь ведущее место на политической арене принадлежало интеллигенции мелкобуржуазного или традиционно привилегированного происхождения.

Как и в Юго-Восточной и Восточной Азии, многочисленные слои местной интеллигенции не находили применения своим силам ни на колониальной службе и в армии, ни в капиталистическом секторе хозяйства. Этому препятствовали дискриминация, узость сферы капиталистической занятости и неподготовленность к ней большинства интеллигенции из-за отсутствия технического образования. В подобных условиях в этой социальной среде наряду с антиколониальным национализмом нарождались антикапиталистические концепции, которые соединяли в себе социалистические идеи с национальными идеологиями, традициями и верованиями. Сразу же после второй мировой войны эти радикальные группировки оказались в силах взять власть только в Бирме и Индонезии. Но и здесь они правили посредством компромисса с коммунистами на левом фланге и с буржуазными элементами — на правом.

Получившие образование африканцы, а также так называемые цветные и инонациональные слои мелкой буржуазии (индийцы, арабы) ощущали помимо расовой дискриминации барьеры родо-племенной розни и обособления. В отличие от азиатских интеллигентов, которых их традиционно привилегированное происхождение делало законными лидерами в глазах большинства нации, в Африке таковые права признавались лишь за выходцами из своего племени, народности или общины. Все это серьезно затрудняло консолидацию общественного и государственного руководства у ряда африканских народов на общенациональной основе.

В своем стремлении сохранить господство в колониях колонизаторы пытались опереться на феодальную верхушку и родо-племенную знать, которые и в прошлом были проводниками их политики. Империалисты разжигали межплеменную рознь, сеяли среди африканских лидеров сепаратистские идеи, пытались укрепить власть вождей и феодалов, внести раскол в единый антиимпериалистический фронт борьбы. В ряде случаев эта политика достигала своей цели, но она не в силах была пресечь развитие национально-освободительного движения.

Национальная буржуазия в борьбе за власть и суверенитет. Экономические последствия мировой войны были весьма противоречивы для азиатской и африканской буржуазии в целом и неравнозначны для ее отдельных группировок и слоев. Военные поставки и спекуляция продовольствием и предметами потребления были главными сферами деятельности и обогащения местных дельцов. Однако, как и во время первой

мировой войны, сказала экономическая зависимость буржуазии от импорта оборудования и материалов, что не позволило в должной мере использовать военную конъюнктуру для направления денежных накоплений в промышленное производство. Накопление капиталов, главным образом в денежной форме, было во многом эфемерным, так как инфляция в районах, подконтрольных «старым» колониальным державам, и девальвация в оккупированных районах обесценивали скопленные богатства. Кроме того, японцы в целях социальной демагогии часто не препятствовали избавлению населения Юго-Восточной Азии от инациональных феодалов, купцов и землевладельцев, что активизировало деятельность дельцов коренных национальностей главным образом в сфере торговли. Расстройство экономической жизни в целом препятствовало общему заметному укреплению позиций буржуазных слоев в этих районах.

Только крупная буржуазия Индии и некоторых стран Среднего и Ближнего Востока, прежде всего Египта, вышла из войны заметно окрепшей. Но оборудование принадлежавших ей предприятий основательно износилось за годы войны и еще более устарело в техническом отношении. Без активной поддержки государства национальная буржуазия не могла расширить свои капиталовложения в производительной форме даже в «старые» отрасли легкой промышленности, не говоря уж о создании собственного комплекса тяжелой промышленности, необходимого для самостоятельного воспроизводства на национальной основе.

Таким образом, хотя различные слои и национальные группы буржуазии испытывали разные потребности в национальном государстве, все они достаточно отчетливо ощущали, что без его поддержки у их предпринимательства нет перспективы. Кроме того, у буржуазии были реальные основания опасаться, что в ходе антиимпериалистической борьбы освободительный поток перехлестнет узкие рамки национально-буржуазной государственности, выйдет за пределы буржуазных преобразований общества. Поэтому в первые послевоенные годы политическая позиция местной буржуазии в различных странах Азии и Северной Африки складывалась под непосредственным воздействием весьма различных обстоятельств. При общем стремлении к достижению суверенитета в виде буржуазного государства она была принуждена считаться с реальным соотношением общественных сил в своей стране. Как правило, при угрозе сил слева — со стороны антикапиталистического радикализма и тем более коммунистов — она склонялась к компромиссу с империализмом и местной феодально-компрадорской реакцией (Филиппины, Бирма, Индонезия). На эти же позиции ее толкал антикоммунизм, подогреваемый извне и

направленный по преимуществу вовне (Турция, Иран). Вместе с тем, как показывает опыт Китая, в ситуации, когда разорительное хозяйничанье оккупантов, а затем местной реакции и покровительствующего ей империализма вызывает всеобщий развал и анархию в государственной и экономической жизни, национальной буржуазии в условиях растущего влияния левых сил волей-неволей приходится занимать нейтральную или даже лояльную по отношению к народной революции позицию.

В странах, где у власти стояли феодально-монархические круги, связанные с империализмом (ряд арабских государств, отчасти послевоенный Непал), местная буржуазия в целом не переходила за пределы робкой оппозиционности существующим режимам. Однако она в принципе была готова разделить власть, если инициативу ее захвата брали на себя более левые, главным образом мелкобуржуазные, силы. Вообще буржуазию иногда устраивала роль попутчика освободительных сил, который, однако, претендовал после их победы на фактическое руководство государством с целью реконструкции колониальной или полуколониальной экономики в капиталистическом направлении. Но и в этих претензиях буржуазии на государственное руководство было немало слабых мест. Даже в Египте, Цейлоне и ряде других стран буржуазные партии или таковые группировки в составе других партий были немногочисленны и сами по себе не обладали серьезным влиянием. У них не было той социальной опоры, которую имели буржуазные партии в капиталистически развитых странах в виде предпринимательской части крестьянства, многочисленных «средних классов», обязанных капитализму своим благосостоянием и социальным достатком, верхов рабочего класса. Ислам, индуизм, буддизм и другие религии Азии и Африки не завершили столь глубокой и всеобщей буржуазной реформации ни в мировоззренческом, ни в организационном смысле, чтобы эффективно выполнять те функции, которые осуществляла на Западе христианская церковь при становлении буржуазного общественного устройства.

По своему сословному или кастовому происхождению крупная буржуазия не принадлежала (за малым исключением) к традиционно привилегированным слоям феодального общества. Поэтому в глазах масс, особенно крестьянских, у лидеров буржуазии, как правило, не было ореола духовного руководства по праву происхождения (скажем, из родо-племенной, феодальной, кастовой или религиознообщинной знати). К тому же во многих странах Азии и Африки местная буржуазия в значительной мере состояла из инонациональных элементов (армяне, греки, евреи — на Ближнем Востоке и в Северной

Африке, китайцы и индийцы — в Юго-Восточной Азии, индийцы и арабы — в Тропической Африке). В Индии верхи буржуазии принадлежали к относительно небольшим нациям и народностям (гуджаратцы, раджастханцы). Наконец, буржуазия нередко отличалась от основной массы населения и религиозными взглядами.

Означенные обстоятельства заставляли буржуазию искать союзников в той среде, которая, будучи идейно близкой ей, в то же время могла поставлять государственных и политических лидеров по праву происхождения. В зависимых государствах буржуазия поддерживала местные правящие круги в той мере, в какой последние проявляли намерение восстановить суверенитет и добиться большего равноправия во внешне-экономических отношениях. Несравненно более решительную позицию заняла национальная буржуазия в относительно развитых колониях, где национальная государственность, естественно, отсутствовала, а возможности добиться уступок от колониальных режимов были исчерпаны. Идти на борьбу с этим режимом, чтобы затем передать власть в руки феодальных потомков некогда самостоятельных правителей (вроде индийских князей), буржуазия не хотела, да и не могла, ибо такой вариант уже не соответствовал соотношению сил в стране.

Поэтому она искала компромисса или союза с такими на первый взгляд разнородными элементами национальных «средних классов», как колониальные чиновники, офицеры армии и полиции, правые или умеренные лидеры массовых партий и организаций, лица свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты), техническая интеллигенция, связанная с капиталистическим производством. При всей пестроте политических убеждений и позиций в борьбе с колониализмом представители этих слоев, как правило, происходили из традиционно привилегированных групп, стояли на позициях компромисса с Западом и прогресса на путях капитализма. Высокий социальный статус, образование, служебная или профессиональная подготовка давали им, по их мнению, право претендовать на формирование правящей элиты суверенных государств.

Эта комбинация в конце концов устраивала и империалистов, как наименьшее зло в сложившейся международной ситуации. Поэтому, коль скоро им представлялось, что блок буржуазии с верхами «средних классов» (при том или ином добавлении феодальных или родо-племенных элементов) достаточно силен, чтобы удержать власть, они шли на соглашение с этими социальными силами. Другое дело, что такие соглашения могли оказаться недолговечными (например, соглашение Эттли — У Ну в октябре 1947 г., Голландии с пра-

вительством Хатта в ноябре 1949 г.), если указанная комбинация не имела прочных социальных и политических корней в стране. Но в ряде стран (Индия, Пакистан, Цейлон, Филиппины) буржуазно-национальные государства, в которых непосредственное управление находится в руках верхов «средних классов», а по существу в руках буржуазии или коалиции буржуазии и помещиков, выдержали испытание временем, хотя и пережили ряд потрясений и изменений не всегда в желательном для империализма направлении.

Национальное единство, его идеологические основы и организационные формы. Отсталая многоукладная структура экономики и общества затрудняла образование массовых партий как преимущественно пролетарских, так и чисто буржуазных. Однако это не означало, что у этих классов не было возможностей создавать массовые партии и организации иного классового состава или овладевать таковыми, если они уже сложились. Исход борьбы в этой области во многом решал вопрос о том, какой класс — буржуазия или пролетариат — станет гегемоном всего освободительного движения. Причем проблеме гегемонии нельзя сводить к классовому происхождению руководящих лидеров движения. В частности, в середине 40-х годов среди них трудно обнаружить людей чисто буржуазного и тем более пролетарского происхождения. Партийная принадлежность тоже не служит надежным ориентиром как ввиду классовой и организационной незрелости самих партий, так и из-за весьма многочисленных случаев персональных изменений партийной принадлежности.

Последовавший опыт показал, что для рассматриваемого периода в ряде случаев было преждевременно выносить окончательные суждения о классовой природе руководства в том или ином движении. Выдвижение на первое место великой цели восстановления суверенитета потребовало не менее великих жертв и усилий, чтобы преодолеть ожесточенное сопротивление колониальных режимов и интервентов. Сама напряженность этой борьбы выдвигала национальное сплочение во имя суверенитета как первоочередную задачу. При этом неизбежно возникала тенденция отложить окончательное разрешение коренных социальных проблем на период после завоевания суверенитета.

Например, коммунисты Китая и Вьетнама, наиболее последовательно защищавшие интересы крестьянских масс, полагали необходимым ограничиваться на период национально-освободительной войны пересмотром и облегчением условий аренды, а коренные вопросы о земле решать после победы. Правда, и в этих странах, а также в Бирме и на Филиппинах крестьяне явочным порядком нередко шли дальше провозглашенных преобразований. Но сама ограниченность конкретно-

го социально-экономического содержания национально-освободительного этапа благоприятствовала не полному раскрытию, а затемнению, вольному или невольному, классовой сути партий и тем более их лидеров. Лишь на последовавших этапах революции, когда стало нарастать и выявляться ее социальное содержание, полностью раскрывается подлинная классовая суть и участников национального движения и его организаций.

Поскольку в годы национально-освободительного сопротивления рядовые бойцы и их руководители, за немногими исключениями, представляли свое будущее как торжество абстрактных идеалов справедливости и равенства, идеологическое оформление программ этого суверенного будущего принимало самые различные окраски — от религиозных до социалистических. То или иное оформление социальных программ определялось предшествующим классовым опытом данного движения, национальными идеологическими традициями и глубиной воздействия общественной мысли извне. Вместе с тем схожесть уровней экономического развития освобождающихся стран, социально-классового, по преимуществу крестьянского, мелкобуржуазного состава участников борьбы, общность непосредственной цели (завоевание, восстановление или укрепление суверенитета) способствовали появлению ряда общих элементов в идеологических платформах массовых национальных движений в колониальных и зависимых странах.

Это взаимопроникновение можно заметить даже в таких как будто далеко отстоящих друг от друга мировоззрениях, как религиозное и социалистическое. Содержащиеся в некоторых религиозных и религиозно-реформаторских учениях идеалы социального равенства и справедливости подвергались известной модификации и модернизации в духе социалистических представлений. И, напротив, в социалистические взгляды проникали элементы светского варианта религиозного мировоззрения.

Присущий идеологиям ряда азиатских и африканских партий и организаций мировоззренческий эклектизм, создавая платформу для объединения классово разнородных сил на национально-освободительном этапе движения, неизбежно начинал оборачиваться своими слабыми сторонами, когда с завоеванием независимости вставала задача воплощения в жизнь провозглашенных идеалов. Их неопределенность повышала значение лидера, способного толковать эти идеалы в соответствии с интересами правящих групп и слоев и с пониманием широких масс.

Классовая сущность партий и организаций не всегда выявлялась также и в их тактике или организации. Например, к

вооруженной борьбе с поработителями прибегли не только коммунисты Китая, Вьетнама, Филиппин и Малайи, но и националисты (среди них — антикоммунисты) Индонезии, позже Кении и Алжира. Сильна была склонность к вооруженному сопротивлению и среди левонационалистических элементов в Индии. Вместе с тем и коммунисты и патриотические силы других направлений прибегали к вооруженной борьбе, как правило, лишь после того, как все мирные средства для урегулирования отношений с империалистами и их ставленниками были исчерпаны.

В тех случаях, когда борьба за суверенитет завершалась без больших вооруженных столкновений, такое течение событий определялось рядом объективных и субъективных обстоятельств. Так, могли сказаться преобладание национально-освободительных сил в данном регионе или стране и способность империалистов трезво оценить бесперспективную для себя ситуацию (политика Англии в отношении Индии, Цейлона и Бирмы). Кроме того, и приверженность лидеров к мирным средствам сопротивления может объясняться как их боязнью масс в странах с более острыми классовыми противоречиями, так и отсутствием у слоев, породивших этих лидеров, военных традиций и навыков (к таковым относятся, например, те касты Индии, из которых вышли Ганди, Неру и многие другие национальные руководители и рядовые члены Национального конгресса в Индии).

Исторически сложившиеся методы и тактика освободительной и классовой борьбы, состав ее участников, их социальная психология, опыт и мировоззрение во многом предопределили организационные формы и приемы в каждой из освобождавшихся стран. Огромное воздействие на их выработку и совершенствование оказали и продолжают оказывать на современном этапе борьбы опыт и пример организации Коммунистической партии, Советской власти и вооруженных сил в нашей стране, опыт строительства национальной социалистической экономики в СССР, советской культурной революции и решение национального вопроса. Не будет преувеличением сказать, что нет ни одного действительно национального и действительно освободительного движения, которое не испытало и не продолжает испытывать на себе влияния идеологии, теории и практики советской социалистической революции теории и практики марксизма-ленинизма.

Вполне понятно, что после завоевания суверенитета пути и методы его достижения, вклад в него отдельных партий, организаций и их лидеров стали предметом дискуссий и исследований. Глубокий интерес к этим проблемам объясняется хотя бы уже тем, что речь идет об историческом периоде, который нередко охватывает несколько десятилетий и отмечен герои-

ческими деяниями и бесчисленными жертвами патриотов. Наряду с этим от истолкования национально-освободительного этапа во многом зависит утверждение тех или иных общенациональных традиций в общественной и морально-этической жизни народа в условиях суверенного развития. Однако, какие бы из традиций национального освобождения ни возобладали, ныне они уже преломляются в совершенно новой внутренней и мировой ситуации, которая сама по себе нуждается в оригинальном подходе и творческом осмысливании.

Процесс распада и окончательного краха колониальной системы империализма вступил в свою последнюю стадию. Если в начале 1945 г. на колониальные страны приходилось 28,6% площади земного шара и 29,8% его населения, то ныне в прямой колониальной зависимости осталось менее 4% территории и 1,1% населения земли. На развалинах колониальных империй менее чем за два десятилетия образовалось свыше 70 независимых национальных государств. Мужественные бои за свободу патриотов Анголы и Мозамбика, населения Аравийского полуострова убеждают в том, что недалек день освобождения всех колониальных народов.

«Полный крах колониализма неминуем, — констатируется в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. — Крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения — второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма».

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ
КОЛОНИАЛИЗМА
И ВОЗМОЖНОСТИ
ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ
НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛОНИАЛИЗМА И МЕТОДЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Экономическая зависимость — наследие колониализма.

Начало краха политического господства колониализма ознаменовалось разрушением производительных сил подвластных ему стран. В годы войны волна агрессии прокатилась по странам Северной Африки и Юго-Восточной Азии. Те же из них, например Индия или Египет, которые не испытали оккупации, также заплатили тяжелую дань войне. Только прямые военные расходы, зафиксированные колониальной казной Индии, составили 2800 млн. ф. ст. Вторая мировая война, как и первая, лишила местных предпринимателей возможности закупать импортное оборудование, необходимое как для нового строительства, так и для обновления основного капитала. В результате невозмещенной амортизации произошло прямое проедание капитальных фондов индийской промышленности, сократившихся (по оборудованию) почти в два раза. Военные разрушения, огромные расходы на армию и трудности с поддержанием крупного производства привели к прямому разрушению производительных сил большинства других стран Азии и Африки.

Серьезный ущерб и без того подорванным производительным силам стран Азии и Африки был нанесен во время самого ухода колонизаторов. Независимо от того, происходил ли этот уход в мирных или немирных формах, колонизаторы оставляли после себя во многих странах закрывшиеся предприятия и бездействующие железные дороги, дымящиеся развалины городов и опустошенные деревни. Так было в Индонезии и Бирме, основные жизненные центры которых стали

полями битв с империалистической агрессией. Так было в Индии, важнейшие области и города которой стали ареной кровавых религиознообщинных распрей и бессмысленных разрушений. Немалые потери понесло народное хозяйство Малайи из-за развязанной колонизаторами войны, а Филиппин — из-за гражданской войны, в которой реакция пользовалась самой активной поддержкой американского империализма. Впоследствии колониальная агрессия привела к уничтожению материальных ценностей в Алжире, ОАР, Конго и в других освобождавшихся странах.

Не ограничиваясь военными разрушениями, колонизаторы прибегли к ряду экономических мер, поставивших народное хозяйство освобождающихся стран перед новыми трудностями. Так, в результате раздела страны хлопчатобумажная и джутовая промышленность Индии лишилась своих сырьевых баз в Восточной Бенгалии и Западном Пенджабе и Синде, отошедших к Пакистану, а индийское городское население оказалось без пенджабской пшеницы. Индонезия с уходом колонизаторов, оставивших ее без собственного морского флота, столкнулась с острейшей проблемой — как поддержать торговые связи между ее многочисленными островами. В арсенале экономических средств, которыми колонизаторы пытались парализовать народное хозяйство молодых государств после своего ухода, была также секвестрация их внешних счетов, блокирование экспорта, репатриация технических и иных специалистов.

Эти и другие военные и экономические меры по подрыву народного хозяйства освобождающихся стран привели к абсолютному снижению производства в первые годы после завоевания независимости и к уменьшению удельного веса молодых государств в мировом капиталистическом хозяйстве. Даже в 1954 г. промышленное производство стран Юго-Восточной Азии было лишь на 20,1% выше, чем в предвоенный период (а на душу населения на 8% ниже). Доля же Азии (без Японии) в промышленном производстве капиталистического мира сократилась с 2,4% в 1938 г. до 1,9 и 1,6% в 1948 и 1953 гг. соответственно. Еще более тяжелый ущерб был нанесен сельскому хозяйству стран Азии и Северной Африки. В расчете на душу населения индекс сельскохозяйственного производства (1952/53 — 1956/57 гг. = 100) упал со 109 в 1934 — 1938 гг. до 94 в 1948/49 — 1952/53 гг. для стран Дальнего Востока и с 96 до 94 соответственно для стран Ближнего Востока. Таким образом, колониальная эксплуатация накануне ликвидации колониализма стала воспроизводить экономическую отсталость поработанных стран не только в относительных масштабах, но и в виде абсолютного сокращения объема производства.

Застой или даже спад производства, нарушение в ходе второй мировой войны и последующих колониальных войн внешнеэкономических связей привели также к снижению доли новых государств на мировом капиталистическом рынке. Если в 1938 г. соответствующая доля Индии, Индонезии, Цейлона, Бирмы, Филиппин составила 6,7%, то в 1948 г. она (включая долю Пакистана) понизилась до 5,9%, т. е. примерно сравнялась с долей Канады. Утратив свое место в мировом хозяйстве капитализма, эти страны потеснились и на его мировом рынке.

К середине 50-х годов политическое и экономическое положение в Индии, Индонезии, Пакистане, Цейлоне, Бирме, Египте и (в меньшей степени) в других суверенных государствах, казалось бы, достаточно стабилизировалось, чтобы от чрезвычайных мер по преодолению разрухи перейти к разработке долгосрочных экономических программ, взяв за основу оставленную колониализмом социальную структуру. С апреля 1956 г. Индия переходит к выполнению своего второго пятилетнего плана, в котором главные усилия в отличие от предыдущего пятилетия направляются не на восстановление сельского хозяйства и транспорта, а на новое строительство в тяжелой промышленности. Предпринимаются попытки форсировать экономическое развитие и в Индонезии, где в конце 1955 г. был составлен проект плана на 1956—1960 гг., но нестабильность политической обстановки привела к тому, что проект был утвержден лишь в ноябре 1958 г., а его выполнение так и не начали. В 1956 г. Пакистан приступил к осуществлению своего первого пятилетнего плана. После некоторых неудачных попыток планирования в 1956 г. Бирма начала разработку четырехлетнего плана экономического развития. С 1954 г. на Цейлоне осуществлялась вторая шестилетняя программа экономического развития, в которой особое внимание уделялось гидроэнергетике и ирригации. Египет, национализировав в 1956 г. Суэцкий канал, получил источник средств, необходимых для перехода к осуществлению первых крупных проектов реконструкции его экономики.

Элементы экономической зависимости. Опыт, приобретенный народами Азии и Африки в 50-х годах (особенно во второй половине десятилетия), позволил более ясно осознать смысл экономической зависимости, ее взаимную связь с отсталостью, воздействие социально-экономических преобразований на подъем производительных сил, важность равноправных внешнеэкономических отношений. В 50-х годах со всей очевидностью выявилась классовая сущность как методов накопления, так и путей для расширения сферы занятости. Устранение колониальных режимов как бы обнажило

всю систему экономической зависимости и монопольных позиций иностранного капитала, которые позволяли ему контролировать значительную часть национального воспроизводства как в расширенном, так и в простом виде.

В. И. Ленин отмечал, что зависимость стран Востока от импорта из метрополий фабричного оборудования — главного элемента основного капитала — являлась одним из важнейших факторов, который обуславливал политическое подчинение колоний. «В колониях *своего* капитала нет или почти нет, — писал В. И. Ленин, — добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может» *. Странам, где современная промышленность отсутствовала или была крайне незначительна, без импорта оборудования было вообще невозможно приступить к какой-либо модернизации экономики. В тех странах, где уже имелась фабрично-заводская промышленность, от импорта оборудования, деталей и материалов зависело также поддержание производства на действующих предприятиях.

Монополия иностранного финансового капитала на современные средства производства была одной из причин преобладания в промышленности колониальных и зависимых стран худших, наиболее тяжелых для рабочего класса методов производства прибавочной стоимости. Например, известно, что для производства относительной прибавочной стоимости необходимо повышение производительности труда, непрерывное революционизирование самой капиталистической промышленности благодаря изменениям методов производства **. Колониализм, не дав стран Востока создать собственное машиностроение, заставил их пользоваться техническими обносками. В этих условиях ведущим способом увеличения прибавочной стоимости стало удлинение рабочего дня и интенсификация труда, т. е. метод производства абсолютной прибавочной стоимости. Отсутствие или недостаток сельскохозяйственной техники наряду с реакционной аграрной политикой консервировали не только средневековые методы агрикультуры, но и соответствующие им архаичные приемы эксплуатации крестьянства.

Освободившиеся страны, превращенные в совокупности в производителей самых разнообразных видов сырья, не имели каждая в отдельности соответствующей их национальным нуждам сырьевой и продовольственной базы. Так, Индия,

* В. И. Ленин, *Итоги дискуссии о самоопределении*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 36.

** К. Маркс, *Капитал*, т. 1, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 325, 519.

снабжая весь капиталистический мир марганцем и слюдой, в ничтожных размерах добывала нефть и руды цветных металлов. Куба, мировой производитель сахара, была вынуждена импортировать другие продукты питания. Односторонняя сырьевая специализация, насажденная к своей выгоде иностранным капиталом, усиливала зависимость колоний и полуколоний от иностранных монополий, контролировавших мировые ресурсы сырья и продовольствия.

Одной из важнейших экономических монополий империализма была монополия на капиталистический кредит, что выражалось в концентрации в руках иностранных капиталистов большей части современной кредитно-банковской системы стран Азии и Африки, особенно ресурсов иностранной валюты, столь необходимой для приобретения оборудования, материалов, сырья и продовольствия. Поэтому национальная промышленность оказалась лишенной не только собственной машиностроительной базы, но и необходимых инвалютных ресурсов.

Следующей экономической монополией иностранного капитала было исключительное обладание техническими знаниями и опытом. Для сохранения этой монополии они препятствовали развитию в странах Востока технического образования. Лишь немногие представители этих стран — главным образом выходцы из состоятельных слоев — могли получить техническое образование в учебных заведениях Европы и Америки.

Иностранный финансовый капитал монополизировал также современные виды транспорта и связи — железные дороги, морское и отчасти речное пароходство, авиатранспорт, телеграф и радио. Как отмечал В. И. Ленин, в условиях империализма постройка железных дорог превратилась в орудие угнетения миллиарда людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в цивилизованных странах.

Захватив в свои руки морские перевозки и установив финансово-валютный и таможенный контроль, колонизаторы в условиях своего господства на мировом рынке добились полной монополии на внешнюю торговлю колониального мира. Эта монополия еще более усилила неэквивалентность обмена между подчиненными странами и метрополиями, которая сложилась на основе технического превосходства промышленности монополий над сельским хозяйством и ремеслом подчиненных стран. Внешне неэквивалентность обмена выражалась в установлении монопольно низких закупочных цен на сырьевые продукты колоний и полуколоний и монопольно высоких на промышленные изделия Запада.

Само по себе достижение политической самостоятельности означало ослабление или даже ликвидацию некоторых из указанных экономических монополий империализма. Так, была восстановлена таможенная независимость, в руки государства перешли государственный финансовый аппарат, эмиссионные банки и железные дороги и другая собственность колониальной администрации. Но те позиции иностранного капитала, которые определяли самую экономическую отсталость освободившихся стран, остались незабываемыми.

Различия в производительности труда и неэквивалентный обмен. В основе неравноправного положения новых государств в экономической системе империализма был крайне низкий уровень техники, в результате чего производительность труда в них была в несколько раз ниже, чем в империалистических странах. Так, в начале 50-х годов, по подсчетам австралийского экономиста К. Кларка, производительность труда в народном хозяйстве Индии была в 6 раз ниже, чем в Англии, и в 10,5 раза ниже, чем в США. Даже в фабрично-заводском секторе производительность труда (из-за физического и морального износа оборудования, неудовлетворительной технологии производства, низкой квалификации и истощенности рабочих и других причин) в новых государствах Азии значительно уступала производительности в индустриальных державах. Например, в 1949 г. в текстильной промышленности Индии для производства одного и того же количества пряжи затрачивалось почти в 2 раза больше рабочего времени, чем в Японии, и почти в 4 раза больше, чем в США. Индийский шахтер в 1948 г. добывал угля в три с лишним раза меньше, чем английский, и в 13,5 раза меньше, чем американский.

Таким образом, национальные нормы затрат общественно необходимого труда были весьма различны даже в секторе крупного производства у империалистических держав и у экономически отставших государств. Поэтому и в том случае, если бы их взаимная внешняя торговля ограничивалась фабрично-заводскими товарами, существовал бы ощутимый для этих стран неэквивалентный обмен. Но тяжесть этого обмена намного усугублялась тем, что экспорт новых государств был по преимуществу представлен сельскохозяйственным сырьем. В силу присущего сельскому хозяйству более низкого органического состава капитала даже капиталистически развитые страны ощущают последствия неэквивалентного обмена, если они выступают на мировом рынке главным образом в качестве производителей сельскохозяйственной продукции. Тем более тяжело бремя этого обмена для экономически отставших стран, сельское хозяйство которых ведется на средневековой технической основе. Напом-

ним, что еще в середине 30-х годов производительность труда в сельском хозяйстве Индии, Египта и Турции была соответственно в 7,5, 6,8 и 5,2 раза меньше, чем в США. В последующие два десятилетия этот разрыв еще более увеличился.

Разрыв в уровнях производительности труда, начало которому было положено промышленным переворотом на Западе, резко расширился в эпоху общего кризиса капитализма, одним из проявлений которого была обострившаяся неравномерность развития империалистических держав и колониального мира. По расчетам западных экономистов, производительность труда в экспортных отраслях капиталистических стран Западной Европы возросла с 1913 по 1952 г. на 70%, в США — на 125, а в экспортных отраслях отставших стран — всего на 25%. Заметим, что в этом подсчете сельское хозяйство не отделено от горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, которая и дала основную прибавку в росте производительности труда. Что же касается сельского хозяйства, то создаваемый в нем национальный доход возрос в Индии с начала века до 40—50-х годов всего на 10%, а занятое в нем население — на 50—60%. Соответствующее падение производительности труда наблюдалось и в сельском хозяйстве ряда афро-азиатских стран.

Неэквивалентный обмен в социально-классовом аспекте выступает по преимуществу как взаимоотношение между монополистическим капиталом, с одной стороны, и мелкотоварным крестьянским хозяйством — с другой. В экономическом же аспекте он предстает как обмен равновеликих меновых стоимостей, произведенных, однако, в различных условиях производства. В этом случае товары обмениваются друг на друга по их меновой стоимости, за которой стоят различные количества общественно необходимого труда. Именно различия в затратах этого труда определяют количественную сторону неэквивалентности обмена. В условиях же господства монополий на современном рынке мелкий производитель сырья сталкивается почти с непрерывной тенденцией падения цен (не стоимости!), возникающей в силу контроля над рынком монополистических концернов и их давления на производителей сырья. Это дополнительный элемент неэквивалентного обмена, специфически свойственный периоду монополистического капитализма, особенно в послевоенное время. Непрерывное ухудшение «условий торговли» для экономически отставших стран, т. е. все более неблагоприятное для них соотношение мировых цен на их главным образом сырьевые товары и на промышленные товары империалистических держав, выступает лишь внешним и далеко не адекватным выражением продолжающейся эксплуатации бывших колоний и

полуколоний. Дело в том, что в мировую цену сельскохозяйственного сырья входят арендная плата и ростовщический процент, уплачиваемые крестьянским хозяйством, торговые прибыли местного купеческого капитала и тех же иностранных монополий, через которые обычно на том или ином этапе проходит реализация сырья. Лишь за вычетом этой эксплуататорской наценки можно примерно представить действительное выражение неэквивалентного обмена как экономического отношения между крестьянством экономически отставшей страны и иностранным монополистическим капиталом.

Используя свое огромное техническое превосходство и многократное превышение производительности национального труда своей страны, монополистический капитал имеет возможность обменивать товар, в котором заключена единица времени общественно необходимого национального труда своей страны, на товар, в котором заключено несколько таких единиц времени общественно необходимого национального труда экономически отставшей страны. Другими словами, эксплуатируя «своего» рабочего в течение, скажем, одного часа, капиталист может обменять товар, изготовленный за это время, на товар, производство которого потребовало многократно более длительных затрат труда в крестьянском хозяйстве, ремесле и даже крупной промышленности экономически отставших стран.

Социально-экономические последствия колониализма в Тропической Африке

Особенности колониальной эксплуатации Тропической Африки. Как и в других частях колониального мира, вывоз капитала в XX в. превратился в одну из главных форм эксплуатации африканских колоний. После второй мировой войны значение Африканского континента как сферы приложения капитала даже возрастало, поскольку империализм потерял свои политические позиции в Азии.

Английские и отчасти бельгийские капиталисты предпочитали вкладывать капиталы в сферу материального производства. В отличие от них французские частные инвесторы большую часть своих капиталов вкладывали в торговые операции. Эксплуатация французским капиталом народов африканских колоний носила особенно паразитический характер. Устремляясь в наиболее выгодные сферы, торговый капитал обеспечивал себе небывалые прибыли по сравнению с доходами промышленных капиталистов.

Прибыли колониальных компаний лишь в незначительной части реинвестировались. Преобладающая доля их, которая

переводилась в метрополию, ничего не давала развитию экономики колоний. Капиталисты использовали при эксплуатации колоний не только собственные капиталы, но и различного рода государственные инвестиции (ассигнования по «планам развития», дотации, субсидии и т. д.), почерпнутые из казны самих метрополий. В метрополию беспрепятственно переводились наряду с частнокапиталистическими прибылями доходы чиновников-европейцев. Размеры вывозимых прибылей, дивидендов и доходов частных лиц нередко превышали размеры ввозимого в колонии иностранного капитала. Так, с 1954 по 1957 г. прибыли, дивиденды и иные доходы, вывезенные компаниями и частными лицами из французских колоний в метрополию, составили 832 млрд. фр., а вложено в этих странах было 680 млрд. фр. Из стран Британской Западной Африки с 1954 по 1956 г. было переведено 96 млн. ф. ст., тогда как чистый приток иностранного капитала составил лишь 35 млн. ф. ст. Беспрепятственное хозяйничанье монополистического капитала лишало страны Африки значительной доли национального дохода, который вывозился в форме прибылей за границу. По отношению к вложенному капиталу средняя норма прибылей иностранных компаний в масштабах всего Африканского континента составит 25—30%.

Приложение капиталов определялось методами эксплуатации человеческих и природных ресурсов Африки. Исторически на континенте сложились две системы производства сельскохозяйственного сырья — плантационная и мелкокрестьянская. Первая получила наибольшее распространение в Восточной Африке, вторая — в Западной. В первом случае владельцы плантаций, европейцы, извлекали доход как предприниматели, применяя труд наемных рабочих на земле, экспроприированной у коренного населения. Во втором — крестьянин, оставаясь пользователем общинной земли, втягивался в производство экспортной продукции. Эксплуатация непосредственного производителя осуществлялась в данном случае через сферу обращения, приобретая торгово-ростовщический характер.

Минеральное сырье Африки эксплуатировалось повсюду одинаково. В колониях создавались предприятия горнодобывающей промышленности, продукция которых — руды цветных металлов — почти целиком экспортировалась. Обрабатывающие отрасли крупной промышленности находились в зачаточном состоянии. По данным ООН, доля Африки в мировом капиталистическом производстве в 1962 г. составляла всего 2%. То же положение существовало в использовании гидроресурсов, по которым Африка превосходит Европу, обе Америки, Азию. Однако, располагая огромными запасами

гидроэнергии, приближающимися к половине общемировых запасов, равно как и богатыми месторождениями нефти и каменного угля, Африка производила ничтожное количество электроэнергии — от 1 до 10 квт·ч на душу населения.

Превращение колоний Тропической Африки в источники сырья повлекло за собой серьезные последствия. Наиболее распространенным из них был монокультурный характер экономики. Колония основывала, как правило, свою внешнюю торговлю на производстве одной-двух экспортных культур, на добыче одного-двух видов минерального сырья. Гана в основном производила какао (в 1957 г. доля какао-бобов в экспорте Ганы составляла в стоимостном отношении 56%), Судан — хлопок, Дагомея — пальмовое масло, Сенегал, Нигер, Гамбия — арахис, Уганда — хлопок и кофе, Занзибар — гвоздику. В некоторых странах сложилась несколько более широкая сырьевая специализация. Однако и в колониях с менее четко выраженным односторонним характером экономики можно без труда обнаружить явное преобладание в экспорте той или иной сельскохозяйственной культуры, определенного вида минерального сырья (хлопок и древесина во Французской Экваториальной Африке, железная руда в Сьерра-Леоне, медь в Бельгийском Конго). Кроме того, следует иметь в виду, что относительно широкая сырьевая специализация той или иной колонии в конечном счете подчинялась интересам той же монокультуры. Так, во Французском Судане поощрялось производство нескольких продовольственных культур, но главным образом для того, чтобы обеспечить продовольствием соседний Сенегал, вся экономика которого основана на экспортной культуре арахиса.

Крестьянин — производитель сырья — никогда не знал, удастся ли ему сбыть урожай хотя бы по ценам прошлого года. Его интерес к экспортным культурам ослабевал. Но именно экспортные, или «денежные», как их нередко именуют, культуры остаются главным источником валютных поступлений, а значит, средств для закупки современного оборудования. Следует иметь в виду, что крестьянское хозяйство большинства африканских стран более интенсивно связано с мировым рынком, чем в Азии. Это видно из того, что страны Африки экспортируют несравненно больше сельскохозяйственных продуктов на душу крестьянского населения, чем основные азиатские государства.

Колониальные компании занимались одновременно и экспортом и импортом. Даже в том случае, если метрополия несколько переплачивала колонии за сырье, покупая его по ценам выше цен мирового капиталистического рынка, она компенсировала это за счет повышения цен на свои промыш-

ленные изделия. Так, в середине 50-х годов Франция за литр арахидного масла переплачивала 18%. В то же время она продавала своим заморским территориям цемент, оборудование, металлоизделия, автомобили по ценам, которые превышали соответственно на 20, 30, 38 и 40% цены мирового рынка. Еще более разительный пример дает положение непосредственного производителя в колонии Чад. В начале 1950 г. крестьянин должен был работать 110—120 часов, чтобы купить на выручку от выращенного хлопка метр хлопчатобумажной ткани. Африканцы подвергались таким образом двойному ограблению: и как товаропроизводители и как покупатели промышленных изделий.

Почти все промышленные товары завозились из метрополий. Даже в тех случаях, когда при известных затратах можно было наладить производство того или иного вида изделия в самой колонии, капиталисты предпочитали иной путь. Они вывозили сырье с выгодой для себя, а «возвращали» его той же колонии в виде топлива, полуфабрикатов, предметов широкого потребления и даже пищевых продуктов. Так, в Габон, имеющий собственные запасы нефти, завозились нефтепродукты. Во многие страны, производящие хлопок (Конго, Британская Восточная Африка, Судан, Французская Экваториальная Африка, Нигерия), ввозились тем не менее пряжа, ткани и готовая одежда.

Страны, обладающие огромными возможностями для развития земледелия и животноводства, были превращены в рынки сбыта импортных пищевых продуктов. Из Европы и других частей света в них ввозились значительные количества муки, риса, сахара, консервированного молока, сыра, животных жиров, мясных и рыбных консервов. Например, в 1958 г. восемь колоний Французской Западной Африки ввезли (в процентах ко всему импорту):

Продовольствия, напитков, табака	23
Прочих предметов широкого потребления	37
Сырья и полуфабрикатов	15
Оборудования	20
Топлива	5

Таким образом, больше половины всего импорта приходилось на продовольствие и предметы широкого потребления.

Развитие обрабатывающей промышленности в колониях нанесло бы ощутимый ущерб монополиям, которые издавна специализировались на поставке в Африку предметов широкого потребления и продовольствия. Известны случаи прямого нажима европейских капиталистов на колониальную администрацию в ответ на ее робкие попытки развить производство в самой колонии. Марсельские и бордоские фаб-

риканы добились вскоре после окончания войны свертывания производства арахидного масла в Сенегале, ибо маслобойные предприятия Дакара были их конкурентами.

Лишь во время второй мировой войны и в послевоенные годы в колониях Тропической Африки наметился известный рост обрабатывающей промышленности, вызванный действием различных факторов, главным образом внешнего порядка (временное нарушение экономических связей колоний с метрополиями в годы войны и крах колониальной системы в Азии).

Следствием политического закабаления была односторонняя ориентация внешнеэкономических связей колонии. Так, в 1958 г. на долю Франции приходилось 65% импорта и 66% экспорта Французской Западной Африки, Французской Экваториальной Африки, Французского Камеруна и Мадагаскара. В 1955—1958 гг. на долю Великобритании приходилось 45% импорта и 62% экспорта Нигерии.

До колонизации между различными народами велась меновая торговля скотом, солью, орехами кола, сушеной и вяленой рыбой, зерном, железом в брусках, золотом, украшениями, тканями. В особенности это характерно для Западной Африки. Приковав каждую колонию к одному рынку, привязав ее к определенной валютной зоне, установив произвольные политические границы, метрополии нарушили традиционные торговые связи. Навязанная колониям односторонняя ориентация внешней торговли автоматически сводила к нулю возможности внутриафриканской торговли. Связи между различными колониями, в том числе между ближайшими соседями, были развиты в минимальной степени (исключая отмеченные случаи, когда они способствовали экспортной специализации одной из колоний).

Аналогичная в большинстве случаев номенклатура экспорта колоний также не способствовала возрождению этих связей. Если подобные связи и существовали, то на нелегальной или полуполюгальной основе. Велась контрабандная торговля скотом, золотом и алмазами, в частности между соседними колониями Западной Африки, принадлежавшими Англии, Франции и Португалии. В 1950—1957 гг. доля африканских стран во всем внешнеторговом обороте (в стоимостном отношении) Французской Экваториальной Африки составляла всего 9,7%, Французской Западной Африки — 10,4, Конго (включая Руанда-Урунди) — 6,1, Ганы — 4,2, Кении, Уганды и Танганьики (включая торговлю между этими тремя странами) — 6, Нигерии — 1, Судана — 12%.

Формы империалистической эксплуатации варьировались в зависимости от особенностей природных ресурсов самой колонии и экономической политики метрополии. Но в любой

колонии суть эксплуатации в конечном счете определялась интересами монополистического капитала. Это влекло за собой разработку несколько отличных по форме, но идентичных по содержанию систем эксплуатации.

Монокультура повлекла за собой диспропорции вторичного порядка. Производительные силы колоний развивались крайне неравномерно как в отраслевом, так и в географическом плане. Природные условия, плотность населения, транспортная сеть африканских стран неодинаковы. Иностранный капитал направлялся в первую очередь в те области континента, где ему была обеспечена наиболее высокая норма прибыли (разработка особенно богатых месторождений полезных ископаемых, выращивание наиболее доходных экспортных культур — сизаля, какао, кофе, бананов, хлопка и т. д.). Но эти культуры возделываются далеко не везде. Немалую роль в выборе объекта эксплуатации играла и степень удаленности того или иного района от побережья океана.

В результате сложилось своеобразное разграничение Африки на «выгодные» районы, которые империалисты старались развивать, и «невыгодные», осваивать которые было, с их точки зрения, нецелесообразно или во всяком случае преждевременно. В качестве примера первого порядка можно назвать провинцию Катанга в Бельгийском Конго с ее огромными запасами цветных металлов, среднее течение Нигера в Мали и провинцию Гезира в Судане с их особенно благоприятными возможностями для хлопководства, какао- и кофейнопроизводящие прибрежные районы Ганы, Берега Слоновой Кости, Камеруна, Нигерии. Примеры второго порядка — удаленные от океана страны, такие, как Чад, Нигер, Верхняя Вольта, а также северные глубинные районы Мали, Ганы, Дагомеи, Берега Слоновой Кости, южные области Республики Судан и др. Проводя четкую разницу между первыми и вторыми, французский социолог Ж. Баландые справедливо называет перспективные районы «очагами развития, где экономический прогресс превалирует над своего рода оазисами, расположенными среди обширных областей, которые по-прежнему находятся в состоянии экономической стагнации».

Если мы обратимся к таким наиболее обобщенным показателям, как производство продукции на душу населения, то картина отсталости Африки будет особенно наглядной. В 1960 г. выпуск промышленной продукции на душу населения в развитых странах оценивался примерно в 480 долл., а сельскохозяйственной — в 120 долл. В странах Африки (без ОАР) эти показатели (в сопоставимых ценах) составляли всего 20 и 60 долл. соответственно (данные Экономи-

ческой комиссии ООН для Африки). По подсчетам ФАО (1958—1960 гг.), национальный доход на душу населения в странах Тропической Африки (с учетом европейского населения) колебался в пределах от 50 (Верхняя Вольта, Эфиопия) до 150—200 долл. (Гана, Сенегал, Замбия, Малави, Южная Родезия). За вычетом прибылей европейцев размеры национального дохода на душу населения будут еще ниже. По подсчетам советских экономистов, национальный доход на душу населения большинства африканских стран (включая ЮАР) в 1960 г. составлял менее $\frac{1}{12}$ дохода промышленно развитых капиталистических стран.

Следует отметить, что некоторые страны Африки, имеющие особо ценные сырьевые ресурсы (Гана, Замбия и др.), по размерам национального дохода на душу населения не уступают крупным густонаселенным странам Азии и даже превосходят последние. Это ставит небольшую группу африканских стран в довольно привилегированное положение по сравнению не только с соседями, но и с азиатскими государствами, позволяя им начинать битву за экономическую самостоятельность с более выгодных исходных рубежей.

Итак, завоевание суверенитета немедленно поставило освободившиеся народы перед необходимостью решать еще более сложные проблемы в области экономики. Более того, становилось очевидным, что, сколь ни было великим достижением восстановление национальной государственности, оно является не конечной целью освободительной борьбы, а лишь орудием, обретенным для претворения в жизнь идеалов национального возрождения. Одна из первых — и по порядку и по важности — проблем, с которой столкнулись молодые суверенные государства, заключалась в том, что их экономическая отсталость по-прежнему находила свое внешнее выражение в виде неравноправного, эксплуатируемого положения в системе мировых хозяйственных связей капитализма.

Молодые суверенные государства — зависимые, неравноправные члены мирового капиталистического хозяйства

Неравноправное положение отставших стран на мировом капиталистическом рынке. После завоевания независимости техническое отставание афро-азиатских стран не только не уменьшилось, а скорее возросло. Дело в том, что ликвидация колониальных империй по времени совпала с научно-технической революцией, плоды которой в условиях капитализма монопольно присваивают себе империалистические державы. Научно-техническая революция, значительное по-

вышение органического состава капитала в промышленно развитых странах Запада, активизация государственно-монополистического регулирования не могли, естественно, не оказать заметного влияния на некоторые важные аспекты экономических отношений между империалистическими государствами и странами Азии и Африки.

Продолжая оставаться в основном аграрно-сырьевыми элементами в общей системе мирового капиталистического хозяйства, страны Азии и Африки утрачивают свою роль поставщиков ряда важнейших видов сырья и продовольствия; это является результатом роста в промышленно развитых странах производства заменителей (химические волокна, синтетический каучук, пластмассы, искусственные алмазы и др.), внедрения новых технологических процессов, сокращающих потребность в некоторых видах сырья, роста производства продовольствия в ходе превращения сельского хозяйства Западной Европы в одну из отраслей капиталистического машинного производства.

Не удовлетворяясь тем, что уже само техническое превосходство приносит ему все выгоды неэквивалентного обмена в торговле со слаборазвитыми странами, иностранный капитал по-прежнему диктует монопольно высокие цены на сбыаемые западными державами в слаборазвитых странах промышленные товары и монопольно низкие цены накупаемые ими в этих странах сырье и продовольствие. Используя то обстоятельство, что многие освободившиеся страны остались в зонах фунта и франка, метрополии устанавливают новые курсы валют этих стран по отношению к своим собственным валютам, которые еще более усугубляют несправедливое соотношение цен.

По оценке газеты «Файнэншл таймс», органа английских деловых кругов, только в результате происшедшего в 1957—1966 гг. выгодного для капиталистических стран изменения мировых цен они ежегодно получают премию в 10—11 млрд. долл. «за счет остальной части мира, причем они и пальцем не пошевелили, чтобы ее заработать». С последним вряд ли можно согласиться, так как образование цен на мировом капиталистическом рынке уже давно происходит не столько под влиянием стихийно складывающейся конъюнктуры, сколько в ходе их регулирования монополиями и государственными органами империалистических держав. Именно благодаря этому механизму ценообразования империалистические страны выигрывают (по сравнению с 1957 г.) 10—11 млрд. долл. от снижения цен на товары своего импорта и 3—4 млрд. от повышения цен на товары своего экспорта. Падение цен на товары отсталых стран, а также медленно растущий или даже сокращающийся спрос

на некоторые виды их сырья и продовольствия при незначительном экспорте промышленных изделий — все это приводит к падению удельного веса этих стран на мировом капиталистическом рынке. Если в 1955 г. их доля в экспорте капиталистического мира равнялась 28,8%, то в 1961 г. она снизилась до 23,8%, а в 1966 г. — до 21,6% (38,8 млрд. из 180,4 млрд. долл.). Причем, если доля Африки и Ближнего Востока сократилась незначительно (с 10% в 1955 г. до 9,4% в 1965 г.), то у стран Южной и Юго-Восточной Азии это падение было больше — с 8,5 до 6%. Таким образом, дальнейшая интенсификация эксплуатации отставших стран через внешнеторговые каналы выступает как одна из причин сокращения их удельного веса в системе мировых хозяйственных связей капитализма. Ограниченные объемы производства и особенно сбыта на мировом капиталистическом рынке продукции экономически отставших стран при их огромной зависимости от импорта приводят в сочетании с ухудшающимися условиями торговли к постоянному внешнеторговому дефициту. Так, в 1961—1965 гг. их общий дефицит составил около 9 млрд. долл. Однако за этой общей цифрой скрывается отнюдь не равнозначное положение отдельных регионов и тем более стран. Так, у Латинской Америки внешнеторговый баланс был положительный, главным образом благодаря экспорту Венесуэлы. Также благоприятен в целом был баланс стран Ближнего Востока благодаря экспорту нефти. Зато в те же годы дефицит стран Южной и Юго-Восточной Азии составил 10,3 млрд. долл., а у стран Африки (без ЮАС) — 3,2 млрд. долл. Однако и внутри отдельных регионов существуют большие различия во внешнеторговом балансе отдельных стран, о чем речь будет ниже.

В этой обстановке большое значение приобретают как взаимная торговля развивающихся стран между собой, так и особенно их торговля с миром социализма. Первое направление торговли позволяет развивающимся странам в какой-то ограниченной мере преодолевать последствия одностороннего и неполного развития сырьевой базы в каждой из них, хотя это происходит очень медленно, с большим трудом и поэтому не приносит пока ощутимых результатов. Второе направление не только в целом расширяет возможности сбыта их продукции, особенно сырья и потребительских товаров, но и обеспечивает ответные поставки оборудования. Вместе с тем следует иметь в виду, что оба этих весьма перспективных направления еще находятся на стадии становления: в 1965 г. экспорт развивающихся стран на 21,6% поглощался их взаимной торговлей и на 5,4% шел в социалистические страны. Вся же остальная масса их экспорта (73%) направлялась в империалистические страны.

Вывоз капитала в условиях суверенитета. Важнейшим средством империалистической эксплуатации осталось извлечение прибыли и сверхприбыли на старые и новые капиталовложения. Несмотря на утрату своей политической власти, иностранные монополии и ныне в течение первых нескольких лет окупают свои инвестиции. Однако в целом удельный вес экономически отставших стран Азии и Африки как сферы приложения капиталов иностранных монополий обнаруживает тенденцию к снижению из-за мер по национализации собственности иностранных владельцев в ряде стран и серьезного ухудшения «инвестиционного климата» в них. Кроме того, в связи с изменениями структуры производства в пользу отраслей тяжелой и химической промышленности, ростом органического строения капитала и падением расходов на оплату живого труда в ценах производства привлекательность отставших стран в качестве источника дешевой рабочей силы для иностранного капитала снижается. Более того, современное производство требует все более квалифицированной рабочей силы, в которой афро-азиатские страны ощущают столь острую нехватку.

За послевоенные годы не развивающиеся страны, а уже высокоразвитые государства, сами обладающие большими массами капитала, стали главными сферами приложения иностранных капиталовложений. Их перелив из одной страны в другую все более служит средством использования западными монополиями своих технических достижений и организаторского опыта в странах с квалифицированной, но относительно дешевой рабочей силой. Эти тенденции с особой очевидностью проявляются в направлении капиталовложений США и Англии. По подсчетам советских экономистов, в 1953 г. из 16,3 млрд. долл. прямых частных вложений США за границей на развивающиеся страны падало 8,3 млрд. (50,6%), а в 1962 г. из 37,1 млрд. — 14,6 млрд. долл. (т. е. лишь 39,4%). Доля инвестиций Англии (без нефтяного и страхового дела) составила в развитых капиталистических и отставших странах в 1955 г. 40 и 60% соответственно, однако в 1959—1962 гг. текущий экспорт капитала лишь на 48% направлялся в развивающиеся страны. Примерно такие же изменения произошли в послевоенном экспорте капитала других империалистических стран.

Снижение доли развивающихся стран в общей сумме иностранных капиталовложений отнюдь не означает, что бремя их эксплуатации иностранным капиталом стало легче. Более высокая норма прибыли, по-прежнему извлекаемая иностранными монополиями в бывшем колониальном мире, придает здесь их деятельности особенно хищнический, паразитарный характер и позволяет при относительно небольших вложе-

ниях отбирать у отставших стран огромные массы их национального продукта. Например, по американским данным, в 1965 г. из 52,9 млрд. прямых капиталовложений США за границей на Азию приходилось 3,6 млрд. долл., а на Африку — 1,9 млрд. долл., или немногим более 11%. Причем в 1965—1966 гг., когда из США было вывезено для прямых вложений 6,7 млрд. долл., на Азию и Африку пришлось всего 0,86 млрд. долл. Зато за те же два года доходы американских монополий в Азии и Африке достигли 2,54 млрд. долл. из 7,94 млрд. общей суммы заграничных прибылей. Таким образом, норма прибыли на американские вложения в Азии и Африке составляет 22—23%, а в остальном мире — 14—15% (цифры занижены, так как в прибыль не включены реинвестиции). Из этих же данных видно, что за два последних года американские монополии вывезли из афро-азиатских стран богатств на 1,7 млрд. долл. больше, чем вложили новых капиталов в их хозяйство. Вот чего стоят на деле разговоры о «конструктивной роли» капитала империалистических монополий.

В целом приток иностранного капитала, как частного, так и государственного, становится все более важной статьей для покрытия импортных расходов отставших стран. И, наоборот, соответствующая доля экспортной выручки падает. Так, в 1953—1955 гг. приток иностранного капитала составлял 13%, а экспортная выручка — 87% их расходов на импорт, в 1960—1962 гг. на те же статьи приходится уже 28 и 72% импортных расходов отставших стран. У Индии, Пакистана, Алжира, Танзании государственные займы покрывают свыше 30% импортных расходов.

Стремясь ослабить центробежные тенденции по отношению к мировому капиталистическому хозяйству и рынку у Индии, Индонезии и ОАР, империализм отводит им первые места в своих государственных займах производительного назначения. На эти страны приходится также и большая часть продовольственной помощи.

Таким образом, империализм по-прежнему опирается на вывоз капитала как на решающее средство экономического подчинения стран Азии, Африки и Латинской Америки. Однако современный государственно-монополистический капитализм неизмеримо шире прибегает к вывозу капитала в виде государственных займов и в ряде случаев поступает непосредственными целями во имя далеко идущих целей своей глобальной политики. Эти цели имеют не только внешний, но и внутренний аспект, выражающийся в намерении империализма придать социально-экономическим процессам, протекающим в развивающихся странах, желательное для него направление. Всего за десятилетие (1956—1965) капитали-

стические державы предоставили экономически отставшим странам 51,5 млрд. долл. экономической помощи, причем 29,8 (58%) млрд. выдали США. Следует отметить, что за последние годы западная экономическая помощь практически не увеличивается абсолютно, а относительно к валовому национальному продукту стран-доноров даже падает. Так, у США в 1962 г. помощь составила 0,72% валового национального продукта, а в 1965 г. ее доля сократилась до 0,6% этого продукта.

Чтобы представить размеры притока капитала как частного, так и государственного, приведем несколько цифр. Общий чистый приток долгосрочных капиталовложений (как государственных, так и частных) из империалистических стран в развивающиеся достиг в первой половине 60-х годов уровня 7,5—9 млрд. долл. в год: в 1961 г. — 8013 млн., а 1962 г. — 7478 млн., в 1963 г. — 7474 млн., в 1964 г. — 7828 млн. и в 1965 г. — 9129 млн. долл. Однако чистый приток частных инвестиций до 1965 г. обнаруживал тенденцию к абсолютному и относительно снижению: в 1961 г. — 2343 млн. долл. (29% всех капиталовложений), в 1962 г. — 1627 млн. (22%), в 1963 г. — 1822 млн. (24,4%), в 1964 г. — 2031 млн. (26,3%) и в 1965 г. — 2881 млн. долл. (32,6%).

По общему объему всех новых капиталовложений на первом месте прочно стоят США: в 1961 г. — 4183 млн. долл. (52% всех государственных и частных вложений империалистических держав в развивающиеся страны), в 1962 г. — 4040 млн. (54%), в 1963 г. — 4220 млн. (56%), в 1964 г. — 4487 млн. (57%), в 1965 г. — 5251 млн. долл. (58%). Второе место занимает Франция, соответствующая доля которой составляет 16, 17, 15, 15 и 13%; и лишь затем наступает очередь Англии — 10, 8, 8, 9 и 8%, ФРГ — 9, 8, 6, 7 и 6%, Италии, Японии, Бельгии и Нидерландов — в среднем по 2% на каждую из этих стран.

Американские частные капиталовложения весьма осторожны: они составили в 1961 г. 1045 млн. долл. (25% всех чистых американских вложений), в 1962 г. — 751 млн. (18,6%), в 1963 г. — 809 млн. (19,2%), в 1964 г. — 1206 млн. (26,9%) и только в 1965 г. — 1770 млн. долл. (33,9%). Частные французские капиталовложения составили за эти же пять лет 1660 млн. долл., или 27,6% общего чистого притока капитала из Франции в развивающиеся страны. Соответствующие данные для Англии будут 1345 млн. долл., или 41%, т. е. доля частных вложений у Англии была относительно выше, хотя по абсолютному приросту они уступали французским. У других держав этот прирост за пятилетие составил: у ФРГ — 594 млн. долл., у Италии — 534 млн., у Японии — 361 млн. долл., а доля в их общих вложениях — 21,64 и 40% соответственно.

Государственные займы, составляющие суть помощи, дают лишь мнимое облегчение от растущей неэквивалентности обмена. Они все более оборачиваются своей кабальной стороной — огромной задолженностью экономически отставших стран. Если в 1956 г. она исчислялась 10 млрд. долл., то к концу 1965 г. достигла 36,4 млрд. долл. Эта цифра примерно равна экспортной выручке всех этих стран (37,7 млрд. долл. в том же 1965 г.) и в три с лишним раза превышала их золотые и валютные резервы (10,7 млрд. долл. на конец 1966 г.). Для погашения предоставляемой помощи национальный капитал вынужден расходовать существенную часть получаемых им прибылей, как правило, в иностранной валюте. В 1965 г. платежи отставших стран по государственной задолженности составили 3,5 млрд. долл., т. е. половину новых поступлений по помощи и 9% экспортной выручки.

За этими общими цифрами скрываются огромные различия в положении отдельных государств. Как уже отмечалось, наибольшие тяготы выпадают на долю крупнейших афроазиатских стран. Так, у Индии внешний долг составлял на начало 1966 г. около 5,8 млрд., экспортная выручка (1966 г.) — 1,6 млрд. долл. Еще более тяжелое положение сложилось в Индонезии, правящие круги которой проводят политику дефицитного финансирования (т. е. безудержного выпуска денежной массы) и внешних займов. В результате произошел инфляционный рост цен, увеличившихся к началу 1966 г. почти в тысячу раз по сравнению с их уровнем в 1957—1958 гг., а задолженность по внешним займам в 1966 г. достигла 2,7 млрд. долл. при экспортной выручке в (1965 г.) в 700 млн. долл. Инфляция и безудержная спекуляция подрывали рентабельность промышленности, а нехватка экспортных материалов и деталей повлекла хроническую недогрузку предприятий и общий упадок производства.

Подводя итоги, следует отметить, что экономическая помощь оказывается империалистами главным образом в целях развития частнокапиталистического предпринимательства в освободившихся странах и обеспечения тем самым их развития по пути капитализма. Конечно, такая неоколониалистская политика в известной степени содействует развитию экономики, индустриализации на основе капиталистического предпринимательства. Однако при этом не решается главная задача, необходимая для развертывания капиталистического воспроизводства, а именно создание накоплений. Основная часть помощи расходуется на текущие потребительские или производственные нужды. Средств на приобретение дорогостоящего импортного оборудования, необходимого для строительства промышленных предприятий или осуществления проектов, имеющих крупное народнохозяйственное значение, почти не

остается. Да и сама помощь становится источником огромных доходов для империалистических держав. Платежи по погашению займов и процентов по ним растут и абсолютно и относительно к вновь получаемым суммам.

Так, в 1963—1965 гг. страны Азии и Африки выплатили одним США по этим статьям 997 млн. долл., или 12% от суммы американской экономической помощи, полученной в те же годы. Еще хуже обстояло дело у латиноамериканских стран, уплативших в этот период США 1127 млн. долл., или 47% новой помощи. Рост у экономически отставших стран задолженности и выплат по ее погашению во многом объясняется тем, что доля займов быстро растет за счет сокращения доли даров. Так, в 1956 г. займы составляли менее одной пятой американской экономической помощи (306 млн. долл.), а в 1965 г. их доля перевалила за 56% (2120 млн. долл.).

В развивающихся государствах иностранный капитал по-прежнему паразитарен. Дело в том, что помимо указанных обстоятельств реинвестициям прибылей, извлеченных в развивающихся странах, препятствует отсутствие там ряда важнейших элементов основного капитала, прежде всего оборудования. Поэтому процент вывозимых из них прибылей относительно высок, а реинвестиции, коль скоро их совершают, тяготеют к непроизводительной сфере обращения. Американские компании за десятилетие (с 1951 по 1960 г.) инвестировали в слаборазвитых странах 4,8 млрд. долл., а вывезли оттуда 13,3 млрд. долл. прибылей, т. е. на каждый свой доллар «свежих» вложений получили около 3 долл. прибылей.

Наконец, важную статью утечки средств из развивающихся стран составляет «бегство» местных капиталов, т. е. перевод своих средств за границу (например, в швейцарские или иные банки) местными богачами. Они исходят при этом из большей надежности вкладов за границей, гарантированности устойчивого дохода, а в некоторых случаях (как в ряде нефтедобывающих арабских стран) у них нет ни желания, ни умения производительно применить свои огромные доходы в малоподготовленной для капиталистического предпринимательства национальной экономике.

Среднегодовой дефицит платежного баланса развивающихся стран (включая латиноамериканские) составлял в начале 60-х годов (млн. долл.):

Отрицательное сальдо торгового баланса	900
Превышение вывезенных прибылей над новым притоком капитала	2000
Бегство местного капитала	1500

Итого . . . 4400

Следует подчеркнуть, что в этом расчете учтены лишь видимые статьи изъятия средств из отставших стран.

Доля прибыли, полученная за счет эксплуатации слабо-развитых стран, в общей массе прибылей монополистической буржуазии США и западноевропейских империалистических государств снижается, составив в послевоенный период приблизительно 10—12% против 25—32% в 1902—1912 гг. (в 1964 г., по данным А. И. Динкевича, более 6%). В основе этого лежит значительный рост производства относительной прибавочной стоимости в самих промышленно развитых странах. Хотя роль слабо-развитых стран в качестве объекта империалистической эксплуатации относительно снизилась, это, конечно, не означает, что тяжесть эксплуатации для слабо-развитых стран существенно облегчилась или даже совсем сошла на нет, как это пытается утверждать буржуазная наука и пропаганда.

В действительности же бремя эксплуатации слабо-развитых стран иностранным капиталом становится все более тяжелым, поскольку неэквивалентный обмен продолжает усиливаться и империалисты добиваются выгодных для себя уступок при капиталовложениях. Вот почему доля национального дохода слабо-развитых стран, узурпируемая иностранным капиталом, составляет значительную часть чистого накопления этих стран, что усиливает разрыв между существующими возможностями накопления на национальной основе и потребностями в инвестициях, необходимых для скорейшего решения экономических проблем слабо-развитых стран.

Как уже отмечалось, капиталистический путь развития означает для большинства стран Азии и Африки продолжающееся отставание от индустриально развитых империалистических стран. В близком к госдепартаменту США журнале «Форен аффэрс» дан следующий итог «Десятилетия развития» (период между серединами 50-х и 60-х годов). Согласно подсчетам автора, в «очень бедных» странах с национальным доходом на душу населения до 100 долл. проживало 990 млн. человек, в «бедных» (доход 100—250 долл.) — 1150 млн. человек, в странах «со средним доходом» (доход 250—750 долл.) — 390 млн. и, наконец, в богатых (свыше 750 долл. дохода на душу) — 810 млн. человек. Причем у стран «общего рынка» доход на душу населения составляет 1400 долл. при населении в 175 млн., а у США — около 3 тыс. долл. при населении в 194 млн. человек.

У слабо-развитых стран средний доход на душу населения — 120 долл. При настоящем темпе прироста (1% в год) он достигнет 170 долл. к концу века, а национальный доход на душу населения в США (при его темпе прироста сей-

час) — 4500 долл., т. е. увеличение на 1500 против 50 долл. у экономически отставших стран. Этим странам нередко предлагают в качестве примера японскую модель экономического развития, что само по себе является бессмыслицей, ибо «японский» путь развития предполагает войны за раздел мира и эксплуатацию колоний. Однако, если даже отвлечься от всего этого, по подсчетам экспертов ЭКДВА, Индии понадобится 137 лет, чтобы достигнуть уровня национального дохода Японии середины 60-х годов.

Различия в интенсивности мировых хозяйственных связей. За общими статистическими данными о месте третьего мира в мировом капиталистическом хозяйстве скрываются огромные различия и в значении для отдельных отставших стран внешнеторговых связей. У некоторых стран на экспорт идет 30—40% их национального продукта, у других — несколько процентов; в одних странах иностранные монополии контролируют основные отрасли народного хозяйства, в других им принадлежат отдельные объекты. Без рассмотрения всего комплекса социально-экономических проблем данной страны трудно дать однозначный ответ на вопрос: заинтересована ли отставшая страна в более интенсивной эксплуатации ее ресурсов иностранным капиталом или нет? Конечно, при ответе на этот вопрос многое зависит от роли и характера национального государства и его способности с необходимой гибкостью контролировать и направлять деятельность иностранного капитала.

В первом варианте производительные силы получают известное развитие, но ставятся на службу иностранному капиталу, во втором — народное хозяйство обладает слишком небольшими валютными поступлениями, чтобы осуществлялась его техническая реконструкция. Вот почему, рассматривая перспективы капиталистического развития слаборазвитых стран и их интеграции на этой основе с мировой капиталистической экономикой, нельзя ограничиваться сопоставлением общих экономических показателей этих стран и империалистических держав. Прежде всего при рассмотрении проблем накопления в развивающихся государствах следует выделить группу относительно небольших стран, обладающих исключительно благоприятными условиями для производства сырья (некоторые нефтедобывающие арабские страны, Малайя, Гана, Либерия, Венесуэла). Правящие круги этих стран видят перспективу экономического развития во всемерном поддержании экспортных отраслей, обеспечивающих поступление валюты. Действительно, если у небольших стран, вроде Саудовской Аравии, Ливии, Малайи, экспортная выручка составляет около миллиарда долларов на каждую, а у Венесуэлы приближается к 3 млрд., т. е. по 100—1000

долл. на душу, то Индия на полмиллиарда населения экспортирует всего на 1600—1700 млн. долл., т. е. 3—3,5 долл. на душу.

После выделения группы небольших стран с интенсивным экспортом еще более очевидным становится тяжелое положение крупнейших государств Азии и Африки (Индии, Пакистана, Индонезии, Нигерии) на мировом капиталистическом рынке. Так, в 1966 г. эти страны, в которых проживало около 750 млн. человек, т. е. примерно 30% населения капиталистического мира, получили экспортную выручку в 3,3 млрд. долл. (вдвое меньше Нидерландов — 6,75 млрд. долл.), или менее 2% общей выручки капиталистических стран. Конечно, указанные четыре крупных государства имеют более полный цикл производства потребительских товаров, чем мелкие страны; однако и они испытывают острый недостаток в этих товарах, особенно в продовольствии, а главное, экспортная выручка также остается для них основным постоянным источником финансирования воспроизводства на современной технической базе.

Причем относительно ничтожная экспортная выручка крупнейших афро-азиатских стран отнюдь не результат бездеятельности их правящих кругов в борьбе за упрочение своего положения на внешних рынках. Например, индийские деловые круги и государственные внешнеторговые организации прилагают самые настойчивые усилия, чтобы расширить и объем и номенклатуру своего экспорта. Однако в торговле с капиталистическими странами им удается лишь поддерживать его настоящий уровень. Вполне закономерно, что Индия, а в последнее время также Пакистан стремятся облегчить свои валютные затруднения путем расширения экономического сотрудничества со странами социализма.

Опыт Индии по привлечению иностранного капитала. Из всех афро-азиатских стран Индия обладает наиболее развитым капиталистическим производством и рынком, представляющим собой потенциально безграничную сферу для приложения капиталов. С начала 1959 г. Индия вступила в полосу двусторонних соглашений с отдельными капиталистическими странами об отмене так называемого двойного налогообложения (т. е. практики взимания налога с капитала как в стране его приложения, так и в стране, гражданином которой является владелец капитала). Норма прибыли на иностранный капитал в Индии, хотя она и не имеет сверхприбыльных нефтедобывающих и иных горных отраслей, выше, чем в западных странах. Однако, несмотря на высокие прибыли, приток иностранного капитала составлял лишь половину намечки третьей пятилетней программы.

Но главное состоит в том, что для большинства стран

Азии и Африки, особенно для крупных, привлечение частных иностранных капиталовложений, воссоздавая экономическую зависимость, вместе с тем не решает сколько-нибудь существенно даже чисто финансовых проблем накопления. Обычно в качестве примера страны, индустриализировавшейся при посредстве иностранных капиталовложений, приводят Канаду. Однако даже делегация индийских деловых кругов во главе с Бирла, посетившая осенью 1957 г. Западную Европу, США и Канаду, отметила, что если на одного индийца сделать столько же капиталовложений, сколько приходилось на одного канадца, то понадобится колоссальная сумма — 1600 млрд. рупий, из которой по крайней мере треть, или свыше 500 млрд. рупий, придется на иностранную валюту. Насколько несбыточны подобные масштабы иностранных инвестиций для Индии, видно из того, что они составили на конец 1965 г. 9,4 млрд. рупий при годовом приросте (с учетом реинвестиций) в 350—400 млн. рупий.

Создавшаяся после достижения Индией политической независимости обстановка, в частности укрепление сотрудничества со странами социализма, заставляет иностранные монополии менять не только условия своих инвестиций, но и их отраслевое направление. Уже после первых успехов Индии в развитии хозяйства стало очевидным, что старые объекты иностранных капиталовложений (джутовая, чайная промышленность и некоторые другие) не смогут более доминировать в ее экономике и приносить главную массу прибыли. Поэтому монополиям в целях сохранения своих позиций в экономике страны приходилось включаться в создание новых отраслей промышленности как в частном, так и в государственном секторе. В последние годы наметился отлив частных иностранных инвестиций из легкой промышленности и плантаций. Остающийся в стране, а также вновь поступающий капитал иностранных монополий, естественно, обращается прежде всего к наиболее прибыльным и перспективным объектам в частном секторе.

Индийские крупные капиталисты еще во время второй мировой войны, а также в первые годы после достижения Индией независимости начали совместно с иностранными монополиями создавать компании с так называемым смешанным руководством. Они возникали преимущественно в новых отраслях тяжелой обрабатывающей промышленности (например, в химической, электротехнической и автомобильной), в которых иностранный капитал был вынужден сотрудничать с национальным. Таким образом, эти компании, с одной стороны, способствовали появлению в Индии отдельных очагов новейшей крупной промышленности, а с другой — распространению влияния иностранных монополий на новые отрас-

ли индийской промышленности. В этом их двойственный, противоречивый характер.

Компании со смешанным руководством — не только форма сотрудничества местного и иностранного капитала, но и новая, хотя и компромиссная, форма борьбы между ними. Борьба внутри этих компаний развернулась, в частности, по вопросу о технической самостоятельности принадлежащих им предприятий. Иностранный партнер, как правило, стремится сохранить предприятие на положении филиала по отношению к производству в метрополии и использовать к своей выгоде таможенные ограничения на ввоз готовых изделий, а индийская сторона — перейти к независимому и полному производственному циклу. Растущая зависимость индийской промышленности от импорта компонентов и запасных частей выразилась в увеличении их доли в общем импорте оборудования с 49% в 1961—1962 гг. до 58% в 1965—1966 гг. при соответственном сокращении доли капитального оборудования.

Индийские капиталисты и их иностранные партнеры, стремясь создать сверхприбыльные предприятия по производству дефицитной для Индии продукции, мало заботились о создании сырьевой и производственной базы, необходимой для функционирования. Вот почему экспортных поступлений все больше не хватает для покрытия даже текущих производственных потребностей Индии. Владельцы новых предприятий настойчиво требуют от правительства предоставлять им валюту для закупок материалов, сырья и деталей, без которых их предприятия не могут действовать. Поэтому для их удовлетворения выделяется непрерывно растущая доля западной помощи. Обратной стороной этого явления выступает абсолютное и относительное сокращение западных кредитов на крупные объекты государственного сектора.

По официальным оценкам, экспортная выручка Индии за 1963/64—1965/66 гг. составила 33 млрд. рупий, а потребности в импорте текущего производственного назначения — 24 млрд. рупий. Однако положение усугубляется тем, что из экспортных поступлений будут погашаться обязательства по предыдущим займам и кредитам, а также вывоз прибылей иностранных вкладчиков — всего около 6 млрд. рупий. Поэтому, по официальной оценке, в последние три года пятилетнего плана 6,5 млрд. рупий из западной помощи (т. е. около 45% ее объема) шло на покрытие импорта товаров для текущих потребностей, главным образом промышленности частного сектора.

Такое распределение западной помощи означает серьезное отступление от первоначальных наметок плана, которые предусматривали использование почти всей иностранной по-

мощи, включая и западную, для финансирования капитального строительства, по преимуществу в государственной тяжелой промышленности. Так, перекрыв пути для расширения экспортных поступлений Индии и фиксируя объем своей помощи на годовом уровне в 1 млрд. долл., иностранные монополии добиваются фактического перераспределения материальных ресурсов в пользу частной промышленности за счет капитального строительства в государственном секторе.

Продолжающаяся выкачка средств и перспектива технического перевооружения. Промышленные перевороты, т. е. переход к машинному производству сначала средств потребления, а затем и самих машин, всегда сопровождался в капиталистических странах громадным притоком средств извне. В Англии эти средства поступали в виде колониальной дани, вложений иностранного (главным образом голландского) капитала, прибылей от сбыта фабричных изделий. США, Канада, Австралия в период своей индустриализации широко использовали частные иностранные инвестиции. Германия и Япония ускорили промышленный переворот посредством контрибуций, внешнеторговой и колониальной экспансии. Капитализм пока не дал, и вряд ли даст в будущем, решения проблем индустриализации в условиях невозмещаемого изъятия материальных ресурсов.

Между тем объем средств, необходимых для подъема народного хозяйства стран третьего мира, несравненно больше, чем это требовалось для индустриализации западных держав в XIX в. Помимо того обстоятельства, что современное население так называемого третьего мира сейчас во много раз превосходит население западных стран и Японии периода их индустриализации, среди факторов, «удороживших» техническую реконструкцию народного хозяйства отставших стран, следует упомянуть: вызванный научно-технической революцией дальнейший рост капиталовложений на единицу занятости, примитивность оснащения дофабричных типов производства, затруднительность для большинства стран экстенсивного расширения сельскохозяйственного производства на старой технической основе, при императивной необходимости достижения во что бы то ни стало ввиду усложнения демографической проблемы обеспеченности продовольствием. Западные государства переходили к раннему фабрично-заводскому производству, уже имея задел в виде развитой капиталистической мануфактуры в промышленности и появления первоначального капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве, а отставшим странам приходится сразу же осваивать современную технику при наличии по преимуществу докапиталистических или примитивно капиталистических типов хозяйствования.

В сущности, главная экономическая проблема, с которой сталкивается любое национальное правительство, заключается в том, как изыскать средства, пути и методы для реконструкции всего народного хозяйства, что невозможно достигнуть без повышения производительности мелкого и мельчайшего хозяйства крестьян и ремесленников и перестройки его в крупное современное производство. О масштабах этой задачи можно судить по следующим данным.

Еще в начале 50-х годов эксперты ООН подсчитали, что, для того чтобы обеспечить всю Азию оборудованием и инструментами в среднем на скромную сумму — 2 тыс. долл. на одного работника (в 1965 г. на создание одного рабочего места в обрабатывающей промышленности США расходовалось 21,7 тыс. долл.), потребовались бы средства, в 3 раза превышающие тогдашний национальный доход Соединенных Штатов (т. е. около одного триллиона долларов); для того же, чтобы поднять средний выпуск продукции одного рабочего в основной части Азии до уровня, достигнутого перед второй мировой войной Японией, необходима еще в 1,5 раза большая сумма. Между тем чистое накопление в странах Азии и Африки составляет 9—11 млрд. долл., а вся иностранная экономическая помощь — 5—6 млрд. долл. Для сравнения напомним, что общие капиталозлоения в народном хозяйстве США составили в 1966 г. 120 млрд. долл.

Однако дело не только в огромном разрыве между потребностями в капитале и действительным объемом его накопления. Даже если бы ценой величайшего напряжения этот разрыв удалось сократить, то осталась бы проблема перевода накопленного капитала в производительную форму или, точнее, его овеществления в современных средствах производства. Поскольку в самих отставших странах собственного производства таких средств производства (прежде всего оборудования, отвечающего мировым техническим стандартам) нет или почти нет, подобное овеществление накопления производится в значительной или исключительной степени через внешнеэкономические каналы. Поэтому при строительстве крупной промышленности примерно половина капиталовложений должна состоять из валюты тех стран, где можно приобрести оборудование. Даже в Индии, в которой налажен выпуск некоторых видов оборудования, 40—45% капиталовложений в крупную промышленность должно быть обеспечено иностранной валютой. Поэтому объем накоплений, переводимых в крупную промышленность, ограничен суммой имеющихся валютных ресурсов, к которым в той или иной пропорции добавляются накопления в местной валюте. Из ее фондов покрываются расходы на рабочую силу и на местные материалы и сырье.

В результате, несмотря на все усилия сократить свое отставание в сфере промышленности, экономически отставшим странам почти не удается продвигаться в этом направлении. Так, в 1965 г. доля развивающихся стран Азии в промышленном производстве капиталистического мира достигла 2,7%, т. е. была лишь на 0,3% больше их доли в 1938 г. Если же учесть более быстрый рост населения в Азии, то на душу сейчас здесь приходится меньшая доля мировой промышленной продукции, чем в колониальный период.

Следовательно, образовавшееся в колониальный период экономическое неравенство между империалистическими державами и странами Азии и Африки по-прежнему беспощадно и неумолимо воспроизводилось и воспроизводится самим механизмом мирового капиталистического хозяйства, эксплуататорским характером его международного разделения труда. Сохранение этого неравенства в свою очередь обуславливало сохранение империалистической эксплуатации и нищеты народов слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Становится все более очевидным, что уничтожить империалистическую эксплуатацию и обеспечить решительный подъем благосостояния народа можно только в том случае, если ныне слаборазвитые страны смогут вырваться из мирового капиталистического хозяйства или стать его более или менее равноправными членами. Первое решение предусматривает прежде всего соответствующие политические изменения, что же касается второго, то рассмотрим возможности для него подробнее.

Ликвидация отсталости и мировые хозяйственные связи

Начавшийся после второй мировой войны распад колониальной системы и образование новых суверенных государств, т. е. ликвидация территориального раздела мира между империалистическими державами, не сопровождалась автоматическим устранением их неравноправного положения в системе мирового капиталистического хозяйства, т. е. избавлением от последствий раздела мира между союзами монополистов. Поэтому как общие задачи мирового революционного движения, так и национальные интересы завоевавших суверенитет народов настоятельно требовали перенесения центра тяжести антиимпериалистической борьбы в сферу экономики — против сохранившихся позиций и приемов экономического угнетения и эксплуатации. Выдвижение на первый план задач выкорчевывания экономических корней колониализма, естественно, не исключало военно-политических методов его ниспровержения там, где он удерживал или контро-

лировал государственную власть или же пытался ее восстановить.

Автаркия или расширение мировых хозяйственных связей. Однако по мере того как все новые страны пополняли ряды молодых суверенных государств, экономическая зависимость от империализма становилась все более невыносимой. Уйти от нее за глухие стены «закрытой страны» было в середине XX в. уже невозможно. Такая страна, лишенная современной военной техники, стала бы легкой добычей не только империалистических хищников, но и реакционных авантюристов и милитаристов из соседних государств, вступивших в агрессивные блоки.

Но дело не только в военной безопасности, которая поддается экономическим изоляционизмом. Сокращение, а тем более разрыв мировых хозяйственных связей означал бы для относительно развитых стран остановку целых отраслей крупной промышленности, работающих на экспорт или зависящих от импорта материалов и деталей. Крестьянское хозяйство не нашло бы сбыта для ряда продуктов (хлопок, джут, каучук, чай, кофе, какао-бобы, сахар-сырец), производство которых все-таки позволяет крестьянской семье, особенно при малоземелье, как-то сводить концы с концами. Наконец, во многих странах отсутствовало или было совершенно недостаточным производство самых необходимых предметов потребления (например, хлопчатобумажных тканей в Пакистане). Короче говоря, сама жизнь показала всю иллюзорность патриархально-националистических концепций о возможности возврата к некоему «золотому веку» с ручным веретеном, прялкой и прочими архаичными орудиями труда.

Своего рода антиподом «автаркии отсталости» были концепции «сверхиндустриальной автаркии», осуществляемой в кратчайшие сроки — в два-три пятилетия. Эта концепция в период «большого скачка» в предельно извращенном виде преподносилась китайскими догматиками (с привнесением отдельных элементов «автаркии отсталости», вроде самообеспечивающихся коммун). Обычно защитники «сверхиндустриальной автаркии» искренне или, как китайские догматики, демагогически ссылаются на опыт индустриализации Советского Союза.

В течение почти трех десятилетий Советское государство существовало как единственная социалистическая страна. Но и в этом враждебном окружении оно не думало ограждаться стеной от капиталистической экономики. Еще в декабре 1920 г. Ленин говорил: «Если мы хотим товарообмена с заграницей, а мы его хотим, мы понимаем его необходимость, наш основной интерес — возможно скорее получить от

капиталистических стран те средства производства (паровозы, машины, электрические аппараты), без которых восстановить нашу промышленность сколько-нибудь серьезно мы не сможем, а иногда и совсем не сможем, за недоступностью иметь для наших фабрик нужные машины»*. Еще при жизни Ленина, при его прямом участии были предприняты важные шаги для нормализации внешнеторговых операций Советского государства. Однако наибольшего размаха наша внешняя торговля достигла на начальных этапах индустриализации: если в 1925 г. ее оборот равнялся 597 млн. руб. (по тогдашнему курсу 1 долл. равнялся 1 р. 94 к.), то в 1930 г. он составлял 2095 млн. руб. Причем на 90—95% импорт складывался из оборудования и промышленных материалов.

Курс на более или менее самообеспечивающуюся экономику был вынужден враждебным империалистическим окружением, в котором тогда находилось первое социалистическое государство; против него шла открытая подготовка агрессии с двух фронтов — Германией с запада и Японией с востока. Угроза войны на двух фронтах с двумя сильнейшими милитаристскими державами при явно антисоветской позиции других империалистических государств выдвигала перед нашим народом неотложную задачу — во что бы то ни стало создать такой экономический комплекс, прежде всего военное производство, который обеспечил бы победу над фашизмом в войне в условиях капиталистического окружения.

Военно-политическое положение молодых государств Азии с самого их основания коренным образом отличалось от положения Советского Союза в 30-х годах. В тех странах, где народ вел вооруженную борьбу с колонизаторами или их ставленниками (Индонезия, Филиппины, Малайя), сам характер войны, охватившей всю основную территорию, исключал какие-либо серьезные усилия по созданию современной военно-промышленной базы. В других странах (Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма) промышленность была слишком слаба, чтобы, даже при полном ее переключении на военное производство, можно было рассчитывать на создание в ближайшие десятилетия военно-промышленного потенциала, сравнимого с потенциалом империалистических держав. Другими словами, молодые государства Азии не обладали в этом отношении возможностями Советского государства. Конечно, это не исключает целесообразности создания той или иной отрасли военного производства в Индии, ОАР или другой стране, обладающей соответствующей промышленной базой. Но в целом образование и укрепление социалистического со-

* В. И. Ленин, *VIII Всероссийский съезд Советов*, — Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 110.

дружества сформировало мировую обстановку, совершенно отличную от той, в которой находился советский народ накануне второй мировой войны. Освободившимся народам уже нет необходимости в своем экономическом строительстве руководствоваться исключительно военно-политическими соображениями, и они могут сосредоточить усилия на подъеме своего благосостояния, наиболее эффективно используя природные, людские и производительные ресурсы своей страны в сотрудничестве с социалистическими странами и при обоюдной взаимопомощи.

Кроме того, у социалистического государства в середине 30-х годов уже были необходимые объективные условия для создания более или менее самообеспечивающейся экономики. К 1937 г. советское промышленное производство в ходе социалистической индустриализации достигло трети американского производства, т. е. оно относительно превышало соответствующую долю всех развивающихся стран в настоящее время. Преимущества социалистической индустриализации позволили к тому времени создать многоотраслевую тяжелую промышленность, которая в 1937 г. произвела 17,7 млн. т стали, 128 млн. т угля, 28,5 млн. т нефти, 36,2 млрд. квт·ч электроэнергии, 3240 тыс. т удобрений, 48,5 тыс. металлорежущих станков, турбины мощностью 1156 тыс. квт, 1172 паровоза, 200 тыс. автомобилей и 51 тыс. тракторов; хотя по современным масштабам нашей экономики эти цифры представляются весьма скромными, по тем временам они обеспечили Советскому Союзу место второй промышленной державы мира; к тому времени в нем производились все виды тогдашнего вооружения, а некоторые из них (танки, реактивные минометы и др.) до конца второй мировой войны превосходили западные образцы. Понятно, ни одно из молодых государств Азии и Африки не может ни сейчас, ни в ближайшем будущем располагать таким уровнем технической зрелости.

Наконец, Советское государство, умело использовав небольшое, но хорошо подготовленное ядро технической интеллигенции и ученых, оставшееся от дореволюционной России, смогло в короткий срок создать целую армию инженеров и техников — на 1 января 1941 г. в Советском Союзе было 290 тыс. инженеров с высшим образованием и 320 тыс. техников со средним специальным образованием.

Советский Союз, занимая огромную территорию, располагал практически всеми важнейшими видами минерального и сельскохозяйственного сырья, чего пока нельзя сказать даже о такой стране, как Индия, не говоря уж о других странах Азии и Африки. Сами размеры советской страны и масштабы социалистической промышленности позволяли со-

оружать оптимальные по масштабам предприятия, соответствующие тогдашней мировой технике; например, в 1940 г. на десяти предприятиях было произведено 10,7 млн. т чугуна, или 72% его общей выплавки; в настоящее время только Индия с иностранной помощью может строить заводы таких размеров, а ведь с 1940 г. оптимальные мощности металлургического производства выросли в несколько раз. Малые и средние государства Азии и Африки могли освоить строительство крупных современных предприятий лишь по ряду отраслей, для которых у них существовали особенно благоприятные условия. Часть их продукции можно экспортировать в соседние страны и на мировые рынки, что позволяет преодолевать одностороннюю сырьевую специализацию развивающихся государств. Создавать же любой ценой в каждой стране безотносительно к ее сырьевым ресурсам, к емкости внутреннего рынка законченный промышленный комплекс значило бы пойти на экономически неоправданное строительство конгломерата мелких, технически не совершенных предприятий, что в конечном счете затруднило бы достижение экономической самостоятельности.

Вот почему пресловутая теория опоры на собственные силы, когда под ней понимается лишь экономическая обособленность на основе отсталой, малопроизводительной техники, означала бы на деле только увековечивание отсталости.

Проблемы экономического возрождения Тропической Африки. При известной однотипности экономики бывших африканских колоний доля одних стран во внешней торговле капиталистического мира относительно велика, других — крайне незначительна. Например, в 1959 г. на Федерацию Родезии и Ньясаленда приходилось 9%, Конго (вместе с Руанда-Урунди) — 8, Нигерию — 8% всего африканского экспорта, в то время как на Эфиопию и Мадагаскар — всего по 1%, а на Камерун — 2%. Отсюда значительные колебания валютной выручки на душу населения в разных странах. Неравномерно распределены по странам и иностранные инвестиции. В конце 50-х годов американские, английские, западногерманские инвесторы особенно щедро вкладывали свои капиталы в экономику ЮАР и Федерации Родезии и Ньясаленда. Вложения в другие страны (Кения, Сьерра-Леоне, Танганьика, Уганда) по сравнению с капиталами, инвестированными в ЮАР и обе Родезии, совершенно незначительны. Так, английские инвестиции в Федерации Родезии и Ньясаленда в 1958—1960 гг. почти в 4 раза превышали их вложения в Кении или Гане и в 9 раз — в Сьерра-Леоне. Очевидно, что существенная разница в положении разных колоний в системе мирового капи-

талистического хозяйства сильно влияет на темпы ликвидации отсталости после завоевания ими независимости.

Курс на коренные преобразования в отраслевой структуре экономики трактуется африканскими руководителями достаточно широко. Речь идет не о ликвидации основной традиционной экспортной отрасли, а о ее дополнении новыми отраслями. Правильнее говорить о постепенном и разумном преодолении новыми государствами монокультурного характера экономики путем создания многоотраслевого хозяйства.

Свое намерение диверсифицировать экономику провозглашают все освободившиеся страны. В Гане, ранее других государств Тропической Африки вступившей на путь независимого развития, были приняты меры, направленные на создание новых отраслей сельского хозяйства. Правительство поощряло расширение посадок каучуконосов, увеличение производства картофеля, кукурузы, риса, проса, арахиса, копры, цитрусовых. Принимались меры по подъему животноводства, в частности птицеводства. В Мали в соответствии с заданиями пятилетнего плана экономического и социального развития (1961—1965) начато производство пшеницы, сахарного тростника и чая. В Гвинее также возделываются новые культуры: сахарный тростник, ранние овощи, высокопродуктивные сорта хлопка. В Береге Слоновой Кости выращивается помимо кофе и какао все больше кукурузы, сахарного тростника, риса, табака. В Сенегале принимаются меры, направленные на увеличение производства риса, хлопка, овощей. Аналогичные шаги предпринимаются правительствами Судана, Сомали, Камеруна, Дагомеи и других стран.

В колониальный период значительно меньшее внимание, чем земледелию, уделялось развитию животноводства. Ныне во всех странах с животноводческим направлением сельского хозяйства поставлена задача подъема продуктивности животноводства. Создаются опытно-показательные животноводческие хозяйства, расширяется сеть зоотехнических пунктов. Планомерно ведется борьба против эпизоотий. За границей и на месте готовятся кадры зоотехников. На базе отечественного животноводства создаются предприятия легкой промышленности, продукция которой постепенно начинает удовлетворять спрос внутреннего рынка.

Одна из задач, которую ставят ныне перед собой многие африканские правительства, заключается в обеспечении равномерного развития всех районов страны, в том числе наиболее отсталых и обездоленных. Африканским странам нелегко преодолеть отмеченные диспропорции. Эта проблема разрешима лишь в рамках создания многоотраслевого сельского хозяйства и основ национальной промышленности.

Африканские руководители отдают себе отчет в том, что

индустриализация действительно требует большого напряжения сил, максимальной мобилизации финансовых средств и энергии. Но и у Африки нет иного выхода, кроме повышения общественной производительности труда на базе создания современной промышленности, что даст ей возможность покончить с отсталостью. В Африке есть небольшие по территории и населению страны, которым действительно не под силу создание крупных промышленных комплексов — скажем, металлургических и машиностроительных. Но то, что невозможно создать в одиночку, с течением времени достижимо на независимой региональной основе. Объединив свои ресурсы, рационально используя совокупную рабочую силу, соседние страны Африки могут с помощью более развитых и особенно социалистических государств заложить основы современной индустрии, т. е. развить свою металлургию, машиностроение, электроэнергетику, легкую и пищевую промышленность.

Другая группа стран относительно развитых, более богатых природными и людскими ресурсами, располагающих значительными финансовыми средствами, по-видимому, сможет, опираясь на опыт и частичную помощь индустриальных стран, самостоятельно осуществлять строительство крупных объектов. Гана и Нигерия, например, приступили к созданию собственной металлургической и машиностроительной промышленности. Однако опыт тех же двух стран показывает, что перенапряжение в области инвестиций может вызвать недовольство в массах, которое используется реакцией.

И в первой и во второй группах стран подъем промышленности может начинаться не с преимущественного развития производства средств производства, а с создания необходимой инфраструктуры, особенно энергетики, промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья и производству товаров широкого потребления.

Все сказанное свидетельствует о беспочвенности противопоставления индустриализации Африки развитию ее сельского хозяйства. Речь идет, в сущности, о двух взаимно дополняющих, а не взаимно исключающих сторонах одного процесса — процесса экономического развития освободившихся стран. Подход к индустриализации и в Тропической Африке определяется в конечном счете характером власти, соотношением классовых сил в той или иной стране. Есть страны, руководители которых ориентируются на капиталистическую индустриализацию, а она влечет за собой долгие десятилетия страдания народа, иностранной эксплуатации и формирования национальной буржуазии — этого эксплуататорского класса, отсутствующего ныне в ряде стран Африки. Другие страны, напротив, ориентируются на некапиталистическую индустриализацию, которая не приносит немедленного

облегчения и подъема жизни народных масс, требует от них напряженного и дисциплинированного труда, значительных жертв, но которая базируется на братской интернациональной помощи социалистических государств и, разумеется, не приводит и не может привести к созданию национальной буржуазии, а, наоборот, исключает ее формирование. Но так или иначе при всем принципиальном различии путей индустриализации мысль о ее насущной необходимости принимается в руководящих кругах почти всех стран Африки.

В конце 1962 г. в Дакаре проходил colloquium, посвященный развитию Африки и «африканскому социализму». Примечательны высказывания некоторых ответственных африканских деятелей об индустриализации на этом colloquium. Делегат Сьерра-Леоне поставил вопрос о подъеме экономики малоразвитых стран в следующих словах: «В конечном счете данная проблема может быть решена только на основе промышленной переработки сырья в самой стране, что позволит разнообразить ее экономическую жизнь». Ту же, в сущности, мысль высказал делегат Мавритании: «Нам удастся покончить с процессом, который обрекает нас на положение хронически слаборазвитых стран, только в том случае, если мы создадим в масштабе всего континента многоотраслевую промышленность, способную удовлетворить во всех секторах экономики совокупный спрос африканского потребителя».

Необходимость межафриканского экономического сотрудничества давно стала ясной для руководителей освободившихся стран. В резолюциях Второй (Тунис, 1960 г.) и Третьей конференций народов Африки (ОАР, 1961 г.) нашли отражение предложения о создании африканского «общего рынка», ликвидации таможенных барьеров между странами Африки, координации инвестиционной и валютной политики. Особенно благоприятные перспективы координации планов промышленного развития появились с созданием в 1963 г. Организации африканского единства. Ограниченность материальных и людских ресурсов, а также технического опыта крайне затрудняет подавляющему большинству африканских стран индустриализацию в одиночку. Но даже в том случае (абсолютно нереальном), если бы им удалось основать замкнутое хозяйство, его дальнейшее развитие все равно потребовало бы координации усилий с соседними странами. Иначе одни и те же страны стали бы выбрасывать на африканский рынок однотипные промышленные изделия, одинаковые виды сырья и т. д.

Координация экономической, таможенной, транспортной политики — процесс длительный и сложный. На этом пути молодым государствам приходится преодолевать значитель-

ные трудности; они имеют объективную основу — все ту же разницу в экономическом развитии отдельных стран. Партнеры менее сильные экономически получают от координации усилий наименьшие выгоды. Часто они принимают меры в защиту собственных интересов. Эти меры вызывают отвегную реакцию соседей, и дух сотрудничества невольно ставится под угрозу.

В большинстве стран Тропической Африки прибыли частнокапиталистических компаний до сих пор беспрепятственно переводятся за границу. Это не может не оказать отрицательного воздействия на развитие производительных сил вообще, на создание отечественной промышленности в особенности. Существуют различные методы пресечения губительной для африканских стран утечки капиталов. Наиболее радикальный из них — национализация частнокапиталистических предприятий. Известно, что национализация компании Суэцкого канала лишила иностранный капитал значительной валютной выручки, которая стала поступать в бюджет ОАР. Но в некоторых странах национализация не дала оптимального решения проблемы. Иностранные предприятия дают значительную долю товарной экспортной продукции. У национальных правительств нет ни необходимых им финансовых средств, ни достаточного количества специалистов. Национализация предприятий в некоторых случаях, будучи неподготовленной государством, проводимая преждевременно или поспешно, распространяемая на мелкую торговую-промышленную деятельность национального капитала, чревата серьезными экономическими последствиями для страны. К тому же и в странах Тропической Африки существуют рычаги эффективного воздействия на иностранный капитал, например, законодательное ограничение сферы деятельности иностранного капитала (пересмотр инвестиционных кодексов) и создание в противовес частнокапиталистическому государственного сектора экономики. Используя эти рычаги, государство сможет добиться такого положения, при котором частнопредпринимательская инициатива подчиняется интересам подъема народного хозяйства, а отрицательные последствия частного предпринимательства не принимают политически опасных размеров.

В большинстве стран Тропической Африки иностранный капитал все еще господствует. Там, где африканские правительства по различным причинам не могут (или не хотят) поставить его деятельность под контроль государства, возникает серьезное препятствие экономическому и социальному прогрессу. Подобно руководителям ОАР, Алжира, Гвинеи, Мали, ненормальность такого положения начинают осознавать лидеры других стран.

Своего капитала в Африке мало. Тем не менее его аккумуляция идет постоянно. Национальным правительствам доступны разнообразные источники накопления капитала, которые могут при умелом их использовании превратиться в каналы финансирования промышленности и сельского хозяйства. Эти источники не могут исчерпываться прибылью предприятий государственного сектора. На первых порах она незначительна, а многие предприятия государственного сектора вообще пока еще не стали рентабельными. Налогообложение, государственное страхование, концессионные поступления, выпуск государственных займов, наконец добровольные трудовые затраты населения — таковы другие возможные источники накопления капитала. В частности, строительство различных объектов методом народной стройки практикуется довольно широко. В Мали, например, за первые три года независимого развития (1960—1963) путем добровольных трудовых вкладов были выполнены работы на сумму 400 млн. фр. (не считая участия населения в строительстве школ, диспансеров, улучшении дорог).

Но мало выявить пути создания фонда накопления. Перед всеми африканскими государствами стоит проблема наиболее рационального использования того, что уже накоплено, в интересах страны. Дело в том, что до сих пор слишком большая часть национальных бюджетов расходуется на управленческие расходы, что, естественно, сужает возможности производительного использования накопленного. Сопоставим два высказывания президента Сенегала Сенгора, которые помогут понять остроту этой проблемы. В мае 1959 г. (за год до получения независимости) Сенгор сетовал на то, что если во Франции на жалование лицам, состоящим на государственной службе и составляющим 17% взрослого населения, расходуется 25% бюджета, то в Сенегале, где чиновники составляют всего 1%, на их оплату уходит 48% бюджета. Прошло четыре с лишним года, в том числе три года независимого существования. Положение в этой области изменилось, но в худшую сторону. Об этом свидетельствует заявление президента Сенгора в октябре 1963 г. о том, что если численность служащих и размеры их жалования не будут стабилизированы, то расходы на содержание государственного аппарата приведут к дефициту государственного бюджета.

Пример Сенегала далеко не единичен. В некоторых странах, например в Дагомее, на содержание чиновников затрачивается в процентном отношении еще больше средств, чем в Сенегале. Значительного перевеса производительных расходов над управленческими не удалось пока добиться ни одному правительству. Рациональное расходование крайне ограниченных средств, которыми располагают освободившие-

ся страны,— одна из гарантий их скорейшего экономического освобождения.

Экономное расходование средств, в особенности иностранной валюты,— необходимое условие роста хозяйства всех слаборазвитых стран, а не только африканских. И все же азиатские страны пришли к политической независимости, имея некоторые налаженные отрасли промышленности, удовлетворяющие спрос внутреннего рынка. Африка же пока должна закупать за границей и оборудование, необходимое ей для расширения производства, и товары для удовлетворения потребительского спроса. Непроизводительное расходование валюты в этих условиях особенно нетерпимо и чревато поистине пагубными последствиями для неокрепшей национальной экономики.

Западные концепции капиталистической интеграции отставших стран. Экономисты империалистического мира рекомендуют молодым государствам Азии свои рецепты экономического развития. Если для левацкой и консервативной концепций экономической автаркии присуще общее националистическое стремление к сокращению мировых хозяйственных связей (включая и экономическое сотрудничество с социалистическим содружеством), то западные теоретики исходят из противоположной, но столь же нереальной посылки — из насаждения иллюзий о возможности достижения отставшими странами более или менее равноправного статуса в системе мировой капиталистической экономики и «интеграции» с нею.

В целом западные концепции исходят, с одной стороны, из намерения сохранить неравноправное положение этих стран в системе мирового капиталистического хозяйства, а с другой — в той или иной мере вынуждены считаться с необходимостью укрепления (а в некоторых странах создания) капиталистического уклада на национальной основе. Это противоречие из области теории переходит в сферу политической и экономической практики, где страны Азии, Африки и Латинской Америки выступают и как объекты эксплуатации империализмом и как получатели его помощи. Поскольку это противоречие неразрешимо ни в теоретическом, ни тем более в практическом отношении, идеологи и политики Запада разрывают анализ взаимосвязанных факторов, определяющих социально-экономическое развитие афро-азиатских стран.

Прежде всего они стремятся рассматривать внутренние социально-экономические процессы афро-азиатских стран вне связи с их положением в мировом капиталистическом хозяйстве. В проблеме накопления подчеркиваются методы мобилизации капитала через систему налогов, частного накопле-

ния и поступления инвестиций извне, но умалчивается подрыв этого накопления посредством продолжающегося ограбления национальных ресурсов иностранными монополиями. При рассмотрении проблем занятости критика сосредоточивается на весьма ограниченных возможностях государственного сектора обеспечить работой огромные массы полностью или частично безработных; однако умалчивается о губительных для мелкого производства и торговли последствиях неограниченной частной инициативы крупного бизнеса и сопутствующей ей жестокой конкуренции.

Можно наметить постепенное перемещение центра интереса западных исследователей от внешнеэкономических проблем афро-азиатских стран к внутренним аспектам их развития. До середины 50-х годов главное внимание уделялось разработке таких вариантов экономических связей этих стран с миром империализма, которые на деле не нарушали бы их подчиненного и зависимого положения, сложившегося в колониальный период. Закрепить бывший колониальный мир в качестве источников сырья и некоторых продовольственных продуктов — вот задача теории «сравнительных издержек производства». Ее авторы пытаются оправдать сложившееся в колониальный период мировое разделение труда рассуждениями о наличии в тех или иных странах особо благоприятных условий для производства определенных видов товаров, а значит, для относительно высокой производительности и низких производственных издержек при соответствующей специализации.

Эта теория с каждым годом, по мере расширения технической революции и перевода сельского хозяйства западных стран на уровень машинного производства, выявляет свою колонизаторскую сущность и практическую непригодность. Во-первых, огромное большинство крестьян в Азии и Африке занято возделыванием «обычных» продовольственных и технических культур (зерновые, бобовые, хлопок), которые, с одной стороны, остро необходимы населению и хозяйству самих афро-азиатских стран, а с другой — наталкиваются на растущую конкуренцию собственного производства Западной Европы и Северной Америки. Во-вторых, спрос на тропические продукты (какао-бобы, кофе, специи, бананы и т. п.) ограничен на мировых рынках, а их производство на экспорт сосредоточено в латиноамериканских или относительно небольших афро-азиатских странах (исключая чай в Индии). В-третьих, конъюнктура на основные виды технического сырья (исключая нефть) остается крайне неустойчивой как из-за цикличности производства и спроса на Западе, так и из-за появления новых материалов и открытия новых источников сырья; поэтому собственные капиталовложения моло-

дых государств в производство сырья на экспорт, как правило, весьма рискованны (к тому же срок их окупаемости обычно длиннее, чем у инвестиций в обрабатывающие отрасли, столь нужные самой национальной экономике).

Теория «сравнительных издержек», различные варианты теории «кругов» и «стадий» исходят из неизбежности длительного «засиживания» афро-азиатских стран на стадиях сырьевой специализации, создания инфраструктуры, производства предметов потребления, и лишь как дальнюю перспективу предусматривают переход к строительству индустрии. На первый взгляд аргументация сторонников этих теорий исходит из неотложных нужд освободившихся стран: они обычно ссылаются на то, что почти все эти страны прежде всего столкнулись с тремя проблемами — острым недостатком продовольствия, крайне незначительными масштабами накопления капитала (особенно в форме, обратной в современные средства производства) и неотложной необходимостью обеспечить более или менее постоянной работой огромные массы «избыточного» населения.

Логика сторонников теории «стадий» и «кругов» проста — сначала надо дать людям работу и обеспечить им хотя бы самый скромный жизненный минимум, а затем, по мере создания отраслей легкой промышленности с их быстрой окупаемостью и высоким уровнем накопления капитала, постепенно переходить к строительству капиталоемких объектов тяжелой индустрии. Отсюда дается рекомендация сосредоточить все усилия на сельском хозяйстве, а также на тех отраслях, производящих сырье и предметы потребления, которые приносят наибольшие накопления. При этом подчеркивается, что капиталовложения на одного занятого в сельском хозяйстве, ремесле и даже на современных предприятиях легкой промышленности в несколько раз меньше, чем в тяжелой промышленности. И наконец, сторонники «кругов» обращаются к историческому аргументу — к этапам индустриализации самих западных стран, где промышленный переворот первоначально охватил легкую промышленность.

Всем этим концепциям в той или иной мере присуща неспособность или нежелание охватить всю сложность задачи ликвидации экономической отсталости как совокупности проблем, которые приходится разрешать более или менее одновременно в сравнительно краткий исторический период (в 15—25 лет), по максимально широкому фронту, включающему сферу производства, производственных отношений, социальных, культурных и иных преобразований, установление наиболее благоприятных экономических и других отношений с внешним миром.

Жизнь опровергла как националистический курс на ав-

таркию, так и империалистические концепции сохранения колониальной структуры народного хозяйства освободившихся стран и их неравноправного положения в системе мирового капиталистического хозяйства. Отвлечемся на некоторое время от социальных и политических аспектов экономического развития и ограничимся пока рассмотрением его технических и финансовых сторон, на что обычно делают упор противники индустриализации.

Отраслевые, технические и финансовые аспекты экономической реконструкции

Подлинно самостоятельное и вместе с тем быстрое экономическое развитие невозможно без разработки оптимальной для данной страны отраслевой структуры народного хозяйства. Речь идет не просто о тех или иных коррективах в структуре, сложившейся в колониальном прошлом (хотя на первых порах приходится сталкиваться именно с этой стороной дела), а о длительных и серьезно продуманных усилиях, в которых учитывалось бы сложное и нередко противоречивое взаимодействие таких проблем, как повышение производительности труда и увеличение занятости, рост производительного накопления и народного потребления, расширение и совершенствование внутреннего рынка и внешнеэкономических связей. Иными словами, речь идет о создании оптимальных систем национального расширенного воспроизводства, которые были бы равноправной и эффективной частью мирового разделения труда.

Нужна ли промышленность отставшим странам? Как ни странно, положительный ответ на этот вопрос требует некоторых доказательств. Дело в том, что далеко не во всех странах Азии и Африки накануне их порабощения было завершено второе общественное разделение труда (отделение ремесла от сельского хозяйства). Ремесло еще оставалось органической частью сельскохозяйственного производства и существовало в виде домашних или общинных промыслов, удовлетворявших все или многие потребности крестьян, как потребительские, так и производственные. По мере втягивания хозяйства крестьян в товарно-денежные отношения часть их продукта стала обмениваться на фабричные изделия иностранного, а потом и местного капиталистического производства. Это были изделия преимущественно потребительского назначения (ткани, утварь, керосин), а порой и товары вроде наркотиков и спиртных напитков. Что же касается орудий труда заводского изготовления, то крестьянское хозяйство, истощенное гнетом феодалов, ростовщиков и самих колонизаторов, их практически не приобретало.

Таким образом, колониальное разделение труда между промышленностью метрополии (отчасти местной фабрикой, где она была) и крестьянским хозяйством колонии не только не содействовало расширенному воспроизводству в нем на новой технической основе, но и подрывало этот процесс (не говоря уж о внеэкономических приемах изъятия прибавочного продукта). Естественно, что после завоевания независимости особенно острой оказалась не проблема снабжения крестьян предметами потребления (спрос на них невелик и к тому же частично удовлетворялся на месте), а проблема изыскания средств, орудий и материалов для технической реконструкции сельского хозяйства. Может показаться, что эту задачу разумнее решать путем поставок инвентаря, удобрений и материалов из развитых стран, где их производство уже налажено, а взамен продавать продукцию сельского хозяйства. Такой товарообмен в принципе не исключен, но на деле осуществляется в ничтожных размерах, так как экспортная выручка от тех же сельскохозяйственных продуктов обычно целиком расходуется на иные цели. Заметно же расширить экспорт, как мы видели, большинство афро-азиатских стран не может, и особенно в сбыте сельскохозяйственной продукции.

Между тем рассмотрение перспектив подъема сельского хозяйства в странах Азии и Африки убедительно свидетельствует, что здесь невозможно добиться серьезных сдвигов без собственной промышленной базы. Наиболее благоприятные в природном отношении районы Азии давно освоены и густо заселены. При нынешнем уровне агротехники крестьянство трех самых крупных стран Азии — Индии, Пакистана, Индонезии (на Яве), а также ОАР испытывает земельный голод. У него нет возможностей серьезно расширить производство экстенсивным путем — например, посредством простой распашки новых плодородных площадей. Для подъема производства как на уже обрабатываемых землях, так и на еще неосвоенных площадях (где они есть) необходимы интенсивное внесение удобрений, орошение или мелиорация, раскорчевка джунглей. Для осуществления этих мер нужны электростанции и химические заводы, дороги, средства транспорта, строительные материалы и насосы, тракторы, бульдозеры и прочая техника. Попытки интенсифицировать и модернизировать сельское хозяйство посредством импорта оборудования и удобрений оказались недостаточно эффективными. Например, тракторы самых разных марок, ввезенные в Турцию и Иран для частных владельцев, стоят часто в бездействии из-за недостатка запасных частей; что касается ввоза удобрений, то, хотя он и обходится дешевле импорта зерна, несравненно выгоднее их производить на месте.

Убедительный расчет, подтверждающий необходимость индустриализации для интенсификации сельского хозяйства и решения продовольственной проблемы, приводит (январь 1958 г.) известный индийский статистик П. С. Махаланобис. Исходя из предположения, что население Индии ежегодно возрастает на 5 млн. человек (ныне на 11—12 млн.), он определяет ежегодный прирост потребностей страны в зерне в 700 тыс. т.

Это означает, что Индия должна ежегодно увеличивать свой импорт зерна на 300 млн. рупий (60 млн. долл.), а всего за пятилетие ввезти зерна на 4500 млн. рупий только на покрытие потребностей, вызванных ростом населения. Если вместо зерна ввозить удобрения (сульфат аммония), то для получения соответствующей прибавки урожая понадобится ежегодное увеличение импорта на 90 млн. рупий, а за пятилетие — на 1350 млн. рупий.

Для того чтобы каждый год увеличивать на это же количество производство удобрений внутри страны, необходимо ежегодно расходовать по 120 млн. рупий на импорт оборудования. Но в отличие от предыдущих вариантов расходы не будут нарастать из года в год и составят за пятилетие всего 600 млн. рупий. Наконец, чтобы избавиться от импорта оборудования, достаточно построить заводы по его производству стоимостью 120—150 млн. рупий (из них 80—100 млн. в иностранной валюте). В этом случае страна расходовала бы на строительство заводов химических удобрений около 1 млрд. рупий за пятилетие, причем исключительно в местной валюте.

Понятно, что перевести эти расчеты с бумаги в реальность — дело сложное и трудное. П. С. Махаланобис отмечает, что если сооружение предприятий легкой промышленности занимает 2—3 года, строительство крупных заводов, производящих черные металлы и удобрения, и электростанций требует 7—10 лет, то предприятия тяжелого машиностроения сооружаются уже по 10—15 лет. Можно, конечно, считать эти сроки несколько преувеличенными (в них, по-видимому, включен и период полного освоения производственных мощностей), но длительность строительства в тяжелой промышленности может служить основанием лишь для ускорения начала индустриализации.

Дефицит продовольствия — новое проявление отсталости и зависимости. Слабость или отсутствие индустриальной базы задерживает сколько-нибудь заметные изменения в экономической структуре развивающихся стран. Сельское хозяйство сохраняет положение основного сектора национальной экономики. В нем занято 60—80% самодеятельного населения большинства стран Азии и Африки. В сельском хозяйстве

производится примерно половина всего валового национального продукта развивающихся стран Азии и Африки.

Решение всего комплекса экономических и социальных проблем, возникающих в ходе борьбы за достижение этими странами экономической независимости, оказывается поэтому практически невозможным без технической реконструкции этой важнейшей отрасли народного хозяйства. В подавляющем большинстве афро-азиатских стран темпы роста сельскохозяйственного производства остаются крайне низкими. Например, по расчетам, проведенным на основе данных ООН, среднегодовое увеличение сельскохозяйственного производства и прирост населения в 1957—1966 гг. составляли в Индии 2,7 и 2,2%, в Пакистане — 2,2 и 2,4%, в Индонезии — 1,0 и 2,2%, в Бирме — 2,5 и 2,2%, на Цейлоне — 3,1 и 2,6%, в Иране — 3,3 и 2,5% и в ОАР — 3,7 и 2,5% соответственно. Как видим, в Индонезии и Пакистане сельскохозяйственное производство на душу населения сократилось, а в других странах выросло крайне незначительно.

За последние двадцать лет сельскохозяйственное производство в расчете на душу населения в странах Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии так и не достигло уровня 1934—1938 гг., в Африке находилось примерно на этом же уровне и лишь в странах Ближнего и Среднего Востока увеличилось на 11%.

Столь низкие темпы развития сельскохозяйственного производства в развивающихся странах Азии и Африки имеют по крайней мере два важных следствия социально-экономического порядка.

Во-первых, отставание сельского хозяйства значительно снижает общие размеры и темпы увеличения национального дохода. С 1952—1954 гг. по 1961—1963 гг. доход в сферах сельскохозяйственного и несельскохозяйственного производства ежегодно возрастал в Бирме — на 2,5 и 6,4%, на Цейлоне — на 2,7 и 4,9%, в Пакистане — на 2 и 4,8%, на Филиппинах — на 2 и 7,2%. Низким темпам соответствовала и низкая производительность: в 1961 г. один занятый в сельском хозяйстве Индии производил национального продукта на 105 долл., а в промышленности — на 314 долл., в индустриально-аграрной Австралии — на 3974 и 3660 долл. Низкие темпы роста сельскохозяйственного производства в афро-азиатских странах (как в целом, так и в особенности в расчете на душу населения) играют роль своего рода непрерывно действующих тормозных колодок, которые не дают развивающейся экономике набрать достаточной скорости, чтобы начать догонять все более удаляющиеся от нее индустриальные страны Запада.

Во-вторых, происходит дальнейшее обострение продоволь-

ственного положения в значительной группе развивающихся стран. Проблема покрытия продовольственного дефицита становится одной из наиболее острых. По данным ФАО, в 1960 г. 59,4% всего охваченного подсчетом населения (было охвачено 80% населения мира) получало меньше необходимой нормы калорий суточного рациона, а 60,7% — меньше половины среднесуточной нормы животного белка. Иными словами, более 1,5 млрд. людей недоедало и страдало от хронического голода. Нерешенность и тем более дальнейшее обострение продовольственной проблемы привели — уже после завоевания суверенитета — к возникновению у ряда афро-азиатских стран зависимости от импорта продовольствия из других стран, прежде всего из США. В этих странах обмен совокупной заработной платы трудящегося населения, особенно городского, на ее натуральный эквивалент в виде продовольствия начинает все больше осуществляться через сферу мирового капиталистического рынка. В 1961—1965 гг. импорт покрывает в Индии более 18% реализованных потребностей в товарном зерне, в Пакистане (1958—1962 гг.) — 26% потребностей. На Цейлоне и в ОАР доля импорта в товарном зерне была еще выше.

По существующим расчетам, произведенным лишь для 13 развивающихся стран Азии, минимальный дефицит зерновых (при нынешних голодных нормах потребления!) — основного предмета питания населения Южной и Юго-Восточной Азии — возрастет с 4 млн. т в 1960 г. до 17 млн. т в 1970 г. Однако эти прогнозы, сделанные в 1963—1964 гг., оказались на деле основанными на чрезмерно оптимистичных оценках. Так, в одной только Индии в 1965/66 г. дефицит зерновых оценивался в 10—12 млн. т.

Каковы же перспективы решения продовольственной проблемы за счет внутренних ресурсов самих афро-азиатских стран? По мнению ФАО, в 1975 г. развивающиеся страны должны будут импортировать продовольствие на 8 млрд. долл. по сравнению с 3 млрд. долл. в среднем за 1961—1963 гг.

Отсталость сельского хозяйства и индустриализация. Нерешенность задачи самообеспечения продовольствием для таких крупнейших сельскохозяйственных стран, как Индия, резко сокращает возможности модернизации всей экономической структуры, снижает темпы индустриализации. Дело в том, что часть столь дефицитной валютной выручки эти страны вынуждены расходовать на ввоз продовольствия. Не менее серьезны и социально-политические последствия сведения продовольственного баланса за счет импорта зерна и других продуктов питания. Коммерческие и некоммерческие (как, например, по американскому закону 480) поставки зерна США и западными странами Индии и некоторым другим

развивающимся странам используются империалистическими монополиями для оказания прямого политического давления на правительства стран — получателей продовольственной помощи. Эта зависимость ряда развивающихся стран от Запада широко используется местными реакционными и консервативными силами во внутренней и внешнеполитической борьбе.

Низкие темпы роста сельскохозяйственного производства крайне затрудняют решение основной исторической задачи, стоящей перед афро-азиатскими странами, — достижение экономической независимости. Понятно, что преодолеть это отставание, значительно и в относительно короткие сроки поднять темпы роста сельскохозяйственного производства возможно лишь при соответствующем повышении продуктивности земледелия и животноводства, производительности труда.

Продуктивность сельского хозяйства в афро-азиатских странах крайне низка по сравнению с развитыми капиталистическими странами. Так, например, в 1960 г. средняя стоимость сельскохозяйственной продукции с гектара обрабатываемой площади составляла 91 долл. в Индии, 106 долл. — в Таиланде, 133 долл. — в Пакистане, 139 долл. — на Филиппинах, 961 долл. — в Японии.

Если при этом учесть, что в сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве занята основная часть всего работающего населения, то очевидна крайне низкая производительность труда в этих отраслях народного хозяйства развивающихся стран. В передовых капиталистических странах, где сельское хозяйство по существу превратилось в отрасль индустрии, его удельный вес в общей занятости и валовом национальном продукте примерно совпадает. В развивающихся же странах доля сельского хозяйства в общей занятости составляет 70—80 %, а в валовом национальном продукте — 40—50 %. Выработка на одного занятого в сельском хозяйстве развивающихся стран намного ниже соответствующих показателей в высоко развитых странах.

Повышение производительности труда в сельском хозяйстве развивающихся стран предполагает комплексное решение ряда экономических и социальных проблем, среди которых ключевое место занимают проблемы занятости и реконструкции агротехнической базы. Для Тропической Африки, где у многих стран есть достаточные резервы плодородных увлажненных земель, главным препятствием остается крайняя примитивность сельскохозяйственной техники и агрикультуры, которая неизбежно влечет за собой чрезвычайно низкую производительность труда. Основным почвообрабатывающим орудием в Тропической Африке остается мотыга. Преобладают различные формы подсечно-огневого земледелия

самого примитивного типа. Рабочий скот имеется далеко не во всех районах. Все это ограничивает возможности перехода от мотыги к плугу, в особенности в зоне влажного тропического леса (Экваториальная Африка). Земледелие носит ярко выраженный экстенсивный характер. На производство единицы сельскохозяйственной продукции затрачивается колоссальное количество труда, который, однако, продолжается всего лишь 90—100 дней в году, так как климатические особенности в сочетании с примитивностью агротехники приводят к сезонности сельскохозяйственных работ.

В Азии и Северной Африке значительная часть земель, обработанных или пригодных к обработке, расположена в аридной и субаридной зонах, поэтому основой повышения урожайности здесь является искусственное орошение. В то же время, за исключением ОАР, во всех странах Ближнего и Среднего Востока, Индийского субконтинента, где ирригация с незапамятных времен составляет «нерв земледелия», орошается далеко не вся земельная площадь, имеющая ирригационный потенциал.

Проведение гидротехнических и мелиоративных работ, расширение обрабатываемых площадей в сколько-нибудь значительных масштабах не под силу индивидуальным крестьянским хозяйствам. Опыт ОАР, Индии и других стран свидетельствует о необходимости привлечения крупных государственных капиталовложений, создания государственных организаций по строительству и эксплуатации гидротехнических и ирригационных сооружений и т. д. Эти работы требуют цемента, металла, различных видов механизмов и оборудования. Таким образом, расширение базы земледелия на интенсивной основе практически оказывается возможным лишь в условиях укрепления и дальнейшего развития государственного сектора.

Однако экстенсификация земледелия может косвенно способствовать повышению производительности труда (и то на относительно короткий период) лишь в той степени, в какой она способствует рассасыванию аграрного перенаселения путем освоения новых сельскохозяйственных площадей. Решающую роль помимо искусственного орошения в засушливых районах и мелиорации в районах избыточного увлажнения играет комплекс агротехнических мер по химизации и механизации, семеноводство и введение оптимальных севооборотов.

Развивающиеся страны, несмотря на значительное увеличение потребления искусственных удобрений за последние 10—15 лет, все еще находятся далеко позади развитых стран и в ближайшем будущем не смогут подойти к нормам, соответствующим местным почвенно-климатическим условиям.

Об этом свидетельствуют следующие данные о потреблении искусственных удобрений в некоторых странах в 1962/63 г. (*кг/га*): Нигерия (0,3), Судан (2,9), Тунис (2,7), ОАР (109,8), Иран (0,8), Турция (2,7), Пакистан (5,7), Индия (3,4), Филиппины (9,4), Таиланд (2,1), Япония (270,1), Голландия (518,5), США (37,6). В 1964—1965 гг. индустриально развитые капиталистические страны потребили 35,2 млн. т искусственных удобрений, а развивающиеся страны Азии и Африки — 3,2 млн. т (в пересчете на содержание питательных веществ).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что за исключением ОАР, где интенсификация земледелия в условиях перенаселенности долины Нила является жизненной необходимостью, афро-азиатские страны далеко отстали в области химизации.

Таково же положение и с другими элементами агротехнического комплекса. Например, в начале 60-х годов сортовыми семенами было засеяно 100% площади под рисом в Японии, но только 35% в ОАР, 5% — в Пакистане и 3% — в Иране; под пшеницей 30% в ОАР, 15% — в Иордании, 10% — в Иране и 7% — в Пакистане.

Наибольшее отставание, пожалуй, сохраняется в области механизации сельского хозяйства. Во всех развивающихся странах Азии и Африки в 1964 г. было 430 тыс. тракторов против 4160 тыс. в Западной Европе, причем на всю Южную и Юго-Восточную Азию приходилось 90 тыс. тракторов. В начале 60-х годов на 1000 га пашни в Индии приходилось 0,21 трактора, в Пакистане — 0,15, в Иране — 0,36, в Турции — 1,68, по сравнению с 6,11 в Греции и 3,07 в Испании, т. е. в наименее развитых европейских странах. Потребители в развивающихся странах вынуждены покупать удобрения, машины и т. д. по ценам, навязанным им монополиями. Например, средняя стоимость килограмма удобрений в 1962/63 г. равнялась в США 18,7 цента, в Японии — 21 центу, но 22,8 цента — в Таиланде, 24,4 цента — на Филиппинах, 34,5 цента — в Индии и 35,3 цента — в ОАР. Естественно, при более низких ценах на зерно и более высоких ценах на удобрения и инвентарь земледельцам в развивающихся странах требуется для окупаемости затрат на их применение достигнуть более высокой урожайности, чем у фермеров развитых стран. Между тем за редчайшим исключением дело обстоит как раз наоборот.

В этих условиях снабжение сельского хозяйства отставших стран импортными средствами оборудования из западных стран образует, как уже отмечалось, еще один канал неэквивалентного обмена и дополнительную сферу технической зависимости. Продовольственная и прочие проблемы

сельскохозяйственного производства могут быть более успешно решены путем создания для него национальной индустриальной базы. Как видим, процесс индустриализации афроазиатских стран далеко выходит за пределы собственно промышленного строительства. В современных условиях индустриализация постепенно охватывает перестройку главных отраслей народного хозяйства, создание материально-технической базы страны. В этот процесс входит преобразование социальной структуры, изменение места и роли страны в мировом хозяйстве. Основой процесса индустриализации является внедрение промышленных методов производства и современных достижений науки и техники.

Направление индустриализации по отраслям и секторам. Самое общее признание курса на индустриализацию (как мы уже видели хотя бы при рассмотрении проблем автаркии) лишь подводит к целому комплексу глубоко противоречивых в условиях капитализма социальных и экономических вопросов. Первый из них — очередность и соотношение отраслей легкой и тяжелой промышленности, мелкого и крупного производства, частного и государственного секторов. Лишь на первый взгляд представляется, что на этот вопрос можно ограничиться однозначным ответом, отдав безоговорочное предпочтение, скажем, крупной тяжелой промышленности государственного сектора.

Так, в ряде стран Азии и Африки рынок самых необходимых потребительских товаров оказался прочно занят иностранным импортом. Ограничивать здесь начальный этап индустриализации тяжелой промышленностью, с тем чтобы затем на ее основе наладить выпуск оборудования для сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, — значит еще на много лет отсрочить преодоление зависимости от иностранных монополий в самом насущном и задержать подъем благосостояния народа. Например, если бы ОАР, мировой производитель хлопка, по-прежнему продолжала импортировать ткани, то это подорвало бы финансовую базу для строительства не только легкой, но и тяжелой промышленности, энергетики и ирригации. Поэтому было вполне обоснованным строительство в Египте на первых этапах его индустриализации хлопчатобумажных фабрик, продукция которых избавила страну от импорта тканей и обеспечила дополнительные накопления для последующего сооружения объектов тяжелой промышленности. Из этих же соображений исходили еще более отстававшие страны Азии и Африки, отдавшие предпочтение предприятиям легкой и пищевкусовой промышленности, ирригации и другим объектам в сельском хозяйстве. Не исключено, что в ряде стран предпочтение будет отдано экспортным отраслям производства, для

развития которых имеются особо благоприятные условия. В этом случае экспортная выручка пойдет как на общий подъем народного хозяйства, включая тяжелую промышленность, так и на повышение благосостояния населения.

Еще сложнее обстоит дело в странах, где значительная часть предметов потребления вырабатывается в мелком производстве (крестьянские промыслы, городские ремесла, мелкокапиталистические и кооперативные заведения). Здесь строительство предприятий фабрично-заводского типа означало бы разорение мелкого производителя, усиление пауперизации и падение занятости. Масштабы бедствия можно представить, если учесть, что в афро-азиатских странах мелкая промышленность охватывает в среднем 6—9%, а крупная — только 4% самостоятельного населения. Поэтому многие экономисты таких стран считают необходимым приостановить на длительный период сооружение новых предприятий в фабрично-заводском секторе легкой промышленности, а имеющиеся ресурсы сосредоточить в строительстве тяжелой промышленности.

Однако если абсолютизировать подобный курс, то тяжелая промышленность будет существовать как бы сама по себе, не способствуя модернизации сельского хозяйства и производства предметов потребления, а значит, и повышению жизненного уровня населения. Создание условий для расширенного воспроизводства на современной технической базе в общенациональном масштабе будет отложено. К тому же без регулярных коммерческих отношений тяжелой промышленности с легкой в виде поставок для нее оборудования и материалов финансирование индустриализации будет производиться по преимуществу из налоговых средств, а не через каналы накопления посредством товарообмена. Поэтому, видимо, будет затруднительно длительное время развивать тяжелую промышленность без сопутствующей и опирающейся на нее модернизации сельского хозяйства и легкой промышленности. Однако тут неизбежно встает проблема: какие слои и классы пожнут плоды этой модернизации?

Отвлекаясь пока от классовых аспектов технической реконструкции мелкого производства, отметим ряд сложностей, возникающих при рассмотрении чисто экономических сторон этой проблемы. Развитие и модернизация мелкого производства выдвигают задачу оптимального сочетания таких порой взаимоисключающих показателей, как увеличение занятости, размеров валового продукта, вновь созданной стоимости и прибавочного продукта на единицу вложенного капитала. Одностороннее предпочтение одному из этих показателей неизбежно влечет за собой те или иные диспропорции экономического или социального порядка.

В условиях отсталости и нехватки капитала, особенно в виде современного оборудования, относительно меньшие капиталовложения на одного занятого в мелком производстве становятся его важным преимуществом перед фабрично-заводским производством. В разных странах и по различным отраслям вложения на одного занятого фабрично-заводского работника больше, чем на производителя в мелком производстве, иногда на несколько десятков процентов, а иногда в десятки раз. Соответственно единица вложений в мелкую промышленность притягивает к себе больше рабочей силы — единственного элемента производительных сил, которым отставшие страны обладают в изобилии. К тому же основной капитал мелкой промышленности овеществлялся по преимуществу в орудиях труда, производящихся на месте.

Другое преимущество мелкого производства перед крупным заключается в том, что во многих афро-азиатских странах на единицу капиталовложений (особенно в виде основных фондов) производится по ряду отраслей этого производства больше валового продукта (в 1,5—4 раза), а также вновь созданной стоимости, чем в крупной промышленности. Например, согласно материалам ООН по Индии, в начале 60-х годов 1 млн. рупий, вложенных в мелкое производство, включая сельскохозяйственное, обеспечивал рост занятости на 1381 человека и валовой прибыли — на 690 тыс. рупий, а та же сумма, вложенная в фабрично-заводскую промышленность и энергетику, давала рост на 262 человека и 350 тыс. рупий соответственно. Следует подчеркнуть, что это преимущество не носит всеобщего характера, а представляет собой временное и специфическое явление, сложившееся именно в условиях отсталости. Оно обуславливается, в частности, тем, что в этих странах фабрично-заводское оборудование обычно изношено физически и морально и в то же время более дорого, чем на Западе. В результате получается своего рода перекапитализация (перерасход фондов) на единицу мощности, а значит, и продукции. И наоборот, необычайно низкий уровень капитальных затрат и оплаты рабочей силы снижает соответствующие расходы на единицу продукции мелкого производства. Кроме того, в некоторых странах в разряд мелкой промышленности зачисляются даже средние механизированные предприятия, что, естественно, изменяет ее показатели.

Период строительства и освоения мощностей у мелкой промышленности очень невелик и измеряется несколькими месяцами, а то и неделями, тогда как строительство крупного предприятия занимает несколько лет, а в отставших странах — еще большее время, так как проектирование, заказ и доставка оборудования, подготовка персонала требуют здесь

дополнительных усилий. Но в основном на этом преимущества мелкого производства и кончаются. Трудно поэтому согласиться с решением проблемы подъема производительных сил и одновременного расширения занятости, предложенным в книге С. Гуха, бывшего редактора официального органа партии Индийский национальный конгресс. Он полагает, что для повышения занятости необходимо провести мероприятия в такой последовательности: во-первых, обеспечить более полную занятость в малопроизводительных сферах производства; во-вторых, расширить занятость в этих сферах без ущерба для высокопроизводительных отраслей; в-третьих, ограничить расширение высокопроизводительных отраслей и поощрить низкопроизводительные; в-четвертых, постепенно расширить высокопроизводительные отрасли, поглощающие незанятых, поднимая производительность до их уровня в малопроизводительных отраслях. Перед нами опять-таки своего рода концепция «кругов», хотя и продиктованная, по-видимому, искренней заботой о миллионах обездоленных людей.

Отсрочка со строительством крупной промышленности и длительное одностороннее развитие мелкой промышленности создадут новые внутренние диспропорции, которые приведут к углублению зависимости от внешних рынков. Дело в том, что многие отрасли мелкого производства используют полуфабрикаты и материалы, которые изготавливать в его сфере или вообще невозможно или крайне дорого (например, металлы, некоторые химикаты, нефть, пряжа и т. д.). Без налаживания их фабрично-заводского производства на месте придется обращаться к внешнему рынку. Далее, в мелком производстве по технологическим причинам нельзя обеспечить полный цикл ряда производств — тяжелого обрабатывающего и транспортного оборудования, многих продуктов химии, ряда стройматериалов, электроэнергии. Уже это делает невозможным достижение экономической самостоятельности через исключительное расширение мелкого производства.

Решающее преимущество крупного современного производства выражается в несравненно более высокой производительности труда и большей массе прибавочного продукта на одного работника (из ранее приведенного расчета о последствиях вложения одного миллиона рупий в мелкое и крупное производство Индии видно, что один занятый в первом произведет всего 500 рупий валовой прибыли, а во втором — уже 1335 рупий). Если ограничиться расширением одной мелкой промышленности, это приведет к росту занятости при низкой производительности труда, а значит, к увеличению фонда потребления при относительном, а может быть, и абсолютном:

сокращении фонда накопления для технической реконструкции в последующем. Необходимость строительства крупной современной промышленности очевидна, хотя его размах и отраслевая структура определяются имеющимися потребностями и возможностями.

Исходя из этих и других соображений, можно считать, что мелкая промышленность имеет право на первоочередные капиталовложения в тех отраслях, где у нее более высокие по сравнению с фабрично-заводскими показатели как валовой продукции и вновь созданной стоимости на единицу капитала, так и нормы прибыли, а крупному производству принадлежат подобные права в отраслях, где у него есть такие же показатели. Что касается отраслей, в которых мелкое производство имеет более высокие показатели валовой продукции и вновь созданной продукции на единицу капитала, но более низкую норму прибыли, то здесь выбор направления капиталовложений решается расчетом, в котором участвуют весьма многообразные показатели (помимо упомянутых динамика накопления и освоения капиталовложений по годам, влияние на платежный баланс и др.).

Реалистический подход к направлению, размаху и темпам индустриализации не имеет, понятно, ничего общего с империалистическими концепциями «сравнительных издержек», «кругов» и «стадий». Если патриотические силы Африки и Азии стремятся, отталкиваясь от существующих возможностей, быстрее избавиться от отсталости и зависимости, то иностранные монополии, исходя из ограниченности этих возможностей, практически держат курс на сохранение отсталости афро-азиатских стран — во всяком случае относительно уровня, достигнутого самими империалистическими державами. Если патриотические силы стремятся развернуть подъем производительных сил, то империализм, наоборот, старается сузить, ограничить его отдельными отраслями и привилегированными секторами (прежде всего предприятиями, принадлежащими иностранному капиталу и связанным с ним крупным местным дельцам) и лишь под давлением политических моментов или острых экономических трудностей вроде продовольственного дефицита эпизодически оказывает поддержку верхам крестьян и мелким промышленникам.

Внутреннее накопление капитала — методы и цели. Присутствие крупного импортного компонента в промышленных капиталовложениях отставших стран отнюдь не снимает важности внутренних накоплений для экономической реконструкции. Исключением, пожалуй, являются только некоторые небольшие страны с развитой добывающей промышленностью, где значительную долю инвалютных накоплений составляют отчисления от прибылей иностранных фирм,

занятых добычей нефти и иного сырья. В основной же группе отставших стран мобилизация экспортных ресурсов осуществляется через внутренние каналы накопления (предпринимательская прибыль, рента, ростовщический процент, налоги). Через эти же каналы поступают средства для местного компонента вложений в крупное производство и транспорт. Наконец, внутреннее накопление обеспечивает поступления для развития тех отраслей сельского хозяйства и мелкой промышленности, в которых воспроизводство осуществляется в основном на базе создаваемых на месте орудий труда.

Отсталость афро-азиатских стран сказывается в масштабах производительных накоплений, их доли в национальном доходе и методах их мобилизации. Крайне недостаточные размеры национального дохода, особенно в пересчете на душу населения, сдерживают расширение доли производительного накопления у отставших стран. Если у высокоразвитых стран эта доля колеблется в пределах 15—25% (достигая 34% у Японии), то у отставших стран она составляет 12—15% национального дохода (в исключительных случаях превышая 20%). Поскольку и сами его размеры у высокоразвитых государств несравненно больше, то в абсолютных цифрах фонды накопления отставших стран во много раз меньше. В начале 60-х годов они составляли у этих стран около 11—12 млрд. долл. в год, а в высокоразвитых капиталистических странах — около 120 млрд. Еще более разительно это превосходство в пересчете на душу населения. Например, в 1964 г. Бирма смогла сделать производительных накоплений на душу лишь в размере 10,4 долл., Индия (1960 г.) — 12,8. Цейлон — 18,7, Таиланд — 26,6, тогда как Япония вложила 240,3 долл., а западные страны — по 400 долл. и более (данные ЭК АДВ). Таким образом, империалистические державы могут вкладывать на душу самостоятельного населения в десятки раз более средств, чем отставшие страны. К тому же у высокоразвитых стран накопление овещается в относительно более дешевом и производительном оборудовании. Тем самым империалистические державы сохраняют и даже расширяют возможности наращивать свое превосходство в сфере производственных мощностей. Об огромной нехватке накоплений, необходимых для индустриализации в исторически кратчайшие сроки, свидетельствует, в частности, пример Индии. Даже если исходить из оценок индийских экономистов, которые не всегда ориентируются на мировой технический уровень, то на единицу занятости в промышленности во второй половине 50-х годов было необходимо вложить от 8750 (в легкой) до 20 тыс. рупий (в тяжелой). Учитывая, что в ручном промышленном производстве страны трудится свыше 20 млн. человек, можно подсчитать, что их использование

в крупном производстве потребует вложения около 300 млрд. рупий (напомним, в 1961/62—1965/66 гг. в промышленность и энергетику вложено всего лишь около 40 млрд. рупий). Для того чтобы 140 млн. крестьян и сельскохозяйственных рабочих могли пользоваться самой простой современной техникой, надо вложить около 500 млрд. рупий (в те же годы в сельское хозяйство и ирригацию направлено 21 млрд. рупий).

Если учесть естественный прирост рабочей силы, а также происходящую в ходе индустриализации перестройку отраслевой структуры рабочей силы (перелив из сельского хозяйства в промышленность), то станет очевидно, что потребуются много десятилетий для технического перевооружения на современном уровне. Как известно, техническая революция непрерывно требует новых капиталовложений на покрытие моральной амортизации основного капитала. В этих обстоятельствах при нынешнем уровне внутренних и внешних ресурсов Индии понадобится полтора-два столетия для полной реконструкции ее мелкого производства. Между тем перспективы изыскания средств огромным большинством стран Азии и Африки через их обычные связи с мировым капиталистическим хозяйством выглядят весьма мрачно.

Чтобы вовлечь в экономический прогресс все здоровые силы нации, нельзя ограничивать фронт экономической реконструкции крупным производством. Однако, для того чтобы пробудить производительные силы, необходимо их освободить от тех оков, которыми являются всякого рода феодальные, ростовщические и примитивно капиталистические приемы эксплуатации. Без таких преобразований нельзя добиться максимально производительного распределения и использования национальных ресурсов.

Многие экономисты, как западные, так и афро-азиатские, сводят эту задачу к важной, но далеко не исчерпывающей сути дела проблеме перераспределения фонда потребления в пользу бедных. Весьма абстрактной и противоречивой постановкой проблемы «перераспределения бедности» грешит и Г. Мюрдаль: «Практически увеличение потребления совсем недопустимо, за исключением тех случаев, когда оно растет вслед за ростом производства и в размерах, соответствующих лишь части этого расхода... Возможно, что временным результатом перераспределительных реформ может быть даже понижение производительности, а при этих условиях попытки повысить уровень потребления были бы еще более опасны».

И далее Мюрдаль предостерегает против мер, которые могли бы «подорвать стимулы экономического развития», и рекомендует «создавать благоприятные условия для сбережений и предпринимательства; привлечение части ренты, по-

лучаемой в сельском хозяйстве, в торгово-промышленную деятельность часто может быть рациональной политикой». Итак, обычные рекомендации максимального благоприятствования для капиталистического накопления и перевода помещичьих арендных поступлений в промышленность и торговлю. Если осмыслить рекомендации Мюрдаля в политэкономическом плане, то по существу он предлагает сохранить землевладельца-рентополучателя, как фигуру, посредничающую в перекачке части прибавочного продукта, созданного трудом крестьянина, в крупное капиталистическое производство. Другими словами, речь идет о финансировании капиталистической индустриализации методами первоначального накопления.

Выступая в целом за аграрные реформы, Г. Мюрдаль вместе с тем отмечает:

«Перераспределение земли, при котором большие владения ликвидируются и делятся на участки по несколько акров, раздаваемые крестьянам, располагающим минимальными средствами к существованию, может вызвать временную тенденцию к сокращению валового сельскохозяйственного производства, поскольку новые владельцы будут испытывать недостаток капитала, а часто также и опыта для рационального ведения хозяйства. Почти неизбежно временно сократится товарная продукция сельского хозяйства, и легко представить себе такие случаи, когда результатом будет подлинный голод в городах. Старая система представляет собой при всем ее несовершенстве функционирующую общественную организацию, которая обеспечивает крестьян кредитом, семенами, а иногда также удобрениями и вынуждает их реализовать свою продукцию.

Чтобы преодолеть эти временные трудности, перераспределение земли должно сочетаться с очень решительными усилиями в других направлениях, главным образом в области просвещения и организованной кооперации всех типов. Освобожденных крестьян придется облагать налогами, чтобы покрыть — а если возможно, и перекрыть — уменьшение сбережений, накапливавшихся ранее богатыми землевладельцами».

В этой рекомендации Г. Мюрдаль уже несколько отходит от своей ранее сформулированной позиции. Однако главное в конце концов не в том, через какой канал — арендные платежи, ростовщический процент или государственные налоги — изымается у крестьянина часть прибавочного продукта, чтобы ускорить рост капиталистического предпринимательства. На первых порах после аграрной реформы ни одно самое демократическое правительство не сможет полностью отказаться от внеэкономических приемов изъятия части крестьянского

продукта как для обеспечения городов продовольствием и сырьем, так и для создания фонда накоплений, необходимых для реконструкции народного хозяйства. Суть дела заключается в характере перераспределения и последующего использования изъятной стоимости. Строго говоря, здесь существуют две принципиально разнящиеся возможности: или она будет направлена на дальнейшее укрепление технического и финансового превосходства капиталистического предпринимательства над мелкотоварным укладом, или же накопления, созданные трудом крестьян и ремесленников, будут возвращены им в виде оборудования, материалов, удобрений, школ и больниц.

Выступая против курса на одностороннюю выкачку средств из крестьянского и ремесленного хозяйства под предлогом создания высокопроизводительного капиталистического производства (которое, дескать, со временем вознаградит крестьян и ремесленников), Д. Р. Гадгил пишет: «Нельзя поддерживать или расширять производство без соответствующей поддержки здоровья и благополучия человеческой рабочей силы, а также естественных ресурсов и оборудования, что составляет цель справедливой системы распределения. Поэтому принцип „сначала производство, потом распределение“ является не более чем благовидной, но избитой фразой для той политики, которую ее защитники находят трудным отстаивать открыто».

В условиях крайней скудости ресурсов особую важность для всех слаборазвитых стран приобретает проблема наиболее эффективной мобилизации всех внутренних ресурсов. Этому препятствует не только империализм, но и местная имущая верхушка (помещики, ростовщики, купцы, а также определенные слои торгово-промышленной буржуазии этих стран), которая широко расточает национальное богатство, прибирает к рукам значительные массы национального дохода, паразитически «проедает» громадные массы средств, использует их на цели, ничего общего не имеющие с производительным накоплением (функционирование огромных капиталов в форме денежного капитала, всякого рода спекуляции, вложения в непроизводительную недвижимость и т. д.). В результате уровень накопления в слаборазвитых странах остается весьма низким.

Проблему накопления правящие классы в слаборазвитых странах пытаются решить за счет народных масс, перекалывая на них все бремя создания капиталистической экономики. При этом тяжесть налогового бремени, возлагаемого на бедных, мотивируется бедностью страны. Подобная политика в области налогообложения изложена в «Третьем пятилетнем плане» Индии следующим образом: «Третий пятилетний план

вызовет существенное увеличение косвенных налогов. Число состояний, облагаемых прямыми налогами, в Индии очень невелико». Отмечая далее, что косвенные налоги «затронут бедные классы», план утверждает, что «в такой стране, как Индия, где большинство народа бедно, нельзя изыскать необходимые ресурсы, не требуя жертв от всех слоев народа». Критикуя принцип распределения финансовых тягот, один из деятелей Национального конгресса, Шриман Нарайан, писал: «Вся статистика показывает, что разрыв между жизненным уровнем богатых и бедных, вместо того чтобы сокращаться, за последние девять или десять лет возрастал».

Точка зрения иностранных и местных монополистов на распределение финансового бремени экономического строительства выражена М. Х. Гопалом, профессором МадраССкого университета, преподавателем экономики на отделении, субсидируемом «Фондом Форда». М. Х. Гопал считает: «Если накопление капитала — главная цель налоговой политики, если эти накопления и капиталовложения должны делаться преимущественно в частном секторе, если накопление и инициатива — функция лиц и компаний с наивысшим доходом, то в интересах прогресса налоговая политика обязана ослабить тенденции к рискованным вложениям, облегчить налоговое обложение справедливых прибылей, сократить налоги, препятствующие частным иностранным инвестициям... Это означает, что налоговые послабления должны быть сделаны для лиц и компаний с наивысшим доходом».

Имущие классы Индии далеко не так стеснены в возможностях накопления, как это утверждают их представители. Выступая в парламенте, Дж. Неру, остановившись на положении «небольшой группы действительно процветающих людей», сказал: «Удивительное дело! Представьте, что учреждается компания. Требуется капитал, скажем, в 10 млн. рупий, а поступает 200 млн. рупий. Я вспоминаю случай, когда капитал равнялся 16,5 млн. рупий, а предложения составили около 80 млн. рупий. По учреждению компаний вы можете судить о состоянии денежного рынка и наличии денег в нашей стране. Деньги находятся в немногих руках, но в конце концов в не столь уж немногих». Если что и снижает уровень производительного накопления, то это в первую очередь стремление капиталистов побольше урвать из прибылей для себя, увеличивая их за счет резкого уменьшения отложенных прибылей, что в ряде случаев сопровождается прямым «проеданием» капитала. Это нередко малопродуктивное накопление имущими верхами происходит в основном за счет крестьянства и ремесленного хозяйства, т. е. тех сфер производства, которые сами особенно остро нуждаются в средствах для технической реконструкции. Так, во второй поло-

вине 50-х годов 18—25% собранного в различных районах Индии зерна изымалось в виде арендной платы, на Филиппинах 18% зерна уходило землевладельцам, а рыночный фонд риса на 70% формировался из поступлений по земельной ренте и ростовщическим долгам.

Продолжающееся изъятие прибавочного и части необходимого продукта, создаваемого в крестьянском хозяйстве, приводит к тому, что накопление, а вместе с тем и расширенное воспроизводство на новой технической базе становится невозможным для огромного большинства крестьянских хозяйств. В 1950—1963 гг. накопление в сельском хозяйстве Индии едва превышало 2% создаваемого в нем национального дохода. Причем около половины всех хозяйств либо не делали никаких накоплений, либо «проедали» свои фонды, а у более чем трети хозяйств накопления были столь ничтожны, что не оказывали никакого воздействия на постановку производства. Это означало, что свыше $\frac{4}{5}$ хозяйств существовало на грани разорения. И лишь оставшаяся часть хозяйств могла вводить у себя какие-то улучшения.

Подобное же положение сложилось в ремесленном производстве Индии. По оценкам индийских ученых, за 1956—1961 гг. в мелкую промышленность было вложено 1,8 млрд. рупий государственного капитала и 2,25 млрд. частного, тогда как минимальная сумма прибавочного продукта, созданного в ней, исчислялась в 5,9 млрд., т. е. изъятие накоплений составило не менее 1,85 млрд. рупий.

Если рассматривать это явление с точки зрения законов капиталистического накопления, то вполне оправдано нежелание крупного частного капитала увязать в долгосрочных инвестициях в морально устаревшее мелкое производство. По давним традициям крупный капитал предпочитает эксплуатировать крестьянское и ремесленное производство через сферу обращения — торговлю и ростовщичество. Поэтому главными дополнительными источниками, из которых мелкое производство (включая сюда государственный сектор) может черпать капиталы, остается казна. Но поскольку в условиях капиталистического развития значительная часть весьма ограниченных государственных средств отвлекается в крупное производство (государственно-капиталистического или частнокапиталистического секторов), наличных капиталов хватает лишь для реконструкции очень узкого сектора мелкого производства.

Производственные и социальные последствия капиталистической индустриализации. Узкая база накопления в мелкой промышленности приводит к тому, что при расширяющемся рынке новые хозяйчики успевают утвердиться в производстве раньше, чем владельцы уже существующих предприятий —

расширить и технически реконструировать их. Поэтому капиталистическое развитие мелкого производства носит по преимуществу экстенсивный характер и основывается на поглощении растущих масс рабочей силы при относительно медленном увеличении основного капитала и отставании с технической модернизацией.

Нехватка капитала как в крупном, так и в мелком производстве приводит к тому, что в первом строится небольшое число капиталоемких предприятий с высокой производительностью и относительно незначительной занятостью, а во втором возникают многочисленные предприятия (часто недолговечные), втягивающие в свое производство (ручное или полумеханизированное) крупные массы рабочей силы. В результате застоя в мелкотоварном секторе (последствие торгово-ростовщической эксплуатации), экстенсивного расширения мелкокапиталистической промышленности и относительно медленного роста фабрично-заводской промышленности динамика занятости в Индии выглядит довольно необычно:

	1955 г.		1961 г.	
	Число занятых	%	Число занятых	%
Ремесленники и кустари	10 889	67,2	12 031	57,5
Мелкокапиталистический сектор . .	2 225	13,8	5 498	26,3
Крупный фабричный сектор	3 088	19,0	3 390	16,2
Итого . . .	16 202	100,0	20 919	100,0

Как видим, в Индии, капиталистически наиболее развитой из отставших стран, особенно динамична в сфере занятости капиталистическая мануфактура, т. е. форма производства, исторически пройденная мировым капитализмом к началу XIX в. Огромные трудности с накоплением капитала в мелком производстве и его овеществлением в виде современного оборудования приводят к тому, что расширенное воспроизводство происходит в нем на устаревшей технической базе. Иногда мелкие предприятия прямо используют морально и физически изношенное оборудование, которое снимают с фабрик для замены более совершенным, или же для этих заведений специально выпускают упрощенные машины. Так, в мелкой промышленности Индии действует около ста тысяч механизированных ткацких станков. Однако в странах Азии и Африки технические обноски крупного производства весьма невелики как из-за незначительных объемов самого этого производства, так и потому, что его финансовые возможности для модернизации также ограничены, и оборо-

дование обычно используется вплоть до полного физического износа.

Поэтому в Индии и в меньшей мере в других странах стали возникать отдельные отрасли, производящие простейшие механизированные или усовершенствованные ручные орудия труда для мелкого производства и сельского хозяйства. В техническом отношении продукция подобной «тяжелой промышленности» примыкает в своих наиболее примитивных изделиях к традиционным орудиям труда крестьян и ремесленников, а в наиболее совершенных образцах составляется из отдельных компонентов фабрично-заводского оборудования и современных товаров длительного пользования. Другими словами, в ее ассортимент входят и железный наконечник для средневековой сохи и простейший токарный станок или радиодетали. Однако снаряжение и оборудование, изготавливаемые в этих отраслях, редко отвечают мировым техническим стандартам и порой не поднимаются над уровнем техники XIX в., а то и XVIII в.

Таким образом, огромное техническое отставание через его производное — неэквивалентный обмен — подрывает накопление капитала молодыми государствами на мировом капиталистическом рынке, а нехватка капитала для реконструкции на современной технической базе воспроизводит это отставание в крестьянском и ремесленном хозяйстве в несколько измененном виде. Даже крестьянские и ремесленные хозяйства, использующие некоторые нововведения, далеко отстают от того мирового уровня производительности, сближение с которым — неперемненное условие равноправного и конкурентоспособного положения на капиталистическом рынке. Что же касается большинства крестьян и ремесленников, то сохраняющаяся у них архаичная техника вообще отставляет их за пределами мирового прогресса.

Однако технико-финансовые трудности, которые ныне переживает национальная промышленность, лишь одно, причем не самое серьезное, из тех препятствий, с которыми сталкивается в ходе своей индустриализации экономически отставшая страна, коль скоро она остается зависимой частью мирового капиталистического хозяйства. В конце концов, как предполагают индийские экономисты, в 1975—1980 гг. в их стране сложится более или менее «самообеспечивающийся» комплекс крупной промышленности. Однако и по объему производства и особенно по численности занятых в ней людей крупная промышленность будет представлять собой как бы современный корабль в безбрежном море отсталости и нищеты.

По расчетам индийского Национального совета прикладных экономических исследований, разрыв в производительно-

сти между крупным и мелким производством нарастал и будет нарастать в ближайшие полтора десятилетия. Если в 1951 г. один занятый в крупной промышленности производил национального дохода в 2,44 раза больше, чем в мелкой, то в 1961 г. эта цифра возросла до 2,9 раза, а к 1981 г. может увеличиться до 4,76 раза, т. е. почти удвоится по сравнению с 1951 г. Другими словами, вместо сближения уровня техники и производительности между крупным и мелким производством в ходе технико-организационной реконструкции последнего вырисовывается перспектива дальнейшего разрыва в этих уровнях, дальнейшей дезинтеграции этих сфер производства.

Продолжающееся изъятие ресурсов слаборазвитых стран, опосредствованное их неравноправным положением в системе мирового капиталистического хозяйства, является главным препятствием на пути их внутренней интеграции.

Всякое развитие капитализма, как известно, порождает не только буржуазию, пролетариат и промежуточные слои, но и пауперов — людей, уже лишенных возможностей к существованию в традиционных, разрушаемых капитализмом условиях производства, но еще не нашедших применения своим силам в системе капиталистической эксплуатации. Пауперизация — этот бич трудящихся в эпоху развития капитализма — в той или иной мере поражала все страны, проходившие через этот этап своей истории. И в Европе она была причиной величайших бед и страданий народа. В современных же государствах Азии и Африки пауперизация принимает такие масштабы, что, удесятворя эти беды и страдания, неотвратимо ведет — и именно по мере «успехов» капиталистической индустриализации — к дальнейшему расщеплению социальной структуры нации на экономически более или менее обособленные друг от друга слои и классы.

Вот как динамика пауперизации («незанятости») выглядит в подсчетах Плановой комиссии при правительстве Индии: к 1961 г., когда страна приступила к выполнению третьей пятилетней программы, считалось, что только в городах Индии нуждается в работе 8 млн. человек; к 1966 г. предполагалось предоставить работу 17 млн. (что в какой-то степени соответствовало приросту самодеятельного населения), однако фактически работу получит лишь 13 млн., т. е. незанятость составит уже 12 млн. человек. Безотрадная перспектива складывается на четвертое пятилетие, когда, даже по официальным оценкам, обычно чрезмерно оптимистичным, незанятость подскочит еще на 2—3 млн. Что же касается пятилетия с 1971 по 1976 г., то, по мнению Плановой комиссии, задача предоставления работы «будет соответственно сложнее».

Как недостаток оборудования, так и обострение проблемы занятости принуждают планирующие органы Индии сокращать размеры капиталовложений на одного занятого. Так, во втором пятилетнем плане они составили 7,25 тыс. рупий (в ценах 1950/51 г.), в третьем — 5,4 тыс., а в четвертом составят всего лишь 4 тыс. рупий при предполагаемом расширении занятости на 18 млн. человек. Другими словами, экономическое развитие Индии в ряде случаев происходит на снижающемся техническом уровне новых производств.

Итак, капитализм в молодых государствах Азии и Африки в возрастающих масштабах выбрасывает из сферы производства и самой жизни миллионы изгоев, а еще бóльшие массы обрекает на пользование архаичной техникой, оставляя за пределами прогресса. Поэтому капитализм в этих странах означает не некое повторение его «диккенсовских» или даже «разуваевских» ужасов, а нечто иное по масштабам и пропорциям — поглощение незначительной части населения крупным современным производством, сохранение или даже расширение более обширного по занятости сектора мелко- и полукапиталистического производства с морально устаревшей техникой и, наконец, консервацию за пределами какого-либо технического прогресса мельчающего и разоряющегося «хозяйствования» беднейших крестьян, ремесленников, торговцев, вплотную смыкающихся с пауперами.

Даже верхнему слою капиталистического предпринимательства в странах Азии и Африки (исключая, может быть, несколько монополистических объединений Индии) далеко от интеграции с мировым капиталистическим хозяйством на сколько-нибудь равноправной технической и финансовой основе. Что же касается остальных укладов и секторов их народного хозяйства, то на путях капитализма у них вообще нет какой-либо реальной перспективы достигнуть подобного положения. Таким образом, и во внутреннем и во внешнем аспектах техническое выравнивание и достижение этим путем экономического равноправия трудно разрешимы в рамках капитализма для той сферы производства, от которой зависит существование огромного большинства населения. Это становится все более очевидным по мере того, как выявляется ограниченность усилий буржуазно-национальных государств достигнуть равноправия в экономических отношениях с иностранными монополиями и обеспечить посредством капиталистической реконструкции.

Западные теоретики, ратующие за буржуазную эволюцию суверенных государств, весьма обеспокоены бессилием местного капитализма решать общенациональные проблемы. Еще в середине 50-х годов Мюрдаль писал, что в большинстве слаборазвитых стран главная опасность состоит в длитель-

ной стагнации. «Там капитализм и частное предпринимательство вялы и проявляют лишь крайне слабые тенденции к самостоятельному развитию, которое имело место в промышленно развитых странах на более ранних исторических этапах». Да, времена ничем не ограниченной активности капитализма безвозвратно ушли!

Еще более определенные признания делает известный английский экономист, профессор Кембриджского университета Н. Калдор. «Неверно было бы полагать,— пишет он,— что современный тип деловой активности совершенно неизвестен в каком-либо из малоразвитых районов мира; важное отличие заключается лишь в том, что в малоразвитых районах „сегмент капитализма“ в экономике остается небольшим и не проявляет тенденции к динамическому распространению, как в „развитых районах“». Однако Н. Калдор воздерживается от рекомендаций относительно той сферы народного хозяйства, которая оказалась за пределами «сегмента».

Представители демократической экономической мысли Азии и Африки делают более глубокие выводы из неспособности капитализма обеспечить подъем производительных сил в общенациональном масштабе. Один из них, известный индийский экономист Д. Р. Гадгил, писал в 1962 г.: «Разнообразие социально-экономической структуры и концентрация политической и экономической мощи приводят к неправильным политическим решениям, и, как реакция на них, среди масс возникает сильное подозрение, что их положение находится в пренебрежении и ухудшается... Добровольно пойти на трудности и самоограничения можно только в том случае, если есть сознание общей целеустремленности, общих интересов и общего участия в результатах. Такое сознание ныне полностью отсутствует в нашей стране».

В конце концов самым общим выражением отсталости стран Азии и Африки является многоукладность их экономики при преобладании (по масштабам занятости, а в ряде стран и по объему производства) докапиталистических и мелкооварного укладов. Многоукладность присуща всем странам Азии и Африки, и в этом смысле существует необходимость более или менее единого подхода к решению их проблем, с учетом конкретной обстановки, которая требует разработки суммы преобразований для каждого уклада и для всех классов и слоев, действующих в его сфере. Вместе с тем многоукладность, а значит, и социально-классовые структуры специфичны для каждой страны. При учете этого обстоятельства из единого научного подхода к проблемам многоукладного общества возникают национально конкретные программы социально-экономических преобразований.

За общей зависимостью и технической отсталостью дан-

ной страны от империализма и мирового капиталистического хозяйства скрываются отнюдь не равнозначные для каждого уклада формы и масштабы этой зависимости и отсталости. Соответствующее преломление этой неравнозначности обнаруживается и в отношении каждого класса или социальной группы данной страны к проблеме экономической самостоятельности. Кстати говоря, потребность в ней в наиболее ясном и очевидном виде ощущается предпринимательской буржуазией, а для широких трудовых масс экономическая зависимость обычно заслоняется опосредствующими звеньями и рычагами их эксплуатации. Связать в сознании масс их нищету с продолжающейся эксплуатацией империализмом — задача весьма сложная, особенно в странах, завоевавших свой суверенитет мирным путем.

Вообще понимание экономической самостоятельности как задачи, исключительно или по преимуществу обращенной вовне, грешит односторонностью и даже может быть поставлено буржуазными кругами на службу их узкоклассовым интересам. Действительно, если абсолютизировать и сузить проблему экономической самостоятельности, то придется избрать модель всемерного сосредоточения всех ресурсов, особенно инвалютных, на создании максимально самообслуживающегося комплекса крупной промышленности. Если также абсолютизировать и сузить проблему преодоления отсталости и ликвидации неэквивалентного обмена, то следует сосредоточить силы на технической реконструкции экспортных отраслей, обычно контролируемых частным капиталом. Наконец, можно предусмотреть вариант, когда эти два направления увязываются. Однако для большинства афро-азиатских стран, особенно для крупных, подобное развитие будет означать, что за пределами прогресса надолго останется большая часть мелкотоварного и полунатуральных укладов. Это не только создает возможность социальных конфликтов, охватывающих большинство населения, но и, замораживая рост производительности и производства в указанных, по преимуществу крестьянских, укладах, закрывает перспективу для решения продовольственного вопроса.

Трудности социально-экономической интеграции отставших стран в целом непреодолимы на путях капитализма, во всяком случае в исторически обозримый период. Однако не следует думать, что они не могут частично решаться общими усилиями империализма и местных буржуазных режимов. Хотя это решение частично и никак не снимает конечной, социалистической перспективы, оно вносит, однако, серьезные коррективы в условия и темп революционного процесса. Важнейшим орудием для разрешения как внешних, так и внутренних проблем капиталистического развития отстав-

ших стран стал государственный капитализм, под которым мы понимаем как совокупность социально-экономических мероприятий, так и его материальное воплощение в виде государственного сектора хозяйства.

Государственный капитализм в отставших странах. В трудах В. И. Ленина содержатся основополагающие указания для оценки исторического места государственного капитализма. Главным критерием для определения его роли является выяснение того, в интересах каких классов и какое государство осуществляет различные мероприятия по развитию и регулированию народного хозяйства.

Во многих азиатских странах суть государственного капитализма диктуется прежде всего интересами местной буржуазии — класса, стоящего у власти или определяющего государственный курс. Вместе с тем в содержании государственного капитализма в этих странах есть серьезные общенациональные и общедемократические элементы. Их место и значение определяются двумя основными факторами: во-первых, степенью совпадения антиимпериалистических позиций буржуазии и народных масс в борьбе за достижение экономической самостоятельности; во-вторых, способностью национальных прогрессивных сил вынудить буржуазию к проведению таких государственно-капиталистических мероприятий, которые выходят за пределы ее узкоклассовых устремлений.

В зависимости от политики правящего класса и роли народных масс в государственной жизни государственный капитализм и его материально-организационное воплощение — государственный сектор народного хозяйства — приняли в разных странах Азии и Африки различные формы и направления в своем развитии. Но каковы бы ни были эти формы, важнейшим критерием прогрессивности государственного капитализма остается наличие в нем антиимпериалистических черт. Именно эти черты отличают госкапитализм слаборазвитых стран как по происхождению, так и по роли в экономике от государственно-монополистического капитализма в странах Западной Европы, Северной Америки и Японии. Важнейшая задача, которую ставят перед государственным сектором правительства многих стран Азии, заключается в содействии движению к экономической самостоятельности на путях капитализма.

Антиимпериалистическая направленность государственно-капитализма не есть раз и навсегда данное его качество в любой стране Азии и Африки. Таковую направленность, например, весьма трудно обнаружить в государственно-капиталистической политике вовлеченного в агрессивный блок Таиланда. Чтобы лучше понять антиимпериалистические возмож-

ности государственного капитализма в молодых государствах Востока, обратимся к внутренним факторам его возникновения и развития.

По нашему мнению, политика государственного капитализма, т. е. совокупность государственных социально-экономических мероприятий, включая земельные реформы, в первую очередь связана, если говорить о внутренних аспектах, с теми социальными и политическими противоречиями, которые возникают и обостряются в суверенных странах Востока в ходе развития капитализма. Они заключаются, как и в других странах, в замене мелкого производства крупным, разорении масс крестьян и ремесленников. Так, буржуазные экономисты подсчитали, что в Индии каждый новый механический станок разоряет двадцать ткачей, занятых в ручном производстве. В сущности в ряде других государств Востока на наших глазах продолжается и все более углубляется процесс первоначального накопления, основой которого, как известно, является экспроприация средств производства мелко-производителя — крестьянина и ремесленника.

Новые условия мирового развития внесли существенные изменения в этот процесс первоначального накопления. Если на заре капитализма буржуазное государство было по преимуществу орудием экспроприации мелкого производителя, то ныне в суверенных странах Востока роль государства значительно сложнее и противоречивее. Дело не в том, что якобы изменилась сущность буржуазии, а в том, что при новом соотношении мировых и внутренних сил буржуазное национальное государство не может применить в полной мере кровавые законы против экспроприруемых. Более того, во имя сохранения своего господства над крестьянскими и ремесленными массами правящие круги готовы проводить мероприятия, в какой-то степени тормозящие разорение мелких производителей и поддерживающие их верхи. В то же время, содействуя крупнокапиталистической индустриализации, они объективно подготавливают условия разорения мелкого производства и его дальнейшего подчинения крупному.

По мере ввода в строй предприятий государственной тяжелой промышленности все бóльшую остроту приобретает вопрос: интересам каких слоев буржуазии служит государственный сектор? В эпоху общего кризиса капитализма при оценке исторического смысла борьбы фабриканта с мелким производителем в стране, еще не преодолевшей экономические последствия колониального прошлого, нельзя исходить только из общего положения о прогрессивности вытеснения мелкого производства фабрикой. Дело в том, что в Азии и Африке ремесло — основа существования многомиллионной антиимпериалистически настроенной мелкой буржуазии и, что

еще более важно, занятых в мелком производстве рабочих. В современной обстановке эти люди, лишившись работы в мелкой промышленности, превратились бы по большей части в пауперов.

Происходящее в ряде стран Азии и Африки расширение мелкого производства наряду с ростом крупного — явление временное. Оно вызвано сравнительно благоприятной конъюнктурой, сложившейся на рынке потребительских товаров в результате таможенных ограничений ввоза их в страну. Кроме того, недостаток оборудования для легкой, особенно текстильной, промышленности (правительство нередко ограничивает его импорт) мешает фабрикантам расширять производственные мощности. По мере заполнения «импортного вакуума» на внутреннем рынке, усиления конкуренции на внешних рынках, куда экспортируется значительная часть потребительских товаров, расширения производственных мощностей, контролируемых иностранными и местными капиталистами, а главное — по мере освоения и увеличения выпуска отечественного оборудования для легкой фабричной промышленности рост противоречий между мелким и крупным производством неизбежен.

Однако неспособность государственного сектора в силу его капиталистической природы снять противоречия, имманентно присущие капитализму как способу производства, отнюдь не означает, что рабочим и крестьянским массам безразличны пути, формы и целенаправленность государственно-капиталистического развития. Дело в том, что государственный сектор не только является главным экономическим орудием известного регулирования противоречий между всей национальной буржуазией и мелкобуржуазными, полупролетарскими и пролетарскими массами. Следует также иметь в виду, что крупная промышленность стран Азии и Африки в значительной части находится в руках иностранного капитала, а также местных монополистических кругов. Поэтому в урегулировании конкуренции мелкого и крупного производства, если это урегулирование преследует задачу отстоять интересы мелкого и среднего предпринимателя, есть элементы ограничения империалистических монополий и их местных партнеров.

В определенной политической обстановке прогрессивные силы могут использовать государственный сектор для сдерживания эгоистичных интересов местного крупного капитала. В экономическом отношении подобная возможность возникает в связи с тем, что такие командные высоты народного хозяйства, как тяжелая промышленность, железные дороги, эмиссионные банки, а также контроль над валютными ресурсами принадлежат государству.

Такие осуществляемые через государственный сектор мероприятия, как кооперирование, ирригационное строительство, строительство в деревне школ, дорог и т. п., косвенно способствуют ослаблению гнета землевладельцев-рентополучателей и ростовщиков. Еще более важное значение для положения сельского хозяйства имеет создание государством тяжелой промышленности, без которой нельзя обеспечить его современными машинами, удобрениями, ирригационным оборудованием. Конечно, при существующей обстановке техника будет использоваться по-капиталистически преимущественно в относительно узком секторе хозяйствования помещиков и крестьянских верхов. Однако техническая реконструкция сельского хозяйства при условии аграрных преобразований послужит стимулом для изживания худших, полуфеодальных, а порой и полурабских методов. Тем самым государственный сектор обладает и некоторыми антифеодальными чертами. Таким образом, в суверенных странах Азии и Африки при определенной политике государственный сектор, несмотря на свою буржуазную сущность, может играть прогрессивную роль в ограничении иностранного капитала, а также в известном сдерживании своекорыстных устремлений местного крупного капитала и ослаблении феодально-ростовщического угнетения крестьянства.

Не случайно в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий подчеркиваются две важнейшие предпосылки прогрессивности государственного сектора: во-первых, его создание и расширение должны проходить на демократических основах, во-вторых, он должен развиваться независимо от иностранных монополий. Понятно, что и то и другое может быть достигнуто лишь в том случае, если прогрессивные патриотические силы будут способны оказывать определенное воздействие на государственную жизнь своей страны, а государственный сектор будет сотрудничать с социалистическими странами.

Экономическое сотрудничество с социалистическими странами способствует раскрытию как демократических, так и антиимпериалистических сторон государственного сектора, придает ему известную независимость от империализма и местных реакционных сил, проявляющих монополистические тенденции.

В политической жизни подобные тенденции наталкиваются на сопротивление различных общественных сил. Общенациональное сопротивление этим тенденциям играет огромную роль, поскольку монополистический капитал складывается не только в ходе объективной экономической эволюции «свободного капитализма», но и в результате овладения монополистическими элементами государственным ап-

паратом и другими рычагами политического, военного и идеологического контроля.

В широком смысле сопротивление государственно-монополистическим тенденциям опирается на стремление мелкобуржуазных слоев сохранить государственный сектор в качестве известного заслона от конкуренции местного и иностранного крупного капитала. Вместе с тем нельзя недооценивать и того обстоятельства, что управленческий аппарат государственного сектора предоставляет не только средства к существованию, но и определенный социальный статус той части интеллигенции, которая не может найти себе применения в частнокапиталистическом секторе как из-за недостатков в профессиональном образовании и подготовке, так и из-за ограниченности самой сферы занятости в нем. Эти люди, обычно выходцы из мелкобуржуазных, традиционно привилегированных слоев, рассматривают независимость государственного сектора как гарантию своего социального и материального благополучия, ибо она дает им права арбитра в столкновениях взаимоисключающих классовых интересов.

Бесконечные жалобы местных и иностранных капиталистов на бюрократизм и волокиту государственных служащих несомненно отражают стремление последних использовать свое служебное положение при выдаче предпринимателям разрешений (лицензий) на новое строительство, приобретение импортного оборудования и материалов, переводы прибылей и т. д. Таким путем действительно пресекаются поползновения крупного капитала на бесконтрольное хозяйничанье, но те же функции открывают возможность перед чиновничеством, особенно при отсутствии демократического контроля над его деятельностью, прибегать к вымогательству, протектированию, взяточничеству; создаются условия для возникновения и укрепления бюрократического капитала.

Некоторые итоги экономического регулирования. Экономическая политика государства, исходный уровень развития производительных сил и прочие внутренние и внешние объективные условия для подъема народного хозяйства определили целенаправленность, объем и результаты экономического регулирования в отдельных афро-азиатских странах. Как уже отмечалось, более или менее действенные попытки такого регулирования предпринимаются с середины 50-х годов и пока нет итоговых данных, достаточных для решительных заключений.

Некоторые предварительные суждения можно сделать при уяснении объективных возможностей для государственного регулирования экономики в отставших странах. Понятно, что сама незначительность ресурсов для подъема производитель-

ных сил на современной технической базе суживает масштаб активного участия государства в промышленном, транспортном и энергетическом строительстве в той мере, в какой это требует оборудования и материалов, не имеющих в стране. Однако та же техническая отсталость усиливает позиции государства в качестве владельца или распределителя современного оборудования, поскольку национальный частный капитал не способен производить такое оборудование, во всяком случае в необходимых размерах.

Контролируя экспортную выручку, распределяя иностранные займы и кредиты, регулируя приток из-за границы частного капитала, государство отставшей страны теоретически может направлять все развитие современного производства. Запрещение нового промышленного строительства, а также импорта оборудования и материалов без соответствующих государственных лицензий, объявление определенных отраслей и сфер хозяйственной деятельности исключительной монополией государства еще более расширяет регулирующие функции государства. Оно может сдерживать или стимулировать частные инвестиции общепринятыми в капиталистических странах приемами — налоговыми и таможенными льготами и установлением того или иного процента на банковские кредиты, вмешательством в отношения труда и капитала.

В этом же направлении действует государственная монополия на торговлю сельскохозяйственными и иными потребительскими товарами или контроль над ней. Значение таких мер не сводится к пресечению спекулятивного вздутия цен и инфляции. Их смысл глубже, так как, препятствуя овеществлению частного капитала в накоплении товарных фондов средств потребления, они заставляют его искать приложения в сфере производства. Другое дело, что частный сектор обычно цепко держится за торговлю потребительскими товарами и совсем не склонен передавать эту важнейшую сферу накопления капитала государству.

Наконец, государственный сектор по мере его расширения и растущего воздействия на ход воспроизводства начинает приобретать все большее значение как орудие государственного регулирования. Уже само отвлечение на него финансовых, особенно валютных, средств соответственно сдерживает капитальное строительство в частном секторе. Место государственного сектора в экономике страны во многом определяется его отраслевой структурой. Не следует при этом недооценивать возможности инфраструктурных отраслей (железные дороги, электроэнергетика, ирригация) в регулировании экономической жизни через систему тарифов и отпускных цен на электричество, воду и т. п.

Однако такое регулирование в основном исходит из сло-

жившейся технической базы. Приступить к активной модернизации этой базы государство сможет лишь при наличии (если отвлечься от импорта оборудования) собственного производства современных орудий труда. Поэтому строительство государственных предприятий тяжелой промышленности не только приближает достижение экономической самостоятельности, но и решающим образом подкрепляет планирующие функции государства.

Уже имеющийся опыт показывает, что перечисленные объективные возможности для государственного регулирования экономики раскрываются в ходе политических столкновений классовых интересов. Там, где официально проводится курс (Иран, Таиланд, Пакистан) на поддержание частного капитала посредством кредитования, передачи ему государственных предприятий, стимулирования его сотрудничества с иностранными партнерами, укрепление частнокапиталистического предпринимательства в важнейших отраслях является понятным следствием этого курса. Например, в Пакистане в ходе выполнения планов 1955—1960 и 1960—1965 гг. намечалось опережающее развитие частного сектора в промышленности, особенно в высокоприбыльных обрабатывающих отраслях, и укрепились предпринимательские элементы в сельском хозяйстве.

Сложнее обстоит дело в странах, где целью государства было провозглашено претворение в жизнь социалистических идеалов или, во всяком случае, ограничение «экономической мощи» частного капитала. Опыт (например, Индонезии) показывает, что если эти декларации осуществляются по преимуществу в форме национализации, конфискации и не подкрепляются конструктивными мерами по подъему экономики, то у частного капитала (как у местного, так и у иностранного) остается достаточно возможностей для перекрытия каналов накопления капитала и перераспределения его в свою пользу. Более того, в подобных случаях система ограничительных мер обращается в первую очередь против промышленного предпринимательства частного капитала и в меньшей степени затрагивает его спекулятивные, ростовщические и прочие непроизводительные операции. Тем самым декларации о подъеме экономики и благосостояния народа повисают в воздухе, оставаясь невыполненными.

Более сложные и противоречивые последствия для частнокапиталистического предпринимательства несет с собой государственно-капиталистический курс, в котором социалистические декларации воплощаются в виде расширения производственных мощностей государственного сектора при одновременном поощрении производительной деятельности частного капитала. Как уже отмечалось на опыте Индии, двой-

ственность такого курса в регулировании экономики приводит к росту национального государственного хозяйства, его роли в решающих отраслях промышленности и в инфраструктуре и одновременно к сохранению привилегированного положения крупного капитала. Правда, по своей доле в промышленном производстве и в общем объеме капиталовложений государственный сектор растет быстрее частного. Однако уже постоянное превышение индийской крупнокапиталистической промышленности предназначенного ей планами общего объема инвестиций наводит на мысль, что в преимущественном развитии государственно-капиталистической промышленности есть свои уязвимые стороны.

Действительно, захватив важнейшие звенья воспроизводства в современной тяжелой промышленности (производство цветных металлов и значительной части черных, химических продуктов, цемента и некоторых важных видов оборудования), крупный частный капитал как бы прославляет современную тяжелую промышленность страны. Причем отношения между отдельными звеньями тяжелой промышленности не строятся на основе обоюдной выгоды. Крупный частный капитал пользуется государственными электроэнергией, сталью, оборудованием, нефтепродуктами по твердым, часто заниженным ценам. Напротив, если государственное предприятие приобретает необходимое изделие или материал у частной фирмы, то в этом случае цена складывается по законам свободного рынка. Расходы на заработную плату у государственного предприятия также зависят от колебания рыночных цен на продукты потребления.

Принципы ценообразования во многом определяют различие в рентабельности государственных и частных предприятий, нормах прибыли и накопления. Поэтому контроль государства над ценами и его участие в их образовании, будучи общим условием действительного регулирования экономики, вместе с тем являются неременной предпосылкой для упрочения преимущественного развития государственного сектора и сдерживания своекорыстных устремлений крупного бизнеса. Опыт показывает, что государственный капитализм стран Азии и Африки не сумел пока эффективно решить эту проблему. Причина этого заключается не столько в недостатке желания и умения у руководителей экономических организаций, сколько в способности частного капитала уходить из-под контроля, используя для этого отсталую многоукладную структуру с ее плохо поставленным учетом продукции, полусредневековой организацией кредита и торговли, которые обычно снизу доверху находятся в руках особых общин или каст, спаянных традициями взаимовыручки и деловых тайн. Другими словами, для успешного вмешательства пла-

нирующих органов в ценообразовании необходимо лишить частный капитал возможностей ускользать от регулирующих мер государства.

Однако, как отмечалось, поспешная реконструкция сферы обращения может обратиться, коль скоро она не подкрепляется кооперированием и прочими позитивными преобразованиями, против огромной массы малоимущего люда, занятого в торговле и в сфере обслуживания. Трудности на пути государственного капитализма в осуществлении таких преобразований в низших сферах частного предпринимательства снижают эффективность его попыток регулировать деятельность крупного бизнеса.

Несоответствие антибуржуазных деклараций действительно осуществленным мероприятиям в рамках госкапитализма отчетливо проявилось в Индии, Индонезии, а к началу 60-х годов — в ОАР и Бирме. Так, в ОАР через семь лет после революции 1952 г. доход 1% сельского населения (крупные землевладельцы) вдвое превышал доходы 80% сельского населения (малоземельные и безземельные феллахи). В городах на долю трудовых слоев (две трети населения) приходилось в два с лишним раза меньше доходов, чем извлекали имущие верхи города (2,5% его населения). Таким образом, государственно-капиталистическое программирование оказалось бессильным ослабить и тем более устранить те социальные контрасты, которые были признаны нетерпимыми в его декларативной части. Социальная ограниченность государственного капитализма несомненно была одной из главных причин последовавшего перехода руководства ОАР к глубоким антикапиталистическим мероприятиям.

Неспособность государственного капитализма достаточно эффективно регулировать движение частного капитала, тем более иностранного, сильно сократила его возможности и в формировании предусмотренных программами отраслевых структур народного хозяйства. Как уже отмечалось, частный капитал тяготеет к наиболее прибыльным отраслям, изготавливающим дефицитные конечные товары, и неохотно участвует в создании капиталоемких производств сырья и полуфабрикатов для национальной промышленности. Это обстоятельство наряду с просчетами планирующих органов приводит к тому, что расширение промышленного производства подчас не сопровождается сокращением потребностей промышленности в импорте, а даже увеличивает их.

Понятно, что пассивность платежного баланса развивающихся стран порождается не столько межотраслевыми диспропорциями, сколько явлениями, производными от их зависимого положения в мировом капиталистическом хозяйстве (ухудшающиеся условия внешней торговли, нехватка заемных

средств, неблагоприятное движение частных капиталовложений и т. п.). Однако независимо от того, имеют ли трудности государственно-капиталистического программирования внутреннее или внешнее происхождение, все они в конечном счете проистекают из закономерностей многоукладного общества, несовместимого с научно поставленным планированием.

Наконец, серьезным препятствием на пути государственно-капиталистического программирования, как и всего развития капитализма в экономически отставших странах, остается его способность решать лишь в крайне ограниченном масштабе проблему трансформации многоукладности в сфере производства, производственных отношений и социально-классовых пропорций. Очевидно, что такая трансформация требует осуществления аграрной реформы, которая устранила бы мельчайшее полунатуральное и вообще докапиталистическое хозяйство крестьян. Однако проведенные в буржуазно-национальных государствах Азии аграрные реформы в смысле вовлечения в капиталистическое производство сельскохозяйственного работника оказались по меньшей мере столь же ограниченными, как и верхушечные реформы прусско-российского типа в Европе эпохи промышленного капитализма. Попытки использовать опыт аграрной реформы, проведенной в послевоенной Японии, также не дают искомым результатов, так как ни одна страна Азии и Африки не обладает сходной с японской промышленностью способностью поглощать избыток деревенской рабочей силы и интенсифицировать в такой же степени сельскохозяйственное производство.

Направляемые в сельское хозяйство государственные средства совершенно недостаточны по сравнению с его потребностями в капиталовложениях. Например, в Иране, где подъему сельскохозяйственного производства в последнее время уделяется повышенное внимание, за период второго семилетнего плана (1956—1962) было ассигновано на сельское хозяйство и ирригацию около 300 млн. долл., или примерно 40—45 млн. долл. в год. Поскольку уже в 1956 г. самодеятельное население, занятое в сельском хозяйстве, превышало 3 млн. человек (цифры занижены примерно вдвое, так как женщины практически не включаются иранской статистикой в самодеятельное население), ежегодные вложения на одного работника были менее 15 долл. (фактически менее 10 долл.). Если учесть, что лишь 4% государственных вложений пошло на закупку сельскохозяйственных машин, а свыше двух третей — на ирригацию, то станет очевидно, что в условиях хозяйствования и труда миллионов безземельных или малоземельных крестьян существенных изменений не произошло.

В еще меньшей степени государственное программирование способствует реконструкции второй крупнейшей сферы

мелкого производства — ремесла. У большинства экономически отставших стран вообще нет разработанных программ подъема кустарного производства и соответствующих статей государственных расходов. Даже в Индии, где поддержка кустарного производства провозглашена долгосрочной целью планирования, государственные расходы на него равны в 1961—1966 гг. всего лишь 2,6 млрд., что составило примерно 130 рупий (26 долл.) на каждого работника из 20 млн. занятых в ремесле. Понятно, располагая такими капиталовложениями, планирующие органы могут лишь косвенно регулировать социально-экономические процессы, происходящие в дофабричном производстве.

Здесь мы сталкиваемся с одной из серьезнейших особенностей в методах подъема народного хозяйства отставших стран. Она заключается в невозможности обеспечить немедленный всеобщий подъем всех укладов и секторов народного хозяйства на базе высшей техники. Сфера ее применения будет еще более или менее длительный период ограничена отдельными отраслями или даже предприятиями. В этой обстановке регулирующие и планирующие функции государства неизбежно и необычайно (для мира частной инициативы) возрастают. Это объясняется прежде всего тем, что возможность постепенной технической модернизации всех типов производства и особенно мельчайших хозяйств крестьян и ремесленников появится лишь при том неслучайном условии, если прибавочный продукт, создаваемый в новых, высокопроизводительных отраслях, будет перераспределяться государством таким образом, что обеспечит быстро растущую занятость во всех укладах в сочетании с их постепенной технической реконструкцией. Очевидно, что подобная задача окажется по плечу лишь государству, представляющему интересы широких народных масс.

Ограниченность государственно-капиталистического программирования в решении социальных проблем с наибольшей очевидностью проявляется в непрерывно нарастающей «незнатости». В сущности единственный выход планирующие органы видят в резком сокращении рождаемости путем массового применения соответствующих медицинских мер. Однако такие меры могут быть поняты и приняты в обездоленных низах народа, особенно в деревне, лишь при изменении их бытия и сознания. Демографические сдвиги пока следовали в истории человечества за социальными, а не предшествовали им.

Таким образом, ни относительно быстрое развитие производительных сил в сфере государственного и частного капиталистических укладов одних стран, ни их почти полная стагнация в основных укладах некоторых других стран не решают коренных проблем производительного накопления, все-

общей реконструкции народного хозяйства, расширения занятости и подъема благосостояния трудящихся масс. В первом случае в экономический прогресс втягивается незначительное, а во втором — ничтожное меньшинство населения. Хотя эти моменты сами по себе накладывают весьма существенные различия на общественную и государственно-политическую жизнь таких стран, как, скажем, Индия и Индонезия, дело идет по сути лишь о разных вариантах одного явления — неспособности капитализма решить общенациональные задачи освобождающихся стран.

Афро-азиатские государства, следующие по капиталистическому пути, разумеется, не могут мобилизовать накопления в размерах, относительно больших к национальному доходу, чем это удастся империалистическим странам, а их трудности с овеществлением своих накоплений в максимально производительном и экономически эффективном оборудовании и другие причины усугубляют их увеличивающееся отставание.

В рамках Декады развития ООН были поставлены задачи добиться в 60-е годы ежегодного роста валового национального продукта на душу населения в развивающихся странах в 2,5%. В 50-е годы темпы его роста составляли в Бирме 4%, Южной Корее — 2,3, Таиланде — 2,4, Филиппинах — 2,2, Цейлоне — 1,9, Индии — 1,7, Индонезии — 1,2, Пакистане — 1,1, Малайе — 0,9% в год. В 1955—1960 гг. этот прирост составлял 1,7% в развивающихся странах Азии и Африки, 2% в развитых капиталистических странах и 8,6% в социалистических странах.

По расчетам японского Института экономики азиатских стран, в 60-е годы среднегодовой прирост валового национального продукта на душу населения в большинстве из указанных стран составит для стран Азии и Африки 1,8%, т. е. далеко не достигнет запланированного уровня. В абсолютных размерах это означает увеличение национального дохода на душу населения с 83 в 1960 г. до 99 долл. в 1970 г. За те же годы национальный доход в западноевропейских странах должен увеличиваться с 1500 до 2 тыс. долл. на душу населения.

На основе данных ООН, можно рассчитать сроки, когда развивающиеся страны могут достигнуть уровня передовых капиталистических держав по производству валового национального продукта на душу населения в 1960 г. Самые оптимальные подсчеты, исходящие из того, что ежегодные темпы прироста этого продукта на душу населения у развивающихся стран будут нарастать (с 2% в 60-х годах до 3% в 70-х и 4% в последующие десятилетия), показывают, что только в 2015—2020 гг. они достигнут уже пройденный уровень развитых стран.

Другими словами, афро-азиатские страны отстают не толь-

ко в абсолютном приросте национального дохода, но и в темпах его увеличения. Конечно, для того чтобы ликвидировать отставание, определившееся в эпоху колониализма, необходимо соответствующее время. Однако все сколько-нибудь обоснованные прогнозы пока предсказывают этим странам одну перспективу в системе мирового капиталистического хозяйства — относительное и абсолютное возрастание их отсталости по сравнению с миром империализма.

Итак, на пути капиталистической интеграции в ее двух — внешнем и внутреннем — аспектах сам же мировой капитализм и его закономерности воздвигают объективные препятствия, среди которых главными являются следующие.

Развитие по пути капитализма означает, что освободившиеся страны, оставаясь в системе международного капиталистического хозяйства, подвергаются действию механизма этой системы. Тем самым подрывается накопление производительного капитала, задерживается подъем производительных сил и воспроизводятся отсталость и — в новых формах — финансовая и техническая зависимость.

В условиях недостатка средств капитализм ограничивает применение современной техники наиболее прибыльными отраслями крупной промышленности, не обеспечивает надлежащей технической реконструкции остальных секторов и укладов, особенно сельского хозяйства и ремесла.

Капитализм, крайне ограничивая сферу подъема производства и производительности, не может серьезно приступить к преодолению отсталости народного хозяйства и особенно тех докапиталистических укладов, от которых зависит занятость и благосостояние огромного большинства населения.

Капитализм, будучи не в силах осуществить реконструкцию отсталой многоукладной экономики, не способен покончить с феодальными и прочими докапиталистическими кабальными приемами эксплуатации, с пережитками более ранних укладов в социально-экономических отношениях.

Капитализм перекладывает на плечи народов освобождающихся стран самые ужасные последствия всеобщего закона капиталистического накопления — из сферы производства отставших стран выбрасываются миллионы людей, а еще большие массы обрекаются на пользование примитивной техникой, на прозябание в нищете, голоде и невежестве; эксплуатация этого обездоленного люда методами первоначального накопления служит дополнительным источником для финансирования капиталистической индустриализации.

С образованием мирового капиталистического хозяйства с присущим ему международным разделением труда действие всеобщего закона капиталистического накопления окончательно разорвало национально-государственные границы. Им-

периалистические монополии переложили на плечи народов Азии, Африки и Латинской Америки самые страшные последствия этого закона, «согласно которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы». Современная техническая революция еще более усугубляет связь прогресса производительности труда в западных государствах с «избытком» человеческой силы в отставших странах. В их национальных масштабах этот закон вызывает обостряющуюся социальную дезинтеграцию не только между эксплуататорами и эксплуатируемыми, но и в среде самих последних, ибо они трудятся в различных условиях производства, производительности труда и его оплаты.

2

ГЛАВА

КЛАССЫ, ИХ ПОЛОЖЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ В ПЕРИОД СУВЕРЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ПУТЯХ КАПИТАЛИЗМА

Низкий уровень развития капитализма (особенно в его современных формах), достигнутый странами Азии и Африки до ликвидации колониальных режимов, и замедленность темпов капиталистической трансформации их социально-классовой структуры в годы суверенитета обусловили численное преобладание классов и слоев, присущих докапиталистическим и мелкотоварным укладам. Классы и слои собственно капиталистического общества (уклада) составляли в них от 10 до 20% всего населения, причем на долю буржуазии падает 2—5%, служилых слоев (чиновники, интеллигенция, технический и административный персонал) — 5—7, современного пролетариата (фабрично-заводского и плантационного, горняков) — всего 5—7%.

Таким образом, классы и слои мелкокапиталистического, мелкотоварного и полунатурального укладов составляли 70—80% населения, из них на долю крестьянства (от предпринимательских слоев до беднейшего полупролетариата) приходилось 60—70%, городских и прочих не занятых в сельском хозяйстве низших слоев (мелких хозяйчиков, торговцев, наемных рабочих дофабричных производств, кули и т. п.) — 10—15% всего населения. Наконец, от нескольких процентов до половины и более населения (в зависимости от общего социально-экономического уровня страны) составляли классы и слои традиционных укладов (феодального или родо-племен-

ного) — феодалы и родо-племенные вожди и лично зависимое от них, главным образом крестьянское население. Эти слои преобладают в относительно небольших странах, поэтому в общей массе афро-азиатского населения их удельный вес невелик (порядка 5—10%), но в пределах своей страны (скажем, в Йемене) они могут играть определенную роль.

Понятно, что место отдельных классов и слоев в общественной жизни афро-азиатских стран отнюдь не равнозначно их численности и удельному весу в населении. Если судить об их позициях по состоянию на текущий период, то здесь первенствуют такие обстоятельства, как контроль над государственным аппаратом и народным хозяйством (в первую очередь над его наиболее динамичными секторами), степень собственной классовой сплоченности и политическое воздействие на иные классы и слои, соответствие программных установок данного класса мировоззрению большинства населения и особенно его политически активных элементов, объем и характер внешних связей.

При рассмотрении места тех или иных классов и слоев на ближайшую историческую перспективу следует считаться и с такими возможными изменениями, как интенсивность их формирования и созревания, возрастание или, напротив, сокращение влияния на экономическую и идеологическую жизнь общества, способность выразить и осуществить общенациональные требования на новом этапе, последствия их взаимоотношений с внешними силами, прежде всего с двумя мировыми системами. Уже сейчас в социально-классовых структурах большинства афро-азиатских стран выявились политически активные элементы, определенно тяготеющие к одной из этих систем. Однако большинство народа, как правило, еще не сделало решающего и, главное, конструктивного выбора. Направление, в котором будет происходить активизация политически инертных масс, и предопределит историческое будущее афро-азиатского мира.

Буржуазия — ее формирование и структурные изменения как правящего класса на этапе суверенитета

Уже рассмотренные процессы накопления капитала, отраслевого направления вложений, государственного регулирования экономики являются наиболее существенными моментами в формировании афро-азиатской буржуазии и в определении внутреннего состава и соотношения различных слоев этого класса — господствующей, правящей или, во всяком случае, влиятельнейшей силы в странах, идущих по пути капитализма.

Многоукладность экономически отставших стран создала условия для деятельности весьма различных видов капитала и соответствующих типов предпринимательства и самих капиталистов. Если в империалистической стране значительная часть капиталистов состоит из собственников высшего вида капитала (на разных условиях и в различных объемах — от монополиста до мелкого рантье), то в экономически отставших странах капиталисты отличаются друг от друга не только размерами, но и (причем иногда более существенно) самим видом капитала и сферой его приложения.

Условия формирования буржуазии и антинациональные притязания ее верхов. В период колониальной и полуколониальной зависимости местная буржуазия тоже была достаточно расслоена по размерам капитала и, главное, расщеплена по сферам его использования (между торгово-ростовщической деятельностью, включая компрадорство, и промышленным предпринимательством).

Столкновение этих — торгово-ростовщической и промышленной — группировок местной буржуазии происходило преимущественно в сфере сбыта, в которой, понятно, сильный побивал слабого. Но еще до первой мировой войны стали складываться более значительные противоречия как внутри местной буржуазии (независимо от ее национальной принадлежности), так и между ее предпринимательскими или близкими к ним группами и иностранным капиталом.

Суть этих новых, присущих эпохе империализма противоречий заключалась в том, что они разворачивались уже не столько в сфере сбыта — рынка, базара, сколько в сфере производства, промышленного и сельскохозяйственного. Такое перемещение противоречий вполне закономерно, ибо наступление эпохи империализма ознаменовалось тем, что мировой капиталистический рынок — категория сферы обращения — породил свое продолжение в сфере производства в виде мирового капиталистического хозяйства. Это перемещение основной сферы противоречий было установлено В. И. Лениным на основании исследований главных закономерностей эпохи империализма, и произвольное внесение даже частных, приуроченных к региональным вариантам толкований означало вульгарно-националистическую ревизию ленинской методологии изучения империализма.

Было бы упрощением сводить империалистический курс торможения индустриализации в колониях и полуколониях лишь к административным запретам и регламентациям национального промышленного предпринимательства. Конечно, эта линия экономической политики империализма на протяжении десятилетий играла далеко не последнюю роль. Политическая власть иноземного империалистического государ-

ства, как правило, всегда тормозила развитие национальной индустрии в эксплуатируемой стране. Вместе с тем в условиях, когда колонии и полуколонии оказались частью мирового капиталистического хозяйства, важным тормозящим фактором для национального предпринимательства стало технико-экономическое отставание местного капиталистического производства. Причем дело заключалось не только в том, что на афро-азиатской фабрике, как правило, устанавливалось морально устаревшее оборудование. Даже если оно было представлено новейшими образцами, экономичность его эксплуатации снижалась вследствие недостатков технического обслуживания, зависимости в снабжении запасными частями, вспомогательными материалами, а нередко и сырьем. Сверхэксплуатация афро-азиатского пролетариата не всегда, с точки зрения местного предпринимателя, перекрывала потери на технической отсталости и зависимости.

Именно невозможность воспроизвести на национальной почве вполне современное (в смысле оснащенности и экономичности) предприятие и сдерживала по преимуществу перелив местного капитала из сферы обращения в производство. Это тем более очевидно, что в колониальный период у национальных предпринимателей не было нынешних трудностей с переводом их денежного капитала в валюту, необходимую для закупки оборудования.

Таким образом, в эпоху империализма основное противоречие между национальной буржуазией и иностранным капиталом сосредоточивалось в области политического господства, в области государственной власти, в стремлении сбросить иностранную и установить национальную власть, которая должна была обеспечить независимое экономическое развитие. Если же взять область экономики — главное противоречие эпохи империализма между иностранным и национальным предпринимательским капиталом складывалось в сфере производства, все более определяя те противоречия, которые сложились в области обращения.

Однако проявлялось оно на рынке в ходе конкуренции товаров местного и иностранного производства. Поэтому вульгарная буржуазно-националистическая политэкономия усматривала панацею от трудностей индустриализации в ограждении «своего» рынка от иностранной конкуренции, т. е. в таможенной независимости и защите своего слабого капиталиста от более сильного иностранного или инонационального. Опыт суверенных афро-азиатских стран, которые, как правило, осуществляют очень жесткое ограничение импорта, убедительно демонстрирует ограниченность таможенной самостоятельности как предпосылки и условия быстрой индустриализации и форсированного формирования промышленной буржуазии.

Примечательно, что иностранные монополии в общем отнеслись достаточно равнодушно к введению ограничений на импорт в афро-азиатские государства.

В той мере, в какой национальное производство ныне перестает сталкиваться с иностранной конкуренцией на внутреннем рынке, становится беспредметным и само противопоставление предпринимательской буржуазии как «национальной» торгово-ростовщическому капиталу как «компрадорскому». Наоборот, предпринимательская буржуазия заинтересована в том, чтобы торговый капитал осуществлял максимальную мобилизацию экспортных ресурсов страны и сбывал ее на мировом рынке по максимально высоким ценам. Конечно, в странах с недостаточно развитой легкой промышленностью еще сохраняется компрадорская деятельность в ее традиционных формах. Но и в этом случае наиболее острые противоречия между местными капиталистами и иностранным капиталом развертываются не на внутреннем рынке при сбыте импортных потребительских товаров, а на мировом рынке при реализации экспортной продукции экономически отставшей страны.

Что касается противоречий внутри самой местной буржуазии, то по линии накопления они ныне в основном развертываются на внутреннем рынке, а по линии перевода накопленного капитала в производительную форму — вокруг дележа валютных ресурсов, поступающих как в виде экспортной выручки с мирового рынка, так и в виде иностранных кредитов, займов и иных фондов для приобретения современных средств производства.

Конечно, в различных странах эти противоречия развертываются с разной полнотой и зрелостью. Однако если исходить из более или менее длительного развития капитализма, то в конце концов за противоречиями внутри буржуазии окажется конкуренция отдельных видов производства, прежде всего крупного и мелкого. Причем в современных афро-азиатских странах техническое превосходство новых фабрично-заводских предприятий над немеханизированным производством несравненно больше, чем это было в Европе эпохи промышленного переворота. Поэтому перерастание мелкого производства через капиталистическую мануфактуру в фабрику, которое и ранее наблюдалось крайне редко, сдерживается недостатком капиталов и опыта у мелких предпринимателей.

Это обстоятельство вызывает беспокойство буржуазных экономистов и социологов, предлагающих свои рецепты объединения усилий крупных и мелких промышленников в рамках единого производственного комплекса. За образец берется японский опыт передачи мелким промышленникам заказов

на изготовление тех компонентов изделия, которые можно произвести ручным или примитивно механизированным трудом. Однако даже в Индии, где подобная практика получила наибольшее распространение, только несколько процентов стоимости производства мелкой промышленности падает на продукцию, которая затем используется крупными предприятиями. Основная же масса изделий мелкой промышленности по-прежнему находится в состоянии острой конкурентной войны с фабричной продукцией.

В этой обстановке лишь незначительная часть мелкого производства перерастает в фабрично-заводское, а примеры перемещения мелких промышленников в разряд крупных крайне немногочисленны. «Свежая кровь», которой пополняет свой организм крупная буржуазия, поступает преимущественно из среды спекулянтов и всякого рода маклеров, приискивающих солидное помещение для своих сомнительно нажитых капиталов; землевладельцев, вкладывающих в промышленность давние накопления и выкупы за землю, и обогатившихся на коррупции чиновников. Тонкая струя капиталов, исходящая от мелких промышленников, а также технической интеллигенции, ослабевает уже в низших слоях собственно буржуазии, главной питающей средой которой по-прежнему остаются торгово-ростовщические воротилы и эксплуататорские верхи докапиталистических укладов. Другими словами, у буржуазии нет достаточного демократического социального предполья, способного действительно омолодить ее как в структурном отношении, так и в расширении социальных связей.

Поскольку производительное овеществление капиталов, накопленных в национальной валюте, во многом (а иногда и решающим образом) зависит от экономических органов государства, последнее получает дополнительные возможности воздействовать на процессы формирования буржуазии в целом и отдельных ее слоев в частности.

В западных странах буржуазия сформировалась как класс еще под эгидой абсолютистских монархий. В афро-азиатских странах она или прошла начальные этапы этого процесса при колониальных режимах, или переживает их уже в условиях суверенитета. И в том и другом случае роль государства в формировании азиатской и африканской буржуазии относительно возрастает. Отсюда (а также ввиду тех отмеченных ранее позиций, которые держит государство в экономической жизни) происходит необычайно ожесточенная борьба буржуазии и ее отдельных группировок за влияние на государственный аппарат и использование его как средства самоутверждения в качестве класса. Обратной стороной этой борьбы является встречное стремление верхов государств

ного аппарата ряда стран к обуржуазиванию и вступлению на равных правах в ряды буржуазии.

Масштабы и формы этого взаимопроникновения правящих кругов и буржуазии (или ее нарождающихся элементов) зависят от социально-экономических и политических условий данной страны. В особенно отставших небольших государствах, главным образом африканских, оно сводится к выторговыванию выгодных поставок казне и армии, привилегированного доступа к внешнеторговым операциям и прочим теплым местечкам, где новоявленные дельцы могут быстро нагреть руки без первоначальных затрат капитала. В свою очередь чиновники, от которых исходят эти благодеяния, не брезгают приношениями нуворишей. Это патриархальное первоначальное накопление густо оплетено кумовством, семейными, родовыми и общинными связями и порождает ожесточенные, порой кровавые столкновения клик и группировок, которые втягивают в них «свои» племена, народности или общины. Понятно, что эмбрионы капитализма, которые вынашиваются в такой среде, с самого начала отмечены чертами вырождения, а захват неокрепшего государственного аппарата бесстыдно обогащающимися выскочками лишает его способности служить общенациональным интересам и превращает в доступный объект для переворотов и авантур.

В Азии определенная часть буржуазии в тех странах, которые вошли в агрессивные блоки, предполагала, что поддержка империализма не только послужит для нее надежным заслоном от антикапиталистических сил, но и обеспечит посредством щедрых субсидий особенно благоприятные условия обогащения. Конечно, долларовые инъекции взбадривают экономику и деловую жизнь страны. Такие периоды, например, пережила в начале 50-х годов Турция, а ныне переживает Таиланд, который пожинает сборы долларов за услуги, оказываемые США в их преступной войне против народов Вьетнама и Лаоса.

Однако кажущаяся легкость поживы за счет заокеанских благодетелей, зависимость от своего чиновничества и военщины при получении прибыльных кушей — вся обстановка спекулятивного ажиотажа вокруг американских заказов и субсидий развращает местных дельцов и делает в их глазах малопривлекательными длительные и хлопотливые усилия в области промышленного строительства. Сама кратковременность военных бумов заставляет местных дельцов сосредоточиваться на быстрейшей мобилизации уже имеющихся в стране возможностей по удовлетворению запросов американского заказчика или собственного военного ведомства. Производительное помещение вырученных прибылей является скорее исключением, чем правилом. Не случайно именно эти

страны и их правящие круги пережили наибольшие потрясения. Установление в этих странах военно-полицейских диктатур приводит к сужению социальной базы, а от участия в государственной жизни устраняются не только народные массы, но и значительная часть самой буржуазии.

В некоторых нейтралистских странах буржуазия, осуществив, хотя бы частично, ряд общенациональных мероприятий, сумела отсрочить классовые взрывы, сохранить под собой относительно широкую социальную базу. Это в значительной мере объясняется здесь более высокой политической организацией буржуазии, ее умением находить компромисс с сельскими верхами и служилыми слоями. Следует также учитывать различия в самой структуре буржуазии, определяемые различной степенью зрелости национального капитализма, и экономическую природу взаимосвязей между ее отдельными слоями.

В колониях и полуколониях внутренние связи местной буржуазии (или ее элементов) строились на торговой и кредитной зависимости ее низших и средних слоев от банкирско-купеческой верхушки. Эти связи весьма часто замыкались в традиционную форму, при которой члены определенной группы, общины или касты торговцев и ростовщиков при сношениях друг с другом пользовались взаимными привилегиями, уступками и преимуществами. Спайка и взаимовыручка торговых общин были особенно тесными и прочными в тех случаях, когда последние были инонациональными по отношению к коренному населению (китайцы и индийцы в Юго-Восточной Азии, индийцы и арабы в Тропической и Южной Африке). И по сей день существуют, а в ряде стран даже преобладают группировки буржуазии с преимущественно торгово-ростовщической ориентацией и соответствующей структурой и организацией.

Верхние слои такой буржуазии делают главную ставку на сотрудничество компрадорского типа с иностранным капиталом, сохранение и усиление феодального и торгово-ростовщического угнетения крестьянства и ремесленников. Они тяготеют к антидемократическим режимам и идут на превращение своих стран или стран проживания в плацдармы империалистической агрессии. Если говорить об экономической основе подобного рода притязаний, то они опираются не на концентрацию промышленного производства, а на концентрацию торгово-ростовщического, главным образом компрадорского, капитала и земельной собственности.

Более зрелые формы приняли монополистические тенденции у индийской буржуазии, проистекающие из сравнительно высокого уровня концентрации фабрично-заводского производства и банковского капитала. Однако даже капитал мо-

нополистических объединений Индии преждевременно отнести к категории финансового капитала. На Востоке еще не сложился такой промышленный капитал, который был бы способен при своем взаимодействии с банковским породить финансовый капитал. Даже современный промышленный капитал Индии и Турции не обладает той базой для производства средств производства, которую имел промышленный капитал западных держав в конце XIX в., в период образования финансового капитала. Правда, финансовый капитал в Японии тоже формировался на базе слабо развитой тяжелой промышленности, однако индустриальная слабость японских монополий была возмещена колониальной экспансией нарождающегося военно-феодального японского империализма. Понятно, что при современном соотношении мировых сил монополистические круги местной буржуазии не могут рассчитывать на колониальные захваты.

Однако нельзя не предусматривать возможности превращения в будущем капитала монополистических объединений в финансовый капитал. Экономической основой для такого перерождения капитализма являются концентрация капитала и производства и широкое строительство в некоторых странах Востока, прежде всего в той же Индии, тяжелой промышленности. В случае если национальным монополиям удастся взять под контроль тяжелую промышленность, появится важное условие для перерождения их в финансовый капитал.

Не ограничиваясь всемерным укреплением своих экономических позиций, монополистическая буржуазия пытается овладеть государственным аппаратом и другими рычагами политического, идеологического и военного контроля. Индийские монополисты, следуя по стопам своих западных наставников, пытаются оказывать растущее воздействие на идеологическую жизнь страны, захватывая в свои руки крупнейшие газеты и журналы, используя услуги многочисленных специалистов в области экономики и других общественных наук. Сопротивление явлениям монополизации имеет не только демократический, но и антиимпериалистический характер, поскольку за спиной монополистов стоят их западные собратья. Поэтому борьба с монополистическими тенденциями является, как и другие направления общедемократического движения, непременным условием укрепления независимости на основе экономической самостоятельности.

Ныне, когда на пути устремлений монополистических кругов установить свою политическую диктатуру стоят многочисленные антикапиталистические слои, у молодых стран Азии появились реальные возможности избежать монополистическую стадию капитализма.

Некоторые политические последствия буржуазного руководства государством. Тенденция образования в среде крупной буржуазии монополий и бюрократических клик способствует отделению крупной буржуазии от остальных ее слоев и росту противоречий в рядах самой буржуазии. В последние годы в ряде стран противоречия внутри буржуазии открыто проявились на политической арене.

Как уже отмечалось, военные соглашения с империалистическими государствами не принесли буржуазии стран, вовлеченных в агрессивные блоки, желаемой стабильности и процветания. Кризис правящих кругов и глубокое недовольство мелкобуржуазных слоев, служилых и отчасти военных кругов вызвали цепь политических потрясений и переворотов. В результате их буржуазия Ирана, Пакистана и в меньшей степени Турции стала постепенно отходить от односторонней политической и экономической ориентации на агрессивные блоки и сотрудничество с западными монополиями, хотя этот процесс находится еще на начальной стадии.

Преимущественно аграрная структура народного хозяйства этих стран, которая до поры до времени амортизировала противоречия капиталистического развития, начинает все болезненнее испытывать последствия своей отсталости и сопутствующих трудностей на мировом рынке. Неотложная задача ее оздоровления и модернизации требует средств, которые могли бы пойти на индустриализацию и укрепление буржуазного предпринимательства. Слабость собственной промышленной базы привязывает капиталы буржуазии Турции, Пакистана и Ирана к торговле сельскохозяйственными продуктами, подверженной спекулятивному ажиотажу и ударам неблагоприятной конъюнктуры мирового рынка. У буржуазии этих стран на пути классовой стабилизации и укрепления позиций в руководстве государством еще немало препятствий, преодоление которых неизбежно породит новые потрясения.

В Индии происходит политическая консолидация наиболее реакционных групп буржуазии и землевладельцев. Правые политические партии открыто атакуют нейтралистскую внешнюю политику правительства и держат курс на установление внутри страны диктатуры крупного бизнеса и связанной с ним части государственного аппарата. В этом, в частности, находит свое проявление то обстоятельство, что Индия, где буржуазия в целом обладает наибольшим влиянием и политико-организационным опытом, чревата назревающим «кризисом верхов». Первые признаки кризиса проявились в 1958—1959 гг. — угроза срыва второго пятилетнего плана из-за недостатка валюты, победа коммунистов в Керале и образование партии «Сватантра». Используя крупные западные кредиты и индо-китайский пограничный конфликт, пра-

вящее ядро Конгресса во главе с Неру сумело нейтрализовать крайне левые силы и затормозить размежевание внутри самой партии. Новая вспышка индо-китайского конфликта осенью 1962 г. вызвала в Индии очередное политическое напряжение, которое было использовано реакцией для наступления против общенациональных моментов в политике Неру, против Коммунистической партии и демократических завоеваний народа. Созданная конфликтом обстановка позволила реакции укрепить свои позиции в ходе наметившегося «кризиса верхов» и еще более усилить нажим на компартию с целью ее изоляции от масс.

Особенно активизировалась реакция в Индии в связи со всеобщими выборами, проходившими в феврале 1967 г. Реакционеры, получая активную поддержку извне, широко использовали в своих целях экономические трудности, которые переживала Индия. Они выступают против дальнейшего развития государственного сектора в экономике и планирования, за предоставление неограниченного поля деятельности частному капиталу, за милитаризацию государства. Наряду с этим монополистические круги и их союзники из помещиков и сельских богатеев призывают правительство применить самые жесткие меры для подавления массовой борьбы трудящихся за свои права и интересы.

В конечном счете эти политические события лишь отражают неуклонно нарастающие в процессе капиталистического развития Индии общественные противоречия. Реакционные верхи имущих классов Индии предприняли серьезную и небезуспешную попытку сочетать открыто буржуазную программу «Сватантры» с фанатическим коммунализмом индуистских партий и организаций. В политическом аспекте это означает неравноправный союз сознательно буржуазных элементов индийского общества с безбрежными массами самых отсталых слоев, сознание которых еще сковано религиозной мистикой и не подготовлено к восприятию какого-либо светского мировоззрения, включая и буржуазное.

Если в Индии классовые противоречия обостряются в ходе замедленной капиталистической реконструкции общества, то иное положение сложилось в Индонезии. Здесь борьба с сепаратистами и нидерландскими захватчиками, которые удерживали Западный Ириан, позволила правящим кругам на долгий срок отодвинуть проведение индустриализации и прочих мер по преобразованию экономической структуры общества. И все же после упрочения политической независимости, подавления реакционных мятежей 1956—1961 гг. и почти полной национализации иностранной собственности появилась возможность для возрождения народного хозяйства и подъема благосостояния народа. Однако задержка дальнейших

общедемократических преобразований в области экономики и общественной жизни выявила несостоятельность так называемой направляемой демократии.

«Направляемая демократия» родилась в чрезвычайных условиях реакционных мятежей 1956—1961 гг. как определенная тактика борьбы против правых сил. Отгеснив на задний план группировки старой либеральной буржуазии, «направляемая демократия» нашла им замену в непомерно разбухшей за годы независимости бюрократии. Последняя всплыла на поверхность экономической и политической жизни в силу того, что смогла обратить значительную часть государственного сектора в источник своего обогащения, используя в своих интересах бюджетные средства, незаконно захватывая или арендуя предприятия у государства с целью «переливания» доходов из них в свои собственные карманы. Так, путем обескровливания государственного сектора возник капиталист-бюрократ.

С первого взгляда индонезийского чиновника, занимающегося казнокрадством, взяточничеством, коррупцией и т. п., трудно причислить к классу капиталистов. Но в том-то и заключается особенность этой социальной группы, что она путем разграбления государственного сектора осуществляла частнокапиталистическое накопление в самом широком масштабе. Бюрократический аппарат превратился в реакционную силу, стоящую на пути дальнейшего развития индонезийской революции. В итоге «замораживание» экономических и социальных процессов не дало правящим кругам желаемых результатов. Хозяйственный упадок и инфляция, коррумпирование государственного аппарата, особенно его экономических органов, породили глубокий социальный и политический кризис. «Движение 30 сентября» 1965 г. и последовавшая волна кровавого террора против коммунистов и демократических организаций были связаны с этим кризисом.

Поучительны во многих отношениях события в Марокко и Тунисе. После завоевания Марокко независимости среди крестьян была распределена некоторая часть земель, конфискованных у феодалов-коллорабационистов или выкупленных у европейских колонистов. Государство получило значительную долю в ряде действующих в стране акционерных обществ, началось строительство крупных промышленных предприятий, наладились торговые связи с СССР. Однако в целом позиции французского капитала в стране не были подорваны: в его руках по-прежнему почти весь так называемый современный сектор, дающий 70% промышленной продукции Марокко, 80% марокканского импорта-экспорта. Исключительно высоки прибыли европейских колонистов, большинство которых осталось в стране.

Объясняется все это тем, что у власти в Марокко находится блок крупной буржуазии и феодалов, до завоевания независимости выступавший против господства империализма, но после захвата политической власти значительно эволюционировавший вправо. Буржуазия и часть феодалов, верных «монарху-патриоту» султану Мухаммеду Бен Юсефу (с 1957 г. королю Мухаммеду V), всегда выступали против группы феодалов, сотрудничавших с колонизаторами. Но, получив власть и устранив соперников, скомпрометированных предательством национальных интересов, буржуазия и феодалы королевского лагеря сами обнаружили тенденцию к сближению с монополистическим капиталом Франции, а также с монополиями США, активизировавшимися в Марокко с конца второй мировой войны, а особенно с 1956 г. Из среды феодалов и неокомпрадоров после 1956 г. формировалась крупная торговая, аграрная и промышленная буржуазия, которую иностранный капитал усиленно привлекал в «современный» сектор, а также высшая бюрократия государственного аппарата, заменившего прежнюю администрацию протектората. Интересы этих слоев и выражает правящий блок, на который опирается царствующий с февраля 1961 г. король Хасан II.

В оппозиции к трону находятся старейшая партия «Истикляль» («Независимость»), ныне представляющая отсталые слои арабской буржуазии «традиционного» сектора, и клерикально-экстремистские элементы национального движения, а также Национальный союз народных сил (НСНС) — революционно-демократическая организация, объединяющая широкие слои городской мелкой буржуазии, части рабочего класса, интеллигенции. Программа и идеология НСНС близка доктринам Арабского социалистического союза ОАР и Алжирского фронта национального освобождения.

В обстановке разъединенности прогрессивных сил Марокко стали возможны такие акты правящих кругов, как преследования компартии в 1959—1960 гг., попытки разгромить НСНС в 1962—1963 гг., пограничный конфликт с Алжиром осенью 1963 г., процессы против патриотов весной 1964 г.

По-иному складывались события в Тунисе. Здесь у власти с 1956 г. встала массовая партия «Найя Дустур», с 1934 г. руководившая освободительной борьбой тунисцев. Эта партия, пользуясь значительным влиянием среди крестьян и рабочих, даже включая в свои ряды представителей национальной буржуазии, всегда находилась под контролем весьма влиятельной в партии мелкобуржуазной интеллигенции и других патриотически настроенных выходцев из промежуточных прослоек. Придя к власти, они до 1960 г. придерживались «экономического либерализма», т. е. свободы частного

предпринимательства. Однако, столкнувшись с невозможностью таким путем решить насущные экономические и социальные проблемы страны, лидеры «Найя Дустура» с 1961 г. стали внедрять плановое начало и государственный контроль, вводить меры по ограничению спекулятивной деятельности буржуазии и так называемому оздоровлению цен. Начал расти государственный сектор. В октябре 1964 г. съезд «Найя Дустура» переименовал партию в Дустуровскую социалистическую партию.

В значительной степени все эти меры были подготовлены осуществленными ранее буржуазно-демократическими преобразованиями: низложением монархии и провозглашением республики (в июле 1957 г.), ликвидацией религиозных судов и введением равноправия женщин (в 1956 г.), национализацией имущества религиозных общин (в 1956—1957 гг.), введением прогрессивного рабочего и социального законодательства (в 1956 г.), национализацией земель европейских колонистов в граничащих с Алжиром районах (в 1958 г.). Изданные в 1957 г. исключительные законы против коллаборационистов практически срезали верхушку крупной буржуазии и феодалов: было конфисковано все имущество около 200 богатейших землевладельцев, капиталистов, сотрудничавших до независимости с колонизаторами. Во время франко-тунисского конфликта из-за Бизерты в июле 1961 г. почти вся собственность французских капиталистов в Тунисе была секвестрована. Тогда же были секвестрованы земли свергнутой с престола бейской династии. В 1964 г. было полностью ликвидировано землевладение европейских колонистов. Государственно-кооперативный сектор в сельском хозяйстве охватил 1,2 млн. га, т. е. 25% всех пахотных земель. Государственный сектор контролирует также транспорт, шахты, все вновь построенные предприятия, производство и распределение электроэнергии. Однако решительной борьбы против частного капитала, как иностранного, так и национального, не ведется.

Если в Марокко буржуазия расширяет свои позиции благодаря компромиссу с феодальными элементами, а в Тунисе сохраняет их в рамках дустуровского госкапитализма, то в других арабских странах, как то: в ОАР, Сирии, Алжире, а также в Бирме, буржуазия оказалась отстраненной от руководства государственной жизнью как сила, явно неспособная решать общенациональные задачи.

Вся социальная и политическая обстановка, складывавшаяся в странах, где государственная политика определяется интересами эксплуататорских классов, свидетельствует, таким образом, о том, что способность буржуазии представлять и, главное, претворять в жизнь общенациональные интересы на этапе суверенного развития оказалась несравненно меньшей,

чем это было в период борьбы за независимость. Перенос центра общенациональных противоречий с империализмом из сферы политической в сферу экономическую выявляет объективную классовую однородность афро-азиатской буржуазии и буржуазии Запада.

Если их однородность выражается в общем намерении утвердить афро-азиатские страны в орбите капиталистических отношений, то различие между ними принимает форму частных, хотя и очень серьезных противоречий. Причем однородность возрастает, а нетождественность сокращается по мере того, как местную буржуазию начинают представлять ее высшие слои, в наибольшей мере склонные и подготовленные к относительно равноправному сотрудничеству с иностранными партнерами. Поэтому в целом созревание там, где это возможно, местной крупной буржуазии укрепляет тенденцию сближения с иностранными монополиями, хотя эта тенденция нарушается и даже порой прерывается усилиями одной из сторон выторговать для себя более выгодные условия соглашения.

Ослабление антиимпериалистических возможностей буржуазии усугубляется ее неспособностью распространить социальный прогресс на наиболее нуждающиеся в нем народные массы. С наибольшей очевидностью эта ограниченность буржуазии проявилась в ее политике по отношению к крестьянству.

Экономические и социальные изменения в деревне и сдвиги в крестьянском движении

Общая закономерность в социальной динамике населения афро-азиатских стран состоит в некотором сокращении доли крестьян при продолжающемся абсолютном росте их численности. Рост численности крестьянства объясняется главным образом несоответствием между темпами увеличения населения и возрастанием занятости в несельскохозяйственных отраслях экономики. Уменьшение же удельного веса крестьянства в населении происходит в результате роста других классов и социальных групп и в первую очередь рабочих и служащих, занятых в промышленности, на транспорте, в сфере услуг и в других несельскохозяйственных отраслях.

Крестьянство Азии и Африки нельзя назвать чистой мелкой буржуазией в том смысле, что мелкий товаропроизводитель свободен от докапиталистических связей. Тут оно многочисленными нитями еще связано с всевозможными остатками общинных, племенных и иных патриархальных обычаев, традиций и даже форм организации труда.

Аграрные реформы и дальнейшее расслоение крестьян. Значительный отпечаток на структуру крестьянства и характер крестьянских движений накладывают аграрные реформы, проводимые в независимых государствах Азии и Африки. По мере осуществления аграрного законодательства происходили изменения в положении крестьянства. До проведения аграрных реформ в деревне были две наиболее многочисленные фигуры: мелкий арендатор-издольщик и мелкий собственник (и полуарендатор). После проведения реформ, когда значительная часть бывших арендаторов превратилась в мелких собственников, владельцев парцелл, крестьянское безземелье было частично заменено малоземельем.

Несомненно крестьяне — бывшие арендаторы получили права собственности на свои участки на тяжелых условиях (выкуп, высокое налогообложение). Более острыми становились противоречия между полупролетарскими массами деревни, государством и растущими предпринимательскими слоями деревни, которые по-прежнему эксплуатировали их, хотя кабальная зависимость и уступала постепенно свое место капиталистическому найму.

Известно, что еще в дореформенный период в течение длительного времени происходило имущественное и социальное расслоение крестьянства. Выделяющаяся верхушка сельской общины постепенно концентрировала в своих руках значительную часть земли и других средств и орудий производства и превращалась в арендаторов-посредников. Как правило, именно эта высшая прослойка крестьян-арендаторов (сюда же можно отнести старост деревень и других представителей сельской знати) с развитием земледельческого капитализма стала еще в дореформенный период в деревне стран Востока основой, из которой складывалась, хотя и замедленно, предпринимательская прослойка. Вот почему даже там, где по аграрному законодательству арендаторам отчуждалась большая часть помещичьих земель, сохранилось крайнее неравенство в распределении земельной собственности. Примером могут служить бывшие районы заминдари в Индии и Пакистане.

Аграрное законодательство ряда стран наметило специальные меры по созданию на отчуждаемых землях крепких хозяйств. Так, состоятельному крестьянину Ирана было разрешено приобрести участок, в два раза превышающий минимум, установленный в данной деревне. Такая политика была направлена на укрепление сельских верхов, превращение их наряду с капитализирующимися помещиками в социальную опору правящих классов, а иногда даже на включение в состав последних.

Именно укрепление сельских верхов на предприниматель-

ской основе явилось важнейшим сдвигом в социальной структуре пореформенной деревни. Причем там, где отчуждалась значительная часть крупного помещичьего землевладения, именно сельские верхи становились главным эксплуататорским элементом деревни. Этому содействовало и то обстоятельство, что нередко, имея одно и то же социальное происхождение, мелкий и средний помещик и богатый крестьянин во многих странах Южной и Юго-Восточной Азии различаются экономически не столько качественно, сколько количественно. Как те, так и другие широко применяют сдачу земли в издольную аренду, дополняя это торговлей и ростовщическими операциями.

Различные слои землевладельцев — от помещиков до собственников мелких парцелл — нередко принадлежат к единой традиционно привилегированной группе (сословие, каста, род, секта и т. п.). В Индии «сельская знать», или «элита», принадлежит к привилегированным кастам, которые, хотя и не едины в классовом отношении, владеют большей частью земли в стране. Сам по себе факт обладания землей делает такую касту самой влиятельной силой деревни. Даже ее безземельные члены сопротивляются отмене землевладельческих привилегий своей касты, хотя сами же и страдают от них наравне с «низшими» кастами. Сельская знать удерживает за собой местную власть, руководство кооперативами и общественными организациями. Добавим, что эта элита старается дать образование своим сыновьям, чтобы младших из них направлять на государственную службу, в армию, в сферу свободных профессий и т. п., избегая тем самым дробления земельной собственности.

Наличие огромной массы безземельных и малоземельных крестьян (в Индии 75% крестьян — малоземельные и полностью безземельные бедняки, в Индонезии — 70, в Турции — 65% и т. д.) при слабом развитии капиталистических отношений объясняет такую особенность социальной структуры, как относительная малочисленность сельской буржуазии в классическом смысле этого слова. Формирование и рост буржуазии деревни связаны с развитием капитализма вглубь, с ростом местного товарного производства и внутреннего рынка, товарно-денежных отношений. Ее численность и экономическая роль находятся в прямой зависимости от этих факторов. А довлеющий над мелким производством помещичий и торгово-ростовщический гнет задерживает его капиталистическое развитие и образование свободного от личной зависимости и полуфеодалных повинностей слоя сельской буржуазии из трудового крестьянства.

Углубление имущественной и социальной дифференциации среди крестьянства увеличило численность сельскохозяйст-

венных рабочих, особенно сезонных поденщиков, батраков и главным образом безземельных крестьян — полупролетариев. В большинстве стран Южной и Юго-Восточной Азии они составляют от 40 до 50% всего самостоятельного сельскохозяйственного населения. В результате роста беззанятости положение этой части сельского населения продолжает ухудшаться. В некоторых странах (Иран, Турция) аграрные законы провозглашали право батраков на получение «семейных наделов»; на практике это право оказалось чистой демагогией. Вместе с тем в ряде стран (Индия, Цейлон, Филиппины) законодательство регламентировало условия труда сельскохозяйственных рабочих, устанавливая минимум заработной платы, и разрешало их организацию в профсоюзы. Принятие законов об ограничении эксплуатации крестьянства и сельскохозяйственных рабочих свидетельствовало о стремлении правящих кругов «умиротворить» крестьянство и не допустить обострения социальных катаклизмов.

Аграрные реформы удовлетворили чаяния главным образом сельской верхушки, однако не внесли серьезных изменений в положение безземельной массы крестьянства. Основа их существования коренится в самой отсталости малопродуктивной агротехники, которая требовала привлечения в сезоны посева и уборки (иногда для полива) больших масс рабочей силы. Поскольку для большинства афро-азиатских стран (исключая государства Тропической Африки), как уже указывалось, возможности экстенсивного расширения запашки удобных земель крайне ограничены, использование рабочей силы в условиях капиталистического хозяйствования может возрастать лишь в том случае, если к единице площади будет прилагаться больше труда.

Однако развиваться только по этой линии капиталистическое производство не может. Без замены ручного труда механизированным нельзя решительно поднять производительность труда. К тому же в возделывании ряда культур или в некоторых операциях интенсивного земледелия без машин просто нельзя обойтись. Однако, приступая к механизации сельского хозяйства, развивающиеся афро-азиатские страны неизбежно сталкиваются с проблемой занятости.

Нынешние темпы индустриализации в этих странах пока что не привели к серьезному изменению в соотношении городского и сельского населения. Несмотря на рост занятости в несельскохозяйственной сфере, в деревне Азии и Африки сосредоточены сотни миллионов трудоспособных лиц, занятых лишь половину и менее нормального рабочего времени. Эта огромная армия пауперов, сельских полупролетариев и пролетариев в социально-экономическом смысле представляет застойную форму относительного аграрного перенаселения.

Естественно, что даже при прочих благоприятных условиях процесс механизации сельского хозяйства будет довольно длительное время сдерживаться нерешенностью проблемы занятости, прежде всего безземельных пролетариев и полупролетариев деревни. Несомненно также, что развитие той или иной страны на капиталистической основе сохраняет огромные массы населения вне сферы капиталистического производства, лишает их средств и смысла существования. Тем самым накапливается тот «горючий материал», который чреват серьезными конфликтами и политическими потрясениями.

Крестьянское движение. В первые послевоенные годы активность и организованность крестьянства, включая наиболее забытые низшие слои сельского населения, возросли. Во многих странах возникли и укрепились крестьянские организации и объединения сельского пролетариата, руководимые как буржуазными, так и левыми партиями (в Индии, Бирме, Индонезии, Малайе, Сирии, на Филиппинах и др.). И все же основная масса крестьянства оставалась вне организаций, а его выступления чаще всего имели стихийный и локальный характер.

Это обуславливалось целым рядом самых различных причин и прежде всего социальной и экономической отсталостью, свойственной крестьянским массам подавляющего большинства районов Востока, сохранением средневековых институтов (например, каст), разъединяющих крестьянство религиозной и племенной рознью. В этом же направлении действовала политика национально-буржуазного руководства, стремившегося оторвать антиимпериалистическое движение масс от их антифеодальных устремлений, огромные трудности, с которыми сталкивались прогрессивные политические организации в колониальный период, и прежде всего репрессии против них, а также левосектантские ошибки коммунистических партий некоторых стран.

В обстановке политической независимости борьба крестьян за землю отражала особенности земельной проблемы, характерной для этого района мира в целом. Суть ее заключалась в том, что в большинстве стран Азии не получило развития крупное земледельческое хозяйство, которое велось бы на основе отработок или найма батраков. Основная часть земли сдавалась в краткосрочную или наследственную аренду крестьянам. Поэтому борьба крестьянства за землю разворачивалась главным образом как движение арендаторов за получение прав собственности на занимаемую землю или же за снижение арендной платы и укрепление арендаторских прав. В этой борьбе принимали участие самые различные прослойки крестьян-арендаторов: от пауперизировавшихся из-

дольщиков-полубатраков до зажиточной крестьянской верхушки из привилегированных арендаторов.

Одновременно с борьбой за землю крестьянские массы выступали и против многих пережитков феодализма, торговлоростовщической эксплуатации, высоких налогов и т. д. Постепенно развивалась и борьба сельскохозяйственного пролетариата за свои права. Однако воздействие крестьянских движений на аграрную политику правящих кругов в различных странах было далеко не одинаковым. Например, в Индии проводочки с принятием и последующей реализацией законов об отмене привилегированного, «статутного» помещичьего землевладения продолжались около пяти лет. Когда же оказалось, что, несмотря на проводившуюся политику подавления крестьянского движения, оно все ширилось, а коммунисты и другие левые силы одержали первую крупную победу на всеобщих выборах 1952 г., принятые законы стали наконец проводиться в жизнь.

В наиболее отсталых странах (Саудовской Аравии, Иордании, Лаосе, Непале, большинстве стран Африки), где крестьянские массы отличались еще большей инертностью в социально-экономическом и политическом смысле, принятие аграрного законодательства и особенно его осуществление были вообще задержаны.

Сохранение традиционной сельской структуры в сочетании с социальными мерами государства действуют в качестве амортизатора классовых противоречий. Уже в ходе осуществления аграрного законодательства крестьянское движение переживало определенный спад. Это во многом объясняется отходом (иногда на длительное время) от активной борьбы тех слоев крестьянства, которые в наибольшей степени выиграли от реформ, главным образом его верхних слоев. Немаловажное значение имела и временная дезориентация крестьянских масс, порожденные среди них реформами надежды и иллюзии. Все это сказалось на крестьянском движении середины 50-х годов в Индии, Пакистане, на Филиппинах и в ряде других стран.

По мере реформирования старого аграрного строя, сокращения сферы феодальной и полуфеодальной эксплуатации в крестьянстве как классе-сословию усиливались противоречия между медленно, но неуклонно укреплявшейся крестьянской верхушкой и широкими массами трудящихся крестьян, особенно деревенскими низами, чье положение оставалось крайне тяжелым.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что примерно до 50-х годов путем реформ, а также экономической эволюции под влиянием реформ была в основном ликвидирована прослойка наиболее крупных землевладельцев-рентополучателей, проти-

востоявших не только трудящемуся крестьянству, но и сельским верхам. Перед крестьянством тогда еще стоял ряд общих нерешенных задач, имевших важное значение для всех его слоев, и поэтому оно выступало единым фронтом. Яркие примеры этого — те страны и районы, где борьба крестьян за землю происходила в наиболее острых формах, вплоть до восстаний. Так, во время восстания в Теленгане (Индия) крестьяне выступали в основном против крупной земельной собственности, а интересы зажиточной крестьянской верхушки фактически не были затронуты. Почти исключительно против крупного землевладения направлялась борьба за землю крестьян в штате Керала во время пребывания у власти демократического правительства.

Одно из главных мест в крестьянском движении на Востоке в ходе осуществления аграрных реформ занимала и частично занимает до сих пор борьба крестьян-арендаторов против сгона их с земли помещиками. Массовый сгон крестьян-арендаторов с земли — явление в значительной степени характерное именно для послевоенных лет, когда в результате эволюции капиталистических форм хозяйства в земледелии, а также под влиянием или под угрозой реформ, направленных в основном против крупной земельной собственности (т. е. сдаваемой главным образом в полуфеодалную аренду), помещики начали несколько шире переходить к организации предпринимательского хозяйства на своих землях. Массовый сгон маломощных крестьян-арендаторов был связан также со стремлением многих крупных и средних землевладельцев (в предвидении и под непосредственной угрозой реформ) осуществить рассредоточение своей земельной собственности (как фактическое, так и фиктивное) на максимально выгодных условиях.

После опубликования нового аграрного законодательства во многих странах этот процесс приобрел отчасти легальный характер, поскольку новыми законами поощрялся переход помещиков к ведению своего хозяйства. При этом помещики обычно не считались с ограничениями, устанавливаемыми в этом отношении законом. По данным Всеиндийского крестьянского союза, количество арендаторов, согнанных в 50-х годах, исчисляется миллионами. Только в одном Бихаре за пять лет было согнано с земли 1200 тыс. крестьян. После опубликования первых аграрных законов в Пакистане число крестьян, согнанных с земли или получивших уведомление об аннулировании арендных прав, исчислялось многими сотнями тысяч человек. В Турции к 1960 г. было согнано с земли свыше 200 тыс. семей крестьян-арендаторов. Попытки сгона крестьян с обрабатываемых ими земель также имели место в Ливане, Сирии, на Цейлоне, Филиппинах и в других странах.

На Филиппинах, например, помещики использовали предоставленное им законом право капиталистической «чистки» земли не только для организации своего хозяйства, но и для оказания давления на арендаторов-издольщиков, пыгавшихся добиться установления нормы раздела урожая, определенной законами 1946 и 1954 гг. Та легкость, с которой помещики злоупотребляли правами, предоставленными им новым аграрным законодательством в отношении «чистки» земли, объяснялась во многом тем, что почти ни в одной стране Востока это законодательство не предусматривало участия в проведении реформ представителей трудящегося крестьянства.

Борьба за землю, против крупного землевладения (проходившая в различных направлениях: борьба за проведение земельных реформ, против сгонов, за улучшение условий аренды, снижение выкупа за землю и т. п.) была не единственной формой крестьянского движения в рассматриваемый период. Одновременно развертывалась и борьба против эксплуатации крестьянства местным торгово-ростовщическим и промышленным капиталом, иностранными монополиями. Наряду с этим в ряде стран (например, в Индонезии, Египте и др.) крестьяне принимали активное участие в борьбе против иностранного империализма и неокOLONиализма.

Постепенно все более начинала выявляться и антикапиталистическая линия в выступлениях сельских низов, направленных против эксплуатации их сельской буржуазией. На крестьянском движении все более сказывались социально-экономические последствия аграрных реформ, заметно изменивших расстановку классовых сил внутри деревни. В пореформенной деревне сохранялись условия для существования единого крестьянского фронта в борьбе за землю лишь поскольку сохранилась крупная земельная собственность. Однако по мере развития борьбы крестьянства за землю и усиления противоречий внутри крестьянства по вопросу о судьбе изымаемой у помещиков земли от крестьянского движения стали отходить отдельные группы. Если верхние группы арендаторов были за распределение ее среди крестьянской буржуазии, то сельские низы (особенно та часть их, которая находилась под влиянием революционных крестьянских организаций) все активнее выступали за передачу ее прежде всего безземельным и малоземельным крестьянам. Это противоречие отчетливо проявилось, например, в Индии во время борьбы за проведение в жизнь Нагпурской резолюции партии Национальный конгресс, требовавшей установления максимума землевладения.

Отход зажиточного и части среднего крестьянства от борьбы за землю особенно усилился после того, как в ряде

стран было принято аграрное законодательство, ограничивавшее размеры землевладения на одно хозяйство и приближавшее «потолок» землевладения к средним (или верхним) размерам зажиточного хозяйства. Там, где исторически не сложилась крупная помещичья собственность, более или менее состоятельная часть крестьянства не принимает активного участия в борьбе за землю, особенно после ликвидации системы феодальных княжеств (Индонезия) и укрепления арендаторских прав (Цейлон).

Нами уже указывалось, что установление ограничений землевладения чаще всего не приводило к перераспределению земли, так как основная часть помещичьей земли издавна находилась в пользовании арендаторов. В результате уже давно развивающегося процесса, имущественной дифференциации сельского населения эта земля крайне неравномерно распределена между различными слоями крестьянства. И реформы не устраняли этого неравенства. Попытки частичного перераспределения в некоторых странах не увенчались успехом и лишь вызвали недовольство немалой части состоятельных арендаторов.

Снижение земельного «потолка» могло произойти прежде всего в результате перераспределения земли внутри крестьянства в пользу сельских низов. Зажиточное крестьянство и многие середняки, естественно, не стремились к этому и прекращали борьбу за землю. Это тем более объяснимо, поскольку в результате ликвидации крупного (особенно феодального) землевладения, а также по мере развития капитализма в сельском хозяйстве сохранившиеся помещики (преимущественно мелкие) и зажиточные крестьяне (довольно широко применяющие методы полуфеодальной эксплуатации крестьянской бедноты) все меньше отличались друг от друга в социально-экономическом смысле.

Вместе с тем по мере проведения земельных реформ от активного участия в крестьянском движении отошла и часть сельской бедноты и сельскохозяйственного пролетариата, которая или сохранила еще политическую и психологическую подчиненность деревенской верхушке (а также немало зависела от нее экономически), или же на какое-то время потеряла перспективу борьбы, не будучи способной открыто противопоставить себя зажиточному крестьянству.

Высокий уровень аграрного перенаселения деревни во многих странах Востока нередко не позволяет удовлетворить потребность в земле значительной части безземельных и малоземельных крестьян даже путем полностью уравнительного перераспределения земли. Поэтому в таких странах после более или менее существенного ограничения размеров надела на одно хозяйство (прежде всего в Сирии, Бирме, а также в

странах, где исторически не сложилась крупная земельная собственность,— на Цейлоне, в Таиланде, Индонезии) вопрос о дальнейшем перераспределении земли вообще перестает быть главным в крестьянском движении. На первый план выступают вопросы борьбы за полную ликвидацию всех пережитков феодализма (особенно за устранение кабальных арендных отношений), против торгово-ростовщической эксплуатации, за кооперирование трудящегося крестьянства, освоение новых земель, ограничение капиталистической эксплуатации, увеличение помощи деревне со стороны государства и т. д.

Не случайно поэтому важной чертой, характерной для крестьянского движения на Востоке в пореформенный период, является дальнейшее усиление дифференциации различных слоев сельского населения по таким общекрестьянским вопросам борьбы, как борьба против эксплуатации деревни городской буржуазией и налоговым аппаратом государства, за кооперирование крестьянства и т. п. Безусловно эта борьба представляет в значительной степени общекрестьянский интерес, но в то же время разные слои крестьянства преследуют в ней разные цели. Так, в принципе все слои крестьянства заинтересованы в снижении поземельного налога или, например, в облегчении бремени закупочных цен. Однако низшие слои крестьянства зачастую выступают за отмену или снижение поземельного налога прежде всего с мелких, «нерентабельных» хозяйств, а также за замену регрессивной закупочной квоты (с каждой единицы площади) прогрессивной, облегчающей положение малоземельных крестьян.

Точно так же в области кооперирования: экономически самостоятельная часть крестьянства объективно больше заинтересована в организации сбытовых и кредитных кооперативов, а крестьянская беднота — в создании производственных и потребительских кооперативов. В последние годы, например, обострилась борьба по вопросу об использовании государственной помощи и материальных средств, поступающих через кооперативы и организации «общинного развития», а также вообще по вопросу о характере их деятельности и руководства ими. Как показала практика, основные выгоды от их деятельности получает зажиточное крестьянство. Что же касается вопроса цен, то сельский пролетариат и полупролетариат выступают против повышения цен на товары потребления, а зажиточное крестьянство и середняки добиваются улучшения условий сбыта продукции путем повышения закупочных цен, облегчения ставок кредита и т. п.

Несколько меняются и условия борьбы с торгово-ростовщической эксплуатацией. После ликвидации или ослабления верхушки помещиков, активно занимавшихся торговлей и ро-

стовщицеством, а также по мере развития капитализма постепенно обостряются объективные противоречия между трудящимся крестьянством и сельской буржуазией, использующей торговлю и ростовщицество как методы первоначального накопления капитала, а также противоречия между крестьянством и городской торгово-промышленной буржуазией, все более превращающей деревенского торговца, скупщика и т. п. в своего агента.

В обстановке усиливающегося размежевания объективных интересов различных слоев крестьянства по земельному (в первую очередь) и по другим вопросам в крестьянском движении стран Востока в пореформенные годы произошел значительный спад, наметившийся уже в ходе проведения реформ. Он проявился в сокращении численности и расколе крестьянских организаций, уменьшении числа, остроты и массовости крестьянских выступлений, падении политической активности крестьянских масс и т. п. В некоторых странах (например, на Филиппинах, в Пакистане, Южной Корее) правящим кругам удалось, воспользовавшись спадом крестьянского движения, разгромить или запретить наиболее революционные крестьянские организации. Это же позволило правящим кругам Индии распустить первое демократическое правительство штата Керала. Наряду с репрессиями против революционных элементов крестьянского движения правящие круги ряда стран активно использовали инструмент экономической политики, чтобы привлечь на свою сторону как можно более значительное число зажиточных крестьян и середняков.

Во многих странах сократилась численность крестьянских организаций, особенно левых. Так, в Индии число членов Всеиндийского крестьянского союза сократилось с 1087 тыс. в 1955 г. до 572 тыс. в 1959—1960 гг. В Пакистане после переворота 1958 г. были запрещены все политические партии и организации, причем спад крестьянского движения, последовавший за аграрной реформой 1959 г., привел к тому, что крестьяне в течение нескольких последующих лет не имели своей организации. В Ираке, где после июльской революции 1958 г. крестьянские организации объединяли до 400 тыс. человек, правящим кругам удалось постепенно добиться их раскола, а также не допустить создания единой крестьянской организации. На Филиппинах в середине 50-х годов существовала лишь одна более или менее крупная легальная крестьянская организация — «Федерация свободных фермеров» (в 1955 г. — 15 тыс. членов, в 1957 г. — 50 тыс. членов, в 1959 г. — до 400 тыс. членов), организованная на религиозной основе и руководимая католиками с умеренной программой реформ.

Спад крестьянского движения (как организованного, так и стихийного) отразился и на выдвигаемых требованиях. Обычно выставлялись требования частного характера (улучшение ирригации, увеличение государственной помощи деревне, стабилизация цен и т. п.), в большей степени отражавшие интересы экономически самостоятельного крестьянства. Лозунги революционных крестьянских организаций, направленные на дальнейшую радикализацию реформ, не находили отклика среди широких крестьянских масс. Разумеется, в спаде крестьянского движения немаловажную роль сыграли иллюзии, порожденные среди крестьянских масс политикой реформ, но главную причину спада следует усматривать в социально-экономических и политических последствиях аграрного законодательства.

Но сам характер социально-экономических процессов, обуславливающий классовые сдвиги и появление задач, решение которых невозможно на капиталистическом пути, создает объективные предпосылки нового подъема крестьянского движения, но уже на принципиально иной основе. В большинстве стран Азии и Северной Африки создались условия для нового подхода к проблеме единого крестьянского фронта и, следовательно, к проблеме союза рабочего класса с крестьянством.

Конечно, и теперь имеются довольно широкие возможности сохранения единого крестьянского фронта по таким вопросам, как борьба против империализма и неокOLONиализма, за демократические права, а также по вопросам налогов, цен, государственной помощи деревне и т. п. Вместе с тем все более важное значение приобретает политическое самоопределение пролетарских и полупролетарских слоев деревни — наиболее массовой силы крестьянского движения, гораздо меньше получивших от аграрной политики правящих кругов, чем другие слои сельского населения. С решением этой задачи во многом связаны перспективы дальнейшего развития борьбы в деревне за демократическое решение аграрного вопроса в целом.

Объективные условия для самостоятельной организации пролетарских и бедняцких слоев деревни во многих странах уже практически созрели. Возросла организованность сельскохозяйственного пролетариата — наиболее революционной части сельского населения. Особую силу представляет он там, где более ярко выражено крупное капиталистическое, особенно плантационное, хозяйство (Марокко, Турция, Цейлон, Индонезия, Филиппины, Малайя). Борьба сельскохозяйственного пролетариата в таких странах тесно переплетается не только с борьбой крестьянства, но и рабочего класса. В ряде стран сельскохозяйственный пролетариат разверты-

вает борьбу за уравнивание его в правах с промышленным пролетариатом. Так, в Турции сельскохозяйственные рабочие выступают за распространение на них закона о труде, на Филиппинах правительство Макапагала вынуждено было впервые в истории страны включить в закон о земельной реформе от 9 августа 1963 г. специальный раздел о сельскохозяйственных рабочих-сакада, составляющих более половины всего рабочего класса страны. Они уравниены в правах с промышленным пролетариатом. Впервые законные права на объединение признаны в 1959 г. за сельскохозяйственными рабочими Ирака.

Вместе с тем сохраняется еще немало факторов, затрудняющих широкое развитие движения сельскохозяйственного пролетариата. Помимо антирабочей политики правящих кругов ряда стран следует упомянуть такой важный фактор социально-экономического характера, как сохраняющаяся связь подавляющей части деревенского пролетариата стран Востока с мелкотоварным и мелкокапиталистическим хозяйством, приводящая к неполному выделению их из крестьянства как в экономическом, так и политическом смысле. Значительную часть населения деревни составляют так называемые пролетарские элементы, надолго задерживающиеся на грани пролетарского состояния. Революционно-демократические возможности деревенского пролетариата сдерживаются и такими факторами, как трудность их организации вследствие абсолютного преобладания поденных и сезонных рабочих, немало-го еще влияния на них традиционных общественных институтов и форм общественного сознания.

Крестьянское движение на современном этапе в общем и целом еще далеко не достигло того размаха, который оно имело в период борьбы за антифеодальные аграрные реформы в первые послевоенные годы. Несмотря на неуклонное обострение противоречий внутри деревни (между эксплуатируемой частью сельского населения и сельскими верхами), политический раскол крестьянства происходит, но в большинстве стран Востока он определился еще недостаточно четко.

Нередко еще сельская беднота продолжает слепо идти за сельской элитой. Иракский аграрник Азиз аль-Хадж пишет в связи с этим: «Опыт показал, что большинство крестьян склонно выбирать руководителей объединений из числа зажиточных крестьян... Чтобы крестьяне выбирали своего руководителя из числа бедных крестьян, они должны иметь высокое классовое сознание — уровень, который пока еще не достигнут из-за молодости самого движения. Это сознание не может быть создано лишь пропагандой и разъяснением — оно создается и на основе опыта широчайших крестьянских масс».

Как показывает пример крестьянского движения различных стран, еще далеко не все представители низов сельского населения, которые вслед за крестьянской верхушкой вышли из крестьянских организаций в период спада, вновь вернулись к активной борьбе.

В настоящее время революционные партии и организации рабочего класса развивают активную деятельность по организации трудящегося крестьянства, особенно сельского пролетариата и полупролетариата. Они ведут сложную и трудную работу, направленную на постепенное развитие классового самосознания этих слоев деревни. При активном участии коммунистов в ряде стран укрепляются организации сельского пролетариата и бедноты, активизируется борьба за демократическое решение аграрного вопроса. Одновременно революционные организации берут курс на максимальное развитие борьбы в деревне за цели, представляющие общий интерес для всех слоев крестьянства (экономическое и культурное строительство, цены, кредит, создание кооперативов, организаций взаимопомощи и т. п.). При этом они исходят из того, что такая борьба будет способствовать не только определенному облегчению положения трудящихся крестьян, но и приведет к дальнейшему росту классового самосознания деревенского пролетариата и полупролетариата, поможет им на опыте убедиться в невозможности сколько-нибудь серьезно улучшить свое положение без развития самостоятельных форм борьбы и организации.

Полное осознание сельским пролетариатом и полупролетариатом конечного отличия своих объективных интересов от интересов сельской буржуазии безусловно должно способствовать дальнейшей активизации их борьбы, привлечению на их сторону средних слоев крестьянства и нейтрализации сельской буржуазии в борьбе за демократическое решение аграрного вопроса.

Современный этап национально-освободительного движения вносит много нового в самую его постановку. Борьба вокруг вопроса о путях дальнейшего развития стран Азии и Африки (социализм или капитализм) во все возрастающей степени определяет изменения в социально-политической обстановке внутри этих стран в наши дни и наполняет новым содержанием аграрно-крестьянский вопрос. Все классы и политические партии вынуждены считаться с тем, что речь сегодня идет не о различных типах капиталистической эволюции сельского хозяйства, а прежде всего о том, суждено ли деревне развиваться по капиталистическому или по некапиталистическому пути. Новое содержание аграрно-крестьянского вопроса оказывает решающее влияние на расстановку классово-политических сил, на направление и особенности

аграрной политики борющихся сил. Направление, содержание и темпы разрешения крестьянского вопроса в решающей степени зависят от прочности союза рабочего класса и крестьянства.

Рабочий класс и его борьба на этапе суверенитета

Происшедшие за годы независимости экономические перемены повлекли изменения в социальной структуре населения, которые в разных районах и странах Азии и Африки проявляются в различной степени. Одну из важнейших закономерностей представляет абсолютный и относительный рост роли и удельного веса наемного труда в общей массе населения. В деревне этот процесс сопровождается, как правило, сокращением числа самостоятельных мелких производителей, в городе, наоборот, численность лиц наемного труда растет абсолютно при сохранении большого удельного веса мелких товаропроизводителей.

Во всех странах Азии и Африки, несмотря на сравнительно быстрый рост занятости в городе, продолжают сохраняться огромные массы «избыточного» населения, которое не может найти применения своим силам. Тенденция снижения занятости в деревне и рост относительного «перенаселения» оказывают самое отрицательное воздействие на условия продажи рабочей силы, особенно неквалифицированной, и как следствие этого на весь процесс дальнейшего формирования и политического развития афро-азиатского пролетариата.

Структура и социальное окружение рабочего класса. Общая численность армии наемного труда в начале 60-х годов, по примерным оценкам, составляла в Азии — 90—95 млн., в Африке — около 20 млн. человек. В отличие от стран Западной Европы и США, где большинство наемной армии труда представляет рабочий класс, в странах Азии и Африки основную массу лиц наемного труда составляют разнородные полупролетарские элементы — батраки и поденщики, занятые в помещичьих, кулацких и частично в других крестьянских хозяйствах, а также наемные рабочие ремесленной и мануфактурной промышленности, где капиталистическая эксплуатация сочетается с кабальными и патриархально-феодальными методами угнетения и с личной зависимостью производителя от землевладельцев, купцов, ростовщиков и многочисленных посредников. Социальное и материальное положение таких работников двойственно. С одной стороны, они наемные рабочие, подвергающиеся жестокой капиталистической эксплуатации, усугубленной и осложненной многочисленными формами вторичного угнетения, а с другой — это работники, не

порвавшие окончательно связей с деревней, часто владеющие крохотными участками земли и другими средствами производства (колясками для рикш, индивидуальным инструментом ремесленника и т. д.) и сохранившие намерение завести «свое дело». Другими словами, значительное число работающих по найму представляет собой переходный тип от полупролетария к пролетарию.

На обратном полюсе формируется значительно меньшая по численности группа квалифицированных рабочих и техников, которые связаны с современными формами производства. На формирование пролетариата в собственном смысле слова и его верхней прослойки оказывают большое влияние меры, предпринимаемые в развивающихся странах по строительству национальной промышленности государственного сектора, а также расширение системы по подготовке национальных промышленных кадров.

В целом, в странах Азии лица наемного труда составляли в начале 1960-х годов 33,6% самодеятельного населения, в африканских государствах — 18,8, в то время как в странах Европы — 68,9%. Основная масса лиц наемного труда была занята в Азии в сельском хозяйстве, где трудилось, по оценочным данным, относящимся к середине 60-х годов, 60 млн. человек (65% общего числа лиц наемного труда). В странах Африки в сельском хозяйстве работало 5—8 млн. наемных рабочих, составлявших треть всей массы лиц наемного труда.

Незавершенность процесса классовой дифференциации в странах Азии и Африки, отсутствие четких граней между социальными группами общества крайне затрудняет выделение собственно пролетариата из общей массы лиц наемного труда. Структура афро-азиатского пролетариата существенно отличается от структуры рабочего класса развитых капиталистических государств. Поэтому применять к части рабочего класса Азии и Африки такие термины, как «современный пролетариат», «современный индустриальный пролетариат», «торгово-конторский пролетариат» и т. п., следует с большой осмотрительностью.

Попытки отождествить структуру пролетариата развитых государств со структурой рабочего класса развивающихся стран неизбежно сопровождаются искусственным обособлением части афро-азиатских рабочих от всей массы пролетариев, смешением различных отрядов рабочего класса, или включением в число «пролетариев» лиц, которые в силу своего общественного, экономического и социального положения продолжают оставаться скорее полупролетариями или представителями мелких собственников, чем рабочими. Это относится, например, к большей части служащих, чиновников и

инженерно-технических работников, которые в странах Азии и Африки представляют собой скорее не особую категорию «конторского пролетариата», а привилегированные по отношению к рабочему классу слои населения, составляющие довольно быстро растущую своеобразную бюрократическую или технократическую элиту. Поскольку в странах Азии и Африки «современная» промышленность практически в большинстве случаев отсутствует, то и термин «современный пролетариат», естественно, представляется, за редким исключением, неправомерным для развивающихся стран.

Армию наемного труда молодых государств можно разделить на следующие основные категории:

а. Сельскохозяйственные наемные рабочие.

б. Фабрично-заводские, горные и железнодорожные рабочие.

в. Строительные рабочие.

г. Рабочие, занятые при разгрузочно-погрузочных работах и вообще «черными» работами в промышленных центрах.

д. Рабочие, занятые капиталистами на дому, а также работающие по найму в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к фабрично-заводской.

Анализ статистических данных по странам Азии и Африки показывает, что рабочий класс этих континентов составляет 5—8% всего и 10—15% трудоспособного населения, 45—50% всей массы лиц наемного труда. Однако роль рабочего класса в афро-азиатских странах неизмеримо выше его удельного веса в классовой структуре.

Структура собственно пролетариата представляется в следующем виде: сельскохозяйственные рабочие составляют треть всех пролетариев; фабрично-заводской пролетариат — примерно 10—15%; удельный вес строительных рабочих сильно колеблется по странам, составляя 10—25% всего числа рабочих. Крайне трудно определить и выяснить численность рабочих, занятых капиталистами на дому, а также работающих по найму в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к фабрично-заводской. В наиболее экономически развитых странах Востока (Индия, Турция, ОАР) большая часть кустарей в той или иной степени подчинены местной фабричной промышленности, или работают на скупщиков-подрядчиков. В сравнительно отсталых странах сохраняются значительные слои «самостоятельных» мелких товаропроизводителей. В целом, удельный вес нефабричных рабочих в рабочем классе развивающихся стран колеблется в пределах 15—25%. Как правило, в странах Азии и Африки ощущается большой излишек неквалифицированной рабочей силы и острый недостаток квалифицированных рабочих.

Каждая из категорий рабочих, составляющих пролетариат,

развивающихся стран, характерна для определенной стадии социально-экономического развития и соответствует историческим ступеням формирования пролетариата. Так, в наиболее экономически отсталых странах Востока, стоящих на первых ступенях развития национального капитализма, в структуре рабочего класса преобладают ремесленно-мануфактурные и сельскохозяйственные рабочие, грузчики, малоквалифицированные строители. Фабрично-заводской пролетариат практически отсутствует. В странах сравнительно развитого капитализма имеются крупные отряды фабричных рабочих, а другие категории пролетариата более стабильны. В целом в странах, добившихся независимости, формирование рабочего класса заметно ускорилось. Здесь происходят процессы не только численного роста пролетариев, но и продолжается формирование классового сознания рабочего класса, осознание им своего положения ведущей силы всех трудящихся в борьбе за социальные преобразования. Однако эти процессы сильно тормозятся некоторыми объективными моментами, к числу которых можно отнести и влияние многочисленного полупролетарского (часто мелкособственнического в относительно развитых странах Востока) окружения на пролетариат.

Собственно фабрично-заводской пролетариат Азии и Африки в намного большей степени, чем в развитых капиталистических странах, находится в окружении многочисленных слоев и прослоек полупролетариев, а также мелкой буржуазии города и деревни. В. И. Ленин в свое время писал: «Капитализм не был бы капитализмом, если бы „чистый“ пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более или менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»*.

Это ленинское положение с особой убедительностью подтверждается материалами о социальной структуре современных стран Азии и Африки.

Вместе с тем исключительно большое значение имеют сами сдвиги в составе рабочего класса. Наиболее важным является рост пролетариата крупной фабричной промышленности. Эта общая тенденция проявляется неравномерно в разных

* В. И. Ленин, *Детская болезнь «левизны» в коммунизме*, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 58—59.

районах и странах. Возросла численность рабочих и прежде всего промышленных рабочих в сравнительно развитых странах — Индии, ОАР, Турции. В Индии накануне освобождения число рабочих составляло 6—7 млн., а в 1965 г. оно достигло 10 млн. человек (4—4,5 млн. фабрично-заводских рабочих, 0,6—0,7 млн. горняков, 1,5—2,0 млн. железнодорожников, транспортников, работников связи, 1 млн. строителей, 1,0—1,5 млн. плантационных рабочих). Индекс занятости в промышленности Индии, Цейлона, Индонезии, Пакистана, Филиппин, ОАР и других стран вырос за 1956—1963 гг. на 25—75 пунктов.

Наряду с увеличением численности рабочих в относительно развитых странах Востока после второй мировой войны наблюдается ускоренное формирование пролетариата в тех странах, где его до недавнего времени практически не было. Так, за короткое время появились отряды рабочего класса в Ливии, Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, Адене и многих других странах. Сравнительно быстро формирование национального пролетариата происходит в молодых государствах Тропической Африки. В целом численность рабочего класса стран Азии и Африки за послевоенные годы увеличилась примерно в два раза.

Серьезные сдвиги происходят в структуре и составе пролетариата стран Азии и Африки. В общей массе рабочих увеличивается число и растет удельный вес пролетариев, занятых на предприятиях первого подразделения (металлургия, машиностроение, электроприборостроение, химическая промышленность, производство электроэнергии и газа).

Наблюдается также рост численности и удельного веса квалифицированных рабочих, хотя потребность в них увеличивается еще быстрее. Рост рядов квалифицированных рабочих происходит в Турции, Таиланде, на Цейлоне, Филиппинах, в Алжире, ОАР. Число квалифицированных рабочих достигло в настоящее время 20—25% общей массы промышленных пролетариев (к концу второй мировой войны удельный вес квалифицированных рабочих составлял всего 5—10%). Несомненно, что рост кадров квалифицированного пролетариата связан с повышением грамотности и культурного уровня промышленных рабочих.

Таким образом, социально-экономические сдвиги в развивающихся странах Азии и Африки оказывают серьезное воздействие на изменение численности, состава и структуры пролетариата. Эти сдвиги находят, в частности, выражение в некотором увеличении доли рабочего класса в общей массе населения, в его концентрации, в повышении квалификации, грамотности и культурного уровня рабочих, в увеличении числа кадровых пролетариев и т. д. Если дать наиболее об-

шую характеристику наблюдаемых изменений, то можно сказать, что удельный вес и роль рабочего класса в развивающихся странах Азии и Африки заметно возросли.

Однако отмеченные выше тенденции имеют и некоторые отрицательные последствия, а в целом они не устранили ряда специфических черт пролетариата стран Азии и Африки, которые существенно отличают рабочий класс развивающихся стран от рабочего класса высокоразвитых капиталистических государств Европы, Японии и США. Прежде всего рабочий класс стран Азии и Африки по-прежнему сравнительно небольшой отряд трудящихся. С фабрично-заводским производством здесь связано менее половины рабочего класса и крайне незначительная часть населения (в относительно развитых афро-азиатских странах — не более 5—10% населения, в относительно слабо развитых — всего 1—2% всех жителей).

Рост общей численности рабочего класса наряду с положительными моментами («омоложением» пролетариата, повышением его грамотности и культурного уровня и т. д.) означает, однако, временное уменьшение удельного веса пролетариев во втором-третьем поколениях в общей массе рабочих, увеличение прослойки рабочих, состоящей из недавних выходцев из крестьян, ремесленников, а частично из мелко-собственнических слоев, означает юявление более резких социально-культурных различий между отдельными прослойками молодых пролетариев. Несомненно, такие различия определенно тормозят развитие рабочего движения в странах Азии и Африки. Росту классового самосознания рабочих, их объединению в классовых организациях, высвобождению из-под влияния мелко-собственнической идеологии препятствует сам характер национальных общественных структур, обилие и застойность переходных социальных групп, что объясняется прежде всего колониальным наследием, обусловившим уродливый характер экономики, живучесть пережитков феодальных и иных архаичных форм производственных отношений.

Положение рабочего класса. Важным фактором, непосредственно влияющим на ход развития рабочего движения, являются изменения в экономическом положении пролетариата.

В целом положение рабочего класса стран Азии и Африки продолжает оставаться крайне тяжелым. Этому способствует ряд обстоятельств, важнейшими из которых являются: незавершенность формирования во многих странах рынка рабочей силы, гигантское давление резервной армии труда, создающее исключительно неблагоприятные условия продажи рабочей силы; сохраняющееся экономическое влияние импе-

риализма в афро-азиатских странах; относительно слабый уровень организованности и зрелости рабочего движения как результат разобщенности многих отрядов рабочего класса и незавершенности его формирования; растущая эксплуатация пролетариата местной и иностранной буржуазией и другие факторы.

Незавершенность процессов первоначального накопления, сохранение низших стадий развития капитализма и одновременное появление развитых форм предпринимательства, существование докапиталистических укладов в экономике и другие факторы определили большое разнообразие форм эксплуатации и угнетения рабочего класса стран Востока. Так, на абсолютном большинстве предприятий ремесленно-мануфактурной промышленности стран Азии и Африки сохраняются самые архаичные методы эксплуатации рабочих. Одновременно с этим на крупных промышленных предприятиях со все большей силой ощущается стремление к усовершенствованию методов и форм эксплуатации.

В целом отмечено, что развитие афро-азиатских стран на национально-капиталистической основе сопровождается более широким переходом к современным, «цивилизованным» формам эксплуатации пролетариата. В частном и государственном секторах промышленности, в сельском хозяйстве предпринимателям становится все более выгодным переходить на новейшие методы эксплуатации, требующие повышения интенсивности труда при сокращении рабочего дня, повышении квалификации рабочих, проведения некоторых социальных реформ. Разумеется, этот процесс не везде происходит одинаково. Однако в целом тенденция развития в этом направлении проявляется вполне отчетливо.

Более того, факторы, определяющие заимствование «современных» форм эксплуатации рабочих, действуют с возрастающей силой. Но само изменение условий труда и быта рабочих происходит крайне неравномерно и противоречиво. Во всех странах Азии и Африки мы можем наблюдать различные методы эксплуатации и угнетения рабочих и полупролетариев, разные виды зависимости трудящихся от предпринимателей и т. д. Все это вносит серьезные различия в положение отдельных слоев рабочего класса.

Воспользовавшись обстановкой политической независимости, широкое рабочее и демократическое движение принудило правящие круги молодых государств разработать и принять в ряде стран трудовое законодательство, в соответствии с которым на предприятиях ограничивалось рабочее время 8—9 часами, вводилось страхование рабочих от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, определялись некоторые обязанности предпринимателей в отноше-

нии рабочих, допускалась возможность заключения коллективных договоров рабочих с предпринимателями и т. д.

Трудовое законодательство, принятое после провозглашения независимости Цейлона, предусматривало установление 8-часового рабочего дня и минимума заработной платы, оплату сверхурочных работ, предоставление оплачиваемых праздничных дней и ежегодных отпусков и т. д. Упорной и тяжелой борьбой рабочие Ирана добились от правительства в 1944—1949 гг. опубликования ряда постановлений, которые формально ограничивали рабочий день, предусматривали установление минимума заработной платы для рабочих и их семей, введение страхования и т. д. В результате принятия трудового законодательства и частичного его выполнения во многих странах Азии и Африки условия труда рабочих несколько улучшились. Так, по официальным статистическим данным на 1964 г., средняя продолжительность рабочей недели составляла в развитых капиталистических странах от 40 до 48 часов, а в странах Азии и Африки (на ценовых предприятиях) колебалась в пределах 45—50 часов. Другими словами, продолжительность рабочего времени в некоторых странах Азии и Африки после достижения независимости сократилась (речь идет только о ценовой крупной промышленности) и стала постепенно входить в «обычные» капиталистические нормы.

Уменьшение рабочего дня, т. е. некоторое сокращение степени эксплуатации рабочей силы посредством производства абсолютной прибавочной стоимости, стало возможно только после завоевания и укрепления суверенитета. Именно такая функция суверенного государства, как таможенная независимость, позволила частично оградить внутренний рынок от иностранной конкуренции, особенно в сфере сбыта потребительских товаров, производимых в данной стране. Тем самым соответствующие отрасли промышленности получили защиту от технически более оснащенного конкурента, которому они могли противопоставить относительно большую степень эксплуатации рабочей силы. Изменения в этих отраслях повлекли сокращение рабочего дня и на других производствах.

Однако общая техническая отсталость, особенно в отраслях, работающих на экспорт и подвергающихся всей тяжести конкурентной борьбы на мировом капиталистическом рынке, оказывает обратное воздействие на нормы эксплуатации рабочей силы. Стремясь максимально сохранить за собой извлечение абсолютной прибавочной стоимости, капиталисты прибегают к «рационализации» производства, т. е. к интенсификации труда и эксплуатации рабочей силы в пределах сократившегося рабочего дня. В этом заключается причина

непоследовательности и противоречивости и самих законов о труде, и особенно их претворения в жизнь. Поэтому в конечном счете серьезное улучшение положения пролетариата афро-азиатских стран может произойти лишь в ходе индустриализации, технической модернизации всего производства, а также в результате роста организованности и размаха выступлений рабочего класса в защиту своих прав.

Пока же ограничение или ликвидация отсталых форм эксплуатации рабочих происходит крайне непоследовательно и противоречиво. Принятые законы касались, как правило, рабочих главным образом государственных предприятий или рабочих лишь фабрично-заводской промышленности. На сотни тысяч и миллионы рабочих ремесленно-мануфактурного производства, сельского хозяйства, рабочих автомобильного и морского транспорта, грузчиков портов, рабочих торговых предприятий и т. д. трудовое законодательство не распространяется и до сего времени, и их рабочее время здесь по-прежнему регулируется всецело произволом и прихотью работодателей.

В ряде случаев принятые законы о труде отражали не только растущую силу рабочего движения, но и известную его слабость, в результате чего буржуазии удавалось законодательным путем устанавливать такой порядок на предприятиях, который отвечал ее интересам. Так, трудовые акты некоторых стран (Турции, Пакистана, Ирана и др.) открыто или в завуалированной форме запрещают забастовки, лишают рабочих права заключать коллективные договоры с предпринимателями, предусматривают правительственный контроль над профсоюзными объединениями. В Пакистане, например, по закону о трудовых конфликтах 1947 г. (изменен в декабре 1955 г.) запрещались забастовки рабочих, демонстрации и митинги.

В Турции права рабочих на забастовки и заключение коллективных договоров практически ограничены до предела. Закон о труде в Иране (принят в 1959 г.), по сути дела, лишил рабочих права на забастовки, возможности создавать свободные профсоюзы, запретил рабочим организациям вмешиваться в политику, ввел принудительные арбитражные комиссии.

В абсолютном большинстве стран Азии и Африки страхование рабочих осуществляется в значительной мере за счет самих трудящихся. Так, в Индии страхование рабочих по закону осуществляет специальная корпорация, средства которой образуются путем взимания с рабочих ежемесячных взносов (2—2,5% заработной платы), отчислений от прибылей предпринимателей (в большинстве случаев предприниматели под различными предлогами вычитают страховые взно-

сы из заработной платы рабочих) и специальных взносов правительства. Комитет социального страхования Индонезии взимает с рабочих взносы в размере 1% их заработной платы, с предпринимателей — 3%, а государство доплачивает в фонд страхования еще 2% от фонда заработной платы. К этому следует добавить, что страхованием в Индии охвачено менее 50% фабрично-заводских рабочих, а в Индонезии к страхованию рабочих лишь приступают.

Значительно хуже обстоит дело со страхованием рабочих в таких странах, как Турция, Иран, Пакистан. В Турции, например, из заработка рабочего отчисляется 11% на страхование по старости, 4% — по болезни, 1,5% — на страхование по несчастным случаям на производстве и 1% — на страхование по материнству. Всего, по подсчетам газет, из заработка рабочего вычитается 17,5%, из которых 7% платит непосредственно рабочий и 10,5% вносит от фонда заработной платы работодатель. Пособия мизерны и не обеспечивают существования рабочего в случае болезни или инвалидности.

После уплаты страховых взносов в течение нескольких лет застрахованный в случае, например, травмы на производстве «не по своей вине» получает всего лишь 50% нормальной заработной платы. Если пострадавший помещен в больницу, где за лечение надо платить, то рабочий имеет право на пособие в еще меньшем размере — 30% своей заработной платы. В Иране отчисления рабочего в страховой фонд достигают 18% заработной платы, из которых непосредственно рабочий должен уплачивать 5%. Аналогично положение в Таиланде и ряде других стран Азии, а в большинстве стран Африки южнее Сахары страхование рабочих на практике вообще не осуществляется.

Наиболее общим показателем материального положения рабочего класса является его реальная заработная плата, которая продолжает оставаться на очень низком уровне. Это объясняется прежде всего наличием огромной резервной армии рабочей силы, давление которой на рынке труда возрастает. Так, даже по официальным (как правило, весьма преуменьшенным) данным, безработица в Индии, Пакистане, Бирме и других странах Азии выросла за 1955—1964 гг. в полтора-два и более раза. По нашим подсчетам, в странах Азии и Африки относительно стабильное число полностью и частично безработных составляет 20—25% (а иногда и выше) трудоспособного населения. Это значит, что из каждых трех-четырех трудоспособных в развивающихся странах один — безработный или полубезработный. Давление резервной армии труда способствует тому, что цена рабочей силы в странах Азии и Африки намного ниже ее стоимости, а национальные

различия в уровне жизни рабочих афро-азиатских стран и капиталистически развитых государств поистине огромны.

По официальным данным, заработная плата рабочих достигает в лучшем случае 30—45% скудного прожиточного минимума средней семьи. В Индии, например, реальная заработная плата рабочих продолжает оставаться на довоенном уровне. Зарботки рабочих в крупной промышленности в 2—3 раза уступают размерам прожиточного минимума (учитывая уровень жизненных притязаний индийского рабочего). Зарботная плата индонезийского рабочего соответствует лишь 30—35% суммы средств, необходимых для более или менее сносного существования. Зарботная плата алжирского рабочего соответствует лишь 25—30% предельно скромного прожиточного минимума.

Структура расходов рабочих семей афро-азиатских стран подтверждает положение о том, что заработная плата обеспечивает, как правило, лишь физический минимум существования рабочего, т. е. она снижена до предельно низкого уровня. Обычно затраты на питание составляют 60—70% расходов рабочего (против 30—40% у европейских рабочих), около 20% заработка идет на оплату жилья, 10—15% рабочий тратит на приобретение одежды, обуви, на транспорт и ничтожные суммы — на приобретение предметов санитарии и гигиены, на социально-культурные нужды и т. д.

В ряде случаев в странах Азии и Африки продолжают существовать самые отсталые формы оплаты труда рабочих, которые намного усиливают их зависимость от хозяев. В Турции, например, на многих предприятиях рабочий получает на руки лишь 60—70% всей суммы заработка, а остальное хозяин выдает ему в виде заработной платы натурой (спецодеждой, за которую рабочий должен платить; сигаретами на табачных предприятиях; мукой на мукомольных, обедами и т. п.). Зачастую в сумму заработной платы рабочих включаются и взносы на страхование, которые по закону должен делать хозяин, затраты на содержание медицинского персонала на фабрике и даже затраты на улучшение техники безопасности. Размер натуральной части заработной платы сильно колеблется по отраслям промышленности и видам предприятий. Особенно часто кабальные формы заработной платы встречаются в ремесленно-мануфактурной промышленности, где распыленные по многим предприятиям рабочие мелких мастерских и рабочие-надомники находятся в личной зависимости от ростовщиков-предпринимателей.

Во многих странах Азии и Африки сохраняются полуфеодальные формы зависимости рабочих. Так, в Кувейте некоторые вожди племен бедуинов (кочевников) по договоренности с англо-американской нефтяной компанией поставляют

на нефтепромыслы лично зависимых от них рабочих, которые обязаны отдавать часть своей заработной платы (иногда очень значительную часть) вождю. Особенно распространена такая форма «найма» рабочих в африканских странах. В Южной Родезии, Южно-Африканской Республике, Уганде, Нигерии, Гане, Сьерра-Леоне и других странах десятки тысяч рабочих попадают на предприятия через посредников-вербовщиков. Португальские колонизаторы в Анголе и Мозамбике «специализируются» на поставках живого товара в Южно-Африканскую Республику и другие страны, получая за такую деятельность немалые барыши. По конвенции, заключенной еще в 1909 г. и регулярно возобновляемой, на золотые рудники Трансвааля ежегодно посылается из Мозамбика 60—115 тыс. законтрактованных. За каждого прибывшего рабочего португальские власти Мозамбика получают определенное вознаграждение.

Самую низкую заработную плату получают в странах Азии и Африки сельскохозяйственные рабочие, вознаграждение за труд которых не превышает половины заработка рабочих фабрично-заводской промышленности. Здесь чаще всего встречаются наиболее кабальные формы оплаты, чаще действуют кровопийцы-посредники, сильнее ощущается произвол хозяев.

На сельскохозяйственный пролетариат в абсолютном большинстве случаев не распространяется даже куцее трудовое законодательство. Продолжает сохраняться в странах Азии и Африки разница в оплате мужского, женского и детского труда. Почти во всех странах работницы получают намного меньше мужчин, а дети еще менее женщин, хотя они выполняют подчас одинаковую с мужчинами работу. Международная организация труда в своих официальных документах признает, что женский труд оплачивается намного ниже мужского. Так, в ОАР заработная плата женщин почти на 60% ниже, чем у мужчин, в Бирме — на 55—60, в Турции — на 60—70%. В Индонезии в 1964 г. средний заработок рабочего-мужчины составлял 150 рупий в день, женщины — 70 рупий в день. Повсеместно заработки детей на 25% ниже заработков женщин.

В некоторых странах Азии и Африки сохраняются такие формы оплаты труда, которые усиливают личную зависимость рабочего от хозяина. Так, в ряде стран на отдельных предприятиях (в большинстве случаев крупных фабрично-заводских) действует система дополнительной выдачи рабочим так называемых надбавок на семью и детей. Как правило, такая надбавка в условиях капиталистической действительности не изменяет коренным образом положения рабочего. В Турции, например, надбавка на детей не превышает 10%

суммы заработка рабочего. Тем не менее такая надбавка значительно увеличивает личную зависимость работника от хозяина, который может выдавать дополнительное вознаграждение или не выдавать его, дать его натурой или деньгами, выдать через месяц или через год, и т. д. и т. п. Существуют также такие формы оплаты рабочих, как выдача пособия «по случаю женитьбы», «по случаю смерти близких».

Вместе с тем в последние годы в странах Азии и Африки все более широкое распространение получают новые формы оплаты труда рабочих, заимствованные из развитых капиталистических государств. Среди новых форм оплаты одно из важных мест занимает система «участия рабочих в прибылях» предприятий и распространения среди них акций компаний, которым принадлежат эти предприятия. В большинстве случаев такая система непосредственно заимствуется из системы предпринимательства развитых стран (главным образом США). В Турции, Иране, Пакистане и некоторых других странах новые формы оплаты труда рабочих путем «участия в прибылях» узаконены специальными постановлениями правительства.

Буржуазная пропаганда использует «систему участия в прибылях» для доказательства «перерождения» старого капитализма, превращения его в «народный капитализм», в «общество всеобщего благоденствия», в «гуманный капитализм» и т. д. Буржуазные идеологи утверждают, что с введением такой системы якобы возникает «общность» интересов буржуазии и пролетариата, что при ней рабочие получают «свою законную долю», а капиталисты «добровольно уступают» свои прибыли и, следовательно, исчезает экономическая основа классовой борьбы пролетариата. На самом деле новая для стран Азии и Африки система оплаты труда рабочих способствует усилению эксплуатации рабочих, закабалению их национальным и иностранным капиталом. Факты показывают, что применение системы «участия в прибылях» позволяет капиталистам интенсифицировать труд рабочих, добиваться повышения качества и объема труда, а следовательно, и увеличения прибылей главных воротил компаний.

Серьезное влияние на экономическое положение рабочего класса стран Азии и Африки имеет наблюдающийся здесь повсеместно непрерывный рост цен на продукты первой необходимости, рост прожиточного минимума. Некоторое увеличение заработной платы рабочих не поспевает за ростом цен. По официальным данным, стоимость жизни в Индии с 1958 по 1964 г. выросла на 31%, а номинальная заработная плата рабочих за это же время увеличилась в лучшем случае на 15—18%. Индекс стоимости жизни в Турции с 1950 по

1964 г. увеличился более чем в 3 раза, а заработная плата за это время выросла не более чем в 2 раза. В Индонезии официальный прожиточный минимум для одинокого рабочего с 1960 г. по середину 1964 г. увеличился более чем в 10 раз. А доходы рабочих за это же время увеличились лишь в 3,5 раза.

Особенно тяжелым бременем на плечи трудящихся ложатся все увеличивающиеся налоги, что в значительной степени вызвано ростом в некоторых странах военных расходов. В Южной Корее, Южном Вьетнаме, Таиланде, Иране налоги растут из года в год, урезая значительную часть заработков трудящихся.

Низкая заработная плата, кабальные формы эксплуатации рабочих, высокие цены на предметы первой необходимости, тяжелый налоговый гнет ведут к сохранению, а в некоторых случаях к ухудшению положения рабочих. Так, потребление мяса, молока, масла в странах Востока намного ниже, чем в развитых капиталистических государствах. Среднегодовое потребление мяса в США, например, составляет 95 кг на человека, во Франции и Англии — 71—74, а в Пакистане — 4, Турции — 13 кг. Для нормального функционирования организма человека, занятого тяжелым физическим трудом, необходимо получать минимум 4 тыс. калорий, а для человека, занятого трудом средней интенсивности, — не менее 3 тыс. калорий в день. Официальные данные, весьма приблизительные, свидетельствуют, что в странах Азии и Африки средняя калорийность пищи населения более чем на $\frac{1}{3}$ ниже соответствующих показателей США, Англии, Франции, ФРГ, Италии (1850—2570 калорий против 2940—3290).

Невероятно тяжелы жилищные условия рабочих. Вокруг крупных промышленных городов имеются огромные «пояса бедности» — трущобы, построенные самими трудящимися из обломков кирпичей, досок, обрезков железа. По официальным данным, только в бывшей столице Пакистана — Карачи — около 800 тыс. человек не имеет жилья. Обследование жилищного фонда Багдада показало, что большая часть населения столицы Ирака живет в трущобах, в элементарно не приспособленных для жилья помещениях. Около 70% «домов» не имеет окон, и свет в них попадает через двери. В Турции, согласно старинному обычаю, любой бедняк может «за одну ночь» построить дом, который становится его собственностью. Такие постройки называются «геджеконду» («построен за ночь»). В 1950 г. подобных «геджеконду» в стране насчитывалось 15—20 тыс., в 1959—1960 гг. их было уже более 200 тыс., из них только в Стамбуле около 60 тыс., в 1963 г. число «геджеконду» достигло 300 тыс., а в 1964 г. — 350 тыс. Особенно неприглядную картину представляют собой

жилища африканских рабочих. Десятки тысяч трудящихся Африки проживают в хижинах.

Казармы рабочих крупных иностранных компаний, ведущих добычу алмазов, золота, урана и прочих полезных ископаемых, обнесены колючей проволокой, за которую рабочие не имеют права выходить без специального разрешения. Вся жизнь в казармах подчинена определенному режиму, введенному администрацией, тщательно следящей за его выполнением.

Крайне остро стоит вопрос о безработице и неполной занятости населения. Главным источником пополнения армии резервной рабочей силы являются разоряющиеся крестьяне и ремесленники, которые в поисках заработка и хлеба сотнями тысяч приходят в города. Весьма показательны данные о неполной занятости населения в городах и селах Индии. По данным всеиндийского выборочного обследования, в деревнях страны около 40% жителей не имеют возможности трудиться полное рабочее время, а в городах треть населения находится в аналогичном положении.

В Пакистане число безработных достигло 1 млн. человек, и, кроме того, в стране имеется еще около 3 млн. полубезработных. В Иране число безработных превышает 1 млн. человек. На Филиппинах официально зарегистрировано более 2 млн. безработных. В Турции, по официальным данным, свыше 650 тыс. безработных, а по утверждениям прессы — 2,5—4 млн. лиц постоянно или периодически не могут найти применения своим силам. В 1964 г. в Марокко было зарегистрировано около 300 тыс., в Нигерии — более 200 тыс. безработных. В целом по Африке число зарегистрированных безработных выросло с 1953 по 1960 г. более чем в 2 раза, а с 1960 по 1963 г. — еще в 2,5 раза. Таким образом, современному промышленному и сельскохозяйственному пролетариату стран Азии и Африки противостоят гигантские армии полностью и частично безработных.

Классовая борьба пролетариата. Задачи пролетариата определяются как историческими задачами всей нации в целом, интересы которой требуют продолжения и завершения борьбы против империализма и связанной с ним внутренней реакции, так и собственно классовыми интересами пролетариата. Основным показателем уровня рабочего движения в странах Азии и Африки служит степень участия пролетариата в революционной антиимпериалистической борьбе. Выступления рабочего класса в защиту своих непосредственных интересов являются частью общей борьбы, и они приобретают особенно большое значение в тех странах, где у власти находится буржуазия.

Послевоенный подъем наблюдался в рабочем движении

непосредственно после окончания второй мировой войны и длился до 1949—1950 гг. В этот период рабочее движение добилось крупных успехов. Наиболее мощные удары по империализму были нанесены пролетариатом Китая, Кореи, Вьетнама, Индии, Индонезии, Малайи, Ирана и других стран. В этот период подъем рабочего и национально-освободительного движения наблюдался в большинстве стран Азии и Африки, а в некоторых из них рабочий класс во главе с коммунистическими партиями находился в первых рядах борцов за национальное освобождение, за улучшение экономического и политического положения трудящихся.

После окончания второй мировой войны начался подъем рабочего и революционного движения в Индии. Индийский пролетариат шел в авангарде антиимпериалистической борьбы народа в 1945—1947 гг. Экономические стачки индийского рабочего класса, особенно Бомбея и Калькутты, сочетались с политическими выступлениями рабочих. К 1947 г. значительно расширились ряды профсоюзов. Всеиндийский конгресс профсоюзов насчитывал в это время 730 тыс. членов.

После провозглашения независимости Индии в 1947 г. и в период существования ее в качестве доминиона (15 августа 1947 г.—26 января 1950 г.) главным тормозом развития рабочего движения явился усилившийся раскол в профсоюзном движении страны. Многие профсоюзные лидеры открыто объявили о своем стремлении к «мирному» решению трудовых конфликтов, предприниматели, опираясь на законы, принятые еще в период английского господства, стремились втиснуть рабочее движение в «законные рамки», а рабочих загнать в профсоюзы, отказывающиеся от принципов классовой борьбы. Этому способствовал и закон о промышленных конфликтах, принятый в 1947 г., в соответствии с которым на предприятиях вводился принудительный арбитраж. Фактически закон запретил забастовки рабочих.

В 1948—1950 гг. развитие профсоюзного движения еще более осложнилось в связи с репрессиями против прогрессивных организаций. В результате в 1950—1951 гг. союзы, насчитывавшие менее 300 членов, составляли 62% всего числа профсоюзов, а 17 профсоюзов объединяли каждый не менее 20 тыс. рабочих. Средняя концентрация организованных рабочих на один профсоюз достигала 11—12 тыс. членов.

Раскол профсоюзного движения Индии фактически был организован пришедшей к власти партией Индийский национальный конгресс, которая в мае 1947 г. создала свое объединение рабочих — Индийский национальный конгресс профсоюзов. В 1948 г. главную раскольническую роль сыграли Социалистическая партия Индии, создавшая профсоюзный центр «Хинд Маздур Сабха» (Союз индийских рабочих) и

социалистические партии левого направления, которые в мае 1949 г. образовали профцентр — Объединенный конгресс профсоюзов. Кроме крупных центральных профобъединений в стране действовали десятки профсоюзов, организовывавших рабочих по профессиональному, религиозному и кастовому признаку. Такое положение также способствовало расколу рабочих организаций на мелкие группы и подгруппы.

Серьезные трудности в индийском рабочем движении возникли вследствие левосектантских ошибок, допускаявшихся КПИ после Второго съезда (конец февраля — начало марта 1948 г.). В результате переоценки собственных сил и размаха рабочего движения, а также недооценки влияния реформистских элементов в организациях пролетариата КПИ не удалось в то время объединить рабочих и поднять их на мощные выступления в защиту своих прав. Поэтому в 1948—1950 гг. в Индии наблюдался спад рабочего движения, ряд забастовок рабочих окончился поражением. Лишь с конца 1951 г. в связи со всеобщими выборами в Конгресс, отходом КПИ от левосектантского уклона, а также вследствие усиления стремления рабочих к единству действий в стране вновь наметился подъем рабочего движения.

Несмотря на раскол рабочего движения Индонезии, преследования коммунистов и разгул реакции, в 1949 г. после заключения перемирия в стране начинает разрастаться забастовочная борьба рабочих. Массовые выступления трудящихся имели место прежде всего на предприятиях, принадлежавших империалистическим монополиям, что практически включало почти все отрасли хозяйства Явы и Суматры, а также многих других районов. В августе — сентябре 1950 г. произошла крупнейшая в истории Индонезии забастовка 700 тыс. плантационных рабочих Явы и Суматры. Характерно, что с 1950 г. рабочее движение Индонезии все чаще сочетает экономическую и политическую борьбу. Среди политических требований на первом месте стояли требования ликвидации соглашений Гаагской конференции круглого стола 1949 г. с голландскими колонизаторами, поддерживаемыми американскими империалистами.

Буржуазно-помещичьи правительства Натсыра, а затем Сукимана перешли к открытому террору, в защиту интересов иностранного и национального капитала. В феврале 1951 г. специальным законом были запрещены забастовки рабочих, которые происходили главным образом на иностранных предприятиях, правительство блока партии Машуми и правых социалистов запретило празднование Первого мая, а в августе в стране были вновь развязаны массовые террористические действия против прогрессивных элементов и прежде всего против членов КПИ.

В 1946—1950 гг. в Египте значительно возросла активность левых элементов в рабочем движении, они стали играть важную роль в таких антиимпериалистических организациях, как Национальный комитет рабочих и учащихся, Фронт объединения трудящихся долины Нила, Организация прогрессивной молодежи и т. д. Эти организации требовали не только политической независимости страны, но и радикальных демократических реформ, вывода из страны английских войск, смены королевского правительства. Под руководством левых в 1946, 1947 и 1948 гг. в Египте произошли крупные выступления рабочих, требовавших установления 8-часового рабочего дня, минимума заработной платы, введения страхового законодательства. В 1946 г., например, состоялась забастовка 35 тыс. рабочих-текстильщиков в Шубреаль-Каиме, а также трамвайщиков Каира. Осенью 1947 г. прокатилась волна забастовок текстильщиков в Махалле-эль-Кубре и Александрии. В 1948 г. для борьбы с массовыми забастовками рабочих королевское правительство ввело военное положение. Против бастующих были брошены войска. Весной 1948 г. правительство приняло чрезвычайные законы «о борьбе с коммунизмом» и официально запретило стачки. Тысячи коммунистов и прогрессивно настроенных лиц были брошены в тюрьмы, где они подвергались пыткам.

Подъем рабочего движения после окончания второй мировой войны охватил практически все страны Азии и Африки. В ходе обострения классовой борьбы буржуазия перешла к новым тактическим приемам подавления выступлений рабочих. В большинстве стран буржуазия открыто стремилась силой подавить рост рабочего движения. Характерной чертой подъема рабочего движения 1945—1950 гг. в странах Азии и Африки являлась неразрывная связь борьбы рабочего класса за свои экономические и политические права с общенациональным движением против колониальной зависимости и империализма. Именно в ходе классовой борьбы пролетариата в ряде стран Азии и Африки произошло известное улучшение положения рабочих по сравнению с годами войны, появились трудовое и социальное законодательства.

Спад рабочего движения 1950—1951 гг. объяснялся несколькими причинами. В частности, одной из объективных причин явилось то обстоятельство, что после достижения политической независимости в странах Азии и Африки произошла известная перегруппировка политических сил. Исчез непосредственный угнетатель — иностранный колонизатор, и ослабло единство национальных сил, боровшихся за его изгнание. Достижение ближайшей политической задачи — национальной независимости — позволило правительствам стран, политика которых определяется национальной буржуазией,

временами снижать накал классовой борьбы. Рабочий класс стал как бы «ожидать» конкретных действий от национальных правительств и новой ситуации в области улучшения экономического и политического положения пролетариата. Такое «ожидание» было связано с известными ошибками некоторых коммунистических партий Востока, не сумевших в ходе национально-освободительного движения применить гибкую тактику антиимпериалистического союза с национальной буржуазией и примыкавшими к ней силами при сохранении безусловной самостоятельности целей и задач чисто пролетарского движения.

На спад рабочего движения в известной мере повлияло и прямое выступление империалистических держав против молодых государств. Непосредственное или косвенное вмешательство империалистов в дела народов Индонезии, Малайи, Филиппин, Ирана серьезно ослабило рабочий класс и коммунистические партии многих стран Азии и Африки.

Не последнюю роль в спаде рабочего движения сыграло отсутствие достаточного опыта борьбы в новых условиях независимости и политического господства национальной буржуазии. Значительные трудности были также обусловлены разобщенностью рабочего класса и его недостаточной организованностью, раскольнической деятельностью правых профсоюзных лидеров и социалистических партий. Так, например, в 1961 г. была образована Всеафриканская федерация профсоюзов (ВАФП). Это имело большое значение для сплочения африканского пролетариата и усиления его роли в общественно-политической жизни Африки. Но в 1962 г. в противовес ВАФП реформистские профсоюзные лидеры при активном содействии МКСИ образовали второй общеафриканский профсоюзный центр — Африканскую профсоюзную конфедерацию (АПК). Это привело к расколу профсоюзного движения в Африке. Попытки преодолеть раскол до сих пор, к сожалению, не дали положительных результатов.

Характерной чертой рабочего движения последнего десятилетия было постепенное и все более отчетливое изменение главного направления выступлений рабочих. В колониальный период и на первом послевоенном этапе рабочего движения в странах Азии и Африки классовые выступления рабочих тесно переплетались и были непосредственно связаны с общенародной антиимпериалистической борьбой. Борьба против империализма была основным направлением демократического, в том числе и рабочего, движения. В новых же условиях, когда массы убеждаются, что достижение независимости не принесло существенного улучшения жизни, классовая борьба пролетариата все отчетливее направляется против национальной буржуазии. Массовые забастовки и демон-

страции рабочих в Индии, на Цейлоне, в Нигерии и других странах свидетельствуют о разочаровании результатами капиталистического развития. Они сопровождаются требованием коренных социально-экономических преобразований.

Одним из характерных моментов пролетарского движения в странах Азии и Африки является сочетание экономической и политической борьбы, а в некоторых странах она перерастает в борьбу за политические права трудящихся.

В целом эти положения проявляются в конкретной обстановке отдельных стран и районов весьма своеобразно. Так, в ходе массовых забастовок в Марокко, например, в мае и декабре 1964 г., когда в них участвовали десятки тысяч рабочих и служащих, наряду с требованиями о повышении заработной платы, увеличении пособий многодетным, снижении цен на продукты питания и т. д. рабочие требовали политических прав: пересмотра конституции, проведения свободных и демократических выборов в парламент, формирования демократического правительства, ликвидации иностранных военных баз. Несмотря на репрессии, к рабочим присоединяются представители мелкобуржуазных слоев городов, учащаяся молодежь, интеллигенция. В марте 1965 г. в Касабланке состоялась многотысячная политическая демонстрация учащихся, которая была расстреляна полицией и войсками.

Все более расширяется и обостряется классовая борьба в Индии: Политические требования индийского пролетариата — укрепить демократические свободы, предотвратить установление диктатуры реакции, сохранить миролюбивый внешнеполитический курс. Показателем решимости рабочих отстаивать свои интересы могут служить демонстрация и митинг трудящихся Дели, состоявшиеся в феврале 1963 г. Шествие длилось несколько часов, демонстранты несли плакаты, на которых было написано: «Отстоим политику неприсоединения к агрессивным блокам!», «Нет — военным союзам!», «Будем начеку — реакция активизируется!». Выступления рабочих в ряде случаев находили широкий отклик трудящихся. В мае 1963 г., например, в Индии широко отмечался день борьбы за национализацию частных и иностранных банков, нефтяных компаний, сахарных заводов, шахт и других обществ и компаний. Вместе с рабочими этот день отмечали широкие массы трудящихся — выходцы из всех слоев населения.

В августе 1963 г. вместе с рабочими муниципалитета Бомбея бастовали и служащие, требовавшие увеличения заработной платы и улучшения условий труда. К 30 тыс. бастующих вскоре присоединились работники энергосети, трамвайного и автобусного транспорта Бомбея, шоферы такси, докеры, служащие отелей и т. д. Наконец, 20 августа весь рабочий класс Бомбея, поддерживаемый служащими, учащимися

и другими слоями населения, прекратил работу. Началась всеобщая стачка около 1 млн. трудящихся этого крупнейшего промышленного центра страны. Стачка оказала большое влияние на развитие рабочего движения по всей Индии.

В целом наиболее упорные стачечные бои в Индии происходили в последние годы в металлургической, текстильной, кожевенной и бумажной отраслях промышленности. По числу забастовок, по их массовости, по размаху стачечного движения Индия стоит на одном из первых мест в мире. Ежегодно в стране происходило до 1,5 тыс. забастовок, в которых участвовало от 500 тыс. до 1 млн. человек. По официальным данным, около 30% всех стачек заканчивалось победой рабочих.

В 1963—1964 гг. массовые забастовки рабочих имели место в таких центрах индийской промышленности, как Бомбей, Калькутта, Ахмадабад, в штатах Керала, Уттар Прадеш и в Гоа. Застрельщиком забастовочного движения в Индии неизменно выступает пролетариат Бомбея и Калькутты. Если в 1963 г. в стране состоялось около 500 стачек (с экономическими требованиями), то в 1964 г. их число достигло 2 тыс. В забастовках участвовало около 1 млн. человек, было потеряно 7,3 млн. человеко-дней.

Стачечное движение в 1964 г. было самым широким и массовым за всю историю рабочего движения независимой Индии. Характерно, что значительно расширилось разнообразие форм стачечного движения. Индийские рабочие стали успешно применять «сидячие забастовки»; «итальянские», «замедленные темпы», «делай все только по инструкции», «голодные забастовки», забастовки «сатьяграха» (участие семей забастовщиков в демонстрациях и походах, совместные выступления с торговцами и служащими) и т. д. Лишь в 1965 г. в связи с военными конфликтами на границах с Китаем и Пакистаном правительству удалось сбить нарастание стачечного движения в Индии.

Борьба индийских рабочих за улучшение своего экономического положения стала все чаще перерастать в общенародное движение за национализацию банков, крупных компаний, торговли продуктами питания, за действенные меры борьбы против спекуляции и коррупции. В конечном счете эти выступления все чаще обращались против реакционной политики правительств штатов. Во «всеобщих забастовках», к которым присоединялись сотни и тысячи мелких торговцев, кустарей, чиновников и других представителей средних слоев населения, в многотысячных манифестациях трудящихся особенно возросла руководящая роль индийского пролетариата. Это проявилось, например, во время всеобщей забастовки 20 августа 1963 г. в Бомбее, проходившей под общим руководством социалистов и коммунистов, в ряде выступлений в июле — августе

те 1964 г., в 80-тысячной стачке, организованной КПИ в августе 1964 г., и других выступлениях рабочих.

В Индонезии рабочий класс, сыгравший большую роль в достижении политической независимости страны, был одной из наиболее влиятельных политических сил. Добиваясь удовлетворения своих насущных экономических требований, он решительно выступал за укрепление политической и завоевание экономической независимости страны, за национализацию крупных иностранных предприятий и плантаций, за полную ликвидацию остатков колониализма и феодализма, за проведение радикальных аграрных преобразований.

Из 6 млн. рабочих большинство состояло членами профсоюзов. Крупнейшее профсоюзное объединение СОБСИ — центральная профсоюзная организация Индонезии, последовательно отстаивавшая интересы рабочих и выступавшая за единство профсоюзного движения, — летом 1965 г. насчитывало в своих рядах около 3 млн. трудящихся. Коммунистическая партия Индонезии руководила также крестьянским союзом БТИ, объединявшим 7 млн. членов, женскими и молодежными организациями, общая численность которых достигала 15 млн. человек. КПИ была одной из самых влиятельных партий страны.

Однако с 1960 г. в политике руководства КПИ стали проявляться догматизм и оппортунизм, в результате которых индонезийскому рабочему движению был нанесен тяжелый урон. В ходе идеологического наступления на рабочий класс индонезийская буржуазия добилась значительного расширения своего влияния. Ей практически удалось расколоть рабочее профсоюзное движение, добиться того, что профсоюзные центры, контролируемые правыми группами, по темпам роста членов намного обогнали СОБСИ. Такой контролируемый правительством профсоюзный центр, как СОКСИ, намного увеличил число своих членов, и уже в 1964 г. в нем объединилось около 1 млн. рабочих.

Начиная с 1957 г. рабочий класс Индонезии был практически лишен права на забастовки, участники которых подвергались уголовному преследованию. Серьезно ограничивались и другие права рабочих (свобода собраний, печати, слова). Военные власти свели до минимума право КПИ и СОБСИ открыто выступать с критикой деятельности правительства и местных органов власти.

В результате ошибочной линии руководства КПИ и СОБСИ, а также преследования властей в последние годы рабочий класс быстро терял свои завоевания в области экономики и политических прав, которых он добился в годы национально-освободительного движения и революционных преобразований. После событий 30 сентября 1965 г. правые

силы обрушились на Коммунистическую партию Индонезии и легальные демократические организации и практически ликвидировали в стране демократические свободы, разгромили компартию, физически уничтожили, даже по официальным данным, более 300 тыс. членов партии.

В чрезвычайно сложных и тяжелых условиях развивалось рабочее движение в Пакистане, Турции и Иране. Здесь практически были запрещены забастовки, преследуется всякая политическая деятельность рабочих организаций, объявлены вне закона коммунистические и рабочие партии, в рабочем классе насаждается идеология буржуазного национализма. Крайне тяжелые условия борьбы ограничивают возможности открытых выступлений пролетариата. Тем не менее и здесь борьба рабочего класса в последние годы заметно обострилась. Так, в Пакистане только в 1963 г. состоялось около 150 стачек и демонстраций трудящихся, выступавших с требованиями о повышении заработной платы, сокращении рабочего дня, отмены антидемократических законов, уменьшении военных расходов и др.

В 1964—1965 гг. рабочие десятков промышленных предприятий Пакистана объявляли забастовки, требовали повышения заработной платы, улучшения условий труда. Особенно упорный характер носили: забастовки 40 тыс. работников телеграфа, 30 тыс. рабочих джутовых фабрик Дакки, Нараянганджа и Читтагонга, всеобщая стачка рабочих, служащих и выступления студентов в сентябре 1964 г. и т. д. В ходе забастовок и демонстраций десятки тысяч рабочих неоднократно собирались на мощные митинги, подтверждая решимость отстаивать свои права. Власти арестовывали руководителей забастовок. Несмотря на репрессии и преследования, рабочие мужественно продолжали борьбу.

Широкий размах получило рабочее движение в Турции. Характерная черта нынешнего этапа борьбы рабочего класса этой страны — массовый характер выступлений трудящихся, антиимпериалистическая направленность борьбы пролетариата. Турецкие рабочие решительно требуют улучшения своего материального положения, отмены или пересмотра антирабочих законов: «О труде», «О профсоюзах», «О коллективных договорах», «Забастовках и локаутах», предоставления свободы профсоюзной деятельности.

После государственного переворота в мае 1960 г., в результате которого было свергнуто правительство Дж. Баяра — А. Мендереса, рабочее движение в Турции стало быстро нарастать. В 1960—1965 гг. десятки тысяч рабочих различных отраслей промышленности (текстильщики, металлисты, рабочие добывающей, стекольной, табачной и других отраслей) требовали повышения заработной платы минимум

на 50%, свободы профсоюзной деятельности, прекращения бесчеловечной эксплуатации и произвола на иностранных предприятиях. В небывало массовых для Турции демонстрациях участвовало в некоторые моменты до 100 тыс. трудящихся, в забастовках — более тысячи рабочих. Особенно острый и напряженный характер носили забастовки на предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу: на нефтеочистительных заводах в Мерсине и Батмане, на фабрике швейных машин «Зингер» вблизи Стамбула, на резиновой фабрике «Гудьир», принадлежащей американской компании, на строительстве радарных установок американских ВВС в районах Трабзона, Орду, Самсуна и Синопа, на продовольственных складах американской компании «Туслог», на американо-турецком предприятии «Беремис» и т. д. В ряде случаев выступления рабочих состоялись вопреки запрещению властей и политике руководства Конфедерации рабочих профсоюзов Турции («Тюркиш»). Факты показывают, что рабочее движение в Турции имеет тенденцию к дальнейшему подъему.

Таким образом, в целом рабочее движение в странах Азии и Африки продолжало, несмотря на многочисленные трудности, развиваться и принимать более организованные формы. Все более растет классовая сознательность и боевой дух пролетариата. Однако и сегодня задачи общенациональной антиимпериалистической борьбы не исчерпали себя. Они как бы насаиваются на борьбу пролетариата против «своей» буржуазии. В этих условиях особое значение приобретает воспитание в рабочем классе социалистической идеологии. В тех странах, где нет достаточно сильных и влиятельных марксистско-ленинских партий, распространение социалистической идеологии может происходить через местную революционную интеллигенцию.

Немалый вред этому делу наносит группировка Мао Цзэ-дуна, усиливающая свою раскольническую деятельность и националистическую пропаганду в странах Азии и Африки. Стараниями их агентуры руководство компартий Индонезии, Бирмы, Малайи практически оказалось под сильным идейным влиянием догматиков и левых сектантов, а Коммунистические партии Индии и Цейлона расколотыми. Это не может не оказывать отрицательного влияния на рабочее движение в целом. Преодоление разногласий и укрепление единства коммунистического движения стало неотложной задачей всех истинных революционеров-марксистов, заинтересованных в дальнейшем успешном развитии рабочего и коммунистического движения в странах Азии и Африки.

Таким образом, хотя рабочий класс многих стран Азии и Африки тяжелой и упорной борьбой с колонизаторами и

местной реакцией и добился определенных успехов, выразившихся в принятии трудового законодательства, завоевании некоторых политических прав, установлении определенных видов страхования в фабричной промышленности и т. д., тем не менее уступки правящих кругов в большинстве случаев носят половинчатый характер и не меняют коренным образом экономического и политического положения широких масс трудящихся. Пролетариат все более осознает себя как класс, для которого ни иностранный, ни национальный капитал не могут обеспечить ни удовлетворения его жизненных потребностей, ни достойного места в обществе и государстве. Рабочий класс Азии и Африки все более связывает свое историческое будущее с устранением капитализма и социально-экономическим прогрессом на иных, некапиталистических началах.

Социальные предпосылки вызревания элементов капиталистического общества в Тропической Африке

Ко времени империалистического раздела континента народы Тропической Африки находились на различных стадиях разложения родо-племенного строя и замены его эксплуататорскими формациями. Некоторые народы успели достичь стадии феодализма (Северная Африка, Северная Нигерия, Эфиопия, Уганда). Другие, в особенности жители экваториальных лесов, находились во власти родо-племенных традиций. В то время как в Западном Судане первые государства сформировались еще в IX—XII вв., некоторые суданские народы сохраняли племенной строй до XX в. Другие народы — бушмены Южной Африки и пигмеи бассейна Конго, Огове и Итури — находились на первобытной ступени производственной деятельности человека: они жили охотой и собирательством. Даже в пределах широких этнических общностей одни народы опережали по уровню общественного развития другие (один из примеров — северные и южные народы группы манде, населяющие обширные области Западного Судана).

Колонизация сильно усложнила социальную структуру африканских обществ. В одних случаях она привела к насильственному смещению традиционных вождей и в конечном счете к ломке родо-племенных и раннефеодальных институтов. Такой политики придерживались колонизаторы в большей части французских владений. Она получила наименование политики прямого управления. В других случаях колонизаторы, напротив, постарались законсервировать ар-

хаические социальные отношения. В третьих — они преуспели даже в попытке их своеобразной реконструкции. Последняя характерна в особенности для английской администрации. В качестве примера можно назвать создание искусственных племен во главе с назначенными вождями в Южном Судане. Английская система колониального управления (наиболее ярко проявившаяся в Судане, Нигерии, Уганде) в отличие от системы, преобладавшей во французских колониях, получила известность как политика косвенного управления. Обе системы наложили существенный отпечаток на общественную жизнь колоний. Они обусловили, в частности, различную степень культурной ассимиляции местной «элиты» и различия в подборе кадров для низшего и среднего звена колониальной администрации. В колониальных учреждениях французских владений служило больше разночинцев и меньше представителей знати, чем в учреждениях, созданных английской администрацией.

Параллельно с политико-административным действовал и экономический фактор. Вывоз капитала приводил к тому, что капиталистическое производство постепенно пересаживалось в колонии. При этом докапиталистические отношения не уничтожались. Причем глубина капиталистической трансформации во многом зависела от степени «перспективности» данной колонии в глазах европейских капиталистов. Вот почему для социальной структуры Тропической Африки столь характерно сосуществование и взаимное переплетение элементов родо-племенных, рабовладельческих и феодальных отношений с отношениями капиталистическими, привнесенными извне.

Другая, не менее типичная для Тропической Африки особенность заключается в том, что там за редким исключением сохранилось общинное землевладение, а сама сельская община «выжила». Лишь в Южной Родезии, Кении, отчасти в Анголе и Конго (районы Катанги и Киву) в результате европейских земельных экспроприаций община была ликвидирована, но не на всей их территории. Особенности исторического развития определяли специфические черты классов и социальных групп современного африканского общества.

Многие страны Африки слабо населены. Их вообще нельзя сравнивать в демографическом плане с такими странами, как Индия, Индонезия, Пакистан. Работоторговля и колониальные захваты обескровили Африканский континент и привели к тому, что плотность населения там за редким исключением очень мала. Деревня испытывает острую нехватку рабочих рук при избытке годной для обработки земли. Дальнейшее развитие производительных сил лишь увеличи-

ваит разрыв между растущими потребностями в рабочей силе и ограниченными демографическими возможностями. Еще в 1953 г. Межафриканская конференция по вопросам труда, созванная Комиссией по техническому сотрудничеству в Африке южнее Сахары, пришла к выводу, что «Африке в настоящее время угрожает нехватка рабочей силы». Нехватка рабочих рук, помноженная на плохую техническую вооруженность, чревата особыми трудностями в освоении огромных ресурсов континента.

Тем не менее даже ограниченные людские ресурсы использовались в колониальный период нерационально, а нередко просто хищнически. На шахты, промышленные объекты, лесные концессии, плантации сгоняли, используя как внеэкономические, так и экономические формы принуждения, сотни тысяч молодых крестьян. Это приводило в конечном счете к стагнации экономики сельских районов. Масса наиболее трудоспособного мужского населения превращалась в отходников, полупролетариев, периодически кочевавших между городом и деревней. От этого страдала производительность труда как в деревне, так и в городе. В деревне мужской труд в значительной мере заменялся женским и детским. Труд неквалифицированных сезонных рабочих в городах также малопроизводителен.

Крестьянство — самый многочисленный класс африканского общества и главный объект эксплуатации иностранным и местным капиталом. Хотя оно слабо дифференцировано, в африканской деревне уже существует зажиточная буржуазно-фермерская прослойка. Вместе с тем там есть и крестьяне-бедняки, продающие свою рабочую силу зажиточным хозяевам. В наибольшей степени имущественная дифференциация затронула по понятным причинам районы возделывания «денежных», т. е. экспортных, культур.

О том, что расслоение крестьянства идет своим чередом и после завоевания политической независимости, свидетельствуют многочисленные примеры. Следует подчеркнуть, что социальная дифференциация наблюдается даже в тех странах, где официально проводится или проводилась линия на ограничение развития капитализма. Еще в середине 30-х годов в Акокаосо, одной из деревень Центральной Ганы, побывал английский африканист Беккет, опубликовавший впоследствии подробное социологическое исследование. Но вот что получится, если сопоставить данные Беккета с официальными ганскими данными по той же деревне, относящимися к началу 60-х годов. С 1932 по 1962 г. доля средних (по производству какао) хозяйств уменьшилась с 30 до 18%, а доля производимой ими продукции — с 35 до 21%. За тот же отрезок времени число мелких хозяйств возросло на 9%.

а крупных — на 3%. Таким образом, за счет «размывания» хозяйств середняков в деревне стало, с одной стороны, больше крупных хозяйств, с другой — хозяйств мелких.

Имущественное расслоение успело затронуть и такую традиционную отрасль производства, как ремесло. Часть ремесленников работает самостоятельно, но чаще на заказ. Незначительная часть ремесленников работает по найму на зажиточных мастеров-предпринимателей. Хозяева-ремесленники используют труд подростков, которых родители отдают «в ученики». В целом весь образ жизни ремесленников как городских, так и сельских мало отличается от крестьянского.

Ремесленники, мелкое чиновничество, студенты, представители свободных профессий, мелкие и мельчайшие торговцы составляют слой мелкой буржуазии. В целом она настроена антиимпериалистически. Мелкая буржуазия вырастает в серьезный фактор политической и идеологической жизни в освободившихся странах. Именно ее представители в ряде случаев были инициаторами создания первых антиколониальных организаций. Мелкобуржуазные слои в целом политически и идеологически пока более активны, чем африканские пролетарии и африканская национальная (средняя) буржуазия. Но неверно рассматривать их как нечто единое и идейно монолитное. Для этой категории характерны, как и для всякой промежуточной социальной категории, политическая непоследовательность, колебания. Будучи подверженной влиянию и буржуазной, и пролетарской идеологии, африканская мелкая буржуазия идейно расслаивается. Часть ее постепенно сближается с авангардом формирующегося пролетариата, в то время как другая ориентируется на «сильную власть» буржуазно-феодалового типа.

Пролетариат Африки молод, немногочислен, занят главным образом в сельском хозяйстве. Африканские пролетарии в своем большинстве являются таковыми в первом поколении. Они тесно связаны с деревней. В городах рабочие заняты помимо шахт и рудников на предприятиях обрабатывающей промышленности, на строительстве и на транспорте. Сельский пролетарий продает свою рабочую силу главным образом европейским плантаторам и лесопромышленникам. Некоторая часть рабочих занята по найму в африканских хозяйствах, в особенности в районах выращивания экспортных культур в странах Западной Африки.

Если говорить о континенте в целом, то африканский пролетариат в силу своей молодости еще не осознал себя как класс и не созрел для политического руководства антиимпериалистическим фронтом. В город пролетарий приходит опутанный нитями духовной, а зачастую и материальной зависимости от традиционных владык. В большинстве случа-

ев он периодически возвращается в деревню. Но процесс освобождения рабочего класса от бремени этой зависимости, от груза предрассудков родо-племенного и религиозного характера идет неумолимо. Положение рабочего класса в системе общественного производства таково, что по мере развития современной промышленности, по мере роста его численности возрастает и его идейная зрелость, сплоченность, организованность, а следовательно, увеличивается и его политический вес в обществе. Особенно вырастает политическая роль отрядов пролетариата, сосредоточенных на предприятиях государственного сектора. Выработка африканскими пролетариями классового сознания идет быстрее там, где существуют местные профсоюзы, отстаивающие интересы трудящихся. Иногда именно боевые профсоюзы при отсутствии пролетарских партий превращаются в революционный авангард и берут на себя руководство антиимпериалистической борьбой.

Следует отметить, что в некоторых странах Африки профсоюзы вообще опередили появление политических партий. В Гане, например, первый профсоюз — Ассоциация шоферов Золотого Берега — был создан еще в 1915 г., т. е. задолго до формирования партий. Авангардная роль профсоюзов выражается и в том, что в их рамках процесс изживания племенной идеологии идет быстрее, чем в партиях. Есть партии, до сих пор не преодолевшие трайбализма, и есть профсоюзы, выражающие именно классовые интересы. Но наблюдаются и явления обратного порядка. Трайбалистская партия может полностью подчинить своему влиянию профсоюзы, повести их за собой и даже связать их с собой организационно. Известно, например, что в 50-е годы два профсоюза Северной Нигерии, в том числе профсоюз горняков, входили в состав реакционной трайбалистской партии — Северный народный конгресс. Изживание трайбалистских тенденций невозможно без коренных сдвигов в культуре, народном образовании, без воспитания национального и классового самосознания.

Формирование местной буржуазии проходило в разных странах Тропической Африки и даже в разных районах одной и той же страны неравномерно. Появление первой разновидности местных буржуа — торговых посредников — в сущности зависело в первую очередь от степени интенсивности эксплуатации того или иного района колонизаторами. Но эта интенсивность варьировалась, как отмечалось ранее, в зависимости от степени заинтересованности иностранных вкладчиков. Африканская буржуазная прослойка появлялась далее тем быстрее, чем сильнее были развиты товарные отношения в данном районе до колонизации. В силу всего этого в некоторых районах Африки сложились благоприятные условия для зарожде-

ния местной буржуазии. В основном это были прибрежные области с длительной торговой традицией, где существовали к тому же наилучшие почвенные и климатические условия для выращивания доходных экспортных культур. Для черновой работы (заготовка экспортной продукции и сбыт импортных европейских изделий) торговым домам нужны были посредники. И местные купцы как нельзя лучше подходили для этой роли. Так рождалась торгово-посредническая буржуазия в районах расселения атланти (Гана), фон (Дагомея), йоруба (Нигерия) и многих других прибрежных народов. В гораздо менее выгодном с точки зрения деловых контактов с европейцами положении оказались глубинные районы. Здесь предприимчивым представителям приходилось проявлять чудеса изворотливости и коммерческой хватки, чтобы превратиться в буржуа.

Местная буржуазия рекрутировалась также за счет служилого люда — писарей, переводчиков, бывших солдат и унтер-офицеров колониальных войск и т. д., уровень доходов которых, сам по себе скромный, резко выделялся на фоне нищенского уровня остального населения.

Ко времени завоевания независимости буржуазия не успела сформироваться как класс ни в одной стране Тропической Африки. Элементы буржуазии были весьма слабы, в особенности в Центральной и Восточной Африке. Значительная капиталистическая прослойка европейских фермеров, обосновавшаяся в этой части континента, ограничивала возможности вызревания буржуазных элементов из числа африканцев. Но и западноафриканские дельцы были, по справедливому выражению одного французского автора, «капиталистами без капиталов». В сферу производства дельцам-африканцам мешали пробиться могущественные европейские конкуренты. Местный капитал возлагал свои надежды на сферу обращения. В Тропической Африке наибольшее распространение получили первичные формы капитала — торговля и ростовщичество. Африканский буржуа — чаще всего торговец, ростовщик или владелец транспортных средств. В капиталистического фермера он превращался там, где для этого существовали соответствующие условия (поощрительная политика колониальной администрации, заинтересованной в увеличении экспортной выручки, в частности долларовой, особо благоприятный для выращивания доходных экспортных культур, климат и т. д.). Буржуазия независимых государств стремится использовать новые возможности обогащения, открывшиеся с уходом колонизаторов. Не будучи в состоянии решить проблему накопления самостоятельно, она зачастую идет на партнерство с иностранным капиталом (создание смешанных предприятий, акционерных обществ).

В экономической жизни колоний Тропической Африки активную роль играла буржуазия иноземного происхождения (помимо торговцев из метрополии). Речь идет о торговцах греческого и португальского происхождения во французских и бельгийских колониях Экваториальной Африки, ливанских и марокканских торговцах — в Западной, индийских — в Восточной Африке. Экономически более мощная, чем собственно африканская, ионациональная фракция буржуазии всегда была сильным конкурентом африканских капиталистов и торговцев. Колонизаторы умело играли на противоречиях интересов обеих группировок, не давая особенно развиваться ни той, ни другой. После завоевания независимости неафриканская буржуазная прослойка, опасаясь экономических санкций со стороны национальных правительств, нередко прибегает к маневрам, направленным на сохранение своего влияния (создание смешанных акционерных обществ с участием африканского капитала, женитьба на африканках, принятие нового гражданства и т. д.). Другая часть предпочитает закрыть дело и репатрироваться.

Обычно весьма слабая дифференциация африканского общества, в особенности слабость рабочего класса, а также национальной буржуазии, отразилась на расстановке сил антиимпериалистической революции и на характере власти в освободившихся государствах. Блок антиколониальных сил на первом этапе антиимпериалистической революции, завершившейся завоеванием политической независимости, возглавлял не пролетариат, а представители непролетарских классов. На втором этапе революции, когда важнейшая задача заключается в укреплении политической и достижении экономической самостоятельности, руководят политической жизнью общества опять-таки непролетарские классы и социальные группы.

В одних странах у власти стоит блок феодалов и национальной буржуазии, в других этот блок включает и представителей бюрократической буржуазии. Между участниками таких коалиций идет непрерывная глухая борьба. Так, до конца 1962 г. в сенегальском руководстве уравнивались две силы — национальная и бюрократическая буржуазия, а после 1962 г. бюрократическая буржуазия одержала верх, вытеснив соперничающую группировку во главе с премьером Мамаду Диа. В Уганде национально-буржуазной группировке в 1966 г. удалось сломить сопротивление феодальной верхушки и вытеснить ее из правительства. Есть страны, где бюрократическая буржуазия господствует безраздельно, целиком завися от поддержки бывшей метрополии (Габон).

В связи с этим следует отметить, что в новых государствах формируется особая фракция буржуазии. Она часто именуется

ся «бюрократической буржуазией» и состоит из высокооплачиваемых и коррумпированных служащих государственного аппарата. Высокие оклады, несоразмерные с возможностями страны, получаемые некоторыми категориями государственных служащих, являются питательной средой для создания эксплуататорской, пробуржуазной прослойки. Бюрократы нередко превращаются во владельцев роскошных вилл, в ростовщиков, земельных спекулянтов, плантаторов, эксплуатирующих труд соотечественников. В то же время они пользуются льготами, оплачиваемыми за счет государственного бюджета (пользование государственным жилым фондом, транспортом и т. д.).

Сила и влияние бюрократической буржуазии определяются не ее весом в системе общественного производства. Он незначителен, как и вес местной буржуазии вообще. Занимая высокое положение в общественной иерархии молодых государств, бюрократическая буржуазия практически бесконтрольно распоряжается крупными общественными фондами, складывающимися в основном за счет заемных средств. Теоретически государственный капитал предназначен для развития государственного сектора экономики. На практике коррумпированные бюрократы, разбазаривая и расхищая доверенные им средства, наносят государственному сектору огромный урон. В качестве примера можно привести данные о чудовищных злоупотреблениях властью бюрократической клики Юбера Мага в Дагомее, свергнутой народом в октябре 1963 г. Сам бывший президент Мага растратил 3,3 млн. фр. государственных средств, некоторые из его министров также растратили или незаконно присвоили по несколько миллионов франков.

Тормозящая роль государственной бюрократии, воспитанной еще в период колониального господства и в старых консервативных традициях, проявляется и в других странах Тропической Африки, где сформировалась особая привилегированная прослойка правящей элиты, состоящей в основном из выходцев из зажиточных групп местного населения, получивших образование в западноевропейских университетах и колледжах и многими нитями связанных с империалистами бывших метрополий. Приближаясь по своей психологии и образу жизни к буржуазному классу, эта правящая элита выступает против коренных социально-экономических преобразований, не останавливаясь даже, как, например, в Сенегале, перед террористическим подавлением сторонников социального прогресса. Занимая видные посты в государственном аппарате, находясь во главе министерств, центральных учреждений и ведомств, возглавляя государственные промышленные предприятия или сельскохозяйственные плантации,

бюрократы используют предоставленные им возможности в целях личного обогащения, в широких масштабах расхищают государственное достояние, спекулируют государственным имуществом. Коррупция, взяточничество, всевозможные формы подкупа — таковы лишь некоторые из отрицательных явлений, которыми сопровождается деятельность бюрократической буржуазии. Как правило, бюрократическая буржуазия пользуется то скрытой, то откровенной поддержкой империалистов и их агентуры и со своей стороны благожелательно относится к проникновению иностранного капитала в экономику своих стран, поскольку монополии охотно вознаграждают за оказываемое им содействие.

Африканские феодалы были частично истреблены колонизаторами, частично использованы при создании аппарата угнетения. Влияние феодальных правителей, как правило, сохранилось лишь в некоторых областях континента (Нигерия, Эфиопия, Уганда и др.). В прочих странах вожди имеют определенный вес не столько в качестве традиционных владык, сколько в качестве зажиточных людей, имеющих свое дело или счет в банке. Но есть общинные аристократы, пользующиеся до сих пор огромным влиянием среди крестьян. Это руководители различных мусульманских сект в Западной Африке, в частности в Сенегале. За редким исключением феодальные элементы стоят, подобно бюрократической буржуазии, на крайне правых позициях. И те и другие представляют собой слои, наиболее враждебно относящиеся к прогрессивным преобразованиям национальных правительств.

Африканская интеллигенция по своему социальному происхождению неоднородна. Часть интеллигентов — выходцы из аристократических семей (дети традиционных вождей и религиозных владык). Интеллигенты происходят и из чиновников, крестьян, буржуа. Различна степень участия интеллигентов в национально-освободительном движении. Революционно-демократическая часть интеллигенции активно содействовала успеху антиимпериалистической революции на ее первом этапе (завоевание политической независимости) и твердо проводит антиимпериалистический курс в годы независимого существования. Прозападная обуржуазившаяся группа интеллигенции в той или иной степени сотрудничала с колонизаторами. В новых условиях многие ее представители служат серьезной опорой прозападных режимов.

Во всех африканских странах существенную роль в жизни общества играет военная интеллигенция. До поры до времени вне Африки на нее обращали мало внимания. Однако после серии государственных переворотов, совершенных в 1965—1967 гг. при активном участии военных [Конго (Киншаса), Дагомея, Центральнаяафриканская Республика, Верх-

няя Вольта, Нигерия, Гана, Бурунди, Того], вопрос о роли армии в молодых государствах не мог не стать актуальным.

Главная причина переворотов — недовольство населения некомпетентностью и продажностью реакционных кругов, не способных, да и не желающих решать насущные экономические и социальные проблемы. Иными словами, это — банкротство антинародной политики тех правительств, которые идут на поводу у бывших метрополий и новых опекунов, прежде всего США и ФРГ. Другая причина — закулисные маневры и давление на национальные правительства, в особенности на прогрессивные, со стороны мирового империализма. В некоторых случаях с помощью военных реакция и ее империалистические покровители вовремя убирают с политической сцены наиболее скомпрометированные продажные клики, чтобы предотвратить их свержение народными массами и установление более демократических порядков.

Военные круги сравнительно легко свергают продажных политиканов, потому что офицеры представляют силу, действительно организованную и спаянную дисциплиной. Политические партии зачастую оторваны от масс и не являются эффективными организациями. Что же касается малой эффективности государственных учреждений, то она обусловлена многими причинами (крайняя нехватка квалифицированных и компетентных национальных кадров, недемократическая структура самих государственных учреждений, позаставованная у колониальных властей, отсутствие должного контроля со стороны правящей партии и т. д.). Это создает условия для роста коррупции в госаппарате.

В «разрезе» офицерский корпус выглядит следующим образом. Его верхний слой — это выходцы из аристократических и буржуазных семейств, которым еще в колониальный период удалось дослужиться до офицерского звания, обычно среднего. Некоторые из них окончили военные училища в метрополиях, участвовали во второй мировой войне, а также в колониальных войнах в Индокитае и Алжире. Средний слой — это бывшие унтер-офицеры колониальных войск, произведенные в офицеры сразу же после провозглашения независимости. Низший слой — это совсем юные выпускники европейских и американских военных училищ*. Не удивительно поэтому, что если высшее офицерство по своему образу жизни и политическим взглядам примыкает к «бюрократической бур-

* На Каирском семинаре 1966 г. приводились характерные данные о численности африканских офицеров, обучающихся в военных школах западных держав. Так, в 1964 г. в военных школах Франции обучалось 1500 африканцев, а 700 африканцев проходили учебу в Англии. Около 20% офицерского состава армии Ганы прошло обучение в военных колледжах Англии.

жуазии», то средние и младшие офицеры принадлежат к более демократическим слоям общества. Они выходцы из мелкой буржуазии, крестьян и даже рабочих. Во всех странах офицерский корпус материально хорошо обеспечен, что немало способствует укреплению духа военной кастовости.

Среди офицеров есть демократы и патриоты, а есть отъявленные реакционеры. Если офицеры-демократы после совершения переворота стремятся перестроить общественно-политические институты на более демократической основе, то офицеры реакционного толка стараются либо закрепить собственное диктаторское правление (режим Аббуда в Судане), либо передать власть в руки реакции (Гана после свержения правительства Нкрумы в феврале 1966 г.). Имеются также умеренные группировки, проявляющие в переломные, решающие моменты некоторые колебания. Так было с военным правительством Иронси в Нигерии, которое своей боязнью опереться на прогрессивные слои свело на нет положительные стороны своей политики и дало возможность нигерийской реакции быстро взять реванш.

В группе стран (типа Мали и Гвинеи) характер власти определяет широкая коалиция всех демократических антиимпериалистических сил, возглавляемая революционной интеллигенцией. Эта коалиция опирается на широкие слои мелкой буржуазии города и деревни, а ее руководители чаще всего мелкобуржуазного происхождения. Но идеология руководителей данной группы стран и их политический курс в новых исторических условиях, когда социалистическое содружество превращается в решающий фактор мирового развития, ведут эти страны к активному сотрудничеству с мировой социалистической системой, к вступлению на путь социального прогресса.

Изменения в идеологии классов и общенациональные задачи

Идеология национализма, хотя она и претерпела изменения, сохраняет свое место в политической жизни многих африканских народов. При этом в условиях, когда противоречия с империализмом были сильнее, чем классовая дифференциация и классовые противоречия внутри каждой из колониальных стран, в националистических теориях центральное место занимали концепции «надклассовой» национальной общности, прикрывающие социальные различия и противоречия. В колониальный период степень прогрессивности националистической идеологии и связанных с ней общественных течений опре-

делялась прежде всего последовательностью, с которой их носители выражали антиколониальные устремления масс и добивались независимости.

Однако национализм не был единственной формой выражения общественного сознания. Оно проявлялось и в росте классового самосознания, и в идеях социального переустройства общества. В этих областях развития общественной мысли, так же как и в области развития национального самосознания, выразителями передовых и прогрессивных идей в колониальный период также выступали буржуазные и мелкобуржуазные идеологи. Их радикальность определялась тем, насколько последовательно они отстаивали для своей страны путь независимого капиталистического развития.

Это не означало, естественно, что до завоевания политической независимости в общественной мысли колониальных народов не было антикапиталистических тенденций. Но во многих странах антикапиталистические идеи носили утопический и стихийный характер, поскольку мелкобуржуазная идеология находилась под влиянием буржуазии, а сфера влияния марксистской идеологии, которая распространялась через наиболее сознательную часть интеллигенции, вставшей на позиции пролетариата, была крайне ограничена.

Буржуазный национализм на этапе суверенитета. После завоевания политической независимости национализм продолжает оказывать серьезное влияние на общественную мысль различных социальных слоев народов Азии и Африки, поскольку империализм продолжает угрожать их государственной целостности, политическому суверенитету и препятствует достижению экономической независимости. Однако, когда в центре борьбы становятся социальные проблемы, все отчетливее выявляется классовое размежевание, которое оказывает ныне на общественную мысль все большее влияние, а идеи социального переустройства общества на путях некапиталистического развития играют возрастающую роль.

Теперь уже прогрессивность той или иной национальной идеологии стала определяться не только тем, насколько последовательно она отстаивает путь независимого капиталистического развития, но и тем, насколько последовательна она в решении коренных задач национального и социального прогресса. Не случайно многие видные руководители национально-освободительного движения, которые прежде выступали исключительно под флагом национализма, теперь выдвигают на первый план лозунги социального прогресса. На новом этапе революции борьба, будучи по-прежнему обращена против империализма как главного врага, в конструктивном отношении направлена на дальнейшее развитие осво-

бодившихся стран. Вот почему в современных условиях, когда на первый план выдвигается задача социально-экономических преобразований, в общественной мысли возрастающее значение приобретает классовое самосознание, а в общественных теориях ярче выступает их социальное содержание.

Вот почему буржуазии становится все труднее выступать с подлинно общенациональной программой. Чтобы сохранить свое влияние на массы, она, с одной стороны, все чаще маскирует свою идеологию под идеологию других классов, прежде всего — крестьян. С другой стороны, в борьбе за сохранение экономических и политических привилегий верхушка местной буржуазии не только обращается к «традиционным лозунгам» национализма, но и прибегает к космополитизму — в поисках союза и поддержки иностранного капитала, внешних империалистических сил. Более того, буржуазный национализм отставших стран по-прежнему нуждается в сопровождении и сотрудничестве традиционных, прежде всего религиозных, мировоззрений. Такой союз идеологии, с одной стороны, обеспечивает ему поддержку феодальных кругов, а с другой — позволяет облачить свое буржуазное содержание в привычное для восприятия масс морально-этическое оформление. В общем, идеология буржуазии демонстрирует присущее ей противоречие между ее узкоклассовыми и общенациональными интересами, которое она стремится решить, принося национальные интересы в жертву своим корыстным целям.

Во всем этом проявляется все обостряющаяся в странах Азии и Африки классовая борьба. Ее характер и перспективы определяются как соотношением сил социализма и противостоящих им сил империализма в международном масштабе, так и уровнем социально-экономического развития и политической обстановкой в каждой из стран в отдельности. Рост классового сознания трудящихся отвечает жизненным национальным интересам освободившихся стран, помогает массам понять расстановку классовых сил и социальные предпосылки независимого, прогрессивного развития этих стран, увидеть социальное лицо групп, которые выступают за капиталистический путь развития, за компромисс с империализмом.

В тех странах, где имеются сравнительно многочисленные и политически зрелые рабочий класс и буржуазия (Индия), мы имеем дело с сознательной идеологической борьбой между этими классами за крестьянство и мелкобуржуазные и полупролетарские слои города. В других странах, где нет или почти нет своего пролетариата, а буржуазные элементы еще не превратились в класс для себя (Тропическая Африка), наиболее многочисленные слои населения находятся еще под

сильным влиянием феодально-патриархальной и буржуазной идеологии.

Непосредственное влияние как пролетарской, так и буржуазной идеологии на общественное сознание народов Азии и Африки составляет отличительную черту современного этапа их развития. При этом первостепенное значение приобретает воздействие на общественную мысль молодых государств Азии и Африки мировоззрения средних слоев, которые обычно выступают первоначальными носителями и истолкователями новых идей и взглядов.

Идеология средних слоев. Новые условия порождают новые идеологические явления, а именно: возникновение относительно самостоятельного круга общественно-политических взглядов и представлений средних слоев, что является неизбежным следствием обострения борьбы в условиях своеобразной социальной структуры общества у народов, переживших целую эпоху колониальной и полуколониальной зависимости.

Среди изменений, наблюдающихся в социальной структуре стран Азии и Африки в ходе их социально-экономического развития, нельзя не отметить рост интеллигенции, служащих, студенчества — тех слоев, которые в буржуазной социологии принято называть новым средним классом, но которые в действительности не являются каким-то особым классом, а представляют собой конгломерат различных социальных групп. Специфика интеллигенции стран Азии и Африки состоит в том, что она в подавляющем большинстве является по своему социальному положению малоимущей.

Служащие, чиновничество, лица свободных профессий, юристы, учителя, врачи и другие лица умственного труда в большинстве стран по своей численности и удельному весу превосходят рабочий класс, а в таких странах, как Индия, не уступают ему. Большинство интеллигенции составляют наемные служащие, доход которых едва достигает прожиточного минимума, а у 60—70% падает ниже его. Служащие слаборазвитых стран не превращаются в специфический отряд пролетариата. Они продолжают существенно отличаться от рабочего класса и по своим доходам, и по структуре своих расходов, по своей сословной и кастовой принадлежности, по своему образу жизни. В то же время лишь узкая прослойка интеллигенции (в Индии 6—7%) может быть включена в состав буржуазии. Не сливается интеллигенция полностью и с мелкой буржуазией города. Более прочны ее связи с сельскими верхами, из которых вышли и продолжают пополняться многие группы интеллигенции. Наблюдающийся во всех странах Азии после завоевания политической независимости рост интеллигенции и служащих происходит

преимущественно за счет относительно небогатой части сельских верхов.

В условиях Тропической Африки чиновничество и мелкие торговцы еще в колониальный период стали выступать как обособленный социальный слой, осознавший эту обособленность и сравнительную самостоятельность своих интересов. Этот слой самоутверждался, давая образование своей молодежи. Образование и средства обеспечивали выходцам из него общественный престиж. Разночинная интеллигенция первого и особенно второго поколения как раз и явилась той социальной средой, в которой созревали антиколониальные идеи. Указанные выше обстоятельства и создают объективные условия для превращения средних слоев в одну из важнейших социально-политических сил общества.

Относительная самостоятельность идеологии средних слоев в условиях определенного, исторически ограниченного периода после завоевания политической независимости отражает их возросшие революционные возможности. Эти слои все более втягиваются в водоворот классовых противоречий.

Интеллигенция выступает выразителем интересов главным образом мелкособственнических и полупролетарских масс. Это не исключает, естественно, того факта, что отдельные представители верхушки интеллигенции являются авторами и носителями социально-экономических и политических концепций буржуазии, а ее наиболее сознательная часть переходит на позиции марксизма. Интеллигенция, всегда неоднородная по своему составу, поставляет идеологов различных социальных слоев. Это и создает объективные условия для превращения средних слоев в одну из важнейших идейно-политических сил общества и для широкого распространения идеологических течений, отражающих их промежуточное положение. Относительная самостоятельность идеологии средних слоев содержит в себе элементы двойственности и неустойчивости, которые легко могут быть использованы и используются реакцией. В то же время высокий удельный вес в составе интеллигенции и средних слоев лиц, близких по своему общественному бытию к пролетариату, создает объективные предпосылки для того, чтобы идеологи средних слоев убеждались в правоте марксизма и воспринимали его без тех ограничений, которые присущи идеологии мелких собственников.

Приход к марксизму через относительно самостоятельную идеологию средних слоев отражает тот факт, что в силу различного уровня развития капитализма национальные отряды рабочего класса объективно не могут играть одинаковой роли в международном интернациональном движении своего класса. Еще в 1908 г. В. И. Ленин высказал замеча-

тельную мысль, что «международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий»*.

Мелкособственнические идеологические течения. Различия между идеологическими позициями служилых слоев и интеллигенции, с одной стороны, и мелкособственнических слоев — с другой, более отчетливо просматриваются в Южной и Юго-Восточной Азии и в меньшей мере в африканских странах. Это объясняется тем, что в ряде азиатских стран средние слои представляют собой относительно давнее и прочное социальное образование, связанное общностью происхождения из традиционно привилегированных кругов со сравнительно высоким образовательным и культурным уровнем. Между ними и мелкими собственниками-крестьянами, ремесленниками и торговцами пролегают ясно обозначенные сословно-кастовые и образовательно-профессиональные разграничения. Соответствующие различия просматриваются и в области идеологии.

Мелкособственническая идеология в развивающихся странах Азии и Африки, как и всюду, отражает двойственную социальную природу мелкого собственника (мелкого торговца, ремесленника, сельского предпринимателя). Попытки соединить интересы труда и частной собственности на средства производства всегда утопичны и бесперспективны. Однако у народов, переживших эпоху колониальной и полуколониальной зависимости, мелкособственническая идеология имеет существенные отличия от мелкобуржуазной идеологии развитых капиталистических стран Запада.

В воззрениях мелкособственнических идеологов Азии и Африки отрицание любых форм зависимости от империализма соседствует с отрицанием всего западного. Отсюда — возникающее зачастую стремление приостановить ломку вековых устоев, т. е. фактически задержать прогрессивное историческое развитие. Антикапиталистические тенденции, признание неприемлемости для народов Азии и Африки капиталистического пути развития соседствуют с бесплодными попытками доказать возможность третьего пути развития, кото-

* В. И. Ленин, *Горящий материал в мировой политике*, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 182.

рый противопоставляется капитализму и научному социализму. В этом мелкособственническая идеология отличается от мировоззрения средних слоев, которые легче воспринимают внешние идейные воздействия с буржуазным или, напротив, с научно-социалистическим содержанием.

Для мелкособственнических идеологов характерны также проповедь гармонии классовых интересов; они отрицают материалистическое объяснение общественных явлений, усматривают в религии и моральном, нравственном переустройстве общества единственно реальную силу, с помощью которой возможно достижение искомых социальных идеалов. Напротив, идеология средних слоев более склонна искать выхода в рационалистическом объяснении действительности.

Гносеологические корни современной мелкособственнической идеологии ведут к теориям утопического социализма, с одной стороны, и концепциям наивного эгалитаризма — с другой. Их питают два источника — уравнилельские устремления крестьянства и ныне уже реакционная идеология «феодалного социализма».

Двойственный характер идеологии мелких собственников приводит к тому, что на современном этапе в ней возникают два противоположных по своей исторической значимости идеологических течения: реакционные националистические течения, часто используемые империализмом и внутренней реакцией (правые баасисты, партия Машуми в Индонезии), и антиимпериалистические революционно-демократические течения, отражающие объективные стремления передовой части мелкособственнических слоев к союзу с рабочим классом, беднейшим крестьянством, революционной частью средних слоев.

Поэтому в идеологиях мелкособственнических слоев есть, конечно, существенные отличия, которые нельзя игнорировать. В одних случаях преобладают идеи обособленности народов Азии и Африки, проступает патриархальный, уравнилельный социализм крестьянина — полутруженика, полусобственника, хозяйствующего на полунатуральной основе и сохраняющего соответственно своему бытию патриархально-религиозное восприятие жизни. Отсюда стремление приостановить ломку вековых устоев, избежать «крайностей» как капитализма с его эксплуататорской сутью, так и социализма с его обобществлением частной собственности на средства производства.

В других случаях меньше приверженности к частной собственности и страха перед коренным социальным переустройством общества. Выразители таких идеологий в великих религиях Востока видят прежде всего их морально-этические нормы, путь к сердцам масс. Принимая социалистиче-

ские идеи в области переустройства экономических отношений, они еще не освободились полностью от иллюзий третьего пути и его противопоставления развитию, вытекающему из научного социалистического понимания общественных закономерностей.

Общенациональная программа на новом этапе. В целом в идеологической жизни афро-азиатских стран, идущих по пути капитализма, происходит сложный и диалектически противоречивый процесс. С одной стороны, в ходе формирования и созревания классов и слоев капиталистического общества происходит политическое и идейное размежевание различных социальных сил, осознание ими своих особых классовых интересов и задач. С другой стороны, сохраняется, хотя и с существенными изменениями, общенациональная платформа программных задач, в осуществлении которых заинтересованы все здоровые силы народа (но каждая из них — в разном объеме).

Сдвиги в социальных структурах и идеологических позициях оказывают существенное влияние на взаимоотношения классов, которые складываются в новых условиях, сформированных политической независимостью и теми новыми задачами и проблемами, которые жизнь выдвинула перед народами Азии и Африки на этапе суверенного развития и которые оказываются не по плечу капитализму. Благодаря новой обстановке в мире, созданной возникновением и укреплением социалистической системы, подъемом национально-освободительного движения, возникает реальная возможность добиваться экономического и социального освобождения бывших колоний и полуколоний. «Национально-освободительная революция, подчеркивается в Программе КПСС, не кончается завоеванием политической независимости. Эта независимость будет шаткой и превратится в фикцию, если революция не приведет к глубоким изменениям в социальной и экономической жизни, не решит насущных задач национального возрождения» *.

В общей форме эти задачи изложены в Заявлении представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. Это — проведение аграрных преобразований в интересах крестьянства, ликвидация остатков и пережитков феодализма и господства иностранных монополий в экономике, создание и развитие национальной промышленности, повышение жизненного уровня населения, демократизация общественной жизни, осуществление независимой миролюбивой внешней политики,

* «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 46.

развитие экономического и культурного сотрудничества с социалистическими и иными дружественными странами и т. д.

Задачи национального возрождения не реализуются и не могут реализоваться полностью и одновременно во всех странах Азии и Африки. Следует иметь в виду, что и на современном этапе революционный процесс развивается здесь неравномерно. Ряд государств еще находится на национально-освободительном этапе революции, поскольку в них не решена в той или иной степени проблема политической независимости. Это прежде всего колонии, перед которыми еще стоит задача достижения государственного суверенитета, а также независимые страны, суверенитет которых, однако, существенно ущемлен вхождением в агрессивные блоки или другими политическими формами неравноправного союза с империалистами.

Неравномерность экономического и политического развития, пестрота социальных условий, исторических и национальных традиций предопределили существенные различия и между странами, для которых главный узел противоречий с империализмом связан с борьбой за укрепление политической независимости, за экономическую самостоятельность и социальный прогресс. Опыт показывает, что в любой отдельно взятой стране каждая из задач национального возрождения несет свою особую революционную нагрузку и встречает особые трудности и ограничения на практике. Из этих различий и складываются национально-специфические варианты социально-экономических программ. Вокруг методов, форм, способов, темпов и путей их реализации сталкиваются классовые интересы, развертывается классовая борьба.

Раздел третий

УГЛУБЛЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В АФРО-АЗИАТСКИХ СТРАНАХ

И БОРЬБА

ДВУХ МИРОВЫХ СИСТЕМ

**УГЛУБЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И НАЧАЛО ПЕРЕХОДА
К НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ
НЕКОТОРЫХ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН**

По мере освобождения социально-экономических отношений от империалистического господства и пережитков докапиталистических формаций, антиимпериалистически и антикапиталистически настроенные низы начинают выступать против местной буржуазии. Причем речь идет не столько об ее устранении как класса, сколько о лишении ее тех социальных и политических привилегий и экономических преимуществ, которыми она на практике пользуется.

На этой основе порождается и углубляется разрыв между интересами верхушки буржуазии и интересами нации, появляется возможность и, более того, необходимость для других классов и слоев встать во главе народа во имя осуществления необходимых для возрождения своих стран социально-экономических мероприятий на иных, некапиталистических началах. Конечно, такая возможность возникает и реализуется далеко не сразу и не везде. Для этого необходима такая расстановка классовых сил, которая при наличии определенных субъективных факторов и благоприятной международной обстановки дает возможность антикапиталистическим силам изменить характер государственной власти и приступить к коренным социально-экономическим преобразованиям. Именно об этом свидетельствует опыт ряда освободившихся стран, осуществляющих антикапиталистические мероприятия.

Общедемократические и антикапиталистические преобразования в афро-азиатских странах

Вызревание некапиталистических тенденций в арабских странах. Значительным своеобразием отмечено развитие революционного процесса в арабских странах. Провал тройственной агрессии империалистов против Египта в конце 1956 г. побудил их к перемене тактики, к попыткам взрыва единого антиимпериалистического фронта арабских государств путем внутренних заговоров. В 1957 г. империалисты организовали давление изнутри и извне на независимое правительство Сирии, оказавшее поддержку Египту во время суэцкого кризиса. Было раскрыто несколько антиреспубликанских заговоров, в то время как на границах Сирии искусственно создавалась напряженная обстановка. В этих условиях в Сирии возросла тяга к объединению с более сильным Египтом. Известную роль сыграл также страх сирийской буржуазии перед все возрастающим в 1954—1957 гг. влиянием коммунистов в общественной жизни страны. Эта буржуазия рассчитывала руками египтян «навести порядок» в стране. Кроме того, на общественное мнение Сирии в 1957 г. значительное влияние стала оказывать мелкобуржуазно-националистическая партия «Баас» (т. е. «возрождение», полное название партии — Социалистическая партия арабского возрождения), использовавшая социалистическую фразеологию и предполагавшая реализовать единство арабов под своей эгидой, а на первых порах стать единственной правящей партией в Сирии.

17 ноября 1957 г. парламент Сирии проголосовал за объединение с Египтом, а 1 февраля 1958 г. Египет и Сирия образовали новое государство — Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Президентом ОАР был избран Насер, утвердивший 5 марта 1958 г. временную конституцию ОАР. 8 марта 1958 г. все политические партии Сирии были распущены по примеру Египта и заменены Национальным союзом. Из делегатов всеобщего съезда Национального Союза ОАР Насер назначил в 1960 г. 600 членов Национального собрания ОАР.

В обеих частях ОАР в 1958—1961 гг. были проведены серьезные социально-экономические преобразования. В египетском районе ОАР еще в результате «египтизации», т. е. проводившейся в январе 1957 г. передачи иностранной собственности в руки государства и национальной буржуазии, возник мощный государственный сектор, управляемый Генеральной экономической организацией. В 1961 г. эта организация контролировала 100 компаний, в которых государству принадлежал весь капитал или не менее половины акций. Капиталовложения организации в 1957—1961 гг. возросли в

пять раз. Однако рост государственного сектора не сопровождался серьезными изменениями социальной структуры египетского общества. Национальному капитализму по существу не ставилось преград. Крупный частный капитал, стремительно обогащаясь, захватил ряд командных высот в экономике. Аграрной реформой 1952 г. также воспользовалась в основном зажиточная сельская прослойка, а помещики, которые вели хозяйство капиталистическими методами, реформой почти не были затронуты. На долю крупной буржуазии и богатых землевладельцев, составлявших 1,5% всего населения, приходилось 35% всех доходов населения страны.

Государство пыталось контролировать направление капиталовложений, подчинить частный капитал интересам национальной экономики, не препятствуя в то же время его развитию. Президент Насер заявил в речи от 22 июня 1959 г. о принципе таких отношений: «Мы считаем, что в нашем социалистическом и кооперативном обществе государство является патроном всего — и частной, и общественной собственности. Я считаю, что мы должны предоставить свободу частному капиталу, одновременно уравнивая его с общественным капиталом в лице государственного сектора».

Однако египетская буржуазия, особенно ее верхушка, не выказывала желания сотрудничать с правительством Насера в деле разрешения все более обострившихся проблем: возрастающего социально-имущественного неравенства, обеспечения работой и средствами существования быстро увеличивавшегося населения, создания и развития новых перспективных отраслей экономики, жизненно важных для будущего страны, но малоприбыльных поначалу. Более того, буржуазия выражала недовольство государственным вмешательством в экономическую жизнь и выступала за передачу государственных предприятий в руки частных владельцев.

Еще меньше правительство ОАР могло рассчитывать на поддержку сирийской буржуазии. Несмотря на резкие разногласия, возникшие в конце 1958 г. между правительством Насера и левыми силами Сирии, несмотря на преследования компартии, сирийская буржуазия была недовольна сложившимся положением. Она не могла примириться со своей подчиненной по сравнению с египетской буржуазией ролью, с утратой традиционных рынков и постепенным усилением позиций египетского капитала в Сирии.

Столкнувшись с сопротивлением капиталистов, объявивших войну программам развития, правительство ОАР не капитулировало перед ними. Оно взяло курс на установление более действенного контроля государства над экономикой. 11 февраля 1960 г. были национализированы два крупнейших египетских концерна — банк «Мыср», контролировавший

22 частные компании, и Национальный банк. 20 июля 1961 г. правительство опубликовало три декрета, согласно которым были национализированы все банки и страховые общества, ряд промышленных и других компаний, 83 компании преобразованы в смешанные с передачей государству не менее 50% акций, а в 148 компаниях был установлен максимум владения акциями частными лицами на сумму не более 10 тыс. египетских фунтов. Одновременно были национализированы внешняя торговля и торговый флот. 25 июля 1961 г. был сокращен вдвое (с 200 до 100 федданов) максимум земельного владения. Вскоре началась «кампания против миллионеров», результатом которой явилось секвестрование имущества (на общую сумму 500 млн. египетских фунтов) 700 крупных капиталистов и арест многих из них.

«Постепенно, — пишет известный общественный деятель ОАР Халед Мохи эд-Дин, — план развития превращался из сражения за чисто национальные интересы в сражение за социальные преобразования, что особенно проявилось в социалистических мерах, предпринятых в июле 1961 г.».

Июльские декреты 1961 г. были распространены как на Египет, так и на Сирию. Однако если египетская крупная и средняя буржуазия, чье богатство и процветание подрывались этими декретами, не смогла оказать им серьезного сопротивления, ибо не контролировала аппарат государственной власти, то сирийская буржуазия реагировала на события иначе. Воспользовавшись антиегипетскими настроениями в Сирии, вызванными проникновением туда египетского капитала и засильем египтян в аппарате политической и военной власти, она в сентябре 1961 г. осуществила военный переворот, в результате которого Сирия вышла из состава ОАР.

Углубление антикапиталистических преобразований в ОАР. Этот акт сирийской буржуазии не вызвал ответных мер, но привел к переоценке способов и форм объединения арабов (Египетская республика сохранила название ОАР, подчеркнув тем самым свою верность идеалам арабского единства). В 1962—1964 гг. в ОАР продолжалась национализация местных и иностранных компаний. В 1963 г. был установлен максимум компенсации держателям акций в размере 15 тыс. егип. ф. ст., что ограничило возможности личного обогащения.

Общественно-экономические преобразования в ОАР, обеспечивающие ее независимое развитие, происходили в условиях укрепления сотрудничества с Советским Союзом, что в значительной мере помогало правительству Насера противостоять проискам империалистов. Мероприятия по национализации, которые охватили большинство промышленных и торговых организаций, учреждений и компаний, а также на-

ложение секвестра на крупную собственность явились развитием социального содержания революции, ее качественным скачком, определившим последующее развитие ОАР.

Государственный сектор занял ключевые посты в экономике, установив свой контроль над всеми банками и всеми значительными промышленными и торговыми предприятиями, над разведкой и добычей полезных ископаемых, а также над всеми видами транспорта и экспорта-импорта. Фактически под контролем государства находится около 90% основных средств производства (исключая сельское хозяйство). Государственный сектор дает сейчас около 80% промышленной продукции страны.

Крупная буржуазия в результате реформ 1961—1963 гг. оказалась фактически экспроприированной, а возможности самостоятельного хозяйствования средних и мелких собственников ограничены как вследствие перехода в руки государства командных высот в экономике (банков, внешней и частично внутренней оптовой торговли и т. д.), так и вследствие налоговой политики правительства ОАР: любой доход, начиная от 10 тыс. егип. ф. ст. и выше, должен на 90% изыматься у собственников в форме налога. Практически 90-процентной ставкой облагаются только более высокие суммы дохода (14—16 тыс. ф.). Но и это сильно ограничивает возможности сбогашения буржуазии.

Некоторые меры руководства ОАР направлены непосредственно на улучшение положения рабочих. Так, рабочие и служащие получили право ежегодно выбирать тайным голосованием четверых из девяти членов административных советов предприятий. Установлен единый для городских и сельскохозяйственных рабочих минимум заработной платы. Любое государственное предприятие обязано отчислять в пользу рабочих и служащих 25% своих прибылей, из которых 15% идут на удовлетворение социальных нужд трудящихся, а 10% непосредственно распределяются среди рабочих. Введение 7-часового рабочего дня позволило увеличить занятость примерно на 12%.

Наряду с этим было бы неправильно преуменьшать значение частнособственнической стихии, еще сохранившейся в ОАР: частный сектор только в 1964 г. впервые уступил государственному по объему новых капиталовложений. Развитию мелкой буржуазии и ее перерастанию в среднюю практически не ставится никаких преград. Частный капитал еще силен в торговле и строительстве, сфере услуг. Например, по данным журнала «Роз аль-Юсеф» от 10 января 1966 г., весь сбыт производимых государственными предприятиями цемента, стали и труб находился в частных руках. Так же обстояло дело со сбытом фарфора, фаянса, алюминия, тка-

ней. Государственный сектор имел в своем распоряжении 6 тыс. грузовиков, а частный — 16 тыс. Даже в середине 1966 г. частные подрядчики осуществляли треть всех строительных работ в стране и получали в общей сложности 7 млн. егип. ф. чистых прибылей.

К тому же буржуазия сохраняет возможности действовать даже внутри государственного сектора: ей принадлежит некоторый процент акций смешанных государственно-частных предприятий, в роли директоров и инженеров полностью государственных предприятий иногда выступают их бывшие владельцы.

Собственники экспроприированных компаний и акционерных капиталов получают компенсацию в виде выплат по 4-процентным государственным облигациям с 15-летним сроком погашения. Государственные организации в торговле, строительстве, сельском хозяйстве, сфере услуг вынуждены сотрудничать с частниками.

Еще более сложно и противоречиво положение в деревне. Аграрные реформы 1952 и 1961 гг. 16% обрабатываемых в стране земель (около 1 млн. федданов, т. е. 420 тыс. га) передали феллахам. Землю получили примерно 300 тыс. из 3600 тыс. крестьянских семей. Мелкое землевладение в настоящее время охватывает до 53% всех обрабатываемых в стране земель. Максимум земельного владения ограничен: не более 100 федданов на семью. Крупное феодальное землевладение ликвидировано, компенсация помещикам за землю отменена в 1964 г. Однако еще сохранились средние помещики (имеющие до 100 федданов плодороднейшей, дающей по несколько урожаев в год земли в долине Нила), и неуклонно растет класс крестьянской буржуазии. Всего 35 тыс. землевладельцев, имеющих от 20 до 100 федданов, контролируют не менее $\frac{1}{5}$ всех обрабатываемых земель в египетской деревне.

Безземельные и малоземельные крестьяне продолжают составлять большинство населения в деревне (около 2500 тыс. семей). Правительство ОАР надеется хотя бы частично удовлетворить земельный голод путем освоения и орошения засушливых районов, прежде всего с помощью ирригационной системы высотной Асуанской плотины, завершение строительства которой позволит расширить обрабатываемые площади на 1,3 млн. федданов, а еще 700 тыс. федданов перевести с системы бассейнового орошения на годичный цикл, что даст возможность снимать несколько урожаев в год. Пока же в стране всемерно поощряются все виды кооперации на селе. Создано уже около 4 тыс. кооперативов, правления которых на $\frac{4}{5}$ избираются из числа бедных и средних феллахов, чтобы предотвратить засилье в них сельских богатеев (что, впрочем,

не всегда удается). Подавляющее большинство кооперативов не производственные, а снабженческо-сбытовые.

Экономические и политические сдвиги в Сирии. Ожесточенная борьба вокруг выбора пути общественного развития развернулась в Сирии. Добившись выхода Сирии из ОАР, буржуазно-помещичьи круги попытались свести на нет мероприятия в области экономики, содержащиеся в июльских декретах 1961 г. Ряд промышленных компаний был денационализирован, максимум землевладений повышен до 600 га. Но под давлением снизу в апреле 1962 г. часть предприятий была снова национализирована, а максимум землевладения снижен до 450 га. Приход к власти в марте 1963 г. партии «Баас» ознаменовался национализацией банков и снижением максимума землевладения до 300 га. В дальнейшем борьба внутри партии «Баас» привела к победе прогрессивного крыла. Непосредственными результатами этого явились: запрещение всех иностранных концессий на эксплуатацию минеральных ресурсов в декабре 1964 г., что означало изгнание из Сирии иностранного капитала; национализация в январе 1965 г. свыше 100 основных промышленных предприятий Сирии, на которых было занято 12 тыс. рабочих; национализация в феврале — мае 1965 г. импорта и экспорта продовольствия, медикаментов, хлопка и т. д., всех хлопкоочистительных фабрик и нефтяных компаний.

Ныне государственный сектор дает около 80% промышленного производства Сирии. Общее руководство им возложено на Главное управление социалистического сектора промышленности. Объявлено о введении новой структуры управления: на государственных предприятиях создаются административные советы из семи человек (во главе совета назначаемый правительством генеральный директор предприятия, кроме него четыре представителя от рабочих и служащих, один — от местной организации «Баас», один — от профсоюза).

Хуже обстоит дело с аграрными преобразованиями. Помещики, будучи более сильным, чем буржуазия, классом в Сирии (как и в ряде других арабских стран), оказывают скрытое, но активное сопротивление. Поэтому аграрная реформа осуществляется медленно. К тому же помещики Сирии по закону имеют право на 300 га богарных или 55 га орошаемых земель.

Социально-экономические преобразования сопровождались все обостряющейся борьбой в партии «Баас». Эта борьба не раз приводила к государственным переворотам, к приходу к власти то правых, то умеренных, то сторонников радикальных социально-экономических преобразований. События, развернувшиеся в Дамаске 23 февраля 1966 г., выдви-

нули на политическую арену левые силы партии «Баас». Новый премьер-министр Юсуф Зуэйн заявил, что «в партии „Баас“ существуют различные направления. Но те, кто стоит за продолжение и развитие социалистического эксперимента в Сирии, не собираются сдавать и не сдадут своих позиций».

После февральских событий 1966 г. левые силы Сирии повели еще более решительное наступление на позиции реакции, осуществив, в частности, чистку руководства национализированных предприятий от коррумпированных элементов. Несколько усилился процесс отчуждения у помещиков излишков земли. У крупных феодалов экспроприировано около 1,5 млн. га земли. Из них значительная часть уже распределена среди крестьян. Только за апрель — июль 1966 г. более 5400 крестьянских семей было наделено землей общей площадью 65 тыс. га.

Опыт социально-экономических преобразований в Алжире. Радикальные преобразования были осуществлены после провозглашения независимости Алжира. Они были ускорены саботажем европейских предпринимателей и колонистов. Большинство европейцев Алжира не желало примириться с утратой былых привилегий и устремилось из Алжира, решив экономически задушить молодую республику. Страну покинуло почти 85% проживавших здесь европейцев, в результате чего она оказалась без необходимых кадров инженеров, техников, врачей, учителей и прочих квалифицированных специалистов. Европейцы — предприниматели и колонисты — уезжали во Францию, обрекая на безработицу промышленных и сельскохозяйственных рабочих, занятых на их заводах и фермах.

В ответ на это трудящиеся стали по собственному почину занимать брошенные бежавшими эксплуататорами предприятия, возобновлять производство с помощью специалистов из социалистических и арабских стран, а для руководства предприятиями и фермами избирать из своей среды комитеты рабочего и крестьянского самоуправления. Эта инициатива народных масс была поддержана правительством Алжирской Народной Демократической Республики (официальное наименование Алжира с 26 сентября 1962 г.) и окончательно узаконена мартовскими декретами 1963 г., по которым брошенная европейскими капиталистами и колонистами собственность национализировалась, а управление ею передавалось в руки трудящихся. Вместе с тем мартовские декреты были применены и против тех алжирцев, которые в свое время перекупили имущество уехавших европейцев. У этих элементов были отобраны и переданы комитетам самоуправления десятки магазинов, отелей, ресторанов и кинотеатров.

Особенно важное значение мартовские декреты имели в алжирской деревне, где они практически заменили латифундии европейской аграрной буржуазии самоуправляющимися производственными кооперативами бывших батраков и бедных крестьян. Благодаря этому удалось миновать этап раздела земель и в основном сохранить, поставив на службу интересам всего алжирского народа, рентабельность и высокую производительность сложившихся за годы колонизации крупных специализированных хозяйств.

В соответствии с мартовскими декретами в 1963 г. в стране было национализировано около 800 промышленных, торговых и прочих предприятий, принадлежавших бежавшим во Францию европейским капиталистам, а также около 2,7 млн. га лучших в стране земель, находившихся в собственности европейских колонистов. Одновременно были приняты меры против алжирских буржуа и землевладельцев, в годы освободительной войны сотрудничавших с колонизаторами.

Но наиболее доходные и крупные предприятия промышленности не были национализированы; многие из них пока что остаются в руках иностранного капитала. Прежде всего это относится к разработке богатейших месторождений природного газа и нефти в Алжирской Сахаре. Ждет своего решения и аграрная проблема: 8500 владений размером более 100 га и 15 тыс. владений от 50 до 100 га имеют в общей сложности около 4 млн. га земли; в то время как в стране насчитывается примерно миллион безземельных крестьянских семей. Иностранный капитал и крупное местное землевладение продолжают быть для Алжира проблемой номер один.

Процесс роста общественного сектора за счет позиций французского, местного европейского и национального частного капитала продолжается. Следует учесть, что до независимости экономика Алжира на 90% контролировалась французской и местной европейской буржуазией. Преобразования 1963—1966 гг. изменили это положение. К началу 1965 г. самоуправляемый сектор охватывал: в сельском хозяйстве — 39% всех пригодных к обработке земель (дававших 60—70% всей сельскохозяйственной продукции страны) и 150 тыс. трудящихся (т. е. свыше 10% самодеятельного населения деревни); в промышленности — 413 предприятий (дающих около 20% всей промышленной продукции страны), на которых было занято более 15 тыс. рабочих (около 12% всего промышленного пролетариата Алжира). 8 мая 1966 г. правительство Алжира объявило о национализации 11 шахт и рудников, принадлежавших французским и бельгийским капиталистам. 1 июня 1966 г. оно национализирова-

ло также все страховые компании, контролировавшиеся преимущественно иностранным капиталом.

Особенностью функционирования общественного сектора в Алжире явилась система рабочего и крестьянского самоуправления, при которой большинство государственных предприятий в промышленности и все 2300 народные фермы (на начало 1965 г.) в сельском хозяйстве управляются выборными комитетами и советами трудящихся. Ежегодно обновляясь на треть (причем не менее двух третей их состава должны включать лиц непосредственно занятых на производстве), органы самоуправления ведают всеми вопросами деятельности предприятия, включая долгосрочное планирование, наем и увольнение рабочих, приобретение оборудования, реализацию продукции, распределение среди всех работающих избытка прибылей и т. д. Назначаемый государством директор в основном следит за соответствием всех действий органов самоуправления общенациональному плану и законам государства. Он же ежегодно определяет количество необходимой рабочей силы.

Приход к власти правительства Бумедьена в июне 1965 г. в принципе не внес изменений в эту систему. Лишь некоторые нерентабельные предприятия, а также мелкие заведения в сфере услуг были возвращены частникам. В связи с трудностями, переживаемыми промышленностью государственного сектора, наблюдается тенденция передавать отдельные самоуправляемые предприятия в непосредственное управление государства (по примеру некоторых «чисто государственных» компаний в сфере транспорта, оптовой торговли и тяжелой индустрии). Имели место блокирования банковских счетов и прочие ограничения самоуправляемых предприятий, не выплативших государству налогов. Отдельные самоуправляемые имения в сельском хозяйстве, реприватизированные их бывшими владельцами, были снова возвращены трудящимся по их настойчивым требованиям.

Осуществленные за четыре года национальной независимости преобразования являются в сущности началом глубокой структурной перестройки алжирской экономики, без которой немыслима ликвидация отсталости, социального неравенства и зависимости от иностранных монополий. Следует иметь в виду, что лишь около четверти из пятимиллионного самодеятельного (лица от 15 до 55 лет) населения страны имеет более или менее постоянную работу. Число занятых в административном аппарате, торговле и сфере услуг, включая транспорт, в пять раз больше, чем в промышленности.

В Алжире все еще резки социальные контрасты. На половину населения приходится менее четверти всего объема

потребления. Вместе с тем такой же объем потребления приходится на относительно малочисленную социальную верхушку, составляющую 5% населения. Неотложной экономической задачей является восстановление нормального уровня производства на имеющихся промышленных и сельскохозяйственных предприятиях.

Борьба вокруг путей развития в Ираке и Йемене. Серьезные классовые конфликты вокруг решения задач национального возрождения развернулись в Ираке. С победой иракской революции патриотические и демократические организации вышли из подполья. Был проведен ряд антифеодальных мер, в том числе принят в сентябре 1958 г. закон об аграрной реформе. Был установлен 8-часовой рабочий день, повышена зарплата рабочим, обещана автономия курдскому меньшинству. Ирак вышел из агрессивного Багдадского пакта, аннулировал военные соглашения с Англией и США, заключил важные соглашения с СССР о технико-экономическом сотрудничестве и кредитах. Опираясь на прогрессивные силы, прежде всего компартию, правительство дало отпор попыткам Партии независимости и правого крыла «Баас» организовать заговоры с целью захвата власти.

Однако с середины 1959 г. генерал Касем, испугавшись роста авторитета компартии в массах, перешел к ограничению демократических свобод, к преследованиям коммунистов и подавлению профсоюзов. Было распущено народное ополчение, состоявшее из трудящихся и во многом помогавшее правительству в пресечении заговоров реакции. Своим нежеланием выполнять данные раньше обещания, проводить в жизнь аграрную реформу и все более ясным намерением установить личную диктатуру генерал Касем в 1960 г. оттолкнул от себя Национально-демократическую партию, а затем — даже отколовшуюся от нее крупнобуржуазную Национально-прогрессивную партию. Оставшись фактически в политической изоляции, он решил, опираясь только на армию и полицию, проводить политику балансирования между различными политическими силами. Все это привело к утрате им былой популярности и подготовило его падение.

Воспользовавшись широким недовольством политикой Касема почти всех слоев населения, непопулярностью начатой им в 1961 г. репрессивной войны против курдов и поддержкой империалистов, испуганных намерением Касема ограничить права нефтяных монополий в Ираке, иракская группировка партии «Баас», сумевшая за годы своей деятельности в подполье (1959—1962) привлечь на свою сторону значительную часть иракского офицерства, произвела 8 февраля 1963 г. военный переворот. Касем и его ближайшие сотрудники были перебиты, власть перешла в руки так называемого

Национального совета революционного командования, состоявшего из видных офицеров-баасистов. Президентом стал маршал Абд ас-Салям Ареф. Созданная правыми баасистами «национальная гвардия» с первых же дней путча приступила к террору против коммунистов, многие из которых были убиты прямо на улице или погибли от пыток. Тысячи демократов были брошены в тюрьмы и концлагеря. После этого в мае 1963 г. баасисты учинили расправу над своими соперниками — «юнионистами», выступавшими за объединение с ОАР, а в июне возобновили прекращенную было после путча истребительную войну против курдов.

Однако, будучи мелкобуржуазно-националистической партией, иракская «Баас» не пользовалась доверием крупных феодалов, фактически еще хозяйничающих в иракской деревне, и связанной с ними высшей бюрократии. Эти силы опасались какого-либо неожиданного поворота со стороны политически и социально неустойчивых лидеров «Баас», которых они считали беспринципными авантюристами. Пугали их и демагогические обещания баасистов «построить социализм без коммунистов» и разговоры отдельных деятелей «Баас» о необходимости проведения аграрной реформы, национализации средств производства и т. п. В такой обстановке в среде государственного чиновничества и националистически настроенных офицеров во главе с маршалом Абд ас-Саламом Арефом был подготовлен и 18 ноября 1963 г. осуществлен государственный переворот. Ненавистная народу «национальная гвардия» была распущена, перессорившиеся между собой лидеры баасистов высланы за границу. Власть перешла в руки президента Арефа. После гибели маршала Арефа в апреле 1966 г. президентом стал его брат генерал Абд ар-Рахман Ареф.

В июле 1964 г. были национализированы банки и вся крупная промышленность (кроме контролируемых англо-американским капиталом нефтяных концессий), после чего на долю государственного сектора приходилось 75% промышленной продукции страны. На госпредприятиях созданы административные советы из семи человек (включая одного представителя от рабочих и одного — от служащих), 25% прибылей отчисляются в пользу рабочих и служащих. Запрещено иметь акций больше, чем на 10 тыс. динаров. Сходство июльских декретов 1964 г. в Ираке с соответствующими мерами в ОАР несомненно.

Нерешительно проводится в Ираке аграрная реформа. К 1966 г. у помещиков было изъято примерно 8 млн. дунамов земли (2 млн. га) при щедрой компенсации и сохранении за ними максимума в 1 тыс. дунамов орошаемых и 2 тыс. дунамов неорошаемых земель. Распределено к 1966 г. около 3 млн.

дунамов среди 40 тыс. семей. Весьма существенно, что помещики больше уже не могут эксплуатировать крестьян по-старому, взимая с них от $\frac{2}{3}$ до $\frac{5}{7}$ урожая: в отличие от прошлого около 300 тыс. крестьян теперь арендует землю непосредственно у государства. Правительство Ирака заключило перемирие и не ведет военных действий против курдов. Официально провозглашен курс на «социализм и социальную справедливость».

В целом развитие иракской революции происходит медленнее, чем в ОАР. В стране по-прежнему сильны позиции иностранного капитала и феодально-помещичьего класса, еще значительно влияние воспитанного при англичанах консервативного чиновничества и прочих реакционных кругов. Демократические партии и организации, как и в 1958 г., запрещены, судебные и прочие преследования коммунистов продолжают-ся. Главные причины ослабления темпов развития революции в разобщенности демократических сил страны, в реакционно-экстремистских настроениях значительной части мелкой буржуазии, большом влиянии правых кругов на армию.

Революционные события, развернувшиеся в ОАР, Сирии, Ираке, оказали значительное воздействие на Йеменскую Арабскую Республику (ЙАР). В основном правительство ЙАР было с первых же дней своего образования занято отражением агрессии извне и попыток реставрации старых порядков, предпринимавшихся аль-Бадром. Но тем не менее оно провело ряд важных преобразований. Были конфискованы земли королевской семьи и видных феодалов, выступавших за монархию (всего около 30% всех обрабатываемых земель страны); учрежден Йеменский банк; разработаны планы развития национальной промышленности под контролем государства. Правительство решительно выступило за ликвидацию колониального режима на территории Южной Аравии, прежде всего в Адене, превращенном английским империализмом в свою крупнейшую базу на Ближнем и Среднем Востоке.

Антикапиталистические мероприятия в некоторых странах Тропической Африки. С достижением национальной независимости Гвинеей, Мали, Конго (Браззавиль) в этих преимущественно аграрных странах начали осуществляться планы экономического и социального развития. В Гвинее после завершения в 1963 г. первого трехлетнего плана принят семилетний. В Мали и Конго были утверждены пятилетние планы. Во всех трех странах планы развития нацелены в первую очередь на подъем сельскохозяйственного производства.

В соответствии с первым (трехлетним) планом в гвинейской деревне было создано 500 производственных кооперативов. К середине 1964 г. их было уже около 550. В кооперативах наряду с коллективными полями сохранялись и индиви-

дуальные. Создан также ряд специализированных снабженческо-сбытовых кооперативов и государственных хозяйств.

В Мали к концу 1965 г. сельские кооперативы были образованы практически в каждой деревне. Эти кооперативы (их официальное название — сельские группы производства и взаимопомощи) занимаются совместной обработкой кооперативных полей, сбытом урожая и закупкой сортовых семян, инвентаря, удобрений. Государство поддерживает их кредитами, сбывает им по льготным ценам промтовары. Основу государственного сектора в сельском хозяйстве Мали составляет крупное предприятие «Оффис дю Нигер» («Управление долины р. Нигер»). На его орошаемых плантациях выращивается хлопок и рис. Предприятие имеет хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные и некоторые другие фабрики.

Одновременно с реконструкцией сельского хозяйства правительства Гвинеи, Мали, Конго направляют усилия населения на развитие промышленности, создание предпосылок индустриализации своих стран. Особая роль возлагается в этом на государственный сектор. Предприятия государственного сектора создаются как за счет национализации (с выкупом или без него), так и за счет строительства новых объектов. В Гвинее национализирован ряд французских предприятий, финансовых учреждений, страховых компаний, предприятий коммунального хозяйства, несколько бокситовых рудников. Созданы государственные компании, в том числе авиакомпания, учреждена государственная банковская система.

В Мали в общей сложности образовано более 20 государственных обществ и компаний, под контролем которых действуют различные производственные предприятия, торговые и финансовые учреждения, весь авиационный и железнодорожный транспорт, значительная часть речного и автотранспорта. Учреждены, в частности, государственные горнорудное управление, управление транспорта, национальная компания общественных работ, авиакомпания, компания судоходства, деревообделочная, строительная и машиностроительная компании, энергетическое управление, общество скотоводов, компания консервных предприятий. В стране существует государственная книготорговая организация, государственное управление по торговле фармацевтическими товарами. В целом малийское государство контролирует около 80% экономики страны. В Конго, вступившем на путь радикальных антиимпериалистических преобразований в конце 1963 г., процесс огосударствления экономики развернулся лишь в последние годы. Но и в этой стране уже действуют государственные строительная, транспортная, авиационная компании, а также компания по закупке сельскохозяйственной продукции. Государственное регулирование внешней торговли проводится с помощью спе-

циальных экспортно-импортных организаций, созданных во всех трех странах (в Гвинее в 1959—1961 гг., в Мали в 1961 г., в Конго в 1964 г.).

По пути глубоких преобразований шло и правительство Кваме Нкрума в Гане. Однако этот процесс был насильственно прерван контрреволюционным переворотом, произведенным в феврале 1966 г. группой реакционного офицерства в союзе с империалистическими силами. Одна из причин относительно легкого осуществления заговора была связана с беспечностью прогрессивных элементов, недостаточностью их бдительности по отношению к врагам социального прогресса, с проникновением прокапиталистических элементов в армию, органы безопасности, полицию. Экономические трудности, переживаемые страной, были использованы силами реакции против государства национально-демократического типа в тот момент, когда материальные жертвы, которые потребовались от населения для укрепления независимости и строительства ряда ключевых экономических объектов, уже в ближайшее время должны были дать плоды, разрядить общую экономическую обстановку и облегчить положение масс. Страна стояла на пороге решающего перелома, и именно этот момент был избран империализмом и реакцией для нанесения удара.

В 1964—1967 гг. наметились прогрессивные преобразования в экономике Танзании. И в этой стране взят курс на ограничение иностранного капитала, на создание крепкого государственного сектора экономики. Следует полагать, что после принятия партией ТАНУ в 1967 г. важного документа — так называемой Арушской декларации, официально провозгласившей социалистическую ориентацию страны, — прогрессивные преобразования в Танзании будут проводиться более последовательно и целенаправленно.

Создание государственного сектора, как и становление новой экономики в целом, — сложный и длительный процесс. Чрезмерная поспешность, перескакивание через отдельные этапы могут нанести лишь вред. Некоторое представление о сложности преобразований, проводимых в африканских государствах, о возможных ошибках и путях их исправления дает девятилетний опыт Гвинеи. В первые годы суверенного развития в Гвинее проводилась линия на полную национализацию торговли. Однако вскоре выяснилось, что у государства нет ни достаточных товарных запасов, ни квалифицированных кадров, ни транспорта для бесперебойного снабжения всей страны товарами первой необходимости через сеть государственных магазинов. В конце 1963 г. государственные розничные магазины были ликвидированы и внутренняя розничная торговля была вновь передана в руки частных коммерсантов. Были расширены права частного сектора и в области

внешней торговли; кроме этого, правительство вновь разрешило в некоторых районах частную старательскую добычу алмазов.

Через год стало ясно, что эти меры не дадут ожидаемых результатов — улучшения экономического положения страны. Ослабление государственного контроля над деятельностью частного сектора быстро привело к невиданному размаху спекуляции, контрабанды, валютных махинаций, коррупции в стране. Поэтому в ноябре 1964 г. были приняты серьезные меры по ограничению частнопредпринимательской деятельности и укреплению позиций государственного сектора. Ноябрьские реформы 1964 г. восстанавливают в полном объеме государственную монополию в области внешней торговли и запрещают частную добычу алмазов. Число частных торговцев в соответствии с реформами сокращено. Виновные в спекуляции и контрабанде подвергаются суровому наказанию.

Правительство Мали также принимает меры по пресечению опасных последствий деятельности частного сектора в торговле. В стране принят специальный закон — Общее положение о профессии коммерсанта, который строго регламентирует правовое положение частных торговцев и предусматривает строгое наказание торговцев, нарушающих законы республики.

Само создание государственного сектора ставит известную преграду на пути частного капитала. Африканские правительства используют и другие методы ограничения, в особенности инвестиционное законодательство. Так, в Гвинее, в соответствии с законом об иностранных инвестициях 1961 г. деятельность иностранных компаний подчиняется задачам развития экономики в интересах гвинейского государства. При каждой иностранной компании действует правительственный эмиссар. В апреле 1962 г. был принят закон об иностранных капиталовложениях, по которому иностранным компаниям разрешалось переводить за границу 10—15% амортизационных отчислений с капитала, 20% прибыли и 30% заработка иностранных специалистов. В Мали в соответствии с действующим инвестиционным законодательством все иностранные компании должны либо реинвестировать $\frac{3}{4}$ прибылей в отрасли, определяемые государственным планом, либо приобретать на ту же сумму облигации Народного банка (из расчета 3% годовых, погашаемые в течение 20 лет). Правительство Конго повысило налоги на прибыли частных торговых и сельскохозяйственных компаний.

Новые государства Африки нельзя считать однородными в экономическом, социальном или политическом отношении. В то же время бесспорно, что всем им свойственна определен-

ная общность в том, что касается однотипности экономических и культурных задач суверенного развития, направленных на ликвидацию отсталости. Всякое деление новых государств на какие-либо группы неизбежно будет носить условный характер.

Тем не менее Гвинея, Мали, Конго и Танзания выделяются на общем фоне независимых государств Тропической Африки. Правящие силы этих государств проводят глубокие антиимпериалистические преобразования. Они провозглашают социалистическую ориентацию развития экономики и социальных отношений и более или менее последовательно придерживаются этой ориентации на практике. В передовых государствах вызревают также предпосылки демократизации общественной жизни. Можно сказать, что нынешние Гвинея, Мали, Конго, а также Танзания находятся на переднем крае антиимпериалистической борьбы в этой части континента.

Революционные социально-экономические преобразования в Бирме. В марте 1962 г. в Бирме произошел переворот. Правительство У Ну было низложено, и власть перешла в руки армейского офицерства, представленного Революционным советом во главе с генералом Не Вином. Являясь в целом органом революционно-патриотическим, Революционный совет опубликовал в конце апреля 1962 г. программу «Бирманский путь к социализму».

Как отмечалось, освободительное движение в Бирме уже давно характеризовалось наличием больших и влиятельных левых сил. К сожалению, еще накануне достижения Бирмой независимости среди них произошел раскол. В результате этого раскола в АЛНС усилились и приобрели руководящее положение прокапиталистические элементы. В обстановке обострения противоречий в стране в 1948 г. вспыхнула гражданская война, продолжающаяся уже в течение двух десятилетий. Часть революционно-патриотических сил ушла за коммунистами в подполье, часть осталась с правящей АЛНС, некоторая же часть сформировалась в левую легальную оппозицию.

Постепенно политика правящего блока в АЛНС, ведшего страну по капиталистическому пути, вызывала все большее разочарование у революционных патриотов, примкнувших к этому блоку, и отдаление их от него. Вместе с тем объединение этих патриотов с коммунистами и другими оппозиционными правительству левыми силами оказалось невозможным вследствие различий в их подходе к идеологии и тактике революции в Бирме. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что линия левого подполья в Бирме рассматривалась многими патриотами как сектантско-догматическая.

При таком положении революционно-патриотическое крыло, раньше поддерживавшее АЛНС, все более стремилось к

самостоятельному действию, к превращению и оформлению в независимую политическую силу, свободную как от буржуазных сил, так и от левого подполья. Такой организацией выступила бирманская армия, в руководстве которой были особенно сильны революционно-патриотические элементы. Революционная демократия в армии обрела свою исходную организацию и стала силой, стремящейся мобилизовать вокруг себя широкие антиимпериалистические, антифеодальные и антикапиталистические элементы народа.

Таким образом, армейский переворот 1962 г. не был делом узкой политической группы, хотя народные массы не приняли непосредственного участия в нем. Это был переворот, совершенный революционно-патриотическими элементами, при некотором участии буржуазно-националистических элементов, впоследствии удаленных из Революционного совета.

Революционный совет с самого начала заявил, что в своей политике будет опираться на трудящихся. В последующие годы были осуществлены в соответствии с программой «Бирманский путь к социализму» крупные меры антифеодального и антикапиталистического порядка по ликвидации наследия колониализма. В результате национализации в руки государства полностью перешли внешняя торговля, банки, крупная и средняя внутренняя торговля, лесная и нефтяная промышленность, крупные горнодобывающие предприятия, сигаретные фабрики и некоторые другие предприятия. В 1964/65 г. доля государства в общем хозяйственном обороте страны составила, по официальным данным, 51%, доля частного сектора (включая сельское хозяйство) — 49%. В сельской местности стала создаваться широкая система кооперации, выполняющей в основном снабженческо-сбытовые функции.

Экономические преобразования привели к тому, что иностранный монополистический капитал практически был устранен из всех деловых сфер национального хозяйства. Тяжелый удар был нанесен по индийской, пакистанской и китайской буржуазии, которые были в Бирме наиболее сильными группами инонациональной буржуазии. Имеет место массовая эмиграция этой буржуазии из страны. Новые частные иностранные инвестиции не разрешаются.

Экономические мероприятия правительства существенно подорвали позиции и бирманского капитала, особенно наиболее сильной его группы — крупной и средней торговой и ростовщической буржуазии. Некоторые промышленные предприятия местной буржуазии также национализированы. Кроме национализации были приняты другие серьезные меры ограничения, вытеснения и контролирования частника. Введен подоходный налог, резко ограничивающий частнокапиталистическое накопление, одно время была запрещена частная торговля

для практически всей сельскохозяйственной продукцией, а также рыбой и солью. Розничная торговля основным продуктом питания — рисом — и промышленными товарами широкого потребления разрешается только подконтрольным государству торговцам. Изъяты из обращения крупные банкноты (в 100 и 50 джа), в результате чего были экспропрированы денежные капиталы не только у крупных и средних, но и у мелких капиталистов.

Проведен ряд мероприятий по преобразованию аграрных отношений. Принят закон, отменяющий полуфеодальную аренду земли. Резко увеличен государственный сельскохозяйственный кредит крестьянству. Запрещена экспроприация собственности крестьян за долги торговцам и ростовщикам. В результате проведенных преобразований существенно изменилась старая социально-экономическая и классовая структура страны.

Однако процесс преобразований протекает в обстановке больших трудностей, одни из которых вызваны сопротивлением эксплуататорских элементов, а другие — тем, что в ходе преобразований было допущено немало ошибок и экономических просчетов, допускалось забегание вперед, поспешность и «перегибы». Это выразилось в преждевременной национализации мелких торговых заведений и введении чрезмерных ограничений для мелкотоварного производства и частной розничной торговли, подрыве и ликвидации в этой сфере необходимых материальных стимулов. Некоторые из этих ошибок ныне исправляются. Однако в целом проблема установления более гибких и продуманных экономических связей между государственным сектором и другими хозяйственными укладами Бирмы остается нерешенной.

Антикапиталистические мероприятия, проведенные в Бирме за 1962—1966 гг., не сопровождались соответствующими усилиями по подъему производительных сил. Сборы риса — главного богатства страны — и его поступления на рынок сократились, так как государственные закупочные цены на рис оставались прежними, а цены на предметы крестьянского потребления продолжали расти. В результате производство товарного риса становилось убыточным.

Этот пример, между прочим, свидетельствует, что форсированное накопление прибавочного продукта в руках государства путем невозмещенного изъятия его из сельского хозяйства через налоговые каналы (в данном случае посредством заниженных закупочных цен) дает лишь временный фискальный эффект. В дальнейшем такой метод накопления подрывает свою собственную производительную основу и оборачивается отрицательными последствиями как в экономическом, так и в социально-политическом отношениях.

Соответственно и в промышленности антикапиталистические меры, коль скоро за ними не следует введение демократической организации и управления производством, нередко вызывают негативные последствия. Так, в Бирме добыча нефти и особенно руд цветных металлов и после национализации оставалась на уровне, который в несколько раз ниже довоенного времени. В обрабатывающей промышленности наблюдаются большие колебания производства при общей тенденции к застою.

Серьезные трудности в производстве предметов потребления, которые в основном приходятся на частный сектор, вызваны как саботажем предпринимателей, так и тем, что нормальное функционирование частного сектора, который пока что является экономически необходимым, затруднено налоговой политикой, мерами ограничения частной торговли, нечеткой организацией государственной и кооперативной системы распределения товаров и сырья. Мелкие торговцы, промышленники и ремесленники испытывают серьезные экономические трудности. Именно в сфере торговли проявляются особые трудности в отношениях между укладами и между классами.

Опыт Бирмы достаточно наглядно демонстрирует, что преимущественно налоговые приемы накопления и преимущественно административные (точнее, военно-административные) приемы управления производством не приносят искомых результатов, пока они не подкреплены регулярной системой хозяйственных взаимоотношений между различными секторами и укладами экономики. Очевидно также, что производственные самоуправления трудящихся выявляют свои творческие возможности лишь в обстановке демократического хозяйствования на экономически обоснованных условиях. Что же касается национализации, то сама по себе она также является решающей предпосылкой для будущих социально-политических сдвигов, но резкого перелома в подъеме производительных сил она создать не может, если не сопровождается системой глубоких экономических мероприятий, основанных на экономической политике, ставящей на службу прогресса приемы материального стимулирования труда и производства, продуманную увязку государственного и частного хозяйства.

Место национализации в системе антикапиталистических мероприятий. Иногда некапиталистический путь, во всяком случае его начальный этап, связывают с глубиной и размахом мероприятий по национализации средств производства. Однако, как известно, не всякая национализация сама по себе несет антикапиталистическое начало. Есть немало примеров, когда национализация укрепляла позиции иностранных угнетателей или местных привилегированных верхов. Так, в ко-

лонияльный период в Индии была проведена своего рода национализация железных дорог, которые были за огромные суммы выкуплены у частных английских компаний. Понятно, что эта мера не имела ничего общего с национальными интересами Индии, а лишь привела к концентрации железнодорожной сети в руках британских властей. Подобным же образом национализация шахт в Англии после второй мировой войны освободила за солидный выкуп частный сектор от малопродуктивной отрасли и обеспечила монополии дешевым топливом. В конечном счете частный сектор Англии не проиграл, а выиграл.

Образование молодых государств Азии и Африки сопровождалось национализацией бывшей собственности колониальных властей в сфере инфраструктуры — железных дорог, энергетических и коммунальных предприятий, ирригационных сооружений, средств связи, государственных банков. При незначительности крупного частного капитала национализированный сектор может доминировать в экономике той или иной страны сразу же после достижения ею суверенитета. При оценке действительного смысла подобной национализации приходится иметь в виду, что национализированная собственность, как и вновь построенные государственные предприятия, используется в различных государствах по-разному. Достаточно сравнить государственные секторы Индии и Турции, с одной стороны, и ОАР — с другой, чтобы убедиться в этом.

Одно из самых распространенных и в то же время неверных представлений о научном социализме состоит в том, что марксисты якобы понимают национализацию лишь как незамедлительную и безвозмездную конфискацию. За два месяца до Октябрьской революции В. И. Ленин в программной работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» писал: «Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики... Кто владел 15-ью рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15-ти рублей и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное» *.

Сразу же после Октябрьской революции в России были национализированы лишь банки, что касается промышленности и торговли, то здесь был введен рабочий контроль, а национализация основных отраслей крупной промышленности про-

* В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 162—163.

должалась до середины 1918 г., причем ее темпы во многом были ускорены военным сопротивлением и саботажем самой буржуазии. Однако и в мае 1918 г. Ленин допускал мысль о том, «чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, ежели... обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условиях выкупа»*. Русская буржуазия отклонила это конструктивное предложение и как класс сошла с исторической арены.

Прошло уже почти полвека. За это время накопилось немало отдельных примеров «культурного и организованного перехода к социализму» отдельных капиталистов и даже целых слоев предпринимателей. Но, как правило, класс капиталистов в целом отказывался признать, что переход к социализму — объективно неотвратимый процесс нашей эпохи. Это нежелание идти в ногу со своим временем отражается, понятно, на условиях и темпах национализации. Так, с начала 1963 г., когда в Бирме развернулись антикапиталистические мероприятия, переходу под контроль государства или национализации подвергались прежде всего те компании, которые саботировали мероприятия правительства или вели «антисоциалистическую деятельность». Именно «пассивное сопротивление» египетских дельцов государственному регулированию народного хозяйства, вступившему на новый этап в 1957 г., вынудило правительство ОАР провести в 1961—1963 гг. решительные меры против крупного бизнеса. Значение национализации во многом определяется уже тем, во имя чьих интересов и на каких условиях она проводится. Но немалое значение приобретает и количественная сторона — место и роль национализируемых отраслей или данного вида собственности в народном хозяйстве страны. Например, в Алжире реквизиция иностранной собственности означала, что у капитализма вырваны решающие позиции. В Индии же национализация собственности иностранных да и местных монополий, нанеся сильнейший удар по большому бизнесу, могла бы задержать его развитие вглубь, изменить соотношение сил в пользу некапиталистического развития, но отнюдь не подорвала бы частнокапиталистический уклад как таковой. По-иному сложилась бы обстановка в некоторых странах, расположенных в нефтедобывающем районе Среднего Востока, где крупное капиталистическое производство представлено главным образом одной ведущей отраслью. Поэтому ее национализация могла бы послужить решающим этапом в переходе к некапиталистическому развитию.

* В. И. Ленин, *О продовольственном налоге*, — Полное собрание сочинений, т. 43; стр. 215.

Во многих странах Азии и особенно Африки промышленное предпринимательство незначительно или вообще отсутствует. Однако иностранный и местный капитал изымает большую часть национального прибавочного продукта через торговлю сельскохозяйственными продуктами и кредитование крестьянского хозяйства. Поэтому, скажем, в условиях Бирмы меры по государственному контролю над оптовой торговлей, включая сбыт риса, и банковским кредитом перекрывают главный канал капиталистического накопления и могли стать при условии соответствующего руководства, аграрных преобразований и производственного управления исходным пунктом перехода к некапиталистическому развитию.

Национализация, особенно если она проводится широко и радикально, представляет собой сложную и глубокую перестройку всей социально-экономической структуры. Поэтому необходимым условием ее является подготовка соответствующих кадров, которые были бы способны квалифицированно и добросовестно руководить национализированным производством. При этом условии удастся сравнительно быстро преодолеть трудности перехода к новому управлению и раскрыть те возможности в повышении производительности, которые дает национализация. Именно в подготовке людей, способных наладить действительный учет и контроль над производством, Ленин и видел главную задачу рабочего контроля как этапа, предшествующего собственно национализации.

Но уже приведенные примеры свидетельствуют, что сопротивление буржуазии мерам государства по контролю над народным хозяйством заставляет подчас форсировать национализацию, осуществляя ее до того, как подготовлены кадры и сама структура нового управления. Понятно, что при таком обороте дела более или менее неизбежны временные нарушения и неувязки в функционировании хозяйственного организма. Подобные явления наблюдались, как отмечалось, в Бирме и в других странах при национализации торговли и промышленности.

Однако в конечном счете подготовленная национализация дает значительные преимущества для повышения производительности. В самом общем виде они проистекают из того, что природа собственности на средства производства становится общественной, т. е. приводится в соответствие с природой крупного производства. Из этого вытекают уже более конкретные преимущества национализации: возможность планомерно направлять весь процесс расширенного воспроизводства в интересах всей нации, а не отдельных дельцов; более концентрированно и целенаправленно использовать имеющиеся финансовые ресурсы, включая иностранную валюту; более всесторонне и на более крупных объектах применять технический

персонал, обычно весьма немногочисленный в странах Азии и Африки; планомерно повышать материальный, культурный и профессиональный уровень рабочих, что содействует росту производительности труда; оказывать финансовую и материальную поддержку крестьянскому хозяйству, особенно в ходе его кооперирования; более выгодно и самостоятельно строить свои внешнеэкономические отношения.

Некоторые преимущества национализации видны на примере ОАР. В 1958—1963 гг., когда была проведена национализация важнейших отраслей промышленности, в экономику было вложено 1035 млн. егип. ф. ст., или в три раза больше, чем в предыдущие шесть лет. В частности, в 1962—1963 гг. з промышленность и энергетику ежегодно вкладывалось 92,4 млн. ф. ст., а в 1952—1953 гг. — всего 4,5 млн. ф. ст. В результате за одиннадцать лет (1952—1963) объем промышленного производства вырос в ОАР в три раза. Сельскохозяйственное производство увеличилось более чем в полтора раза. Заметно улучшилось положение рабочего класса и тех крестьян, которые получили землю по аграрной реформе. Весьма благоприятные перспективы подъема экономики открывались в ОАР накануне агрессии Израиля, когда завершалось строительство крупнейших государственных объектов, среди них высотной Асуанской плотины. Однако в большинстве стран, проводящих антикапиталистические мероприятия, таковые пока не сопровождаются заметным подъемом производительных сил. Недостаточная экономическая эффективность этих мероприятий вызывает определенные хозяйственные затруднения, что объясняется прежде всего сложностью решаемых задач и низким исходным экономическим уровнем. Поскольку проводившиеся революционно-патриотическими режимами меры по национализации иностранного капитала или местных эксплуататорских классов были во многом вызваны и ускорены сопротивлением и саботажем внешней и связанной с ней внутренней реакцией, у национального руководства не всегда была подготовлена продуманная и последовательная программа подъема производства. Становится все очевиднее, что производительные возможности коренных преобразований, носящих антикапиталистический характер, могут быть вскрыты лишь при умелом хозяйственном использовании всех людских и материальных ресурсов, не исключая частный местный и иностранный капитал.

Национальные лидеры все более убеждаются в том, что масштабы национализации, например, должны тесно и непосредственно увязываться с ее социально-классовыми условиями и производительным эффектом. Как уже подчеркивалось, национализированная иностранная собственность в Индонезии была в значительной мере расхищена чиновниками и каз-

нокрадами и послужила основой укрепления антинародного бюрократического капитала. Что же касается отношения к иностранному капиталу, то в условиях новой международной обстановки твердое национальное руководство, расширяя народную опору власти, укрепляя ее экономические высоты, имеет возможность в той или иной мере привлекать и использовать его в целях подъема народного хозяйства. Ныне ликвидация корней господства иностранного капитала предполагает не только его национализацию, но и меры по ограничению, регламентации и установлению контроля над ним (через разнообразные формы взаимоотношений, в том числе смешанную собственность), включая и область социальных отношений. Только подобная система мер может свести к минимуму такие нездоровые явления, как подкуп и развращение национального персонала на иностранных предприятиях, а также государственных чиновников.

Сдвиги в многоукладной структуре афро-азиатских стран. Не менее важной проблемой на первоначальных фазах некапиталистического развития является отношение к местному частнокапиталистическому укладу, там где он есть, или к тенденции возникновения частнокапиталистического уклада. Здесь, разумеется, все зависит от конкретных обстоятельств, но не всегда и не всюду, как показывает опыт, можно категорично отрицать необходимость использования частнопредпринимательской инициативы. Забегание вперед, «сплошная национализация» без обеспечения необходимых социальных и экономических условий могут лишь породить новые хозяйственные трудности и политические осложнения, выгодные реакционным силам и империалистам. Ведь главной задачей для национально-патриотического руководства остается задача подъема экономики, налаживания новой жизнеспособной хозяйственной системы. Хозяйственная, организаторская и культурная деятельность — это сейчас то поприще, на котором решается успех антикапиталистических сил политически передовых стран Азии и Африки.

В Азии и Африке капитализм, будучи нередко достаточно динамичным в узких пределах собственного уклада, проявляет весьма недостаточные способности как в капиталистической трансформации остальных укладов, так и в их технической реконструкции при сохранении сложившихся в них производственных отношений. В этой ограниченности капитализма объективно находит свое выражение классовый эгоизм и своекорыстие буржуазии, когда она обладает фактической монополией на власть.

Поэтому наиболее убедительно доказать исторический смысл своего существования антикапиталистический режим может, лишь постепенно распространив сферу технической ре-

конструкции, а значит, и подъема производительности на основные секторы и уклады народного хозяйства, имея в виду в конечном счете смыкание мелкого производства (главным образом на путях кооперирования) с крупной государственной промышленностью. Эту главную экономическую проблему, с которой сталкивается любое национальное правительство — будь оно буржуазным, революционно-демократическим или последовательно социалистическим, решить можно лишь в том случае, если при последовательном улучшении материальной, социальной и культурной жизни трудового народа будут использованы по крайней мере три возможности для постепенной технической реконструкции мелкого производства:

производственная и финансовая поддержка его со стороны государственного сектора, ядром которого является современная промышленность, производящая средства производства как для крестьянского хозяйства, так и для мелкой промышленности;

максимальное использование возможностей самой мелкой промышленности производить более совершенные орудия и механизмы для крестьянского и ремесленного хозяйства;

приток извне орудий, машин и материалов, способствующих не только строительству крупной промышленности, но и техническому перевооружению мелкого производства и действительному «подтягиванию» его по максимально широкому фронту к уровню производительности современной промышленности и сельского хозяйства.

С учетом этой задачи можно понять и правильно оценить всю историческую значимость и прогрессивную роль сотрудничества развивающихся государств со странами социализма. Оно бывает особенно благотворным, когда его плоды непосредственно ощущаются тружениками в тех сферах производства, которые в условиях колониальной эксплуатации и капитализма были обречены на прозябание и технический застой.

Империалистические круги и местные реакционеры ведут систематическую пропаганду, спекулируя на хозяйственных трудностях и неэффективности некоторых мер по ограничению и устранению частнокапиталистического предпринимательства. Более того, они делают все, чтобы усугубить экономические трудности и разжечь недовольство в массах. В этой обстановке помощь социалистических стран укрепляет антикапиталистические тенденции и, демонстрируя все преимущества сотрудничества с государствами, отвергнувшими капитализм, оказывает воздействие на настроение широких народных масс и на выбор последующего пути социально-политического развития. Эта помощь содействует вызреванию, укреплению

нию и преобладанию позиций государственного и кооперативного секторов, ограничению, вытеснению и преобразованию частновладельческого сектора преимущественно экономическими средствами. Это воздействие становится тем более значительным и эффективным, чем полнее и результативнее помощь социалистических стран реализуется по линии демократического государственного сектора и демократической кооперации.

В молодых государствах Азии и Африки глубокая национализация и последующие социально-экономические меры ведут к образованию переходного общества, о котором, по словам Ленина, можно сказать, что «это еще не социализм, но это уже не капитализм». В статье «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» В. И. Ленин писал: «Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса»*.

В работе «О продовольственном налоге» Ленин опять возвращается к проблеме реорганизации многоукладной структуры в социалистическую. При этом он критикует тех, кто «делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением „капитализма“ „социализму“ и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас». В. И. Ленин вновь и вновь подчеркивает первостепенную важность разработки методов социалистической трансформации для докапиталистических укладов: «Чтобы „мы“ могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь»**. Следовательно, «гвоздь вопроса», по Ленину, в соотношении укладов, в динамике и условиях перехода каждого из них, и особенно докапиталистических, к социализму.

В большинстве развивающихся стран налицо по крайней мере пять укладов — натурально-патриархальный, феодальный, мелкотоварный, частнокапиталистический (обычно подразделяющийся на 2—3 сектора) и государственно-капиталистический — при преобладании (особенно в сфере занятости)

* В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 295—296.

** В. И. Ленин, *О продовольственном налоге*, — Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 212, 228.

докапиталистических укладов. Причем если в сфере производительных сил это выражается в колоссальном преобладании домашнего ручного производства, то в области социально-классовой структуры это выражается в крайне небольшом удельном весе рабочего класса, особенно современного фабрично-заводского пролетариата.

В этих условиях направление и характер социального развития молодых стран в решающей степени, особенно в области экономики, определяются изменениями в соотношении отдельных укладов, т. е. тем, какие уклады растут и за счет чего. Переход к этапу серьезных внутренних социально-экономических изменений, которые мы именуем некапиталистическим путем развития, в конечном счете означает создание принципиально нового соотношения укладов (и классов) и особых благоприятных условий (включая социально-классовые и политические) для преимущественного роста тех из них, которые ведут к социализму. В Бирме, Алжире, ОАР и других странах рассматриваемой группы укрепляет свои позиции государственный сектор и ограничиваются, сужаются возможности частнокапиталистического предпринимательства. Вместе с тем патриотические круги все более осознают первостепенное значение выработки конструктивной программы и практики взаимоотношений различных, главным образом некапиталистического, капиталистического и мелкотоварного, укладов. Конструктивное сотрудничество их под контролем национального демократического государства в течение определенного времени, как правило, облегчает решение многих технико-экономических и финансовых проблем и прежде всего создание современных производительных сил, без которых, как подчеркивал Ленин, социализм невозможен.

Демократизация — политическая и социальная основа антикапиталистических преобразований

Исторический смысл и содержание демократических преобразований. Разрабатывая учение о революции, В. И. Ленин не раз указывал, что борьба за демократические преобразования является совершенно необходимым условием подготовки и осуществления социалистического переустройства общества. «Было бы коренной ошибкой думать, — писал В. И. Ленин, — что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, — продолжал он; — как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последова-

тельной и революционной борьбы за демократию» *. Указывая на величайшую опасность, которую несет с собой утрата социалистической перспективы революционного движения, В. И. Ленин вместе с тем отмечал, что «пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, не способен совершить экономического переворота» **.

Прогрессивные силы Азии и Африки могли убедиться, что без «всесторонней, последовательной борьбы за демократию» невозможно ликвидировать экономические позиции империалистических монополий и одержать победу над внутренней реакцией, невозможно подготовить переход к социалистическому переустройству общества. Однако борьба за демократию будет лишена революционной перспективы, если ее не наполнить определенным — конкретно-историческим и конкретно-национальным — содержанием. Как указывал Ленин, борьба за демократию приобретает различное классовое содержание. В период домонополистического капитализма демократические преобразования лишь расчистили бы почву от средневековой ветоши для последующего капиталистического прогресса. В начале эпохи империализма подобные преобразования содействовали бы складыванию «демократического капитализма», в котором черты перехода к новой формации уже настолько отчетливо выражены, что Ленин прямо называл его «последышем», т. е. последним этапом капитализма как способа производства. В эпоху общего кризиса капитализма, особенно на его современном этапе, общедемократические преобразования, если они проводятся с революционной последовательностью, способны подорвать, а затем и прервать капиталистическое развитие. Это исторически новое содержание общедемократических преобразований получает в зависимости от социально-экономической структуры данной страны свое национально-конкретное преломление.

Жизнь подтверждает тот неоспоримый факт, что в современных условиях уже нельзя повернуть назад к капитализму, сохранив глубокие общедемократические преобразования. Несомненно — и мы это сейчас видим на ряде примеров, — что многие демократические преобразования — антикапиталистические, антимонаполистические в своей основе — при буржуазной контрреволюции отменяются, элиминируются: изменяется отношение к иностранному капиталу, а затем к частной инициативе в смысле ее подконтрольности, изменяется деятельность государственного аппарата и т. д. При капиталистиче-

* В. И. Ленин, *Социалистическая революция и право наций на самоопределение*, — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 253.

** В. И. Ленин, *Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 71.

ской контрреволюции создается иной политический аппарат и осуществляется достаточно широкая сумма антидемократических мер в социально-экономической области. Так, военный переворот в Гане, происшедший в феврале 1966 г., отнюдь не свелся к смене одного правительства другим, а коренным образом изменил характер государственной власти, поставил под удар основные революционные завоевания народа.

Демократизация представляет собой комплекс важнейших мероприятий, которые обычно осуществляются не единовременным актом, а постепенно.

К их числу относятся: слом или коренная реформа старой административно-чиновничьей машины, унаследованной от колониального периода и состоящей в основном из представителей привилегированных слоев и привлеченных из низов карьеристов, не только далеких от собственного народа, но и враждебных ему; обеспечение широкого народного представительства в государственном аппарате путем включения в его состав убежденных демократов и стойких революционеров, способных отстаивать интересы трудящихся, уважать их мнение и прислушиваться к нему; постоянное и конституционно закрепленное привлечение рабочих и крестьян к управлению производством, распределению и контролю над ними; создание условий для активного участия крестьян, особенно сельских пролетариев и полупролетариев, в осуществлении аграрной реформы и прочих необходимых преобразований в деревне; предоставление самых широких возможностей для политической деятельности, пропаганды идей социального прогресса и агитации за революционные преобразования общественной жизни партиям рабочего класса, коммунистам, революционно-социалистическим элементам национально-демократических партий в государствах с однопартийной системой; активизация деятельности профсоюзов, молодежных, студенческих, женских и других массовых общественных организаций, непосредственно работающих в самых различных слоях народа и способных отражать его мнение по важнейшим вопросам; обеспечение основных демократических свобод — слова, совести, религиозных культов, печати, собраний, объединений и т. д. — и настойчивое внедрение принципа выборности руководителей во все сферы общественной жизни; неуклонное развитие системы народного образования и массового политического просвещения с целью воспитания широких слоев трудящихся в духе осознания ими своего положения, интересов, прав и задач.

Разумеется, не везде, не всегда и не при всяких условиях возможно осуществить немедленную демократизацию общественно-политической жизни. Главными причинами, препятствующими процессу демократизации или, во всяком случае, от-

рицательно на него влияющими, являются следующие факторы: общий невысокий уровень социально-экономического развития; отсутствие в прошлом значительных демократических традиций; известная политическая индифферентность масс, вызванная в свое время их разочарованием в институтах формальной парламентской псевдодемократии с характерными для нее обманом избирателей, бесплодной демагогией профессиональных политиков.

Экономические корни антидемократических тенденций и бюрократизма. На опасность бюрократических методов хозяйствования в странах с многоукладной, по преимуществу крестьянской, экономикой не раз указывал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что даже при диктатуре пролетариата более или менее длительное отсутствие широкого и правильного товарооборота между мелкокрестьянским земледелием, с одной стороны, и социалистической и государственно-капиталистической промышленностью — с другой, не только порождает бюрократизм, но и задерживает переход к строительству социализма. Говоря об экономических корнях бюрократизма в революционном государстве, Ленин указывал на нищету, некультурность, бездорожье, неграмотность, на отсутствие оборота (подчеркивая это слово) между мелкокрестьянским земледелием и национализированной промышленностью. Именно этим явлениям, в которых он видел угрозу революции, угрозу союзу рабочего класса и крестьянства, Ленин объявил войну. Вот почему, к недоумению троцкистов и других сверженных, для успешной борьбы с бюрократизмом Ленин предложил начать с образцовой постановки *«суммы всех хозяйственных отношений, суммы всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности»**, имея в виду в качестве конечной цели такое положение, когда крестьянин отдавал бы свои продукты лишь добровольно на основе экономических стимулов и материальной заинтересованности в обмен на продукты городские и фабричные. Крестьянская экономика при этом все более тесно смыкалась бы с экономикой социалистического государства.

Однако промышленность, которая досталась Советской России от капитализма, была отсталой и к тому же подверглась большим разрушениям во время войны. Поэтому в качестве временной, переходной меры Ленин предложил ввести продовольственный налог, по которому крестьянство сдавало строго определенную часть своих продовольственных излишков, а остальную часть излишков обменивало на товары промышленных предприятий.

* В. И. Ленин, *О продовольственном налоге*, — Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 234.

Как известно, ленинскому курсу на расширение товарообмена социалистической промышленности с крестьянством через демократическое кооперирование, ленинскому кооперативному плану, рассчитанному на преобразование мелкого-варного производства, курсу на подъем национализированной промышленности при активном участии в управлении ею со стороны профсоюзов противопоставлялась программа милитаризации общества, ставка на исключительно административные методы экономического руководства, на сверхиндустриализацию за счет усиления налогового бремени, возлагаемого на крестьян. Восторжествовал ленинский план, который не только обеспечил Советской России выход из разрухи после восьми лет тяжелейшей войны, но и подготовил необходимые условия для строительства социализма.

Особое значение придавал В. И. Ленин установлению демократических методов управления национализированными отраслями промышленности. Демократизация, в которой особенно отчетливо проявляются столкновения сил реакции и прогресса, естественно, не ограничивается сферой экономических базисных отношений, но теснейшим образом связана и переплетена с такой надстроечной категорией, как государство. Отсутствие или задержка с осуществлением демократических преобразований в сфере экономики могут затормозить общественный прогресс, отодвинуть перспективу некапиталистического развития, отрицательно влиять на характер власти. Об этом убедительно свидетельствует индонезийский опыт.

Опасность социальному прогрессу создают открытые и скрытые реакционеры старого порядка и нувориши, присосавшиеся к государственному сектору в ОАР и некоторых других национально-демократических государствах. Выступая в качестве чиновников, фискалов, подрядчиков, поставщиков товаров и т. д., они спекулируют на временных экономических трудностях, используют в своих интересах нехватку специалистов и опытных администраторов, прибегают к подкупам и взяткам, сознательно увеличивают трудности в сфере государственного сектора, чтобы превратить его в источник получения личной прибыли.

Демократизация экономической и общественной жизни — единственное радикальное средство, могущее противостоять тлетворному воздействию буржуазно-помещичьего бюрократизма как острого орудия классовой борьбы против нового общества. Именно национально-демократические революции призваны обновить общественно-политический строй, освободив его от пережитков феодализма и колониализма, решить общедемократические задачи, дать народу возможность активно участвовать в революционном творчестве, широко прояв-

лять инициативу снизу, покончив с монополизацией власти сравнительно узким слоем привилегированных бюрократов и эксплуататоров. Только при этом условии можно довести до конца прогрессивные общественно-экономические преобразования, произвести революционную ломку застывших форм социальных отношений, развить производительные силы и создать сильное, независимое и подлинно национальное государство, способное охранять и приумножать завоевания народа, успешно противостоять империализму, неоколониализму и их внутренней агентуре из числа феодально-компрадорских элементов, реакционных буржуа и коррумпированной фракции бюрократов. Иными словами, только при опоре на самые широкие слои народа, при всестороннем учете интересов и прав трудящихся масс, при уважении к их труду и предоставлении им реальных возможностей осуществить свое право на участие в управлении, при наличии зрелой партии, руководящей всей жизнью страны, можно создать наиболее благоприятные условия для решения всех экономических и политических задач некапиталистического развития.

Роль армии в общественной жизни. Однако в афро-азиатских странах, как, впрочем, и во всем мире, процесс демократизации не идет по непрерывно восходящей линии, а знает и боковые и даже попятные движения. Одним из самых противоречивых и не поддающихся однозначному определению факторов общественной жизни стали армии суверенных государств. Как показывает исторический опыт, в обществах с преобладающими докапиталистическими чертами, с недостаточно развитой классовой структурой и дифференциацией социальных сил, характерной для капиталистической формации, армия может в определенный период приобрести относительно самостоятельную социальную силу как наиболее организованный элемент государственного аппарата и всего общества. На современном этапе углубления революционного процесса в странах Востока роль армии не только не уменьшилась, но, как показывают факты, даже возросла. Соотношение сил в армии в общем и целом должно отражать расстановку классовых сил в данной стране, а значит, и те сложные процессы, которые происходят в становлении новых государств.

Однако имеет место и такое положение, когда изменившееся в пользу демократии и трудящегося народа соотношение сил в обществе не находит своевременного и адекватного отражения в армии, в верхах которой все еще сохраняются буржуазно-помещичьи элементы, что может привести в критический период к поражению, как это и случилось с армией ОАР в июне 1967 г. в период агрессии Израиля. И все же классовая структура общества и характер власти в конечном

счете оказывают свое воздействие и на армию. В Алжире, например, руководство армией принадлежит представителям мелкобуржуазно-крестьянских слоев, проявляющих высокую политическую активность с самого начала алжирской революции. Военная диктатура — лишь специфическая форма политической власти правящего в данной стране класса (или социального слоя) или блока различных классов. Эта форма порождена особенностями исторического развития каждой из рассматриваемых стран и изменяется или даже изживает себя по мере углубления социального прогресса.

Утверждение ее часто вызывается в конкретной стране сугубо специфическим, на первый взгляд, сочетанием объективных и субъективных причин. Так, например, в Египте в 1952 г. и в Ираке в 1958 г. армия свергла прогнившую феодально-компрадорскую монархию, в Судане в 1958 г. — режим буржуазной демократии, в Йемене в 1962 г. — королевскую теократию, в Бирме — правительство национальной буржуазии, в Ираке в начале 1963 г. — антиимпериалистическую диктатуру генерала Касема, а в конце 1963 г. — проимпериалистическую диктатуру правых баасистов. Тем не менее уже сам факт установления военных диктатур во многих и в самых различных странах наводит на мысль об определенном сходстве причин, порождающих столь специфическую форму политической власти, об общих закономерностях ее возникновения, развития и заката.

Характерно, что военная диктатура как форма правления долго держится там, где либо отсутствуют крепкие политические партии, либо они не имеют достаточной опоры в массах, либо скомпрометировали себя в глазах народа. Главными из причин отсутствия или слабости политических партий в этих странах являются слабая классовая дифференциация и связанная с этим недостаточная осознанность классовых интересов, отсутствие демократических и влияние феодально-авторитарных традиций, политическая индифферентность масс, вызванная бесплодной демагогией политиков из старых партий.

В подобных условиях широкие массы трудящихся, обладая обычно весьма горьким опытом разочарования в деятельности обанкротившихся или проявивших бессилие партий (таких, как Вафд в Египте и т. п.), склонны не доверять политическим партиям вообще, не считать их эффективным орудием в борьбе за свои интересы. Таким образом создается своего рода политический вакуум, заполняемый активными слоями армии, как единственной в подобных обстоятельствах организованной силой (к тому же вооруженной и наиболее способной поэтому навязать всем остальным соперникам свою гегемонию). Офицерство в рассматриваемых странах

представляет собой довольно значительный и многочисленный отряд служилых слоев.

Особенно благоприятные условия для прихода армии к власти складываются там, где старые формы организации политической власти изжили себя или обанкротились, а новые формы еще не народились или, зародившись, еще не успели утвердиться в сознании людей. При этом отсутствие или слабость выражающих интересы трудящихся демократических и прогрессивных организаций, их ошибки и промахи, объективно изолирующие их от масс, могут сыграть существенную роль. Самые широкие слои народа, дезориентированные и не имеющие демократических традиций, ищут скорейшего — иногда любой ценой — выхода из тяжелого состояния, усугубленного политической неустойчивостью.

Интересно отметить, что военные диктатуры не возникли в тех странах, где пока сохраняется устойчивая организация политической власти (буржуазная демократия в Ливане, теократические монархии в Саудовской Аравии, Ливии, Иордании и Марокко), а традиционные формы политической жизни еще имеют крепкие корни в общественном сознании и социальном быте народа (буржуазный либерализм в Ливане, питаемая религиозным фанатизмом неоспоримость власти короля, — «потомка пророка» в Иордании — или глав сект: ваххабитов в Саудовской Аравии и сенуситов в Ливии). Вместе с тем, как показало свержение монархии в Йемене, эта стабильность далеко не абсолютна.

Нельзя сказать, что в перечисленных выше странах не было попытки установить военную диктатуру. Военные заговоры, имевшие место в Тунисе в 1958 и 1962 гг., в Иордании в 1957 г. или военный переворот 1952 г. в Ливане весьма показательны в этом отношении. В Ливане генерал Шехаб, свергнув гражданское правительство, которым, кстати, была недовольна не только армия, после этого передал власть парламенту, а в дальнейшем сделал «чисто гражданскую» политическую карьеру, почти не опираясь на армию и действуя строго в рамках конституционных государственных институтов Ливана.

В Иордании король Хусейн, несмотря на наличие в армии разветвленного тайного общества «Свободных офицеров», сумел подавить военный заговор, опираясь на иностранную поддержку, на свой авторитет «потомка пророка» и бедуинские ополчения лично преданных ему феодалов. По-европейски обученные и вооруженные солдаты армейских частей, загипнотизированные неприкосновенностью «священной особы» короля, не решились последовать за командовавшими ими прогрессивно настроенными офицерами, что и решило судьбу заговора. Попытки же организовать военные мятежи в Тунисе

были раскрыты и пресечены органами контрразведки, государственной безопасности и тайной полиции, прочно контролируемые Дустуровской партией. Провалу этих попыток во многом способствовали изолированность заговорщиков от господствующих в стране настроений и крайне неблагоприятные условия для действий мятежников, получавших поддержку из-за границы, но не имевших ее внутри страны.

Отмеченное выше доказывает, что военные диктатуры во все не повсеместное и не неизбежное явление. Они возникают лишь там, где для этого имеются надлежащие условия, и не могут возникнуть, несмотря на все усилия их приверженцев, там, где таких условий нет. В данном случае не всегда критерием может служить уровень социально-экономического и культурно-политического развития, ибо, например, Ливия, Иордания и Саудовская Аравия с этой точки зрения являются более отсталыми, чем ОАР, Сирия, Ирак и Алжир. Очевидно, наиболее точным критерием для определения режимов военной диктатуры, как об этом свидетельствует опыт некоторых арабских стран и Бирмы, должна быть революционная зрелость общественных сил, противостоящих неокOLONиализму, феодализму и капитализму.

В подобной обстановке на первый план выдвигаются промежуточные общественные слои, главным образом малоимущие и средние слои города и деревни, преобладающие в офицерской среде. Это обстоятельство — при отсутствии у этих слоев навыков и традиций самостоятельной политической борьбы в рамках собственных партий и организаций (как, например, в Бирме, Египте и Йемене) или слабости влияния партии в массах (например, партия «Баас» в Ираке и — в меньшей степени — в Сирии) — явилось решающим.

Применяемые ими методы управления даже иногда неизбежны в рассматриваемых странах, будучи вызваны необходимостью в короткий срок преодолеть политическую инертность и неорганизованность самых различных слоев населения, отсталого в социальном и культурном отношении, привыкшего к бесправию и слепому повиновению власти. Этих людей необходимо сплотить на антиимпериалистической, патристической основе, организовать и повести на выполнение общенациональных задач, отвечающих интересам подавляющего большинства народа. Весьма трудно выполнить эти задачи в конкретных условиях рассматриваемых стран с преобладанием мельчайшего хозяйства крестьян и ремесленников без жесткой государственной регламентации и концентрации политической власти в руках революционно-патристического руководства, без военной четкости и слаженности в работе аппарата власти.

О возможности эволюции патриотических военных режимов в революционно-демократическую организацию власти. Военная диктатура осуществляет власть, особенно на первых порах, с помощью административных методов. Однако постепенно под воздействием социальных, политических и прочих факторов революционно-патриотическая военная диктатура, если она с большей или меньшей последовательностью стремится осуществлять антиимпериалистическую программу социального прогресса, начинает эволюционировать влево, в сторону революционной демократии. О причинах этого явления подробнее будет сказано ниже. Здесь же мы лишь ограничимся указанием на то, что в рассматриваемых странах военные диктатуры нигде не существуют в «чистом» виде. Офицерство обычно связано с различными социально-политическими силами, находится под их воздействием. Чем более последовательны его антиимпериалистические и революционные позиции, тем скорее и прочнее устанавливает оно контакты с прогрессивными и демократическими силами, лишь опираясь на которые можно продолжать углублять и довести до конца антиимпериалистическую революцию. Поэтому даже в тех странах, где антикапиталистические преобразования происходят в условиях военного или полувоенного правления, имеются возможности для демократизации общественно-политического строя, вначале ограниченной и частичной, а затем более широкой и последовательной.

Все искренние патриоты, будь то гражданские политические деятели или революционные лидеры из армейской среды, понимают, что только с помощью принуждения и администрирования нельзя добиться решения экономических, политических и культурных задач национального возрождения. Эти задачи можно решить, только налаживая и укрепляя связи с массами, только проводя в их среде соответствующую работу по политическому воспитанию, только постоянно критикуя и исправляя недостатки в работе. Все это немыслимо без опоры на массы, без учета их мнения, без привлечения их в той или иной форме к участию в разрешении важнейших проблем национального строительства. Кое-что в этом направлении уже сделано.

В Алжире после завоевания независимости частично был обновлен государственный аппарат. По данным на апрель 1963 г., из 70 тыс. правительственных служащих 34 тыс. составили кадры активистов Фронта национального освобождения (ФНО), а около 14 тыс. — иностранные эксперты, работающие по контракту, по истечении которого они будут заменены алжирцами. В сентябре 1962 г. в стране были проведены выборы в Учредительное собрание, а в октябре 1964 г. — в Национальное собрание. Выборы проводились на основе единых

списков ФНО, в которые наряду с активистами ФНО, борцами патриотического подполья и партизанскими командирами 1954—1962 гг. были включены также офицеры армии, профсоюзные деятели и руководители различных общественных организаций. Все общественные организации (многие из них только возникли после независимости) беспрепятственно собирали свои съезды, конференции и собрания, некоторые издавали собственные печатные органы. В сентябре 1963 г. была выработана и одобрена на всенародном референдуме первая конституция Алжирской Народной Демократической Республики, а в апреле 1964 г. состоялся первый съезд ФНО, принявший новый устав партии и новую программу — Алжирскую хартию.

Переворот 19 июня 1965 г. несколько изменил положение, наложив определенные ограничения на деятельность всех общественных организаций и подчинив ее созданному в июле 1965 г. исполнительному секретариату ФНО. Но и в новых условиях общественные организации, в частности профсоюзы, порой не без ограничений и под контролем правительства, продолжают свою деятельность, имеют возможность созывать свои съезды и конференции. Профсоюзы выступают с критикой отдельных действий госаппарата, например по вопросу о возвращении национализированного имущества бывшим владельцам. Обычно эта критика в той или иной мере учитывается. Волна стачечного движения весной 1966 г. показала также, что рабочие стремятся пользоваться гарантированным конституцией 1963 г. правом на забастовку. Несмотря на известные трения между профсоюзами и Революционным советом, власти иногда принимают во внимание точку зрения профсоюзов. Делегаты профсоюзов включены в различные правительственные органы и комиссии, ведающие экономическими и социальными проблемами. Сохраняет свое значение система рабочего и крестьянского самоуправления, которую Революционный совет признал «основным фактором нашего социалистического выбора». Эта система продолжает оставаться как формой привлечения масс к руководству экономикой, так и средством воспитания их политической зрелости и общественного сознания.

Однако в Алжире еще существуют немалые трудности, которые предстоит преодолеть, чтобы добиться необходимых организационных и политических условий для успешной демократизации государственной жизни. Особое беспокойство алжирской общественности вызывает образование новой привилегированной элиты, разбухание государственного и административного аппарата. Вот почему такое большое значение алжирцы придавали осуществлению коммунальной реформы (реорганизации органов местной власти), которая,

согласно утверждениям алжирских руководителей, должна стать началом общей перестройки государственных институтов снизу доверху, началом осуществления принципа «социалисты — на всех уровнях власти». Предполагалось, что в результате проведения коммунальной реформы в органах местной власти решающее слово будет принадлежать представителям трудящихся: коммунальные советы не менее чем на две трети должны состоять из представителей рабочих и крестьян. Тем самым из состояния пассивности будут выведены сотни тысяч людей, возрастет политическая активность масс, их роль в управлении государством.

Внимание алжирской общественности не могло, однако, пройти мимо того факта, что административные перемены пока затрагивают по существу нижние звенья государственного аппарата, оставляя в стороне его средние и высшие звенья. Ввиду засоренности госаппарата создается реальная угроза саботажа сверху демократической перестройки местных органов власти. Не случайно поэтому орган ФНО «Аль-Муджахид» признает необходимость чистки бюрократического и антисоциалистического административного аппарата, создания условий для того, чтобы крестьяне, рабочие, революционные интеллигенты сами принялись за дело.

Серьезную трансформацию претерпевает режим в ОАР. Важнейшей мерой по демократизации страны явилось провозглашение в ноябре 1961 г. принципа предоставления рабочим и крестьянам половины мест во всех выборных органах страны. Специальные комитеты установили, что к категории крестьян относятся земельные собственники, имеющие не более 25 федданов (10,5 га) земли, а к категории народных сил внутри крестьянства — собственники не более 5 федданов и батраки. В категорию рабочих включены также лица, имеющие право наряду с получением заработной платы на основной работе вести хозяйство на земельном участке, размеры которого не должны превышать 25 федданов. Таким образом, понятия «рабочий» и «крестьянин» толкуются несколько расширительно, отличаясь от общепринятых. Тем не менее — это огромный шаг вперед по сравнению с прошлым, начало серьезного наступления на феодальные, буржуазные и прочие эксплуататорские элементы, начало их вытеснения из политической жизни страны вообще. На состоявшихся в марте 1964 г. выборах в Национальное собрание ОАР из 350 избранных депутатов 114 представляют рабочих и 74 — крестьян. Тогда же было осуществлено освобождение из тюрем политзаключенных, среди которых было немало коммунистов. Им было разрешено поступать на государственную службу, сотрудничать в органах печати и на других важных участках идеологического фронта. Многие из них вступили

в Арабский социалистический союз — правящую партию страны.

На состоявшихся в 1964 г. выборах административных советов предприятий было избрано 3400 рабочих и служащих — вдвое больше по сравнению с первыми выборами в 1961 г. Функции советов весьма разнообразны: борьба за увеличение объема продукции и производительности труда, рациональное распределение фондов предприятия, распоряжение суммами, предназначенными для удовлетворения социальных нужд трудящихся и полученными путем обязательных отчислений от прибылей, производственная учеба и повышение квалификации кадров, проведение различных общественных и культурных мероприятий.

Большую роль в общей демократизации общественной жизни ОАР должны сыграть меры по чистке государственно-го аппарата от так называемой «военной буржуазии». Эта привилегированная прослойка буржуазных бюрократов в мундирах стремилась монополизировать власть в стране и пользоваться ею исключительно в своекорыстных интересах. Именно «военная буржуазия» в первую очередь несет ответственность за удушение всякой инициативы снизу и за неудачу в войне с Израилем в июне 1967 г. Она же пыталась воспользоваться этими неудачами для свержения революционно-патриотического руководства республики. В ходе ликвидации политического кризиса в июне 1967 г., вызванного военными неудачами, президент ОАР Насер заявил о намерении еще более последовательно опираться на трудящихся и покончить с «военной буржуазией».

В Сирии меры по демократизации прежде всего выразились в сотрудничестве властей с рабочими и крестьянскими профсоюзами, представители которых, придерживающиеся прогрессивных взглядов, были еще в 1965 г. включены в Национальный революционный совет. После прихода к власти левого крыла «Баас» в феврале 1966 г. произошел сдвиг влево: в состав правительства были включены прогрессивные деятели и отдельные коммунисты. Руководители профсоюзов вошли в специальный комитет по чистке госаппарата от реакционных элементов и в состав Высшего комитета народной обороны, призванного руководить дружинами народного ополчения. Это ополчение должно состоять из рабочих, крестьян, ремесленников и прочих представителей неэксплуататорских слоев населения. Готовность правительства республики вооружить ополчение в случае угрозы внутренней и внешней безопасности государства также является серьезным шагом вперед в деле последовательной опоры на народные массы. В частности, это помогло сплотить народ вокруг правительства в суровые дни израильского нападения в июне 1967 г. и в заро-

дыше подавить попытку внутреннего заговора, явно инспирированного извне.

Необходимость демократизации государственного строя сознается бирманскими руководителями. Недаром в программе «Бирманский путь к социализму» прямо утверждается: «Большое препятствие на нашем пути к социализму — существующий бюрократический аппарат. При помощи такого аппарата невозможно достижение наших социалистических целей. Будут приняты меры к ликвидации этого бюрократического аппарата». Претворение этой задачи на практике продвигается медленно, а имущие классы продолжают не только саботировать проведение ее в жизнь, но и тормозить осуществление важных реформ. Классовая борьба вокруг государства неопровержимо доказывает, что необходима коренная, а не поверхностная перестройка и демократизация его аппарата. Этот процесс должен распространяться и на армию, полицию, органы безопасности. Привлечение личного состава армии к общественной деятельности, его политическое воспитание, ознакомление с событиями внутренней и международной жизни являются важнейшей предпосылкой классово осознанного действия армии и своевременного обезвреживания политических авантюристов и реакционной части офицерства, замышляющих контрреволюционные перевороты. Лишь политическое воспитание армии может превратить ее из слепого орудия повиновения отдельным лицам в орудие подлинного народовластия и защиты революционных завоеваний. Не менее важным условием эффективной защиты и отстаивания завоеванного от поползновений реакции может явиться лишение профессиональных военных монополии на оружие путем создания отрядов самообороны, народной милиции и т. д.

Процесс демократизации государственной жизни углубляется и развивается. Но проходит он замедленными темпами и сталкивается со значительными трудностями, что объясняется прежде всего самой природой власти.

Классовые интересы и противоречия в ходе антикапиталистических преобразований. С развитием революционного процесса национальная буржуазия оказывается все более неспособной удержаться у власти без поддержки империализма и феодально-помещичьего класса, обычно тесно связанного с империализмом. Наиболее общая социологическая оценка того, что происходит сейчас в рассматриваемой группе стран, может быть сформулирована следующим образом. Империализм и его феодально-компрадорская агентура под давлением объединенного движения всех национальных сил вынуждены были сдать власть и отступить. При слабости буржуазии и скомпрометированности помещичьего класса, склон-

ности их к соглашательству с империализмом, с одной стороны, а также относительной слабости классово сознательного пролетариата и его партии — с другой, на первый план выдвинулся наиболее широкий и многочисленный слой населения — средние слои и мелкая буржуазия города и деревни, а также примыкающие к ним промежуточные группы.

Для этих социальных сил характерна двойственная позиция, стремление вести во имя утверждения своей власти борьбу на два фронта: и против буржуазии и против рабочих. Будучи тружениками и не эксплуатируя в основном наемного труда, средний крестьянин, кустарь, мелкий торговец, ремесленник настроены решительно против буржуазии и готовы ее всячески ограничивать. Вместе с тем они боятся подвергнуться экспроприации или потерять свой социальный статус, свою кажущуюся независимость и самостоятельность в случае победы неимущих и поэтому враждебно или по крайней мере с предубеждением относятся к социализму и коммунизму в том виде, в каком они им представляются.

Поэтому вполне естественно, что средние слои во всех рассматриваемых странах вначале стремятся к установлению своей диктатуры, которая бы своим острием была направлена против всех противников — как справа, так и слева. Не случайно наиболее экстремистски настроенный лидер иракских правых баасистов Али Салех Саади (впоследствии исключенный из партии «Баас») призывал в 1963 г. не просто ограничить, но физически истреблять «коммунистов и капиталистов». Жизнь показала, однако, что подобная борьба на два фронта ведет к банкротству, к скатыванию на антинародные, проимпериалистические позиции.

В зависимости от конкретной ситуации в данной стране, от соотношения сил на данный период, в зависимости от преобладания той или иной фракции внутри стоящих у власти средних слоев представляющие их интересы политические лидеры пытаются проводить то политику сотрудничества с буржуазией, то политику единства действий с рабочим классом. Примеры тому — практика последних лет. Как известно, руководство ОАР в 1957—1960 гг., как и руководство сирийской «Баас» в 1963—1964 гг., возлагало большие надежды на сотрудничество с буржуазией. Затем, разочаровавшись в этой перспективе, оно решило порвать с буржуазией и тем самым объективно сблизилось с рабочим классом (декреты 1961 и 1963—1964 гг. в ОАР, 1965 г. в Сирии).

К этому шагу революционно-патриотических руководителей побудили как нежелание и неспособность буржуазии довести до конца освободительную революцию (ибо полный разрыв с империализмом не в интересах буржуазии), так и своекорыстное стремление крупного национального капитала

наживаться в сфере торговли, услуг и всевозможных спекуляций, избегая при этом финансирования долгосрочных, дорогостоящих и малоприбыльных на первых порах проектов подъема национальной экономики. На призыв национальных лидеров помочь государству решить трудные экономические проблемы буржуазия отвечала свертыванием деловой активности, переводом капиталов в зарубежные банки, затасканными обвинениями в «коммунизме» и поддержкой интриг империалистической агентуры. Поэтому сама логика развития социально-политической борьбы заставляла патриотические правительства нанести удар по буржуазии и лишить ее вслед за властью политической и власти экономической.

При определении политической линии после нанесения удара по буржуазии учитываются не только интересы средних слоев. Их правительство, как и всякое другое, вынуждено считаться и с объективными условиями страны, и с необходимостью решения наиболее острых общенациональных проблем, и с требованиями других общественных классов. Но стержнем его политики являются интересы мелкой буржуазии и промежуточных слоев города и деревни. Характер этих интересов определяется также соотношением сил внутри столь широкого и пестрого в социальном отношении понятия, как средние слои. Обычно среди них наиболее активно революционное крыло национальной интеллигенции (прежде всего офицеры, студенты, учителя, служащие и т. д.), вышедшие, как правило, из непролетарских служилых слоев. Представители данной группы через администрацию, армию, госаппарат, различные каналы экономической и общественной жизни имеют многообразные связи с представителями всех классов данного общества, испытывают влияние с их стороны.

Поскольку в арабских странах и Бирме, следующих некапиталистическим путем, главной опорой режима, особенно на первоначальном этапе, является армия, то власть осуществляется патриотическим офицерством, т. е. военной интеллигенцией, выступающей в роли своего рода политическо-го авангарда народа на данном этапе истории. Армия, как уже подчеркивалось, это как бы монополизированная этим авангардом массовая дисциплинированная организация, выполняющая одновременно военные, полицейские, политические и административные функции. Вместе с тем армия — вооруженная организация прежде всего средних слоев и мелкой буржуазии города и деревни, составляющих значительную часть населения. Офицеры (за исключением высшего офицерства в ОАР, сохранившего тесные связи с буржуазией и помещиками) — либо выходцы из этих слоев и защищают их интересы как свои собственные, либо стоят на соответствующих данным интересам позициях. Объективно — они вырази-

тели революционно-патриотических стремлений большинства народа.

Объективно логика последующей политической борьбы заставляет, что уже отмечалось выше, патриотическую военную интеллигенцию, как и средние слои в целом, под давлением рабочего класса, беднейшего крестьянства, передовых, социалистически настроенных лидеров постепенно дополнять свои антиимпериалистические позиции антикапиталистическими мерами. В этом главная социальная причина малопонятной с первого взгляда эволюции влево некоторых патриотических военных диктатур, их поиска опоры на широкие массы трудящихся, стремление установить связи с профсоюзами и другими общественными организациями, допустить в госаппарат и правящие партии (как существующие, так и создаваемые) представителей рабочего класса, беднейшего крестьянства и левонастроенной гражданской интеллигенции, в том числе близких к марксизму прогрессивных деятелей и даже коммунистов.

Однако в связи с этим следует помнить, что армии и партии в рассматриваемых странах, как и госаппарат (в основном унаследованный от старых времен), являются арендой политической борьбы, прежде всего борьбы за выбор путей дальнейшего развития. Это неизбежно, как неизбежны колебания и борьба в стане промежуточных слоев. Мелкий собственник всегда не прочь стать крупным. Но в нынешних условиях наиболее дальновидные и революционные представители этих слоев отдают себе отчет в невозможности следовать по капиталистическому пути. Им противостоят те, кто цепляется за эту перспективу. На опасность торжества (пусть временного) этих элементов никогда не следует закрывать глаза, а такая опасность бесспорно будет существовать в течение всего периода некапиталистического развития, пока окончательно не будут уничтожены эксплуататорские классы и всякая почва для возможной реставрации их власти.

Политическая борьба за выбор дальнейших путей развития неизбежно осложняется как происками империализма, оказывающего поддержку всем силам внутренней реакции, в том числе контрреволюционной фракции мелкой буржуазии и разложившейся бюрократии, так и антинародной деятельностью феодально-буржуазных сил. Используя свое традиционное влияние в деревне, крупные землевладельцы и сельские верхи стремятся сорвать или свести на нет аграрную реформу, прибегают к подкупу чиновников, запугиванию крестьян, экономическому давлению на издавна закабаленные ими целые селения. Буржуазия, серьезно потесненная (кое-где почти ликвидированная) в промышленности и бан-

ковской системе, сохранила свои позиции в торговле, сельском хозяйстве, сфере услуг.

Буржуазно-помещичьи элементы стремятся заполнить госаппарат выходцами из эксплуататорских слоев, обладавших ранее монополией на получение образования. Революционные руководители и хотели бы обойтись без чиновников старой школы, но не могут этого сделать в условиях острой нехватки квалифицированных кадров и вообще образованных людей. А кастовое чиновничество не упускает ни одной возможности, чтобы затормозить осуществление социально-экономических преобразований. Со старой бюрократией при определенных условиях смыкается новая, преимущественно мелкобуржуазно-разночинная по происхождению, если она коррумпирована и успела приобрести кастовые навыки. Недаром программный документ ФНО Алжира — Алжирская хартия — специально упоминает о быстром росте нового слоя бюрократической буржуазии с ее «инстинктивно антисоциалистическими стремлениями» и предупреждает, что эта сила может стать главной опасностью для «социалистического и демократического развития революции».

Нельзя не учитывать также стремления некоторых руководящих деятелей стран, где объявлено о социалистической ориентации, придерживаться своего рода средней позиции: «ни капитализма, ни коммунизма». Этому способствуют многие факторы: сложность международной обстановки, противоречивость социально-политической позиции средних слоев, всегда подчеркивающих свою самостоятельность и по отношению к крупному капиталу, и по отношению к осознавшему свои классовые интересы организованному пролетариату (как внутри страны, так и в международном плане); обостренное национальное чувство, родившееся и укрепившееся за долгие годы освободительной борьбы, а ныне иногда обращающееся против всего, что можно назвать «иностранным влиянием» (к таковому часто причисляют не только проникновение буржуазной идеологии Запада, но и воздействие на массы социалистических учений, сложившихся в Европе, в первую очередь марксизма-ленинизма). Все это объясняет отчасти, почему в рассматриваемых странах при осуществлении революционных преобразований наблюдаются колебания и непоследовательность.

В подобных условиях очень многое зависит от революционной самодеятельности масс, от активности их участия в строительстве новой жизни. Некапиталистическое развитие — это не только поступательное движение по пути экономического и социального прогресса, но и длительный процесс классовой борьбы, на ход которой влияют как внутренние факторы, так и расстановка сил на международной

арене. При сильном нажиме империализма, активизации всех сил внутренней реакции, военной агрессии и слабости оказываемого им сопротивления можно предположить, что та или иная страна затормозит или даже прервет некапиталистическое развитие. Некапиталистический путь развития в условиях, когда еще нет пролетарского марксистско-ленинского руководства, не содержит в себе достаточных гарантий от реставрации старых порядков и поворота на путь социального регресса. Именно об этом свидетельствуют события в Гане.

Наоборот, если силы большинства народа удастся сплотить для защиты революционных преобразований, если империализму, его агентуре и феодально-буржуазной реакции будет дан сокрушительный отпор, можно надеяться на дальнейшую эволюцию в сторону успешного завершения коренной перестройки общественной структуры и постепенного перехода к социалистическому развитию. Произойдет ли трансформация революционно-патриотических, по преимуществу военных, режимов в революционно-демократические режимы, перерастет ли вслед за этим национально-демократическая революция в социалистическую, завершится ли некапиталистический путь строительством социализма — зависит в первую очередь (если отвлечься от внешних факторов, которые могут при определенных обстоятельствах сыграть решающую роль) от активности позиции, степени сознательности и организованности рабочего класса, городских и сельских труженников, прогрессивной интеллигенции, всех подлинных революционеров и демократов и их социалистического авангарда, от их умения использовать все благоприятствующие борьбе за социализм факторы, изменить в свою пользу соотношение социально-политических сил и повести за собой большинство народа. Уже на нынешнем этапе некапиталистического развития пролетариату и всем трудящимся есть что отстаивать от покушения врагов социального прогресса.

Такие ростки социалистического будущего, как рабочее и крестьянское самоуправление в Алжире, фактически полный контроль государства над промышленностью, банками и транспортом в ОАР, Бирме и Сирии, удовлетворение некоторых социальных нужд трудящихся в этих странах, расширение прав рабочих и др., следует признать важными революционными завоеваниями, способствующими увеличению роли рабочего класса в определении последующих судеб своих стран. Задача рабочего класса, марксистов-ленинцев, революционных демократов состоит в сплочении передовых сил для совместного служения народу, в постепенном сближении революционной демократии и сторонников научного социализма, в недопущении ни под каким видом разъедине-

ния, противопоставления, междоусобной борьбы этих двух сил, чего так усердно и повсеместно добиваются внутренняя реакция и иностранный империализм. Завоевания, достигнутые на основе союза рабочего класса и крестьян, единства всех прогрессивных сил, национально-демократических и марксистско-ленинских, необходимо использовать для дальнейшего продвижения по пути социального прогресса. В этом условие победы.

Государственно-политические формы некапиталистического развития и организация масс. Переход к некапиталистическому развитию непосредственно зависит от характера политических структур, в рамках которых это развитие начинается. В качестве подходящей государственно-политической формы некапиталистического развития может выступить государство национальной демократии, которое опирается на самый широкий союз различных классов и социальных слоев, заинтересованных в борьбе против империализма и неокOLONиализма, в ликвидации экономической отсталости, в проведении общедемократических преобразований. Программа КПСС определяет политическую основу такого государства, как «блок всех прогрессивных, патриотических сил, борющихся за полную национальную независимость, за широкую демократию, за доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции» *.

В ходе борьбы за доведение до конца антиимпериалистической и антифеодальной революции, по мере реализации коренных социально-экономических преобразований может меняться классовая основа и классовое содержание государства национальной демократии. В частности, национальная буржуазия, если она сохранила способность бороться против империализма, может на первых порах входить в блок сил, служащий опорой такому государству, но по мере исчерпывания своего революционного потенциала в области общедемократических преобразований обычно отходит от лагеря освободительной революции. Именно об этом свидетельствует опыт Бирмы, ОАР и некоторых других стран. Другими словами, радикальные демократические преобразования, уже потенциально содержащие в себе элементы некапиталистического развития, настораживают буржуазию и ее сторонников и со временем становятся несовместимыми с пребыванием буржуазии в составе правящей коалиции. Она дезертирует или устраняется революционно-патриотическим руководством, которое исходит не столько из экономических,

* «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1962, стр. 49.

сколько из политических соображений, стремясь обезопасить себя от реакционного переворота. Однако отстранение буржуазии от власти само по себе еще не означает обязательного ослабления социальной базы государства национально-демократического типа. В условиях перехода буржуазии в оппозицию социальная база государства может быть сохранена и еще более укреплена путем вовлечения в государственную жизнь наиболее широких антикапиталистически настроенных слоев народа, которые не допускались буржуазией к власти. Этого можно добиться лишь по мере того, как революционно-патриотические программы и, главное, практика будут перерастать в революционно-демократические, т. е. антикапиталистические.

Этот процесс не всегда сопровождается немедленной передачей власти в руки союза всех неэксплуататорских трудящихся классов. В определенной ситуации государство на тот или иной срок превращается в более или менее «чистую» диктатуру средних или мелкобуржуазных слоев, уже отбросивших коалицию с буржуазией, но еще не идущих на союз с рабочим классом и левыми силами, сторонниками научного социализма. Как отмечалось выше, в этих условиях также могут осуществляться антикапиталистические преобразования. Причем, чем последовательнее и глубже эти преобразования в социально-экономической области, тем определеннее и неизбежнее становится сдвиг влево в сфере политики и идеологии, в том числе в сфере государственно-политической. Конкретно это выражается в постепенном привлечении тем или иным образом крестьянства и рабочего класса и их организаций к участию в управлении страной, т. е. государство постепенно, не всегда последовательно начинает опираться на блок всех антикапиталистических социальных сил, всех трудовых слоев — как непролетарских, так и пролетарских.

Таким образом, логика и опыт классовой борьбы ставят вопрос о таких формах государственного устройства, которые более всего соответствуют потребностям некапиталистического развития, подготовки и перехода к строительству социализма. Придавая огромное значение практике масс и их революционному творчеству, В. И. Ленин призывал смотреть не назад, а вперед, «не на ту демократию обычно-буржуазного типа... Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии...» *. Подходящей государственно-правовой оболочкой блока патриотических сил, борющихся за доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной и

* В. И. Ленин, *Задачи пролетариата в нашей революции*, — Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 181,

демократической революции и за переход на некапиталистический путь, могут стать и становятся государства типа национальной демократии, которые по мере своей эволюции все более приобретают революционно-демократическое, антикапиталистическое направление.

Однако такое переходное государство имеет в ряде стран тенденцию то к отставанию от тех социально-экономических процессов, которые происходят в ходе претворения в жизнь коренных реформ, то к искусственному опережению их. Это в определенной мере связано с рядом субъективных факторов, с идеологическими воззрениями революционных патриотов, позицией различных классов и социальных групп, их отношением к государственной власти и т. д. Но при всех обстоятельствах национально-демократическое государство, особенно по мере его развития, обнаруживает некоторые тенденции к перерастанию в государство социалистического типа. В этом, в частности, проявляется тенденция развития мирового революционного процесса в современную эпоху — тенденция возрастания социального содержания в борьбе тех его отрядов, которые выступают не только против империализма, колониального и феодального гнета, но и за полное освобождение от всех видов эксплуатации и классовой несправедливости.

По форме правления национально-демократическое государство может быть различным: парламентский режим, президентская республика, военно-революционная диктатура, однопартийное правление и т. п. Чаще всего имеет место сочетание нескольких из перечисленных выше форм. Например, в ОАР существует режим революционно-патриотической диктатуры с элементами военного правления и однопартийной системой. Главное заключается не в формальных особенностях такого государства, которые определяются общим уровнем развития и национальной спецификой каждой страны, соотношением классовых сил и первоочередностью тех или иных государственных задач. Главное в том, что оно возникает в многоукладной стране и, следовательно, неизбежно должно опираться на блок самых различных классов, добивающихся ликвидации колониализма, феодализма и крупного местного капитала. Вместе с тем это государство переходного типа, так как сам процесс некапиталистического развития имеет характер перехода от одной комбинации укладов к другой — уже с господством укладов, свободных от эксплуатации. Переходный характер государства выражается помимо всего в его постоянном изменении и развитии, возможной смене одних форм правления другими в зависимости от переживаемого страной этапа национально-демократической революции.

Роль государственной власти в стране, следующей некапиталистическим путем, исключительно велика. Некапиталистическое развитие просто невозможно без активного вмешательства государства в экономическую жизнь, индустриализации, внедрения плановых начал экономики. При этом роль государства переходного типа состоит не в том, чтобы немедленно и полностью искоренить капиталистические и докапиталистические формы хозяйствования, а в том, чтобы постоянно наращивать преимущества для развития кооперативного, государственно-капиталистического и особенно государственного секторов экономики. Регулирование национальной экономики через все более и более расширяющийся государственный сектор уже стало одной из важнейших функций такого государства. Помимо экономических функций государство переходного типа выполняет и задачи политической организации народа, мобилизации его сил на выполнение первостепенных экономических, социальных и культурных задач. Это обстоятельство предопределяет высокую степень централизации власти в руках государства, его стремление установить контроль над всеми важными сферами общественной жизни.

Как уже отмечалось, в нынешних государствах национально-демократического типа национальная буржуазия уже не входит в правящую коалицию. В этих странах сотрудничество противоположных классовых сил в ходе осуществления коренных социальных преобразований, отвергающих капитализм и ориентирующихся на социализм как конечную цель, оказалось после длительного периода борьбы и компромиссов невозможным.

Однако, по-видимому, формула единого фронта по-иному может выглядеть в странах с ведущим капиталистическим укладом (Индия). Не исключено, что здесь государство нового, переходного типа явится на первых порах политической формой союза патриотических антиимпериалистических и антимонополистических сил, включая не только мелкобуржуазные левые элементы из национально-буржуазных течений, но и представителей средней немонаполистической буржуазии. Если для первых идеология и практика «национального социализма» отнюдь не являются камуфляжем программы капиталистического развития, а сутью их мировоззрения, их политической целью, то вторые во имя разгрома монополий, устранения чужеземного диктата в экономике смогут, очевидно, пройти известную часть пути в составе единого национально-демократического фронта.

На сессии Индийского национального конгресса в Бхубанешваре (штат Орисса), которая проходила в январе 1964 г. и была последней с участием Дж. Неру, представители ле-

вого крыла партии Кришна Менон, К. Д. Малавия и др. особенно подчеркивали необходимость эффективных мер против всевластия монополий и проведения других демократических мероприятий — национализации частных банков, внешней торговли и торговли продовольствием, аграрной реформы, демократизации государственного аппарата, участия рабочих в управлении производством и т. д. Именно эти требования в ходе подготовки к съезду были выдвинуты или поддержаны комитетом Конгресса в Дели, в штатах Орисса, Ассам, Раджастан, Махараштра, Бихар.

Позиция левого крыла Конгресса отразила антимонополистические и отчасти антикапиталистические устремления мелкобуржуазных промежуточных слоев, для которых конгрессистские декларации не пустая фраза, а их сокровенные чаяния и надежды на лучшую жизнь. Осуществление требований левого крыла Конгресса значительно ослабило бы позиции монополистического капитала, укрепило бы и расширило элементы демократии в общественной и политической жизни, обуздало бы поползновения промонополистических кругов к установлению диктаторского режима, к изменению внешнеполитического курса в угоду империалистическим державам.

В ходе осуществления программы, предложенной левым крылом Конгресса, еще больше раскрылась бы двойственная природа национальной буржуазии, были бы изолированы наиболее реакционные группы общества, значительно облегчено образование единого фронта всех прогрессивных сил, всех социальных слоев, выступающих против монополий. При таком положении борьба за общедемократические преобразования могла бы стать переходным этапом к некапиталистическим преобразованиям в стране с относительно развитым капитализмом.

Превращение объективных возможностей в реальный исторический процесс, создание действительно прочного единства всех демократических сил, изоляция на этой основе правой реакции зависят в конечном итоге от правильности политической линии рабочего класса и его марксистской партии, от умения вести работу с массами, а также от готовности антимонополистических сил объединить свои действия с действиями широких масс, последовательно отстаивать свои усилия.

Образование после выборов в феврале 1967 г. правительств левых партий в Керале, Западной Бенгалии, неконгрессистских правительств в некоторых других штатах Индии свидетельствует, что прогрессивные силы этой страны нащупывают путь к общенациональному единству своих действий при сохранении сложившейся многопартийной системы.

Что касается государств с менее глубокой классовой дифференциацией, в которых отсутствует рабочий класс и относительно слаба буржуазия, то здесь наличие партии научного социализма и ее непосредственное руководство единым общенациональным фронтом и общественной жизнью в современную эпоху не является обязательным условием подвода к некапиталистическому пути развития. Исторически сложилось так, что в силу объективных и субъективных факторов в большинстве из них отсутствовали условия для пролетарского руководства, а революционные патриоты и их организации стали той политической силой, которая взяла на себя миссию подготовки разрыва с капитализмом. Совершая этот шаг, они и их партии выступали как представители интересов широких масс народа.

С осуществлением первой фазы общедемократических преобразований, сопровождающихся уточнением социально-экономических программ революционных патриотов, зреют и претерпевают эволюцию формы политической организации масс.

Как известно, в 1953 г., на первоначальном этапе развития египетской революции, была создана Организация освобождения. Эта организация не имела четкой программы политической и социальной деятельности. Лозунг «Все в Организацию освобождения!» явился выражением искреннего желания революционных руководителей объединить все силы на антиимпериалистической основе независимо от социально-классовых различий между ними.

В Организации освобождения оказались самые разнородные социальные слои. Среди них были и торговцы, и средние промышленники, и богатые крестьяне, и часть интеллигенции, и многие члены распущенных партий, которые надеялись использовать организацию в своих особых интересах. «Неспособность превратить эту организацию в истинную партию революции,— подчеркивает видный деятель египетского национально-освободительного движения Халед Мохи эд-Дин,— была сама по себе реальным выражением отсутствия ясной идеологической линии в политической работе. Это объясняет также и тот факт, что основной упор делался на законодательные и административные мероприятия».

Интересно отметить, что отставание организованности масс от потребностей революции привело к тому, что Организация освобождения обрекла себя на ликвидацию, а патриотическая самодеятельность народа в условиях тройственной агрессии привела к возникновению комитетов народного сопротивления. Впоследствии был образован Национальный союз, в который запрещался доступ и крайне правых, и крайне левых. В него, по мысли египетских руководителей, долж-

ны были войти силы, объединенные под лозунгами, отрицающими классовую борьбу, способные, как утверждал Насер, «создать социалистическое, демократическое, кооперативное общество... без гражданской войны, без крови, не с помощью классовой войны, а с помощью любви и братства».

Эта линия нашла тогда свое выражение и в экономической области, когда государство пыталось, не препятствуя развитию частного капитала, контролировать направление капиталовложений, подчинить их требованиям плана развития. Нежелание частного капитала подчиняться регламентациям государства побудило революционное руководство уточнить теоретические концепции, стать на путь разработки более четкой в классовом отношении социально-экономической программы, приведшей к июльским законам 1961 г. В этой обстановке четче выкристаллизовывалась подлинная расстановка классовых сил. Руководство ОАР заявило, что оно является представителем масс рабочих, крестьян, всех трудящихся. В 1962 г. был создан Арабский социалистический союз (АСС), положивший в основу своей деятельности Хартию национальных действий.

В АСС многие рабочие и крестьяне получили возможность занять важные посты. Из тюрем были освобождены лица, придерживающиеся левых взглядов, и коммунисты. Лидеры ОАР предполагают завершить создание руководящих органов Арабского социалистического союза — Центрального комитета Генерального секретариата, высшего исполнительного комитета и др. Создается низовой партийный актив — комитеты на местах. Первичные организации Арабского социалистического союза уже созданы на предприятиях с числом рабочих и служащих более 50, в министерствах и ведомствах, различных учреждениях и учебных заведениях, а также в сельской местности.

В результате выборов в низших и средних звеньях АСС укрепились позиции пролетарских и крестьянских элементов, но главным образом позиции средних слоев (главы предприятий и учреждений, в которых существуют организации Социалистического союза, торговцы и другие зажиточные слои, а также лица свободных профессий). Это объясняется сильными родственными связями и влиянием средних слоев, особенно в деревне, а также общим экономическим фактором — упрочением позиций средних слоев, доходы и образовательный уровень которых возросли.

Руководители ОАР все более осознают неотложность политического воспитания хорошо подготовленных и преданных революции кадров, особенно из трудовой среды, которые могли бы мобилизовать и повести за собой массы, защитить государственный сектор от паразитических и продаж-

ных элементов, эффективно бороться с нездоровыми явлениями в экономической жизни.

В 1962 г. была образована Партия бирманской социалистической программы. Сразу же встала проблема ее отношения к уже существующим партиям. После относительно небольшой паузы и неудачных переговоров с некоторыми существовавшими партиями Революционный совет пришел к выводу, что при сложившихся в Бирме условиях многопартийная система не отвечает задачам программы «Бирманский путь к социализму», и 28 марта 1964 г. законом о защите национальной солидарности запретил все иные политические организации. Партия бирманской социалистической программы мыслится как массовая партия трудящихся и призвана осуществлять руководство страной. Предусматривается создание рабочих и крестьянских советов как массовых организаций этих классов, стоящих на страже их интересов и активно участвующих в общественной жизни страны.

В конце ноября 1965 г. прошла конференция командного состава вооруженных сил, обсудившая общее положение в стране. 6—10 декабря 1965 г. проходил первый семинар (своеобразная конференция) Партии бирманской социалистической программы (ПБСП). На нем присутствовало 846 различных государственных и партийных работников, а также много военных. На семинаре обсуждались результаты деятельности Революционного совета и были намечены последующие мероприятия. По обнародованным данным, в создаваемой партии состояло 20 членов-учредителей, члены Революционного совета, считающиеся членами Центрального оргкомитета ПБСП, около 100 тыс. кандидатов, 167 тыс. сочувствующих и, кроме того, свыше 600 тыс. человек подали заявления о приеме в партию. На семинаре обращалось внимание на то, что вне партии осталось много людей, которые с самого начала выступали за ее программу, что необходимо всемерно использовать существующие кадры революционеров. Необходимость в массовой и организованной базе Революционного совета становится все более ощутимой. Организация низовых звеньев партии, как отмечает бирманская печать, явно затянулась.

Не прошел еще стадии организационного становления Фронт национального освобождения Алжира. Он пока не имеет массовой базы на местах. Представители Исполнительного секретариата ФНО в различных департаментах страны проводят работу по учету членов партии и комплектованию местных организаций. Укреплению ФНО мешает известная нечеткость идеологических принципов партии и отсутствие единства рядов всех прогрессивных социалистических сил.

Насущные задачи укрепления своих партий стоят перед

национально-демократическими силами Мали, Гвинеи и некоторых других стран. Здесь, в колониальный период, возникли как единые массовые партии Суданский союз Мали РДА и Демократическая партия Гвинеи, осуществлявшие руководство в борьбе за завоевание национальной независимости. Сейчас они играют также руководящую роль в строительстве своих стран и проводят в целом прогрессивную политику. Это по существу широкие организации типа национального фронта, объединяющие в своих рядах представителей различных классов. Для них характерна обостряющаяся внутренняя борьба, которая отражает возросшие общественные конфликты в ходе осуществления социально-экономических преобразований. Так, меры Суданского союза по ограничению деятельности частного капитала, установлению государственного контроля над внешней торговлей вызвали сильнейшее недовольство внешних и внутренних реакционных сил. Антинародные элементы, ряд которых считали себя членами Суданского союза, подняли в июле 1962 г. путч в Бамако, чтобы отстранить от власти правительство Модибо Кейты, изменить направление экономического и политического развития страны, но потерпели неудачу.

Обострились социальные конфликты и в Конго (Браззавиль); они привели к вспышке летом 1966 г. реакционного мятежа, который провалился. Однако в Гане выступление правых сил при поддержке империалистов привело к устранению правительства Нкрумы и установлению реакционного режима. Одна из причин поражения Нкрумы состояла в слабости правящей партии — Народной партии конвента (НПК), представлявшей собой аморфную и классово неопределенную организацию. В ней наряду с рабочими, крестьянами, прогрессивной интеллигенцией находились также представители буржуазии и бюрократической прослойки, которая сковывала демократическую инициативу. Оппозиционные силы внутри НПК саботировали проведение в жизнь программы прогрессивных социально-экономических преобразований. В конечном счете этим и объясняется исход переворота, в результате которого правым удалось в феврале 1966 г. свергнуть правительство Нкрумы.

Переворот в Гане показывает, какую опасность для сил прогресса создает такое положение вещей, когда организационное укрепление национально-демократических партий отстает от потребностей политического воспитания масс. По существу Народная партия конвента оказалась на положении лишь формально правящей партии. Она переоценила свои возможности; в действительности же НПК охватывала своим влиянием лишь группу революционных интеллигентов и городских жителей и не смогла проникнуть в широкие массы

сельского населения, просветить и мобилизовать массы, пробудить в них подлинный интерес к революции. Ее позиции в армии и органах безопасности были слабы. В них пробрались контрреволюционеры и разложили их. Политической работы в этих органах партия не вела. Вместо активных политических действий по мобилизации широких народных сил руководство НПК ограничивалось доктринерскими теоретическими дискуссиями.

Нечеткость идеологических концепций некоторых прогрессивных лидеров, ошибочность их представлений о классах и классовой борьбе, их тезис об отсутствии социальных классов в Африке и отброшенное самой жизнью мнение, что и после достижения общей цели — политической независимости — национальное единство будет сохраняться в прежнем виде, а общественные противоречия будут играть сугубо подчиненную роль, — все это сдерживает формирование или развитие подлинно революционных, подлинно авангардных партий, действительно демократичных, способных обеспечить революционное руководство массовыми организациями и идеологическую подготовку кадров. Отрицательную роль играл и продолжает играть культ личности руководителя, чрезмерная уверенность некоторых руководителей в своей популярности и непогрешимости и использование ими авторитарных методов.

Тем не менее, несмотря на наличие отрицательных и болезненных явлений, можно утверждать, что в общем и целом процесс демократизации государственно-политического строя в странах, приступивших к антикапиталистическим преобразованиям, организационного и идейно-политического укрепления правящих партий, превращения их в действенные политические организации, осуществляющие связи с массами через демократический национальный фронт, уже начался. Революционеры этих стран считают своей важнейшей задачей организационное и идеологическое укрепление партий, освобождение их от буржуазных и проимпериалистических элементов и взглядов, повышение роли партий во всех областях жизни.

Серьезное внимание уделяется подготовке политических кадров. В Конакри с сентября 1965 г. работает партийная школа, и принято решение о создании таких школ в провинции. В Мали партийные школы функционируют во всех шести областях страны, а в Бамако создана Высшая школа партийных кадров, которая дает возможность ответственным работникам партии, как писала газета «Эссор», «пополнять идеологическое образование, соединять теорию с практикой и овладевать основами научного социализма, без знания которых ни один руководитель не может эффективно участвовать в начатом нами строительстве». В партийных школах изу-

чаются законы развития общества, роль народных масс, революционных партий, природа и методы империализма и неокOLONиализма. В школах освещаются также международные проблемы, организационные и идеологические основы партии, история Африки и национально-освободительного движения, политическая экономия и принципы социалистического планирования. Такие факты свидетельствуют о намерении идейно укрепить руководящие кадры партии.

Процесс формирования правящих партий в государствах национально-демократического типа сложен и противоречив. Он уже сейчас отмечен определенными достижениями и вынужденными отступлениями. Но и на этой ранней стадии очевидно, что становление здорового и полноценного партийного организма возможно лишь при привлечении широких народных масс к управлению политикой и экономикой, при все более полном осознании ими своих интересов, задач, прав и возможностей, при все большем развертывании сознательного революционного творчества народа. Именно этот критерий может послужить ориентиром при оценке единой партии, претендующей на представительство интересов всей нации. Только на основе анализа объективных различий и особенностей каждой страны, где единые партии практически сформировались, и в соответствии с изменяющейся международной обстановкой можно выработать верную линию. В некоторых странах единая партия не соответствует ни социальной действительности, ни их историческому развитию. Это относится к Сенегалу, Нигеру, Малави и некоторым другим странам, где однопартийная система по существу равнозначна реакционной коалиции, установившей полицейские режимы.

В странах, избравших некапиталистический путь развития, сохранение однопартийной системы может отвечать требованиям укрепления национального фронта, объединяющего в своих рядах представителей различных классов — рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии, патриотической интеллигенции, — и изоляции реакции. Здесь задача передовых сил состоит не в создании оппозиционных группировок, а в расширении участия трудящихся масс в управлении государством и в руководстве экономикой и общественной жизнью, в формировании и укреплении подлинно социалистического ядра внутри партии.

Мобилизовать все возможности и всю энергию народа на отпор заговорам империалистов и реакции и обеспечить успех некапиталистического развития можно лишь путем укрепления общедемократического фронта, который создается при данном соотношении сил. Очевидно, что его руководителем становится тот класс, та социальная сила, которая пользуется

сы в данный момент наибольшим авторитетом и влиянием среди широких масс; что сейчас нет и не может быть универсальных рецептов для национальных лидеров, которые были бы одинаково пригодны для всех стран. Коммунисты помнят марксистское указание, что массы можно привести в движение только тем путем, который соответствует данной стране и данным определенным условиям, а это большей частью сложный путь.

Успех сторонников научного социализма зависит прежде всего от того, насколько последовательно они проводят выработанную международным коммунистическим движением генеральную линию применительно к конкретным национальным условиям, насколько правильно они учитывают те новые явления, которые возникли на завершающем этапе распада колониальной системы империализма. В нашу эпоху, когда особенно сблизилась по времени общедемократические задачи с задачами некапиталистического прогресса, для революционных демократов и коммунистов создается благоприятная историческая обстановка для укрепления связи с непролетарскими трудящимися массами и их руководством, помочь им быстрее преодолеть предрассудки мелкого собственника и его классовую ограниченность, побудить их смелее идти на союз с рабочим классом, с марксистами-ленинцами.

В. И. Ленин писал, что «политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полупролетарских масс» *. Именно в государствах национально-демократического типа вызревают условия, дающие возможность все новым слоям и группам широкой непролетарской демократической массы сделать исторический поворот в сторону социализма и восприятия его научной идеологии.

Речь, следовательно, идет о том, что в современную эпоху нет надобности ждать, пока в экономически отсталой стране сформируется рабочий класс, пока он превратится в значительную часть населения и добьется руководящего места в общественной жизни, чтобы начинать переход к некапиталистическому развитию. Такая сектантская позиция лишь подорвала бы или значительно ослабила связи с массами, лишила бы возможности создания единого национального фронта или участия в нем, объединения усилий всех патриотов для реше-

* В. И. Ленин, *О лозунге Соединенных Штатов Европы*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 351—352.

тельного и последовательного наступления на империализм, феодализм и капитализм, не приблизила бы, а отдалила бы перспективу социалистической революции.

«Наше движение,— говорил в приветствии XXIII съезду КПСС секретарь ЦК Марокканской коммунистической партии тов. Али Ята,— нуждается не в революционной фразеологии, не в болтовне о социализме и не в политическом романтизме. Нам гораздо более необходимы творческий реализм и хорошо продуманные и организованные конкретные действия с опорой на все живые силы народа... Мы принадлежим к народам, развитие которых было задержано веками колониального и феодального господства. Мы связаны с пролетариатом, который еще молод и не знает глубоких революционных традиций, поэтому для нас не может быть более важной задачи, чем задача установления как можно более тесных связей с другими прогрессивными и революционными силами при всем разнообразии форм, порожденных конкретными условиями, сочетая твердость в применении принципов марксизма-ленинизма с национальной гибкостью в тактике. В противном случае мы рискуем в течение долгих лет или даже десятилетий оказаться на положении надежных, но недостаточно эффективных боевых отрядов, отрядов, которые, не имея средств для решающего влияния на ход событий, не смогут выполнить свою историческую роль».

Многие коммунисты ОАР вошли в Арабский социалистический союз. Начавшее развиваться сотрудничество коммунистов и левых баасистов в Сирии в какой-то степени отразилось на составе правительства, сформированного в начале марта 1966 г. Сирийская коммунистическая партия пошла на участие в правительстве после широкого обсуждения, в котором участвовали как члены Центрального комитета, так и многие представители основных партийных организаций. «Партия,— заявил в приветствии XXIII съезду КПСС член политбюро ЦК Сирийской коммунистической партии тов. Захир Абдас-Самад,— участвует в правительстве, чтобы во всех областях содействовать успеху и усугублению достигнутых народных завоеваний и прогрессивных преобразований, в особенности в деле защиты независимости и суверенитета Сирии от участвовавших заговоров империализма и реакции».

Вместе с тем коммунисты считают, что высшие интересы нации требуют, чтобы сотрудничество прогрессивных сил не ограничивалось лишь рамками правительства, а охватывало все сферы политической и экономической жизни, все области народной деятельности, т. е. рабочие профсоюзы, крестьянские организации, кооперативы, студенческое движение, женское и молодежное движение и т. п. Это вполне возможно, поскольку главная цель такого сотрудничества — оказа-

ние сопротивления реакции, колониализму и неоколониализму, борьба за успех проведенных и проводимых социально-экономических преобразований, за их углубление и развитие. Коммунисты исходят из того, что для успешного развития по пути к социализму нужно создать не только экономические, но и социально-политические условия — широкие демократические свободы. Лишь в этом случае государственная власть будет опираться на всеобъемлющий прогрессивный национальный фронт и успешно осуществлять некапиталистические преобразования.

Будущее покажет, смогут ли национально-демократические партии стать партиями авангарда и сохранить роль руководителя на этапе развернутого строительства социализма. Это может произойти на основе восприятия идеологии научного социализма на путях дальнейшей прогрессивной эволюции существующих национально-демократических партий. Именно такие партии смогут завершить некапиталистическое развитие и повести за собой массы вперед, к строительству социалистического общества.

Некапиталистический путь развития, следовательно, ни по своей классовой природе, ни по своему направлению исторически и логически не противостоит диктатуре пролетариата как власти рабочего класса и близких ему слоев трудящихся. Он приводит к формированию рабочего класса там, где его нет или где он слаб, к усилению его роли в общественной жизни. Массы на своем собственном опыте, обогащенном демократическими традициями и навыками, готовятся к классовому восприятию идей марксизма-ленинизма, к признанию за рабочим классом роли руководителя, хотя буржуазные элементы с их стремлением к накоплению капитала, давление мелкобуржуазной стихии оказывают этому упорное сопротивление.

Программные основы и идеологические концепции революционных патриотов и демократов

Обобществление средств производства и ликвидация эксплуатации человека человеком, устранение буржуазии и феодалов, радикальное решение аграрного вопроса являются официально провозглашенными целями революционно-патриотического руководства ОАР, Алжира, Сирии, Бирмы, Мали. Эти цели зафиксированы в программных документах правящих партий этих стран.

Национальная хартия ОАР. Программным документом АСС является принятая в июле 1962 г. Национальная хартия ОАР. Резко выступая против феодалов и «эксплуататорского

капитала» (под которым в основном понимается иностранный, компрадорский и крупный местный капитал), хартия вместе с тем указывает, что «национальный капитал более не способен развивать в достаточной степени национальные ресурсы». Поэтому руководство экономикой должно перейти к государству, что «не означает национализации всего производства, а означает создание государственного сектора при наличии частного сектора, который будет находиться под народным контролем». Национализации подлежит лишь «эксплуататорский капитал», который связан с империализмом, пытается навязать свой контроль исполнительной власти и безудержно эксплуатирует трудящихся, стремясь получить любой ценой максимальные прибыли. «Неэксплуататорский капитал», по мнению авторов хартии, представляет собой качественно иную социальную категорию, так как он предоставляет рабочим справедливую заработную плату, право участвовать в прибылях и в управлении предприятием. Его представителей зачисляют в состав народных сил (крестьян, рабочих, солдат, интеллигенции и национальной буржуазии), на союз которых официально опирается руководство республики.

Хартия высказывается за научный социализм, который определяется как «построение общества справедливости и достатка, общества работы и равных возможностей для всех, общества производства и общества обслуживания». В хартии подчеркивается национальная самобытность и специфичность социализма в ОАР, который «не обязан придерживаться укоренившихся теорий, которые не вытекают из национального опыта». Согласно хартии, а также последующим заявлениям руководителей ОАР «арабский путь к социализму» предусматривает искоренение всякой эксплуатации, решающую роль государственного сектора в экономике, развитие кооперации в сельском хозяйстве и торговле. Вместе с тем поощряется и охраняется мелкая и средняя собственность, особенно на землю, дома и банковские облигации.

Излагаемая в хартии концепция социализма «признает бога и верит в духовные ценности и частное предпринимательство, особенно в сельском хозяйстве... признает право на законное наследство и не требует ликвидации собственности на все средства производства... разрешает межклассовый конфликт мирными средствами, а не кровопролитием». В мае 1962 г. президент ОАР специально указал на пять основных отличий социалистического учения хартии от марксистского социализма: 1) вера в религию и пророков; 2) отказ от диктатуры какого бы то ни было класса, в том числе пролетариата; 3) сохранение индивидуального владения землей, даже в рамках кооперации; 4) сохранение неэксплуататорской частной собственности; 5) отказ от насилия против «реакци-

онных классов» и урегулирование социальных противоречий мирным путем. В то же время в июне 1963 г. руководство ОАР признало за египетскими марксистами при условии их отказа от организационной самостоятельности право «свободно высказываться и активно участвовать в строительстве социализма», но в «четко определенных рамках» АСС.

Идеология АСС со всеми ее специфическими чертами свидетельствует о сложных условиях, в которых происходит движение страны по некапиталистическому пути. В процессе этого движения революционные лидеры, у которых представления о социализме переплетаются с националистическими и религиозными убеждениями, опираясь на широкие народные массы, стремятся в то же время сгладить классовые противоречия, привлечь на свою сторону среднюю буржуазию города и деревни. Многообразие стоящих за ними социальных сил неизбежно отражается и в идеологии.

Программа Фронта национального освобождения Алжира. Программными документами ФНО Алжира являются принятая в июне 1962 г. Триполийская программа и утвержденная в апреле 1964 г. Алжирская хартия. Первый документ возник накануне завоевания страной независимости и содержал основные требования сложившейся за годы освободительной войны широкой коалиции пролетарских и непролетарских трудовых слоев города и деревни (крестьянства, рабочего класса, мелкой буржуазии и национальной интеллигенции). Алжирская хартия явилась дальнейшим развитием и углублением Триполийской программы на базе опыта почти двухлетнего независимого развития страны и четче отражала взгляды наиболее прогрессивного крыла интеллигенции, городского пролетариата, сельскохозяйственных рабочих. После июня 1965 г. созданный в рамках ФНО Революционный совет объявил, что будет руководствоваться «Триполийской программой, подтвержденной в Алжирской хартии».

Триполийская программа указывала, что «после борьбы за национальную независимость последует народная демократическая революция», означающая «сознательное строительство на основе социалистических принципов и народо-властия». Предусматривалось проведение аграрной реформы по принципу «земля тем, кто ее обрабатывает» с одновременным ограничением земельной собственности и «демократической организацией крестьян в производственные кооперативы». Одним из требований программы предусматривалась национализация природных ресурсов страны, банков, транспорта и внешней торговли, ликвидация засилья иностранного капитала, ограничение «развития местной буржуазии». Осуждая «экономический либерализм», т. е. свободу частного предпринимательства, программа отстаивала «политику пла-

нирования при демократическом участии масс в руководстве экономикой».

Призывая сопротивляться новой тактике империалистов, повсюду оставляющих у власти «узкие буржуазные или бюрократические слои», программа выступала за продолжение антиимпериалистической борьбы. Признавая движущими силами революции крестьян, сельскохозяйственных и промышленных рабочих, передовую интеллигенцию и мелкую буржуазию, программа отвергала претензии национальной буржуазии на руководство революцией, но рассматривала ее как участника революции. Подчеркивалась самобытность «национальной и революционной культуры», в формировании которой значительное место отводилось религии ислама. В программе осуждалось антидемократическое пренебрежение простыми людьми, прежде всего выходцами из крестьян. В качестве причин этого явления назывались «феодалное мышление» и «мелкобуржуазный дух». Программа выступала в поддержку социальных требований и прав трудящихся.

Алжирская хартия более четко, нежели Триполийская программа, сформулировала политические цели ФНО: строительство социализма, передача власти рабочим и крестьянам, обобществление частного сектора, стимулирование индустриализации. «Социальной основой, на которую опирается революционная власть,— говорится в хартии,— могут быть только трудящиеся массы в союзе с беднейшим крестьянством... и с революционной интеллигенцией... Бороться за союз беднейшего крестьянства, городских и сельских рабочих — это значит создавать одно из самых важнейших условий для победы социализма». Переживаемый Алжиром после завоевания независимости этап развития Алжирская хартия определила как переходный «период организации общества, готовящегося к социализму на базе отмены эксплуатации человека человеком, создания материальных и социальных основ для быстрого развития творческой энергии трудящихся». Хартия призывает к постоянной борьбе с «эксплуататорской частной собственностью» землевладельцев и капиталистов вплоть до полного ее уничтожения, предлагая в то же время «политику нейтрализации» по отношению к «неэксплуататорской частной собственности» среднего крестьянства и городской мелкой буржуазии. «Главной особенностью Алжира, идущего к социализму», признается самоуправление. В хартии указывается: «В самоуправлении проявляется и будет проявляться непрерывное развитие национальной народной революции в революцию социалистическую... В этом процессе роль городских трудящихся наряду с сельскими трудящимися самоуправляемого сектора становится все более решающей».

Триполдийская программа и Алжирская хартия после июньских событий 1965 г. были дополнены рядом заявлений руководителей правительства и Революционного совета. В частности, в первой декларации Революционного совета указывалось: «Глубокое преобразование нашего общества возможно лишь при учете нашей веры, наших убеждений, вековых традиций нашего народа и его моральных ценностей». Впоследствии совет признал принцип самоуправления «одним из основных факторов нашего социалистического выбора», а своей задачей — «обеспечение строительства экономики страны на прочных основах, отвечающих реальным возможностям построения подлинно здорового социалистического общества в соответствии с нашими традициями и нашими особенностями, для обеспечения процветания нашей страны и социальной справедливости».

Идеология баасистов. Большой интерес в идеологическом отношении представляют программные установки партии «Баас», которые, кстати, в основном не проводились в жизнь правыми лидерами партии вплоть до 1965 г., когда в руководстве «Баас» стало преобладать левое крыло. В первой программе (1947 г.) партия провозглашала своим кредо арабский национализм, представляющий собой «стремление народов арабских стран к освобождению арабской нации, объединению ее в единое государство и строительству социализма на демократических основах». С тех пор положения программы партии дополнялись и уточнялись в 1959, 1963, 1965 и в 1966 гг. В «Общих принципах программы» (1963 г.) «Баас» выступает за «экономическую революцию в интересах нации», передачу всех богатств народу, за их распределение на справедливой основе, за ликвидацию всякой эксплуатации, за контроль над внешней и внутренней торговлей, планирование экономики и социальное обеспечение. «Баас» высказывается за ограничение земельной собственности до пределов, обеспечивающих собственнику земли возможность обрабатывать ее без эксплуатации наемного труда и ограничение собственности в промышленности до «небольших размеров, характерных для собственности большинства граждан страны». Целями партии провозглашены были в 1965 г. «революционное преобразование общественных отношений», приобщение трудящихся к участию в «демократическом управлении» производством и в прибылях. «Режим, где массы не участвуют в руководстве, обречен на провал, даже если он и несет в себе зерна поверхностного прогресса», — отмечается в программе 1965 г. С 1963 г. «Баас», ранее отрицавшая классовую борьбу и марксизм, стала признавать значение классовой борьбы и даже рассматривать марксизм «как главный источник научной социалистической мысли». В 1966—1967 гг. в связи с уси-

лением агрессивности Израиля и конфликтом с «Ирак петролеум компани» партия выдвинула лозунг «борьбы социалистов против империализма, сионизма и монополий».

«Бирманский путь к социализму». Политическая платформа Революционного совета Бирмы отражена в политической декларации «Бирманский путь к социализму», принятой 30 апреля 1962 г., а его идеология — в документе «Система взаимосвязи человека и окружающей его среды», обнародованном в январе 1963 г. Он явился теоретической основой бирманского пути к социализму. Эти два документа решительно отрицают путь капиталистического развития для Бирмы; в них подчеркивается, что Революционный совет, отвергая любую систему, при которой человек эксплуатирует человека и живет за счет присвоения чужого труда, «полон решимости неуклонно идти вместе с народом Бирманского Союза к социалистической цели». Декларация «Бирманский путь к социализму» выдвигает задачу построения национальной экономики на базе государственной и кооперативной форм собственности. Главная политическая идея декларации состоит в отрицании буржуазного парламентаризма и утверждении новой политической формы государства, опирающегося на народные массы и призванного сыграть решающую роль в деле осуществления революционных социально-экономических преобразований на путях к социализму.

В идеологическом отношении программа Революционного совета не только означает разрыв с идейно-политическими взглядами национально-буржуазного руководства бывшей правящей в 1948—1962 гг. партии АЛНС, основанными на концепциях реформистского «демократического социализма», в определенной мере приспособленного к бирманским условиям, но и представляет значительный шаг вперед. Несмотря на недостатки, проистекающие от недопонимания научного социализма, несмотря на многие мелкобуржуазные представления, программа является в основе своей революционно-демократической, отражающей стремления служить интересам народа.

Политическая декларация «Бирманский путь к социализму» провозгласила, что движение к социализму через ту форму демократии, которая существовала в Бирме, невозможно. Поэтому нужно развивать «только такую форму демократии, которая действительно обеспечит социалистическое развитие». Была выдвинута задача построения социалистического демократического государства «с целью создания передовой социалистической экономики. Авангардом и стражем социалистического демократического государства являются главным образом крестьяне и рабочие. В нем также найдут место средние слои и все те, кто честно и верно работает на общее дело».

Само содержание философских основ со всей очевидностью показывает, что авторы пытались использовать многие положения научного социализма, соответствующие духу и цели программы Революционного совета. Это относится в первую очередь к признанию ими категорий производительных сил и производственных отношений, их роли в развитии общества, к признанию классовой борьбы и необходимости свержения отживающих классов, являющихся тормозом для дальнейшего прогресса, и т. д. Близкими к марксизму являются и определения таких понятий, как «социалистическая демократия», «социалистическая экономика» и т. д.

Вместе с тем основополагающие документы Революционного совета не ставят четко такой капитальный вопрос, как роль рабочего класса в процессе борьбы за социалистическую перспективу. В этих документах приоритет почти целиком отдается крестьянству, причем по смыслу следует, что крестьянство уже сейчас будто бы является социалистической силой. Есть в этих документах и недостаточно ясное представление о трудностях пути к социализму, неизбежных для такой экономически отсталой страны, какой является Бирма.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о сложности воззрений революционных патриотов и демократов, отражающих представления огромного, в подавляющей своей части крестьянского большинства народных масс Азии и Африки, еще далеко не завершивших в своем сознании труднейший переход от средневековых — религиозных и патриархальных — представлений к современному революционному мировоззрению масс, еще недостаточно оснащенных более высоким революционным опытом классовых противоречий. Сложность идеологии на этапе некапиталистического развития порождена, следовательно, сложным и противоречивым характером самого этого процесса, а также исторических условий и социальной среды, в которых данная идеология формировалась. Однако в самом существенном и в самом главном доктрины революционных патриотов и демократов отражают нынешний этап национально-освободительных революций, когда претворение в жизнь демократических преобразований в развивающихся государствах Азии и Африки постепенно переводит их на некапиталистический путь развития и пролагает путь к социализму.

Сама практика общественной жизни в ходе углубления революции побуждает революционных патриотов и демократов уточнять и обогащать свои философские и социально-экономические концепции новыми положениями, отражающими их эволюцию в сторону научного социализма. Это справедливо и в отношении революционных демократов Гвинеи и

Мали, еще до прихода к власти прошедших школу политического воспитания в прогрессивных кругах метрополии и симпатизировавших идее социализма. Их путь к власти лежал не через свержение представителей буржуазии, как у патриотов Бирмы, Сирии, ОАР и некоторых других стран. Однако и их опыт свидетельствует о том, что исходным пунктом эволюции революционных демократов в сторону сближения со сторонниками научного социализма служит общность позиций и взглядов на ликвидацию последствий колониализма, уничтожение феодального землевладения, изживание феодального и племенного сепаратизма, обуздание частнокапиталистической стихии, укрепление мира и другие неотложные проблемы современности. Именно вокруг решения этих коренных социально-экономических и политических проблем складывается единство действий революционных патриотов и демократов и марксистов-ленинцев.

Отстаиваемые и проводимые революционными патриотами и демократами социально-экономические преобразования независимо от их субъективных устремлений ведут к усилению влияния рабочего класса на ход общественного развития. Проверенное на опыте многих десятилетий классовый характер борьбы положительно о всемирно-исторической роли рабочего класса в революционном преобразовании мира оказывает все большее влияние на идеологию революционных патриотов и демократов. Международным аспектом этого процесса является осознание ими необходимости и благотворности тесного союза, растущих контактов с Коммунистической партией Советского Союза, с лагерем социализма и международным рабочим движением. Нельзя при этом не учитывать, что не только массы, но и революционные демократы быстрее воспринимают политические и экономические концепции научного социализма, чем его философию и мировоззрение в целом.

Опыт Алжира, ОАР, Бирмы, Мали и некоторых других стран свидетельствует, что социально-экономические преобразования при всей их незавершенности подчас принимают более радикальный характер, чем это было предусмотрено программами. Более того, нередко теоретическое осмысливание совершенных преобразований начинается уже после их превращения в жизнь. Ныне решаются не только задачи антиимпериалистической и антифеодальной революций, но и важные задачи борьбы против капитализма. Если в эпоху Великой французской буржуазной революции мелкобуржуазные радикалы-якобинцы наиболее решительно и последовательно расчищали дорогу для капиталистического развития, сделав это за буржуазию, то ныне современные революционные демократы, осуществляя наиболее решительно и последовательно общедемократические мероприятия, делают шаги по

направлению к социализму, постепенно закрывая дорогу капиталистическому развитию. В этом проявляется, в частности, важнейшая закономерность нашей эпохи — переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

Эволюция «африканского социализма». Политические убеждения руководителей стран Тропической Африки чрезвычайно неоднородны. С одной стороны, африканские лидеры находятся под сильным влиянием буржуазной идеологии, с другой — под несомненным воздействием научного социализма. Некоторые руководители отдают дань утопическим религиозно-этическим теориям. Эклектизм в теории — результат промежуточного положения африканской интеллигенции между пролетариатом и буржуазией.

Африканские идеологи и политики не разработали какого-либо единого мировоззрения. Но следует отметить распространенность на континенте концепций «африканского социализма». Президент Сенегала Сенгор указывает: «Только социализм может решить проблему нашего развития». Целью партии КАНУ является, судя по ее избирательному манифесту (1963 г.), создание «демократической африканской социалистической Кении».

О строительстве социалистического общества неоднократно заявляли руководители Мали, Дагомеи, Танзании, Конго (Браззавиль) и других стран. При этом, за очень редкими исключениями, всегда подчеркивался момент самобытности. Африке нужен не просто социализм, а социализм, приспособленный к ее специфическим условиям, иными словами, некий африканский социализм.

Обосновывая закономерность употребления эпитета «африканский», его сторонники обычно ссылаются на бедность африканского общества и на особые исторические пути развития своего континента. Схема их построений примерно такова. До колонизации африканское общество уже было социалистическим или близким к этому; классов не было, они не сложились и при колониальном режиме. Сейчас, когда этот режим свергнут, странам Африки ничего не стоит вернуться к социализму безо всякой, в отличие от многих стран Европы и Азии, классовой борьбы. «Мы в Африке не нуждаемся больше в том, чтобы нас „обращали“ в социализм или учили демократии, — пишет президент Танзании Юлиус Ньерере. — И то и другое уходит корнями в наше далекое прошлое, в традиционное африканское общество, породившее нас». Но в таком случае, продолжают развивать свою мысль идеологи африканской самобытности, Африка не нуждается и в идеологии, проповедующей классовую борьбу, — научном социализме, который к тому же зародился в Европе в XIX в. и применим только к Европе. Спасение Африки — свой, особый, аф-

риканский социализм, независимый как от идеологии Востока, так и от идеологии Запада.

Приведем еще одно высказывание теоретика «африканского социализма» Ньерере. По Ньерере, социализм «противостоит капитализму, стремящемуся построить счастливое общество на основе эксплуатации человека человеком; точно так же он противостоит доктринерскому социализму, стремящемуся в свою очередь построить счастливое общество на основе философии неизбежного конфликта между людьми».

Африканские теоретики вольно или невольно недооценивают степень классовой дифференциации. Но африканское общество наших дней нигде не является полностью однородным, бесклассовым. В период независимого существования четко наметились тенденции не к нивелировке классовых различий, а, наоборот, к углублению классовых противоречий между народившейся буржуазией и пролетариатом. И пролетариат, и национальная буржуазия получили новые возможности развития (правда, в некоторых странах проводится сверху политика ограничения роста буржуазии). Но и там буржуа не без успеха находят обходные пути. Совершенно неправомерно поэтому говорить о полной гармонии интересов и отсутствии классовых противоречий между пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и буржуазией — с другой.

Возьмем в качестве примера Сенегал. По данным сенегальских исследователей, примерно 77% населения страны составляют крестьяне (земледельцы, пастухи, рыбаки), 17% — рабочий класс и сходные с ним по материальному положению или вышедшие из него слои (полупролетарии, люмпен-пролетарии, ремесленники, мелкие служащие, мелкое чиновничество), 5% — мелкобуржуазные слои и 0,4% — правящие классы (землевладельцы, средняя буржуазия, «бюрократическая буржуазия»). Разумеется, о «гармонии интересов» горстки эксплуататоров и сенегальских трудящихся, равно как и об отсутствии классовых противоречий в сенегальском обществе, не может быть и речи.

Те, кто разделяет взгляды «африканских социалистов», очевидно, не могут отвлекаться от такого фактора, как рост забастовочного движения после завоевания независимости. По данным Международной организации труда, на Береге Слоновой Кости (1960—1962 гг.) произошло 55 трудовых конфликтов, в Малагасийской Республике (1960—1963 гг.) — 63, в Танганьике (1962—1963 гг.) — 237, в Нигерии (1961—1963 гг.) — 164. Даже этих цифр достаточно для того, чтобы сделать вывод о наличии классовых противоречий в Тропической Африке.

Сторонники «африканского социализма» идеализируют сельскую общину, которая теряет свой демократический

характер. Всеми ее делами стремится вершить феодализирующая племенная верхушка в союзе с кулацко-фермерской прослойкой. Африканское общество — общество мелких товаропроизводителей; в современной африканской деревне существуют реальные предпосылки дальнейшего развития капитализма в земледелии. Живучесть общины сама по себе отнюдь не обеспечит перехода к социалистическому способу производства, если государство не будет проводить определенной политики, направленной на ограничение развития капитализма и поддержку государственного предпринимательства, передачу средств производства трудящимся и их кооперирование.

Первобытный коммунизм и его пережиточные формы действительно существовали в Африке задолго до прихода колонизаторов. Но нельзя фетишизировать их. Неверно будет усматривать в нем реальный базис для строительства социализма. Первобытнообщинный строй и социализм — категории качественно разнопорядковые. Коллективная собственность на средства производства при родовом строе — результат низкого уровня развития производительных сил. При социализме же коллективная собственность людей на средства производства — результат высокого уровня развития производительных сил. Переход от производственных отношений родового общества к социалистическим производственным отношениям представляет собой колоссальный качественный скачок в развитии общества. Никакого автоматизма в эволюции от первобытнообщинного строя к социализму не может быть. Еще меньше оснований ожидать этого автоматизма тогда, когда родовой строй перестал быть подлинным родовым строем, действительно основанным на кровном родстве и первобытной демократии. В Африке XX в. сохранились лишь пережитки родового строя, которые служат прикрытием для феодальной или капиталистической эксплуатации одного сородича другим. Но именно такие пережитки иногда выдаются за родовой строй, как таковой.

Сторонников «африканского социализма» обычно объединяет мнение о том, что, на их взгляд, научный социализм по самой своей природе не в состоянии учесть специфики Африки, ибо он возник на европейской почве. «Следует всегда иметь в виду, — пишет Л. Сенгор, — что диалектический материализм — продукт соответствующей исторической эпохи и географического района: он зародился в Западной Европе в середине XIX в. Будучи порожденным этой средой, он был предназначен главным образом для преобразования этой же самой среды. Кстати, Маркс сам неоднократно заявлял об этом... Поэтому накладывать метод Маркса на негро-африканскую, на западноафриканскую действительность — значит

«двойне изменять Марксу». Но творчески мыслящие марксисты никогда не «накладывали» метод Маркса вслепую, без учета национальной специфики какой бы то ни было страны. Одна из важнейших черт марксизма как раз и состоит в том, что он требует конкретно-исторического анализа специфических условий каждой страны, строящей социализм. В соответствии с этим требованием В. И. Ленин и его соратники учитывали, например, особенности перехода к социализму различных народов царской России, которые находились к 1917 г. на разных этапах социально-экономического развития. В результате этого формы и темпы социалистической реконструкции хозяйства на национальных окраинах отнюдь не копировали формы и темпы, разработанные для центральных районов России. Напротив, велась борьба против шаблонного перенесения опыта социалистического строительства из одних районов в другие.

Распространенность концепций «африканской исключительности» и «идеологической независимости» вызвана двумя причинами. Об одной говорилось выше: на континенте долгое время извне насаждалась буржуазная идеология, которая и послужила питательной средой для националистических теорий, формально надклассовых, но по существу буржуазных. Другая причина — насильственная политика духовной ассимиляции, десятилетиями проводившаяся колонизаторами, в особенности французскими и португальскими, по отношению к африканской интеллигенции.

Отсюда — стремление дать миру нечто новое, оригинальное, самобытное во всех областях общественной жизни, «догнав» таким образом другие страны. Однако верная посылка — реабилитация достоинства угнетенных народов — часто приводит африканских теоретиков к нигилистическому отрицанию всего, что свойственно другим континентам. Своеобразное негативное кредо «африканской исключительности» сформулировал Бубу Ама — один из руководителей Республики Нигер. По его мнению, «Африка не должна быть ни мусульманской, ни католической, ни коммунистической, ни капиталистической». Африканской самобытности, как видно, отдается чрезмерная дань, она превращается в африканскую исключительность, а это уже опасно. Объективно это может способствовать духовной изоляции континента на антидемократической основе.

Нельзя считать концепции сторонников «африканского социализма» тождественными. Одни африканские теоретики, испытывающие сильное влияние научного социализма и потому приближающиеся к нему, являются представителями революционно-демократического крыла «африканского социализма». Таковы, например, передовые воззрения идеологов Мали,

Гвинеи, Конго (Браззавиль), а в последнее время Танзании. Другие представляют консервативно-реформистское направление. Третьих нельзя назвать иначе, как мнимыми социалистами.

Расплывчатость и эклектизм идейных платформ некоторых африканских лидеров, их поиски некоего «третьего пути», срединного между капитализмом и социализмом, максимально используются неокOLONIZаторами. Буржуазные деятели заигрывают с африканскими лидерами, занятыми поисками особого, «африканского социализма», понимая, что такой социализм отнюдь не является противовесом капитализму. Вот два примера. Западногерманский автор Адольф Куммернусс пытается сбить с толку африканских деятелей сомнительными рассуждениями о самобытности «кооперации по-африкански». «Похоже на то, — пишет он, — что кооперация — это и есть африканский путь решения экономических проблем, лежащий посредине между экономической политикой Востока и Запада». В действительности никакой «африканской кооперации» нет. Истории известны капиталистическая и социалистическая кооперации, и именно один из этих путей предстоит выбрать африканским крестьянам. В теоретическую путаницу, которая и без того характерна для умонастроений многих африканских интеллигентов, вносят свою лепту и церковники, открывшие еще один, «третий путь» для Африки. «В социально-экономическом плане, — читаем мы в газете бельгийских католиков, издающейся в Бурунди, — церковная доктрина находится как раз посредине между теориями коммунизма и либерального капитализма».

Распространение социалистических теорий в Африке отражает возрастающее влияние мировой социалистической системы. С социализмом народы бывших колоний связывают, и не без оснований, свои надежды на кратчайший путь ликвидации вековой отсталости и нищеты. С ростом могущества социалистического лагеря сила примера победившего социализма будет оказывать еще большее влияние на эволюцию взглядов африканских интеллигентов от социализма мелкобуржуазного к социализму научному.

Для этого понадобится много времени. Нельзя переоценивать степень зрелости идейных позиций многих африканских лидеров. Есть среди этих лидеров и правые элементы и люди, не изжившие антикоммунистических предубеждений. Но сама жизнь выделяет носителей мелкобуржуазной и крестьянской революционности, зачастую стихийной, из общего потока «африканского социализма» и направляет их идейный поиск в правильную сторону, в сторону научного социализма и его применения в условиях Тропической Африки.

Некапиталистическое развитие на современном этапе мирового революционного процесса

Опыт Бирмы, Алжира, ОАР, Сирии и ряда других стран показывает, что борьба за решение задач национального возрождения — весьма длительный процесс, составляющий содержание целого периода в истории народов Азии и Африки. Поспешные социологические обобщения могут лишь схематизировать, обеднить и в конечном счете исказить сложный и противоречивый характер этого процесса, сопровождающегося не только успехами, но и отдельными ошибками, не только удачными экспериментами, но и неизбежными отступлениями. Это своего рода непрерывный поиск форм общественно-экономического устройства, в наибольшей степени отвечающих как уровню развития, достигнутому той или иной страной, так и той мировой ситуации, наступление которой предвидел В. И. Ленин. «Социалистическая революция, — писал он, — не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма» *.

Некоторые теоретические аспекты некапиталистического развития. Учение о некапиталистическом пути исходит из положения исторического материализма о том, что прохождение всеми народами всех общественно-экономических формаций вовсе не обязательно, что поэтому можно миновать в своем развитии какую-либо из формаций, если такая формация уже исчерпала свои прогрессивные возможности с точки зрения общемирового развития, а в мире уже существует более передовая общественная система. «Не только возможно, но и несомненно, — писал Энгельс, — что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западноевропейских народов те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе» **.

* В. И. Ленин, *Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 327.

** Ф. Энгельс, *Послесловие к работе «О социальном вопросе в России»*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 22, стр. 445—446.

Если в эпоху Маркса и Энгельса вопрос о «перескакивании» через определенные этапы общественного развития для перехода к социализму относился по преимуществу к области теории, то спустя четверть века — после победы Октября — эта проблема практически встала перед всем международным коммунистическим и рабочим движением. Выступая на II конгрессе Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин призывал **«установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития (подчеркнуто нами. — Авт.) — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»***.

Существует склонность давать чрезмерно абсолютизированное и в то же время ограниченное истолкование этого ленинского положения, как относящегося исключительно к странам, вообще не знавшим капитализма — во всяком случае в виде более или менее сложившегося уклада. Между тем из приведенной формулы совершенно очевидно, что В. И. Ленин имел в виду минование «капиталистической стадии развития», полное прохождение которой предполагает развитие капитализма из отдельных очагов, а затем подчиненного уклада феодальной структуры в зрелую, а потом и господствующую социально-экономическую формацию. В эпоху империализма основным признаком достижения зрелости и господства становится государственно-монополистический капитализм с присущим ему уровнем производительных сил, организацией и соответствующей социально-классовой структурой. От государственно-монополистического капитализма, по выражению Ленина, только «один шаг до социализма». Число «определенных ступеней развития», подводящих к социализму и коммунизму, возрастает, чем менее развит в данной стране капитализм.

Из этого, понятно, не следует впадать в противоположную крайность — подводить под некапиталистический путь переход к социалистическому развитию всех стран с домонополистической стадией капитализма и тем более стран, где финансовый капитал не достиг полной зрелости к моменту революционного переворота. Здесь, по-видимому, необходимо напомнить и о политическом критерии некапиталистического развития, а именно — об отсутствии или слабости пролетариата, который не может стать руководителем общества и государства на этапе подвода и начала перехода к социалистическому строительству. Поэтому-то В. И. Ленин и выдвинул «крестьянские советы» в качестве формы власти, отвечающей некапиталистическому развитию. Другое дело, что марксисты,

* В. И. Ленин, *II Конгресс Коммунистического Интернационала, 19 июля — 7 августа 1920 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 246

творчески осмысливая происходящие в странах Азии и Африки преобразования, заключают, что некапиталистическое развитие может начаться и протекать при государственном руководстве не только крестьянства, но и других непролетарских сил (средних слоев, городской мелкой буржуазии), причем расширяющееся участие пролетариата (или элементов, его представляющих) в государственной жизни является оптимальной предпосылкой конечного успеха.

Первым помимо некоторых народов нашей страны на некапиталистический путь, на путь ряда особых переходных мер, стал народ пограничной с СССР Монголии. В современных условиях, после образования мощной мировой социалистической системы, возможности некапиталистического развития открылись практически перед любой внутренне подготовленной к этому страной независимо от ее географического положения. В нашу эпоху некапиталистический путь — это своеобразная форма подхода и перехода к социализму — при поддержке мировой социалистической системы — бывших колоний и полуколоний, где местный капитализм не развит или развит слабо, где капиталистические отношения не внедрились глубоко в жизнь населения.

В некапиталистическом развитии бывших колоний и полуколоний проявляется многообразие путей, ведущих к социализму в современном мире. Особенности этого пути состоят прежде всего в том, что многие из материальных и социальных предпосылок социализма, которые в развитых буржуазных странах стихийно сложились в недрах капитализма (крупное механизированное производство в промышленности и сельском хозяйстве, формирование рабочего класса и трудовой интеллигенции, тесные экономические связи различных частей страны, соответствующая инфраструктура и т. п.), — в экономически отсталых странах могут целенаправленно формироваться в ходе самого некапиталистического развития. Одновременно повсеместно осуществляется культурная революция, в первую очередь широкая ликвидация неграмотности.

Если внутренняя сторона перехода стран Азии и Африки на некапиталистический путь развития, как наиболее эффективное средство борьбы с экономической отсталостью и зависимостью от империализма, заключается в оптимальном использовании национальных ресурсов, то внешняя сторона этого перехода состоит во все возрастающем влиянии на ход национально-освободительного движения мировой системы социализма и опыта социалистических стран.

Некапиталистическое развитие — часть мирового революционного процесса. Союз с мировым социализмом, с рабочим движением в капиталистических странах — решающий фактор

успешного решения народами Азии и Африки коренных задач социально-экономического прогресса. Всякие попытки изолировать национально-освободительное движение от его союзников, выделить его из общего потока мировых революционных сил, обособить и придать ему самодовлеющее значение не только наносят удар единству сил, участвующих в общей антиимпериалистической борьбе, но и способны серьезно затормозить вступление некоторых освобождающихся народов на некапиталистический путь. Конечно, само решение вопроса о том, по какому пути идти, зависит прежде всего от соотношения классовых сил внутри данной страны, от характера государственной власти. В условиях лишения буржуазно-помещичьих кругов возможности определять государственную жизнь и прихода к власти революционно-демократических сил, опирающихся в основном на непролетарские и полупролетарские трудящиеся массы, начинают осуществляться, как показывает практика, социально-экономические преобразования, имеющие антикапиталистическую направленность. Так развивается революционный процесс в Бирме, ОАР, Сирии. В Алжире приход к власти революционных патриотов совпал с завершением борьбы за независимость и созданием национального правительства. Национально-демократический строй был установлен и в ходе образования некоторых новых государств Африки [Мали, Конго (Браззавиль), Гвинея].

Уже сейчас можно говорить о том, что в этих странах заложен или закладывается фундамент для следования по некапиталистическому пути и, как было показано, сделан ряд важных шагов в этом направлении: создан государственный сектор, ограничена частнопредпринимательская стихия, существенно подорваны позиции иностранного и крупного национального капитала, осуществляется наступление на позиции феодалов как класса. По мере последовательной реализации общедемократических преобразований создаются условия для постепенных прогрессивных изменений социальной структуры и общественно-производственных отношений. Речь, конечно, еще не идет, да и не может идти, о полном обобществлении всех средств производства и ликвидации всякой эксплуатации человека человеком, о кардинальном решении аграрно-крестьянского вопроса путем распространения производственной кооперации в деревне, о рациональном научном планировании многоукладной экономики.

Проводимые здесь преобразования представляют собой комплекс антиимпериалистических, антифеодалных и антибуржуазных переходных мер, целенаправленно осуществляемых в ходе борьбы за экономическую самостоятельность и социальный прогресс. В зависимости от специфических условий каждой конкретной страны, в зависимости от общего уровня

ее социального и экономического развития, степени завершенности процесса классового образования и состояния производительных сил объективное содержание некапиталистического развития может быть различным и решать различные первоочередные задачи. В рассмотренных странах в силу отсталости и многоукладности их экономики, как правило, приходится решать многие задачи более или менее одновременно: ликвидировать позиции колониального господства; ограничивать развитие местного капитализма; ликвидировать феодальный и полуфеодальный уклады, господствующие в сельском хозяйстве и накладывающие свой отпечаток на все сферы экономической жизни; развивать производительные силы, скованные различными докапиталистическими и даже дофеодальными (например, патриархально-общинными или родо-племенными) отношениями. В подобных условиях часто можно наблюдать одновременно борьбу против господства иностранного капитала в промышленности и банковской системе, национального капитала — в торговле и сфере услуг, помещиков и полуфеодальных элементов — в деревне, а также борьбу за вовлечение в современное производство кочевников пустынь и горцев труднодоступных районов, остающихся еще во многих случаях вне воздействия экономических связей и современной культуры.

Переход к новому, некапиталистическому этапу в развитии целой группы государств протекает крайне неравномерно. В Бирме, ОАР, Алжире и Сирии социально-экономические преобразования приобрели более глубокий характер. Однако и в этих странах, находящихся на начальных этапах некапиталистического развития, этот процесс при всей сложности и разнородности общественной жизни в каждой из них еще не выходит в общем и целом за рамки общедемократических преобразований; но сами по себе эти преобразования со всей убедительностью подтверждают всеобщность ленинских идей об исторической значимости демократии для борьбы за социализм.

Международной силой, стимулирующей развитие общественных движений в сторону социализма, является мировая социалистическая система, которая выполняет функцию пролетарского авангарда, помогающего народам, ставшим на путь коренных социально-экономических преобразований. Она помогает их освобождению от империалистического гнета и решению назревших исторических задач. Действуя так, социалистические государства исходят из ленинских положений о взаимоотношениях пролетариата стран победившего социализма с мелкобуржуазными, полупролетарскими слоями, составляющими подавляющее большинство населения развивающихся стран. От эффективности этого сотрудни-

чества зависят судьбы афро-азиатских народов в ближайшем историческом будущем. Речь идет о выполнении применительно к современности ленинского указания о необходимости осуществить «возможно более тесный союз западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях и отсталых странах вообще» *.

Коммунистическая партия Советского Союза последовательно руководствуется ленинскими указаниями. На XXIII съезде среди приглашенных присутствовали делегации двенадцати национально-демократических партий — Арабского социалистического союза ОАР, партии Суданский союз Республики Мали, Демократической партии Гвинеи, партии Национальное революционное движение Конго (Браззавиль) и др. Это явилось признанием прогрессивной роли революционной демократии в борьбе за некапиталистический путь развития.

Обобщая опыт, накопленный национально-освободительным движением после XX съезда КПСС, XXIII съезд КПСС, в частности, констатировал такое важное явление в жизни народов Азии и Африки, как возникновение новых революционно-патриотических режимов, добивающихся ликвидации вековой отсталости и связывающих улучшение условий жизни с некапиталистическим путем развития. «...Советский Союз, — указывается в резолюции съезда, — строит свои отношения с ними на основах полного равноправия, дружбы и взаимной поддержки» **.

Национально-демократические революции, ставшие исходным пунктом некапиталистического развития, развертываются пока лишь в нескольких странах. Однако факторы, которые вызвали к жизни и двигали вперед этот процесс, действуют также в других освободившихся странах. Необходимость осуществления общедемократической программы порождает в них антикапиталистические тенденции, которые проявляются с большей или меньшей силой. Опыт показывает, что главная функция революционно-патриотических режимов, стоящих на антиимпериалистических, антифеодальных, антикапиталистических позициях, заключается в полном, сознательном и целенаправленном осуществлении демократических преобразований; они не ограничиваются суммой одних социально-экономических мероприятий, а предполагают преобразование политической надстройки, глубокие сдвиги в идейной жизни

* В. И. Ленин, *Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала*, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 167.

** «Резолюция XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС», — «Правда», 9 апреля 1966 г.

общества. В противном случае получают развитие бюрократические и реакционно-националистические явления, которые в состоянии поставить под угрозу и даже свести на нет прогрессивное значение экономических мероприятий, вырождаться в ту или иную форму государственного капитализма, обслуживающего буржуазию.

По мере углубления революционных преобразований все большее значение приобретает проблема государственной власти. Национально-демократические государства имеют тенденцию — через ряд промежуточных этапов и при соответствующих условиях — к перерастанию в государства социалистического типа.

Не исключена и другая возможность, когда в отдельных странах Азии, а возможно, и Африки в ходе относительно длительного развития капитализма и связанных с ним классов и обострения противоречий между ними могут сложиться такие объективные и субъективные условия, которые поставят прогрессивные силы общества перед неизбежностью непосредственной народно-демократической революции, которая также может привести к образованию государства социалистического типа.

Как видно, и в том и в другом варианте образованию государства социалистического типа предшествует определенный объем исторической работы в области экономики, социально-классовых сдвигов, идеологии, культуры. Если эта работа продвигается на путях капиталистического развития, она не решает задачи преодоления технико-экономической и социально-культурной отсталости. Как уже доказывалось, преодоление многоукладности не представляется посильной тому капитализму, который ныне развивается в отдельных странах Азии и Африки. Полное преодоление многоукладности не является, очевидно, исторически посильной задачей и для национально-демократического государства, ибо в ходе некапиталистического развития многоукладность существенно преобразуется, но не устраняется до конца. Таким образом, социалистическое государство в условиях Азии и Африки в исторически обозримом будущем может возникнуть на сравнительно многоукладном базисе с целью его полного социалистического преобразования и обеспечения мощного развития социалистических производительных сил.

Сама по себе первоначальная неадекватность социалистической государственной надстройки ее базису и производительным силам — явление, глубоко изученное марксистско-ленинской наукой и практически решенное в ходе социалистического строительства в Советском Союзе и некоторых восточноевропейских странах.

Для правильного ее преодоления в каждой стране, всту-

пающей на социалистический путь, необходим научный, глубоко обоснованный анализ того исходного социально-экономического уровня, с которым встречается социализм в данной национально-конкретной обстановке. Пренебрежение таким анализом приводит к волюнтаристскому догматизму.

Многообразие форм подхода и перехода к социализму как во всемирном масштабе, так и в масштабе афро-азиатского мира гениально предвидел В. И. Ленин. Он писал, что «дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»*. Ленин учил революционные партии понимать изменения и нарастания каждой революции, которая в каждой стране идет особым путем и через определенные политические этапы. «Кто ждет „чистой“ социальной революции, — иронизировал Ленин над догматиками и любителями игры в „марксистскую фразу“, — тот *никогда* ее не дожидется». «Думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит *отрекаться от социальной революции*»**.

Марксисты-ленинцы и подлинные революционные демократы, честно отдавшие себя службе народу, не могут произвольно выбирать тот или иной путь, ту или иную форму прихода к власти, а находят тот путь, ту форму, которая возникает из конкретных условий, в которых они борются во имя победы и торжества социализма. Именно в многообразии форм подхода и перехода к социализму — сила и неодолимость этого всемирно-исторического процесса, избавляющего всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждающего на земле мир, труд, свободу и счастье всех народов.

* В. И. Ленин, *О нашей революции*, — Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 381.

** В. И. Ленин, *Итоги дискуссии о самоопределении*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 54.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В МНР, КНР, КНДР И ДРВ

Монгольская Народная Республика

Строительство основ социализма. Монгольская Народная Республика, успешно завершив к 1940 г. первый этап антифеодальной и антиимпериалистической революции, приступила к строительству основ социализма еще до второй мировой войны. Поскольку война потребовала от монгольского народа переключения значительных материальных средств на военные нужды, темпы развития хозяйства и осуществления социально-экономических преобразований замедлились. После разгрома японского милитаризма монгольский народ получил возможность начать широкое строительство социализма.

Совместная борьба в годы войны еще больше сцементировала дружбу МНР и СССР. В связи с окончанием десятилетнего срока действия Протокола о взаимопомощи от 12 марта 1936 г. между двумя странами 27 февраля 1946 г. был подписан Договор о дружбе и взаимной помощи, а также Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. Договор предусматривал консультации при наличии угрозы нападения на СССР или МНР со стороны третьего государства и оказание всяческой, в том числе военной, помощи в случае военного нападения на одну из сторон. По Соглашению об экономическом и культурном сотрудничестве стороны взяли на себя обязательство «развивать и укреплять

существующее между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой сотрудничество в области народного хозяйства, культуры и просвещения». Опираясь на братскую помощь Советского Союза и его сотрудничество, МНР приступила к осуществлению планов социалистического строительства.

В декабре 1947 г. состоялся XI съезд МНРП, который принял директивы по первому пятилетнему плану на 1948—1952 гг. В плане был предусмотрен подъем животноводства как основной отрасли монгольской экономики, а также развитие промышленности, транспорта и связи, торговли. Серьезное внимание уделялось укреплению социалистического сектора в сельском хозяйстве — аратских производственных объединений (АПО), машинно-сенокосных станций и госхозов. Даже в 1947 г., когда в республике было уже 106 АПО, они объединяли в среднем лишь по 60 хозяйств и имели всего по 400 голов общественного скота, тогда как в личных хозяйствах членов каждого АПО насчитывалось иногда до 6 тыс. голов. Это был период становления кооперативов, когда араты осторожно, с оглядкой, присматривались к новой форме ведения животноводческого хозяйства.

Партия, учитывая опыт прошлых лет, не форсировала кооперирование аратских хозяйств, с тем чтобы араты сами на практике убедились в преимуществах кооперативного хозяйства; усилия концентрировались прежде всего на организационно-хозяйственном укреплении аратских производственных объединений. За годы первой пятилетки количество АПО выросло до 165, численность объединенных в них хозяйств — до 9 тыс., а поголовье общественного скота увеличилось до 280 тыс. Тем не менее АПО объединяли лишь 5% всех аратских хозяйств, обобществленный скот составлял только 1,2% всего поголовья в стране. За годы пятилетки объем промышленной продукции увеличился в полтора раза.

В феврале 1949 г. IX Великий Народный Хурал принял новый избирательный закон. Вместо многостепенной была введена система прямых выборов, устанавливались единые и равные нормы представительства для всех групп населения независимо от рода занятий, профессии и т. д. Принцип открытого голосования при выборах депутатов был заменен тайным. В связи с введением новой избирательной системы отпала необходимость в таком промежуточном звене, как Малый Хурал. Великий Народный Хурал стал единственным законодательным органом в республике. На основе новой избирательной системы в 1951 г. были проведены выборы в Великий Народный Хурал, который утвердил второй пятилетний план развития народного хозяйства и культуры МНР на 1953—1957 гг. Важнейшей задачей плана являлось укрепле-

ние и расширение социалистического сектора экономики и, в частности, развитие социалистического сектора в сельском хозяйстве. Предусматривалось значительное увеличение поголовья скота в объединениях за счет добровольного обобществления личного скота и за счет воспроизводства стада.

Для претворения в жизнь задач второй пятилетки были проведены мероприятия, направленные на повышение заинтересованности аратов в увеличении поголовья скота. Правительство ввело в действие новый закон, по которому поставки исчислялись не с планового, а с фактического поголовья скота. Животноводческие поставки были снижены примерно на 25%. В мае 1954 г. был издан новый закон о животноводческом налоге. Он предусматривал более дифференцированные ставки в зависимости от количества скота в хозяйстве. Одновременно были повышены заготовительные и закупочные цены на скот, шерсть, молоко и мясо. Такая налоговая и заготовительная политика прежде всего исходила из интересов бедняцких и середняцких слоев аратства. Оказывая помощь аратам-единоличникам, МНРП и правительство вместе с тем всячески поощряли рост аратского движения за добровольное объединение в производственные кооперативы.

Первый съезд передовиков аратских производственных объединений в марте 1955 г. утвердил Примерный устав сельскохозяйственных объединений (так стали называться бывшие АПО). В 1955 г. в республике было создано уже около 200 объединений, число членов СХО превысило 15 тыс., а поголовье скота достигло миллиона. Объединения стали более крупными, насчитывали в среднем по 105 хозяйств. Движение за кооперирование отражающее коренные интересы аратов, приняло массовый характер.

В годы второй пятилетки с помощью СССР и других социалистических стран в Монголии созданы крупные промышленные предприятия горнодобывающей промышленности, по переработке сельскохозяйственного сырья, электростанции. Численность рабочих и служащих вместе с их семьями составила к концу второй пятилетки свыше 26% населения, а доля промышленности во всей валовой продукции народного хозяйства достигла 41%. Большой размах приняло железнодорожное и автодорожное строительство, развитие средств связи.

Новый серьезный шаг по пути строительства социализма Монголия совершила в годы осуществления трехлетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР на 1958—1960 гг. Перед страной была поставлена историческая задача — осуществить в течение ближайших лет кооперирование основной массы аратства на основе строгого соблюдения принципа добровольности и организационно-хозяйственного

укрепления СХО. Для осуществления этой задачи в стране к этому времени созрели необходимые объективные и субъективные предпосылки: окреп союз рабочего класса с трудовым аратством, значительных успехов добилась промышленность, сельскохозяйственное объединение как форма добровольного кооперирования аратов завоевало их доверие. К весне 1959 г. в сельскохозяйственных кооперативах было объединено более 90% аратских хозяйств, а к концу 1959 г. в республике было 389 СХО, которые охватили уже 99,3% аратских хозяйств. Обобществленный скот составил 73,3% всего поголовья скота в МНР. Народное хозяйство республики стало базироваться на единой экономической основе — общенародной и кооперативной социалистической собственности. Мартовский (1959 г.) пленум ЦК МНРП констатировал: «У нас создана единая социалистическая система хозяйства, охватывающая как город, так и худон».

Решение такой сложной социально-экономической проблемы, как приобщение к социализму сотен тысяч мелких единоличных аратских хозяйств, требовало осуществления широкого комплекса политических, экономических, финансовых и других мероприятий.

С января 1960 г. в связи с завершением кооперирования СХО и хозяйства их членов полностью освобождались от уплаты скотоводческого налога. С этого времени СХО облагаются подоходным налогом в размере 12% от получаемого ими денежного дохода, что составляет немногим более 50% суммы, которую они уплачивали раньше по скотоводческому налогу.

Была также пересмотрена система заготовок животноводческой продукции: от поставок мяса освобождались члены СХО, имеющие от 3 до 3,5 бодо скота (в зависимости от зоны) в личном хозяйстве; повышались также заготовительные цены на продукцию животноводства, поступающую по государственным заготовкам: на молоко — на 50%, на кожи — на 50—80, на шерсть — на 200—300%.

Таким образом, налоговая и заготовительная политика государства была направлена, с одной стороны, на ограничение и вытеснение капиталистических элементов, а с другой — на оказание государственной помощи бедняцкой и середняцкой части аратства и новой, социалистической форме хозяйства. Государство стало продавать СХО рабочий и племенной скот, сельскохозяйственные машины и другую технику. В СХО помимо животноводства стало развиваться земледелие.

Машинно-животноводческие станции (МЖС), создававшиеся в стране с 1956 г. на базе конно-сенокосных станций, способствовали внедрению передовой техники и оказывали на

договорных началах разностороннюю помощь кооперативным хозяйствам в правильной организации общественного труда и повышении его производительности посредством механизации производственных процессов. Большое значение в кооперировании получила система государственного кредитования СХО и аратских хозяйств.

Этим не исчерпывается помощь государства кооперативным формам сельскохозяйственного производства. Исключительное значение имело укрепление сельскохозяйственных объединений квалифицированными руководителями. Партия направила на работу в СХО большие группы членов партии и специалистов из партийного и государственного актива. Одновременно были организованы постоянно действующие курсы по подготовке руководящих кадров для СХО.

Руководствуясь кооперативным планом Ленина, творчески применяя его к условиям МНР, преодолевая косность и формализм отдельных работников, а также объективные трудности (природно-экономические условия в стране, многоукладность экономики и др.), МНРП в ходе выполнения трехлетнего плана успешно завершила кооперирование индивидуальных аратских хозяйств — одну из труднейших задач социалистической революции. Эта задача в условиях Монголии была осуществлена без экспроприации крупных хозяйств зажиточных аратов; они вместе с бедняцко-средняцкой массой добровольно вступили в кооперативы. На базе СХО сформировался совершенно новый класс, свободный от частной собственности, спаянный единством общественных интересов, активно строящий социализм.

За годы трехлетки, как и прежде, главное внимание было направлено на подъем и укрепление отраслей перерабатывающей промышленности. Возможность опереться на тяжелую индустрию других социалистических стран, главным образом Советского Союза, значительно облегчала МНР эту задачу.

Важной формой широкого привлечения рабочих и инженерно-технических работников к руководству производством стали постоянные выборные производственные советы. Их деятельность направлена на то, чтобы способствовать выполнению государственного плана, вскрывать резервы производства, бороться за повышение производительности труда, совершенствовать методы управления производством. Помимо советов на промышленных предприятиях начали создаваться технические советы общества рационализаторов, развернулось широкое движение за создание бригад социалистического труда.

В годы трехлетки быстрыми темпами развивались транспорт и средства связи, торговля. Успешно решалась также задача развития земледелия. Посевные площади к 1960 г. до-

стигли 256,6 тыс. га. Республика получила возможность полностью удовлетворять потребности в зерне и выделять часть зерна для экспорта. Сельское хозяйство из одноотраслевого, животноводческого, превращалось в многоотраслевое.

Задачи создания основ социализма, намеченные третьей программой МНРП (программа принята на X съезде партии в 1940 г.), были в основном осуществлены. Прошедшие за эти годы значительные сдвиги в общественной структуре, экономической и культурной жизни МНР обусловили необходимость внесения изменений и дополнений в конституцию. За двадцать лет, прошедших со времени принятия конституции 1940 г., социально-экономическая структура монгольского общества претерпела коренные изменения. На месте двух секторов народного хозяйства, базировавшихся на двух противоположных формах собственности — социалистической и мелкой частной, была создана и утвердилась единая социалистическая система в масштабе всего народного хозяйства. Это повлекло за собой и перемены в классовой структуре монгольского общества: трудовые араты — самый многочисленный класс общества — превратились в строителей социалистического общества. С созданием в годы народной власти промышленности появился, вырос и окреп монгольский рабочий класс, взявший в свои руки дело завершения строительства социализма. Активное участие в создании нового строя принимает национальная интеллигенция.

За прошедший период вырос и международный авторитет МНР. Укрепились ее разносторонние связи со странами социализма. Монгольская Народная Республика установила дипломатические отношения со многими государствами мира.

Новая конституция, принятая Великим Народным Хуралом в 1960 г., закрепила исторические перемены в жизни монгольского народа. Конституция провозгласила: «Монгольская Народная Республика ставит перед собой цель: завершить социалистическое строительство и построить в дальнейшем коммунистическое общество». Конституция подтвердила, что в области внешней политики МНР проводила и будет проводить политику, направленную на обеспечение прочного мира, дружбы и сотрудничества со всеми народами, на всемерное укрепление братских отношений, нерушимой дружбы, тесного сотрудничества и взаимопомощи со странами социализма на основе принципов пролетарского интернационализма.

Новая конституция определила, что «МНР есть социалистическое государство рабочих, кооперированных трудящихся (аратов скотоводов и земледельцев), трудовой интеллигенции, основанное на союзе рабочего класса со всеми трудящимися». Конституция подчеркнула, что формой государства в

МНР является народная демократия, в условиях которой трудовой народ осуществляет свою власть через представительные органы — хуралы народных депутатов, избираемые тайным голосованием на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. «Экономическую основу МНР, — говорится в конституции, — составляет социалистическое хозяйство и социалистическая собственность на средства производства, созданные в результате длительной и напряженной борьбы трудящихся МНР и утвердившиеся в результате отмены частной собственности на средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком».

МНР на этапе развернутого строительства социализма. В июне — июле 1961 г. проходил XIV съезд Монгольской народно-революционной партии. Он отметил, что МНР вступила в новый период своего развития — завершение строительства социалистического общества. Съезд констатировал, что главным содержанием этого периода является всемерное развитие и завершение процесса создания материально-технической базы социализма. Основным звеном в решении поставленной задачи является индустриализация страны и механизация сельского хозяйства. Съезд одобрил третий пятилетний план развития народного хозяйства и культуры МНР на 1961—1965 гг. Его характерной чертой являлось то, что впервые в истории страны перспективное плановое развитие сельского хозяйства шло в условиях единой социалистической системы народного хозяйства.

По-прежнему в годы третьей пятилетки государство много внимания уделяло укреплению кооперативных хозяйств. В мае 1963 г. ЦК МНРП и Совет министров приняли постановление, которое предусматривало организацию сельскохозяйственных объединений по обработке земель, заготовке кормов, переработке отдельных видов животноводческой продукции и т. д. Проведение этих работ субсидирует государственный банк в форме долгосрочных и краткосрочных кредитов. В том же 1963 г. в СХО был введен новый порядок организации труда и оплаты. В 1961—1963 гг. в СХО было проведено внутрихозяйственное землеустройство, имеющее важное значение в рациональном использовании земельных угодий.

В результате проведенных партией и правительством мероприятий и благодаря самоотверженному труду кооперативных аратов, рабочих и служащих госхозов и машинно-животноводческих станций пятилетний план увеличения поголовья скота был выполнен, а общее количество скота увеличилось на 15,4%, достигнув 23,8 млн. голов. Основными производителями и поставщиками животноводческой продукции ныне стали сельхозобъединения.

Земледелие стало второй важной отраслью сельского хозяйства. Освоение целинных земель и повышение уровня механизации труда позволили увеличить посевную площадь за пятилетку на 81%, валовой урожай зерновых — на 38%. В 1965 г. на душу населения приходилось 0,6 га пахотной земли, производилось 320 кг зерна, в том числе 300 кг пшеницы. Одним из важных достижений в развитии сельского хозяйства за годы третьей пятилетки является то, что в сельскохозяйственное производство широко внедрялась современная техника. На один госхоз ныне приходится 10,8 тыс. га посевной площади, 115 условных тракторов, 44 комбайна, 19 автомашин.

За пятилетку среднегодовой темп прироста промышленной продукции составил 10,5%. Промышленные предприятия в 1965 г. произвели за месяц столько продукции, сколько было выпущено ее всей промышленностью за весь 1940 г.

Одна из главных задач, которую решал монгольский народ в третьей пятилетке, — преимущественное развитие топливно-энергетической промышленности. По сравнению с 1960 г. производство электроэнергии возросло более чем в 2,4 раза, а добыча угля — в 1,6 раза. Все это дало возможность преодолеть отставание производства электроэнергии от роста валовой продукции промышленности, в основном обеспечить потребности большинства аймачных центров и промышленных районов в угле.

За 1961—1965 гг. построено много десятков новых промышленных предприятий и цехов. Важнейшей новостройкой МНР является Дарханский промышленный комплекс, который сооружается с помощью Советского Союза и других социалистических государств. Дарханстрой, где совместно трудятся монгольские, советские, чехословацкие и польские строители, стал символом интернациональной дружбы и братского сотрудничества народов стран социалистического содружества. В Дархане пущена в эксплуатацию самая крупная в МНР теплоэлектроцентраль, база для будущей единой энергетической системы, охватывающей важнейшие промышленные районы. В районе Дархана сданы в эксплуатацию также крупнейший угольный карьер страны — Шарынгольский угольный разрез, Дарханский комбинат по производству строительных материалов и конструкций, механизированный элеватор.

На основе роста объема общественного производства, производительности труда и национального дохода в третьей пятилетке реальные доходы трудящихся в расчете на душу населения возросли на 30%. Большие успехи достигнуты в области культурного строительства — ликвидирована неграмотность, введено всеобщее обучение детей школьного возраста (семилетнее в городах и начальное в сельской местности).

Сейчас в МНР на каждые 10 тыс. человек населения приходится 1669 учащихся, из них 97 студентов вузов. В 1965 г. на одного врача приходилось 742 человека, а на тысячу человек населения — 9 больничных коек. В связи с повышением роли науки в развитии народного хозяйства Комитет наук преобразован в Академию наук МНР, расширены и созданы новые научно-исследовательские институты.

Курс на обеспечение полной победы социализма в МНР. В июне 1966 г. состоялся XV съезд Монгольской народно-революционной партии. «Главный итог пройденного МНР этапа развития, — заявил в отчетном докладе тов. Ю. Цеденбал, — состоит в том, что монгольский народ под руководством МНРП, опираясь на всестороннюю помощь первой в мире страны социализма — Советского Союза, а в последующем также на поддержку и сотрудничество с другими социалистическими странами, обеспечил ликвидацию эксплуататорских классов и причин, порождающих эксплуатацию человека человеком, ликвидировал частную собственность и утвердил общественную собственность на средства производства как экономическую основу социалистического общества. Тем самым монгольский народ совершил исторический переход от феодализма к социалистическому обществу, что означает торжество генеральной линии партии на развитие страны к социализму, минуя стадию капитализма».

XV съезд принял новую программу МНРП, которая определила цели, задачи и главные направления работы партии по обеспечению в МНР полной победы социализма. Съезд утвердил также директивы по дальнейшему развитию народного хозяйства и культуры на предстоящее пятилетие.

Четвертая программа МНРП следующим образом определила главную задачу партии на современном этапе:

«Главной задачей МНРП на период завершения строительства социализма в МНР является всемерное развитие производительных сил социалистического общества на базе достижений современного научно-технического прогресса, обеспечение высоких темпов роста экономической мощи страны и подъема социалистической культуры, усиление коммунистического воспитания трудящихся, достижение на этой основе дальнейшего повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

Центральной экономической проблемой этого периода является завершение создания материально-технической базы социализма путем дальнейшей индустриализации страны, механизации сельскохозяйственного производства, повышения уровня технической оснащенности всех отраслей народного хозяйства. Партия ставит перед собой цель превратить МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну,

имеющую рациональную структуру добывающей и перерабатывающей промышленности, правильное и целесообразное сочетание основных отраслей социалистической экономики».

Программа партии, таким образом, ясно определяет генеральную линию МНРП на период завершения строительства социализма.

Благодаря индустриализации страны доля промышленности превысила половину совокупной валовой продукции народного хозяйства. Однако по объему чистой продукции промышленности все еще значительно уступает сельскому хозяйству. Программа констатирует, что потребуется еще значительное время, чтобы социалистическая промышленность Монголии стала давать больше половины национального дохода, создаваемого в промышленности и сельском хозяйстве. Это означает, что МНР превратится в индустриально-аграрную страну примерно к концу 70-х годов. При этом надо иметь в виду, что дальнейшее индустриальное развитие получат и все остальные отрасли народного хозяйства. Все это позволит создать оптимальный комплекс материально-технической базы коммунизма.

Важным вкладом в реализацию поставленных программой задач явится выполнение четвертой пятилетки (1966—1970 гг.). За годы пятилетки объем валовой продукции промышленности возрастет в 1,7—1,8 раза. Среднегодовой темп прироста промышленной продукции составит 11—12,5%. Будет уделено особое внимание улучшению размещения производительных сил и отраслевой структуры промышленности, дальнейшему укреплению ее топливно-энергетической базы. Предусматривается быстрое развитие отраслей легкой и пищевой промышленности. Новым пятилетним планом предусматривается значительно увеличить поголовье скота, производство мяса, молока, шерсти и зерновых культур. Особое внимание уделяется дальнейшему обеспечению сельскохозяйственного производства техникой.

За годы пятилетки национальный доход МНР увеличится на 30% против 1965 г. Уже в 1966 г. удельный вес промышленности в совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства повысился до 65%. В 1966 г. по сравнению с 1959 г. производство электроэнергии увеличилось в 2,2 раза, угля — на 68%, хлеба — в 2,5 раза. Производство зерна на одну душу населения в 1966 г. составило 16,3 пуда. В период пятилетки произойдет дальнейшее повышение реальных доходов трудящихся как путем роста средней заработной платы рабочих и служащих и денежных доходов членов СХО от общественного хозяйства, так и путем увеличения общественных фондов потребления. Важные достижения в развитии сельскохозяйственных объединений закреплены в

новом Примерном уставе СХО, принятом на III съезде объединенцев в июне 1967 г. В уставе отражены также конкретные задачи в области развития сельского хозяйства и укрепления СХО, выдвинутые новой программой МНРП. Ныне в Монголии насчитывается 284 кооперативных хозяйства, на каждое из них в среднем приходится 480 семей, 934 члена объединения, 418 тыс. га земельных угодий, 59 тыс. голов общественного скота, 3,4 млн. тугриков основных средств, 2 млн. тугриков денежных доходов. Принятие нового устава, в котором более четко определены задачи СХО, его права и обязанности, где уделяется много внимания вопросам дальнейшего совершенствования методов социалистического хозяйствования и т. п., несомненно, играет большую роль в развитии и укреплении кооперативного строя на селе.

Создание оптимального комплекса материально-технической базы социализма в МНР происходит в условиях углубления разделения труда между социалистическими странами. «Это позволит, — подчеркивает Ю. Цеденбал, — нашей стране не делать невыгодных и нецелесообразных порой капиталовложений в развитие целого ряда видов производства, а опираться на сотрудничество с другими странами социализма, сосредоточивая силы и средства на развитие в первую очередь тех отраслей народного хозяйства, для которых имеются наиболее выгодные природно-экономические условия. Однако это не означает одностороннего развития экономики; наоборот, именно при этом условии можно быстрее добиться комплексного развития всего народного хозяйства страны».

Важное значение для успешного решения стоящих перед МНР задач имеет ее членство в Совете Экономической Взаимопомощи. На заседании исполкома СЭВ в Москве в апреле 1964 г. были приняты решения об оказании помощи МНР в развитии сельскохозяйственного производства, в укреплении сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений, в организации геологических исследований. Ведется большая работа по координации и тесной увязке планов с планами других социалистических стран. Особенно укрепились и еще более расширились дружественные отношения между МНР и СССР. 19 апреля 1965 г. между Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом было заключено новое соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве на 1966—1970 гг.

Оба правительства договорились о сотрудничестве в осуществлении мероприятий по развитию народного хозяйства МНР и, в частности, в строительстве промышленных, сельскохозяйственных и других объектов и их эксплуатации. В совместном советско-монгольском коммюнике о пребывании партийно-правительственной делегации Монгольской Народной

Республики в Советском Союзе подчеркивалось, что «традиционная братская монголо-советская дружба, закаленная в совместной борьбе обоих народов против общих врагов, и бескорыстная помощь Советского Союза всегда были важнейшим условием защиты и укрепления независимости МНР, неуклонного развития ее экономики и культуры, повышения благосостояния монгольского народа». Яркое выражение идеи нерушимой дружбы МНР и СССР нашли в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан в январе 1966 г.

Опыт МНР подтвердил на практике правоту марксистско-ленинского учения о возможности перехода отставших в своем развитии стран к социализму, минуя капиталистическую стадию. Для Монголии это конкретно означало ликвидацию экономической мощи феодалов, постепенное развитие национальной промышленности, прежде всего создание государственных предприятий (раньше в Монголии вообще не было промышленности), формирование рабочего класса, развитие сельского хозяйства. Целенаправленное создание экономических, политических и духовных предпосылок социализма под руководством МНРП проходило в борьбе с «левыми», которые хотели бы без какого-либо переходного периода, без соответствующей подготовки перейти к социализму, и с правыми элементами, которые стремились увести страну с некапиталистического пути, пытались тормозить процесс углубления народной антифеодальной революции.

Особенности политического руководства некапиталистическим развитием были в свое время отмечены Лениным в беседе с монгольскими революционерами. Ленин подчеркивал, что для продвижения Монголии по некапиталистическому пути необходима огромная работа народно-революционной партии*. Ленин отмечал, что лишь постепенно, по мере продвижения страны к социализму, эта партия сможет изменить свою природу и превратиться в партию коммунистическую. Возникнув как партия аратов, МНРП своей деятельностью подготовила все условия для возникновения и роста рабочего класса, восприняла идеи научного коммунизма и постепенно превратилась из партии трудящихся-аратов в марксистско-ленинский авангард рабочего класса и всех трудящихся страны.

Как отмечается в новой программе партии, опыт МНРП свидетельствует о том, что в слаборазвитых странах революционно-демократические партии крестьянства и связанной с ним интеллигенции при тесном контакте и сотрудничестве с

* В. И. Ленин, *Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики*, — Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 233.

международным коммунистическим движением могут воспринять идеи научного социализма и стать марксистско-ленинским авангардом трудящихся масс в борьбе за социализм.

Опыт некапиталистического развития МНР, где под руководством марксистско-ленинской партии произошло перерастание демократического этапа революции в социалистический, свидетельствует о том, что общие закономерности социалистической революции и социалистического строительства действуют и в ранее отсталых странах. Но в каждой стране, идущей к социализму от добуржуазных общественно-экономических формаций, эти закономерности проявляются своеобразно, в соответствии со специфическими условиями ее развития.

Опыт МНР доказал, что задачи национального и социального освобождения поработенных империализмом народов могут быть успешно решены лишь при тесном союзе и солидарности с международным рабочим движением. Дружба и сотрудничество с первой страной социализма, подчеркивает Ю. Цеденбал, ее разносторонняя помощь явились одним из решающих факторов завоевания и укрепления свободы и независимости монгольского народа, преодоления многовековой отсталости страны и строительства новой жизни. Между МНР и СССР, находившимися в течение более четверти века во враждебном капиталистическом окружении, впервые были осуществлены новые межгосударственные отношения, основанные на принципах подлинного равноправия и взаимного уважения, принципах социалистического интернационализма.

Отстаивание принципов социалистического и пролетарского интернационализма, как свидетельствует опыт МНРП и история МНР, является важнейшим условием и предпосылкой успешного осуществления коренных социально-экономических преобразований на путях некапиталистического, а затем социалистического прогресса. Борьба с левыми и правыми отступниками от генеральной линии МНРП как в 30-х годах, так и в послевоенный период убедительно свидетельствует о том, что главной причиной искажений генеральной линии партии и нападков на ее единство на различных этапах революции являлись национализм и националистические пережитки. «Если бы партия, — пишет Ю. Цеденбал, — не вела решительной борьбы против влияния этой реакционной идеологии, то оно могло бы привести к ослаблению или разрыву связей МНР с международным социализмом и тем самым к потере завоеваний революции».

Исходя из высших интересов социализма, МНРП уделяет неослабное внимание идейно-политическому воспитанию партийных рядов и всех трудящихся в духе ленинизма, повышению их социалистической сознательности. Важнейшее значе-

ние в этом отношении имели выход на монгольском языке 18 томов Сочинений В. И. Ленина, издание краткого очерка истории МНРП, биографий В. И. Ленина и Д. Сухэ-Батора и ряда других трудов по истории, философии и политической экономии. МНРП продолжает перевод и издание трудов Маркса и Энгельса.

«Вся идеологическая работа партии, — говорится в материалах XV съезда МНРП, — должна быть нацелена на активное привитие интернационального мировоззрения трудящимся МНР, на воспитание их в духе социалистического патриотизма в органическом единстве с пролетарским интернационализмом, в духе традиционной монголо-советской дружбы, братской дружбы с другими социалистическими странами, солидарности с трудящимися всех стран».

МНРП на основе решений совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. последовательно выступает за укрепление сплоченности и солидарности всех стран социализма, всех коммунистических и рабочих партий в борьбе против империализма.

Китайская Народная Республика

Восстановительный период в КНР. Основные задачи, за решение которых китайский народ в течение трех десятилетий боролся на демократическом этапе революции, состояли в том, чтобы уничтожить господство империализма, феодализма и компрадорского капитала. Свержением гоминьдановского режима и образованием КНР был решен лишь первый политический вопрос революции — вопрос о власти. Решение социальных и экономических задач демократической революции происходило уже после образования КНР, в восстановительный период, продолжавшийся с 1949 по 1952 г.

Дальнейшее развитие революции в первые годы существования КНР представляло собой сложное переплетение демократических и социалистических преобразований, причем демократические преобразования первое время преобладали и по мере своего завершения постепенно перерастали в преобразования социалистического характера. Это был период решительной, коренной ломки старых общественных отношений и становления нового социального строя. Глубокое преобразование всего китайского общества происходило в острой классовой борьбе, порой приближавшейся в отдельных районах к состоянию гражданской войны. Чтобы сломить сопротивление реакции, молодое народное государство вынуждено было применить весь арсенал средств подавления — от массовых политических выступлений трудящихся до широких репрессий про-

тив врагов революции. Но главную роль в этой борьбе играли вооруженные силы народа — армия, войска безопасности и другие карательные органы. Сложная борьба шла между рабочим классом и буржуазией, располагавшей сильными позициями в экономике страны.

Внутреннее положение народной республики было первое время неустойчивым и трудным. К моменту образования КНР была освобождена лишь центральная часть страны, все же окраинные районы находились еще под властью гоминьдановцев, имевших двухмиллионную армию. В недавно освобожденной части страны создание государственного аппарата только начиналось. В обширных сельских районах, где не была проведена земельная реформа, бесчинствовали помещичьи банды, оказывавшие прямое вооруженное сопротивление мероприятиям народной власти.

Продолжительная война и империалистическая агрессия дезорганизовали народное хозяйство. Производство зерновых и хлопка сократилось в 1949 г. до половины довоенного уровня. Выпуск чугуна составил в 1949 г. лишь 13,6% наивысшего уровня производства до освобождения, стали — 17,2%. Легкая промышленность переживала упадок из-за нехватки сырья и падения покупательной способности населения.

В состоянии хаоса находилась финансовая система. Инфляция приняла катастрофические размеры. Чудовищных размеров достигла безработица. Армия, рабочие и служащие сидели на голодном пайке.

В документах, принятых сессией Народного политического консультативного совета (НПКС), было определено, что «Китайская Народная Республика является государством демократической диктатуры народа, руководимой рабочим классом, основанной на союзе рабочих и крестьян и сплачивающей все демократические классы и все национальности в стране». Общая программа НПКС, выполнявшая до 1954 г. роль временной конституции КНР, определяла, что народ осуществляет государственную власть через собрания народных представителей, избираемых населением путем всеобщих выборов. Однако в первый период после образования КНР, растянувшийся почти на пять лет, вся полнота власти в центре принадлежала избранному НПКС Центральному народному правительственному совету, а на местах — назначаемым сверху военно-контрольным комитетам.

Общая программа провозгласила, что народная власть ликвидирует все особые права и привилегии империалистических стран в Китае, конфискует и передает в собственность народного государства бюрократический капитал, превращает феодалскую и полуфеодалскую систему землевладения в систему крестьянского землевладения, охраняет общественную,

государственную и кооперативную собственность, а также экономические интересы рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и национальной буржуазии, развивает народное хозяйство, чтобы превратить страну из аграрной в индустриальную. Помимо этих задач, не выходящих в сущности за рамки национально-демократической революции, Общая программа предусматривала в перспективе переход Китая к социализму.

В области внешней политики Общая программа устанавливала, что Китайская Народная Республика совместно с Советским Союзом, странами народной демократии и угнетенными нациями будет вести борьбу против империалистической агрессии, вносить свой вклад в дело обеспечения мира.

Первоочередной военно-политической задачей народной власти было освобождение всей страны и завершение гражданской войны. 1 октября 1949 г. командование НОА отдало войскам приказ в кратчайший срок очистить страну от гоминьдановской армии. За 9 месяцев боев — с 1 октября 1949 г. по июнь 1950 г. — остатки гоминьдановской армии были почти полностью уничтожены. Многолетняя гражданская война в Китае закончилась. Оставшийся еще под управлением местного режима Тибет был освобожден в конце 1951 г. на основе соглашения с тибетскими властями, подписанного 23 мая 1951 г. в Пекине. Этим было завершено освобождение всей континентальной части страны.

После разгрома регулярных гоминьдановских войск силы внутренней реакции не сложили оружия. Помещики развернули вооруженную борьбу против народной власти, в стране орудовали многочисленные бандитские отряды, состоявшие главным образом из помещичьей охраны — «миньтуаней». Контрреволюция была хорошо оснащена оружием, оставленным отступающими гоминьдановскими войсками. Вместе с помещичьими бандами действовали специальные гоминьдановские части и подразделения, оставленные в тылу НОА для ведения подрывной работы. Общая численность действовавших в Центральном, Южном, Юго-Западном и Восточном Китае бандитских отрядов достигала в 1950 г. 2 млн. человек.

Политический и уголовный бандитизм представлял серьезную угрозу народной власти, особенно в недавно освобожденных районах Центрального, Южного и Юго-Западного Китая. В первое время народная власть во многих провинциях была установлена лишь в городах, а деревня находилась под контролем помещичьих и гоминьдановских банд. В некоторых местах помещичьей контрреволюции удалось организовать вооруженные мятежи против народной власти. Вооруженные банды совершали налеты на части НОА, на местные государственные органы и партийные комитеты, разрушали коммуникации и экономические объекты, убивали партийных и госу-

дарственных работников, грабили и терроризировали население.

На борьбу с бандитизмом были брошены регулярные части НОА и войска общественной безопасности. Наиболее напряженным периодом борьбы с бандитизмом был 1950 год. Части НОА и войск общественной безопасности провели крупные военные операции по уничтожению бандитов. Была развернута работа по созданию и упрочению местных органов народной власти, по организации крестьянских союзов и народных ополчений в деревнях. Строгие карательные меры были приняты и в отношении контрреволюции в городе. В первой половине 1951 г. открытое сопротивление контрреволюции было сломлено.

Завершение гражданской войны и разгром контрреволюции позволили перейти к строительству народной власти на местах и решению неотложных хозяйственных задач.

В строительстве народной власти на местах основная роль принадлежала Народно-освободительной армии. В районах, недавно освобожденных от гоминьдановских войск, осуществлялась система военного контроля, означавшая открытую военную диктатуру в отношении врагов революции. По мере установления революционного порядка сфера действия военного контроля постепенно сужалась и власть на местах передавалась избранному населением конференциям народных представителей. Однако многолетняя привычка партийных кадров к военно-административным методам работы сильно мешала созданию представительных органов власти и их нормальному функционированию, порождала администрирование, бюрократизм, злоупотребления властью. Этому способствовали также влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и низкий культурный уровень широких трудящихся масс, отсутствие демократических традиций. Чуждый народному государству стиль работы вносился в деятельность новых органов власти также бывшими гоминьдановскими чиновниками, широко использовавшимися на административной работе.

Решение многочисленных проблем политического и хозяйственного строительства было немыслимо без активного участия масс. Большую помощь государственному аппарату оказывали такие массовые общественные организации, как профсоюзы, Новодемократический союз молодежи Китая, Всеитайская федерация демократических женщин.

К концу 1952 г. профсоюзы насчитывали в своих рядах около 10 млн. человек. В годы восстановительного периода они приняли активное участие в организации управления национализированными предприятиями, боролись за укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда,

организовывали массовое соревнование под лозунгом увеличения производства и соблюдения режима экономии. Большую работу вели профсоюзы в области повышения политической сознательности рабочего класса, подготовки из наиболее передовых рабочих административных, хозяйственных, инженерно-технических кадров. В восстановительный период только школами профкадров было подготовлено 111 тыс. работников. 107 тыс. членов профсоюзов было привлечено к работе в государственных и партийных органах, 124 тыс. рабочих — выдвинуто на инженерно-технические и административные должности, в том числе 7800 человек на посты директоров предприятий и их заместителей.

Однако подавляющее большинство управленческих кадров госаппарата и хозяйственных организаций составляли бывшие крестьяне и представители мелкобуржуазной интеллигенции, прошедшие выучку в рядах НОА. Привычные для кадров КПК военно-административные методы работы переносились и в госаппарат, профсоюзы, на предприятия, порождая бюрократизм и голое администрирование.

Огромное значение для упрочения народной власти имело установление тесного сотрудничества с Советским Союзом. Советский Союз пришел на помощь КНР в первые же дни ее существования. СССР первым признал Китайскую Народную Республику и установил с ней дипломатические отношения. 14 февраля 1950 г. в Москве между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой состоялось подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Договор закрепил дружественные отношения между советским и китайским народами и положил начало политическому, экономическому и культурному сотрудничеству двух стран. Советский Союз предоставил КНР на льготных условиях долгосрочный кредит в размере 300 млн. долл. для оплаты поставок из СССР оборудования и материалов, необходимых КНР для восстановления и развития народного хозяйства.

Организация новой экономики была одной из самых трудных задач народно-демократического государства. Речь шла о коренных изменениях экономических основ многоукладного общества при преобладании мелкотоварного уклада. Мелкотоварный уклад в конце 1949 г. давал 76,8% всей продукции народного хозяйства, включая промышленность и сельское хозяйство; на долю государственного и государственно-капиталистического секторов приходилось соответственно 8 и 0,4% продукции народного хозяйства.

Первоочередным шагом народной власти в организации новой экономики являлось создание и укрепление государственного сектора, завоевание им руководящего положения в народном хозяйстве и подчинение его контролю и регулирую-

щему воздействию всех других экономических укладов. Государственный сектор возник еще в ходе гражданской войны, главным образом в ходе конфискации бюрократического капитала, включая находившиеся в Китае японские, германские и итальянские предприятия, перешедшие в руки гоминьдановского правительства после окончания второй мировой войны. Основная работа по конфискации бюрократического капитала и передаче его в государственную собственность была проведена военно-административными органами уже ко времени окончания гражданской войны и лишь частично продолжалась в 1951 г. Были ликвидированы также особые права и привилегии империалистов в Китае и постепенно осуществлена национализация иностранного капитала. Государство установило контроль над внешней торговлей.

За короткий срок в собственность государства перешли крупнейшие банки, железные дороги, подавляющее большинство предприятий черной металлургии и основная часть предприятий других отраслей тяжелой промышленности, а также некоторые важнейшие отрасли легкой промышленности, значительная часть внутренней торговли. Были конфискованы инвестиции бюрократического капитала на некоторых промышленных и торговых предприятиях, принадлежавших национальной буржуазии. На этой основе уже в 1949 г. была организована группа смешанных государственно-частных предприятий, работавших под прямым контролем государства. Были сделаны первые шаги по развитию различных форм госкапитализма в частной промышленности и торговле. Государство постепенно брало в свои руки контроль над производством и распределением важнейших товаров, в первую очередь потребительских, что позволило осуществить меры по пресечению спекуляции и установить контроль над рынком.

Важнейшей задачей народного государства была ликвидация помещичьего землевладения и наделение крестьян землей. Ко времени образования КНР земельная реформа была проведена только в Северо-Восточном, Северном и отчасти в Восточном Китае; решения вопроса о земле ожидало еще более 300 млн. крестьян. 28 июня 1950 г. был принят Закон о земельной реформе КНР, который отменял помещичью собственность на землю без всякого выкупа и устанавливал крестьянскую собственность на землю. Принадлежавшие помещикам земли, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, излишки зерна конфисковались и переходили в распоряжение крестьянских союзов.

Закон предусматривал, что земли, которые кулаки обрабатывали сами или при помощи наемной рабочей силы, а также их имущество оставались в неприкосновенности. Земли,

сдаваемые кулаками в аренду и не превышающие более чем в два раза среднее количество земли, приходящееся на душу населения в данной местности, должны были, как правило, сохраняться за их владельцами. Остальная часть кулацких земель реквизировалась. Закон обеспечивал неприкосновенность земли и имущества середняков, включая зажиточных середняков.

Конфискованные земли и средства производства, кроме тех, которые согласно закону подлежали национализации, передавались безземельным и малоземельным крестьянам. Право на получение земли наравне с крестьянами предоставлялось и бывшим помещикам. Земля распределялась по числу едоков, но уравнильный принцип землевладения, действовавший во время гражданской войны, был отменен. Обширные земельные массивы (целина, залежи и прочие необрабатываемые земли, леса и т. п.) и все недра были национализированы. Проведение радикальной земельной реформы явилось глубокой антифеодальной революцией, осуществленной многомиллионными массами китайского крестьянства при поддержке и руководстве государства.

В результате аграрных преобразований крестьяне бесплатно получили 47 млн. га помещичьих, кулацких и прочих земель. Крестьяне были освобождены также от ежегодного внесения арендных платежей помещикам и кулакам, составлявших в натуральном выражении около 30 млн. т зерна. Наконец, крестьянство получило помещичий инвентарь и рабочий скот.

Больше всего выиграли от земельной реформы батраки и бедняки, составлявшие около 70% сельского населения; значительную выгоду от реформы получили и середняки. Проиграли от реформы только эксплуататорские элементы: класс помещиков был полностью ликвидирован, а кулачество значительно ослаблено политически и экономически.

Народное государство ограничивало кулацкие хозяйства и капиталистическую тенденцию развития деревни и оказывало экономическую поддержку трудовому крестьянству, всемерно помогало его кооперированию. Большое распространение получили группы взаимопомощи. Уже в 1950 г. в стране насчитывалось 2,7 млн. таких групп. В них объединялось свыше 11 млн., т. е. 11%, крестьянских дворов. В 1952 г. число групп взаимопомощи увеличилось до 8 млн. В опытным порядке было создано около 3600 сельскохозяйственных производственных кооперативов и 2336 госхозов.

К концу 1952 г. восстановление народного хозяйства было завершено. Большинство отраслей экономики не только достигло наивысшего уровня, достигнутого до освобождения страны, но и перешагнуло через этот уровень. В течение

1950—1952 гг. народная власть успешно преодолела инфляцию, добилась стабилизации розничных цен.

Успехи китайского народа в восстановлении и развитии экономики страны были неотделимы от бескорыстной и непрерывно возрастающей помощи братских социалистических стран, в первую очередь Советского Союза. По просьбе правительства КНР Советский Союз направил в Китай в качестве советников и консультантов многих квалифицированных специалистов. С помощью Советского Союза в 1950—1952 гг. восстанавливалось, реконструировалось и строилось более 50 крупнейших промышленных предприятий. Советские специалисты принимали участие в восстановлении и реконструкции Пекин-Ханькоуской и Гуанчжоу-Ханькоуской железных дорог, Аньшаньского металлургического комбината и в других работах.

Большое развитие получила торговля КНР с Советским Союзом. Товарооборот между КНР и СССР составил в 1952 г. 3855,1 млн. руб. Удельный вес советско-китайского товарооборота в общей стоимости внешней торговли КНР вырос с 23,4% в 1950 г. до 51,5% в 1952 г. Китай получал из Советского Союза промышленное оборудование, черные и цветные металлы, нефтепродукты, хлопчатобумажные ткани, сахар, бумагу и другие важные товары. СССР в свою очередь ввозил из Китая многие ценные для него виды продукции. Благодаря широкому развитию всестороннего сотрудничества между КНР и СССР провалились расчеты империалистических кругов США и Англии блокадой и эмбарго воспрепятствовать экономическому возрождению КНР. Советский Союз неизменно поддерживал позиции Китая на международной арене, выступал против его дискриминации, за восстановление законных прав КНР в ООН.

В связи с восстановлением народного хозяйства улучшилось материальное положение трудящихся города и деревни. Заработная плата на государственных предприятиях повысилась к 1952 г. на 60—120% по сравнению с крайне низким уровнем 1949 г. Улучшились условия труда и быта рабочих и служащих. Был сокращен рабочий день, введен принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин. Государство расходовало крупные средства на строительство больниц, школ, библиотек, клубов, санаториев и домов отдыха, предназначенных для обслуживания трудящихся. Общее число учащихся выросло за годы восстановительного периода в два с лишним раза. Широко развернулась борьба за ликвидацию неграмотности.

Важным результатом восстановительного периода было повышение доли государственного и государственно-капиталистического секторов в промышленности — с 28,3% в 1949 г.

до 48,7% в 1952 г.; доля же частнокапиталистического сектора упала соответственно с 48,7 до 30,7%. В оптовой торговле доля социалистического сектора увеличилась с 23,8% в 1950 г. до 63,2% в 1952 г., в розничной торговле — с 16,4 до 42%. Первые шаги по пути перехода к коллективным формам труда сделало китайское крестьянство. К концу 1952 г. в бригадах трудовой взаимопомощи состояло 40% всех крестьянских дворов.

Восстановительный период был временем самой острой и сложной классовой борьбы, временем непосредственных революционных действий многомиллионных масс трудящихся. В ходе этой борьбы произошли глубокие классовые сдвиги в китайском обществе. Класс помещиков и класс крупной compradorской буржуазии были полностью ликвидированы. Национальная буржуазия увеличила абсолютные размеры принадлежавшего ей общественного богатства, однако удельный вес капиталистического сектора в экономике страны значительно уменьшился. Упало политическое влияние буржуазии.

Таким образом, за годы восстановительного периода было завершено решение основных задач демократической революции и подготовлены политические и экономические условия для перехода к индустриализации страны, к планомерному наступлению на капиталистические элементы города и деревни, к постепенной перестройке народного хозяйства на социалистических началах. Осуществление этих задач началось в 1953 г. в соответствии с разработанным ЦК КПК программным документом «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство». В нем была сформулирована генеральная линия партии в переходный период и изложены принципы решения новых вопросов социалистической революции и социалистического строительства в Китае. Главное внимание в документе сосредоточено на вопросах экономической политики. Два основных направления экономической политики в переходный период — обобществление средств производства и создание материально-технической базы социализма — определены в этом документе на основе изучения опыта строительства социализма в СССР и обобщения практики революционной борьбы в самом Китае.

Генеральная линия КПК давала партии и народу конкретную перспективу на сравнительно длительный промежуток времени (до 1967 г.), в течение которого должны были быть решены основные задачи переходного периода. Следует подчеркнуть два положения, проходившие красной нитью через всю генеральную линию КПК 1952 г.: во-первых, неизбежность длительного переходного периода в Китае, длительного промежутка времени для осуществления социалистических

преобразований и создания материально-технической базы социализма; во-вторых, необходимость постепенного решения главных задач переходного периода. В соответствии с этими установками предусматривалось завершить социалистические преобразования более или менее одновременно с осуществлением социалистической индустриализации и механизации сельского хозяйства.

Экономическое строительство в КНР в годы первой пятилетки. Генеральная линия КПК получила свое конкретное воплощение в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР на 1953—1957 гг. Главные задачи первого пятилетнего плана состояли в том, чтобы заложить основу социалистической индустриализации Китая посредством преимущественного развития тяжелой промышленности; создать материально-техническую базу для социалистического преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и частной промышленности и торговли.

Первый пятилетний план намечал весьма высокие темпы развития народного хозяйства. Валовая продукция промышленности (не считая кустарной) должна была возрасти к 1957 г. на 98,3% против уровня 1952 г., продукция сельского хозяйства — на 23,3%. При этом государственная промышленность и особенно тяжелая промышленность должны были развиваться более высокими темпами. В пятилетнем плане устанавливались также конкретные задания по социалистическим преобразованиям сельского хозяйства, кустарной промышленности и частнокапиталистической промышленности и торговли. Первоначально предполагалось, что на завершение социалистических преобразований в Китае потребуется примерно 15 лет. Поэтому в период первой пятилетки намечались сравнительно умеренные темпы преобразований в сельском хозяйстве.

Несмотря на благоприятные условия, созданные успешным завершением восстановительного периода, укреплением международного положения КНР и всесторонней братской помощью Советского Союза и других стран социалистического лагеря, осуществление первой пятилетки было чрезвычайно трудным делом. Хотя народное хозяйство КНР к концу 1952 г. перешагнуло наивысший уровень производства, достигнутый до освобождения, это был уровень отсталой страны. Современная промышленность давала всего лишь 26,7% продукции народного хозяйства, 73% приходилось на долю сельского хозяйства и кустарного производства. Чрезвычайно слабой была база тяжелой промышленности, особенно в производстве современного оборудования. Страна испытывала острую нехватку капиталов для финансирования промышленного строительства, сильно ощущался недостаток в техниче-

ских кадрах. Несмотря на быстрый рост государственного сектора, частный капитал все еще сохранял значительные позиции в промышленности и торговле. Деревня представляла собой океан мелких крестьянских хозяйств, основанных на ручном труде и средневековой технике.

Задания первой пятилетки могли быть выполнены лишь при активном участии всего народа. Коммунистическая партия призвала рабочий класс к борьбе за осуществление задач социалистической индустриализации, за выполнение и перевыполнение государственных экономических планов, за повышение производительности труда, улучшение качества продукции, строгий режим экономии и снижение себестоимости, за укрепление трудовой дисциплины. Этот призыв нашел поддержку рабочего класса. Активно боролись за социалистическую индустриализацию китайские профсоюзы.

Задачи максимальной мобилизации политической и хозяйственной активности трудящихся требовали развития демократических основ общественного и государственного строя КНР. Важную роль в этом отношении были призваны сыграть проведенные впервые в истории Китая в 1953—1954 гг. всеобщие выборы в собрания народных представителей. 20 сентября 1954 г. первая сессия Всекитайского собрания народных представителей первого созыва приняла первую в истории страны демократическую конституцию — Основной закон КНР. Конституция КНР отразила коренные революционные изменения, происшедшие в общественном, политическом и государственном строе Китая. В форме закона она выразила непосредственную цель народно-демократического государства: «Китайская Народная Республика, опираясь на государственные органы и общественные силы, путем социалистической индустриализации и социалистических преобразований обеспечивает постепенное уничтожение системы эксплуатации и построение социалистического общества».

В Конституции установлено, что КНР есть государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян, вся власть в котором принадлежит народу в лице Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей. Политическую основу республики согласно Конституции составляют собрания народных представителей как массовые органы государственной власти трудящихся, действующие на основе системы демократического централизма.

Конституция закрепляет равноправие граждан и предоставляет им широкие демократические права: равное право всех граждан (за исключением лиц, лишенных избирательных прав по закону) избирать и быть избранными независимо от

национальной и расовой принадлежности, пола, рода занятий, социального происхождения, вероисповедания, образования, имущественного положения и оседлости; свободу слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций, свободу вероисповедания, свободу личности, неприкосновенность жилища и тайну переписки, свободу жительства, право на труд, отдых, образование, право на получение материальной помощи в старости, а также в случае болезни или потери трудоспособности, свободу научно-исследовательского и литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности; Конституция устанавливает также полное равноправие мужчин и женщин во всех областях политической, экономической, культурной, общественной и семейной жизни и равноправие всех национальностей.

Конституция провозгласила также дальнейшее развитие отношений дружбы с Советским Союзом, со странами народной демократии. При условии неуклонного соблюдения и проведения в жизнь Конституция КНР могла послужить правовой основой здорового развития социалистической демократии в Китае.

За годы первой пятилетки значительно укрепилось международное положение КНР. Главным фактором, содействовавшим упрочению внешнеполитических позиций КНР, было дальнейшее развитие сотрудничества со странами социалистического содружества. В 1953—1954 гг. между Советским Союзом и КНР был заключен ряд соглашений о помощи СССР в развитии китайской промышленности. Правительство СССР согласилось оказать Китаю экономическую и техническую помощь в сооружении и реконструкции 156 промышленных объектов.

Китайская Народная Республика в свою очередь поддержала ряд крупных внешнеполитических акций Советского правительства, направленных на ослабление международной напряженности. Были потушены очаги войны в Корее и Индокитае. Правительство КНР одобрило цели и принципы Варшавского договора, поддержало предложение СССР о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия. В июне 1954 г. КНР совместно с Индией провозгласила известные пять принципов мирного сосуществования. Предпринимались шаги для нормализации китайско-японских отношений. КНР приняла активное участие в Бандунгской конференции. Все эти действия создавали благоприятные внешнеполитические условия для развертывания социалистического строительства в Китае.

Самыми крупными новостройками первых лет пятилетки были сооружавшиеся при помощи СССР Аньшаньский, Баотууский и Уханьский металлургические комбинаты, Тайюань-

ский и Шэньянский заводы тяжелого машиностроения, Шэньянский первый станкостроительный завод, Шэньянский завод пневматических инструментов, Харбинский завод измерительных и режущих инструментов. В июле 1953 г. началось сооружение с помощью Советского Союза первого автомобильного завода в Чаньчуне, в сентябре 1955 г. был заложен первый тракторный завод в Лояне. Все эти предприятия оснащались новейшей советской техникой. В широких масштабах осуществлялись реконструкция и расширение действующих предприятий. Новые предприятия сооружались ударными темпами и вступали в строй одно за другим. К концу 1955 г. было сдано в эксплуатацию 253 предприятия, давшие более одной четверти всей промышленной продукции.

Росли технические кадры промышленности. За 1953—1955 гг. государственные вузы и техникумы выпустили 130 тыс. инженеров и техников. Более 4 тыс. человек было командировано на учебу в Советский Союз и другие социалистические страны. Одновременно большое количество высококвалифицированных рабочих и технических кадров было подготовлено непосредственно на предприятиях и на различных краткосрочных курсах.

Успешное развитие промышленности Китая в 1953—1955 гг. показало, что китайский народ располагает всеми возможностями для выполнения первой пятилетки. Эти успехи начали порождать у руководства КПК преувеличенные представления о возможностях страны, толкать их на путь непродуманных, поспешных волюнтаристских решений. В то же время уже первые два года пятилетки выявили острое противоречие между потребностями принятой программы индустриализации и крайне скромными возможностями сельского хозяйства как источника накоплений, поставщика товарного зерна и сырья для легкой промышленности; все более напряженным становилось снабжение городского населения продовольствием и легкой промышленности сырьем. Намечившееся отставание сельского хозяйства серьезно затрудняло выполнение программы индустриализации.

Руководство КПК в этих условиях добивалось ликвидации возникших противоречий путем резкого ускорения социалистических преобразований, в первую очередь кооперирования деревни на отсталой материальной базе.

Замысел китайского руководства заключался в том, чтобы, во-первых, форсированным кооперированием крестьян пресечь стихийное развитие капитализма в деревне, а также подрубить корни городской буржуазии и, во-вторых, используя преимущества и выгоды простой кооперации труда, быстро добиться значительного подъема сельского хозяйства без крупных капиталовложений. Техническая же реконструкция

сельского хозяйства откладывалась на более отдаленное будущее.

Как показала практика, эти преимущества простой кооперации труда не дали ожидаемого эффекта по той простой причине, что они почти целиком гасились отрицательными последствиями торопливого кооперирования и администрирования, недоучета материальных стимулов и производственных связей с социалистической промышленностью на основе товарообмена. Тем самым еще раз подтвердилась жизненность ленинской идеи, что подъем сельскохозяйственного производства через государственные хозяйства и кооперативы невозможен без постепенного усовершенствования техники и соблюдения принципа материальной заинтересованности труженика. Другими словами, выявилась беспочвенность расчетов существенно поднять уровень сельского хозяйства без его коренной реконструкции, с помощью одних лишь проводимых сверху социальных преобразований.

Новая политика в области кооперирования сельского хозяйства была изложена в докладе Мао Цзэ-дуна «Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве» 31 июля 1955 г. Заклеймив прежние установки генеральной линии Коммунистической партии Китая на постепенность социалистических преобразований в Китае как «правооппортунистические», Мао Цзэ-дун дал директиву на максимальное форсирование темпов социалистического строительства. В основе этой директивы лежала преувеличенная оценка субъективных и недооценка объективных факторов революции.

Основные идеи доклада Мао Цзэ-дуна были закреплены и развиты в ряде партийных и государственных документов, принятых в конце 1955 — начале 1956 г.: в решении VI пленума ЦК КПК, предисловии Мао Цзэ-дуна к сборнику «Социалистический подъем в китайской деревне», проекте «Основных положений плана развития сельского хозяйства Китайской Народной Республики на 1956—1967 годы» и др. Эти документы игнорировали ранее намеченные планы социалистических преобразований, рассчитанные на три пятилетки, и ориентировали партию и народ на завершение преобразований в максимально короткий срок — один-два года, т. е. к концу первой пятилетки.

Это была коренная ревизия генеральной линии КПК в вопросе о темпах, а значит, методах и формах социально-экономических преобразований. Что касается темпов индустриализации страны, то в 1956 г. установки генеральной линии партии в этом отношении коренному пересмотру еще не подверглись. Относящаяся к концу 1955 г. директива Мао Цзэ-дуна, что «масштабы и темпы индустриализации страны, масштабы и темпы развития науки, культуры, просвещения,

здравоохранения нельзя больше сохранять такими, как предполагалось ранее, что они должны быть соответствующим образом увеличены и ускорены», была сформулирована довольно осторожно и общо. Повышенные задания, установленные для промышленности на 1956 г. в соответствии с этой директивой, хотя и были весьма напряженными, но в целом не выходили за рамки установок первого пятилетнего плана.

Осуществление нового курса на максимальное ускорение темпов (а значит, и изменение методов) социалистических преобразований и социалистического строительства с самого начала натолкнулось на препятствия и серьезные трудности. Не последнее место среди них занимало сопротивление трезво мыслящих партийных и хозяйственных работников. Как известно, одновременно с провозглашением нового курса была развернута борьба против «правого уклона» в КПК. В докладе от 31 июля 1955 г. Мао Цзэ-дун обвинил противников его установки на ускорение темпов кооперирования крестьянства в том, что их позиция отражает интересы буржуазии, кулаков и склоняющихся к капиталистическому способу производства зажиточных середняков. Конечно, в рядах партии имелись лица, зараженные буржуазной и кулацкой идеологией. Но очевидно и то, что под предлогом борьбы с буржуазным, кулацким правооппортунистическим уклоном удары обрушивались и на тех, кто отстаивал правильную генеральную линию партии 1952 г., сопротивлялся левым загибам руководства. Если судить по тону китайской печати, позиции здоровых сил партии были в то время довольно прочными.

Для выступлений китайских руководителей и центральной прессы в конце 1955 — начале 1956 г. характерны, с одной стороны, широкая пропаганда формулы Мао Цзэ-дуна «строить социализм больше, быстрее, лучше, экономичнее», резкие выпады против «правого оппортунизма» и «консервативных тенденций в партии», а с другой — признание необходимости считаться с реальными условиями, быть осмотрительными, «не лезть из кожи вон» как несомненная дань критическим настроениям в отношении нового курса. Это значит, что, хотя к началу 1956 г. новый курс был уже в общих чертах сформулирован и начал активно и широко претворяться в жизнь, он еще не возобладавал в партии, сопротивление этому курсу еще не было сломлено. В известной степени добиться этого китайскому руководству удалось, по-видимому, лишь в конце 1957 — начале 1958 г. в ходе борьбы против «правых буржуазных элементов» и «упорядочения стиля работы».

Установки Мао Цзэ-дуна на форсированное проведение социалистических преобразований осуществлялись в обстановке экономических успехов, достигнутых еще на основе генеральной линии 1952 г. Сбор основных продовольственных

культур и поголовье скота в 1956 г. даже несколько увеличилось по сравнению с урожайным 1955 г., а промышленность дала в 1956 г. наивысший прирост за все годы пятилетки. Сопротивление классового врага — буржуазии и кулачества — в решающий, переломный момент было фактически парализовано и не оказало сколько-нибудь заметного влияния на ход событий. В этих условиях руководству КПК удалось увлечь за собой партию и частично массы трудящихся, обеспечить их поддержку.

Конечно, основные массы трудящихся — крестьянство, особенно беднота, не говоря уж о рабочем классе, — стояли за социализм, оказывали поддержку Коммунистической партии и народному правительству. И все же в то время уровень классового самосознания крестьянских масс Китая, их образовательная, культурная и профессиональная подготовка были еще недостаточны для немедленного перехода к развитым формам крупного социалистического коллективного хозяйства; более того, около трети крестьянства (так называемые зажиточные середняки) было, по признанию самих китайских руководителей, настроено пассивно в отношении кооперирования, выжидало либо оказывало прямое сопротивление кооперированию. Поэтому то, что руководство КПК принимало или выдавало за высокую социалистическую сознательность китайского крестьянства, на самом деле было в значительной мере всего лишь свойственными мелкобуржуазной массе благими пожеланиями и требованиями быстрее улучшения жизни, наивной верой в возможность «ввести» социализм по декрету «сверху», не считаясь с реальными условиями бедной, отсталой страны.

Эти массы можно было на короткое время увлечь радикальными революционными лозунгами и обещаниями быстро поднять их жизненный уровень (а именно такие обещания давались китайским крестьянам, когда их заставляли вступать в кооперативы), но этот порыв иссякал при столкновении с длительными трудностями; энтузиазм сменялся разочарованием и глубоким недовольством. Вот почему призыв китайских руководителей к крестьянам одним махом порвать с вековым жизненным укладом и сразу перейти к новым формам хозяйствования, разукрашенный заманчивыми перспективами немедленного улучшения их жизни, таил в себе серьезную опасность для дела революции.

Отрицательные политические и экономические последствия новой установки не замедлили сказаться. Форсирование процесса кооперирования крестьянства привело к глубокому нарушению основных принципов ленинского кооперативного плана.

Во-первых, был нарушен зафиксированный в генеральной

линии 1952 г. ленинский принцип постепенности и последовательности внедрения кооперации, начиная с простейших ее форм. Китайская пропаганда утверждала и утверждает, что кооперирование крестьянства осуществлялось постепенно, что оно прошло через три последовательные стадии — группы взаимопомощи, сельскохозяйственные кооперативы низшего типа и, наконец, кооперативы высшего типа, т. е. колхозы, как это и было предусмотрено генеральной линией. На деле же переход к высшей форме сельскохозяйственной производственной кооперации происходил, как правило, минуя среднюю ступень (полусоциалистические кооперативы низшего типа), т. е. непосредственно от групп взаимопомощи или даже от единоличных хозяйств. Тем самым был нарушен естественный для Китая порядок кооперирования; крестьянская масса была вовлечена в высшие формы кооперативного хозяйства не подготовленной к ним ни идейно, ни экономически.

Во-вторых, систематически нарушался принцип полной добровольности кооперирования. Хотя в резолюциях КПК и в китайской печати не было недостатка в призывах к строгому соблюдению добровольности, при таких поспешных темпах кооперирования на практике неизбежно имело место массовое нарушение добровольности, применение административного, политического и морального давления на крестьянство, особенно на середняка.

В-третьих, в ходе поспешного внедрения высших форм кооперативов были значительно ущемлены материальные интересы значительной прослойки трудового крестьянства. Большая часть крестьянства, прежде всего середняки, была недовольна поспешной отменой выплаты вознаграждения за землю и другие средства производства, передаваемые в коллективную собственность. Многие крестьяне после вступления в кооперативы высшего типа не получили обещанного увеличения доходов, улучшения материального положения, что повлекло за собой далеко идущие последствия. Все это отрицательно сказалось на настроениях крестьянства. В 1957 г. начался массовый выход из только что созданных кооперативов, обострилась классовая борьба в деревне. Китайская печать до сих пор жалуется на сопротивление зажиточных середняков мероприятиям народной власти в деревне, на их недовольство своим положением и нежелание трудиться в кооперативах.

Отказ от принципов постепенности, применения промежуточных переходных форм, зафиксированных в генеральной линии 1952 г., наблюдался также и в проведении преобразований в кустарной и частнокапиталистической промышленности и особенно в торговле. Вопреки тому, что писала и продолжает писать китайская печать, сплошное поотраслевое

преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли, проведенное в 1956 г. за несколько месяцев, означало не переход к высшей форме госкапитализма, т. е. к смешанным государственно-частным предприятиям, а фактическую национализацию частных предприятий за выкуп. Косвенное признание этого факта можно найти у многих китайских авторов; подтверждением этому служит и то обстоятельство, что в китайской статистике последующих лет статья «госкапитализм» уже не выделяется, хотя вывеска смешанных предприятий продолжает оставаться и по сей день, а капиталисты продолжают получать постоянный доход с них в виде 5% годовых и повышенных окладов.

Как и в вопросах кооперирования сельского хозяйства, здесь налицо явное расхождение между теорией и практикой: на словах — постепенное проведение социалистических преобразований; на деле — поспешное, торопливое их осуществление. На словах — широкое применение переходных форм; на деле — отказ от их применения, непосредственный, прямой переход к государственной собственности без необходимой предварительной подготовки.

Одновременно с форсированием социалистических преобразований в деревне было объявлено об ускорении темпов индустриализации. Уже в начале 1956 г. стал широко пропагандироваться выдвинутый Мао Цзэ-дуном лозунг «Строить социализм больше, быстрее, лучше, экономнее», которому было суждено заменить в 1958 г. генеральную линию партии. В результате напряжения усилий в 1956 г. удалось добиться увеличения масштабов и темпов развития промышленности, которые значительно превысили показатели первых трех лет пятилетки, а по некоторым отраслям превзошли даже общий прирост за первые три года пятилетки, вместе взятые. По 27 видам продукции из 46, производство которых было включено в первый пятилетний план, в 1956 г. был достигнут и превзойден уровень 1954 г.

Однако столь быстрое увеличение масштабов и темпов промышленного развития далось ценой предельного напряжения сил и немедленно повлекло за собой отрицательные последствия, сказавшиеся уже в 1956 г.: обострение выявившихся ранее диспропорций в народном хозяйстве; крайнюю напряженность в снабжении строительства и промышленности прокатом, материалами и многими видами оборудования; а населения продовольствием и промышленными товарами; инфляционные тенденции; израсходование государственных резервов. Это заставило правительство КНР пойти на значительное замедление темпов промышленного развития и сокращение ассигнований на капитальное строительство, принимались меры по сокращению разбухших штатов, было свер-

нуто строительство жилищ, здравниц, административных и других общественных зданий. План на 1957 г. предусматривал увеличение продукции промышленности всего на 4,5% против 31,1% в 1956 г.

Не были также достигнуты запланированные показатели роста доходов крестьян; у некоторой части крестьян после вступления их в кооперативы доходы уменьшились.

Порождению недовольства в массах способствовали также администрирование, бюрократические методы руководства, приводившие к забвению материальных и бытовых нужд трудящихся, к ослаблению политико-воспитательной работы. В конце 1956 г. в отдельных учебных заведениях, на предприятиях прошли забастовки и волнения; волнения имели место и среди членов производственных кооперативов. Во второй половине 1956 г. оживились капиталистические элементы в городе и деревне, усилились колебания мелкобуржуазных масс между социализмом и капитализмом, активизировалась буржуазия.

Подрывные выступления буржуазии совпали по времени с отмечавшимися выше волнениями среди рабочих, студентов, крестьян. Налицо было явное обострение классовой борьбы.

Наиболее острая борьба с буржуазией развернулась летом 1957 г. Лидерам буржуазии не удалось, пользуясь внутренними трудностями, спровоцировать широкое выступление против народной власти; однако они смогли увлечь за собой некоторую часть интеллигенции, а также некоторые слои крестьянства. В ряде мест правыми были организованы открытые выступления и мятежи против народной власти.

Государство дало решительный отпор вылазке буржуазии, мобилизовав широкие массы на защиту социалистических завоеваний. В ходе ожесточенной политической борьбы, продолжавшейся до начала 1958 г., правые буржуазные элементы были разбиты. Вместе с тем был принят ряд законоположений, расширявших полномочия административных и карательных органов; в стране стала осуществляться более жесткая репрессивная политика. С помощью ряда экономических, политических и административных мер было стабилизировано положение и в деревне. В период борьбы против правых элементов руководство КПК предприняло одновременно действия против коммунистов, отстаивавших генеральную линию партии 1952 г. и не склонных соглашаться с «форсированным маршем в социализм».

Несмотря на левацкие ошибки руководства КПК и вызванные этим трудности, за годы первой пятилетки (1953—1957) в Китае произошли важные перемены. К концу 1957 г. в основном было завершено социалистическое преобразование

деревни, кустарной промышленности и частнокапиталистической промышленности и торговли. Задания первого пятилетнего плана в области промышленности были не только выполнены, но и перевыполнены. Основное внимание в годы пятилетки уделялось тяжелой промышленности. В период первой пятилетки промышленное производство Китая выросло на 141%, превысив задания плана на 21%. В 1957 г. в Китае было произведено: стали — 5,35 млн. т, чугуна — 5,94 млн. т, электроэнергии 19,3 млрд. кВт·ч, угля — 130 млн. т, металло-режущих станков — 28 тыс.

В ходе промышленного строительства были созданы основы крупной технической передовой промышленности, появились новые отрасли промышленности — авиационная, автомобильная, станкостроительная, химическая, вошли в строй предприятия по производству энергетического, металлургического и горного оборудования. К концу пятилетки страна могла уже удовлетворить собственными силами более 60% потребности в машинах и оборудовании. Выросли и окрепли отечественные технические кадры. В 1957 г. в Китае насчитывалось 175 тыс. инженерно-технических работников, т. е. втрое больше, чем в 1952 г. При преимущественном развитии тяжелой промышленности быстро развивалась и легкая промышленность. С 1952 по 1957 г. производство предметов потребления выросло на 89%.

Важным фактором успешного выполнения заданий первого пятилетнего плана в области промышленности явилась огромная помощь Советского Союза и других социалистических стран Китаю. Советский Союз предоставил Китаю льготные кредиты, оказал помощь в проектировании 156 крупных промышленных объектов и поставил для них большую часть оборудования, направил в Китай много высококвалифицированных специалистов, а также оказал большую техническую помощь в других областях. Из 156 крупных объектов, сооружавшихся с помощью Советского Союза, было начато строительство 135 объектов, в том числе 68 объектов были полностью или частично сданы в эксплуатацию. Кроме того, помощь Китаю в проектировании и строительстве 68 промышленных предприятий оказывали ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария. 27 предприятий к концу пятилетки вступили в строй. В результате выполнения и перевыполнения первой пятилетки в промышленности Китай значительно продвинулся по пути социалистической индустриализации.

Некоторые достижения были и в сельском хозяйстве. Валовой сбор продовольственных культур в 1957 г. увеличился на 20% по сравнению с 1952 г., превысив задание плана на 2%, сбор хлопка вырос на 26%. Расширилась на 3,9 млн. га

пахотная площадь, несколько улучшилась техническая оснащенность земледелия. В течение пятилетки было создано 710 госхозов, на полях которых в 1957 г. работало более 10 тыс. тракторов. Известные успехи были достигнуты в животноводстве: поголовье свиней увеличилось на 63% по сравнению с 1952 г. и составило в 1957 г. 145,9 млн.; выросло также поголовье крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз. Однако в целом сельское хозяйство все еще сильно отставало от развития промышленности и не могло удовлетворить растущие потребности народного хозяйства. Особенно серьезным было положение с производством важнейших технических культур, служивших сырьем для легкой промышленности. Преодоление отставания сельского хозяйства стало к концу пятилетки одной из главных экономических и политических задач китайского государства.

За годы пятилетки несколько повысился материальный и культурный уровень масс. Была почти полностью ликвидирована безработица. Номинальная заработная плата рабочих и служащих возросла в 1957 г. на 42,8% по сравнению с 1952 г. К этому надо добавить значительные расходы государства на трудовое страхование, медицинское обслуживание, культурно-просветительные мероприятия и улучшение материально-бытовых условий рабочих и служащих, составившие за пять лет около 10 млрд. юаней. На государственные средства для рабочих и служащих было построено более 94 млн кв. м жилой площади.

Была проделана большая работа по ликвидации неграмотности. Общее число учащихся за четыре года выросло на 28,4%, в том числе в вузах — на 110,4%, в средних учебных заведениях — на 91,1%. Значительное развитие получили кинематография и издательское дело. Немалых успехов достигло здравоохранение. В основном были ликвидированы такие опасные заболевания, как чума, холера, оспа.

Улучшение жизни трудящихся, достижения в индустриализации страны создавали политическую и экономическую основу успешного выполнения второго пятилетнего плана, принятого VIII съездом КПК.

VIII съезд КПК и задачи второго пятилетнего плана на 1958—1962 гг. VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.) проходил в весьма противоречивой обстановке. С одной стороны, налицо были достижения во всех областях хозяйственного строительства, с другой — уже начали серьезно сказываться первые отрицательные результаты левацкой политики.

К VIII съезду КПК пришла как крупнейшая политическая партия, насчитывавшая 10 730 тыс. членов и кандидатов. Партия выросла не только численно, но и политически. Однако она продолжала оставаться преимущественно крестьянской по сво-

ему составу. К 1956 г. в ее рядах было: крестьян — 69%, интеллигентов — 12, рабочих — всего 14%.

Задача съезда состояла в том, чтобы обобщить опыт предыдущих лет и определить перспективы развития страны на новое пятилетие. Главное в решениях съезда заключалось в том, что он подтвердил правильность генеральной линии партии 1952 г. Это особенно проявилось в предложениях съезда по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1958—1962 гг. Решения съезда в какой-то мере конкретизировали прежнюю генеральную линию в соответствии с новыми условиями, сложившимися в результате преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговле; был сделан упор на дальнейшее развитие промышленности и с особой силой подчеркнута необходимость социалистической индустриализации, задача создания материально-технической базы социализма в течение примерно трех пятилеток.

Предложениями по второму пятилетнему плану предусматривалось поддержание во второй пятилетке высоких темпов развития промышленности. Валовую продукцию промышленности (включая современную и кустарную) предполагалось увеличить в 1962 г. в два раза по сравнению с плановым заданием первой пятилетки на 1957 г. и вместе с тем добиться, чтобы в 1962 г. на производство средств производства и предметов потребления приходилось примерно по 50% всей промышленной продукции. Увеличение национального дохода за вторую пятилетку планировалось примерно в размере 50% к плановому уровню 1957 г.

Центральной задачей второго пятилетнего плана по-прежнему было преимущественное развитие тяжелой промышленности; намечалось некоторое повышение удельного веса капиталовложений в легкую промышленность, что несомненно должно было способствовать сокращению разрыва между этими отраслями, образовавшегося в годы первой пятилетки. Одновременно планом на вторую пятилетку предполагалось осуществление важных мероприятий, непосредственно направленных на устранение диспропорций между отдельными отраслями промышленности, между валовым производством продукции и ее качеством и ассортиментом, мероприятий по укреплению финансовых и материальных государственных резервов. Намечались также определенные шаги в области технической реконструкции народного хозяйства, прежде всего промышленности.

В области сельскохозяйственного производства предложения по второму пятилетнему плану в интересах подтягивания сельского хозяйства предусматривали также увеличение удельного веса капиталовложений в сельское, лесное и водное хо-

зяйство с 7,6% по плану на 1957 г. до 10% в годы второй пятилетки. Однако такое небольшое увеличение вряд ли могло существенно изменить положение сельского хозяйства Китая.

Предложения по второму пятилетнему плану, принятые на VIII съезде КПК, в целом были экономически обоснованы и соответствовали реальным условиям и уровню экономического развития КНР, достигнутому в результате выполнения первого пятилетнего плана. Выполнение этих предложений при соответствующей поправке на ускорение темпов развития сельского хозяйства обещало привести к дальнейшему успешному развитию промышленности и достижению большей пропорциональности в развитии всей экономики КНР.

Установление нового общественного строя облегчало борьбу китайского народа за дальнейшее углубление революции, открывало новые возможности для роста производительных сил путем использования преимуществ социалистических форм хозяйства.

Игнорирование основных закономерностей строительства социализма в годы «большого скачка». Однако к концу 1957 г. в руководстве КПК снова стало брать верх стремление перескочить через ряд необходимых промежуточных ступеней сразу в развитое социалистическое и даже коммунистическое общество, в течение буквально нескольких лет создать материально-техническую базу социализма и выдвинуться в разряд индустриально развитых мировых держав. Это решение начало реализоваться в идее «большого скачка». Китаю с его 700-миллионным населением предстояло за несколько лет увеличить промышленное производство в несколько десятков, а по отдельным видам продукции — в несколько сот раз, чтобы приблизиться к уровню передовых стран. Так родился лозунг «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья».

С классовой точки зрения идея «большого скачка» означала перенесение на эпоху строительства социализма специфической схемы развития народно-демократической революции в Китае, при которой крестьянству отводилась главная, а пролетариату — второстепенная, подчиненная роль. Впоследствии эта схема была распространена на мировую арену в качестве новой концепции мирового революционного процесса. В стране развернулась кампания против «правого консерватизма», т. е. против тех представителей партийных и хозяйственных кадров, которые были способны трезво и объективно оценивать возможности и насущные нужды китайской экономики.

В мае 1958 г. состоялась вторая сессия VIII Всекитайского съезда КПК, на которой был закреплён и одобрен коренной поворот от научно обоснованного планомерного поступа-

тельного движения в строительстве социализма к ничем не оправданному, авантюристическому курсу в развитии народного хозяйства, переводу экономики страны на путь «скачкообразного», «волнообразного» развития, связанного с грубейшими нарушениями элементарных требований основных экономических законов социалистического производства.

На второй сессии VIII съезда было объявлено, что в 1958 г. в Китае будет строиться уже около тысячи сверхлимитных объектов в промышленности — больше, чем за все годы первой пятилетки, и почти на 300 объектов больше, чем намечалось по плану на 1958 г. Наряду с этим началось строительство десятков тысяч средних и мелких промышленных предприятий. Вместе с тем на второй сессии не было поставлено других конкретных, детализированных задач в области промышленного строительства и промышленного производства. Да этого и не могло быть, так как новые показатели были приняты в нарушение ранее одобренных планов вопреки существовавшим расчетам, были приняты в надежде на порыв, на неподкрепленный реальными возможностями «великий скачок», сама идея которого противоречит планомерному пропорциональному развитию.

В связи с этим надо отметить, что сама идея широкого введения улучшенной традиционной техники и малой механизации исходила снизу и была весьма плодотворной, ибо позволяла более производительно использовать огромные массы рабочей силы и местные ресурсы. Однако уже сам масштаб этого направления технической реконструкции требовал особой осмотрительности и продуманности. Прежде всего требовалось изыскать оптимальное сочетание развития крупной тяжелой промышленности с техническим прогрессом в ручном и полумеханизированном производстве. Речь шла о расширении производственных связей между крупной государственной промышленностью и домашним, по преимуществу кооперативным производством, о его планомерной и постепенной технической реконструкции на основе хозяйственно-рентабельных взаимоотношений с государственным сектором.

Однако эта работа, требующая длительных усилий, а также экономической и технической культуры, оказалась не по плечу людям, уверовавшим в магическую силу бюрократической директивы. С присущей догматикам неспособностью осмыслить индустриализацию как сложный комплекс весьма разнородных, а порой противоречивых, процессов группа Мао Цзэ-дуна усмотрела в экстенсивном расширении мелкого местного производства некое чудодейственное средство для скорейшего подъема всей экономики. Постепенную техническую реконструкцию и соответствующий подъем производи-

тельности труда группа Мао Цзэ-дуна подменила пропагандистскими мобилизациями, в ходе которых трудовые процессы превращались в оргии фанатиков. Здоровая идея преобразования ручного производства при ведущей роли крупной тяжелой промышленности и опоре на нее была скомпрометирована и во многом утратила свою жизнеспособность».

Так, летом 1958 г. в КНР по инициативе ЦК КПК развернулась «битва за сталь» — одна из самых массовых, самых непродуманных и самых тяжелых по своим последствиям кампаний за всю историю КНР. Миллионы неподготовленных людей были переброшены на выплавку чугуна и стали в доменных и сталеплавильных печах кустарного типа. Эта кампания охватила практически все уезды и города Китая независимо от наличия в них руды и угля. Печи нередко загружались железной утварью, отобранной у жителей. Полученная «продукция» лишь отдаленно напоминала металл и годилась разве что на пьедесталы для незадачливых полководцев «битвы за сталь».

Хаос и неразбериха, внесенные в 1958 г. в развитие народного хозяйства Китая «битвой за сталь», в значительной степени усугублялись постоянным увеличением заданий по различным отраслям промышленности и повсеместным развитием мелкой местной промышленности, предприятия которой сплошь и рядом создавались без всякого учета возможностей обеспечения их оборудованием и сырьем, а также потребностей в них продукции. В государственном планировании возобладали субъективизм руководителей, бюрократический волюнтаризм и спекуляция на трудовом энтузиазме масс, их готовности идти на лишения и жертвы.

В августе 1958 г. руководство КПК декретировало повсеместный переход от сельскохозяйственных производственных кооперативов к народным коммунам, сопровождавшийся грубыми нарушениями социалистических принципов организации сельского хозяйства. Наиболее существенные ошибки состояли в форсировании перехода от коллективной собственности к общенародной и в ограничении личной собственности крестьян под лозунгом «отказ от остатков частной собственности», в забвении социалистического принципа оплаты по труду, нарушении принципа материальной заинтересованности и насаждении уравниловки в распределении доходов. Это привело к дезорганизации сельскохозяйственного производства, к подрыву доверия крестьян и всего народа к коллективному хозяйству и компрометации в их глазах идей коммунизма.

По замыслу Мао Цзэ-дуна и его группы народная коммуна должна была стать основной ячейкой, ядром не только со-

циалистического, но и коммунистического общества. Он предполагал, что народная коммуна позволит Китаю совершить непосредственный переход в коммунизм, обогнав СССР и другие социалистические страны. В то же время «большой скачок» промышленности, в частности малая металлургия, позволит Китаю догнать такую капиталистическую страну, как Англия, а затем и США.

Народная коммуна в деревне сочетала хозяйственные, административные и прочие функции; обычно ее территория распространялась на пределы старой волости и включала два-три десятка прежних сельскохозяйственных кооперативов. В них было проведено дальнейшее обобществление; у крестьян изымались все приусадебные участки, был отобран личный скот и птица, обобществлялись даже предметы личного обихода: кастрюли, сковородки и мелкий сельскохозяйственный инвентарь. Вводилось коллективное питание. Пропагандисты хвастались тем, что в Китае нет больше голодных.

На работу и в столовые ходили строем, часто под звуки барабанов, для того чтобы, как уверяли агитаторы, сочетать работу с военным обучением. Вся жизнь члена коммуны была регламентирована и на виду у всех.

В громадных масштабах проводились ирригационные и лесопосадочные работы, но так как зачастую они велись без должного геологического исследования и научного руководства, то нередко бывали случаи, когда ирригационные каналы, нарушив сложный комплекс различных взаимозависимых природных факторов, приводили к тому, что грунтовые воды в одном месте поднимались и засоляли почву, а в других местах, наоборот, пересыхали колодцы, родники и ручьи. Крестьяне, лишённые материальных стимулов к труду и насильственно поставленные в условия обезлички, уравниловки, казарменной дисциплины, работали неохотно, непроизводительно, а часто уклонялись от работы.

В то же время были быстро исчерпаны небольшие запасы продовольствия, оставшегося от предыдущих урожайных лет. Недостаток продовольствия стал ощущаться в первый же год введения народных коммун. В последующие годы он крайне обострился. Вдобавок ко всему в Китае три года подряд было больше, чем обычно, случаев засухи и наводнений. Все это привело к тому, что в стране начался настоящий голод. Крестьяне бежали из коммун, тысячные толпы их скопились, например, на границе с Гонконгом, многие прорывались туда сквозь провололочные заграждения. Примитивное крестьянски уравнилельское представление о социализме и коммунизме, навязанное Мао Цзэ-дуном громадной стране, тщеславные желания обогнать всех и показать всему миру пример для подражания оборачивались трагедией для многочисленного

трудолюбивого и дисциплинированного народа. Уже вскоре стало ясно, что политика «большого скачка» и народной коммуны провалилась.

Результаты первого года «большого скачка» по существу продемонстрировали провал общего стратегического замысла китайского руководства: увеличить в течение одной пятилетки общий объем промышленного производства в 6,5 раза, в том числе выплавку стали — в 15—20 раз. Однако политика «большого скачка» проводилась в жизнь и в последующие два года. Внеся некоторые коррективы в экономическую политику и сосредоточив основные материальные и трудовые ресурсы на развитии черной металлургии, сырьевой, топливной и энергетической промышленности, руководство КПК смогло обеспечить в 1959—1960 гг. рост промышленного производства, особенно выплавку чугуна и стали. Но скачкообразное развитие промышленности в 1958—1960 гг. было достигнуто ценой истощения ресурсов страны, что привело к начавшемуся в 1961 г. значительному падению производства.

После провала «большого скачка» понадобилось затратить целую пятилетку на ликвидацию его последствий под лозунгом «урегулирования» экономики страны. В целом в 1958—1965 гг. в Китае произошло общее снижение темпов развития производства по сравнению с первой пятилеткой; доля страны в промышленном производстве как всей социалистической системы, так и в мировом промышленном производстве сократилась. Задания второго плана по промышленности и сельскому хозяйству были сорваны. Не был выполнен также 12-летний план развития сельского хозяйства (1956—1967), на который в Китае возлагались большие надежды.

Внутриполитические последствия провала политики «большого скачка» и народных коммун. Крушение иллюзий, связанных с идеей «большого скачка», породило недоверие масс к директивам партийного руководства. В партии усилились выступления против авантюристической политики Мао Цзэ-дуна. Резкой критике курс Мао Цзэ-дуна был подвергнут на VIII пленуме ЦК КПК в августе 1959 г. Оппозицию группе Мао Цзэ-дуна возглавили такие видные деятели партии, как члены Политбюро ЦК КПК Пын Дэ-хуай, Чжан Вэнь-тянь. Недовольство «скачком» захватило значительную часть низовых работников партии. В то время группе Мао Цзэ-дуна удалось разгромить оппозицию. После пленума под флагом борьбы против «правого уклона» была проведена чистка партии, усилены репрессии против недовольных, в частности в форме массовых высылки на «трудовое перевоспитание» в деревню.

Однако Мао Цзэ-дуну все же пришлось принять некоторые требования. В 1961—1962 гг. была принята политика, назван-

ная курсом на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» народного хозяйства. Для ликвидации разрушительных последствий «большого скачка» был проведен ряд крупных экономических мероприятий: реорганизованы народные коммуны, резко свернуто капитальное строительство, прекращено массовое сооружение мелких примитивных предприятий, часть промышленных предприятий и строек была закрыта или законсервирована, многие предприятия переориентированы с выпуска промышленного оборудования на производство сельскохозяйственного инвентаря и предметов повседневного обихода. Резко сократилась численность рабочего класса; из городов в деревни в административном порядке было переселено свыше 20 млн. человек.

В промышленности особый упор делался на развитие нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей, производство сельскохозяйственного инвентаря, химических удобрений и ядохимикатов. Несмотря на определенный рост, уровень производства в этих отраслях промышленности все еще весьма низок. Для улучшения качества продукции и роста производительности труда был частично восстановлен принцип оплаты по труду. Но по-прежнему главное внимание уделялось факторам морально-политического и административного воздействия — проповеди аскетизма, военизации и т. п.

Основной упор в 1961—1965 гг. делался в КНР на восстановление сельского хозяйства. Главной хозяйственной единицей в деревне стали самостоятельные производственные бригады, состоящие из 20—30 дворов и основанные на хозрасчете с правом собственности на землю и прочие средства производства. Крестьянам были возвращены приусадебные участки и домашнее имущество, разрешено держать свиней и домашнюю птицу. Однако народная коммуна, хотя и в значительно урезанном виде, была сохранена; в настоящее время она выполняет главным образом функции низовых органов власти в деревне.

Значительные усилия прилагались к расширению производства химических удобрений и усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, а также развитию ирригации в основных зерновых и хлопкопроизводящих районах. Все это позволило сельскому хозяйству к 1965 г. восстановить производство примерно до уровня 1957 г. Одновременно на протяжении ряда лет производились крупные закупки зерна в капиталистических странах. Однако продовольственный вопрос остается в Китае исключительно важной проблемой. Темпы роста производства зерна отстают от темпов роста населения. Весьма слабой остается материально-техническая и финансовая база производственных бригад. Ввиду слабости экономической базы производственных бригад китайское руководство для

сохранения и укрепления коллективных хозяйств широко применяет полигические меры воздействия. В последние годы в деревне развернута интенсивная «кампания за усиление классовой борьбы и социалистическое воспитание крестьян», повсеместно созданы союзы батраков и бедняков. Эта кампания фактически направлена не только против бывших помещиков и кулаков, но и против широких середняцких масс. Большой размах приняла также военизация производственных бригад. Подобные политико-административные меры не способны, разумеется, служить долговременным фактором, стимулирующим подъем сельского хозяйства.

Фактором, сдерживающим развитие китайской экономики, является провозглашенный в Китае курс на «строительство социализма собственными силами», направленный на обособление и свертывание экономических связей со странами социалистического содружества. Нарушение китайской стороной ранее принятых на себя обязательств по экономическому сотрудничеству нанесло серьезный ущерб социалистическим государствам и в первую очередь самому Китаю: потребовалось организовать и освоить собственное производство широкой номенклатуры изделий, отвлечь крупные материальные средства и усилия научно-исследовательских коллективов, налаживать ничем не оправданную мелкосерийность производства. Целью политики «опоры на собственные силы» является создание самодовлеющего национального хозяйства, сведение к минимуму или прекращение экономических отношений Китая с социалистическими странами, ослабление уз дружбы социалистических государств и подрыв их единства на основе пролетарского интернационализма. Разумеется, Китай уже не может и не намерен полностью изолироваться от мирохозяйственных связей. Этот лозунг по существу означает все больший отрыв от мировой социалистической системы и в то же время расширение хозяйственных связей с капиталистическими странами (Японией, ФРГ и пр.). Обращает на себя внимание, что за последние годы происходит переориентация внешней торговли Китая на капиталистические государства. Правительство КНР пошло на уступки буржуазным элементам внутри страны, продлив выплату процента на капитал, вложенный в государственно-частные предприятия.

Таким образом, на рубеже третьей пятилетки, которая должна была начаться в 1966 г., экономика КНР оказалась перед лицом целого ряда острых противоречий. Несмотря на некоторые положительные сдвиги, волюнтаристские принципы экономической политики, проводимой с 1957 г., остались во многом неизменными. Как и прежде, основной упор делается на внеэкономические факторы стимулирования производства, усилия концентрируются не на комплексном развитии эконо-

мики, а лишь на развитии ее отдельных отраслей, делается ставка на экстенсивное использование огромных трудовых ресурсов страны при консервации низкого жизненного уровня населения. Экономические же стимулы развития производства находятся в загоне.

Огромный ущерб социалистическому развитию страны наносит антисоветский, раскольнический курс китайского руководства и обстановка культа личности в целом. Для современной политической практики в Китае характерно всемерное выпячивание роли насилия, возведение чрезвычайных методов военного времени в закон жизни государства. Политическим порядкам в КНР в последнее десятилетие свойственно систематическое нарушение и попрание демократических норм деятельности партийных и государственных органов. Преданы забвению права граждан, записанные в Конституции КНР. Местные и высшие органы государственной власти функционируют нерегулярно, круг их полномочий резко сужен, а деятельность окружается покровом тайны.

Роль представительных органов — съездов партии и собраний народных представителей — сведена к простой формальности. За одиннадцать лет, прошедших после VIII съезда КПК (1956 г.), сессия всекитайского съезда партии созывалась всего один раз (в 1958 г.), хотя по уставу партии они должны собираться ежегодно. IX съезд партии должен был состояться по уставу в 1961 г., но он не созван. Приверженность группы Мао Цзэ-дуна к военизации партийной и государственной жизни нашла свое выражение в перенесении в партию и государственный аппарат норм казарменной дисциплины. Лозунг «учиться у армии» стал ныне фактически основной политической доктриной китайского руководства. Результатом всего этого является принижение роли рабочего класса, воспитание политической пассивности и покорности масс, расцвет бюрократизма, администрирование и произвол в решении коренных проблем экономической и социальной жизни страны. Эти характерные черты современной политической жизни Китая с особой силой обнаружились во время так называемой великой пролетарской культурной революции.

Несмотря на систематические чистки партийного и государственного аппарата и свирепое преследование инакомыслящих, антисоветский националистический курс руководства КПК вызывает недовольство среди широких масс трудящихся, растущую оппозицию в партии. На протяжении ряда лет китайское руководство тщательно скрывало признаки недовольства его политикой, создавая видимость единодушной поддержки линии Мао Цзэ-дуна партией и народом. Однако на рубеже 1965—1966 гг. кризис в партии принял настолько острый характер, что замалчивать его стало невозможно.

XI пленум ЦК КПК, состоявшийся в августе 1966 г., был вынужден официально признать, что «сила сопротивления» линии Мао Цзэ-дуна во всех звеньях партийного и государственного аппарата «достаточно мощна и упорна».

В обстановке иступленного культа личности Мао Цзэ-дуна, репрессий и беззаконий, царящих ныне в КНР, люди, недовольные политикой руководства, лишены, естественно, возможности выступить с развернутым изложением своего мнения перед партией и народом. Однако даже по тем скудным сведениям, которые все же проникают в китайскую печать, можно установить, что сомнению и критике подвергается весь курс Мао Цзэ-дуна, нашедший свое воплощение в пресловутом «большом скачке». Представители оппозиции, центром которой, по заявлениям китайской печати, был Пекинский горком партии, квалифицируют нынешний курс Мао Цзэ-дуна как «фанатизм» и «горячку», а «генеральную линию» и «большой скачок» — как «хвастовство», «несбыточные мечтания», «подмену действительности утопией», попытки создать «богатство из одного яйца», которые «полностью разрушились» и «расшибли себе лоб» при столкновении с действительностью. Тезис Мао Цзэ-дуна о «ветре с Востока» характеризуется как «великое пустозвонство», «избитые фразы». Режим произвола и беззакония, возобладавший в КНР, клеймится как «деспотическая тирания». Оппозиция обвиняет руководство партии во главе с Мао Цзэ-дуном в «чрезмерном самомнении», «неуважении к массам» и пренебрежении к «мнениям снизу», выступает против «произвола и насилия, помыкания людьми и ограбления их силой или обманом», против «очковтирательства, субъективизма и своеволия», за «честность, реалистичность и линию масс в мышлении».

Во внутрипартийном плане оппозиция требует ликвидации засилья сторонников Мао Цзэ-дуна в руководстве партией, которое «не выполняет обещанного» и «не заслуживает доверия», а также реабилитации противников «большого скачка», репрессированных после VIII пленума ЦК КПК (август 1959 г.). Следует отметить, однако, что, хотя противники курса Мао Цзэ-дуна смешиваются с грязью на страницах китайской печати, им не предъявляется формального обвинения во фракционной деятельности. По всей вероятности, хотя сопротивление авантюристической политике руководства не приобрело в рядах КПК организованного характера и проявляется преимущественно в пассивной форме, недовольство партийных кадров усиливалось повсеместно. Крупные провалы во внешней политике маоистского руководства, явственно обнаружившиеся к началу 1966 г., также обостряли борьбу внутри партии.

Вместо того чтобы разрешить возникшие в партии противоречия методами партийной демократии, предусмотренными уставом КПК, китайское руководство встало на путь бешеной травли инакомыслящих, подавления их через голову партии путем открытого насилия и террора, разгрома партийных организаций в центре и на местах. То же самое было предпринято и в отношении комсомола, профсоюзов и других массовых организаций.

Решение о чистке было принято, видимо, еще в конце 1965 г. Широкая политическая кампания против недовольных курсом руководства была начата в ноябре 1965 г. под прикрытием так называемой культурной революции. В апреле 1966 г. инициаторы «культурной революции» дали директиву «открыть огонь по антипартийной, антисоциалистической черной линии» противников группы Мао, которым был приклеен ярлык «ревизионистов». Яростная травля в печати подлинных и предполагаемых противников идей Мао Цзэ-дуна была дополнена прямым физическим насилием и надругательством над ними. Чинить суд и расправу над партийными кадрами были призваны толпы молодежи и подростков, одурманенных культом Мао, коварной политической демагогией и длительной антисоветской националистической пропагандой.

Еще больший размах кампания преследований «ревизионистов» в КНР приобрела после XI пленума ЦК КПК. Созванный в обстановке политического террора и антисоветской истерии, пленум сосредоточил свое главное внимание на борьбе с «ревизионистами», отделившись от неотложных проблем хозяйственного строительства в стране туманными общими фразами. В области международной политики пленум на первое место поставил борьбу против КПСС и категорически отверг предложения КПСС и других братских партий о совместных действиях социалистических стран для отражения американской агрессии во Вьетнаме, отбросив тем самым всякую маскировку откровенного антисоветского курса руководства КПК. Одновременно пленум дал новый толчок культу личности Мао Цзэ-дуна, официально провозгласив его «величайшим марксистом-ленинцем нашего времени».

Основным документом XI пленума ЦК КПК явилось «решение о великой пролетарской культурной революции», принятое 8 августа 1966 г. Этот документ не оставляет никаких сомнений в том, что «культурная революция» в Китае не имеет ни малейшего отношения к культуре и тем более к пролетарской революции. В решении, составленном при непосредственном участии Мао Цзэ-дуна, неоднократно подчеркивается, что главная цель нынешней «культурной революции» состоит в том, «чтобы разгромить тех, кто находится у власти и идет по пути капитализма». В переводе на общедоступный

язык это означает установку на массовое избивание тех партийных кадров, которые проявляют хотя бы малейшие признаки партийности, самостоятельного трезвого мышления, естественного в нынешних условиях недовольства или сомнения в правильности «идей Мао Цзэ-дуна». Для этого решение предлагает «смело поднимать массы молодых и юных революционеров», «не бояться беспорядков». Вместе с тем решение было вынуждено констатировать, что провокация против партии, затеянная руководящей верхушкой КПК под прикрытием «культурной революции», была «неожиданной» для партийных кадров, что «ответственные работники многих организаций оказались в беспомощном положении», а в ряде случаев даже «организовывали контратаку».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, сосредоточивая огонь на партийных кадрах, решение в то же время берет под защиту «людей, которые обладают обычной буржуазной научной идеологией». Характерно также, что «правомочными органами культурной революции», «которые не являются организациями временного характера, а являются постоянными массовыми организациями, которые будут существовать в течение длительного времени» и которые призваны проводить чистку партии и госаппарата, объявляются в решении не партия, комсомол, профсоюзы, а вновь созданные беспартийные организации молодежи и подростков. Главной из них стали «хунвэйбины» — «красные охранники», появившиеся во второй половине августа 1966 г.

«Красная охрана» — это военизированные ударные отряды фанатичной учащейся молодежи, специально предназначенные для осуществления массового политического террора в отношении партийных и комсомольских кадров и запугивания широких слоев населения. В распоряжение «красной охраны» предоставлены помещения, транспорт, типографии, бумага и прочие необходимые материальные средства, ее расходы оплачиваются государством. Погромная деятельность «красной охраны» получила полную поддержку, одобрение и оправдание со стороны Мао Цзэ-дуна и его ближайшего окружения.

Первые же недели существования «красной охраны» ознаменовались в Пекине и на периферии разгулом политического хулиганства, актами вандализма и изуверства: кровавыми насилиями над неугодными режиму партийными кадрами, взрывом антисоветской истерии, массовым уничтожением культурных ценностей, оплевыванием всего мирового и национального культурного наследия. В конце 1966 г. на помощь хунвэйбинам, действия которых натолкнулись на сопротивление масс, были призваны их более взрослые сподвижники — «цзаофань» («смутьяны»). Террор «красной охраны» и «смутьянов»,

искусно направляемый сверху и открыто попирающий последние остатки социалистической законности и партийной демократии, преследует цель создать в стране обстановку нетерпимости, подозрительности и страха, с тем чтобы пресечь и подавить малейшее отклонение от «идей Мао Цзэ-дуна» и полностью изолировать КПК и весь китайский народ от какого бы то ни было влияния международного коммунистического движения, в первую очередь — от Советского Союза.

Теоретическим оправданием террора и антисоветизма в Китае является пущенный в ход Мао Цзэ-дуном китайский вариант антиленинской теории обострения классовой борьбы по мере продвижения по пути социализма. Совершенно необычна роль армии в нынешней «культурной революции» в Китае. Армия объявлена главной опорой социалистического государства в Китае, образцом для подражания, а казарменные порядки — идеалом государственного и общественного устройства при социализме. Центральная армейская газета «Цзефан цзюнь бао» систематически выступает с директивными указаниями от имени ЦК КПК по основным вопросам «культурной революции».

В начале 1967 г. Мао Цзэ-дун и его группа призвали армию к прямому вмешательству в ход событий. В январе 1967 г. армия получила приказ оказывать помощь «цзаофаням» в «захвате власти». Армия и ее представители призваны «взять на себя всю партийную, административную, финансовую и культурную власть» на местах. Это означает не что иное, как восстановление существовавшего в 1949—1952 гг. военного контроля, однако в несравненно больших масштабах и с совершенно иной целью — не против контрреволюции, а против партии и народа.

Все это является следствием мелкобуржуазного, националистического перерождения руководящей верхушки КПК в лице группы Мао Цзэ-дуна, которая под видом «культурной революции» в Китае производит военный переворот, тщательно подготовленный целой серией идеологических, политических и организационных мероприятий, проведенных в последние годы и направленных на введение неограниченной военно-бюрократической диктатуры маоистов. События в Китае являются логическим следствием чуждого принципам социализма мелкобуржуазного, шовинистического курса группы Мао Цзэ-дуна и вместе с тем свидетельством глубокого кризиса этого курса, того тупика, в который он завел партию и страну.

Антисоветская, националистическая внешняя политика, военно-диктаторские методы, направленные против партии и социалистического государства, в сочетании с экономической и культурной отсталостью страны поставили китайский народ

перед угрозой утраты его первых социалистических завоеваний. Шовинистические и антидемократические извращения китайских руководителей не только дискредитируют идеалы коммунизма, серьезно тормозят развитие международного коммунистического и национально-освободительного движения, но и наносят колоссальный ущерб интересам самого китайского народа, принесшего огромные жертвы во имя социалистического будущего.

Все это вызвало серьезную озабоченность марксистско-ленинских партий. Международное коммунистическое движение решительно отмежевалось от того, что творится в Китае под видом «культурной революции», и открыто заявило, что политика китайского руководства не имеет ничего общего с теорией марксизма-ленинизма, с принципами социализма и коммунизма. Вместе с тем, руководствуясь принципом социалистического интернационализма, стремлением к укреплению братской дружбы, сотрудничества и взаимопомощи на основе полного равноправия, самостоятельности и правильного сочетания интересов каждой страны с интересами всего социалистического содружества, Коммунистическая партия Советского Союза и другие марксистско-ленинские партии прилагают огромные усилия для восстановления традиционной дружбы с КНР, КПК и китайским народом, для укрепления единства и сплоченности социалистических государств. XIII съезд КПСС выразил уверенность, что в конце концов народ Китая преодолеет трудности и будет вновь идти в едином строю с Советским Союзом и другими социалистическими странами в борьбе за общее великое революционное дело.

Корейская Народно-Демократическая Республика

Борьба корейского народа за объединение страны, против иностранной интервенции. После образования КНДР трудящиеся Северной Кореи проделали огромную работу по восстановлению разрушенных японцами фабрик и заводов, железных дорог, рудников и шахт, дальнейшему развитию экономики страны. Если принять уровень промышленного производства 1946 г. за 100%, то в 1947 г. он равнялся 189, в 1948 г. — 263 и в 1949 г. — 377%. Согласно двухлетнему плану восстановления и развития народного хозяйства на 1949—1950 гг. уровень промышленного производства Северной Кореи к концу его выполнения должен был превзойти уровень 1946 г. в 6,6 раза. В марте 1949 г. было подписано советско-корейское соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве сроком на десять лет. Основанное на принципах пролетарского интернационализма, уважения су-

веренитета, взаимной выгоды, сотрудничества и взаимопомощи соглашение стало важным фактором развития экономики и культуры КНДР, ликвидации там остатков колониального прошлого. Огромное значение для молодой республики имели предоставляемые Советским Союзом в соответствии с соглашением техническая помощь, товарный кредит, содействие подготовке кадров, проведению геологоразведочных работ и другие формы братской поддержки.

Успехи населения КНДР в хозяйственном строительстве вдохновляли народные массы всей страны на борьбу за объединение родины. На демократические силы Южной Кореи обрушились репрессии лисынмановской реакции. В ответ на всей территории Южной Кореи с осени 1948 г. стали создаваться партизанские отряды, которые, как правило, возглавлялись членами Трудовой партии. Значительно расширилось крестьянское движение. Протест широких слоев населения против политики и действий империалистов США и лисынмановских правителей захватил и часть южнокорейской армии. В октябре 1948 г. вспыхнуло восстание в 14-м полку, дислоцировавшемся в Йосу (провинция Чолла намдо). Одно из его подразделений отказалось участвовать в карательной экспедиции против партизан Чечжудо. К солдатам присоединились рабочие, ремесленники, крестьяне.

Восстание перекинулось в уезды Курё, Посон, Кванъян, Хадон, Коксон. Против повстанцев были брошены крупные силы, и они были вынуждены отступить в горы Чирисан, а также на прибрежные острова. Несмотря на широкий размах, движение 1948—1949 гг. в Южной Корее не имело руководства, которое учитывало бы реальную обстановку и соотношение сил, определяло бы наиболее целесообразные действия. Репрессии американской и лисынмановской реакции, с одной стороны, слабость руководства народным движением — с другой, привели к большим потерям, многочисленным жертвам.

В сложившихся условиях ТПК выдвинула в качестве одной из центральных задач дальнейшую консолидацию борющихся сил всей страны, создание общекорейского национального демократического фронта под руководством марксистско-ленинской партии. В июне 1949 г. в Пхеньяне состоялся съезд представителей 71 партии и общественных организаций Северной и Южной Кореи, которые образовали Единый демократический отечественный фронт Кореи (ЕДОФ). Его программа отражала стремление входящих в него партий и организаций к мирному объединению страны и ее демократическому развитию.

В целях укрепления революционного руководства демократическими силами страны и их борьбой за решение этих задач в июне 1949 г. были объединены трудовые партии Се-

верной и Южной Кореи в Трудовую партию Кореи. Несмотря на крайне трудные условия, летом и осенью 1949 г. в Южной Корее происходили многочисленные выступления в поддержку программы ЕДОФ. На промышленных предприятиях Сеула, Инчхона, Тэгу, Пусана, на многих шахтах и рудниках были объявлены забастовки, участники которых требовали мирного объединения страны. Осенью 1949 г. в горных районах Одисана провинции Канвандо Чирисана (провинции Кёнсаннамдо и Кёнсаипукдо) активизировали свою борьбу партизаны. Они совершали налеты на военные базы, казармы и полицейские участки. В ряде уездов происходили выступления крестьян, требовавших проведения земельной реформы и других демократических преобразований. К единому фронту, к участию в движении за мирное объединение страны присоединились и патриотические слои национальной буржуазии, поддерживавшие выдвинутую ЕДОФ программу.

7 июня 1950 г. Единый демократический отечественный фронт обратился к народу Северной и Южной Кореи с призывом ускорить объединение страны путем проведения всеобщих выборов. Но лисынмановские власти воспрепятствовали этому. Настойчиво выступая за мирное объединение Кореи, Президиум Верховного народного собрания предложил провести объединение страны путем слияния Верховного народного собрания КНДР и Национального собрания Южной Кореи в единый законодательный орган. Однако южнокорейские власти и стоящие за их спиной правящие круги США отклонили и это предложение. Соединенные Штаты хотели при помощи междоусобной войны корейского народа уничтожить Корейскую Народно-Демократическую Республику, распространить реакционный режим Ли Сын Мана на всю Корею и превратить ее в свою военно-стратегическую базу на Дальнем Востоке.

25 июня 1950 г. части лисынмановской армии вторглись в пределы КНДР и на ряде участков продвинулись в глубь ее территории на 1—2 км. Правительство КНДР потребовало от южнокорейских властей немедленного прекращения военных действий, но получило отказ. Тогда оно отдало своим войскам приказ перейти в контрнаступление. К середине сентября 1950 г. Народная армия КНДР, отбрасывая лисынмановские войска и пришедшие им на помощь американские воинские части, освободила 95% территории и 97% населения страны. Лисынмановский режим оказался перед катастрофой.

На заседании Совета Безопасности, состоявшемся 25 июня, американской делегации удалось проташить резолюцию, содержащую обвинение КНДР в нападении на Южную Корею. Как показали последующие события, США стремились зару-

чившись «решениями» ООН, начать широкую интервенцию против КНДР. 27 июня, уже после того как президент Трумэн отдал приказ об участии американских войск в войне против корейского народа, американская делегация протащила через Совет Безопасности еще одну резолюцию, которая снова обвиняла КНДР в нарушении мира, одобряла интервенцию США. Советский Союз, Польша, Чехословакия, КНДР, КНР осудили решение Совета Безопасности ООН как незаконное и направленное на оправдание и дальнейшее усиление американской интервенции.

Пытаясь запугать корейский народ, американские империалисты развязали истребительную войну против населения, подвергали варварским бомбардировкам мирные города и села. 15 сентября 1950 г. крупный американский десант высадился у Инчхона с намерением отрезать сражающиеся далеко на юге части Народной армии. Развивая успех, достигнутый в результате стратегии внезапности, американские войска в начале ноября 1950 г. в нескольких местах дошли до пограничной с Китаем р. Ялу. Американские интервенты и их южнокорейские приспешники совершали на временно захваченной территории варварские злодеяния. Оккупанты разрушали города и села, подрывали промышленные предприятия, культурно-бытовые учреждения, несли смерть и опустошение. С особой жестокостью они расправлялись с партийным и государственным активом.

Чтобы отразить нависшую над КНР угрозу, а также помочь корейскому народу, отряды китайских народных добровольцев вступили 25 ноября 1950 г. на корейскую землю. Под ударами корейской Народной армии и китайских народных добровольцев американцы и лисынмановцы поспешно откатились на юг. 8-й американской армии были нанесены серьезные потери.

Американское руководство пыталось спасти положение путем расширения агрессии, но этот план не встретил поддержки правительств государств, пославших войска в Корею. Тогда Трумэн прибег к шантажу. 30 ноября он заявил, что рассматривается вопрос о применении в Корее атомного оружия. Это заявление вызвало возмущение и протесты народов различных стран мира, породило растерянность в руководящих кругах стран — участниц войны в Корее. В связи с провалами и поражениями в Корее серьезные трещины обнаружились в Северо-Атлантическом союзе, в англо-американском блоке. По мере того как выявлялась полная бесперспективность корейской авантюры, английские правящие круги все быстрее охладевали к ней.

Вооруженная интервенция американских империалистов вызвала возмущение всех свободолюбивых народов мира. Они

требовали прекратить агрессию против Кореи, разрешить спорные вопросы на Дальнем Востоке мирным путем. С самого начала войны в Корее Советский Союз стремился к мирному урегулированию корейского вопроса. Мирная инициатива премьер-министра Индии Неру была поддержана Советским правительством. В июне 1951 г. представитель СССР в Совете Безопасности выступил по поручению Советского правительства с предложением начать мирные переговоры о прекращении военных действий. Советское предложение встретило поддержку в мировом общественном мнении. В этих условиях американские правящие круги не решились отвергнуть его, и в июле 1951 г. начались переговоры.

Неудачи США в Корее породили острые разногласия в американских правящих кругах. Эти разногласия отражали очередное обострение противоречий в лагере империализма в связи с бесперспективностью войны в Корее. В отличие от двух мировых войн, когда основные тяготы несли союзники, а США извлекали прибыли, в корейской войне главное бремя военных усилий пришлось нести самим США. Если в Корее в конечном итоге было сосредоточено до 450 тыс. американских солдат, то Великобритания послала туда 22 тыс., Канада — 2600, Турция — 5 тыс., Австралия, Бельгия и Франция — по 1 тыс. каждая, Колумбия, Эфиопия, Таиланд, Филиппины, Южно-Африканский союз, Греция — по одному батальону.

В самих Соединенных Штатах, несмотря на преследования, развернулось движение под лозунгом «Руки прочь от Кореи». Письма и телеграммы, требовавшие «вернуть сыновей из Кореи», засыпали членов конгресса.

Под давлением миролюбивых сил во всем мире, а также ввиду явной бесперспективности одержать военную победу правительство США пошло на заключение перемирия.

Война в Корее показала, что возможности американского империализма ограничены. Заключение перемирия явилось победой не только корейского народа, отстоявшего свою свободу и независимость, но и миролюбивых сил всего мира. Тем самым был сорван план империализма США реставрировать буржуазный строй в Северной Корее, превратить всю страну в военно-стратегический плацдарм против стран социализма в Азии. Факторы, обеспечившие независимость КНДР, были таковы: прочность и жизнеспособность народного строя в Северной Корее, наличие у рабоче-крестьянского государства современной боеготовой армии, массовый воинский и трудовой героизм народа, руководство усилиями масс марксистско-ленинской Трудовой партии Кореи. Важным фактором явились помощь и содействие стран социалистического лагеря.

Советский Союз непреклонно выступал против захватнической политики США, требуя прекращения войны и мирного

разрешения корейского вопроса. Понеся большие потери в войне и не добившись успеха, США вынуждены были 27 июля 1953 г. подписать перемирие.

Восстановление народного хозяйства КНДР. Трехлетняя война причинила огромный ущерб республике. Было разрушено почти 9 тыс. промышленных предприятий. Сильно пострадало сельское хозяйство; на обширной площади были разрушены ирригационные сооружения. В целом валовая продукция промышленности сократилась в 1953 г. по сравнению с 1949 г. на 36%, сельского хозяйства — на 24%. Бомбардировки превратили в пепелища многие города и деревни молодой республики. Было разрушено более 600 тыс. жилых домов, 5 тыс. школ, более тысячи больниц, амбулаторий и много других культурных и бытовых учреждений.

Шестой пленум ЦК ТПК, состоявшийся в августе 1953 г. наметил основное направление экономического развития. Партия предусматривала за три года (1953—1955) добиться восстановления довоенного уровня во всех отраслях народного хозяйства, а затем перейти к выполнению пятилетнего плана развития народного хозяйства (1957—1961), который должен был заложить основу социалистической индустриализации. В республике снова начался восстановительный период. Большую поддержку корейскому народу продолжали оказывать Советский Союз и другие социалистические страны.

В 1954—1956 гг. Советское правительство предоставило КНДР безвозмездную помощь в сумме 1 млрд. руб., а в 1956 г. выделило дополнительно 300 млн. руб. При помощи СССР было восстановлено, реконструировано и введено в строй более 40 крупных заводов, фабрик и других промышленных объектов, в том числе Сунхунская ГЭС, вырабатывающая более трети всей производимой в стране электроэнергии, металлургический завод им. Ким Чака, Сончжинский сталелитейный завод, Хыннамский химический комбинат, завод цветных металлов в Нампхо, Пхеньянский текстильный комбинат, Мадонский цементный завод, трактороремонтный завод, мясокомбинат и др. В послевоенные годы в КНДР трудилось 1500 советских специалистов.

800 млн. юаней безвозмездно выделила КНР. Она помогла восстановить три железнодорожных депо, фабрику эмалированной посуды, стекольный завод, железнодорожные пути и др. Чехословакия оказала безвозмездную помощь в сооружении станкостроительного, инструментального, электротехнического заводов, завода автомобильных запасных частей, гидроэлектростанций на реках Хеченган, Чандииган и Пуденган; Германская Демократическая Республика — в строительстве двух заводов железобетонных конструкций, объектов электротехнической промышленности, полиграфического комбината, до-

менной печи на металлургическом заводе в Хванхе и др.; Польша — в строительстве двух паровозоремонтных заводов и четырех угольных шахт; Венгрия — в сооружении станкостроительного завода, завода мер и весов, завода красителей и других объектов; Румыния — цементного завода и завода по производству аспирина; Болгария построила в счет безвозмездной помощи керамический, бочарно-паркетный и кирпично-черепичный заводы. Страны социалистического содружества в огромной мере облегчили народным массам КНДР задачу одновременно восстанавливать народное хозяйство и осуществлять его реконструкцию. Построенные при содействии СССР и других социалистических стран предприятия стали центром технического прогресса страны, базой ее индустриализации.

По мере того как республика крепла, набиралась сил, создавалась возможность сокращать размеры безвозмездной помощи и расширять другие виды взаимного сотрудничества и связей.

Если в период трехлетки безвозмездные поступления из социалистических стран равнялись около $\frac{1}{4}$ доходной части бюджета, то в 1957 г. они составляли 12%, в 1958 г. — 4,5, в 1959 г. — 2,7%.

Экономическое строительство. Решив восстановительные задачи, партия взяла курс на создание фундамента социалистической индустриализации. В апреле 1956 г. состоялся III съезд Трудовой партии Кореи. Он записал в своих решениях, что основное направление пятилетнего плана заключается в том, чтобы, твердо придерживаясь принципа преимущественного развития тяжелой промышленности и базирясь на технической реконструкции и подъеме производительности труда в народном хозяйстве, обеспечить скорейший рост всех его отраслей, быстро развивать сельское хозяйство, легкую промышленность, на этой основе значительно повысить материальное благосостояние и культурный уровень населения. С осуществлением этих задач неразрывно связано укрепление северной части республики как опоры революции, материальной базы мирного объединения страны. Съезд исходил из того, что такой большой и сложный комплекс задач может быть успешно решен лишь при использовании преимуществ международного социалистического разделения труда.

«Для дальнейшего развития народного хозяйства нашей страны, — подчеркивается в материалах съезда, — необходимо неуклонно укреплять отношения взаимного сотрудничества и взаимопомощи стран социализма и развивать нашу экономику на основе тесной взаимной координации народнохозяйственных планов этих стран».

Закладывая основы индустриализации, руководящие орга-

ны республики следовали директиве партии, укрепляли связи с СССР и другими странами социалистического содружества, опирались на их поддержку и опыт. В этом был ключ к успехам, к преодолению трудностей, с которыми столкнулись народные массы Севера, решая задачи индустриализации.

Несмотря на сравнительно высокий уровень развития ряда отраслей промышленности Северной Кореи до освобождения, ее экономика в целом носила черты колониализма. Преобладали горнодобывающая промышленность и промышленность по первичной обработке сельскохозяйственного сырья, а удельный вес машиностроения в общем объеме промышленного производства составлял в 1944 г. 1,6%. Значительные трудности были вызваны искусственным расчленением страны. Промышленный Север, где производилось (по данным на 1940 г.) почти 80% всей валовой продукции тяжелой промышленности, был отрезан от сельскохозяйственного Юга, дававшего 70% всей валовой продукции легкой промышленности. Этот раскол вызвал необходимость создания в Северной Корее новых отраслей легкой промышленности, в частности текстильной. Совершенно очевидно и другое: расчленение страны, господство в Южной Корее реакционных сил вынуждали Корейскую Народно-Демократическую Республику укреплять обороноспособность. Трудности были также обусловлены разрушениями экономики, произведенными американскими интервентами. На протяжении 20-летия, прошедшего после освобождения, Северная Корея дважды переживала восстановительный период.

В процессе восстановления народного хозяйства постепенно создавались и основы индустриализации. Трехлетний план наряду с задачами восстановления, являвшимися главными, предусматривал и изменения в структуре промышленности, изживание колониальной однобокости экономики. В ходе его выполнения удельный вес горнодобывающей промышленности в валовой промышленной продукции снизился с 15,7% в 1944 г. до 6,1% в 1956 г., а машиностроительной и металлообрабатывающей возрос с 1,6 до 17,3%, текстильной — с 6 до 18,4% и т. п.

Основную роль в ликвидации однобокой структуры экономики выполняла пятилетняя программа развития народного хозяйства на 1957—1961 гг. За годы пятилетки объем промышленной продукции возрос в 3,5 раза, а среднегодовой прирост производства составил 36,6%. Серьезные изменения претерпела структура экономики. Если в 1946 г. доля промышленности в совокупном продукте составляла 28%, а сельского хозяйства — 72%, то в 1960 г. соответственно — 71 и 29%. В процессе индустриализации менялась отраслевая структура

самой промышленности. Фактически заново были созданы машиностроение, станкостроение, промышленность синтетического волокна, текстильная промышленность. С началом пятилетки в республике с новой силой развернулась борьба за подъем производительности труда, воплощенная в движении Чхоллима.

Сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами, использование их научно-технических достижений способствовало преодолению в сравнительно короткие сроки технической отсталости. В период 1948—1961 гг. Советский Союз передал КНДР 2195 комплектов научно-технической документации. Предприятия, восстановленные и построенные при содействии СССР, дали в 1960 г. 36% всего производства электроэнергии КНДР, 33% чугуна, 50% кокса, 90% аммиачной селитры, 60% хлопчатобумажных тканей.

В сентябре 1961 г. состоялся IV съезд Трудовой партии Кореи. Он подвел итоги выполнения пятилетки и определил основные задачи семилетнего плана развития народного хозяйства на 1961—1967 гг., когда должна быть заложена прочная материально-техническая база социализма. Курс партии, определенный съездом, был направлен на то, чтобы и в годы семилетки экономика развивалась на базе преимущественного роста тяжелой промышленности при одновременном развитии легкой промышленности и сельского хозяйства. Важнейшая задача семилетки — осуществить всестороннюю техническую реконструкцию, ускорить технический прогресс в промышленности и других отраслях народного хозяйства. Общий объем капиталовложений в народное хозяйство составит за семилетку 7 млрд. вон, что в 2,3 раза превысит капиталовложения в период трехлетнего и пятилетнего планов.

Семилетка предусматривает повышение материального благосостояния трудящихся — национальный доход должен увеличиться в 2,7 раза, реальные доходы рабочих и крестьян — почти в 2 раза. В 1961 г. промышленное производство возросло по сравнению с предыдущим годом на 14%, в 1962 г. — на 20, в 1963 г. — на 8, в 1964 г. — на 17, в 1965 г. — на 14%.

В ходе социалистической индустриализации перед государством и партией встала неотложная задача реорганизации и подъема сельскохозяйственного производства. Земельная реформа 1946 г., ликвидировав феодальные пережитки в северокорейской деревне и нанеся сильный удар по капиталистическим элементам, не смогла, однако, полностью разрешить крестьянский вопрос. Уровень сельскохозяйственного производства оставался невысоким. Вследствие разрушений, нанесенных войной 1950—1953 гг., еще более ослабла материально-техническая база деревни, ухудшилась жизнь крестьян.

Земельная реформа 1946 г. и другие демократические пре-

образования довоенных лет способствовали укреплению союза рабочих и крестьян и являлись подготовкой к кооперированию деревни. Важной предпосылкой его осуществления был также рост промышленного производства и помощь Советского Союза. По соглашению 1949 г. из СССР в КНДР поступали тракторы и другая сельскохозяйственная техника. Это позволило создать первые государственные хозяйства (госхозы), машинопрокатные станции, наглядно показывавшие крестьянам преимущества коллективного хозяйства. В целом же кооперирование деревни в КНДР развернулось до широкой индустриализации страны, до реконструкции технической базы сельского хозяйства.

Коренным социалистическим преобразованиям сельского хозяйства способствовала послевоенная расстановка классовых сил в деревне. Прослойка бедняков составляла более 30% крестьян. Большинство середняков представляло собой низший слой середняцкого крестьянства (от одного до двух чонбо земли владели 41,7%, от двух до трех — около 19% и выше трех — 6,3% крестьян). Значительная часть середняков получила землю в результате реформы из рук народной власти. Кулаки составляли всего 0,5%.

Трудовая партия на августовском пленуме 1953 г. провозгласила курс на социалистическое преобразование деревни. Трехлетний народнохозяйственный план намечал меры по развитию и укреплению сельскохозяйственных производственных кооперативов, оказание им государственной помощи. Первый экспериментальный период кооперирования продолжался примерно до осени 1954 г. В это время накапливался опыт руководства движением, формировались кадры, велась разъяснительная работа среди крестьян. Из города в помощь сельским организациям были посланы большие группы рабочих, партийных и хозяйственных кадров. Второй этап коллективизации характеризовался массовым вступлением крестьян в кооперативы. Хотя партия провозгласила в качестве обязательного условия кооперирования добровольность, постепенность, эти принципы нередко на местах нарушались. В июне 1955 г. Президиум ЦК ТПК принял решение временно ограничить численный рост кооперативов и уделить основное внимание укреплению созданных.

Учитывая, что земля находилась в частной собственности крестьян, что экономическое положение их, как и уровень сознательности, неодинаковы, Трудовая партия и правительство сочли необходимым установить три формы кооперативных хозяйств. Первая форма — группа (или бригада) трудовой взаимопомощи, где совместно выполняются основные сельскохозяйственные работы, совместно используется тягловый скот и сельскохозяйственные орудия, которые, однако, оста-

ются в личной собственности, а на средства, вносимые членами групп, развиваются подсобные промыслы. В кооперативах второй формы земля, принадлежащая членам кооператива, объединяется (кроме сада и огорода определенного размера). Рабочий скот и сельскохозяйственные орудия остаются в личной собственности крестьян или покупаются на общие средства. С согласия владельцев они могут быть переданы в коллективную собственность с возмещением их стоимости в течение определенного времени. Часть урожая идет в семенной фонд, на оплату производственных расходов и натурального налога. Другая часть урожая (после отчислений) распределяется между членами кооператива по трудодням и в зависимости от внесенного земельного пая.

В кооперативах третьей формы объединяются земля, тягловый скот, основные сельскохозяйственные орудия производства. После выделения части урожая на семена, оплату производственных расходов и натурального налога 10—15% оставшегося урожая идут в фонд общественного накопления, 2—3% на социально-культурные нужды. Остальной урожай распределяется по количеству трудодней среди членов кооператива. До принятия нового примерного устава (1959 г.) и в кооперативах третьей формы за крестьянами сохранялось право частной собственности на землю.

Кооперативы третьей формы с самого начала заняли преобладающее место. Так, в июне 1954 г. они составляли 54%, через год — 89%, а в июне 1956 г. — 97% (остальные были кооперативами второй формы). Несомненно некоторые факторы и в первую очередь уравнительный характер землевладения в КНДР после реформы благоприятствовали быстрому преобразованию кооперативов. Однако в ряде мест администрирование, погоня за количественными показателями искусственно ускоряли как процесс в целом, так и переход от низших форм кооперативов к высшим. К концу 1956 г. насчитывалось около 16 тыс. кооперативов, а обрабатываемая в них земля составляла почти 80% всей посевной площади.

Что касается кулаков, то устав сельскохозяйственной артели предусматривал возможность принимать в кооперативы всех желающих честно трудиться. Однако часть кулаков активно пыталась препятствовать кооперированию. Они и засылаемые из Южной Кореи реакционеры проникали в кооперативы, шантажировали и запугивали крестьян, дискредитировали деятельность народных органов власти, пытались изнутри разваливать коллективные хозяйства. Государству пришлось провести большую работу по пресечению подрывной деятельности враждебных элементов.

К августу 1958 г. кооперирование деревни в КНДР было завершено. Оно ускорило и социалистическое преобразование

частной промышленности и торговли, базировавшихся на мелкотоварном крестьянском хозяйстве. В годы войны частный сектор понес серьезный урон, его удельный вес в промышленности составлял 2—3%. Многие торговцы и предприниматели разорились, остались фактически только мелкие. Перед ними открывался путь к улучшению их положения — через кооперирование; и они встали на этот путь. Преобразование частного сектора осуществлялось путем вовлечения промышленников и торговцев в разные виды кооперативов, где они получали заработную плату в зависимости от количества затраченного труда и суммы внесенного пая. Постепенно низшие формы кооперирования перерастали в высшие, где доход членов полностью зависел от труда. С преобразованием к осени 1958 г. частной промышленности и торговли в КНДР социалистический уклад победил во всех сферах северокорейской экономики. Как и в некоторых других социалистических странах, в КНДР проявилось временное отставание производительных сил от производственных отношений. Так, в деревне восторжествовали социалистические производственные отношения, но сельское хозяйство оставалось все еще отсталым. И только после их победы началась техническая реконструкция сельского хозяйства. Она была призвана преодолеть отставание производительных сил сельского хозяйства от передовых, социалистических производственных отношений.

Решение о техническом перевооружении сельского хозяйства было принято в 1958 г. на сентябрьском пленуме ЦК ТПК. Республиканский съезд сельскохозяйственных кооперативов в январе 1959 г. наметил в 2—3 года завершить орошение всех поливных и суходольных рисовых полей, в 1—2 года — электрификацию деревень, в 4—5 лет — механизацию сельского хозяйства. Ограниченность пахотной площади, горный рельеф и другие факторы диктовали необходимость первоочередного развития ирригации. В республике развернулось строительство более десяти тысяч объектов; среди них — крупные ирригационные сооружения (Киянская, Оидонская, Амнокканская и Чонданская системы). К концу пятилетки площадь орошаемых рисовых и суходольных полей превысила 800 тыс. чонбо. Это в 7 раз больше, чем до освобождения страны от японских захватчиков. Кроме государства ирригационное строительство вели сельскохозяйственные кооперативы. Большая работа проводилась по защите пахотных земель от разлива рек.

Важной составной частью технической реконструкции сельского хозяйства стала его электрификация. Наряду с Супхунской ГЭС на р. Амноккан и другими крупными гидроэлектростанциями развернулось сооружение средних и мелких. За пятилетку объем потребления электроэнергии в северокорей-

ской деревне возрос в 2,2 раза. Более 92% деревень было обеспечено электроэнергией. Она постепенно стала использоваться и для производственных нужд.

Наиболее трудной областью технической реконструкции сельского хозяйства являлась механизация, от которой зависит в огромной мере подъем производительности труда, укрепление кооперативов, облегчение труда крестьян. В соответствии с решениями декабрьского пленума ЦК ТПК (1959 г.) механизация стала проводиться вначале в равнинных районах (провинции Южная Пхенан и Южная Хванхэ), а затем постепенно распространяться и на другие районы, в том числе и горные (провинции Чагандо, Янгандо, Северная Хамгён). Географические особенности страны (пригодная для обработки обычными тракторами пахотная площадь составляет менее одной трети пахотной площади страны) вызвали необходимость сочетания большой механизации с малой.

Тракторные заводы в Канге и Кияне и другие машиностроительные предприятия, построенные с помощью братских стран, стали поставлять в деревню машины. В 1960 г. на полях Северной Кореи работало 12,5 тыс. тракторов, почти 50 тыс. других сельскохозяйственных машин. Существенная роль в механизации сельского хозяйства принадлежала машинопрокатным станциям (в конце 1959 г. они были преобразованы в станции сельскохозяйственных машин).

Техническая реконструкция сельского хозяйства вызвала необходимость укрупнения кооперативов. Президиум ЦК ТПК в октябре 1958 г. счел целесообразным укрупнить коллективные хозяйства и создать на территории каждого сельского административного района (ли) один кооператив. Вместо 13 309 кооперативов было создано 3843. Число крестьянских дворов в них возросло в среднем с 80 до 300, а площадь обрабатываемой земли со 130 до 500 чонбо.

Республиканский съезд сельскохозяйственных кооперативов (январь 1959 г.) принял новый примерный устав, по которому земля провозглашалась социалистической кооперативной собственностью.

Новые производственные отношения в деревне и возрастающая помощь государства сельскому хозяйству способствовали подъему сельскохозяйственного производства. За пятилетку было освоено 15 тыс. чонбо новой пахотной земли, посевная площадь увеличилась с 2413 тыс. до 2767 тыс. чонбо. Валовое сельскохозяйственное производство возросло с 1956 по 1960 г. в полтора раза, среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции составил около 11%. Урожайность риса увеличилась на 24%, пшеницы — на 25%. В целом производство зерновых в 1960 г. более чем в два раза превысило уровень производства зерна до освобождения. Вырос удель-

ный вес технических культур, шелководства, плодоводства. Определенных успехов за пятилетие добилось животноводство. В Северной Корее создавалась база многоотраслевого сельскохозяйственного производства.

Новые большие задачи были поставлены перед сельским хозяйством семилетним планом. Главнейшая из них — расширение технической реконструкции, быстрое развитие всех отраслей сельскохозяйственного производства (в первую очередь производства зерна) для удовлетворения растущих потребностей населения в сельскохозяйственной продукции, а промышленности в сырье. Важнейшими звеньями технической реконструкции сельского хозяйства в период семилетки становятся механизация и химизация сельского хозяйства.

Экономическое строительство в КНДР сопровождается глубокой культурной революцией. В течение нескольких послевоенных лет в республике было сначала введено всеобщее обязательное начальное обучение (с 1956 г.), а затем всеобщее обязательное семилетнее обучение (с 1958 г.). За пятилетие число общеобразовательных школ возросло с 5306 до 7302. В 1961 г. в КНДР действовало свыше 8 тыс. учебных заведений с 2530 тыс. учащихся. Это почти четверть населения республики.

Одним из крупных завоеваний социалистической культурной революции в КНДР явилось создание большого отряда народной интеллигенции. В колониальной Корее прослойка интеллигенции была и крайне незначительной и очень односторонней по своему профилю. Национальных технических кадров высшей квалификации почти не было. Этот отряд интеллигенции пришлось заново формировать. Кроме того, в процессе культурной революции велась работа по перевоспитанию старой интеллигенции.

Особенно быстрыми темпами развернулась подготовка технических кадров в послевоенные годы. В период пятилетки в высших и средних учебных заведениях республики было подготовлено 76 тыс. инженеров, техников и других специалистов. В 1961 г. в КНДР функционировало 92 высших учебных заведения со 188 тыс. учащихся. На крупных предприятиях и госхозах созданы технические вузы, техникумы, коммунистические университеты. По семилетнему плану намечено подготовить 460 тыс. специалистов со средним и около 180 тыс. с высшим образованием. Широкое развитие получили наука, литература, искусство.

В процессе социалистических преобразований произошли коренные сдвиги в классовой структуре северокорейского общества. На базе растущей промышленности значительно увеличились численность и удельный вес рабочего класса. Если в конце 1946 г. рабочие составляли 12,5% населения, а в

1956 г. — 27,3%, то в конце 1960 г. — уже 38,3%; служащие (соответственно) — 6,2, 13,6, 13,7%; крестьяне — члены кооператива: в 1956 г. — 40%, в 1960 г. — 44,4% населения. Городская буржуазия и кулачество были ликвидированы как класс.

Отмечая рост рабочего класса КНДР, необходимо, однако, учитывать и обстоятельства, обусловившие сложность этого процесса. К ним относятся недостаточная классовая закалка и зрелость корейского пролетариата, формировавшегося в условиях колониальной крестьянской страны. Будучи в колониальный период самым активным борцом за национальную независимость и социальное раскрепощение, рабочий класс Кореи не мог тогда стать гегемоном освободительного движения в общенациональном масштабе. Он не имел своей организованной марксистско-ленинской партии.

После освобождения в Северной Корее происходил большой численный рост рабочего класса. В процессе социалистического строительства, особенно после войны 1950—1953 гг., состав рабочих значительно обновился. Из небольшой прослойки кадровых пролетариев многие погибли во время войны. Был ослаблен костяк рабочего класса. Он лишился многих потомственных пролетариев, прошедших школу освободительной и классовой борьбы. Ряды рабочего класса пополнялись за счёт учащихся, крестьян, ремесленников.

В этих условиях особенно большую роль призвана играть партия. На ее плечи ложились задачи идейно-политического воспитания и закалки молодого пополнения рабочего класса. В военные годы и партия претерпела существенные изменения. Ее рост в это время происходил очень быстрыми темпами. Так, в июле 1950 г. насчитывалось 856 893 члена партии, а в августе того же года 1 115 122 члена.

К своему четвертому съезду партия пришла с новым большим пополнением. В ее рядах в августе 1961 г. состояло уже более 1300 тыс. человек. Увеличилась прослойка рабочих, которая в 1948 г. составляла 14%, в 1956 г. — 17,3%, а к 1961 г. возросла до 30% общей численности партии. В условиях быстрого развития ТПК в массовую политическую партию важнейшей задачей партийного строительства стало качественное укрепление ее рядов, идейная закалка членов партии.

Особое значение и исторический смысл приобретает интернационалистическое марксистско-ленинское воспитание партийных кадров и всего народа, укрепление братской дружбы со всеми странами мирового социалистического содружества.

Успехи, достигнутые трудящимися КНДР, неразрывно связаны с сотрудничеством и взаимопомощью социалистических государств, с возможностью использовать закономерности и преимущества социалистической системы.

Важную роль в решении корейским народом коренных за-

дач социально-экономического прогресса играет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, заключенный в июле 1961 г. По этому договору обе стороны обязуются развивать и укреплять экономические и культурные связи, оказывать друг другу возможную помощь и осуществлять необходимое сотрудничество в соответствии с принципами равноправия, взаимного уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Договор 1961 г. направлен на сохранение мира и безопасности на Дальнем Востоке; он надежно охраняет социалистические завоевания и мирный труд корейского народа. Подчеркивая значение этого договора, Ким Ир Сен говорил, что он является залогом успешного социалистического строительства в северной части Кореи, гарантией защиты ее достижений от империалистической агрессии и будет содействовать мирному объединению страны.

Южная Корея — в тисках американских колонизаторов. Диаметрально противоположным путем идет развитие Южной Кореи. Еще более усилилась ее зависимость от американского империализма, Южная Корея превратилась в военно-стратегический плацдарм США на Дальнем Востоке. Американские империалистические круги вскармливают и поддерживают те социальные слои, которые служат их опорой в Южной Корее.

Вскоре после заключения перемирия, в октябре 1953 г. между правительством США и южнокорейскими властями был подписан договор о «взаимной безопасности», по которому США взяли на себя обязательство продолжать обучение и техническое оснащение марионеточных войск и взамен получили право строить военные объекты, размещать сухопутные, военно-воздушные силы на территории Южной Кореи. Основным рычагом экономического и политического давления американского империализма на Южную Корею является помощь. Она направлена главным образом на милитаризацию страны, на закрепление ее в качестве военно-стратегического плацдарма США на Дальнем Востоке. Характерно, что из всей суммы американской экономической помощи только 16% было использовано для капитальных вложений.

Естественно, что в таких условиях Южная Корея продолжает оставаться отсталым сельскохозяйственным районом. Ее экономика сохраняет аграрно-сырьевой характер.

Весьма показательно сравнение экономических итогов развития Северной и Южной Кореи. По некоторым видам продукции на душу населения (данные 1960 г.) Северная Корея обогнала Южную во много раз: по электроэнергии — более чем в 12 раз, по углю — в 5, по чугуну — в 150, по стали — в 30, по прокату — более чем в 20, по цементу — в 12 с лиш-

ним раз. Южная Корея, являвшаяся ранее основной базой текстильного производства страны, производит в 2 раза меньше тканей на душу населения, чем Северная. В прошлом житница страны, она дает зерна на душу населения в 2,5 раза меньше, чем КНДР. Южнокорейский пролетариат подвергается жестокой эксплуатации. Реальная заработная плата, даже по официальным данным, составляла в 1963—1964 гг. 45—50% прожиточного минимума.

Наиболее крупной акцией, предпринятой южнокорейским режимом, была аграрная реформа. Она ставила своей целью прежде всего внести раскол в крестьянское движение, усилить социальную опору США и южнокорейского режима за счет кулачества.

Проведение реформы началось весной 1950 г., было прервано войной и завершено к началу 1952 г. Закон о реформе устанавливал максимальный размер надела в 3 чонбо. Излишки земли, а также земельные наделы, систематически сдававшиеся в аренду, подлежали выкупу в размере, равном 150% стоимости среднегодового урожая риса. Помещики получили возможность подготовиться к реформе, переписать часть земель на родственников, сбыть худшие участки и т. п. Из 1,5 млн. чонбо земли, которая подлежала распределению, было продано 950 тыс. Львиную ее долю заполучили сельские богатеи. Леса, пастбища, ирригационные сооружения, инвентарь, скот остались у помещиков.

После реформы усилился процесс дифференциации крестьянства, роста и укрепления кулацкой прослойки: с 2,2% в 1945 г. она возросла до 6% в 1963 г. Средняцких хозяйств стало на 2% больше, чем до реформы. Более 70% крестьянских хозяйств Юга обрабатывают земельные участки менее гектара, а около 40% всех хозяйств — менее 0,5 га. Задолженность крестьян за послевоенные годы возросла в 20 раз. Более 1 млн. крестьянских и рыбацких семей влачит полуголосное существование. Ныне в Южной Корее огромная армия безработных и полубезработных.

Ни аграрная реформа, ни другие мероприятия США и их ставленников не обеспечили стабильности южнокорейского режима. В 1960 г. выступление масс смело марионетку Ли Сын Мана. Через год, свергнув его преемника, власть захватила военщина, а в конце 1963 г. было провозглашено создание Третьей республики — начало так называемого гражданского управления.

Несмотря на большой урон, который понесли революционные силы Южной Кореи, в послевоенный период происходит постепенное усиление освободительного движения. Об этом, в частности, свидетельствует рост стачечного движения в Южной Корее в 1966 г.

В январе 1966 г. забастовали рабочие южнокорейского города Бупхена, занятые на американской военной базе. Забастовка имела ярко выраженный политический характер. Бастующие направились к зданию штаба американской военной части, скандируя: «Долой дискриминацию!», «За равный труд — равную плату!», «Восстановить демократические права и свободы!». Против рабочих была брошена полиция. Многие из них были арестованы.

Выступление рабочих Бупхена поддержали рабочие, занятые на военных базах США в крупных городах и портах Южной Кореи. Вслед за бупхенскими рабочими забастовали портовики Инчхона, 3 февраля не вышли на работу 30 тыс. южнокорейских вольнонаемных рабочих и служащих американских военных учреждений. 6 февраля объявили забастовку водители автобусов крупнейшего после Сеула города — Пусана. Поднялись на борьбу за повышение заработной платы, за демократические права южнокорейцы, занятые на американских военных объектах и в учреждениях в провинции Кёнги. Их требования поддержало более 5500 рабочих «корейского обслуживающего корпуса».

Растущее возмущение мировой общественности вызывает посылка марионеточным правительством солдат в помощь американским агрессорам в Южный Вьетнам.

Справедливая борьба трудящихся Южной Кореи встречает поддержку и солидарность трудящихся КНДР. В июле 1966 г. правительство КНДР обнародовало меморандум, в котором еще раз разъясняется его позиция по вопросу о воссоединении Кореи.

«Чтобы осуществить мирное воссоединение Кореи в самое ближайшее время, — говорится в меморандуме, — прежде всего должны быть выведены из Южной Кореи американские и все другие иностранные войска, а корейскому народу должна быть дана возможность самому решить корейскую проблему. Вопрос о воссоединении Кореи является внутренним делом корейского народа».

Правительство КНДР предложило созвать совместную конференцию представителей политических партий и общественных организаций как Северной, так и Южной Кореи, с тем чтобы обсудить вопрос о воссоединении страны. Правительство КНДР также считает, что в целях мирного урегулирования корейского вопроса можно созвать конференцию заинтересованных стран. Такая конференция могла бы обсудить и изучить средства для достижения прочного мира в Корее и ее мирного воссоединения.

В меморандуме разоблачаются действия Соединенных Штатов и их марионеток, препятствующих мирному решению корейского вопроса.

Позиция правительства КНДР, отвечающая национальным интересам всего корейского народа, решительно поддерживается Советским Союзом и другими социалистическими странами, всеми людьми доброй воли.

Демократическая Республика Вьетнам

ДРВ в мирные дни. Как уже отмечалось, Августовская революция 1945 г. была направлена своим острием против империалистов и феодально-компрадорской реакции. Национальная буржуазия, слабая экономически и политически, никогда не владела аппаратом государственной власти, не имела опыта руководства массами. Новая власть, создавая свои революционные органы как органы общенародные, до и после Августовской революции принимала меры к привлечению в них представителей национальной буржуазии. Многочисленные попытки реакционных компрадорско-помещичьих кругов начиная с 1945 г. создать свои параллельные органы власти проваливались. Главной причиной этих провалов было прежде всего отсутствие поддержки масс, в том числе и части буржуазии. В этом проявился успех политической линии КПИК (затем ПТВ) на общедемократическом этапе революции. В дальнейшем в условиях углубления революции проводились организационно-политические меры по постепенному преобразованию частнокапиталистического сектора. Основная трудность состояла в ликвидации экономических и политических позиций другого эксплуататорского класса — помещиков, ослабленных, но сохранивших значительные экономические позиции после Августовской революции и в годы войны с французскими колонизаторами. Вот почему аграрный вопрос оставался центральной политической и экономической проблемой и после разгрома французских оккупантов.

В стране начала осуществляться аграрная реформа. Она проводилась под лозунгом — опора на бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, тесный союз со средним крестьянством и сотрудничество с зажиточным крестьянством. Речь, таким образом, шла о ликвидации помещиков как класса и передаче земли тем, кто ее обрабатывает.

Правительство ДРВ, учитывая различия местных условий, разработало план поэтапного осуществления аграрной реформы. Государство направило в деревню части Народной армии, молодежные бригады, специалистов и кадровых работников. Комитеты, избранные бедняками и батраками, производили учет, изъятие и раздел помещичьих земель. Они способствовали повышению политической активности крестьян и экономическому подъему вьетнамской деревни.

В результате аграрной реформы, этого, по словам Хо Ши

Мина, величайшего революционного переворота, решительной и сложной классовой борьбы, направленной против феодалов 2220 тыс. крестьянских дворов Северного Вьетнама, т. е. 72,8% их общего числа, получили 818 тыс. га земли, 1846 тыс. сельскохозяйственных орудий, свыше 100 тыс. голов крупного рогатого и мелкого скота, почти 150 тыс. домов. Если до реформы на каждого едока батрацкой семьи приходилось лишь 124 кв. м земли, а на одного едока в семье бедняка — 431 кв. м земли, то после реформы эти цифры составляли соответственно 1413 и 1437 кв. м. На семью середняка стало приходиться 1610 кв. м земли. Революция подняла, таким образом, миллионы обездоленных при господстве империалистов бедняков до положения середняков.

Ликвидировав помещичье землевладение и освободив крестьян от феодальной эксплуатации, аграрная реформа внесла значительные изменения в расстановку классовых сил во вьетнамской деревне, укрепила союз рабочего класса с крестьянством и руководящую роль в этом союзе рабочего класса, создала условия для быстрого подъема сельскохозяйственного производства и предпосылки кооперирования в деревне. Следует подчеркнуть, что раздел земли между крестьянами был проведен не для создания уравнительного землевладения (имеющего прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте), а с целью дальнейших преобразований в сельском хозяйстве страны, имеющих социалистический характер.

Проведение аграрной реформы проходило в условиях обострения классовой борьбы. Помещики прибегали к террору и саботажу, стремясь сорвать или затормозить аграрные преобразования. Этим можно отчасти объяснить некоторые ошибки в определении классовой принадлежности, в привлечении к суду не только самих помещиков, но и связанных с ними или обманутых ими зажиточных крестьян. Перегибы, допущенные в ходе осуществления аграрной реформы, были вскрыты на X (расширенном) пленуме ЦК ПТВ 1956 г. На пленуме отмечалось, что в ряде случаев завышался размер и урожайность полей; в некоторых районах при проведении аграрной реформы ущемлялись интересы национальных меньшинств, когда опыт проведения реформ в равнинных районах автоматически переносился в горные. Между тем правильное решение национального вопроса имело огромное значение для вьетнамской революции.

Большинство населения страны — примерно 87% — составляет национальность кинь. Наряду с этим компактным большинством во Вьетнаме имеется более 60 средних, мелких и мельчайших этнических групп, насчитывающих более 3 млн. человек, из которых 2 млн. проживают севернее 17-й параллели

ли, главным образом в горных районах. Иностранцы империалисты и феодалы до революции беспощадно эксплуатировали национальные меньшинства, сеяли раздор между ними и вьетнамцами, культивировали недоверие и вражду.

С победой Августовской революции началось возрождение национальных меньшинств. Уже в 1946 г. были сделаны важные шаги в разрешении национального вопроса. Закрепив унитарное государственное устройство ДРВ, Конституция 1946 г. предоставила ряд гарантий свободного и равноправного развития всех народностей Вьетнама. К разрешению национального вопроса народная власть подошла осторожно, не навязывая в горных районах новых форм государственной организации. В тяжелые годы войны Сопротивления борьба за разрешение национального вопроса находила свое выражение в сплочении рядов всех национальных групп Вьетнама в едином национальном фронте на основе политики, разработанной в программах Партии трудящихся и фронта Льен-Вьен, в практическом осуществлении национального равноправия. В результате империалистическим агрессорам и их феодальным прислужникам так и не удалось создать во Вьетнаме сепаратистские «автономные государства».

После восстановления мира во Вьетнаме перед Партией трудящихся и вьетнамским народом встала задача проведения глубоких общедемократических преобразований, обеспечивающих еще более широкое вовлечение всех национальностей страны в государственное, экономическое и культурное строительство и создающих предпосылки их перехода к социализму. 23 декабря 1954 г. правительство ДРВ приняло решение о предоставлении национальным меньшинствам автономии. 7 мая 1955 г. съезд народностей Северо-Западного Вьетнама избрал руководящие органы Автономной области тхай-мео, на территории которой, равной 50 000 кв. км, проживало 350 тыс. человек, принадлежащих к 20 национальностям. Им были обеспечены все демократические свободы и равные права со всеми национальностями страны: право выбирать и быть избранными путем всеобщих выборов в Национальное собрание ДРВ; участвовать в различных органах автономной области и центрального правительства. Основываясь на законах страны и особенностях местной обстановки, администрация Автономной области тхай-мео получила право издавать акты, касающиеся данной области, организовывать местные вооруженные силы и службу общественной безопасности, находившиеся под руководством Верховного командования Народной армии Вьетнама и Министерства общественной безопасности. Каждой национальности автономной области тхай-мео была предоставлена свобода вероисповедания.

Органам власти, администрации и суду предоставлялось

право пользоваться местными языками. Центральная власть оказала помощь многим этническим группам в создании своей письменности. В Автономной области тхай-мео были открыты школы и больницы; создавались собственные кадры интеллигенции. В многочисленных группах по ликвидации неграмотности занимались десятки тысяч человек. Возникли группы изучения единой письменности для всех племен тхай. Все это способствовало развитию экономики Автономной области тхай-мео. Резко выросли посевные площади под рисом, кукурузой, началось создание бригад трудовой взаимопомощи. Центральные государственные органы по мере восстановления народного хозяйства страны стали оказывать все возрастающую помощь в снабжении области промышленными товарами и сельскохозяйственными орудиями.

Следует подчеркнуть, что аграрные преобразования в этот период проводились здесь в ограниченных масштабах. Существенные позиции сохраняла местная феодальная и родовая знать. Сказанное относится и к Автономной области Вьет-Бак, которая была создана в августе 1956 г. В нее вошли пять провинций Северо-Восточного Вьетнама с населением 800 тыс. человек, принадлежащих к 12 национальностям.

Для завершения аграрной реформы, для быстреего восстановления и развития народного хозяйства наряду с борьбой за воссоединение страны на мирной демократической основе назрела необходимость дальнейшего организационно-политического укрепления Единого национального фронта. 16—20 августа 1955 г. состоялся VIII пленум ЦК Партии трудящихся, поставивший вопрос о создании вместо фронта Льен-Вьет Отечественного фронта Вьетнама. 5—10 сентября 1955 г. в Ханое проходил национальный съезд Льен-Вьета. Он принял решение об образовании Отечественного фронта Вьетнама как организации всех вьетнамских патриотов без различия религиозных убеждений, национальной принадлежности, социального положения, отстаивающих демократию и мир, единство и независимость своей родины. Съезд принял программу Отечественного фронта, выработанную с учетом конкретной обстановки в Северном и Южном Вьетнаме, законных интересов и устремлений различных слоев населения в мирной борьбе за национальное объединение.

Метод работы фронта основывался на пяти принципах: демократизм, единство действий, уважение и самоопределение различных организаций фронта, дружественное сотрудничество и дружественная критика и самокритика, взаимопомощь в деле достижения общего прогресса. Программа сформулировала десять задач фронта: достижение полной независимости, объединение страны, укрепление демократического режима, развитие экономики и увеличение производства

продукции, осуществление аграрной реформы, проведение справедливой социальной политики, развитие культуры и образования, укрепление обороноспособности и защита отечества, осуществление миролюбивой и независимой внешней политики, широкое объединение вьетнамского народа независимо от места проживания.

В Отечественный фронт вошли Партия трудящихся Вьетнама, Социалистическая и Демократическая партии, такие массовые организации, как Федерация профсоюзов Вьетнама (700 тыс. членов), Крестьянский союз (4 млн. членов), Союз женщин (3,5 млн. членов), Союз трудящейся молодежи (1,5 млн. членов), Федерация вьетнамской молодежи (3 млн. членов), Союз промышленников и торговцев и др. В Отечественный фронт вошли также Комитет защиты мира, общества дружбы с зарубежными странами, патриотические религиозные ассоциации, союзы деятелей науки, искусства, организации национальных меньшинств и вьетнамцев за границей.

Восстановление народного хозяйства явилось исключительно сложным и трудным делом. Более 144 тыс. га плодородных рисовых полей было заброшено в результате военных действий. Колонизаторы разрушили все крупные ирригационные системы. В октябре 1954 г. в результате наводнений и стихийных бедствий пострадало более 150 тыс. га посевов, что значительно ухудшило и без того тяжелое продовольственное положение в стране. Крестьяне остро нуждались в сельскохозяйственном инвентаре, удобрениях, в товарах первой необходимости. В городах существовала значительная безработица.

Октябрьский пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама в 1954 г. наметил главные задачи восстановления народного хозяйства. Основное внимание было уделено восстановлению сельскохозяйственного производства и решению продовольственной проблемы, восстановлению и расширению промышленных предприятий, экономической смычке между городом и деревней, укреплению государственного сектора народного хозяйства.

В связи с уходом французского экспедиционного корпуса к Демократической Республике Вьетнам перешли такие крупные предприятия, как Хонгайские угольные копи, дававшие перед второй мировой войной более 2 млн. т высококачественного угля. Народным достоянием стал цементный завод в Хайфонге, выкупленный республикой у бывших владельцев, и крупные текстильные предприятия в Намдине. Всего к концу 1956 г. было налажено функционирование 10 крупных предприятий, оставленных противником в освобожденных районах, модернизировано 18 заводов, созданных во время войны, а 18 других построено или находилось в предпусковом перио-

де. Вошли в действие 50 шахт. Огромное внимание было уделено развитию транспорта. К началу 1955 г. удалось восстановить две трети всех разрушенных войной шоссеиных дорог. Была налажена железнодорожная связь между ДРВ и КНР.

Большое значение для подъема сельского хозяйства имело восстановление крупных гидротехнических сооружений. Уже к концу 1956 г. были восстановлены оросительные системы, давшие воду 810 тыс. га земли. Одновременно были отремонтированы и возведены заградительные дамбы, предохраняющие низменные территории Северного Вьетнама от сильных паводков р. Красной.

Правительство ДРВ одновременно с проведением аграрной реформы и восстановительными работами предприняло первые шаги по пути социалистического преобразования сельского хозяйства, содействуя созданию групп трудовой взаимопомощи и кооперативов. Основной формой сотрудничества и взаимопомощи крестьян в этот период явились бригады трудовой взаимопомощи. Члены бригад сохраняли право частной собственности на землю и сельскохозяйственный инвентарь. Каждый член бригады получал урожай со своего участка, обработанного с помощью других членов группы, и сам в свою очередь помогал им. Группы трудовой взаимопомощи организовывались обычно на определенный сезон или для данного вида работ. Однако выгоды, получаемые даже при этой форме кооперации, обеспечивали неуклонный рост постоянных бригад трудовой взаимопомощи. Так, весной 1956 г. на Севере Вьетнама имелось более 150 тыс. таких бригад, из которых 20 200 были постоянными (впоследствии их число сократилось в результате укрупнения и создания производственных кооперативов). Трудовая взаимопомощь позволяла крестьянам применять новые методы труда, повышать урожайность, воспитывала в них дух коллективизма.

Второй формой производственной кооперации крестьян явились в этот период земледельческие кооперативы, в которых производилась коллективная обработка земли и ее совместное использование. Земля в таких кооперативах также является частной собственностью, но в отличие от практики бригад трудовой взаимопомощи превращалась в паевой взнос члена кооператива. Распределение доходов производилось в соответствии с величиной паевого взноса и с учетом количества и качества труда члена кооператива. Начали развиваться и другие формы кооперации — снабженческо-сбытовые кооперативы, кредитные кооперативы и др. К 1956 г. были образованы первые восемнадцать госхозов, оснащенных машинами и применявших передовую агротехнику.

В годы восстановления народного хозяйства перед государством встала исключительной важности задача по коопе-

рированию кустарной промышленности. В ДРВ имелось более 500 тыс. профессиональных кустарей и ремесленников, занятых в 60 тыс. заведений. Развернувшееся в 1955 г. движение за создание производственных групп и артелей кустарей стало постепенно перерастать в движение за создание снабженческо-сбытовых производственных кооперативов кустарей. Тем не менее в этот период мелкое частное хозяйство имело во Вьетнаме очень широкое распространение. Достаточно сказать, что продукция мелкой частной промышленности кустарей в стоимостном выражении к 1957 г. составляла 50—60% общего объема продукции.

По отношению к мелкотоварному сектору государство в восстановительный период осуществляло политику экономического покровительства и стимулирования в нем кооперативного движения. Всесторонне укрепляя и расширяя государственный и кооперативный секторы, заботясь о развитии мелкотоварного производства, народная власть выработала обоснованную всем ходом освободительного движения и особенностями страны политику в отношении частнокапиталистических элементов. Частнокапиталистический сектор состоял из отдельных капиталистических предприятий небольшого масштаба, функционировавших главным образом в легкой и пищевой промышленности, а также в розничной торговле. К этому же сектору относились кулацкие хозяйства в деревне. В 1956 г. его доля составляла 13% валовой стоимости промышленной продукции страны. Народная власть, используя ведущую роль государственного сектора и контроль рабочих на частных предприятиях, сумела поставить частнокапиталистическое производство и торговлю на службу трудящимся массам, стремясь ограничить то, что наносило или могло нанести ущерб государству.

Опираясь на политическую власть рабочего класса и трудового крестьянства, государство приступило к внедрению плановых начал в народное хозяйство еще в период общедемократических преобразований, при наличии помещичьего землевладения, капиталистического производства в городах и огромного частного сектора в деревне, в торговле и ремесле. В начале 1955 г. правительство ДРВ разработало одногодичный план восстановления и развития народного хозяйства ДРВ. Затем были приняты планы 1956 и 1957 гг. Это были первые государственные хозяйственные планы, опирающиеся на преимущества народно-демократического строя. Их главная задача состояла в том, чтобы залечить глубокие раны многолетней войны, положить начало искоренению последствий колониального прошлого, поднять жизненный уровень народных масс. Особое внимание уделялось увеличению производства риса и других продовольственных культур.

В результате осуществления аграрной реформы, восстановления оросительных систем и других важных мер производство основных сельскохозяйственных культур — риса, кукурузы, батата, маниоки — к 1956 г. превысило довоенный уровень. Впервые за всю свою историю Северный Вьетнам обеспечил себя продовольствием и произвел достаточно сахара, табака, хлопка.

В результате осуществления трех одногодичных планов экономика Северного Вьетнама к концу 1957 г. была восстановлена и в целом достигла довоенного уровня. Серьезных успехов добились предприятия и хозяйства государственного сектора. По сравнению с 1953 г. продукция общенародных промышленных предприятий увеличилась в 1957 г. в стоимостном выражении в 9 раз. В конце 1957 г. социалистический сектор охватывал 25% валовой продукции промышленного (включая кустарное) производства, 61% оборота оптовой торговли. К этому же времени на социалистический сектор приходилось 98% внешней торговли. На железнодорожном транспорте и в банковской системе он господствовал безраздельно. Значительно меньшие показатели характеризовали в этот период позиции социалистического сектора в сельском хозяйстве — всего 0,14%. Здесь к концу восстановительного периода насчитывалось 20 госхозов. В кооперативном секторе имелось 133 сельскохозяйственных производственных кооператива, 85 тыс. бригад трудовой взаимопомощи, ряд снабженческо-сбытовых и кредитных кооперативов.

После окончания военных действий шел быстрый рост рабочего класса, сопровождавшийся существенными сдвигами в его структуре. Задачи восстановления и развития народного хозяйства потребовали широкой подготовки новых кадров в обеспечении рабочей силой промышленных, транспортных и других строек страны. Если в 1955 г. число промышленных рабочих составляло 76,5 тыс., то уже в 1957 г. эта цифра увеличилась примерно в три раза.

Успех восстановительного периода в ДРВ был неразрывно связан с огромной и бескорыстной помощью социалистических стран. В 1955 г. Советское правительство выделило 90 млн. руб. в качестве безвозмездной помощи для восстановления экономики ДРВ, в том числе на восстановление и строительство 33 промышленных и коммунальных предприятий. Демократической Республике Вьетнам была оказана помощь в подготовке специалистов в высших и средних технических учебных заведениях СССР и в организации подготовки специалистов в учебных заведениях Вьетнама.

При содействии Советского Союза и других социалистических стран в ДРВ были восстановлены или заново оснащены угольные шахты, цементный завод и судоремонтные ма-

стерские в Хайфонге, апатитовый рудник в Лао-Кае, авторемонтный и паровозоремонтный заводы, оловянный рудник в Као-Банге, деревообрабатывающий завод в Ханое, переоборудован текстильный комбинат в Нам-Дане; построено несколько электростанций, механический завод в Ханое, чайная фабрика в Фу-Тхо и ряд других предприятий.

В этот период наглядно проявилось действие факторов, связанных с международным социалистическим разделением труда. Оно открыло возможности рационального сочетания экономического развития ДРВ с экономическим развитием других братских стран и убедительно продемонстрировало, что взаимопомощь и экономическое сотрудничество стран социализма, основанные на принципах пролетарского интернационализма, имеют особенно большое значение для всестороннего социально-экономического прогресса в прошлом отсталых стран. Опираясь на братскую помощь и сотрудничество социалистических стран, трудящиеся ДРВ в кратчайшие сроки восстановили народное хозяйство. Уже в годы восстановительного периода положение народных масс значительно улучшилось. Была ликвидирована безработица, увеличена денежная оплата рабочих и служащих, неоднократно проводилось снижение розничных цен. Опираясь на эти успехи, правительство и Партия трудящихся Вьетнама в 1958 г. приступили к широкому экономическому строительству и дальнейшим социалистическим преобразованиям во всех отраслях народного хозяйства. На этом пути предстояло преодолеть немало трудностей.

Развернутое строительство социализма в ДРВ. К концу восстановительного периода значительное место в ДРВ оставалось еще за мелкотоварным сектором, на долю которого приходилось 90% производства в сельском хозяйстве; частнокапиталистический сектор охватывал 57% промышленного и кустарного производства, 87,4% общего объема оптовой и 59,9% розничной торговли. Народная власть повела наступление против враждебных элементов, которые, опираясь на помощь остатков уничтоженного революцией помещичьего класса и иностранный империализм, пытались воспрепятствовать победе нового, социалистического строя. С целью ограничения спекуляции были введены единые цены на важнейшие промышленные и продовольственные товары. Торговцам запрещалось незаконное накопление товарных излишков. В деревне органы безопасности вылавливали и обезвреживали забрасываемых из Южного Вьетнама агентов, которые пытались препятствовать кооперативному движению и совершали террористические акты.

Успешное решение задач восстановительного периода в Северном Вьетнаме создало прочную базу для выполнения трех-

летнего плана развития экономики и культуры (1958—1960). В трехлетнем государственном плане 1958—1960 гг. были поставлены задачи: «Ликвидировать капиталистическую собственность на средства производства в промышленности и торговле, чтобы, преобразовав сельское хозяйство и кустарное производство, сделать социалистическую собственность на средства производства основой экономики, ликвидировать класс буржуазии и капиталистическую эксплуатацию и перевоспитать капиталистов, сделав из них людей, полезных обществу».

Этот план, разработанный на основе директив XIV пленума ЦК Партии трудящихся, явился программой широких социалистических преобразований в промышленности, сельском хозяйстве и торговле, программой созидания при помощи братских стран социалистической экономики и культуры.

Народная власть на основе принципа добровольности развернула кампанию по вовлечению широких слоев крестьянства в новые формы труда, в коллективные производственные хозяйства. 1959—1960 гг. ознаменовались мощным размахом кооперативного движения. В апреле 1959 г. производственные кооперативы и группы трудовой взаимопомощи охватывали соответственно 8 и 70% всех крестьянских семей Севера страны. Свыше четверти групп трудовой взаимопомощи носило постоянный характер, обеспечивая широкую базу для перехода к более высоким формам кооперирования. Все большее распространение получали производственные кооперативы, создаваемые с обобществлением основных сельскохозяйственных орудий и рабочего скота и по принципу распределения доходов по труду.

К середине 1960 г. в производственные кооперативы вступило 85% всех крестьянских семей Северного Вьетнама. Убедившись на практике в преимуществах коллективного труда, в кооперативы пошли широкие массы вьетнамского крестьянства. Подавляющий охват производственными кооперативами низшего типа сельского хозяйства ДРВ к концу 1960 г. — последнего года трехлетнего плана — явился решающим шагом в выполнении самой трудной исторической задачи строительства социализма на Севере Вьетнама.

Социалистическое строительство требовало коренного преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли. Народная власть провела среди предпринимателей большую воспитательную и организационную работу. Регулярно проводились совещания и конференции предпринимателей с представителями государства, в ходе которых намечалась линия сочетания деятельности государственных торговых и промышленных органов с частнокапиталистическими предприятиями. Весной 1957 г. на конференции предпринимателей

Ханоя была создана Ассоциация предпринимателей, которая осуществляла связь с правительственными органами. В качестве одного из первых мероприятий ассоциации было проведение в жизнь лозунга о продаже товаров частными предпринимателями по цене, не превышающей цены государственных торговых предприятий.

Правительство ДРВ проводило линию на постепенное преобразование капиталистической промышленности и торговли в общенародную собственность. Переходной формой такой трансформации стал госкапитализм. Он развивался в разных формах — от низших к высшим: между государством, с одной стороны, и промышленниками и торговцами — с другой, возникали определенные соглашения о купле-продаже; государство давало частным предприятиям заказы на переработку сырья или полуфабрикатов, заказы на изготовление определенных видов продукции; наконец, создавались смешанные государственно-частные промышленные и торговые компании.

На первой сессии Национального собрания ДРВ второго созыва констатировалось, что к июлю 1960 г. 95% капиталистических предприятий, на которых занято 97,5% рабочих и сконцентрировано 97% частного капитала, были преобразованы в смешанные государственно-частные предприятия. Коренные преобразования были осуществлены в кустарном производстве. К середине 1960 г. кооперативным движением было охвачено около 70% мелких частных производителей, причем 47% их входили в кооперативы среднего и высшего типа.

В сентябре 1960 г. состоялся III съезд Партии трудящихся Вьетнама, ознаменовавший начало нового этапа в борьбе за решение задач социалистического строительства. Как говорилось в решениях съезда, «мы должны в центре внимания поставить задачу социалистического строительства, осуществить социалистическую индустриализацию и одновременно завершить работу по социалистическому преобразованию». Съезд принял директивы по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1961—1965 гг., имевшему основной задачей создание материально-технической базы социализма, социалистическую индустриализацию и подъем всех отраслей народного хозяйства. На съезде был принят новый устав и избран Центральный комитет партии.

Огромная политико-организационная работа ПТВ в широких массах трудящихся республики способствовала успеху первой пятилетки, завершение которой происходило уже в условиях американской агрессии против ДРВ.

В сельском хозяйстве, где в основном были завершены социалистические преобразования, к концу пятилетки 86% крестьянских дворов было объединено в 30 тыс. кооперативов,

в том числе 54% — в кооперативы высшего типа, а 46% — в кооперативы низшего типа. Для преодоления немалых трудностей в сельском хозяйстве развернулось движение за улучшение управления и совершенствование техники. Были достигнуты существенные сдвиги в ликвидации монокультурного характера сельскохозяйственного производства, возросла урожайность продовольственных культур. В 1965 г. 680 кооперативов добились среднегодовой урожайности весеннего риса по 50 ц с гектара. За пять лет посевные площади увеличились на 700 тыс. га. Важные сдвиги были достигнуты и в животноводстве. В частности, поголовье крупного рогатого скота и свиней более чем в два раза превысило уровень довоенного 1938 г.

В промышленности, где ключевой задачей пятилетнего плана были социалистическая индустриализация и создание материально-технической базы социализма, быстрыми темпами развивался государственный сектор. За пять лет среднегодовые темпы роста промышленного производства составили по государственному сектору центрального подчинения 21,8%, а по государственному сектору местного подчинения — 19,4%. За пятилетие ассигнования на капитальное строительство примерно в 3 раза превысили показатели предыдущих пяти лет. 44% этих ассигнований пошло в промышленность. Быстро развивались такие отрасли тяжелой промышленности, как электроэнергетика, металлургия, машиностроение и химия. Удельный вес группы «А» в общей стоимости валовой продукции промышленности (в том числе кустарной) возрос до 41% к концу 1965 г. Производство электроэнергии возросло за пять лет в 2,5 раза. В равнинных районах Северного Вьетнама была создана единая энергосистема. Широкое развитие получила промышленность местного значения. Ее продукция в конце пятилетия составила более 46% стоимости валовой продукции промышленности страны.

Значительных успехов добилась республика в общем развитии культуры. К началу Августовской революции 90% населения страны было совершенно неграмотно. А к 1960 г. в Северном Вьетнаме неграмотность была в основном ликвидирована. Быстро росла сеть общеобразовательных школ. По сравнению с колониальным периодом число учащихся начальных школ к 1965 г. выросло более чем в 5 раз, а средних школ — почти в 40 раз. На предприятиях, в кооперативах, госхозах для взрослого населения были созданы вечерние общеобразовательные курсы. В 1965 г. на них занималось свыше 2,5 млн. человек. В 1963—1964 гг. в равнинных районах Северного Вьетнама было осуществлено всеобщее обязательное начальное образование.

Успешно решается в ДРВ проблема подготовки кадров с

высшим образованием. В 1964/65 учебном году функционировало 16 вузов и 58 вечерних курсов вузовского типа с 27 тыс. учащихся, а также свыше 100 средних специальных учебных заведений, в которых училось более 50 тыс. человек. К концу 1965 г. в ДРВ насчитывалась 21 тыс. специалистов с высшим и около 110 тыс. со средним специальным образованием. С помощью СССР в ДРВ был построен и оборудован крупнейший в стране политехнический институт. В учебных заведениях Советского Союза обучались новые тысячи вьетнамских студентов, аспирантов и практикантов. В годы пятилетки СССР и другие социалистические страны продолжали оказывать ДРВ всестороннюю братскую помощь. Достаточно сказать, что к 1965 г. в соответствии с межправительственными соглашениями между СССР и ДРВ Советский Союз предоставил братскому Вьетнаму безвозмездно и в виде кредитов свыше 340 млн. руб., или 40% всей материальной помощи, оказанной ДРВ социалистическими странами. Советская безвозмездная помощь и кредиты направлялись на финансирование крупных объектов народного хозяйства, имеющих первостепенное значение для экономического развития и обороноспособности социалистического Вьетнама. Наряду с предоставлением ДРВ материальной и технической помощи между Вьетнамом и братскими странами развиваются все формы взаимовыгодного экономического сотрудничества и взаимопомощи, растет внешнеторговый обмен, научно-техническое и культурное сотрудничество.

Сдвиги в классовой структуре вьетнамского общества, победа социалистических производственных отношений вызвали необходимость внести изменения в Конституцию ДРВ. В решениях шестой сессии Национального собрания был поставлен вопрос о необходимости «четко закрепить в Основном законе страны власть народной демократии, идущей к социализму». 31 декабря 1959 г. после всенародного обсуждения Национальное собрание единогласно утвердило новую Конституцию Демократической Республики Вьетнам, провозгласившую, что государственное руководство осуществляется рабочим классом. Конституция законодательно оформила великое завоевание вьетнамской революции — подлинное народо-властие. «Вся власть в Демократической Республике Вьетнам, — гласит ст. 5 Основного закона ДРВ, — принадлежит народу». Власть народа, констатируется в Конституции, осуществляется через созданную им в ходе длительной борьбы государственную организацию — Национальное собрание и народные советы всех ступеней, являющиеся орудием построения социализма, орудием подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских, реакционных классов, орудием защиты завоеваний народа от происков империализма, орудием

сплочения масс вокруг пролетариата и вовлечения их в управление страной и социалистическое строительство.

Конституция содержит анализ экономической структуры страны, подчеркивает ведущую роль государственного сектора в национальной экономике. Единые по своей природе государственный и кооперативный секторы составляют социалистический уклад в экономике страны, прочную базу народной власти, являются экономической основой Демократической Республики Вьетнам. Конституция определяет, что наряду с задачей строительства социализма на Севере страны государство всемерно мобилизует весь вьетнамский народ на борьбу за мирное объединение своей родины. Гарантируя «продвижение Северного Вьетнама по пути к социализму, непрерывное повышение материальных условий жизни народа и его культурного уровня, превращение Северного Вьетнама в мощную базу борьбы за мирное объединение Отечества, новая Конституция ДРВ, — указывается во втором разделе ее Вводной части, — является силой, мобилизующей народ всей страны, вдохновляющей и поднимающей его на достижение новых побед».

Нападение американской авиации на ДРВ потребовало огромных дополнительных усилий вьетнамского народа по мобилизации всех материальных и духовных сил нации на отпор агрессорам. По призыву Партии трудящихся и правительства ДРВ миллионы людей включились в патриотическое движение «трех готовностей» — готовность защищать Родину, готовность расширять производство, готовность служить Родине в любом месте. Провал захватнических планов интервентов выражается не только в потере ими тысяч самолетов в небе Северного Вьетнама, но и в том, что их преступные действия лишь укрепили монолитное единство вьетнамского народа, его готовность, как об этом заявил президент Хо Ши Мин, сражаться пять, десять или двадцать лет до победы. Движения «трех готовностей», «работать за двоих», «трех обязательств», мобилизация всех сил страны превратили ДРВ в мощный укрепленный лагерь. Третья сессия Национального собрания ДРВ второго созыва в апреле 1966 г. подвела итоги выполнения пятилетнего плана и приняла двухлетний план строительства и развития в особых условиях. Вьетнамский народ, опираясь на помощь и солидарность социалистического лагеря, всего прогрессивного человечества, развернул героическое сопротивление американскому империализму.

Успехи ДРВ и ее пример оказывают революционизирующее воздействие на население Южного Вьетнама, не желавшее мириться с ярмом американских колонизаторов и их южно-вьетнамских прислужников.

Нарушение империализмом США Женевских соглашений. Сторонников агрессивного курса в США не устраивали решения Женевского совещания, исключая участие государств Индокитая в военных группировках, создание иностранных баз на их территории и использование иностранных войск.

Попирая все нормы международного права и вопреки собственным заверениям, что США «будут воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения Женевских соглашений», Вашингтон заявил, что «считает себя не связанным с принятыми конференцией решениями». Опорой США в Южном Вьетнаме стали продажная феодально-компрадорская клика Нго-динь-Зьема, сотрудничающие с ней военно-бюрократические группировки и католическая реакция.

Став на путь срыва Женевских соглашений, США сколотили агрессивный блок СЕАТО. В престоле к договору было недвусмысленно указано, что «Лаос, Камбоджа и свободная территория, находящаяся под властью государства Вьетнам, подпадают под действие договора». Американская военщина начала проводить в жизнь свой план превращения Южного Вьетнама в вотчину США и военную базу против социалистических стран и национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии. В Южный Вьетнам стали поступать американское оружие и боеприпасы, под прямым руководством американских офицеров проводилась организация армии, полиции, административного аппарата.

Опираясь на заокеанских покровителей, Нго-динь-Зьем в сентябре 1955 г. заявил, что его «правительство не намерено идти ни на какое совещание по поводу общевьетнамских выборов в 1956 г.». Линия на увековечение раскола Вьетнама отныне стала открытой внешнеполитической линией южно-вьетнамских властей и американских «советников».

Боясь усиления движения среди народных масс за объединение Южного и Северного Вьетнама, американско-сайгонская клика стала на путь запрещения политических и общественных организаций, на путь усиления гонений против патриотических сил. 23 октября 1955 г. в обстановке кровавого террора был проведен так называемый референдум. А 26 октября Нго-динь-Зьем объявил себя главой «Республики Вьетнам». В тот же день США и Англия признали это марионеточное государство.

Неоколониалистский, феодально-компрадорский режим Нго-динь-Зьема принес 14 миллионам вьетнамцев Юга нищету и разорение. У народа были отняты завоевания Августовской революции: земля, свобода, независимость. В тюрьмы были брошены сотни тысяч патриотов, участвовавших в движении Сопротивления. К 1960 г. было расстреляно, замучено

и казнено более 80 тыс. человек, 275 тыс. человек томились в тюрьмах и концентрационных лагерях. Преследование патриотов и оголтелый антикоммунизм стали главной функцией террористического полицейского аппарата.

Освободительное движение в Южном Вьетнаме. Деятельность Национального фронта освобождения. В ответ на репрессии народ Южного Вьетнама усиливал борьбу за свои права, за объединение страны. Строго соблюдая Женевские соглашения, южновьетнамские патриоты вели борьбу за объединение родины мирными средствами. В адрес властей Южного Вьетнама, Международной комиссии по наблюдению за выполнением решений Женевского совещания поступали письма, резолюции собраний и митингов с требованием начать переговоры с ДРВ. Упорную борьбу вели южновьетнамские трудящиеся за сохранение завоеваний Августовской революции. Нелегальные прогрессивные организации проводили большую работу по разоблачению проамериканского, реакционного характера режима Нго-динь-Зьема и популяризации достижений ДРВ.

В 1959 г. демократическая борьба в Южном Вьетнаме приобрела огромный размах. Толчком к этому послужило зверское убийство политических заключенных в концентрационном лагере Фу-Лой в декабре 1958 г. В траурных процессиях в городах участвовали представители рабочих, мелкой и национальной буржуазии, патриотически настроенные деятели культуры и служители культов. Во многих буддийских пагодах и каодаистских храмах прошли молебны по погибшим. Начали возникать отряды самообороны; крестьяне уклонялись от подчинения властям и переходили к захвату земель, отобранных зьемовской администрацией. В городах усилилось забастовочное движение. Экономический кризис, тяжелое материальное положение трудящихся, разгул реакции и террора вынудили народ Южного Вьетнама взяться за оружие.

19 декабря 1960 г. по инициативе ряда патриотических организаций вблизи Сайгона был созван нелегальный Конгресс представителей различных слоев населения. На нем было принято решение о создании Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, утверждены временная программа и манифест. Основной задачей фронт провозгласил свержение реакционного проамериканского режима, установление национальной и демократической власти, проведение социальных и других преобразований, мирное объединение всей страны. Конгресс избрал Временный Центральный комитет фронта. Под его руководством началось создание по всей стране отделений и низовых организаций фронта. В состав фронта вошли три партии: Демократическая (она объединила в основном национальную буржуазию), Радикально-социалисти-

ческая (патриотическая интеллигенция) и Народно-революционная (создана в декабре 1961 г. на конференции марксистов-ленинцев партия рабочего класса и трудящихся Южного Вьетнама). Членами фронта стали общества бывших участников войны Сопротивления, а также общества крестьян, женщин, объединения религиозных групп, национальных меньшинств и т. д. Фронт насчитывает несколько миллионов человек. Было организовано нелегальное информационное агентство «Освобождение». Фронт возглавил работу по созданию вооруженных народных сил. К весне 1961 г. уже имелось несколько сот тысяч бойцов в отрядах местного значения. На этой базе 15 мая 1961 г. была создана Армия освобождения Южного Вьетнама. К концу года более чем в половине уездов Южного Вьетнама деятельность марионеточных местных органов власти фактически была парализована силами Национального фронта освобождения. Успехи организаций НФОЮВ объяснялись тем, что население Юга страны в подавляющем большинстве оставалось верно и после 1954 г. делу Августовской революции, было готово продолжать борьбу против колонизаторов и их ставленников в случае срыва ими Женевских соглашений. Империалисты увидели, что им не удастся сломить непреклонный дух и волю вьетнамского народа к свободе и демократии, к объединению страны. Они перешли в открытое наступление против южновьетнамских патриотов.

Империалистическая агрессия США. В середине мая 1961 г. в Южный Вьетнам прибыл тогдашний вице-президент США Джонсон для выработки новой программы помощи марионеточному режиму. Летом 1961 г. в Сайгоне начала работать специальная миссия американских экспертов. Она подготовила комплексный план военных, экономических и политических мероприятий, рассчитанный на укрепление шатающейся диктатуры Нго-динь-Зьема. Вскоре этот план был «усовершенствован» американским генералом Тэйлором, специалистом по ведению «малых войн». Основная задача плана состояла в «умиротворении» Южного Вьетнама в течение 18 месяцев. На этом этапе предполагалось вдвое увеличить марионеточную армию, оснастить ее американской техникой и подготовить к ведению карательных операций в крупных масштабах.

8 февраля 1962 г. в Южном Вьетнаме было создано американское военное командование. Военнослужащие США активно включились в планирование и проведение карательных экспедиций против национально-освободительного движения. К началу августа 1962 г. в Южном Вьетнаме насчитывалось 10 тыс. американских солдат и офицеров. К этому времени в американской прессе появилась первая сводка потерь, понесенных США в военных операциях в Южном Вьетнаме.

16 февраля 1962 г. в одном из освобожденных районов открылся первый съезд Фронта южновьетнамских патриотов. Съезд принял четкую программу: свобода, демократия, национальная независимость, мир, объединение страны на мирных и демократических началах в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 г. Съезд избрал новый Центральный комитет НФОЮВ. После съезда освободительное движение в Южном Вьетнаме еще более возросло: к 1965 г. три четверти южновьетнамской территории с населением примерно 10 млн. человек были уже под контролем фронта. Организации Национального фронта освобождения выполняют функции органов народной власти. Под руководством Национального фронта в освобожденных районах осуществляются демократические преобразования. Проведена аграрная реформа — более 2 млн. га земли бесплатно передано крестьянам; сокращена до 8—20% арендная плата, ликвидированы долги ростовщикам. Стала проводиться активная борьба против неграмотности, развивается система образования и здравоохранения.

Истекло 18 месяцев «умиротворения» Южного Вьетнама, но они не принесли желаемых для империалистов США результатов. Мужественная борьба южновьетнамских патриотов сорвала план Стэйли — Тэйлора. Режим Зьема переживал глубокий кризис. За первую половину 1962 г. на сторону патриотов перешло свыше 12 тыс. солдат марионеточной армии. В те дни журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» лаконично отметил: «Южный Вьетнам едва держится, опираясь на военную помощь США».

Нго-динь-Зьем и его подручные настолько скомпрометировали себя, что от них вынуждены были отвернуться американские хозяева. 1 ноября 1963 г. в Южном Вьетнаме был совершен государственный переворот. С тех пор произошло уже более десятка государственных переворотов. Сменявшие друг друга военные хунты и гражданские клики демонстрировали глубокий кризис реакционного режима Южного Вьетнама, опирающегося на американские штыки.

В своей отчаянной попытке спасти положение Соединенные Штаты Америки перешли к расширению «грязной войны» во Вьетнаме. Официальные деятели США и их южновьетнамские марионетки все чаще стали выступать с угрозами распространить военные действия на Северный Вьетнам. Состоявшаяся в июне 1964 г. конференция высшего американского командования в Гонолулу приняла решение о конкретных мерах осуществления своих преступных замыслов. Если к 1964 г. в Южном Вьетнаме насчитывалось 20 тыс. американских солдат и офицеров, то в 1965 г. их число уже составило 120 тыс., в 1966 г. — 350 тыс., а к осени 1967 г. превысило 470 тыс. человек. Под руководство командования США в

Сайгоне поставлено 600 тыс. солдат марионеточных войск, военных формирований, полиции. Южный Вьетнам превратился в опорный пункт американской агрессии против Лаоса и Камбоджи. На его территории построено 111 военных аэродромов, 12 морских и десятки сухопутных военных баз.

Колонизаторы и их пособники используют самые варварские средства ведения военных действий: химические отравляющие вещества, напалм, фосфорные бомбы. Они прибегают к уничтожению посевов и животных, в широких масштабах экспериментируют ведение микробиологической войны. Творить черное дело в Южном Вьетнаме американским интервентам помогают наемники из Южной Кореи, Новой Зеландии, Австралии, Таиланда, Филиппин. Своими бесчеловечными действиями против вьетнамского народа агрессоры повторяют преступления гитлеровцев, они предстают перед всем миром как международные военные преступники.

Однако расчеты империалистов не достигают цели. В Южном Вьетнаме развернулось всенародное сопротивление. Войска интервентов и марионеток несут тяжелые потери. В 1965 г. на сторону НФО перешло 113 тыс. солдат и офицеров марионеточной армии, убито более 19 тыс. американских захватчиков. За 1966 г. Армия освобождения и партизаны одержали новые серьезные победы. Было выведено из строя 234 тыс. вражеских солдат, в том числе более 100 тыс. американских захватчиков. 130 тыс. дезертировали из армии сайгонских генералов. Разгромлено 43 батальона, из них 26 батальонов американской армии. За этот же период сбито или уничтожено на аэродромах 932 самолета и вертолета.

Оказавшись в тупике, американские империалисты пошли на новую авантюру — начали агрессию против ДРВ. Американская авиация систематически подвергает обстрелу и бомбардировкам важнейшие народнохозяйственные объекты, школы, больницы в Северном Вьетнаме. Новой и еще более опасной ступенью американской политики «эскалации» войны во Вьетнаме явились бомбардировки пригородов Ханоя и Хайфонга с июля 1966 г. Тем самым империалисты США серьезно осложнили международную обстановку и придали войне во Вьетнаме характер, еще более угрожающий миру.

«Мы еще раз говорим президенту Джонсону, — заявил Хо Ши Мин, — Соединенные Штаты должны вывести из Южного Вьетнама все свои войска, войска сателлитов и положить конец агрессивной войне. Они должны немедленно и без всяких условий прекратить истребительную войну против ДРВ. Решение проблемы объединения Вьетнама должно быть полностью передано в руки вьетнамского народа, без всякого иностранного вмешательства, как того требуют Женевские соглашения».

22 марта 1965 г. было обнародовано заявление НФОЮВ, а 8 апреля 1965 г. — заявление правительства ДРВ. В них четко изложена программа урегулирования вьетнамской проблемы: США должны строго соблюдать Женевские соглашения 1954 г., прекратить агрессию против ДРВ, незамедлительно положив конец бомбардировкам ее территории, прекратить вооруженную интервенцию в Южном Вьетнаме, вывести оттуда свои вооруженные силы и войска своих сателлитов, а также вывезти все американское оружие, признать НФОЮВ единственным законным представителем южновьетнамского населения, предоставить народу Вьетнама возможность самому решать свою судьбу.

Эта программа выражает волю всего вьетнамского народа и находит горячую поддержку всех миролюбивых народов мира. На стороне ДРВ и патриотов Южного Вьетнама — Советский Союз, все страны социалистического содружества. Наша страна оказывает борющемуся Вьетнаму всестороннюю помощь — политическую, экономическую и средствами обороны. Заявление XXIII съезда КПСС по поводу агрессии США во Вьетнаме заклеило позорную войну американских империалистов и решительно подчеркнуло, что Советский Союз стоял и будет стоять на стороне вьетнамского народа. Выступая на XXIII съезде КПСС, первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан сказал: «Пользуясь случаем, позвольте нам выразить глубокую благодарность Коммунистической партии, правительству и великому советскому народу за огромную и многостороннюю помощь борьбе нашего вьетнамского народа».

Коммунистическая партия Советского Союза призвала к единству действий всех социалистических стран в поддержку борющегося Вьетнама. Исключительно большое значение в этом отношении имело Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, проходившее в Бухаресте в июле 1966 г. Представленные на Совещании государства единодушно приняли Заявление в связи с агрессией США во Вьетнаме. «Обсудив обстановку во Вьетнаме, сложившуюся в результате расширения Соединенными Штатами Америки военных действий, — говорится в Заявлении, — государства — участники Варшавского договора:

1. Самым решительным образом предупреждают правительство США об ответственности, которую оно берет на себя перед всем человечеством, продолжая и расширяя эту войну, за все не поддающиеся предвидению последствия, которые могут отсюда вытекать, в том числе и для самих Соединенных Штатов Америки.

2. Оказывают и будут оказывать Демократической Респуб-

лике Вьетнам все возрастающую морально-политическую поддержку и разностороннюю помощь, в том числе экономическую и средствами обороны, материалами, техникой и специалистами, необходимую для победоносного отражения американской агрессии, с учетом нужд, вызванных новой фазой войны во Вьетнаме.

3. Заявляют о своей готовности, если будет выражена просьба правительства Демократической Республики Вьетнам, предоставить возможность своим добровольцам направиться во Вьетнам, чтобы помочь вьетнамскому народу в его борьбе против американских агрессоров.

4. Решительно осуждают действия США, направленные на распространение войны на Лаос и Камбоджу; выражают свою солидарность с народами этих стран, требуют строгого соблюдения Соединенными Штатами Америки Женевских соглашений 1954 и 1962 гг. и в отношении этих государств, уважения их суверенитета, независимости, нейтралитета и территориальной целостности».

Участники Варшавского договора обратились ко всем государствам, которым дорого дело мира, ко всем прогрессивным и миролюбивым силам, к мировой общественности, к международному рабочему движению, к коммунистическим и рабочим партиям с призывом сплотить фронт борьбы против американской агрессии, решительно выступить против варварской войны во Вьетнаме, в поддержку мужественного вьетнамского народа.

Братские партии неоднократно заявляли о том, что раскольнический курс теперешнего руководства КНР наносит огромный ущерб сопротивлению вьетнамского народа американским империалистам, призывали к единству действий в борьбе против агрессоров. В частности, об этом говорилось на съездах братских партий Болгарии, Венгрии, ГДР. Но на эти призывы не последовало ответа. Состоявшаяся в апреле 1967 г. в Карловых Варах (Чехословакия) конференция коммунистических и рабочих партий европейских стран приняла обращение в поддержку вьетнамского народа. В обращении была решительно осуждена агрессивная война американского империализма во Вьетнаме, содержалось обращение к трудящимся, ко всем европейским народам, к политическим партиям, в особенности к социал-демократическим, социалистическим и католическим партиям, ко всем верующим, ко всем, кому дороги мир и свобода, с призывом шире развернуть борьбу за безоговорочное прекращение американских бомбардировок ДРВ и других актов агрессии против вьетнамского народа.

**БОРЬБА ДВУХ МИРОВЫХ СИСТЕМ
И ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ****Низвержение колониализма — общее дело
всех прогрессивных сил мира**

Весь опыт послевоенного периода показывает, что сокращение сферы прямого колониального насилия — это самый общий, глобальный итог борьбы всех мировых революционных сил против империализма. Было бы опасно полагать, что этот процесс протекает автоматически в любом месте и в любое время. Напротив, концентрируя свои силы на более узких участках, империалисты сохраняют возможность использовать каждое нарушение единства для контрнаступления и восстановления колониальных или марионеточных режимов. Колониализм еще способен временно расширять сферы своего прямого политического господства в тех местах, где единство антиимпериалистических сил нарушается.

Направление агрессии — ослабленное или изолированное звено антиимпериалистического фронта. Общая стратегия империализма, сочетающая отход с одних позиций с усилением агрессии на других направлениях, стала складываться, как мы уже видели, еще во второй половине 40-х годов. Только этой стратегией можно объяснить такие на первый взгляд противоречивые явления, как отказ США принять непосредственное участие в гражданской войне в Китае и развязывание агрессии против КНДР, «уход» английских колонизаторов из Индии и Бирмы и кровавое подавление освободительного движения в Малайе, предоставление Францией ограниченной независимости Лаосу и Камбодже и многолетняя

«грязная война» против вьетнамского народа. В те же годы, обнаруживая некоторые способности к маневрированию в Азии, колониальные стратеги и не помышляли о каком-либо отступлении в Африке. Более того, предполагалось, что интенсификация колониальной эксплуатации африканских народов «возместит» утрату некоторых экономических позиций в Азии.

Для понимания тактики империализма в том или ином районе несомненно приходится считаться с тем, что интересы монополистического капитала отнюдь не равномерно распределялись и распределяются по бывшему колониальному и зависимому миру. Интересы монополий и их капиталовложения концентрируются вокруг районов, богатых наиболее ценным и необходимым сырьем и топливом. В афро-азиатском мире к таким районам следует отнести прежде всего арабские страны, богатые нефтью, сырьевой комплекс Малайи и места залегания полиметаллов и алмазов в Южной и Центральной Африке. Именно внутри и вокруг этих регионов с особой настойчивостью сохраняются или насаждаются различные виды колониализма — колонии, расистские и марионеточные режимы, военно-политические блоки и двусторонние военные соглашения.

Вместе с тем не следует преувеличивать роль размещения природных богатств в определении колониальной политики империализма. Дело в том, что само размещение этих богатств, точнее, их разведанные и используемые запасы тяготеют к тем районам, где, как предполагали империалисты, им будет легче всего сохранить свое политическое господство. При прочих равных условиях это им было проще сделать в малонаселенных и отсталых районах, где освободительному движению сложнее набрать необходимые силы и размах. В Африке немалую роль в притягивании капиталовложений сыграло «белое» меньшинство, которое представляет собой подготовленный военно политический резерв колониализма. Вот почему слабая разведанность и слабое использование богатств недр Китая (исключая оккупированный Японией Северо-Восток), Индии, Индонезии, Турции, Египта и ряда других крупных стран двух поработенных материков определялись не столько капризами природы, сколько классовым инстинктом и расчетом монополистов, которые даже в старые времена, казалось бы, незыблемых колониальных империй ощущали угрозу, исходившую от полнящихся гневом народов. Не только экономическими соображениями было также продиктовано и тяготение иностранного капитала к прибрежной периферии в Китае, Индии и Египте. Были времена, когда пустыни Аравийского полуострова и джунгли другого полуострова — Малаккского, дебри «медного пояса» в Африке

представлялись надежно укрытыми от бурь освободительной борьбы.

Другими словами, потенциальный или уже проявившийся размах освободительной борьбы наряду, понятно, с природно-географическим моментом во многом определили направление и размещение капиталовложений и интенсивность эксплуатации людских и естественных ресурсов афро-азиатских стран. Вместе с тем по мере локализации монополистических интересов в определенном районе уже само их размещение начало оказывать обратное воздействие на военно-политическую стратегию империализма. В этом кроется дополнительная причина авантюризма империалистов, которые продолжают в ряде районов цепляться за явно отжившие приемы политического господства и влияния. Убедительный пример этому — растущие противоречия империализма с народами Арабского Востока, обострение антиимпериалистической борьбы этих народов против американского и английского империализма и их сателлита — Израиля. Районы Центральной и Южной Африки остаются районами потенциально наиболее острых форм антиимпериалистической борьбы, включая вооруженную. В ряде мест она уже началась (Ангола, Мозамбик, Юго-Западная Африка, Южная Родезия), а в других районах, возможно, возникнет как ответ на расистский режим.

Отступления и агрессивные контратаки империализма против освобождающихся народов в конечном счете объясняются как исторической обреченностью колониализма, так и его насильственной сущностью. Обратное толкование этой кажущейся противоречивости в стратегии колониализма пытаются дать его идеологи. Обычно они ссылаются на необходимость военной помощи соответствующим режимам для отпора «коммунистической агрессии», которая, по их утверждениям, развертывается извне или изнутри.

Однако такое толкование не подтверждается фактами. Так, мощнейшие Соединенные Штаты не пошли на войну с китайской революцией, возглавлявшейся коммунистической партией, а относительно слабые Нидерланды вели длительную кровавую войну против Индонезии, где в гражданском аппарате и особенно в армии преобладали националистические и даже антикоммунистические элементы. Наконец, в более позднее время английские и французские империалисты мирным путем предоставили в Гане, Гвинее и Мали власть кругам, которые не скрывали своих симпатий к социализму, но та же Франция вела многолетнюю войну против Алжирской республики, где в то время среди лидеров не было сторонников научного социализма.

Таким образом, не преуменьшая значения антикоммунизма как фактора колониалистской стратегии, следует отме-

тить, что она исходит из учета и других обстоятельств. Прежде всего речь идет о реальном соотношении сил, сложившемся в данной стране и окружающем ее регионе. Конечно, империалисты нередко недооценивают силы своего противника, и это вовлекает их порой в долговременные, дорогостоящие и бесперспективные военно-колониалистские акции. Поэтому в тех случаях, когда империалисты более трезво смотрят на положение вещей, они способны уклониться от дальнейшей борьбы, поскольку она грозит перерасти в дорогостоящую войну, которая может стать для них бесперспективной авантюрой. Природа империализма, стратегия империалистов, необузданный антикоммунизм, боязнь полной утраты своих позиций в данном районе, а особенно специфические интересы военно-промышленного монополистического капитала США, полицейские функции американского империализма — все это увеличивает проявления новых колониалистских агрессивных акций, в первую очередь империализма США.

В глобальном масштабе соотношение сил национального освобождения и колониализма складывалось на весь послевоенный период под решающим воздействием мощи мира социализма. Вместе с тем в пределах континента или региона непосредственным стимулом для складывания нового соотношения сил может послужить победа антиимпериалистической революции в одной-двух крупнейших странах. Так, отступление империализма в послевоенной Азии началось с завоевания суверенитета Индией (1947 г.) и с победы китайской революции (1949 г.). Эти исторические достижения двух величайших народов Азии, которые использовали для своего освобождения косвенную или прямую поддержку мира социализма, в свою очередь воздействовали на соотношение сил как в мировом, так и в региональном, азиатском масштабах, облегчив тем самым последовавшее освобождение средних и малых стран этой части света.

Подобным же образом отпор, который дал в 1956 г. народ Египта при поддержке социалистических стран тройственной агрессии, ускорил распад колониальных империй в Африке. В период суэцкой авантюры стало особенно очевидно, что при сложившемся соотношении мировых сил империализм уже не может безгранично использовать свое военное превосходство. Путь интервенции был прегражден твердым предупреждением Советского правительства, единством всего социалистического лагеря, мощным выступлением рабочего класса Западной Европы. Нельзя также преуменьшать значение той активной антиколониалистской позиции, которую заняли в те тревожные дни многие нейтралистские страны, прежде всего Индия. США вынуждены были внешне остаться

в стороне от тройственной интервенции и формально даже осудить ее.

Поражение суэцкой авантюры показало империалистам, что действия против крупнейшей арабской страны не сулят успеха. Вдохновителями пересмотра тактики на Ближнем Востоке стали американские империалисты, которые, руководствуясь «доктриной Эйзенхауэра», подготовили переворот в Иордании, приступили к подготовке интервенции против Сирии с целью воспрепятствовать продвижению ее по пути демократии, а летом 1958 г. избрали объектом своей агрессии Ливан. Английские империалисты поспешили начать интервенцию в Иордании. В конечном счете эти действия предпринимались империалистами для удушения иракской революции 1958 г. Однако добиться этого и изолировать революционно-патриотический Египет от арабского антиимпериалистического движения в Азии империализму не удалось.

События 1955—1958 гг. на Ближнем Востоке убедительно свидетельствовали о провале политики удушения национально-освободительного движения на основе «жесткого курса» с помощью методов, заимствованных из арсенала «классического» колониализма. Вместе с тем они показывали, что империалистическая политика экспорта контрреволюции терпит провал, если страны мировой социалистической системы выступают единым фронтом в защиту независимости освободившихся от колониального гнета народов.

Серьезные поражения, понесенные империалистами в Египте и прилегающих к нему с востока арабских государствах, принудили их изменить тактику. Не отказываясь от колониальных владений, которые они пытались сохранить на западе (Алжир) и юго-востоке (Аден и южноаравийские княжества) арабского мира, они главную ставку делают на неоколониалистский курс. Применительно к арабскому миру этот курс заключался в раздувании противоречий между арабскими государствами и их лидерами. При этом использовались серьезные объективные различия в уровне экономического и политического развития отдельных арабских стран, разнообразие форм и условий их зависимости от иностранного капитала, несовпадение непосредственных задач и целей освободительной борьбы. Все это привело к возобладанию в тактике империалистов на Арабском Востоке неоколониалистских приемов, особенно после завоевания в 1962 г. суверенитета алжирским народом. Вместе с тем на юге Аравийского полуострова вплоть до израильской агрессии осуществлялась объединенная вооруженная интервенция против республиканского Йемена.

Следующими районами, которые подверглись колониальной агрессии, стали Вьетнам и прилежащие страны, а также

страны и народы Центральной Африки. После поражения французских колонизаторов во Вьетнаме и в результате окрепшей солидарности независимых стран Азии и Африки, особенно ярко продемонстрированной на Бандунгской конференции в апреле 1955 г., создалась благоприятная обстановка для образования обширной «зоны мира» в Южной и Юго-Восточной Азии. Эта линия позитивного антивоенного нейтрализма и антиколониализма получила действенную поддержку Советского Союза и других социалистических стран.

Поэтому в середине 50-х годов агрессивные планы империализма в этом районе еще как бы созревали и выражались в подготовке соответствующих плацдармов. Первостепенное место в этих мероприятиях занимало укрепление южновьетнамского режима и сколачивание проимпериалистической группировки в Лаосе. Вместе с тем готовилась и вторая линия агрессии. По наущению руководителей блока азиатские члены СЕАТО — Таиланд и Филиппины — приняли меры для подавления национально-освободительного движения и вообще действий прогрессивных сил в своих странах. Уже в эти годы СЕАТО оказала активную, хотя и тайную, поддержку мятежникам, которые в течение многих лет вели борьбу против центрального индонезийского правительства.

По мере того как начиная с осени 1959 г. росла напряженность в отношениях между странами — инициаторами Бандунга — Китаем и Индией, блок СЕАТО все более активизировал свои агрессивные тенденции. Американская дипломатия, еще недавно снявшая с нейтрализма обвинение в «аморальности» и признавшая на словах его обоснованность, предприняла при соучастии местной реакции широкое наступление на нейтралистскую политику самой Индии, а в Камбодже и Лаосе не остановилась перед военными провокациями.

Поскольку нейтралистские и патриотические силы этих стран пользовались поддержкой социалистических государств, включая соседнюю Демократическую Республику Вьетнам, им удалось полностью (для Камбоджи) или частично (для Лаоса) отстоять свой нейтрализм. Эти неудачи не отрезвили руководителей СЕАТО, а скорее, напротив, толкнули их на новую авантюру — на этот раз против ДРВ, которую они не без основания считали примером, вдохновляющим все народы Индокитая на сопротивление колониализму. Однако приступить к агрессивным действиям против ДРВ было невозможно, не сломив сопротивления патриотов Южного Вьетнама, развернувших общенародную войну против марионеточного режима и американских оккупантов.

Фактическая эскалация войны в Индокитае началась значительно раньше превращения этого термина в обозначение

официальной доктрины Пентагона. Она выразилась как в распространении военных действий на новые территории этой части Азии, так и в расширении арсенала военно-технических средств. Сам же термин, маскирующий наращивание агрессии, понадобился лишь тогда, когда ее стали по этапам переносить на территорию социалистического государства. Как при общем развязывании агрессии против ДРВ, так и при определении очередного этапа эскалации американские стратеги учитывали тот ущерб, который был нанесен деятельностью китайского руководства, отошедшего от «духа Бандунга» и ставшего на авантюристический курс «подталкивания революции», что так убедительно проявилось в китайско-индийском военном конфликте.

Наряду с агрессией в Юго-Восточной Азии империализм развязал в первой половине 60-х годов серию колониальных войн и карательных экспедиций в Конго, португальских колониях, Родезии. В Центральной Африке, как и в других районах, интервенции империалистов и заговоры белого меньшинства и местной реакции достигали своих целей лишь в той мере, в какой им пролагали путь разногласия и раздоры внутри национального руководства, отсутствие согласованности о единстве действий между африканскими государствами, некоторая изолированность от мира социализма или даже враждебность ему ряда руководителей. Трагедия Конго показала, какой тяжелой ценой оплачивается отсутствие последовательного патриотического и антиимпериалистического руководства, беспечность к неоколониалистам, нарушение внутреннего единства и враждебность руководства, сменившего Патриса Лумумбу, миру социализма.

Опыт послевоенного двадцатилетия убедительно свидетельствует, что только при двух условиях — единстве внутренних патриотических сил и их сотрудничестве с миром социализма, международным рабочим движением и другими освобождающимися народами — можно завоевать суверенитет и отстоять его от агрессивных контратак империализма. Единство и сплоченность революционных сил в мировом масштабе выковываются на принципах пролетарского интернационализма, его союза с революционной демократией, со всеми патриотическими, подлинно антиимпериалистическими силами, стремящимися к независимости и социальному прогрессу.

Встретившись с объединенным отпором и потерпев поражение в афро-азиатском мире в целом, империализм пытается взять реванш, расширив и активизировав свои действия в отдельных районах. Это последовательное перенесение очагов империалистической агрессии из одного места в другое — в поисках слабого звена антиимпериалистического фронта — еще раз подтверждает, что, хотя в каждый данный момент

агрессивные действия империализма более или менее локализованы, в целом они создают постоянную угрозу миру во всем мире. Целеустремленная политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем направлена к тому, чтобы непрерывно ограничивать возможности империализма разжечь пожар мировой войны и в то же время находить наиболее эффективные пути активного противодействия империалистической политике локальных войн, ставшей составной частью колониализма. Империализм должен получать нарастающий отпор в затеваемых им локальных войнах при сохранении обстановки мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Агрессивные блоки и базы — очаги колониализма. Устойчивости различных форм колониализма способствовал агрессивный курс на окружение мира социализма и нейтралистских государств системой блоков, военных плацдармов и баз. Концепция «отбрасывания» сил социализма породила войны против Демократической Республики Вьетнам и Корейской Народно-Демократической Республики. Не сумев добиться основных целей своей агрессии, империалисты, однако, смогли насадить на части национальных территорий Вьетнама и Кореи марионеточные режимы, которые по существу выполняют функции колониальных диктатур. На национальной территории Китая и после образования КНР удержала свои колониальные владения Англия (Гонконг) и Португалия (Макао). Причем Гонконг служит базой не только для метрополии, но и для американского военно-морского флота, а для КНР — значительным источником валюты. На Тайване США насадили и уже длительное время поддерживают реакционный чанкайшистский режим, противопоставленный КНР.

Однако отдельные плацдармы и разрозненные базы (даже с добавлением традиционных британских баз) не устраивали стратегов Пентагона. В американских планах глобальной агрессии предполагалось размещением многочисленных баз на чужих территориях рассредоточить ответный удар и максимально отвести его от объектов на территории США. Агрессоры рассчитывали расплачиваться кровью и жизнями других народов — в данном случае азиатских и африканских.

Одной из целей создания блоков была борьба против освободительных движений. Империализм и местная реакция решили противопоставить свой тип объединения единству мирового социализма и национальных прогрессивных сил. Опыт колониальных войн во Вьетнаме, Индонезии, Малайе и Алжире показал, что метрополия, сражаясь один на один с восставшим народом, или вообще не может добиться военной победы, или несет издержки и потери, нередко превышающие выгоды от «умиротворения». Нежелание правящих кругов мет-

рополии (например, Франции в конце вьетнамской авантюры) брать на себя невосполнимые расходы в войнах, где в большей мере защищаются «общемпериалистические» интересы, чем позиции своего монополистического капитала, заставило США изыскивать сначала скрытые, а затем и открытые, «узаконенные» формы прямого вооруженного вмешательства в дела как бывших колоний, так и ранее независимых государств.

Обычные до начала 50-х годов двусторонние соглашения США о военной помощи колониальным державам или местным реакционным режимам выглядели как откровенные сговоры, направленные против того или иного народа. Поэтому американская дипломатия выдвинула проект широких пактов, долженствующих изобразить видимость соглашений о «коллективной безопасности» против агрессора, конечно коммунистического. Такой замысел предполагал включение в систему блоков всех или почти всех «некоммунистических» стран Азии и Африки, ибо лишь при этом условии агрессивный и колониальный по его существу союз можно было бы представить как региональную оборонительную организацию, к которой по просьбе участников великодушно присоединяются западные покровители и гаранты. Реализация подобных замыслов означала бы противопоставление афро-азиатского мира социалистической системе, его одностороннюю проимпериалистическую ориентацию во внешней политике и увековечивание экономической зависимости. Другими словами, на месте отдельных колониальных империй и колоний сформировалась бы огромная сфера с доминирующим воздействием мирового империализма под верховной эгидой США. Это была бы та же колониальная система империализма, находящаяся под воздействием неизмеримо более мощного объединенного военно-политического аппарата империалистического насилия.

Первым шагом в направлении к реализации этого колониалистского плана стал военно-политический блок СЕАТО, договор о котором был подписан в Маниле. В своей сентябрьской речи 1954 г. в Народной палате Дж. Неру, предвидя агрессивные последствия Манильского договора, заявил, что «предложенный этим договором подход ошибочен и может вызвать вражду в значительной части Азии». «Собираетесь ли вы, — сказал Дж. Неру, обращаясь к вдохновителям пакта, — обеспечить мир и безопасность, раздувая новые конфликты и вражду и побуждая людей думать, что, вместо того чтобы укрепить безопасность в этом районе, вы ее ослабляете. Мы, в Индии, взяли на себя смелость говорить о зоне мира. Мы полагали, что одной из главных зон мира может стать Юго-Восточная Азия. Манильский договор... берет тот

самый район, который мог бы стать зоной мира, и превращает его чуть ли не в зону потенциальной войны».

Однако подобные призывы не возымели ожидавшихся последствий. Тот же курс на подготовку агрессии против социалистических стран и подавление национально-освободительного движения вдохновил в начале 1955 г. создание (на базе турецко-иракского договора) Багдадского пакта. В него помимо Турции и Ирака вошли затем Англия, Пакистан, Иран, а также «наблюдатели» от США. Революция в Ираке, свержение Нури Саида и выход этой страны из Багдадского пакта в 1959 г. нанесли ему тяжелый удар, вырвав из его сферы единственную арабскую страну. Агрессивные блоки вызвали серьезные ограничения во внешнеполитическом суверенитете стран, вовлеченных в эти группировки, а также усугубили колониальные черты в их социально-экономическом строе и внешнеэкономических отношениях. И нет ничего удивительного в том, что среди азиатских государств, вовлеченных в агрессивные блоки, с конца 50-х годов стали отчетливо проявляться и расти нейтралистские тенденции. В результате система военных блоков переживает глубокий кризис, особенно в своем западном, явно антисоветском звене — бывшем Багдадском пакте, преобразованном в блок СЕНТО. Последовательно миролюбивая, терпеливая политика Советского Союза сделала очевидной даже для наиболее зараженных антикоммунизмом кругов в азиатских странах этого пакта полную беспочвенность провокационной болтовни об «угрозе с Севера». Создание глобальной ракетно-ядерной техники обесценило, с одной стороны, значение этих стран как военных плацдармов, а с другой — продемонстрировало их правящим кругам те страшные последствия, к которым ведет подчинение агрессивным замыслам империализма.

Тяжкий урок был преподан и экономическим положением азиатских стран — членов блоков. Предоставленные США суммы на вооружение и содержание армии, а также отдельные подачки на хозяйственные цели породили у части правящих кругов иллюзии, что антикоммунизм — достаточно высоко оплачиваемая вещь, чтобы прилагать собственные усилия для подъема экономики. Однако со временем стало очевидно, что чрезмерный военно-полицейский аппарат не только поглощает американскую помощь, но и претендует на растущую долю в государственном бюджете. Отвлечение материальных и людских ресурсов, энергии и способностей от задач экономического возрождения в азиатских странах — членах блоков привело к тому, что к концу 50-х годов они явно начали проигрывать в хозяйственной области по сравнению с нейтралистскими странами.

Военные блоки, эта завуалированная форма политическо-

го колониализма, не смогли не породить серьезных политических потрясений, вызванных общенациональной потребностью в устранении ограничений суверенитета. В различных странах, связанных военными обязательствами перед империализмом, борьба за освобождение от его политического диктата протекала по-разному и дала далеко не одинаковые результаты. Так, революция 1958 г. в Ираке покончила с военно-политической зависимостью страны, и иракский народ сохранил это завоевание, невзирая на все последовавшие изменения режимов. В Южной Корее реакционные силы смогли, откупившись устранением Ли Сын Мана, на время удержать за собой власть. Наконец, в некоторых странах, хотя они и не порвали своих военных соглашений с империализмом, произошли заметные сдвиги в сторону укрепления самостоятельности — они уже далеко не столь безропотно подчиняются диктату империализма и, наоборот, идут на расширение экономических и иных связей с миром социализма.

Центробежные тенденции, все более заметно развертывающиеся внутри СЕНТО, сказались и в том, что Турция, Иран и Пакистан независимо от западных держав создали собственную организацию экономического характера. Это произошло в июле 1964 г. в Стамбуле на совещании глав указанных стран. Они рассмотрели прежде всего проблемы взаимного экономического сотрудничества. Возросшие в Пакистане, Турции и Иране настроения в пользу самостоятельного внешнеполитического курса нашли свое выражение в улучшении отношений с Советским Союзом и заключении ряда взаимовыгодных соглашений. Иран, например, обязался не допускать строительства на своей территории иностранных стратегических баз, а позднее заключил с СССР взаимовыгодное экономическое соглашение.

Кризис системы военных блоков вызвал у империалистов реакцию, сходную с их реакцией на начавшийся распад колониальных империй. И на этот раз, теряя контроль над одними звеньями системы, они попытались укрепить свои позиции в других, прибегнув там к концентрации превосходящих, по их мнению, сил. В наиболее полном виде эта тактика проявилась в политике США по отношению к Вьетнаму. В южной части этой страны после ликвидации в ней по Женевскому соглашению в 1954 г. статуса французской колонии был насажден американским империализмом режим, который должен был являть собой образцовое государство, входящее в военный блок. Однако ни огромные субсидии, ни военная и политическая поддержка не обеспечили образования в Южном Вьетнаме жизнеспособного государства. Вместо краеугольного камня СЕНТО Южный Вьетнам стал его слабейшим звеном, которое удерживается в системе этого блока

только посредством американской оккупации и, по сути дела, колониальной администрации. Сходная ситуация сложилась в Южной Корее и на Тайване.

Другими словами, колониальная сущность военных блоков породила в них глубокий внутренний кризис. У более прочных режимов крепнет стремление выйти из-под политического диктата империалистического партнера по блоку. А у разложившихся марионеточных администраций, напротив, обнаруживается намерение передать остатки суверенитета в руки оккупантов. Логика такого развития, с одной стороны, все более подрывает социальную опору для военных блоков и их организаторов, а с другой — придает им все более откровенно колониалистский характер. Одновременно еще более снижается чисто военное значение блоков, так как оккупации и интервенции, призванные предотвратить распад агрессивных группировок, поглощают больше вооруженных сил империалистов, чем им предоставляют их азиатские «союзники».

Чтобы не увязнуть окончательно в авантюрах типа вьетнамской и сохранить некоторые резервы для ударов по отдельным очагам освободительной борьбы, империализм с середины 60-х годов приступил к созданию своего рода «второго эшелона» военных блоков. Внешне они отличаются от своих старых прообразов тем, что в них формально состоят лишь государства и режимы данного региона, а США, Англия и другие бывшие метрополии стоят как бы в стороне и порой даже демонстрируют мнимую враждебность к ним.

Первым из региональных блоков такого типа стал фактически сложившийся военный союз колониалистских сил Португалии, ЮАР и Родезии. Прилагались усилия сколотить «исламский пакт» во главе с монархической Саудовской Аравией. Тот же маневр, но в больших масштабах и с некоторыми модификациями был предпринят в Восточной Азии, где в 1966 г. образовался военно-политический союз АЗПАК, объединивший Японию, Австралию, Новую Зеландию, Филиппины, Таиланд, Малайзию, а также режимы Южной Кореи, Южного Вьетнама и чанкайшистской клики. Среди американских политиков уже вынашиваются идеи, что после завершения войны во Вьетнаме (как они полагают, с благоприятным для США исходом) Япония, с ее огромным экономическим и растущим военным потенциалом превратится в главный «стабилизирующий фактор» по всему периметру Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако помимо главного непосредственного препятствия — героического сопротивления Вьетнама — на пути этого плана может встретиться немало трудностей самого непредвиденного свойства.

Региональные блоки — при всех их различиях в составе

участников и непосредственных целях — служат или защите последних бастионов колониализма или втягивают суверенные страны в фарватер интервенционистской политики империализма, что неизбежно оборачивается ограничением их самостоятельности. И в том и в другом случае региональные блоки означают насилие над правом народов осуществлять свой суверенитет и представляют собой одно из проявлений современного колониализма.

Кризис системы агрессивных блоков Соединенные Штаты пытаются возместить строительством новых военных баз (где это им пока дозволяется) и наращиванием военного потенциала в районах агрессии. Нынешние базы империалистических держав стали местами размещения ракетно-ядерного оружия и опорой политики продолжающегося вмешательства во внутренние дела других стран и народов. Вынужденный поступиться своими базами в Северной Африке Пентагон разворачивает огромное военно-стратегическое строительство в Таиланде и Южном Вьетнаме, а потери на суше возмещает сосредоточением военно-морских флотов у побережий Азии и Африки.

Вместе с тем Соединенные Штаты все большие расчеты связывают с базами Англии, своего ныне единственного глобального партнера по колониальной агрессии. Правда, и английской военщине пришлось расстаться со своими базами на Цейлоне, в Египте и Ираке, но она поспешила заменить их новыми (Бахрейнские и Мальдивские острова, Найроби). Главной осью стратегических баз Англии «к востоку от Суэца» продолжали до последнего времени оставаться Аден и Сингапур. В ряде бывших колоний, ставших ныне независимыми государствами, продолжают сохраняться английские воинские формирования, а в некоторых случаях национальными частями и подразделениями командуют английские офицеры. Порой это приводит к серьезным политическим осложнениям.

Своеобразным приемом, в котором колониализм дополняется неоколониализмом, явилось сколачивание империалистами федераций зависимых от них государств и территорий, чтобы прочно удержат за собой имеющие важное стратегическое значение и богатые природными ресурсами районы, парализовать здесь национально-освободительное движение. Одна из таких федераций сколочена английскими империалистами в Южной Аравии. В 1963 г. к ней были присоединены колония и протекторат Аден, причем империалисты сохраняли за собой контроль над военной базой Адена. Племена, населяющие Южную Аравию, выступили против империалистов с оружием в руках. На усмирение восставших английские колонизаторы направили 26 тыс. солдат, поддержанных танками,

авиацией и артиллерией. Однако патриотические силы Южной Аравии добились предоставления права на национальное самоопределение, вывода английских войск и уничтожения военной базы в Адене. Английские власти были вынуждены эвакуировать эту базу в конце 1967 г.

Такой же колониалистский характер, как и федерация Южной Аравии, носила сколоченная английскими империалистами Федерация Малайзия. В ее состав вошли федерация Малайя, Сингапур и английские колонии Саравак и Сабах, расположенные на Северном Калимантане. В расположенном здесь же султанате Бруней вспыхнуло народное восстание, которое возглавила Народная партия Брунея. Английские империалисты бросили против восставших свои войска и подавили восстание. Тем не менее Бруней так и не вошел в состав федерации Малайзии. Провозглашение федерации Малайзии 16 сентября 1964 г. крайне осложнило обстановку в Юго-Восточной Азии, создав очаг международной напряженности. Индонезия вплоть до мая 1966 г. проводила политику вооруженного противостояния Малайзии (эта политика была прекращена новыми властями Индонезии, пришедшими к государственному руководству после подавления попытки переворота «30 сентября»). В федерации возникли и серьезные внутренние трения, приведшие к выходу из нее Сингапура.

Британским правящим кругам приходится сталкиваться все с большими трудностями. Не случайно авторитетный английский еженедельник «Обсервер» высказал мысль о настоятельной необходимости «уточнить ценность и сферы действия англо-американского союза и задачи, которые он призван решать». «Англия, — утверждает в редакционной статье, — стремилась быть основным партнером США в НАТО... Но продолжающий слабеть фунт стерлингов и непредвиденная эскалация войны во Вьетнаме осложнили проведение такого курса, который стал для нас более дорогостоящим и менее выгодным политически».

Английские правящие круги, как показывают факты, еще не в силах отказаться от пагубного для национальных интересов страны следования в фарватере курса Вашингтона. Нельзя, однако, не видеть, что сами по себе поиски путей «модернизации англо-американского военно-политического союза» являются одним из убедительных свидетельств провала политики империализма США и его союзников по отношению к странам Азии и Африки.

Как известно, ядром военной системы империализма является блок НАТО, непосредственно нацеленный на Советский Союз и социалистические страны Восточной Европы. Но историческая логика нашего времени приводит к тому, что любое действие, направленное против высшего достижения мирово-

го социального прогресса — социалистического содружества, неминуемо обращается и против любого прогрессивного движения любой части света. Еще в сентябре 1954 г. Дж. Неру, отметив, что НАТО «распространился на Средиземное море, побережье Африки, Восточную Африку и отдаленные страны, не имеющие никакого отношения к атлантическому сообществу», заключил: «Североатлантический договор стал щитом, прикрывающим колониальные владения соответствующих держав». Справедливость этих слов была подтверждена последующими событиями, когда НАТО в целом и ее ведущая сила — империализм США — оказывали военную помощь Англии, Франции, Нидерландам, Бельгии и Португалии в колониальных войнах.

Однако соотношение сил, включая сюда и военные потенциалы двух мировых систем, существенно изменилось в пользу социализма и национально-освободительной борьбы, оно оказалось таково, что ни организация НАТО, ни ее отдельные члены не могут одновременно выполнять свои «обязательства» в Европе и вести крупные военные операции за ее пределами. Например, совмещение таких «обязательств» с войной в Алжире ослабило экономические и политические позиции Франции на континенте, особенно в соперничестве с ФРГ. Дорогостоящие затраты на интересы к «востоку от Суэца» и расходы на армию в ФРГ подрывают экономику Англии. Даже США испытывают напряжение при совмещении своих обязательств в НАТО с агрессивными акциями в Индокитае против народов Латинской Америки и Африки.

Освободительная борьба народов против всех видов колониализма уже давно стала одним из важнейших факторов мировой политики, воздействующих как на ход соревнования двух мировых систем, так и на социальные процессы, протекающие внутри капиталистических стран. Но не менее важна и обратная связь — воздействие этого соревнования и этих процессов на исход борьбы против колониализма. Примечательно, что наиболее дальновидные идеологи западного мира именно в этой взаимосвязи усматривают главное препятствие для осуществления американских планов мирового господства.

Так, У. Липпман, объясняя причины того, почему «Соединенные Штаты, несмотря на все свое богатство и всю свою военную мощь и вопреки всем идеологическим притязаниям, высказываемым сейчас Белым домом и государственным департаментом, совершенно не в состоянии быть международным полицейским и вести всеобщий крестовый поход за свой образ жизни и за свои излюбленные теории», пишет, что, во-первых, «в мире существуют и другие великие державы, которые нам не повинуются, которые не пойдут за нами и с

которыми нам еще нужно выработать приемлемые и терпимые отношения». Здесь, как видим, У. Липпман ставит на одну доску противоположность роли, целей и значения двух мировых систем с противоречиями между империалистическими державами, что, понятно, не равнозначно. Однако далее У. Липпман подходит ближе к сути дела.

«Другая причина, — продолжает он, — заключается в том, что слабые и бедные народы земного шара нашли противодействие нашему богатству и нашему оружию. Они научились преодолевать лишения, страдания и смерть, и поэтому они могут идти пешком, когда богатые народы ездят, они могут уцелеть, когда богатые умерли бы с голоду, они могут найти укрытие, когда рушатся их дома, они могут сражаться простым оружием против сложного оружия, и они готовы идти на смерть. Прежнему военному превосходству западного мира не так-то легко справляться с партизанами».

Эти слова были написаны летом 1966 г., в разгар войны во Вьетнаме. Однако немало трезвых суждений высказывалось западными наблюдателями и при оценке тяжких для США последствий их предыдущих военных авантур. И все же идет год за годом, и редкий из них не отмечен тем или иным агрессивным актом американского империализма. Более того, притязания США на вмешательство во внутренние дела любого народа, первоначально имевшие региональное оформление в виде договоров, блоков и программ, летом 1965 г. получили новое оформление как доктрина «правомерности» любой военной интервенции во имя борьбы с коммунизмом. Было бы наивно искать причины этой неумеренной агрессивности лишь в злонамеренности или просчетах отдельных руководителей. Объяснение лежит в самой системе социально-экономических отношений ведущей империалистической державы современности.

Изменить эту систему может только сам американский народ, встав на путь социальной революции. Если народные массы США смогут заставить американские правящие круги прекратить вести почти непрерывные войны и акты агрессии против азиатских, африканских и латиноамериканских народов, то это несомненно положило бы начало глубоким сдвигам как в политике США, так тем более и в сознании американской общественности. США расчистили бы себе путь к мирному сосуществованию со странами социализма, с молодыми, независимыми государствами, о чем весьма многословно, но неубедительно говорят пока американские лидеры. Пример Франции свидетельствует о том, что, покончив с колониальными войнами и ослабив тем самым свою военно-политическую зависимость от военных блоков, она смогла более реалистично оценивать ситуацию в Европе, исходя из своих

национальных интересов. Напротив, Англия, связанная с США единством политики в Азии, Африке и в Европе, следует жесткому американскому курсу. Общая закономерность здесь состоит в том, что, с одной стороны, европейские державы по мере освобождения их правящих кругов от груза имперских концепций и представлений ощущают растущее беспокойство от последствий непрекращающихся агрессивных актов США, что побуждает их искать самостоятельные пути для взаимопонимания со странами Варшавского пакта и с освободившимися странами. С другой стороны, жизнь не раз доказывала, что прекращение агрессии против народов Азии, Африки и Латинской Америки — лучшая предпосылка для сближения позиций на основе принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Мирное сосуществование — форма борьбы с империализмом и колониализмом. Курс на мирное сосуществование государств с различными социальными системами был выдвинут В. И. Лениным как противовес империалистической политике интервенций и поддержки внутренней контрреволюции. Этот генеральный курс социалистического государства был выработан в годы тяжелых военных испытаний и побед над контрреволюцией, действовавшей извне и изнутри, и не имел ничего общего с пацифистским умиротворением империализма. Примечательно, что курс на мирное сосуществование проводился на всех этапах истории Советского государства, включая и период второй мировой войны, когда сложилась антифашистская коалиция государств с самыми различными социальными системами.

Курс на мирное сосуществование с самого начала распространялся и на различные азиатские государства. Так, в начале 20-х годов у Советского Союза были дружественные отношения с народно-революционной Монголией и монархическим Афганистаном, буржуазно-республиканской Турцией и революционным правительством Сунь Ят-сена. Распространение политики мирного сосуществования на все государства определяется тем, что этот курс исходит из принципов пролетарского интернационализма и признания за каждым народом суверенного права избирать и отстаивать определенный государственный и социальный строй. Именно поэтому упомянутые четыре страны при всех различиях в их общественном строе пользовались всесторонней помощью Советской России, включая и военную, в их борьбе против империалистической интервенции.

Успешное проведение курса на мирное сосуществование имело и имеет огромное значение для взаимодействия и взаимосвязи великих революционных сил современности, для создания максимально благоприятных условий для победы

национально-освободительного движения, углубления революционного процесса и свободного волеизъявления всех народов Азии и Африки. Мирное сосуществование — это форма борьбы с империализмом в эпоху исторического перехода от капитализма к социализму в международном масштабе. Творческий марксизм исходит из того, что мирное сосуществование государств с различным социальным строем — такая форма классовой борьбы в международном масштабе, которая обеспечивает достижение революционных целей всех народов, включая революционные цели народов Азии и Африки. Это прежде всего вытекает из того, что Советский Союз и другие страны социализма, стоящие на позициях творческого марксизма, в полном соответствии с тезисом Декларации 1957 г. и Заявления 1960 г. о возможности в настоящее время предотвратить мировую войну разработали и добиваются проведения в жизнь программы действий, имеющей своей целью исключить мировую войну из жизни общества. Это прежде всего требование всеобщего и полного разоружения, ликвидации военных баз на чужих территориях, ликвидации агрессивных военных блоков. В программе мирного сосуществования заинтересованы все миролюбивые народы, среди них — народы Азии и Африки.

Ход исторических событий убеждает, что проиграть от разоружения могут только империалистические агрессоры, ибо народы, борющиеся за самостоятельное развитие, так же как и силы социализма, никогда не прибегали к насилию, иначе как в ответ на угнетение, на насилие общего врага — империализма. Всеобщее разоружение означало бы, что империализм в первую очередь был бы лишен того оружия (не только термоядерного, но и вооружений «обычного типа» — самолетов, танков, флота), которое пока обеспечивает ему возможность насильственного вмешательства в ход освободительного движения в Азии и Африке.

В заявлении Советского правительства о разоружении, представленном 23 сентября 1960 г. XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, констатировалось: «Только за год, прошедший после XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой была единодушно одобрена идея всеобщего и полного разоружения, в гигантской топке военных приготовлений вновь сгорело более 100 млрд. долл. Простые расчеты показывают, что на эти средства можно было бы осуществить коренную технико-экономическую реконструкцию целого континента Африки; на эти деньги можно было бы обеспечивать питанием в течение года сотни миллионов голодающих; только на один процент от общей суммы военных расходов государств можно было бы построить и полностью оборудовать всем необходимым более ста университетов в странах, испытываю-

щих острую нужду в высококвалифицированных специалистах».

Вырвать ядовитые зубы империализма — это значит не на словах, а на деле добиться дальнейшего изменения в соотношении сил в пользу социалистического содружества и освобождающихся народов. Поэтому неустанная борьба Советского Союза и социалистических стран, верных принципам интернационализма, за разоружение является вкладом в великое дело национального раскрепощения угнетенных народов. Жизнь показывает, что, чем прочнее перспектива мирного сосуществования всех независимых миролюбивых стран, тем значительнее успехи освободительных движений.

Таким образом, ход дальнейшей ликвидации системы колониального управления и территориального раздела мира между империалистическими хищниками является одним из весомых подтверждений того, что политика мирного сосуществования, проводимая социалистическими государствами, не только не противоречит национально-освободительным движениям, но и создает максимально благоприятные условия для победы. Этому содействует также политическая и дипломатическая борьба, которую ведут на основе принципов мирного сосуществования социалистические и миролюбивые государства на международной арене. В ходе этой борьбы страны социализма разоблачают и срывают агрессивные акции империалистов против освобождающихся народов, сплывают против колонизаторов фронт социалистических и нейтралистских государств.

Важное значение имело принятие 14 декабря 1960 г. XVI сессией Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе Советского Союза Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принятие этого документа в предложенной 43 афро-азиатскими странами редакции, которая отражала основные принципы советского проекта, знаменовало собой морально-политический удар по колониализму. Колонизаторы были лишены всякой возможности оправдывать сохранение режимов колониального управления.

Решительная и последовательная политика Советского Союза и других стран социализма, отстаивающая дело мира и международной безопасности, в современной обстановке содействует развитию всемирного революционного процесса и успеху прогрессивных сил молодых суверенных государств, борющихся за претворение в жизнь коренных социально-экономических преобразований. Лица, именующие себя революционерами, но не понимающие или отрицающие это, идут не в авангарде мирового революционного процесса, а плетутся в его хвосте, принижают значение практики масс и их революционного опыта.

Творческий марксизм исходит из того, что борьба за предотвращение новой мировой войны на основе конкретной программы действий развязывает инициативу, способствует развитию классового сознания трудящихся, т. е. укрепляет такие политические факторы, которые помогают осуществить главную задачу — создать единый фронт всех патриотических сил каждой нации, способный навязать империализму волю подавляющего большинства и довести до конца антиимпериалистическую и антифеодальную революцию. Другими словами, борьба за осуществление программы предотвращения мировой войны является специфической формой классовой борьбы, в ходе которой все отчетливее проявляется несовместимость и антагонистичность интересов прогрессивных сил каждой нации и той части господствующих классов или класса, которая во имя своекорыстных целей идет на услужение агрессивным и колониалистским силам.

Политика мирного сосуществования и борьба за предотвращение новой мировой войны имеют огромное прогрессивное значение еще и потому, что способствуют сплочению не только всех патриотических сил каждой страны, но и всех прогрессивных сил мира, способных обуздать и изолировать силы империализма, колониализма и войны. Объективным выражением этого процесса на современном этапе является сближение взглядов социалистических государств с позицией нейтралистских и неприсоединившихся стран Азии и Африки в ООН и других международных организациях по важнейшим проблемам сохранения и упрочения мира. В этом, в частности, проявляется объективная тенденция и реальная возможность создания усилиями социалистических и несоциалистических миролюбивых государств антивоенного фронта и изоляции сил агрессии и войны на международной арене. В связи с этим следует остановиться на сущности нейтралистской политики неприсоединившихся стран. Существует самая тесная связь между курсом на достижение экономической самостоятельности стран, еще находящихся в сфере мирового капиталистического хозяйства, и нейтрализмом во внешней политике.

Конечно, связь между внешней и внутренней политикой не может быть прямолинейной. Процесс национального возрождения чреват многими противоречиями, которые лишь в общем виде преломляются во внешнеполитическом курсе. Однако в конечном счете борьбе за создание развитой национальной экономики соответствует — в области внешней политики — курс антиколониалистского, активного миролюбивого нейтрализма. Правящие круги афро-азиатских стран могли убедиться на опыте стран, вовлеченных в военно-агрессивные блоки, что участие в них ограничивает и подрывает государ-

ственный суверенитет и препятствует тем самым решению их собственных классовых задач.

В нейтрализме отразился во внешнеполитическом плане процесс становления суверенных государств Азии и Африки и отпадения их от системы империализма. Вот почему мир социализма оказывает поддержку нейтралистской политике в целом и в особенности тем ее акциям, которые активно направлены против колониализма и милитаризма.

Скрытые и явные враги социализма пытаются дискредитировать ленинские принципы мирного сосуществования, лежащие в основе внешнеполитического курса СССР и других социалистических стран, клеветают на них как справа, так и слева. Догматики от марксизма без устали твердят, что это «капитуляция перед империализмом», «недооценка революционной борьбы трудящихся каждой страны против своих эксплуататоров». Но ведь принципы мирного сосуществования распространяются лишь на отношения между государствами с различным социальным строем, они отвергают вмешательство одних государств во внутренние дела других государств, применение иностранной вооруженной силы против народа. Что же касается отношений между антагонистическими классами внутри той или иной страны, борьбы противоположных социальных сил, то к этим отношениям принципы мирного сосуществования не имеют никакого отношения и поэтому, естественно, неприменимы.

Политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем содействует защите и расширению демократических свобод. Осуществление этой политики означает, что наряду с антивоенными устремлениями самых различных социальных слоев современного капиталистического общества борьба за мир приобрела новое содержание, поскольку дело мира взял в свои руки пролетариат, создавший в боях социалистические государства. Постоянное расширение антивоенного фронта приводит к сдерживанию милитаристских тенденций современного империализма, к его ослаблению в целом, к усилению народных и демократических сил, к тому, что перед освободительным движением открываются новые возможности, новые пути борьбы в тесном, всемирном содружестве всех антивоенных сил. Борьба за мир раскалывает лагерь капитализма и внутри и вне, и по линии социальной и по линии государственной, изолируя те классы и социальные группы, те государства и правящие круги, которые стоят на позициях милитаризма, войны, агрессии. Показательно, что в создавшихся условиях, когда империалистический милитаризм уже далеко не всемогущ, любой локальный военный конфликт сопровождается мобилизацией широких народных масс, социалистических и нейтралистских госу-

дарств, совместно заставляющих агрессоров уйти восвояси или иметь дело с нарастающим сопротивлением жертвы агрессии, которая не остается одинокой, а поддерживается в своей борьбе против агрессора мировым лагерем социализма и международным общественным мнением, всеми прогрессивными силами.

Социалистические и национально-освободительные революции развертываются не изолированно от общеисторического процесса, хотя и происходят в рамках отдельных стран по мере вызревания в них объективных и субъективных предпосылок. Только народ может решить, какие социальные изменения необходимо произвести, какой строй установить в своей стране. Всякие попытки империалистов помешать тому или иному народу творить свою историю в соответствии с его устремлениями являются реакционными, антинародными. Чтобы оправдать вмешательство во внутренние дела других народов и государств, оруженосцы агрессии и колониализма твердят, что мирное сосуществование тождественно принципу так называемого статус-кво или сохранения равновесия. Советский Союз решительно отвергает этот принцип, который на практике означал бы раздел мира на «сферы влияния» и узаконение экспорта контрреволюции, увековечивание колониального положения еще не освободившихся народов.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества всегда занимали и занимают непримиримую позицию против иностранной агрессии, не имеющей ничего общего с принципом мирного сосуществования. Принцип мирного сосуществования во внешней политике вовсе не означает, что миролюбивые государства должны оставить освободившиеся страны безоружными перед лицом угроз со стороны империалистических хищников и придерживаться политики невмешательства в случае агрессивных акций империализма против народов, сбросивших чужеземное иго или борющихся против него. Решительно выступая в защиту национальной независимости бывших колоний и полуколоний, оказывая им всяческую поддержку, Советский Союз и другие социалистические страны тем самым укрепляют силы прогресса, ограничивают возможности осуществления колониальных авантюр и способствуют торжеству политики мирного сосуществования.

Отвергая колониалистский принцип «статус-кво», Советский Союз отмечает и антима르크систскую концепцию «осчастливливания» народов извне путем «экспорта» или «подталкивания» революции. В. И. Ленин, критикуя «левых коммунистов», в 1918 г. писал: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак

не мир, способный произвести на массы впечатление вроде „узаконения“ империализма? Подобная „теория“ шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал „подталкивание“ революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»*.

Идея «подталкивания» революции ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Она обрекает национальные революционные силы на пассивность, на выжидание привнесения революции, дает пищу антикоммунистической пропаганде, способствует оживлению национализма и мелкобуржуазных предрассудков и в итоге не содействует развитию революционного процесса, а тормозит его. Марксисты-ленинцы убеждены, что революционную энергию народов не надо подогревать в огне новой мировой войны. Это претит великому гуманистическому духу ленинизма. Решающее воздействие на мировой революционный процесс страны социализма оказывают своими успехами в развитии своего промышленно-экономического, военного, культурного потенциала, повышении уровня жизни всего общества. В. И. Ленин писал: «... мы говорили и говорим: „Социализм имеет силу примера“. Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу влияние и пример. Надо показать практически, на примере, значение коммунизма»**.

Пробужденная Великим Октябрем неисчерпаемая энергия масс превратила Советскую страну в могущественную индустриальную державу. Ее успехи на ниве созидания убедительно показывают, что лишь на путях использования преимуществ социалистического строя можно в исторически кратчайшие сроки преодолеть отсталость, добиться огромных успехов в развитии экономики и культуры, в том числе и в районах, которые ранее являлись отсталыми эксплуатируемыми окраинами царской России. Сила примера стран социализма, идущих по ленинскому пути, не исчерпывается воздействием их внутренних достижений. Эти достижения находят свое воплощение во всесторонних связях с молодыми государствами Азии и Африки, а также в той помощи, которую социалистическое содружество оказывает этим государствам в деле укрепления национальной обороны, создания и обучения вооруженных сил, охраняющих завоеванную независимость от империалистической угрозы.

* В. И. Ленин, *Странное и чудовищное*, — Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 403.

** В. И. Ленин, *Собрание актива Московской организации РКП(б)*, — Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 75.

Мир социализма и освободительные войны. Советский Союз и другие социалистические страны поставляли и поставляют современное оружие и военное снаряжение молодым национальным государствам, а также народам, поднявшимся на справедливую борьбу за национальную свободу в целях защиты национальной независимости, в целях отпора агрессии, свержения иноземного и империалистического господства.

Социалистическая система в тесном союзе с освободившимися странами оберегает их от попыток империалистов реставрировать колониальные порядки. При нынешнем соотношении мировых сил практически любая страна земного шара при благоприятных внутренних условиях получает возможность не только совершить народную революцию, но и отстоять ее завоевания — возможность, которой не обладала ни одна национально-освободительная революция в колониях и полуколониях до победы Великой Октябрьской социалистической революции, до образования мировой социалистической системы.

О возросшей взаимозависимости внутренней классовой борьбы с соотношением сил на международной арене свидетельствует, например, опыт Алжира. Никто, кроме самих алжирцев, не мог бы завоевать им национальную свободу, не мог бы двинуть их страну по пути коренных социальных преобразований. Но нельзя представлять себе развитие Алжира, как и Бирмы, ОАР и многих других стран, в той форме, в какой оно сейчас происходит, не будь Советского Союза, мировой системы социализма, не будь поддержки со стороны социалистических государств, международного рабочего класса.

Тем самым создаются все необходимые предпосылки для свободного волеизъявления борющихся и освободившихся народов, сосредоточения их усилий на коренных проблемах завоевания и укрепления политической независимости, социально-экономического прогресса. Вместе с тем нельзя сводить воздействие мира социализма на исход вооруженной борьбы освобождающихся народов против империализма к прямому военному сотрудничеству, помощи оружием, к подготовке кадров и другим конкретным проявлениям непосредственной поддержки этой борьбы. Не меньшее значение имело усвоение освобождающимися народами огромного опыта, приобретенного советским народом и его вооруженными силами в тяжелых войнах с сильнейшими армиями империализма.

Особая ценность военной науки марксизма-ленинизма и советского опыта обуславливается тем, что они охватывают самые различные виды ведения военных действий — от огромных фронтальных сражений до мелкогруппового и индивидуального партизанского боя — и исходят из концепции диалектического единства социально-экономического строя

страны с соответствующими качествами человека-бойца, оружия, военной организации и тактики боя. В этом смысле они превосходят как военную науку империализма с ее склонностью к абсолютизации военной техники, так и выросшую из стихийных крестьянских войн концепцию абсолютизации, преувеличенного значения человеческих масс, недостаточно сознательных, вооруженных и обученных.

Примечательно, что до Октябрьской революции государства и народы Азии и Африки не смогли создать военную организацию, способную противостоять военной машине завоевателей. В период колониальных захватов относительно небольшие отряды колонизаторов наносили поражения многократно превышавшим их по численности ополчениям местных феодалов. Исход сражений определялся не столько личными качествами солдат и офицеров завоевателей, сколько превосходством военной техники и организации, а также основанной на этом превосходстве тактикой. Немалую роль играли подкупы военачальников, вождей и чиновников феодальной администрации.

Из феодальных армий Азии и Африки серьезное сопротивление европейским войскам оказала турецкая армия, которая обладала многовековым опытом ведения войн в Европе. Но и она неуклонно теряла наступательные качества и к началу XIX в. могла вести эффективную борьбу лишь в обороне. Попытки реорганизовать азиатские и африканские войска на европейский образец давали в лучшем случае частичный результат (армии Мухаммеда Али в Египте, Типу-султана и сикхов в Индии, формирования японских феодалов). Единственной в Азии регулярной армией, способной вести борьбу с европейским или американским противником, были вооруженные силы Японии, созданные уже в ходе реформ после буржуазной революции.

Если феодальная военная организация оказалась малоэффективной, то народное сопротивление захватчикам породило такие приемы борьбы, которые позволили более успешно отражать их натиск даже при численном превосходстве. Весьма подходящей для народной войны оказалась родо-племенная военная организация с чертами военной демократии. Эта организация, больше всего сохранившаяся у племен Северной Африки, Кавказа, Непала и Афганистана, была прекрасно приспособлена к местным природным условиям и, главное, соответствовала воинским традициям народа. И все же и эта система сопротивления была в конце концов сломлена огромным военно-техническим превосходством колонизаторов, которые сформировали особые войска, специально подготовленные для действий на наиболее сложных и трудных театрах войны.

Долгое время казалось, что военное превосходство колонизаторов так же неизбежно, как и их империя. Для создания военной организации, способной не только противостоять военной мощи империализма, но и сокрушить ее, требовались новый тип бойца и умение владеть современным оружием. В сущности говоря, речь шла о том, чтобы начать выход из общей колониальной отсталости и в сфере военной. Октябрьская революция и гражданская война продемонстрировали народам Востока, что империализм и поддержанные им перwokлассные войска контрреволюции могут быть сокрушены, если революционные силы, во главе с передовой партией создав свою собственную высокосознательную, дисциплинированную регулярную армию, массовые партизанские соединения, овладев военной техникой, сумеют осуществить правильные тактические и стратегические решения.

Однако народы Востока не могли механически применить у себя военный опыт русской революции, которая не только была высшей формой мирового революционного процесса, но помимо этого располагала кадрами, прошедшими школу первой мировой войны и владевшими современным оружием. Поэтому опыт русской революции в военном отношении частично применило в то время лишь турецкое и в меньших масштабах китайское национально-освободительное движение. Немалую роль при этом сыграли советские военные и политические советники, представленные такими деятелями, как Фрунзе, Аралов, Блюхер. Вместе с тем при оценке военного значения побед Кемалья Ататюрка и национально-революционной армии гоминьдана следует иметь в виду, что они были одержаны над относительно слабыми противниками — греческой армией и войсками китайских милитаристов.

Новым этапом в создании антиимпериалистических вооруженных сил было дальнейшее укрепление советской Красной Армии, как и всей военной мощи Советского Союза, а затем в 30—40-х годах восьмой и четвертой национально-революционных армий Китая. В тактике последних органически сочетались действия регулярных войск и ополченских отрядов, что позволяло проводить как стратегические операции, так и тактику повседневной «малой войны». Созданная Коммунистической партией Китая в годы антияпонской войны военная организация была для того времени довольно эффективным средством борьбы с колониальной агрессией. Вместе с тем она имела некоторые черты крестьянской военной организации. Прежде всего это выражалось в расчете на огромное численное преобладание над противником — к 1945 г. в регулярных народно-революционных армиях насчитывалось 910 тыс. бойцов, в народном ополчении — 2200 тыс., в отрядах самообороны — около 10 млн. человек. Недостаточная военно-техниче-

ская оснащенность этих сил ограничивала масштабы наступательных операций против интервентов, которые удерживали за собой крупные города и основные коммуникации. Разгром японских сил Советской Армией в Северо-Восточном Китае и активные действия народно-революционных войск привели к капитуляции японской армии на территории страны и продемонстрировали новые наступательные качества, которые придает антиимпериалистической вооруженной борьбе крестьянских национально-освободительных армий непосредственное военное сотрудничество с социалистическим государством.

В последующие годы организационное и военно-техническое сотрудничество КНДР с Советским Союзом позволило укрепить Корейскую народную армию, которая вместе с китайскими добровольцами смогла остановить и отбросить огромную современную армию империалистов во главе с США. Пример эффективного сочетания регулярных и партизанских действий продемонстрировала армия Демократической Республики Вьетнам в борьбе против французских интервентов и их местных пособников. Установление с 1949 г. прямых связей с социалистическими странами открыло для ДРВ возможность всестороннего сотрудничества с ними и подготовило условия для решительной победы в 1954 г. Опыт вьетнамского народа был применен руководством Алжира, где борьба завершилась тем, что поставила французский империализм перед такими политическими и экономическими трудностями, которые принудили его к прекращению военных действий и признанию независимости страны. И во Вьетнаме и в Алжире победа была завоевана в борьбе против превосходящего по численности противника. Относительно малочисленные народы последних колониальных владений главным образом в Африке и на оккупированных территориях Азии при боевой солидарности социалистических и освободившихся стран создают ныне военные организации, способные нанести мощные удары военной машине империализма.

Беспримерное сопротивление патриотических сил Южного Вьетнама продемонстрировало, что применение империализмом огромных военно-технических средств само по себе еще не приносит победы в войне против народа, который обладает соответствующей организацией, военными кадрами, необходимым оружием и решимостью стоять до конца. Былому превосходству солдата-завоевателя противостоит превосходство воина-патриота, оснащенного оружием и владеющего соответствующей тактикой ведения боя. Ныне стратеги Пентагона берутся обеспечить «решающее преимущество» над армиями национального освобождения лишь при громадном численном превосходстве в пользу своих войск.

Особенность национально-революционной войны в том и состоит, что она выдвигает перед противником не только военные проблемы. Она подрывает социальные и политические условия его победы. Вот как эта сторона народной войны выглядит в изложении Г. А. Киссингера, проповедника «ограниченной атомной войны» и одного из советников Белого дома. «В условиях партизанской войны, — пишет он, — способность оккупировать территорию уже не приносит решающего успеха, так как действительной целью стали моральное состояние населения и система гражданской администрации... Умиротворение требует правительства, способного заручиться верностью населения. Но такое правительство трудно установить ввиду самой природы партизанской войны, главными объектами которой часто являются гражданские должностные лица. Более того, для западного правительства, помогающего азиатскому или африканскому союзнику, критерий прочности режима сможет оказаться неопределенным. Режим может быть прочным будучи угнетающим. И напротив, развивающееся общество неизбежно порождает неурядицы. Как же добиться сразу развития и устойчивости, прогресса и безопасности?».

Действительно, невозможно решить эти проблемы, развязывая колониальные войны и эскалацию агрессии. Американские эксперты по Вьетнаму поняли, что истребительная война, фактический геноцид, уничтожает саму социальную структуру, на которой США могли бы утвердить стабильное эксплуататорское общество. Правда, в конце 40-х — начале 50-х годов империалистам удалось ценой огромных усилий подавить партизанское движение на Филиппинах и в Малайе и стабилизировать там проимпериалистические режимы. Однако в этом случае была использована изолированность этих стран от мирового социализма и, по-видимому, известная поспешность партизанского руководства, недостаточно подготовившего почву для всенародного сопротивления.

Как успехи, так и неудачи вооруженной борьбы с империализмом и его агентурой еще раз подтверждают, что вооруженная борьба с колониальным или классовым насилием является важной, но не единственной в арсенале средств борьбы с угнетением.

Все национально-освободительные революции и войны в совокупности и каждая из них в отдельности в нынешней обстановке составляют часть единого революционного процесса, который возглавляется лагерем социализма, расширение и укрепление которого за счет империализма составляет суть и цель всемирного революционного процесса.

Марксизм приемлет оба пути развития революции — мирный и не мирный, и не один из них не абсолютизирует, не

придает им чрезмерного значения, а утверждает необходимость овладения всеми без исключения формами революционной борьбы. Однако безотносительно к форме борьбы и к методам ее ведения главным, доминирующим фактором является организованная сила масс, размах массового движения, степень единства и сплоченности, сила солидарности, верность политического курса, гибкая тактика в выборе форм борьбы и, что самое главное, — наличие передовой политической партии как руководящей силы в революции. Только в том случае, если народ осознал необходимость и неизбежность вооруженной борьбы, он поднимется на действительно народную войну и доведет ее до победы.

Еще в апреле 1920 г., когда Советская Россия истекала кровью на фронтах войны, В. И. Ленин опубликовал свою работу «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», направляя главный огонь против левацкого авантюризма, против бланкизма и путчизма в тактике. Ленин подчеркивал, что соотношение вооруженной и других форм борьбы не есть что-то раз навсегда данное, а меняется в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Ориентация исключительно на вооруженную борьбу, без учета исторически сложившейся обстановки и соотношения сил внутри страны, если речь идет о гражданской войне, или на том театре возможных военных действий, где возникает внешняя напряженность, может оказаться на руку империализму и реакции и привести к величайшим поражениям. Как показывает опыт Азии и Африки, соотношение вооруженной борьбы и других видов революционной деятельности меняется в зависимости от этапа и зрелости самого освободительного движения.

Чрезмерное выпячивание вооруженной формы борьбы с империализмом означает пренебрежение повседневной, на первый взгляд «черновой» работой среди масс. Между тем только такая работа обеспечивает активную поддержку большинства народа, коль скоро империализм и местная реакция переходят к военному насилию, и является предпосылкой победы в вооруженном конфликте. Диалектическая связь и взаимное дополнение вооруженных и мирных приемов борьбы особенно очевидны сейчас, в наше время, когда огромное большинство афро-азиатских народов, не являясь объектами прямой агрессии, подвергается неокOLONиалистскому воздействию на социально-экономическую, политическую и идейную стороны своей жизни.

Неоколониализм и преодоление фактического неравноправия суверенных государств Азии и Африки

Неоколониализм — и как действительная совокупность отношений, и как политика, опирающаяся на эти отношения, — порожден тем, что освободившиеся страны, завоевав политическую независимость, не получили вместе с ней самостоятельности экономической. Другими словами, политически они вышли или постепенно выходят из лагеря империализма, но экономически остаются неравноправной частью мирового капиталистического хозяйства.

Неоколониализм — порождение и преемник колониализма. Неравноправное положение стран Азии, Африки и Латинской Америки в этом хозяйстве было в значительной мере навязано методами политического насилия, но, раз сложившись, оно уже могло воспроизводиться экономическими приемами через механизм финансового капитала. Система фактически неравноправных отношений, прежде всего экономических, которые продолжают воспроизводиться в рамках мирового капиталистического хозяйства и после устранения политического господства метрополии, составляет объективное содержание неоколониализма. Его политическим выражением является соответствующий неоколониалистский курс, направленный на сохранение и расширение этих неравноправных отношений.

Неоколониализм является порождением и историческим преемником колониализма. Вместе с тем неоколониализм как совокупность отношений, сложившихся в условиях существования и укрепления мирового содружества социализма и крушения колониальной системы, уже нельзя отнести к простой разновидности современного колониализма. В отличие от него неоколониализм может осуществляться без политического диктата, на формально равноправных началах. Другое дело, что в обстановке «холодной войны» и живучести приемов колониального насилия неоколониалистский курс не ограничивается использованием фактического неравноправия отставших стран, а дополняется политическим нажимом и даже вооруженным насилием.

В условиях, когда сфера прямого или косвенного политического диктата империализма непрерывно сокращается, а все новые народы в прошлом колониального и зависимого мира восстанавливают или обретают свой государственный суверенитет, западные державы наряду с военными кампаниями и акциями вооруженного подавления направляют усилия на расширение социальной базы своей политики. При этом они учитывают то немаловажное обстоятельство, что правящие круги отдельных стран Азии и Африки пользуются

этим суверенитетом по-разному как во внутренней, так и во внешней политике. Понятно, что реакционные режимы тяготеют к проимпериалистическому курсу и в этом смысле ограничивают суверенитет как общенациональную функцию.

В ходе сколачивания военных блоков США предприняли откровенную попытку как бы выкупить некоторые функции суверенитета у правящих кругов некоторых азиатских стран. Даже экономическая поддержка тем или иным из них, предоставляемая США, определялась прежде всего тем, в какой степени эти страны приняли или готовы принять военный или экономический контроль Соединенных Штатов. В числе главных получателей американской помощи фигурировали прежде всего те государства, которые являлись членами военных блоков или же были связаны с Соединенными Штатами двусторонними военными соглашениями. За период 1949—1953 гг. страны Азии получили от США экономическую помощь на общую сумму 899 млн. долл. Из этой суммы на долю 11 стран, получавших наряду с экономической помощью также военную помощь, пришлось 743,7 млн. долл., т. е. 82,6%, в то время как на долю остальных — лишь 17,4%. А за период 1954—1958 гг. из общей суммы экономической помощи в 5008,1 млн. долл. на долю 15 стран, пользовавшихся обоими видами помощи, пришлось 4701,3 млн. долл. — 93,8%.

О связи американской помощи с военно-политическими целями можно судить и по региональным данным. За 1956—1965 гг. страны Азии и Африки получили экономическую помощь от США на 22,9 млрд. долл. Из этой суммы на долю Индии пришлось 5,01 млрд., ОАР — 1,04 млрд. и Индонезии — 0,55 млрд. долл., тогда как Южная Корея, Южный Вьетнам и Тайвань получили по 2,47 млрд., 2,085 млрд. и 0,89 млрд. долл. соответственно, т. е. немногим меньше, хотя по населению они уступают указанным государствам примерно в десять раз. Причем и среди фаворитов в те или иные годы были режимы, особо отмеченные американскими милостями: так, в 1945/46—1947/48 гг. 80,7% помощи Юго-Восточной Азии пошло филиппинским властям, которые вели войну с собственным народом, а в 1958/59—1962/63 гг. на первое место вышел режим Южного Вьетнама (44,4%), который такую войну развязывал. Та же тенденция просматривается и при пересчете американской экономической помощи на душу населения. Так, за 1956—1965 гг. на каждого жителя Индии пришлось 10,3 долл., Индонезии — 2,5, ОАР — 35,2 долл., зато на одного жителя Тайваня — 71,45 долл., Южной Кореи — 87,2, Южного Вьетнама — 129,3 долл.

Во второй половине 60-х годов стало очевидно, что самые реакционные государства в той мере, в какой они являются надстройками, исторически сложившимися над определенными

национальными структурами, не могут быть приравнены к полуколониальным режимам прошлого. Дело в том, что последние сложились в результате насильственной экспроприации империализмом ряда функций суверенитета, а их нынешнее отчуждение местными правящими кругами продиктовано их узкоклассовыми интересами, противостоящими общенациональным устремлениям. Опыт Ирака, Пакистана, Ирана, Турции показывает, что правящие классы государств, втянутых в блоки, могут при известных условиях целиком или частично восстановить утраченные элементы суверенитета, а империализм с этим вынужден считаться. Хотя при этом не исключены контрперевороты и даже интервенции, такого рода акции уже не приносят их организаторам тех плодов, которые они обычно пожинали в зависимых странах, если правители последних проявляли строптивость.

Короче говоря, ликвидация колониальной системы и политического раздела мира между державами-метрополиями поставила империализм перед объективной необходимостью считаться с интересами десятков суверенных государств Азии и Африки. Казалось бы, что формально равные, а фактически неравноправные отношения с государствами, оставшимися зависимыми членами мирового капиталистического хозяйства, должны были вполне устраивать западные державы. В конце концов если исходить из соображений чистогана, то несравненно бóльшие прибыли монополиям приносит, так сказать, нормальная, мирная эксплуатация суверенной, но отставшей страны, чем дорогостоящие и разорительные войны на ее территории.

Среди буржуазных кругов и их идеологов немало людей, которые были бы не прочь установить именно такие отношения с бывшими колониями и полуколониями. Они рекомендуют отказаться от политического диктата и довольствоваться мирным выжиманием прибылей. Но такого рода представления в той же мере абстрагируются от самой природы империализма, как и в свое время концепции Каутского о том, что «„стремления капитала к расширению“ „лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией“» *. Для многих монополий именно война — наиболее прибыльное дело. «Военно-промышленный комплекс» задает в настоящее время тон во внешней политике США.

Неоколониализм и милитаристская реакция. Дело в том, что и у современного империализма все аспекты его взаимоотношений с афро-азиатскими странами в конечном счете

* В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*. — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 410.

подчинены глобальным целям его политики. Как уже подчеркивалось при рассмотрении глобальных целей империализма, воздействие главной из них — уничтожение мира социализма и предотвращение его союза с силами национального освобождения и социального прогресса в так называемом третьем мире — способствует сохранению и даже расширению насильнических, колониальных методов. В не меньшей степени живучесть этих методов связана с теми внутренними силами воинствующей империалистической реакции, которые, сложившись еще в эпоху «старого» колониализма, затем укрепляли свои позиции в обстановке «холодной войны», милитаризации экономики и общественной жизни, агрессивных акций против освобождающихся стран и сопутствующего им разгула шовинизма и расизма.

Если подобные силы овладевают государственным аппаратом, то опасность агрессии неизмеримо возрастает. Поэтому с наступлением эпохи империализма внутренняя борьба вокруг вопросов войны и мира необычайно обострилась, а после второй мировой войны приобрела подлинно общенациональный размах. Конечно, и раньше обострение межимпериалистических противоречий вокруг территориальных притязаний или дележа колониальной добычи не раз ставило народы метрополий перед угрозой военного взрыва. Но только после войны любое столкновение империализма с силами национального освобождения стало превращаться, причем с нарастающей силой, в объект столкновения мирового социализма и империализма, сил мира и прогресса с силами агрессии и реакции. Уже само столкновение этих противостоящих мировых сил создает обстановку, чреватую внутренним кризисом для страны-агрессора.

Помимо этого внешнего обостряющего фактора порожденная «холодной войной» и колониальными войнами милитаризация общественной и экономической жизни повлекла за собой далеко идущие последствия в политике и идеологии. Война во Вьетнаме теперь поглощает у агрессора 25—30 млрд. долл., многие дивизии и массу военной техники. Эта «малая война» потребовала от США, как ранее от Франции в том же Вьетнаме или в Алжире, введения в бой массовой сухопутной и воздушной армии, а также военно-морского флота. Создание такой армии ставит империализм перед рядом проблем. В странах с сильным рабочим и демократическим движением, например во Франции, массовые призывы новобранцев наталкивались на сопротивление общественности, а боевые и политические качества войск не были достаточно надежными для операций в «грязных войнах». Все это привело к необычному раздуванию профессиональных кадров колониальной военщины, которая стала претендовать

на власть в самой метрополии и вызвала соответствующие контрмеры со стороны правящего класса, опасавшегося военной диктатуры.

Элементы политического кризиса возникают и в общественной жизни США, где различные организации выступают за «возвращение наших парней домой». В этих выступлениях участвуют и те американцы, которые весьма далеки от симпатий к освободительному движению, но не желают, чтобы их близкие, люди мирных занятий, рисковали своей жизнью в необъявленных войнах Пентагона. Иными словами, невозможность обойтись профессиональным персоналом усиливает в странах-агрессорах антивоенные и антимилитаристские настроения.

Вместе с тем вооруженные интервенции порождают и реакционные последствия социального и политического порядка. Как уже отмечалось, военщина использует «малые войны» в качестве предлога для расширения своих профессиональных кадров. Военные заказы вызывают шовинистические настроения не только у наживающихся на них предпринимателей, но и среди определенных слоев рабочего класса. Наконец, создается своего рода «идеологический сервис войны», который охватывает государственные средства пропаганды, прессу, радио, телевидение, а также специальные «исследовательские центры». Подобная поляризация общественных сил по вопросам колониальной политики служит объективной основой для углубления и обострения противоречий внутри правящих кругов по общим проблемам внешнеполитической стратегии, по вопросу о месте в ней колониальной и неоколониалистской политики и о соотношении между этими двумя основными курсами на вмешательство в дела и развитие народов Азии, Африки и Латинской Америки. Разбухание военных бюджетов ведет к сокращению расходов на социальные цели и еще более разоблачает миф о «государстве всеобщего благоденствия». В обстановке милитаризации правящие круги все более склоняются к пресечению классовых выступлений трудящихся и демократического движения полицейскими расправами. Мятежи негров и цветных в десятках крупных городов США — неизбежное эхо бомбежек вьетнамского населения.

Более дальновидные политики капиталистического мира усматривают связь между колониальными войнами и внутренними социально-классовыми конфликтами. Особое беспокойство выражают те из них, положение которых зависит от функционирования и авторитета буржуазно-демократических институтов. «Когда оборонная политика выскользнула из рук конгресса и даже в значительной мере из-под контроля комиссии и подкомиссий, занимающихся вопросами обороны, —

пишет американский профессор Э. Колодзий, — соответственно снизилось знание законодателями проблем обороны и их интерес к ним». Милитаризация государственной жизни уменьшает роль законодательных органов и соответственно увеличивает значение и бесконтрольность исполнительной власти, особенно аппарата насилия и разведки. Еще в августе 1966 г. историк Артур Шлезингер, бывший помощник Кеннеди, заявил, что, по его мнению, война во Вьетнаме должна породить «нечто, приближающееся к маккартизму... и прежде, чем мы окажемся в состоянии отдать себе в этом отчет, мы создадим атмосферу, в которой для нового маккартизма будет не доставать только нового Маккарти». Об одной из бесплодных попыток ввести действия американских военных в рамки конституционных норм упоминает американский публицист Фрэд Дж. Кук в своей книге «Милитаризованное государство». Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Дж. Ч. Фулбрайт заявил протест военному министру П. С. Макнамаре по поводу выступлений военных на митингах крайне правых. Фулбрайт был возмущен, что военные, «которым надлежит исполнять государственную политику, стараются определять эту политику». Это было столкновение, замечает Кук, «традиционных американских принципов и той разновидности прусской военно-промышленной концепции, которая породила Гитлера».

Трудно судить о последнем замечании американского автора, так как неизвестно, что он подразумевал под «традиционными американскими принципами», к коим можно отнести и великие идеалы Линкольна, возглавившего одну из самых справедливых войн в истории, и политику «большой дубинки» Теодора Рузвельта, инспиратора первой войны за передел мира. Однако если обратиться к констатации относительно «военно-промышленной концепции, которая породила Гитлера», то приходится признать, что приверженцы ее преобладают в американском аппарате агрессии. Еще в конце 50-х годов 22% американских генералов на вопрос об их политических взглядах отнесли себя к лицам ультрареакционной ориентации, 45% — к консерваторам и только 5% — к либералам. В 60-х годах и особенно после убийства Дж. Кеннеди, у которого были расхождения с ультрареакционной военщиной и по кубинскому вопросу и по вопросу о прямом участии американских войск в войне в Южном Вьетнаме, американские генералы и офицеры в отставке и на действительной службе все более откровенно возглавляют правокстремистские, проще сказать фашиствующие, организации типа «Общества Джона Бэрча».

Столкновения внутри правящих кругов держав-метрополий вокруг колониальных проблем являются частью их вза-

имной борьбы за власть. В Соединенных Штатах, как правило, так называемые либеральные круги тяготеют к неокOLONиалистскому курсу с преобладанием экономических и идеологических методов воздействия, а авторитарные милитаристские элементы — к приемам прямого колониального насилия. Однако разграничительная линия между этими двумя направлениями очень часто — в ходе политических комбинаций и компромиссов — становится едва различимой, а порой и вообще исчезает.

Это объясняется тем, что по решающему пункту внешней политики — отношению к миру социализма, к странам, борющимся за полное национальное освобождение и социальный прогресс, все группировки правящих кругов США стоят на платформе действий с «позиции силы». Эти общие исходные положения американского внешнеполитического курса обеспечивают практически постоянное преобладание методов колониального насилия и по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки. При нежелательном для США повороте событий в любой из этих стран первым обычно срывается огромный аппарат насилия, созданный под предлогом «отбрасывания» или «сдерживания» мира социализма. И лишь после поражения агрессивной авантюры на сцену появляются политики и теоретики неокOLONиалистского толка, которые предпринимают усилия для спасения «престижа» США посредством «конструктивных» мер в области политики, экономики и пропаганды.

«Холодная война» против мира социализма питала и питает колониальную агрессию и европейских держав. Именно догматы «холодной войны» послужили своего рода основанием для сохранения и модернизации после второй мировой войны массированных вооруженных сил Англии, Франции, Голландии, Бельгии и Португалии. Возращенные в рамках западных агрессивных союзов против лагеря социализма и вооруженные в значительной мере на американские деньги колониальные армии этих держав вместе с США вели и ведут войны против народов Азии и Африки.

Стратегам антикоммунизма присуще метафизическое расчленение тактики международного коммунистического движения. По их уверениям получается, что В. И. Ленин, а затем его последователи «делали ставку» то на Европу, то на Азию. Суть же дела заключается в том, что творческие марксисты всегда рассматривали коммунистическое движение как явление всемирное (а не только как евро-азиатское). И исходя из объективной неравномерности мирового революционного процесса, они в своих оценках непосредственной революционной ситуации руководствуются не континентальными «установками», а фактами реальной жизни.

Между тем западные теоретики утверждают: «Если они (страны Юго-Восточной Азии. — *Авт.*) смогут довести до успешного конца революцию, колониальные державы будут серьезно ослаблены, а задача осуществления коммунистической революции на Западе облегчится». Автор этих строк, Леннокс А. Миллс, несомненно знакомился с ленинским учением о единстве революционного процесса, но воспринял его явно упрощенно. Так, вывод нидерландских войск из Индонезии, а французских — из Вьетнама отнюдь не вызвал революций, тем более коммунистических, в бывших метрополиях. И напротив, упорное нежелание правящих кругов Великобритании расстаться со своими интересами «к востоку от Суэца», а империалистов США — с ролью жандарма Юго-Восточной Азии породило острые политические конфликты внутри этих держав. В то же время правительства Франции и Нидерландов при всех различиях в их курсах во всяком случае очень далеки от опасения «коммунистических революций» как реакции на события в Юго-Восточной Азии.

В некоторых западноевропейских странах у правящих кругов проявились тенденции к укреплению своих военно-политических и экономических позиций в Европе и проведению самостоятельного внешнеполитического курса. В наиболее зрелом виде эти тенденции наблюдаются во Франции. Здесь крупнейшие монополии столкнулись с диктатом США, с одной стороны, с растущим недовольством французского народа — с другой. Они поняли необходимость технического перевооружения французской промышленности для повышения ее конкурентоспособности на мировых рынках и форсированной эксплуатации минеральных богатств бывших владений Франции в Африке. Этот курс требовал прекращения колониальных войн, истощавших национальную экономику, но уже неспособных восстановить насильнический «закон и порядок». Поэтому влиятельные монополистические круги Франции выступили в конце 50-х годов глашатаями неоколониалистского курса.

Постепенная смена традиционного колониального курса на неоколониализм происходит и в политике Англии. В известной мере Англия приступила к этой трансформации, как было показано выше, даже ранее других колониальных держав. Однако притязания британских правящих кругов на статус глобального партнера американского империализма заставляли их держаться за остатки колониальной империи «к востоку от Суэца» и в бассейне Карибского моря. В этом можно усмотреть еще одно доказательство тому, что следование американскому курсу «холодной войны» способствует сохранению старых, традиционных форм колониализма.

У «малых империалистов» — Нидерландов, Бельгии и

Португалии — эволюция от колониализма к неоколониализму находится на весьма разных этапах. С утерей Западного Ириана было покончено с голландской колониальной империей в Азии. Бельгийский империализм не оставляет попыток сохранить очаги своего политического влияния в Конго, но его позиции последовательно захватываются американцами. Португальская диктатура Салазара прочно связала свою судьбу с колониями в Африке и пока, по-видимому, не проявляет способности, да и желания, маневрировать в духе неоколониализма.

Наконец, два главных агрессора второй мировой войны — германский и японский империализм — были отстранены от колониальной политики после капитуляции. Но они активно включились в неоколониалистский курс под общей политической эгидой США, хотя и вступают с ними в острую конкуренцию в сфере экономической. По мере укрепления их экономических позиций дипломатия ФРГ и Японии начинает чаще прибегать к нажиму и даже к диктату. К таким приемам следует, например, отнести требование ФРГ о разрыве отношений с ГДР арабскими странами или же роль Японии в сколачивании военно-политического союза АЗПАК. Третий крупный агрессор периода войны — Италия — в основном ограничивается обычными экономическими отношениями с освобождающимися странами.

Поиск империалистическими стратегами нового так называемого конструктивного отношения к освободившимся странам наталкивается на сопротивление тех эксплуататорских классов и общественных слоев, которые порождаются как самим государственно-монополистическим капитализмом, так и его производными — военным, разведывательным и идеологическим аппаратами, стремящимися к традиционному колониализму, как к чему-то привычному и испытанному. Упомянутый Фред Дж. Кук справедливо связывает антидемократизм этих органов с притязанием на широкое господство.

Отметив, что господство военщины и крайне правых, сама обстановка милитаристского государства и шовинистического угара давят всякое здоровое обсуждение жизненных проблем, он продолжает: «Таков был метод Гитлера и Муссолини, и это основной прием милитаризованного государства. До тех пор пока к нему настойчиво прибегают, Америка будет осуждена сохранять мрачный военизированный облик и следовать курсу, который противоположен истинно мирной политике. Пока он сохраняется, мы будем пытаться вершить делами всего мира, будем по-прежнему влезать в рискованные авантюры на Азиатском материке, где у нас нет жизненных интересов и к которому, если исходить из здравого смысла, мы просто не принадлежим».

Вполне закономерно, что эти силы в наиболее завершенной форме сложились в США — центре мировой реакции, агрессии и колониального насилия. Вместе с тем именно США, ведущая сила и политический лидер империалистического лагеря, с наибольшей остротой ощущают необходимость найти противовес старому колониализму. Поэтому в политике США с особой отчетливостью сказывается противоречие между ее колониальной сущностью и неоколониалистским стремлением приспособиться к происходящим в афро-азиатском мире процессам, которые прямо или косвенно порождены объективной общенациональной потребностью и патриотической решимостью освободиться от всех видов зависимости от империализма.

Политике партнеров США это противоречие несомненно также присуще, но больше затемнено их частными интересами и пристрастиями отсюда нежеланием при подходе к каждой проблеме афро-азиатского мира руководствоваться исключительно глобальной стратегией империализма в американской трактовке. Поэтому исполнители жандармских карательных функций в Азии и Африке поменялись ролями. До корейской войны крупные военные акции осуществлялись здесь Англией, Францией и Нидерландами, а США ограничивались неоколониалистскими маневрами в сочетании с небольшими военными действиями против освободительной борьбы на Филиппинах и поддержкой чанкайшистского и лисынмановского режимов. Серьезные поражения, понесенные Францией и Нидерландами в Индокитае и Индонезии, затруднения Англии в Малайе, разгром поддерживаемых США режимов в Китае и на Юге Кореи привели к открытому объединению военных сил империализма в войне против КНДР. Эта колониальная военная коалиция — апогей объединенной агрессии США и колониальных держав в 50-х годах.

Ее бесплодность для империалистов и обострившиеся противоречия между ними на Ближнем Востоке и в других районах привели к тому, что после суэцкого кризиса и особенно после завершения алжирской войны США все чаще берут на себя единоличное ведение колониальной агрессии. Наиболее очевидным свидетельством наметившейся изоляции колониальной стратегии американского империализма от неоколониалистской тактики его европейских партнеров по НАТО служит их отказ от участия во вьетнамской аванюре американского империализма.

Постоянное состояние войны против освобождающихся народов в той или иной части Азии, Африки и Латинской Америки не только вносит существенные коррективы в осуществление неоколониалистского курса, но и в конечном счете подчиняет его целям агрессии против мира социализма и сил

национального освобождения. Это важнейшее обстоятельство следует иметь в виду при рассмотрении практики и результатов экономического неокOLONиализма, особенно его американской разновидности.

Экономическое неравенство и борьба за его ликвидацию. До середины 50-х годов отмежевание какого-либо из суверенных государств Азии и Африки от системы мирового капиталистического хозяйства связывалось лишь с его присоединением к социалистическому лагерю. Однако к этому времени определились два новых фактора: первый — начавшееся расширение экономических связей и сотрудничества афро-азиатских государств с миром социализма и второй — резкое ухудшение условий торговли для слаборазвитых стран после окончания войны в Корее и в 1958 г., в период экономического спада в капиталистическом мире. Если раньше империализм усматривал опасность отпадения афро-азиатских стран от мирового капиталистического хозяйства лишь в явлениях военно-политического порядка, то отныне он был принужден считаться и с экономическими закономерностями. Чтобы парализовать их, ему пришлось превратить экономическую помощь, ранее лишь дополнявшую военные поставки марионеточным и проимпериалистическим режимам, в более или менее самостоятельное направление неокOLONиалистской политики со своими собственными методами и целями.

Однако необходимость такой трансформации далеко не сразу была осознана американской дипломатией, которую влекла инерция «холодной войны» и агрессивных блоков. В записке Центра международного промышленного развития при Стэнфордском исследовательском институте это обстоятельство нашло свое признание в следующих словах: «Наша чрезмерная занятость проблемами холодной войны и неотложной задачей создания оборонительной системы свободного мира временами ставила под сомнение эффективность усилий в области прогресса слаборазвитых стран. Советская угроза дала дополнительный толчок программам, рассчитанным на содействие экономическому росту слаборазвитых районов».

В 1955 г., как пишет американский публицист и финансист Джеймс Уорберг, признаки «советской конкуренции» еще не побудили «правительство Эйзенхауэра сдвинуться с места... За весь послевоенный период вплоть до лета 1958 г. ежегодный вклад американского правительства в экономическое развитие отсталых стран был меньше суммы, затрачиваемой американцами на косметику в течение года». К этому времени определились благотворные результаты экономического сотрудничества развивающихся стран с Советским Союзом и другими странами социализма. Огромное воздействие, кото-

рое оказало и оказывает это сотрудничество на объем и условия американской помощи, неоднократно признавалось зарубежной печатью.

Такого рода признание в несколько своеобразном изложении содержится, например, в программной работе Честера Боулса, бывшего заместителя государственного секретаря США. Он вкладывает в уста «коммунистическим лидерам» следующие обращенные к народам Азии и Африки слова: «Советский Союз предлагает ссуды и специалистов для ускорения вашего прогресса. Вы благодарны ему за это. Но вы должны быть также благодарны Москве и за ту помощь, которую оказывают вам американцы. В своих официальных документах они откровенно заявляли, что если бы не боялись нас, коммунистов, то не дали бы вам ничего».

Главным фактором, побудившим империалистов приступить к медленному и мучительному для них пересмотру основных стратегических и тактических установок своей колониальной политики, несомненно, стала растущая мощь самого национально-освободительного движения, его крепнущее единство с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Выше уже отмечалось то огромное значение, которое имели выступления Советского Союза в поддержку национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки. Однако политическая и военная поддержка со второй половины 50-х годов начала в широких размерах дополняться экономической помощью. Успешное выполнение советским народом своих хозяйственных планов дало возможность выделить значительные средства на оказание экономической помощи странам Азии и Африки, освободившимся от колониального гнета. Но это означало вместе с тем, что империализм отныне уже утратил монополию, которой он располагал ранее, на поставку этим странам технического оборудования и услуг, на научно-технический и производственный опыт, на образование и воспитание современных кадров. С расширением внешнеторговых связей мира социализма с афро-азиатскими странами стала постепенно преодолеваться их односторонняя ориентация на мировой капиталистический рынок, а вместе с ней — и фактическая монополия финансового капитала на внешнюю торговлю этих стран.

Как уже отмечалось, с конца 50-х годов у основных стран Азии и Африки сложились резко дефицитные балансы в торговле с западными странами, что повлекло за собой перенапряжение их платежных балансов. Обнаружились явления, которые могли повести за собой ослабление экономических связей с мировым капиталистическим хозяйством. Особенно острой была нехватка долларов, что подрывало позиции США на рынках Индии и многих других стран.

Угроза потери экономических позиций в «третьем мире» казалась американским руководителям особенно реальной в конце 50-х годов, когда их хозяйство переживало серьезный спад. С этого времени помощь используется американскими империалистами для обеспечения за собой надежных рынков сбыта в развивающихся странах. Все более усиливающиеся противоречия между империалистическими державами в связи с неравномерностью их развития, падение удельного веса США в мировом капиталистическом экспорте, особенно резко обозначившееся со второй половины 50-х годов, свидетельствовали вместе с тем о значительном возрастании доли европейских империалистических держав (прежде всего ФРГ, Франции, Италии), а также Японии.

Ухудшилось и валютное положение США, сократился их золотой запас. Поэтому Соединенные Штаты стали на путь пересмотра условий реализации американских кредитов странами-получателями. Ранее на полученные от США средства эти страны могли приобретать интересующие их товары на любом рынке. Начиная с 1959 г. США стали все в большей мере обязывать страны — получатели кредитов закупать товары только на американском рынке. В тот период цели помощи прямо связывались с проблемами американской экономики. Некоторые из этих целей были сформулированы в выступлении Ф. О. Уилкокса, заместителя государственного секретаря по делам международных организаций в администрации Эйзенхауэра. Он перечислил четыре причины, по которым США «должны помогать малоразвитым районам своим опытом и капиталом».

Во-первых, приостановится экономическое развитие самих Соединенных Штатов, если их внешние связи не будут расширяться, а для этого следует «сделать более динамичной застойную экономику» слаборазвитых стран. «Зажечь свечу другого от своей собственной — не убыток», — приводит Уилкокс пословицу и продолжает: «Как мне кажется, в результате помощи другим странам светильник нашей собственной экономики должен стать сильнее и ярче».

Во-вторых, США не смогут обеспечить свою промышленность, в частности военную, поставками сырья из слаборазвитых стран, не прибегая к оказанию им помощи.

В-третьих, Соединенные Штаты должны заботиться о поддержании своей внешней торговли, которая дает работу 5 млн. американцев.

В-четвертых, сама помощь непосредственно повышает занятость в США. Например, в выполнении заказов по одним только военным поставкам в порядке помощи участвует около 500 тыс. человек.

К этим причинам добавляются соображения о тесной свя-

зи помощи с форсированием частных капиталовложений. По замыслам руководителей американской внешней политики, инвестиции монополий США должны действовать в том же политическом направлении, что и государственная помощь. Заместитель государственного секретаря США по экономическим вопросам Л. Диллон прямо заявил: «Ныне мы изучаем методы, посредством которых правительство могло бы более эффективно опираться на поддержку частного предпринимательства в достижении целей нашей внешней политики».

Эти соображения и определили масштабы и структуру американской помощи развивающимся странам. В первые три послевоенных года она превысила 2 млрд. долл. и львиная доля ее шла на спасение режима Чан Кай-ши. Затем, когда этот режим был сметен, экономическая помощь странам Азии, Африки и Латинской Америки упала до 809 млн. долл. в 1950 г., а потом, постепенно, увеличиваясь лишь в 1955 г. опять переходит двухмиллиардный рубеж, в 1959 г. достигает 2879 млн. и в 1962 г. — 4644 млн. долл. По целевому назначению она расходуется на инфраструктуру — строительство электростанций, ирригационных сооружений, дорог, портов, средств транспорта и т. п. Другими словами, формируются технико-экономические предпосылки для предпринимательства частных фирм — как иностранных, так и местных. За последние годы возросли «нецелевые» займы, предназначенные для погашения задолженности развивающихся стран по внешнеторговым обязательствам.

В конце 50-х — начале 60-х годов четко определилась основная неоколониалистская установка империалистических держав по отношению к развивающимся странам. Ее существо определяется прежде всего стремлением обеспечить капиталистический путь развития молодых национальных государств, сохранить и расширить возможности для их эксплуатации в системе мирового капиталистического хозяйства, не допустить перехода их на некапиталистический путь и сближения со странами мировой социалистической системы. Принятие новой основной стратегической установки повлекло за собой и известную модернизацию арсенала форм и методов проведения политики неоколониализма. Особое значение стало отныне придаваться вопросам организации и использования помощи развивающимся странам.

«Новый подход» к решению проблем помощи был провозглашен президентом США Дж. Кеннеди в известном послании конгрессу от 22 марта 1961 г. по вопросу о помощи иностранным государствам. Кеннеди подчеркнул, что «существующие программы и концепции помощи иностранным государствам в основном неудовлетворительны». Была намечена широкая программа организационных мероприятий по

усилению централизации всего дела помощи и совершенствованию связанного с этим аппарата. Президент рекомендовал сделать упор на долгосрочное планирование и финансирование, перенести центр тяжести на займы для экономического развития, погашаемые в долларах, уделяя особое внимание тем государствам, которые «наиболее способны мобилизовать собственные ресурсы». Президент настоятельно советовал возможно быстрее перейти от безвозмездных субсидий к тому, чтобы предоставлять долгосрочные займы «на низких процентах или же совсем без процентов».

Дж. Кеннеди выражал надежду, что новая организация предоставления помощи усилит позиции империализма и развивающихся стран в борьбе с растущим воздействием мировой социалистической системы. Предлагаемая президентом США реформа всей организации и предоставления помощи по мысли ее авторов должна была способствовать сплочению и единству США и их союзников в борьбе против «мирового коммунизма» и «красной опасности». Именно в этом духе характеризовала ее «Нью-Йорк таймс»: «Американские усилия по оказанию военной и экономической помощи во много миллиардов долларов жизненно важны для интересов Соединенных Штатов не только при обороне иностранных государств от коммунизма, но и в качестве средств создания таких международных условий, при которых американская политика сможет добиться победы над красными».

Таким образом, «новый подход» предполагал необходимость тщательной разработки программы оказания долгосрочной помощи развивающимся странам, с тем чтобы закрепить их на капиталистическом пути, воздействуя тем самым на социально-экономические процессы, происходящие в этих странах. Среди идеологов «нового подхода» был и американский экономист и социолог, нынешний специальный помощник президента Джонсона У. Ростоу, автор «теории стадий». Теория Ростоу отрицает неизбежность смены капитализма социализмом и рассматривает социализм как «аномалию», порожденную низким жизненным уровнем населения в странах «третьего мира» и «интригами» коммунизма. Основные идеи «нового подхода» были утверждены при жизни Кеннеди конгрессом США, хотя и встретили довольно широкую оппозицию, в результате чего суммы, испрашивавшиеся президентом, были существенно сокращены. Был принят и ряд оговорок, значительно осложнявших практическую реализацию намеченной программы.

Под влиянием того факта, что льготные и выгодные для молодых национальных государств условия, на которых им предоставляют кредиты Советский Союз и страны социалистического лагеря, способствовали значительному повышению

авторитета последних в глазах народов «третьего мира», американские империалисты, а вслед за ними и империалисты других стран были вынуждены пойти на известное смягчение условий предоставления помощи. Это обстоятельство явилось несомненным выигрышем для развивающихся стран.

Этот курс оказался более эффективным в смысле укрепления производственной базы капитализма в ряде развивающихся стран. Однако этот же курс породил трения с более широкими слоями национальной буржуазии, которые не только не извлекли выгод из иностранной помощи, но и относительно потеряли от усиления монополистических и других привилегированных групп. К тому же индийский вариант помощи не подходил к большинству афро-азиатских стран, где капиталистическое предпринимательство существовало в примитивных, незрелых формах.

Поэтому и в Индии и в других государствах усиливается непосредственное содействие мелким и средним предпринимателям. В тех странах, где государство поощряет мелкую инициативу, помощь ей оказывается через государственные экономические органы. Но при этом западные кредиторы широко прибегают и к непосредственным контактам с мелкой и средней буржуазией, поддерживая капиталистические элементы в кооперативном движении, вступая в соглашения даже с отдельными предпринимателями средней руки.

Стремление империалистических держав расширить свои контакты со средними и мелкими предпринимателями и верхами крестьянства послужило одной из причин наметившегося пересмотра позиций в отношении государственного сектора экономики развивающихся стран. Этот сектор длительное время рассматривался на Западе как пример «тоталитаризма» и чуть ли не «советизации» экономической жизни стран, развивающихся по капиталистическому пути.

Однако этот пересмотр весьма непоследователен. Несомненно, что, например, мелкое и среднее предпринимательство Индии получает определенные выгоды от пользования услугами железных дорог и электростанций, реконструированных или построенных на западные займы. Вместе с тем владельцы небольших заведений ощущают острую нехватку черных и цветных металлов, производство которых финансируется американской стороной лишь в том случае, если оно осуществляется крупнейшими концернами Индии.

Широкую международную огласку получил затяжной торг между США и правительством Индии в связи с предполагавшимся предоставлением правительством США кредитов для строительства металлургического завода в Бокаро. Несмотря на ясно выраженное желание индийской стороны строить предприятия в государственном секторе, американ-

ское правительство, идя на всевозможные уловки, настаивало на противоположном решении. Оно предложило, например, строить предприятие в государственном секторе, но так, чтобы в его акционерном капитале были представлены частные фирмы Индии. Когда это предложение было отклонено, появился новый проект, предусматривавший, что управление строителем и эксплуатация завода в Бокаро должны быть поручены частным американским фирмам. В конце концов правительство Индии было вынуждено отказаться от сотрудничества с Соединенными Штатами в этом вопросе и обратилось к Советскому Союзу, который согласился взять на себя сооружение этого предприятия на предложенных индийской стороной условиях.

Необходимость всемерной активизации местного предпринимательства вызывалась и тем, что в ряде стран Азии и Африки упало значение иностранного капитала как фактора становления и развития капиталистических отношений. Неустойчивый «политический климат» в развивающихся государствах в значительной степени сдерживает поток американских частных инвестиций в эти страны. Особенно велик страх, испытываемый частным капиталом империалистических стран, перед возможной национализацией иностранной собственности в молодых национальных государствах. Только за 1945—1962 гг. потери американского капитала от национализации составили около 2 млрд. долл. Стремясь защитить интересы американских кредиторов, конгресс США в 1962 г. принял специальную поправку к Закону о помощи иностранным государствам, предусматривающую, что развивающаяся страна, осуществившая национализацию собственности американских компаний без соблюдения ряда специально оговоренных условий, лишается американской помощи. Агентство международного развития, действующее в США, заключило более чем с 70 государствами специальные двусторонние соглашения о гарантиях американским частным инвесторам возмещения понесенных убытков в случае национализации и революции, отсутствия возможностей для обмена валюты и т. д. В целях привлечения частного капитала в развивающиеся страны Агентство международного развития и Экспортно-импортный банк США предоставляют им специальные займы в долларах или местной валюте. Осуществляется и серия других мероприятий, направленных на создание в независимых странах Азии и Африки благоприятного «инвестиционного климата» для частного иностранного капитала.

Американские монополии осуществляют усиленное давление на молодые национальные государства, требуя от них предоставления все новых льгот и уступок американскому частному капиталу. На Женевской конференции ООН по во-

просам торговли и развития тогдашний заместитель государственного секретаря США Дж. Болл «предупредил слаборазвитые страны, что им придется вести себя с чувством ответственности и перестать беспокоить частных американских вкладчиков, если эти страны рассчитывают на дальнейшую финансовую или техническую помощь Вашингтона».

Еще в первой половине 50-х годов была создана система специализированных финансовых учреждений ООН во главе с Международным банком реконструкции и развития (МБРР). Все эти учреждения занимаются вопросами предоставления экономической помощи развивающимся государствам. К их числу относятся Международный валютный фонд (МВФ), Международная ассоциация развития (МАР), Международная финансовая корпорация (МФК), а также специальные клубы помощи отдельным странам. Ведущая роль во всех указанных учреждениях принадлежит американскому капиталу, который получил возможность не только использовать для осуществления своей политики собственные средства, но и привлекать средства своих империалистических партнеров.

Многие африканские страны, бывшие колонии Франции, были привлечены к сотрудничеству с «Европейским экономическим сообществом» — «общим рынком». Однако попытка вовлечь в систему «общего рынка» страны Азии, бывшие колонии европейских держав, не имела успеха. Прогрессивные силы в этих странах, в том числе и представители патристически настроенных кругов буржуазии, быстро распознали сущность этого маневра неокOLONIALISTОВ, стремящихся установить таким образом жесткий контроль над экономикой молодого суверенного государства и превратить ее в безгласный придаток экономической структуры, обслуживающей интересы монополий ведущих капиталистических стран.

Помощь, которую оказывают вышеназванные учреждения, нередко используется для оказания прямого политического и экономического давления на страны-получатели. Показательно, что нередко имеются случаи, когда специализированные финансовые учреждения осуществляют свои операции при прямом участии частных капиталов. В отдельных случаях речь идет о совместном с частным капиталом предоставлении займов.

Не привлекая более ранние примеры этого, укажем на американский шантаж при национализации нефтяной промышленности на Цейлоне. Разоблачая попытку США использовать продовольственную помощь ОАР для предъявления ей политических требований, президент ОАР Г. А. Насер гневно говорил: «Они ошибаются, если воображают, что могут вмешиваться в наши дела на том основании, что оказывают нам

некоторую помощь. Ради сохранения своей независимости мы готовы сократить потребление пищевых продуктов». Попытка оказать политическое давление на Индию в связи с предоставлением продовольственной помощи была раскрыта премьер-министром Индии Индирой Ганди во время ее визита в США в апреле 1966 г. Таким образом, с помощью политики неоколониализма США стремятся не только любой ценой удержать новые национальные государства в системе мирового капиталистического хозяйства, но и повлиять на развитие молодых независимых стран, помешать упрочению их политической независимости, мобилизовать все реакционные силы для борьбы против сил социального прогресса, стремящихся к некапиталистическим формам развития своих стран.

В этом же направлении действует и английский империализм. Британским монополиям удалось сохранить важные позиции в экономике молодых национальных государств. В ряде случаев Англия заключила особые договоры с этими странами, в которых были предусмотрены обязательства не осуществлять национализацию английской собственности, оказывать содействие деятельности английского частного и государственного монополистического капитала и т. д.

В экономике, как и в политике, английский неоколониализм обнаруживает склонность к приспособлению сложившихся в период Британской империи отношений к новой обстановке. Действительно, длительное господство оставило английским монополиям в бывших колониях весьма ценное наследие — огромные инвестиции в ведущих отраслях хозяйства, ориентацию важнейших видов производства на английский рынок, зависимость крупной промышленности от британского оборудования, технических знаний и руководства. К тому же по отношению к Индии и Пакистану в первые послевоенные годы действовало «размораживание стерлинговых фондов» — погашение военных долгов Англии этим странам.

Надо отметить еще один важный момент, также порожденный колониализмом, но ныне неожиданно придающий либеральный оттенок экономическим отношениям Англии с ее бывшими колониями. Выплата ими колониальной дани обычно обеспечивалась активным внешнеторговым балансом, в частности с метрополией. Поэтому и после достижения суверенитета афро-азиатские страны, как правило, испытывают меньше трудностей в расчетах со своей бывшей британской метрополией, чем с остальными западными державами. К этому благоприятному для английских компаний обстоятельству добавлялась зависимость валют молодых государств от фунта стерлингов и Английского банка. Наконец, у английских монополий было несравненно более прочное и глубокое, чем

у их американских соперников, переплетение деловых интересов с местным капиталом, особенно в Индии, Пакистане и на Цейлоне, что позволяло им с меньшим риском прибегать к реинвестициям нажитых здесь же прибылей. Все эти преимущества облегчали английскому капиталу регулирование его платежных отношений с бывшими колониями и позволяли до конца 50-х годов уклоняться от оказания существенной помощи на межгосударственной основе.

Поэтому, например, в 1950—1953 гг. помощь Англии молодым государствам Азии составляла ничтожную сумму — примерно 25 млн. долл., а вместе с расходами на экономические мероприятия в тогдашних колониях — 135 млн. Затем эта цифра медленно возрастала до 230 млн. в 1957 г. Но к этому времени появился ряд новых обстоятельств, вынудивших английское правительство приступить к дальнейшему расширению помощи, — экономическое сотрудничество Индии с социалистическими странами, усилившееся проникновение конкурентов на рынки ее бывших колоний (особенно в сбыте оборудования), образование клубов помощи США, ФРГ и другими державами, прекращение платежей по стерлинговому долгу. Эти и иные явления вынудили Англию включиться в систему помощи ее бывшим колониям. Однако государственная помощь Англии далеко уступает американской и даже французской, и экспансии английского частного капитала по-прежнему отводится первое место в арсенале средств экономического проникновения в развивающиеся страны.

Известная сдержанность британских правящих кругов в отношении государственной помощи как средства неокOLONиалистской экспансии во многом объясняется также стойкостью их старых представлений. Некоторые из идеологов британского империализма по сей день не могут примириться с необходимостью предоставлять займы правительствам, проводящим курс активного, антиколониального нейтрализма. Вот, например, что писал по этому поводу Антони Иден через десять лет после краха организованной им суэцкой авантюры: «Попытки перекупить на нашу сторону неприсоединившиеся страны экономическими и политическими уступками, которые вознаграждают за враждебные действия или пропаганду, похоже, оказываются неудачными, чего они и заслуживают. На эту сторону неприсоединившиеся страны и умы будут перетянуты искренним и последовательным альянсом. Важно не поддаваться угрозам, чтобы в стране, откуда они исходят, не произошло худшего». Итак, сначала «искренние и последовательные альянсы», а затем британские субсидии. Но ведь именно так сколачивалась Британская империя, которой уже нет, и восстановить ее нельзя решительно никакими методами.

Французский неоколониализм по своей антикоммунистической окраске сродни другим. Во всяком случае высшие должностные лица Франции даже после ликвидации ее империи позволяют себе делать заявления вроде того, которое обнародовал 5 ноября 1963 г. в сенате статс-секретарь при премьер-министре, ведающий делами Алжира: «Глубокий смысл нашей политики сотрудничества заключается в том, чтобы придать слаборазвитым странам сознание своей значимости и желание отстоять и выразить свои собственные интересы в противовес возможной притягательности коммунизма, которая очень велика, потому что коммунизм является поборником антиколониализма и выдвигает формулы коллективизма, которые могут показаться соблазнительными».

Помимо этих политических соображений французский монополистический капитализм при определении масштаба и форм своей помощи бывшим колониям исходил из того, что позиции его монополий в их экономике, особенно в производстве, были, как правило, менее прочными, чем в колониях у Англии. Особенно была форсирована французская помощь во второй половине 50-х годов, когда на очередь стала ликвидация империи в Африке. Отказавшись от старой колониальной политики войн и насилия, Франция не только не потеряла, а, наоборот, расширила свои экономические позиции в Юго-Восточной Азии. В 1963 г. в Южном Вьетнаме проживало 17 тыс. французов, в руках которых находилась значительная часть торговли, ряд промышленных предприятий. Французские капиталовложения в каучуковые плантации оцениваются в 500 млн. долл. Французским компаниям принадлежит свыше 61 тыс. га плантаций каучукового дерева из общей площади 65 тыс. га. В Камбодже сейчас проживает 6 тыс. французов, больше чем в 1954 г. Почти вдвое вырос в 1962 г. экспорт из Франции в Камбоджу по сравнению с 1955 г. Значительную роль в экономике Лаоса играют две тысячи французов, проживающих в этой стране.

В настоящее время французская политика направлена на дальнейшее расширение позиций Франции в экономике государств Юго-Восточной Азии, на вытеснение из этого района американских сил. Франция выдвинула идею «нейтрализации» Юго-Восточной Азии, предполагающую вывод иностранных войск из стран этого региона и предоставление им права самим решать свою судьбу. Французские правящие круги отчетливо видят безвыходность того положения, в котором очутились ныне американские империалисты во Вьетнаме, и пытаются использовать эту ситуацию для укрепления и расширения своих позиций в этих странах Юго-Восточной Азии. Усилия французской дипломатии направлены и на восстановление позиций Франции в странах Ближнего и Среднего

Востока, на расширение ее позиций в странах Латинской Америки, на Дальнем Востоке.

В активную борьбу за перераспределение сфер влияния и рынков в странах Азии, Африки и Латинской Америки включились и западногерманские монополии. Свое стремление к новому переделу сфер влияния в «третьем мире» западногерманский неокOLONиализм маскирует утверждениями о своем якобы «антиколониализме», о якобы добровольном отказе от своих колониальных владений и привилегий. Особые надежды возлагают боннские неокOLONиалисты на пропаганду среди освободившихся народов Азии и Африки так называемого западногерманского экономического чуда, которое может являться для этих народов блестящим образцом для подражания. Председатель западногерманского «Африканского общества» и председатель бундестага Герстенмайер говорил в интервью, опубликованном во влиятельном журнале «Дер шпигель»: «Люди думают, что у нас, немцев, якобы есть совершенно особый способ быстро становиться богатыми... и что этот способ можно было бы применить всюду успешно, в том числе в Восточной Африке, на Западном побережье или в Экваториальной Африке».

Экономическая экспансия западногерманских монополий, не обладающих значительными излишками капиталов, в освободившиеся страны ныне в меньшей степени опирается на традиционные формы вывоза капитала, заменяя их широкой внешнеторговой экспансией. Торговля ФРГ с этими странами за послевоенный период быстро возросла, причем западногерманские монополии сумели добиться значительного превышения своего экспорта над импортом в торговле с такими странами, как Индия, ОАР, ряд стран Африки. Подобная внешнеторговая политика боннского правительства создает значительные трудности для молодых освободившихся государств, заставляя их увеличивать инвалютные расходы на покрытие дефицита, отказываться от импорта других, весьма важных для них товаров и все глубже залезать в петлю финансовой зависимости от западногерманских монополий.

В целях экономической эксплуатации освободившихся государств западногерманские монополии широко используют механизм цен на мировом рынке. Только за 1954—1959 гг. вследствие неэквивалентного обмена в торговле с Западной Германией развивающиеся страны потеряли 4 млрд. марок. Западногерманские монополии, понятно, не отказываются и от экспорта капитала в освободившиеся страны. Они, в частности, являются совладельцами концессий на разработку нефтяных месторождений в Алжире, Ливии и других странах. Особое значение имеет кредитование поставок в счет экспор-

та товаров, осуществляемого монополиями. Государство гарантирует эти кредиты из бюджетных средств.

Далеко идущие планы связывают монополии ФРГ с так называемой технической помощью. На эти цели отпускаются крупные средства. Западногерманские эксперты и советники принимают самое активное участие в разработке и составлении всевозможных «планов развития», «народнохозяйственных проектов» в освободившихся государствах. Очень большое внимание уделяется подготовке кадров технической интеллигенции для стран Азии, Африки и Латинской Америки как непосредственно в самих этих странах, так и в ФРГ.

Монополии ФРГ выступают активными участниками создания так называемых смешанных обществ, представляющих собой одну из форм проникновения иностранного капитала в экономику развивающихся стран. Капиталисты ФРГ настойчиво внушают руководителям молодых национальных государств мысль о нецелесообразности развития в широких масштабах государственного сектора и о необходимости всемерного поощрения частного капитала в этих странах.

Из года в год нарастают темпы экономической экспансии японских монополий преимущественно в страны Юго-Восточной Азии, а также в страны Африки и Латинской Америки. Японские монополии прилагают все усилия для того, чтобы получить от США займы и кредиты, которые можно было бы использовать для расширения своего проникновения в освободившиеся государства. Наряду с этим японский монополистический капитал проявляет большую заинтересованность в борьбе против национально-освободительного движения народов Азии, в предотвращении распространения влияния «мирового коммунизма». В последнее время особенно отчетливо проявляется тенденция к укреплению связей японских монополий со странами, входящими в агрессивные военные блоки. В 1962 г. на долю этих азиатских стран и марионеточных режимов приходилось более 60% всего японского экспорта в страны ЮВА. При этом Япония экспортирует прежде всего машины, средства транспорта и связи и наряду с этим оборудование для военных заводов, судоремонтных верфей и т. д. Этим странам и режимам принадлежит также важнейшее место в японских программах «экономического сотрудничества и помощи».

Для целей своей экономической экспансии Япония широко использует репарационные платежи, которые она вносит странам, подвергшимся в годы мировой войны японской оккупации. В счет репараций осуществляются поставки японской промышленной продукции, строятся фабрики и заводы, предоставляется техническая помощь. Японские советники и эксперты принимают деятельное участие в разработке и со-

ставлении «планов развития» экономики стран Южной и Юго-Восточной Азии. В широких размерах организована подготовка технических и административных кадров для азиатских стран как в японских учебных заведениях, так и в самих этих странах.

Равноправное экономическое сотрудничество — антитеза экономическому неокOLONIALИЗМУ. Экономический неокOLONIALИЗМ не может быть обезврежен без контрмер экономического порядка. В связи с этим следует подчеркнуть, что устранение экономического неокOLONIALИЗМА — не простое и не легкое дело.

Конечно, почти у любой отдельно взятой развивающейся страны есть возможность постепенного сужения, а затем и разрыва с мировым капиталистическим хозяйством и переориентации ее внешнеэкономических связей на мир социализма. Однако если такой вариант рассматривать в масштабе трех континентов, то последствия такого шага представятся более сложными. Мир социализма пока еще не может стать главным (тем более единственным) торговым контрагентом всех или большинства развивающихся стран. Расширение и укрепление экономических связей и сотрудничества между социалистическими и развивающимися странами — великая историческая задача, которая может быть решена только в ходе дальнейшего экономического развития двух сторон, взаимного ознакомления с рынком и ресурсами, освоения технических стандартов и нормативов, подготовки соответствующих кадров.

Наконец, надо было преодолеть инерцию односторонней ориентации на мировое капиталистическое хозяйство. Ныне сбывается предвидение В. И. Ленина, что народы национально суверенных государств «привыкают сознать экономическую необходимость союза с Советской Россией против международного империализма»*. Как уже отмечалось, подобное сознание стало укрепляться у правящих кругов Турции, Ирана и Афганистана, не говоря уже о революционном руководстве Монголии, еще в первые послеоктябрьские годы. Однако в международном масштабе реальная экономическая возможность союза Советского государства, других социалистических стран с освобождающимися странами возникла только после второй мировой войны в ходе ликвидации колониальной системы.

Советскому Союзу принадлежит инициатива и в послевоенные годы в оказании экономической помощи народам, сбросившим иго колониальных режимов. Так, Советская Армия,

* В. И. Ленин, *VIII Всероссийский съезд Советов*, — Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 107.

освободив Север Кореи и Северо-Восток Китая, помогла наладить транспорт и промышленность, организовать снабжение населения. С 1949 г. Советский Союз оказывал помощь КНР и КНДР на основании соответствующих соглашений.

С середины 50-х годов круг афро-азиатских стран, с которыми сотрудничает Советский Союз, значительно расширился. К 1960 г. соглашения об экономическом сотрудничестве были заключены с 10 странами, а в 1965 г. — уже с 28 афро-азиатскими государствами. Среди них были Индия, Афганистан, Бирма, Индонезия, Цейлон, Камбоджа, Непал, Ирак, Иран, Сирия, Йемен, Пакистан, Лаос, ОАР, Алжир, Гана, Гвинея, Мали, Камерун, Сенегал, Эфиопия, Сомали, Судан, Кения, Уганда, Конго (Браззавиль). Круг этих стран, включающий государства с разным строем, с различной внутренней и внешней политикой, показывает, что экономическое сотрудничество нашей страны основано на уважении права каждого народа на соответствующее его традициям и представлениям общественное устройство.

Отраслевое направление этого сотрудничества свидетельствует о серьезных усилиях Советского Союза содействовать закладыванию основ экономической самостоятельности. Так, на начало 1965 г. по всем заключенным соглашениям Советский Союз обязался предоставить в виде займов, кредитов, безвозмездной помощи около 4 млрд. руб. на приобретение оборудования и материалов, оплату технического обслуживания. Из этой суммы 2,8 млрд. руб. направляется в промышленность. При посредстве Советского Союза намечено соорудить и сооружается 30 предприятий и объектов черной и цветной металлургии, 45 металлообрабатывающих заводов, 16 предприятий стройматериалов, более 20 химических и нефтеперерабатывающих заводов, 20 электростанций, 80 предприятий легкой и пищевой промышленности, около 100 сельскохозяйственных ферм, 90 учебных заведений. Всего сооружается или расширяется до 600 промышленных и прочих заведений, из которых к 1965 г. было сдано в эксплуатацию 167 объектов.

Среди них такие крупные предприятия, как металлургический завод в Бхилаи мощностью 2,5 млн. т стали, электростанция в Нейвели мощностью 250 тыс. кВт (Индия), высотная плотина в Асуане, металлургический завод в Хелуане (ОАР). Вместе с тем в небольших странах строятся объекты малой мощности, рассчитанные на удовлетворение потребностей народа и освобождение страны от ввоза товаров первой необходимости. К таким предприятиям относятся, например, консервные заводы в Ираке и Гвинее. При содействии Советского Союза строятся дороги, порты, радиостанции. Но особую важность представляют крупные машиностроительные

заводы по производству тяжелого, горного и энергетического оборудования в Индии.

Общая мощность предприятий, о сооружении которых были заключены соглашения, составляет: по стали — 6 млн. т, по железной руде — 4,3 млн. т, по переработке нефти — 8,6 млн. т, по производству металлургического, горного и металлообрабатывающего оборудования — 180 тыс. т, по мощностям электростанций — 4,7 млн. кВт, по выпуску электрооборудования — 3,2 млн. кВт.

Западная помощь лишь в незначительной своей части расходуется на строительство крупных заводов национальной промышленности. Но и в том случае, когда на советские или западные кредиты строятся однотипные предприятия, различия между неокOLONиалистским и интернационалистским подходом выступают со всей очевидностью. Например, и Советский Союз и США содействуют Индии в строительстве электростанций. Но построенные при участии американцев электростанции не сократят зависимости Индии от поставок оборудования при последующем строительстве. Напротив, ознакомление с советской техникой на электростанциях позволит Индии быстрее освоить мощности строящегося с советской помощью завода тяжелого электрооборудования и преодолеть свою зависимость от иностранных поставщиков при сооружении новых станций.

Примерно так же обстоит дело и в черной металлургии Индии, где СССР, ФРГ и Англия участвовали в сооружении трех государственных заводов, а американцы оказали техническую помощь концерну Тата при строительстве второй очереди его завода. В Индии было сделано немало заявлений, включая и официальные, о том, что советские инженеры лучше своих западных коллег справились со строительством завода и пуском его на полную мощность. Но коренное различие состоит не в этом.

В черной металлургии, как и в электроэнергетике, советская сторона не ограничивалась «разовым» участием в сооружении одного, пусть даже крупного, объекта, но помогает наладить производство оборудования и для последующего строительства в данной отрасли. Завершается строительство завода металлургического и прочего оборудования в Ранчи. Примерно так же обстоит дело и в горной промышленности. К тому же советская сторона несравненно быстрее готовит местный технический персонал, способный самостоятельно руководить производством. Все это, вместе взятое, приводит к тому, что каждый рубль, использованный Индией из советских кредитов, несравненно эффективнее служит упрочению ее экономической самостоятельности, чем соответствующее количество западной валюты из империалистических займов.

Те же благотворные для народного хозяйства развивающихся стран результаты дает и их торговля с миром социализма. Объем их внешнеторгового оборота со странами — членами СЭВ в 1965 г. почти вдвое превысил уровень 1960 г. Товарооборот Советского Союза с развивающимися странами возрастал в среднем на 15% в год. В 1966 г. объем торговли с ними составил почти 2 млрд. рублей, или свыше 12% всего внешнеторгового оборота СССР (против 5% в 1955 г.). Причем в 1966 г. товарооборот с Индией (346 млн. руб.) и с ОАР (314 млн. руб.) превышал соответствующие цифры 1955 г. для всех экономически отставших стран. Среди тех стран, которые не являются членами СЭВ, Индии принадлежало третье, а ОАР — четвертое место во внешней торговле нашей страны. В новом пятилетии наряду со значительным расширением вывоза машин и других видов промышленной продукции, столь нужных для подъема производительных сил этих стран, Советский Союз будет во все возрастающих количествах закупать у них как традиционные товары их экспорта (хлопок, шерсть, растительные масла, продукты тропического земледелия), так и изделия их расширяющейся промышленности.

В самой товарной структуре внешнеторгового оборота социалистического сотрудничества с развивающимися странами заключены весьма прогрессивные основы для их экономического развития. Если у империалистических стран в номенклатуре их импорта преобладает тенденция к возрастанию доли минерального сырья и особенно нефти, то страны социализма все больше ввозят так называемые традиционные товары, в которых воплощен труд крестьян, и изделия обрабатывающей промышленности. Например, в 1965 г. около половины советского импорта из этих стран составляли растительное сырье, изделия из него и продовольственные товары, а вывоз текстиля и обуви достиг 107 млн. руб. Такая товарная структура, с одной стороны, расширяет или, в всяком случае, поддерживает занятость основной массы самостоятельного населения — крестьян, а с другой — дает внешний выход для той отрасли производства (обрабатывающей промышленности), у которой наименьшая неэквивалентность внешнеторгового обмена. Растущие потребности населения социалистических стран создают прочный рынок для «тропических товаров» (кофе, какао-бобы, фрукты и т. п.) и изделий легкой промышленности.

Наряду с этим социалистические страны не несут в своих отношениях с молодыми государствами Азии и Африки груз колониальной инерции в структуре своего вывоза в виде товаров потребительского назначения или средств производства, предназначенных для поддержания уже достигнутого уровня

производства. В номенклатуре советского импорта преобладает комплектное оборудование (около 60% всего импорта), предназначенное для расширенного воспроизводства в основных отраслях. Поэтому если на своих начальных стадиях экономическое сотрудничество мира социализма с развивающимися странами основывалось на предоставлении займов, то со временем значение приобретает взаимовыгодный товарообмен на основе долгосрочных торговых соглашений.

Сотрудничество с социалистическими государствами усиливает позиции молодых суверенных стран в борьбе с иностранным монополистическим капиталом. Эти страны получили возможность противостоять такому безотказному в прошлом средству, как экономическая блокада. Широкое сотрудничество со странами социализма суживает возможности применения империализмом рычагов экономического давления на освободившиеся страны, заставляет его идти на уступки, отказываться от наиболее одиозных методов колониализма. Это — дополнительные косвенные выгоды, получаемые странами Азии и Африки в результате их сотрудничества с социалистическим миром.

В своей политике экономического сотрудничества социалистические государства исходят из того, что быстрый прогресс освободившихся стран отвечает интересам всего человечества, интересам борьбы против империализма, за победу самого передового общественного строя. Наибольшего эффекта помощь социалистического мира достигает там, где национальные правительства максимально используют все внутренние возможности и материальные ресурсы.

Помощь СССР и других социалистических государств оказывается без всякого вмешательства во внутренние дела других стран, без выдвижения условий, несовместимых с их национальными интересами. Принципиальное значение советской помощи заключается в том, что она призвана содействовать освобождению слаборазвитых стран от пут иностранного монополистического капитала, помочь им успешно противостоять новым формам экономического неоколониализма.

Непосредственный эффект экономического сотрудничества молодых государств Азии и Африки с социалистическим сотрудничеством состоит в том, что оно позволяет уже сейчас, немедленно, устранить такие остатки колониальной дискриминации, как формальное неравенство во внешнеторговых и валютных отношениях, в соглашениях с частными иностранными компаниями об условиях их деятельности. Опираясь на внешнеторговые связи с социалистическими государствами, некоторые афро-азиатские страны получают возможность стабилизировать цены на свои экспортные товары. Все это уже принесло немалую пользу развивающимся государствам

и позволило многим из них приступить, используя также заемные средства социалистических стран, к выполнению долгосрочных планов экономического развития, имеющих в качестве конечной цели ликвидацию экономической отсталости, а вместе с ней и фактического неравноправия в области экономики. Тем самым будет постепенно устраняться и эта объективная опора неокOLONиализма.

Неоколониализм в поисках новой социальной опоры. В марте 1963 г. на семинаре по вопросам внешней политики США некто М. Хэрвей, член совета по планированию этой политики, с раздражением заметил, что Советы «связывают себя со всеми прогрессивными явлениями, а Соединенные Штаты — со всеми реакционными». Чиновник госдепартамента ограничивается констатацией факта, не пытаясь его объяснить. Но вот на страницах журнала, близкого к этому учреждению, мы находим нечто вроде объяснения указанного явления: «Прагматический американский либерализм обнаружил, что трудно сочетать ответственность, не разделенную с мировой мощью Америки, с ролью предвестника мировой социальной революции». Вряд ли приходится сожалеть о разочарованиях американского либерализма, который в лице своих весьма видных представителей уже многие годы следует в пристяжке колесницы, именуемой «мировая мощь Америки». Отдельные протесты из среды американских либералов пока не делают большой политической погоды.

Нами уже отмечалось противоречивое и в сущности двусмысленное поведение тех представителей американского либерализма, которые пытались совместить поддержку политики «с позиции силы» с поисками конструктивного решения в Азии, Африке и Латинской Америке. Уже первая крупнейшая проблема, вставшая после второй мировой войны перед американским империализмом в Азии, — отношение к гражданской войне в Китае — ознаменовалась решением, в котором нашли выражение вся реакционность американского курса в послевоенной Азии. Приходится ли претендовать на «роль предвестников мировой социальной революции» людям, которые не смогли найти общий язык даже с китайской национальной буржуазией?! Перекачав 6 млрд. долл. в карманы самых реакционных и разложившихся слоев китайских имущих классов, американский империализм потерпел первое сокрушительное поражение, predetermined самим ходом процессов в освобождающихся странах. Опыт первого послевоенного десятилетия достаточно наглядно показал империалистам, что ставка на реакционные марионеточные режимы, на привлечение на свою сторону прежде всего самых реакционных элементов этих стран — феодалов, помещиков, compradorской буржуазии, продажных чиновников государствен-

ного аппарата, правых кругов военщины приводит лишь к политической компрометации и изоляции империализма, который и без того в достаточной степени ненавистен широким слоям населения стран Азии и Африки. Пытаясь извлечь некоторые уроки из событий первого послевоенного десятилетия, авторитетный американский журналист Сульцбергер предупреждал правящие круги США: «Основным недостатком политики США в странах арабского мира было то, что мы стремились иметь дело с людьми, уже отстраненными самым ходом событий. Мы чаще всего были связаны с руководителями, которые скорее представляли прошлое, чем будущее». Что касается реакционных марионеточных режимов, то ненадежность опоры на них была достаточно ясна даже наиболее неискушенным наблюдателям.

Перед империалистами вставала необходимость сделать должные выводы из того непреложного факта, что возврата к прежним временам прямого колониального господства быть уже не может, а потому надо искать реальные пути для оказания воздействия в своих собственных интересах на те социально-экономические процессы, которые уже развертываются в независимых странах. Все это настоятельно требовало пересмотра, переоценки многих уже достаточно прочно укоренившихся взглядов, представлений и норм у лиц, определяющих политику Запада.

Некоторые идеологи империализма, такие, например, как Честер Боулс, занимающий пост посла США в Индии, рекомендовали приступить к разработке новых принципов без промедления. «Надо признать, — писал Ч. Боулс в 1965 г., — что программа помощи иностранным государствам должна базироваться на долгосрочной основе, иметь новое содержание, направление, новые цели, обновленный персонал и улучшенную администрацию. Задача состоит в том, чтобы развивать новый подход к проблемам колониализма».

Американские политики, экономисты, социологи развернули широкую дискуссию в целях выработки этого нового курса. Как считали такие видные деятели, как Раск, Росту, Мелликен, Мелленбаум, Уорберг, Стивенсон, экономическая помощь Соединенных Штатов призвана перекрыть все каналы для возможного распространения идей социализма в этих странах. Другая группа идеологов американского империализма (Боулс, Гальперин, Рендолл, Робертс и др.) полагала, что американская помощь — это прежде всего инструмент для позитивного воздействия в желательном для Соединенных Штатов духе на внутренние процессы социального развития в молодых национальных государствах. По мысли американских идеологов, «новый подход» должен осуществляться и в вопросах внешней политики, для того чтобы привлечь разви-

вающиеся страны на сторону западных держав. Это предполагает прежде всего пересмотр отношения к проводимому многими из этих стран курсу нейтралитета.

Важное место в ходе дискуссии заняла проблема поисков социальной опоры для империалистических держав в развивающихся странах. По мнению идеологов империализма, преимущественный упор на союз с силами крайней реакции себя не оправдал и в новых условиях мог бы привести лишь к отходу этих стран от США. Не отказываясь вовсе от привлечения этих сил в случае необходимости, главную ставку теории «нового подхода» рекомендовали сделать на те круги крупной и мелкой буржуазии, которые по тем или иным причинам заинтересованы в установлении союза с западными империалистами.

Ход исторического развития в молодых национальных государствах властно поставил в порядок дня проблему ликвидации феодальных привилегий, устранения или ограничения помещичьего землевладения, расовых и языковых ограничений и т. п. Проводимые в связи с этим патриотическими кругами ряда развивающихся стран реформы нередко не ограничивались узкими рамками борьбы только с данными явлениями, а перерастали эти рамки, приводя, таким образом, к созданию предпосылок для перехода на некапиталистический путь развития. В этих условиях усилия и поиски идеологов империализма были направлены на то, чтобы обосновать целесообразность проведения таких «социальных» реформ в развивающихся странах, которые, с одной стороны, способствовали бы закреплению капиталистических отношений, а с другой — создавали бы благоприятные условия для деловой активности иностранного капитала в этих странах.

«Главным образом нужно доказать, — писала газета „Нью-Йорк таймс“, — доказать делами, а не просто словами, что мы твердо решили поддерживать требования социальных реформ, что мы не только антикоммунисты, но что мы будем бороться с правыми, реакционными военными диктаторами, что мы предлагаем партнерство и сотрудничество, а не подчинение». Таким образом, на смену «диктату» и «жесткому курсу» первого послевоенного десятилетия, казалось, приходит «партнерство» и «сотрудничество». При этом империалисты руководствуются далеко идущими соображениями. В специальном издании сената США о целенаправленности американской помощи для Южной Азии сообщалось следующее: «Хотя мы должны продолжать сотрудничество с правительствами и признавать их право на определение форм своей социальной и экономической организации, несомненно существует возможность прилагать большие усилия, чтобы прямо или косвенно стимулировать местную деловую активность

и подготовить более благоприятную почву для американских и других частных иностранных инвестиций». И тут автор этой «памятной записки» для американских сенаторов выдает планы, с которыми связано оказание помощи слаборазвитым странам у некоторых кругов США: «Похоже на то, что по мере изменения руководства и экономического развития в этих странах вклад частного предпринимательства будет оцениваться более широко».

Укрепление частного предпринимательства, особенно со-трудничающего с иностранным капиталом, — лишь самая об-щая формула, в которую вкладывается программа весьма раз-нообразных по своему непосредственному назначению меро-приятий. Вполне закономерно, что поддержка «местного предпринимательства» на первых порах была направлена поч-ти исключительно на финансирование его верхов, вроде «че-тырех семейств» в Китае или монополистических объедине-ний в Индии. Первоочередное обращение именно к этим груп-пам вполне объясняется их политическими позициями, а так-же масштабом деловых операций, что позволяло осуществлять концентрированную помощь и тем самым упрощало ее ме-ханизм. Однако уже поражение чанкайшистской клики, не-смотря на поддержку США, показало, что подобная прак-тика крайне суживает получаемый политический эффект ибо даже средние слои китайской буржуазии тяжело постра-дали от конкуренции товаров, хлынувших в страну по кана-лам американской помощи. Отчасти печальные для США последствия китайского опыта, отчасти серьезные отличия мо-нополистических объединений Индии от китайского бюрокра-тического капитала заставили империализм избрать иную материальную форму поддержки крупнейшей индийской бур-жуазии. Место потребительских товаров заняли кредиты на производительные цели — на строительство предприятий чер-ной и цветной металлургии, химической, фармацевтической и автомобильной промышленности. В этом же направлении действовала практика соглашений между частными индий-скими и иностранными фирмами об образовании смешанных компаний в новых отраслях промышленности.

Если говорить о странах с развитым крупным предприни-мательством, проявляющим монополистические тенденции, то по отношению к ним, как уже отмечалось, проводится курс на всемерное поощрение этих тенденций. Вот почему с осо-бым вниманием отмечаются случаи «переплетения» и сли-яния интересов высшего чиновничества и делового мира. Так, в одной из работ Центра международных исследований Массачусетского технологического института, опубликованной еще в 1959 г., сообщалось: «Большую поддержку переходу прави-тельства и предпринимательства от взаимной конкуренции к

сотрудничеству оказывает небольшая группа выдающихся капиталистов, уже достигших высокого положения. После получения Индией независимости было несколько случаев использования такими капиталистами возросших возможностей на поприще государственной службы и общественной деятельности». Далее называется несколько имен крупных индийских предпринимателей, занимавших высокие посты на государственной службе, и делается следующее заключение: «Подобные выдающиеся руководители делового мира немногочисленны. Но значение их заключается в том, что это позволяет сочетать различные точки зрения, тем самым уменьшаются барьеры как действительные, так и надуманные между деловыми кругами и другими руководящими группами. Взаимодействие и переплетение различных руководящих групп может вызвать глубокие изменения в устремлении частного предпринимательства, а также оказать воздействие на образ мыслей верхов государственного аппарата».

В странах, где местное предпринимательство к моменту завоевания суверенитета было еще очень слабо, империалисты пытаются свести функции государственного сектора к «обязанностям» повивальной бабки местного капитализма и ассистента иностранных монополий. Для давления на эти страны прибегают к ограничению займов под предлогом их «неспособности поглощать помощь» из-за неподготовленности инфраструктуры и административно-хозяйственных кадров. Используя действительные трудности с квалифицированными кадрами, империалисты пытаются насаждать своих экспертов и советников и попутно коррумпированных местных чиновников.

Несомненно как старые, так и вновь формирующиеся элементы местной буржуазии представляют для империализма при осуществлении его планов экономической трансформации стран Азии и Африки на путях капитализма более современную и прочную опору, чем феодальная и родо-племенная знать. Вместе с тем, разрабатывая свои концепции афро-азиатской правящей «элиты», западные политики и социологи не могут пройти мимо обычно низкого общественного статуса буржуазных элементов в социальных структурах Азии и Африки. Как уже отмечалось, в Индии среди буржуазии преобладают члены торгово-ростовщических каст, парсы и джайны, которые или занимают относительно низкое место в кастовой иерархии индуизма или вообще находятся вне этой основной для Индии религиозной общины. В Пакистане в верхах буржуазии доминируют общины бохра и ходжа — выходцев из индийского Гуджарата и Бомбея. Во многих других странах, особенно в Юго-Восточной Азии и в Тропической Африке, среди местной буржуазии преобладают инонацио-

нальные элементы (китайцы, индийцы, арабы). Это обстоятельство наряду с общей непопулярностью капитализма составляет империалистов расширять социальный состав элиты за счет выходцев из небуржуазных слоев населения — из среды интеллигенции, аристократии, духовенства, родоплеменных верхов и даже зажиточной части крестьянства. В какой-то степени речь идет о «европеизации» и «модернизации» так называемого традиционного руководства афро-азиатских обществ.

Приобщение традиционной элиты к «западному образу мысли» и насаждение среди нее соответствующего образа жизни несет с собой весьма противоречивые последствия. Современные средства связи и коммуникации, кино и телевидение служат мощным орудием для распространения потребностей в буржуазном комфорте, дорогих товарах длительного пользования, не говоря уж о присущих западному обществу пороках и излишествах. Если раньше такого рода дорогостоящие запросы были лишь у феодально-буржуазных верхов, то ныне они существуют у относительно широких слоев мелкой буржуазии, чиновничества, офицерства и интеллигенции. Ограниченность бюджетных возможностей молодых государств, а также провозглашенные в ряде из них принципы отказа от экономической привилегированности чиновников и офицеров определили относительно низкий уровень вознаграждения за государственную службу. Это создает питательную среду для взяточничества, коррупции и т. п. Вместе с тем такая обстановка, открывающая перед империализмом возможности для воздействия на государственную жизнь, в конечном счете таит для него серьезную угрозу, ибо разложившийся аппарат оказывается не в силах без тиранических, военно-политических методов удержать власть, а с ней и способность осуществлять желательную для империализма политику, а это ведет, как правило, к обострению, а нередко к взрыву социальных противоречий.

Несколько сложнее обстоит дело с интеллигенцией. Ее малоимущие слои, получившие традиционное образование, поставляют весьма многочисленные кадры низшего чиновничества, мелких служащих, учителей.

По отношению к интеллигенции Азии и Африки империализм проводит тактику «выборочного подкармливания», ориентируясь в первую очередь на лиц, получивших образование по западному образцу (как на Западе, так и в местных учебных заведениях). Следует отметить, что специальные знания, приобретенные в процессе образования западного типа, дают большие материальные преимущества. Знание европейских языков, научных и технических достижений Запада, норм поведения и т. п. открывает дорогу молодому специалисту к

высокооплачиваемым должностям не только в местных, но и в иностранных фирмах. Хотя он нередко подвергается дискриминации в служебном положении и оплате по сравнению со своими западными коллегами, его вознаграждение многократно превышает не только зарплаты рядовых трудящихся, но и жалование государственных служащих, педагогов и даже ученых.

Однако те же качества и знания, которые позволяют высокообразованным специалистам претендовать на почетное место среди привилегированных слоев в странах, развивающихся по капиталистическому пути, нередко побуждают их вообще покинуть родину. Этому способствует та же приверженность к «западному образу жизни», невозможность найти работу по полученной специальности на родине (из-за отсутствия данного профиля производства или научной специализации), личные мотивы и т. д. В результате многие студенты, завершив образование на Западе, остаются там жить и работать. Так, журнал «Форен афферс» сообщал в 1966 г., что 90% студентов из азиатских стран, обучавшихся в США, никогда не вернутся в родные страны. Многие тысячи хорошо подготовленных индийских, латиноамериканских и прочих специалистов и ученых работают в Англии, ФРГ, США и других западных странах.

Таким образом, объективная общность интересов у империалистов и высшей группы афро-азиатской интеллигенции существует лишь в очень узкой сфере. Непрочность и узость социальной основы для формирования и укрепления правящей элиты в афро-азиатских странах западные державы пытаются возместить массовой пропагандой, рассчитанной как на самую элиту, так и на слои, социально близкие к ней или претендующие на подобное положение. В империалистической пропаганде особое место занимает восхваление социальных последствий экономической помощи, свидетельствующей якобы об особом великодушии капиталистов и их готовности помочь определенным кругам развивающихся стран в преодолении встречающихся на их пути многочисленных трудностей. Буржуазные пропагандисты выдвигают положение о том, что на путях капиталистического развития «средние слои» имеют большие перспективы для повышения своего общественного статуса и материального благополучия. При этом классовые грани понятия «средние классы» преднамеренно оставляются весьма расплывчатыми, что позволяет включать в их состав чуть ли не всю образованную часть местного общества, вплоть до квалифицированных рабочих. Однако даже у идеологов либерализма нет перспектив найти в Азии и Африке ту экономическую основу и ту социальную среду, в которую они могли бы надолго пересадить ин-

ституты буржуазной демократии. Уже упомянутый нами американский публицист Фред Дж. Кук, по-видимому искренний сторонник подобной пересадки, с горечью констатирует: «У нас не нашлось методов, чтобы сделать демократию жизнеспособным идеалом, поддающимся экспорту. Мы заняты не делами, а молитвами. Все, в чем заинтересован за границей американский капитализм, состоит в дешевой рабочей силе и дружественном, обычно авторитарном, правительстве, которое обложит его максимально низким налогом. При этой системе некоторые крохи могут скатиться со стола и попасть в рот голодных масс, но это только возбудит жажду лучшей жизни, в которой им пока отказано».

Крушение как методов военного насилия, так и приемов «мирного» проникновения капиталистической «демократии» в социально-экономическую среду освободившихся стран преломляется в сознании идеологов Запада в уверенность в невозможности исторического прогресса в Азии и Африке. Они отрицают конструктивную, творческую суть великих изменений, происшедших и происходящих на этих континентах, а их народы представляют неспособными к самостоятельному решению своих судеб. Вот как один из образчиков такой «философии истории» применительно к афро-азиатским народам выглядит на страницах «Форен афферс»: «Общественные и экономические перевороты за последние годы (52 за 10 лет) не дают возможности судить о сдвигах вправо или влево. Они же не дают возможности провести прямую связь между переворотами и политическими противоречиями двух противостоящих друг другу мировых сил.

Вместе с тем они демонстрируют внутреннее недовольство невыносимо тяжелыми социальными условиями жизни и общее разочарование и крушение надежд, появившихся в результате медленного подъема экономики и благосостояния. Каждый переворот независимо от его внешнего проявления представляет отчаянную попытку найти выход из создавшегося положения, решить накопившиеся в течение многих десятилетий проблемы. Лидеры, которые возглавляют перевороты, хотя и обвиняют во всех грехах и неустроенности существовавшие до них порядки, думают над тем, как преодолеть трудности, а не в какую сторону двигаться — „влево или вправо“.

В свете накопленного опыта было бы правильно утверждать, что драматические перевороты недавнего прошлого (и, по-видимому, надвигающиеся кризисы в будущем) в слабо-развитых странах не являются результатом философского выбора между социализмом, капитализмом или другими „измами“. Национализм развивающихся стран сегодня, как и его копии в XIX в., является выражением протеста против эконо-

мической отсталости и лишений, социального неустройства и политической зависимости».

Уже не раз в книгах и статьях западных авторов, ученых и неученых, судьбы народов Азии и Африки рисовались столь темными красками, а сами они объявлялись неспособными к историческому творчеству. Начало этой клевете было положено на кровавой заре колониализма; как видим, эта же клевета, несколько подкрашенная лицемерным сочувствием, преподносится и ныне. Но такая позиция идеологов империализма лишь выдает их собственное бессилие трансформировать «третий мир» в угодном для них направлении.

Идеологическая экспансия западных держав. С устранением колониальных режимов бывшие метрополии утратили возможность административного вмешательства в идейную и культурную жизнь афро-азиатских народов. Были сняты не только политические, таможенные, но и многие цензурные кордоны, закрывавшие доступ информации, научным достижениям и политическим идеям из мира социализма. Образованная и политически мыслящая часть населения Азии и Африки получила известную возможность сопоставлять материальные достижения и культурные ценности двух социально-экономических систем и делать соответствующие выводы из этих сравнений. Тем самым заметно расширились каналы, через которые объективная информация о научном социализме и его воплощении в жизнь стала проникать в гущу народных масс, корректируя их искаженные преднамеренной клеветой или невольной идеализацией представления об этих государствах и их общественных устройствах.

Наиболее привычным приемом колонизаторов для изоляции народных масс от идей научного социализма и революционной демократии было использование их религиозных чувств, достигших в ряде мест — Индии, Пакистане и на Арабском Востоке — накала фанатизма. В этих обстоятельствах относительно малочисленная интеллигенция, воспринявшая марксизм, должна была, казалось бы, неминуемо быть изолирована от масс с их религиозным мировоззрением и раздавлена местной антикоммунистической реакцией. Нельзя не признать, что подобные расчеты частично были осуществлены в некоторых арабских странах, отчасти в Иране, Пакистане и в последнее время в Индонезии.

В то же время такое противопоставление людей, принадлежащих к одному народу, но придерживающихся разных убеждений, заметно теряло свою результативность, коль скоро возникала опасность общенационального масштаба. Так, длительное заигрывание английских политиков с национальными и религиозными чувствами арабов было дискредитировано в их глазах британскими интригами вокруг палестин-

ской проблемы и особенно суэцкой авантюрой. Общий взрыв мусульманской солидарности после Суэца заметно ослабил те правящие круги (не только арабских стран), которые по-прежнему прикрывали свою капитуляцию перед империализмом антикоммунистическим флагом.

Политическая игра на религиозных чувствах — это прямое продолжение колониального курса на раскол — стала давать нежелательные для империализма последствия в Южном Вьетнаме, противопоставив буддистское большинство привилегированным католикам. Наконец, империалисты явно переиграли в раздувании традиционной религиозной вражды Индии и Пакистана и в период конфликта между ними вообще стали терять политические позиции в этих странах. Эти и иные сходные события (например, в Судане и Нигерии) показали, что исключительное раздувание религиозно-общинного фанатизма все чаще выходит из под контроля западных инспираторов и обращается не столько против коммунизма, сколько против них самих.

Поэтому, отнюдь не отказываясь от провоцирования религиозно-общинных столкновений (например, между индусами и сикхами весной 1967 г. в Калькутте, где, по данным индийской прессы, было замешано ЦРУ), идеологические стратеги Запада прибегают к более широкому маневру в области религиозно-общинных взаимоотношений. Речь идет о формировании некой единой философско-этической платформы для последователей различных религий. За этой общей целью кроются самые разные побудительные мотивы и намерения — от откровенно антикоммунистических замыслов движения за «моральное перевооружение» до искреннего стремления изыскать пути к взаимопониманию и примирению враждующих религиозных общин.

Движение за «моральное перевооружение», основанное лютеранским проповедником Ф. Бухманом, уже к началу второй мировой войны изменило свое первоначальное христианское направление и стало претендовать на защиту от коммунизма всех верующих. После войны бухманисты, используя огромные фонды, поступающие из американских и прочих источников, основали систему центров не только в США, но и во многих других странах. В 1962 г. в Японии был открыт Азиатский центр бухманистов. Несмотря на самое современное пропагандистское оснащение, бухманисты не нашли, да и вряд ли найдут, путь к душам верующих азиатов и африканцев, далеких от мистического антикоммунизма «морального перевооружения».

Более ощутимые последствия дает курс на сближение и «взаимопонимание» различных религиозных общин, вернее их церковных и духовных руководителей. В этом направле-

нии обнаруживается немало весьма отличающихся друг от друга тенденций. Так, деятельность ряда церковных организаций США и ФРГ мало чем, по сути дела, разнится от движения «морального перевооружения». Усилия взрастить антикоммунизм на почве религиозного мировоззрения здесь еще дополняются попытками окольным путем осуществить цели своих внешнеполитических ведомств.

Значительно сложнее последствия тех принципов, которые были сформулированы XXI Вселенским собором католической церкви в декларации об ее отношении к нехристианским религиям. В ней собор призвал к сотрудничеству с верующими всех религий с тем, чтобы «поддерживать духовные и моральные социально-культурные ценности, которые имеются в этих религиях». Для афро-азиатского мира непосредственное значение имеют утверждения об общности христианства и индуизма в поисках «божественной тайны», бегстве от мира, аскетизме и т. п., а также призыв к христианам и мусульманам, забыв многовековую враждебность, вместе отстаивать «для всех людей социальную справедливость, моральные блага, мир и свободу».

Существенное отличие нынешнего призыва католической церкви к сближению людей разных вероисповеданий от соответствующих обращений бухманистов и им подобных заключается в том, что католическая церковь не связывает их, во всяком случае в своих декларациях, с антикоммунизмом. Правда, католическая церковь не только не отказывается от идеологической борьбы с коммунизмом, но и подчеркивает ее необходимость. Однако она пытается сочетать подобные призывы с признанием коммунизма как общественной реальности и исходить из учета этой реальности.

Конечно, декларации католической церкви по-разному истолковываются и претворяются в жизнь различными кругами ее духовенства. Диапазон здесь достаточно широк — от участия отдельных служителей католической религии в совместных действиях с коммунистами, включая вооруженную борьбу против колонизаторов, до воинствующих призывов к уничтожению коммунистов. И все же выступления Ватикана против расизма, за мир во Вьетнаме свидетельствуют, что он покидает бесплодные позиции антикоммунизма. Новое в подходе влиятельнейшей религиозной организации мира к его делам и проблемам заметно стесняет действия милитаристской реакции. Вместе с тем новые позиции католической церкви выдвигают и новые проблемы в диалоге научного социализма с ее учением, включая сюда и обсуждение перспектив афро-азиатских стран.

Таким образом, курс на жесткое, «лобовое» противопоставление религиозного мировоззрения научно-материали-

стическому не приносит ее вдохновителям нужных им результатов в области политики и пропаганды. Если же в последние годы империализму и местной реакции удавалось кое-где разжечь антикоммунистический фанатизм, то помимо провокаций и обмана верующих оказала им услугу и догматическая ограниченность их прогивников. Надо, однако, иметь в виду, что в большинстве стран Азии и Африки христианская религия в католической, протестантской или иной форме не имеет большого распространения, что, естественно, ограничивает ее влияние и значение новой тактики католицизма.

В сущности говоря, расчеты западных идеологов на религиозное мировоззрение как на известный заслон против научного социализма могли бы иметь некоторые основания при условии глубокой буржуазной реформации основных религий Азии и Африки. Этот процесс происходит. Однако, как отмечалось, он исторически запоздал и нарушается постоянными вторжениями эгалитарных, антисобственнических устремлений верующих масс. Отсюда растущее значение в идеологической экспансии неоколониализма приобретают светские формы и приемы пропаганды. Конечно, насаждаемая неоколониализмом система образования, радио и телепередачи, кинофильмы и печатная продукция, поступающие с Запада, отнюдь не свободны от религиозного содержания. Через эти каналы оказывается влияние на все основные элементы социальной психологии человека. Речь идет не только о мировоззрении в точном смысле этого понятия, но и о внесении целенаправленных изменений во все стороны повседневного, обыденного сознания, т. е. в навыки и привычки, в представления и иллюзии, в жизненные запросы и настроения.

К созданию методов и приемов идеологической и психологической обработки населения Азии и Африки привлечены многочисленные кадры специалистов, которые в своих рекомендациях исходят из обширной информации, добытой посредством полевых обследований и опросов. На основании этих сведений выдаются конкретные рекомендации о соотношении основных принципов искусства убеждать: «привить внимание, вызвать интерес, породить желание и побудить к действиям... Все эти элементы, выраженные как живой, так и письменной речью, должны быть взаимосвязаны и повторяться изо дня в день как можно большему числу людей, которых нужно убедить. Это должно продолжаться до тех пор, пока идеи не будут ими восприняты». Но суть дела заключается не в циничных декларациях о целях пропаганды, а в том, каковы возможности у неоколониализма «убедить» сотни миллионов азиатов и африканцев. На первый взгляд все обстоит благополучно — неоколониалистские идеологи располагают самыми совершенными средствами передачи своей пропаган-

ды, а квалифицированные эксперты разрабатывают пропагандистские рационы не только для каждой афро-азиатской страны, но и для каждого влиятельного слоя ее населения.

Действительно, если говорить о системе передачи западной пропаганды, то она выглядит более чем внушительно. Прежде всего как бы автоматически срабатывает на Азию и Африку общая система западной информации и пропаганды. Пресса и радио суверенных государств, не располагающие собственной сетью международной информации, черпают ее из сообщений Рейтер, ЮПИ и других западных агентств. Причем этот выбор в ряде случаев диктуется не политическими соображениями, а доступностью (в частности, в отношении языка) и оперативностью информации. Примерно те же обстоятельства заставляют афро-азиатскую интеллигенцию порой отдавать предпочтение западным радиопередачам.

Продолжают действовать, а иногда и расширяются давние коммерческие каналы поступления и распределения западной книгопродукции. Разнообразные потребности афро-азиатского интеллигента в книге — от легкого чтива до научной литературы — не могут быть удовлетворены национальными издательствами ни по техническим, ни по коммерческим причинам.

Доминирование Запада в кино и телевидении также во многом связано с его техническим и коммерческим превосходством. В сущности мало стран Азии и Африки обладают кинопромышленностью, способной удовлетворить своего зрителя по количеству и номенклатуре фильмов. В результате на афро-азиатских киноэкранах преобладает западная продукция, причем в ее худших вариантах (например, в Азии пропорция между низкопробными картинками и серьезными фильмами совершенно иная, чем в Европе).

Таким образом, в области пропаганды, информации и массовых видов искусства преобладающие позиции западных держав во многом предопределяются, как и в области экономики, самой отсталостью афро-азиатских стран. Однако ныне, когда монополия империализма на орудия передачи массовой информации нарушена как социалистическим содружеством, так и соответствующими учреждениями, прессой и радио национальных государств, западная пропаганда не может и здесь просто пожирать плоды колониализма и отсталости. Неоколониализм и в области идеологии старается активно расширить сферу зависимости афро-азиатских стран, причем применительно к их новым интеллектуальным потребностям и духовным запросам.

Решением проблемы занялись, по заказу американских монополий, тысячи социологов, экономистов, историков, психологов и других специалистов. В 1960 г. в США вышел до-

клад «Сила демократической идеи», составленный экспертами по заказу Фонда братьев Рокфеллеров. Называя подъем национально-освободительного движения в развивающихся странах «революцией рождающихся надежд», доклад предлагал рекламировать «американскую демократию» как рожденную подобным же движением против метрополии (Великобритании) и вести пропаганду «американского образа жизни». Еще ранее фонды американских монополий субсидировали изыскания путей и методов овладения общественным мнением. На их деньги в ряде университетов США с 50-х годов велись исследования возможностей пропаганды в Азии и изучались «научные принципы управления идеологическими каналами, идущими к массам».

Но расплывчатость понятия «идеалы американской демократии» не удовлетворяла практические нужды идеологической экспансии. В американской прессе зазвучали требования «всеобъемлющей концепции цивилизации, устоявшей в силу того, что она побуждает людей к преданности, вере и жертве». «Идеал — вот что мы должны найти, идеал, который обогатит жизнь, — взывал американский журналист Сокольский, — идеал, благодаря которому человек будет смотреть на Вашингтон, как мусульманин смотрит на Мекку, как на источник мира, удовлетворения и надежды на будущее». Президент Кеннеди поддержал этот призыв, заявив: «Мы, наша нация, испытываем сейчас нужду, большую, чем нужда в атомной, воздушной, финансовой и даже человеческой силе, — это нужда в силе идей».

Различные «изыскания» о прогрессивности капитализма, истолкование истории с навязчивым выводом, что единственно выгодный путь для человечества — это путь США, родины «чистого», «народного» капитализма, что человечество, пережив «революцию возрастающих надежд», с помощью США придет к своей вершине — «индустриальному обществу», дополнялись «стратегией дальнего прицела». Эта стратегия делала ставку на то, чтобы вообще сокрушить коммунизм и весь социалистический лагерь любой ценой, даже ценой гибели человечества в результате ядерной войны.

Столь откровенный симбиоз апологетики капитализма с антикоммунизмом не нашел искомых результатов, так как, во-первых, все попытки сколько-нибудь научно обосновать возможность выхода из отсталости на путях капитализма оказались, как отмечалось, явно не убедительными, а, во-вторых, проповедь антикоммунизма становилась в этой связи еще более негативной и беспредметной, чем это было при использовании религиозных чувств. Неспособность неокOLONиализма решить в Азии, Африке и Латинской Америке проблему быстрой и широкой реконструкции общества, вызвала необхо-

димостью пересмотра положений о всеобщей пригодности капитализма для этих континентов, да еще в его американской разновидности. НеокOLONиализму понадобились концепции, которые оправдывали бы сохранение неравноправного статуса трех континентов в системе мирового капиталистического хозяйства, сотрудничество не только с частным, но и с государственным сектором суверенных государств.

К середине 60-х годов в США стала распространяться теория «деидеологизации» социолога Бринтона, утверждающего, что система идеалов—это система суждений, несовместимых с наукой, и что нужно произвести ревизию социальных идеалов, выдвинутых великими деятелями американской революции. Бринтон рекомендует ограничиваться «небольшими скромными целями», не стремиться к устойчивому благосостоянию всех членов общества, а всякую идеологию рассматривать как сумму верований, субъективных стремлений и пожеланий, противоречащих трезвому расчету в реальных данных ситуациях.

В 1964 г. в изданиях пропагандистского аппарата США распространялась статья известного американского историка и публициста Артура М. Шлезингера-младшего «Идеология и американский опыт», в которой он также противопоставляет идеологию и опыт как непримиримые противоположности. «Под идеологией, — писал Шлезингер, — я имею в виду совокупность систематизированных и застывших догм...». По Шлезингеру, для развивающихся стран выбор пути развития — вопрос не идеологический, а чисто практический, который решается на основании частного опыта. «Сейчас уже ясно, — писал он, — что вопрос о частной и общественной собственности, бывший еще недавно яблоком раздора в дискуссиях о политике и экономике стран, начинающих развиваться, должна решать не вера в ту или иную идеологию... Правильный ответ на него даст не идеология, но опыт и практика».

Подобное шараханье империализма от «поисков идеалов» к «деидеологизации» вызвано неспособностью его теоретиков создать устойчивую и последовательную систему идей для воздействия на массы, особенно освободившихся стран. Они вынуждены обращаться не столько к интеллекту людей, сколько играть на эмоционально-психологических факторах в социально-политической борьбе. «Речь идет теперь не о том, чтобы распространять идеи, — пишет о пропаганде профессор Бордосского университета Ж. Элмоль, — а о том, чтобы распространять «стимулы», то есть психологические и психоаналитические трюки, которые вызывают определенные действия, определенные чувства, определенные мистические порывы. В сущности, как видно, ставится задача формирования одной из форм религиозно-мистического восприятия жизни. Однако

трудно обнаружить здесь какие-либо серьезные преимущества в смысле воздействия на массы перед традиционными приемами религиозной проповеди. Западная и особенно американская пропаганда на афро-азиатский мир во второй половине 60-х годов представляет собой эмпирическую, конформистскую смесь идей и незавершенных, прагматических схем. При известном возбуждении интереса к отдельным наблюдениям и рекомендациям западная пропаганда не способна воссоздать в сознании азиатов и африканцев оптимальную модель их всеобщего движения к лучшему будущему. По замечанию канадского ученого У. Станкевича, «представители американской точки зрения не желают ограничивать себя какой-либо определенной системой идеологических ценностей... Представители советской точки зрения, напротив, строят все свои действия, основываясь на идеологии».

В сущности, в области идеологической пропаганды, как и в своей социально-экономической политике, неоколониализм обнаруживает склонность к социально суженным задачам. Действительно, если использование религиозных чувств охватывает большинство населения, а пропаганда «народного капитализма» — предпринимательское меньшинство и примыкающие к нему средние слои, то деидеологизация может найти понимание лишь среди псевдоинтеллектуальной буржуазной элиты Азии и Африки.

Вместе с тем не следует представлять, что западная пропаганда, выдвигая новые идеологические аргументы и цели, отрекалась от ранее применявшихся. Напротив, она пытается сочетать их с тем, чтобы каждый слой афро-азиатского населения мог обнаружить в этой пропаганде нечто, отвечающее его чаяниям. В этом социальном эклектизме, преднамеренно или невольно рассчитанном на идейный раскол нации, таится и величайшая опасность и внутренняя слабость западной пропаганды. Возросшая на филистерском индивидуализме, она не способна дать систему общенациональных идеалов, но может предложить достаточно оправданий для обеспеченного существования, вне забот о своем народе, но за его счет.

На кого же обрушивается вся ударная сила идеологического воздействия Запада? В ста с лишним странах Африки, Азии и Латинской Америки проживает две трети населения земного шара — большая половина их неграмотна или едва умеет читать. Достаточной грамотностью и образованностью, по статистике 1957 г., обладало только 9% населения развивающихся районов этих трех континентов. За последнее десятилетие процент грамотности вырос, однако средства информации до настоящего времени распределены в мире крайне неравномерно.

Развивающиеся страны получают эту информацию из чу-

жих рук, в предвзятом освещении и в урезанных масштабах. В 1965 г. 314 тыс. экземпляров газет, 436 млн. радиоприемников и 142 тыс. телевизоров сообщали информацию населению всего мира. За десятилетие с 1955 по 1965 г. тиражи газет увеличились на 20%, а общее число радиоприемников — на 60%. Из всех средств информации радио наиболее доступное для широких масс населения с невысоким уровнем грамотности. Однако и в этом отношении существует колоссальный разрыв между странами капитализма и развивающимися странами.

Статистика показывает, что распределение основных средств информации — газет, радио, кино и телевидения находится в таком соотношении: по данным ЮНЕСКО, в 1964 г. на каждую тысячу человек в Европе (без Советского Союза) приходилось 249 экземпляров газет, 134 радиоприемника, 117 телевизоров, 61 место в кинотеатре; в Африке — 11 экземпляров газет, 37 радиоприемников, 1,6 телевизора, 5 мест в кино; в Азии (без Японии) — 19 экземпляров газет, 0,8 радиоприемника, 0,8 телевизора, 5 мест в кино. Понятно, что при незначительности средств прямого пропагандистского воздействия на население Азии и Африки особое значение приобретает устная передача необходимой информации. Другими словами, возникает проблема формирования и использования местной передающей среды, которая в условиях афро-азиатских стран может быть представлена или имущими слоями или интеллигенцией. И здесь социально-экономические цели неокOLONиализма смыкаются с идеологическими. Если объективно такая среда, несущая и передающая буржуазную идеологию, формируется в ходе становления и развития капиталистических отношений, то идеологически она оформляется прежде всего под воздействием образования.

Западные державы не намерены помочь афро-азиатским странам в создании подлинно национальной системы народного образования. Если было бы иначе, то им следовало прежде всего содействовать ликвидации неграмотности, хотя бы среди подрастающего поколения. Это было бы первым шагом к демократизации образования, к появлению, хотя бы в обозримом будущем, более или менее равных возможностей у детей разного происхождения и достатка. Но и в образовании неокOLONиализм придерживается избирательной методы, стремясь подготовить узкий слой квалифицированного персонала, поставленного над собственным народом образом жизни и направлением мыслей. Эта цель подкрепляется большими средствами из государственных и частных фондов на субсидирование специального образования, на стипендии студентам и лицам, готовящимся к научной деятельности, на приобретение оборудования и литературы (понятно, запад-

ной), на стажировки и командировки в западные страны, на подготовку специалистов, которые могли бы основать собственное дело.

Однако идеологические последствия этого курса не всегда устраивают его инициаторов. Далеко не все афро-азиатские специалисты возвращаются с Запада убежденными сторонниками его духовных ценностей. Дело в том, что на их отношение к этим ценностям оказывают воздействие два обстоятельства — расовая дискриминация и влияние левых, обычно марксистских идей. Причем если в США они больше ощущают дискриминацию, то в Западной Европе — влияние прогрессивной идеологии.

Полученное в США и Западной Европе образование, основанное на европейских языках и «западных культурных ценностях», само по себе отрывает человека от родного народа и его культуры. С точки зрения империалистов, такой эффект маложелателен в политическом отношении, ибо чрезмерно европеизированная или американизированная элита теряет связи с национальной почвой и не может добиться нужных политических результатов. Поэтому в последние годы большое распространение получили теории синтеза, взаимовлияния культур Азии и Африки с культурами США и бывших метрополий. В некоторых из этих концепций даже проводится мысль об Азии, как исконном центре мировой цивилизации. В последнее время неоколониалисты также проявляют большее внимание к местным системам народного образования. Оставаясь по-прежнему чуждыми идее массового образования, они, однако, начинают избирательно проникать в отдельные звенья начальной школы. Немалая роль в этом отводится американскому «корпусу мира» и сходным организациям западноевропейских стран и Японии. Например, к середине 1967 г. «корпус мира» должен курировать пятьсот школ в странах «третьего мира». Понятно, что это — капля в океане детворы, остающейся без обучения даже основам грамоты. Однако эта практика, помимо известного пропагандистского эффекта, дает возможность избирательно готовить нужных людей начиная с самого раннего возраста.

Вместе с тем подобное «точечное» проникновение в систему образования подготавливает почву для ее общего подчинения. В этом смысле зловеще знаменательна попытка США поставить под свой контроль народное образование Индии. Примечательно, что и в этом случае экономический неоколониализм переплетается с идеологическим, так как основанием для американского контроля послужило размораживание части фондов США, образовавшихся в результате продажи в Индии американских продовольственных излишков и находящихся на счете США в индийском правительственном

банке. Только буря негодования, охватившая индийскую общественность, заставила американцев отложить свои намерения.

Узость и ненадежность местной социальной среды, передающей неоколониалистскую идеологию, империалисты пытаются возместить массовостью собственного пропагандистского аппарата. Наиболее мощным информационно-пропагандистским комбинатом является Информационное агентство США (ЮСИА). Его бывший директор Мэррой в 1963 г. так комментировал постановку американской пропаганды: «Представление о США за рубежом создается с помощью множества источников, в том числе посредством 4 млн. американских туристов, которые каждый год выезжают в зарубежные страны, одного миллиона американских военнослужащих и членов их семей, 33 тыс. американских миссионеров, размещенных за границей; голливудских фильмов, которые смотрят каждую неделю 150 млн. человек, американских журналов, газет и телевизионных программ, а также писем от 22 млн. иммигрантов, которые прибыли в США с 1900 г.»

ЮСИА состоит из пяти служб: информационные центры (около 250 представительств в 106 странах), служба печати (выпускает около 60 журналов и 25 газет в различных странах), служба кино (располагает фильмотеками в 100 странах и более 7 тыс. кинопередвижек), «Голос Америки» и телевизионная служба ЮСИА (мощные передатчики и станции по всему миру). Ассигнования на деятельность ЮСИА на 1965/66 бюджетный год составили 160 млн. долл. Штат превысил 11 тыс. человек. ЮСИА непосредственно связано с органами, планирующими и формирующими внешнеполитический курс американского империализма. Директор ЮСИА и его первый заместитель принимают участие в работе Совета национальной безопасности.

Американский «корпус мира» существует с 1961 года. Примечательно, что из 7 тыс. его членов, посланных за четыре года в 46 развивающихся стран, только 8% были медицинскими работниками и 6% работали в сельском хозяйстве. Зато около половины всего персонала «корпуса мира» работали в качестве преподавателей. В 1966—1967 гг. на американский «корпус мира» было ассигновано 110 млн. долл. из государственного бюджета США. На пятом ежегодном отчете «корпуса мира» конгрессу США в марте 1967 г. сообщалось, что к августу 1967 г. в 53 странах будет работать более 16 тыс. добровольцев и развернута подготовка их с расчетом на рост через год до 19 тыс. для 60 стран мира. Президент Джонсон предполагает довести число добровольцев к 1970 г. до 50 тыс.

Американскую организацию неоколониалистского идеоло-

гического проникновения перенимают и другие державы. С 1963 г. в ФРГ создана «служба развития», комплектование которой проводится из людей, имеющих достаточно высокую профессиональную подготовку и обладающих соответствующей политической благонадежностью. По словам министра по вопросам экономического развития, уже в 1965 г. в девяти развивающихся странах работало 178 добровольцев немецкой «службы развития», а к 1968 г. их число намечают увеличить до тысячи. Еще более важное значение придается в ФРГ обучению молодежи из развивающихся стран. Помимо ее подготовки в высших учебных заведениях, стажировки на предприятиях широко практикуется обучение в профессиональных училищах, различных «образцовых предприятиях», специальных «отделениях экспертов по содействию ремеслу» и прочих учебных центрах. Среди них «германские школы», где за высокую плату готовится избранная элита из богатых слоев. В 1963 г. в 137 «германских школах» в развивающихся странах, главным образом Азии и Африки, было занято свыше 1200 учителей.

С 1965 г. работает в развивающихся странах «корпус заморской службы японской молодежи». Из Франции в развивающиеся страны отправились волонтеры «Ассоциации добровольцев прогресса». В Англии расширяется «Добровольная служба в заморских странах...», уже более 18 стран создали подобные организации. Члены всех этих разновидностей «корпуса мира» представляют собой важное звено в механизме идеологической экспансии, призванное словом и делом донести непосредственно до сознания жителей Азии и Африки тезисы западной пропаганды. Однако моральные качества этих живых носителей западного, особенно американского «образа жизни» далеки от идеалов населения, которое они призваны просвещать. «Отрицательный пример для молодежи» — такова характеристика добровольцев «корпуса мира» в Танзании, где в апреле 1967 г. вновь был поставлен вопрос в парламенте об отказе от его услуг. В Камбодже представитель правительства категорически требовал высылки добровольцев за вмешательство во внутренние дела страны. В марте 1967 г. в нижней палате парламента Индии в связи с запросами депутатов много говорилось о пьянстве, сквернословии, грязном и небрежном виде и недопустимом поведении добровольцев американского «корпуса мира».

Так действует колоссальная система идеологической пропаганды империализма. У этой системы случаются осечки и срывы, ей недостает социального охвата и идеологической конструктивности, но она дает и определенный эффект. Он достигается тем, что в эпоху широкой популярности социалистических идей интеллектуальный бизнес все время изыски-

вает новые приемы, выдвигает новые концепции, научную информацию, старается заполнить каждую клетку идеологического вакуума, образующегося при крушении отживших представлений. Нельзя забывать, что идеологическая экспансия империализма построена с расчетом на психическую дезорганизацию масс и притупление их воли к борьбе, на расщепление общенационального сознания и идеологический раскол тех общественных сил, которые составляют объективную основу национального единства.

Главной целью всей этой весьма разветвленной и разнообразной системы идеологической экспансии является пропаганда антикоммунизма.

Империалисты стремятся любыми способами вызвать у народов недоверие, отвращение и вражду ко всему коммунистическому, а самих коммунистов представить опасными и аморальными людьми. Особенно изощрялись они в этой деятельности в 1967 г., когда Советский Союз и все прогрессивное человечество отмечало 50-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции. В США, например, были созданы для опорочивания всего того, что внесла эта революция в жизнь народов России и всего мира, многочисленные пропагандистские группы, ассигнованы громадные средства, затрачены большие усилия для одной-единственной цели — доказать, будто путь народов Советского Союза и тех, кто последовал за ними, — неприемлем для остальных народов.

Большой находкой для империалистов явилась деятельность Мао Цзэ-дуна и его группировки. Оголтелая антисоветчина этой группировки, наряду с трагикомическими эксцессами так называемой «культурной революции», представляет империалистической пропаганде незаменимый материал для опорочивания социализма и революционного национально-освободительного движения вообще. Лучшего союзника для себя империалисты не могли бы придумать. Так, комбинируя разные способы: вооруженное вмешательство и экспорт контрреволюции, экономическое господство и дипломатическое давление, превосходство в технике и преимущество в знаниях, идеологическую экспансию и подрывную деятельность, подкупы и так называемую помощь, — империализм стремится направить развитие освободившихся стран по капиталистическому пути и тем самым сохранить свое господство над ними, продолжать и совершенствовать эксплуатацию их народов.

Вмешиваясь в социально-экономические, политические и идеологические процессы, происходящие в странах Азии и Африки, империализм пытается сформировать или расширить и укрепить сферу капиталистических отношений и соответствующего им социального бытия и общественного сознания для некоторой части местного населения. Люди, которые уже втянуты в сферу капиталистических отношений и выступают там в качестве как эксплуататоров, так и эксплуатируемых, составляют, за редким исключением, меньшинство, часто незначительное, населения освобождающихся стран. Причем в ближайшей перспективе не видно признаков, что капитализм коренным образом расширит свой социальный сектор. Оставаясь в смысле непосредственного охвата населения укладом для меньшинства, капитализм неотвратимо порождает в этой части нации присущие ему классовые антагонизмы и столкновения. Как и повсюду, капитализм не может развиваться без формирования и укрепления рабочего класса, то есть силы, которая по мере своего идейного созревания выступает как самый последовательный и решительный противник этого способа производства. Наряду с глубоким противоречием между иностранным и местным капиталом последний ослабляется внутренними трениями и столкновениями между различными группами и разновидностями буржуазии.

И все же капитализм в афро-азиатских странах далек от автоматического краха. Само по себе капиталистическое производство в Азии и Африке на фоне остальных укладов довольно динамично в смысле темпов роста, технического совершенствования, расширения мирохозяйственных связей. Обладая несравненно большей производительностью, чем докапиталистические хозяйственные уклады, капиталистическое производство (точнее — рабочий класс в нем) создает такую массу прибавочного продукта, которой достаточно, чтобы не только обеспечивать известное расширенное воспроизводство, но и выделять фонды для поддержания буржуазного образа жизни у технически подготовленной части интеллигенции и идеологического персонала. В этом, как отмечалось, усилия местной буржуазии подкрепляются иностранными монополиями.

Свою неспособность втянуть в сферу капиталистической эксплуатации основную массу рабочей силы иностранный и местный капитал в известной мере возмещает через сферу обращения, используя систему торговых и кредитных каналов для обогащения и контроля над многоукладной экономикой. Слабость собственной социальной базы буржуазия пытается компенсировать союзами, соглашениями и компромиссами с

эксплуататорскими верхами докапиталистических укладов, с мелкими хозяевами из крестьян и ремесленников, помышляющими о собственном предпринимательстве, с переходящими к капиталистическому хозяйствованию полуфеодальными землевладельцами. Этот курс на политическое объединение эксплуататорских классов и примыкающих к ним слоев империализм поддерживает не только средствами политического воздействия и пропаганды, но и выделяет на его субсидирование значительную часть своей экономической помощи.

Наконец, надежным стражем собственнических интересов должен быть, по мысли буржуазных политиков и их западных наставников, карательный аппарат государства, в первую очередь армия, полиция, суд, разведка. Оторвать эти органы от народа, привить их верхам буржуазные навыки и вкусы — вот цель, которую ставит перед собой местная реакция. В этом направлении действуют империалисты, щедро субсидируя, а нередко и самолично осуществляя подготовку армейских и полицейских кадров. Конечно, как мы знаем, все эти приемы далеко не всегда срабатывают в заданном направлении.

Перед нами известная координация действий империализма и эксплуататорских классов Азии и Африки, хотя говорить об их подлинном единстве не приходится, как в силу объективных противоречий между ними, так и ввиду классового эгоизма сторон. Если совместные действия империализма и местного эксплуататорского меньшинства охватывают достаточно широкий сектор социально-экономических отношений, сопровождаются уступками со стороны иностранного капитала, то внутри данной страны может сложиться и, нередко на довольно длительный срок, неблагоприятное для революции соотношение сил. Преодолеть его сложно, особенно если национальные силы, представляющие интересы угнетенного большинства, изолированы на международной арене, не обладают связями, которые нейтрализовали бы взаимодействие местной реакции с империализмом. Парализовать экспорт контрреволюции и проложить путь революционному процессу можно лишь в условиях боевой, активной солидарности всех отрядов международного революционного движения.

Мировой революционный процесс и место в нем освободительных движений народов Азии и Африки

Опыт многовековой борьбы угнетенных народов против колонизаторов представляет громадную теоретическую и практическую революционную ценность.

Выявился и ряд закономерностей, которые необходимо учитывать в борьбе за победу. Один из выводов состоит в том, что на протяжении веков, начиная с создания колониальной системы и до начала XX в., отставшие в своем развитии, а вследствие этого слабые в технико-экономическом и военном отношении народы неизменно оказывались жертвами торжествующего капитализма. Все их попытки освободиться от угнетения и эксплуатации, несмотря на разнообразие форм и методов борьбы, независимо от боевых и политических качеств вовлеченных в борьбу людей, оканчивались неудачей и поражением.

Угнетенные народы могли убедиться, что этот процесс был не следствием каких-либо индивидуальных качеств того или иного лица, а результатом столкновения быстро развивающегося капитализма с докапиталистическими формами социально-экономического бытия.

Переход капитализма в империалистическую стадию развития еще яснее выявил этот процесс и довел его до логического конца. На одном полюсе мира оказалась горстка так называемых передовых наций, а в сущности ничтожная кучка крупнейших собственников, а на другом — громадное большинство стран и населения земли, угнетаемое и эксплуатируемое этим меньшинством. Империализм не случайность и не «ошибка» истории. Он закономерный результат развития капитализма. В. И. Ленин доказал, что империализм не политика, а особая высшая и последняя, в известном смысле переходная (от полной свободы конкуренции к обобществлению производства) стадия развития капитализма.

Нельзя поэтому утверждать, будто есть хороший, умеренный или плохой империализм. Империалистическая политика лишь выражение сущности господства монополистического капитала. Она может меняться в зависимости от конкретных обстоятельств, но неизменно остается насильственной, эксплуататорской, хищнической, реакционной.

Наивысшей степени господства империализм достиг в первые десятилетия XX в. Именно внутренние закономерности империалистического развития втянули его в первую мировую войну, а затем в слабом звене империалистической цепи — в России — вспыхнула революция. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. положила конец всевластию империализма.

Сущность империализма не изменилась, но его возможности стали иными. Они сокращались и видоизменялись по мере усиления Советского Союза. А после второй мировой войны, разгрома фашизма и создания мировой социалистической системы возможности империализма еще более сократились и трансформировались.

Мировое развитие неудержимо идет в направлении к единому мировому социалистическому обществу без кризисов, войн и армий, без эксплуатации человека человеком, без угнетения и насилия, голода и нищеты. В создание этого общества каждый народ вносит и внесет свой вклад. Историческая обреченность империализма проявляется, в частности, совершенно отчетливо в том, что многие жизненно важные для всего человечества проблемы можно решить лишь совокупными усилиями всех объединенных в борьбе за общую цель народов нашей планеты (например, использование энергии атома, богатств мирового океана, исследование космоса, ликвидация ряда болезней, голода, нищеты, полное использование всех возможностей научно-технической революции и т. п.).

Узкие, частнособственнические рамки империализма стали нестерпимыми оковами для развития современных производительных сил. Сосредоточение в руках немногих собственников контроля над величайшими и опаснейшими достижениями современной науки и техники может привести к гибели ряда народов и стран.

Современная действительность свидетельствует в то же время о все большем ускорении темпов исторического развития человечества. Это обусловлено, с одной стороны, гигантским развитием производительных сил, выражающимся, в частности, в научно-технической революции, а с другой — все большим вовлечением масс трудящихся в непосредственное историческое революционное творчество. Это обстоятельство рождает уверенность в возможность быстрого выравнивания уровней развития народов, при условии правильного использования всех современных производительных сил.

Всякий непредубежденный исследователь истории освободительных движений угнетенных народов Азии и Африки несомненно заметит, что до Великой Октябрьской социалистической революции эксплуатация и угнетение народов шли в нарастающем темпе, а национально-колониальные проблемы становились все более острыми и, казалось, неразрешимыми.

И лишь Октябрьская революция радикально изменила эту картину. Она положила конец безраздельному господству империализма, дала мощный толчок национально-освободительному движению во всем мире, создала возможность и породила надежду на победу угнетенных, пробудила новые социальные силы и новые организации, способные действительно до конца противостоять империализму.

Она сделала реальным союз победившей социалистической революции и международного рабочего движения с национально-освободительным, а в этом заключалась единственная возможность последнего на победу. Октябрьская революция открыла совершенно новую перспективу перед угнетенными.

народами — невозможную до этого, а именно — перспективу некапиталистического пути развития отставших народов к социализму.

Октябрьская революция и рожденная ею советская власть доказали на практике полную возможность осуществить этот путь и решить коренным образом национально-колониальный вопрос, создать социалистическое содружество народов, ликвидировать не только формальное, но и фактическое неравенство, вывести народы из вековой отсталости.

Октябрьская революция, таким образом, положила начало длительному кризису колониальной системы империализма, который после второй мировой войны и создания мировой социалистической системы привел в конце концов почти к полному краху старой колониальной системы. Таким образом, вполне очевиден вывод о том, что проблема освобождения народов от гнета империализма есть проблема глобальная и что возможность освобождения заключается в союзе трех революционных сил современности — мировой социалистической системы, международного рабочего и коммунистического движения и национально-освободительного движения.

В союзе этих трех сил заключена и возможность для освободившихся народов преодолеть экономическую отсталость, создать современную экономику и культуру, добиться фактического равенства с другими народами. Именно поэтому империализм и все силы реакции сосредоточивают свои усилия на том, чтобы разорвать или по крайней мере ослабить союз трех сил. Но из этого следует, что единство стратегии и тактики революционных сил является не только проявлением тенденции общемирового развития, но также внутренней необходимостью всех, в том числе и национально-революционных сил, борющихся за свое освобождение от империалистического ярма. В интернациональном единстве борьбы народов против империализма ярче всего проявляется их протест против национального порабощения, дискриминации, обезличения.

В диалектическом единстве интернациональной и национально-патриотической революционной борьбы заключается гарантия победы над общим врагом — империализмом. Узкий национализм, попытки уйти от суровой действительности, мечты о возврате старого «золотого века» не приведут к решению назревших проблем. Это или добросовестное заблуждение, или корыстное желание эксплуататорских слоев сохранить старые привилегии для немногих. Точно так же ложна, двусмысленна теория опоры исключительно на собственные силы. Разумеется, каждый народ, стремясь вырваться из отсталости, может и должен в первую очередь надеяться сам на себя, на свой труд, на свой опыт, а не на благотворителей,

полагаться на собственные силы, найти и рационально использовать все внутренние возможности развития. Однако ложность и вредность этой теории состоит не в этом вполне закономерном и естественном стремлении, а в попытке таким образом оторвать национально-освободительное движение от социалистического лагеря, противопоставить их друг другу в угоду гегемонистским планам творцов этой теории. В этом состоит фальшь и коварство данной теории. Ни один народ в наше время не может жить, бороться и развиваться в условиях одиночества, изоляции, автаркии.

Кроме того, развитие человеческого общества, как указывалось выше, направляется все более к созданию единого мирового хозяйства, ко все большему мировому общественному разделению труда. Необходимо ликвидировать не этот процесс, прогрессивный сам по себе, а насильственные, грабительские империалистические формы его, неэквивалентный обмен и экономическое неравноправие в мировом разделении труда. Но это возможно только на основе интернационального союза отмеченных выше трех революционных сил современности.

Наконец, узко понятый национализм, доведенный до степени исключительности, неизбежно ведет к национальной розни, шовинизму, вражде, столкновениям и войнам. Он — основа для всяческих теорий расовой и национальной исключительности и нетерпимости. Националистическими заблуждениями всегда охотно пользуются империалисты в своих корыстных целях.

Современное освободительное движение Азии и Африки, стремление его большинства к завоеванию экономической независимости, к социальному прогрессу, демократии и социализму — неотъемлемая составная часть мирового революционного процесса.

Неравномерность исторического развития народов обуславливает величайшее разнообразие типов, форм, методов и сочетания социальных сил, участвующих в этом процессе. Вместе с тем именно сама широта и разнообразие процесса — свидетельство глубины и неотвратимости его. Отсюда вытекает необходимость подлинно научного анализа всех связей и опосредствований этого сложнейшего процесса, трезвого учета нового, недопущения догматизма и подгонки нового содержания под старые формулы.

Революционная практика — истинный критерий всякой теории, и в то же время только подлинно научная революционная теория превращает стихийные движения масс в революционный процесс.

Именно в революционной практике человечество с особой очевидностью доказывает истинность, действительность и мощь своего мышления. Недостаточно объяснять мир, его не-

обходимо изменять революционным действием, которое исходит из познания общества и обогащает это познание.

Забвение диалектической взаимосвязи между научным мышлением и революционной практикой ведет к двум крайностям — или к созерцательному оппортунизму или к волюнтаристическому авантюризму. При всем внешнем несходстве этих двух явлений они по существу тождественны в своем оппортунизме, ибо исключают истинно революционную практику.

Революционная практика научного социализма была международной с самого зарождения этого учения, провозгласившего своей высшей целью человеческое общество, или обобществившееся человечество. Интернационалистические возможности коммунистического движения превращались в реальность по мере того, как оно охватывало одну страну за другой, один континент за другим. В этих условиях перед научным осмысливанием революционной практики встала задача не только анализировать совершившееся, но и предвидеть пути и формы революционного процесса. В противном случае обозначался национально-ограниченный подход, как это и случилось при толковании задач отдельными социал-демократическими партиями II Интернационала.

В. И. Ленин дал научное объяснение революционного процесса как интернационального. Ленинская методология изучения национально-конкретного на основе осмысления общемирового содержания эпохи остается ключом к действительно научному анализу проблем революционной практики в любой стране. В. И. Ленин подчеркивал, что «происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе в первую голову объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений... Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»*.

Он раскрывает, таким образом, глубокую связь между объективным, главным содержанием эпохи и политикой марксистской партии, которую она разрабатывает на базе анализа основных черт эпохи и учета особенностей конкретного истори-

* В. И. Ленин, *Под чужим флагом*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 141—142.

ческого развития каждой страны. Всякий отход от реальных условий, абстрактные рассуждения о революции «вообще», вне места и времени, без учета реального соотношения сил и переживаемого исторического этапа, означают не более как игру в революционную фразу, неумение на практике применить теорию марксизма-ленинизма. Стремление подменить стратегическую, т. е. рассчитанную на данный исторический этап, генеральную линию целями и общими задачами, которые сохраняют свою силу для всех этапов перехода от капитализма к социализму, лишает ее конкретности, целеустремленности, подлинной революционности.

Ленинское указание и сейчас весьма актуально. Дело в том, что ныне, как уже отмечалось, революционными процессами охвачены страны с самой разнообразной социально-экономической и политической обстановкой. Поэтому конкретно-исторические условия, в которых приходится работать революционерам отдельных стран, разнятся сейчас несравненно больше, чем это было до второй мировой войны и в те времена, когда В. И. Ленин изложил свою мысль. Например, те или иные различия во взглядах на конкретные соотношения, время, сроки и способы использования мирных и вооруженных методов борьбы почти неизбежны, ибо у коммунистических, рабочих и национально-демократических партий огромный арсенал приемов борьбы. И все же такие и подобные им различия во взглядах всегда могут быть сведены к минимуму или вообще устранены, если сохраняется общая идейная платформа научного социализма.

В политическом отношении такой интернационалистской основой для единства действия является общая стратегическая линия мирового революционного процесса, вытекающего из единого понимания основных черт и содержания данной эпохи. Это научное интернационалистическое осмысливание эпохи опирается на всю многообразную совокупность конкретно национальной практики отдельных революционных отрядов.

Тот, кто сектантски пытается вместить всю сложность и разнообразие революционного процесса в прокрустово ложе только своих «правовверных» форм и методов, закостенелых формул и рецептов, тот неизбежно навязывает собственный опыт в виде абсолютной истины. Такая позиция противоречит принципам пролетарского интернационализма. В. И. Ленин не раз предупреждал против шаблонного перенесения опыта революционной борьбы с одной страны на другие страны. Он писал, что «пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами... единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий... а такого применения *основных*

принципов коммунизма... которое бы... правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям». Ленин видел важнейшую задачу каждой коммунистической партии в том, чтобы «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...»*.

Несмотря на богатство и разнообразие методов и форм, вызванных к жизни спецификой национальных условий и конкретной ситуацией, всемирный революционный опыт неделим, ибо он интернационален. Нельзя, например, абсолютизировать, на основе национально-ограниченной практики, вооруженные методы борьбы, как нельзя возводить в абсолют лишь мирные средства борьбы. Такая стрижка под одну гребенку не может быть оправдана никакой национальной спецификой. Она извращает, ревизует ленинское учение о революции, ведет к серьезным тактическим ошибкам, за которые приходится платить дорогой ценой.

Генеральная линия международного коммунистического движения выражена в Декларации и Заявлении Московских совещаний братских партий. С ревизией их важнейших положений и выступила группа Мао Цзэ-дуна. Она выдвинула положение, что «идеи Мао Цзэ-дуна являются соединением марксизма-ленинизма с китайской революцией». Уже из этой формулы вытекало, что китайские руководители считают своим мировоззрением не общее и единое для всего коммунистического движения марксистско-ленинское учение, а некие «идеи Мао Цзэ-дуна», которые были «концентрированным отображением революции в Китае». Затем они провозгласили своей важнейшей заслугой «соединение всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». Абсолютизовав свое положение о специфическом соединении марксизма-ленинизма с китайской революцией и изолировав его от теории и практики мирового коммунистического движения, группа Мао Цзэ-дуна предала забвению ленинское указание о том, что марксисты должны прежде всего исходить из содержания данной исторической эпохи и лишь на этой основе учитывать специфику данной страны.

В непролетарской социальной среде и сформировались левооппортунистические и шовинистические концепции, ставшие основой невиданного культа личности, обожествления Мао Цзэ-дуна, возведения его в ранг непререкаемого авторитета и в теории и в практике марксизма-ленинизма.

* В. И. Ленин, *Детская болезнь «левизны» в коммунизме*, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 77.

Маоисты не ограничились ревизией ленинизма в вопросах идеологии, а распространили свои националистические и шовинистические установки на вопросы стратегии и тактики, стали на путь разъединения и противопоставления друг другу мировых революционных сил. Переход от национализма в идеологии к национализму в стратегии и тактике был неизбежен, ибо, как писал В. И. Ленин, «кто сказал А, должен сказать Б — кто встал на точку зрения национализма, тот, естественно, доходит до желания окружить китайской стеной свою национальность, свое национальное рабочее движение, того не смущает даже и то, что стены придется строить отдельные в каждом городе, местечке, селе, того не смущает даже, что своей тактикой разъединения и раздробления *он превращает в ничто* великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков» *.

Против сближения и единения международного пролетариата и мирового крестьянства направлена маоистская стратегия «окружения мирового города мировой деревней». Эта концепция выросла из абсолютизации особенностей гражданской и антияпонской войны в Китае, где основной базой вооруженной борьбы стали с конца 20-х годов сельские районы, а города оказались в руках империалистов и местной реакции. Такого рода разграничение определялось специфическими чертами китайской революции: объективно — огромным военно-техническим превосходством внешней и внутренней контрреволюции, а субъективно — серьезной недооценкой со стороны маоистской группы работы среди городских, особенно пролетарских, слоев населения. Ныне, возведя во всеобщую добродетель эту специфическую слабость китайской революции, маоисты стремятся противопоставить рабочему классу социалистических, развитых капиталистических и самих афро-азиатских и латиноамериканских стран крестьянскую и иную непролетарскую массу.

В глобальном масштабе — это тактика разъединения мирового социализма и мирового рабочего движения, с одной стороны, и трудовых, преимущественно непролетарских масс Азии, Африки и Латинской Америки — с другой, в борьбе против общего врага, за общие цели. В национальных рамках — это раздробление прогрессивных сил города и деревни, отрыв крестьянства от пролетариата, противопоставление крестьянской партизанской войны таким пролетарским методам борьбы, как демонстрации, всеобщие стачки в городах, перерастающие при определенных условиях в вооруженные восстания, поддержанные крестьянской армией, и т. п.

* В. И. Ленин, *Последнее слово бундовского национализма*, — Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 325.

Маоистская абсолютизация прошлого национально-специфического китайского опыта игнорирует те новые условия и практику освободительной борьбы, которые сложились в наше время в большинстве афро-азиатских и латиноамериканских стран. Прежде всего, при нынешнем соотношении мировых сил города этих стран уже не являются легкой добычей для империалистических интервентов. Оставаясь центрами антиимпериалистического патриотизма, города вместе с тем все больше сосредоточивают те социальные силы, которые способны с максимальной решимостью и последовательностью выразить и претворить в жизнь новые, прежде всего антикапиталистические устремления, принимающие в городской, особенно пролетарской, среде наиболее зрелые формы.

Чуждые научному анализу, маоисты обходят те социальные сдвиги, которые приводят к быстрому, а порой стремительному росту городского населения как раз за счет наиболее обездоленных и политически динамичных слоев деревни. К середине 60-х годов доля городского населения и в Азии и в Африке перевалила за 20%, причем в Африке удвоилась за одно десятилетие. Уже сейчас доля городского населения в Азии и Африке намного превосходит его долю в Китае 30—40-х годов и даже больше, чем она была в предреволюционной России (18% в 1913 г.). Очень важным в политическом смысле является сосредоточение городского населения Азии и Африки в крупнейших центрах. Если в среднем во всем мире в городах с населением более 100 тыс. человек проживает одна треть городских жителей, то в Азии — свыше 60%.

Естественно возникает вопрос: зачем «окружать» политически более отсталой деревней, интенсивно переживающей к тому же почти повсеместно процесс социальной дифференциации и связанный с ним известный спад аграрного движения, такие мощные очаги революционной энергии, как Каир и Дамаск, Бомбей и Калькутту, Рангун и Коломбо?! Группа Мао Цзэ-дуна, как и во внутренней политике, строит свой внешнеполитический курс в расчете на недоверие и отчужденность крестьянских масс от тех городских, в том числе пролетарских слоев, которые наиболее подготовлены к восприятию научного социализма вообще и идей интернационализма в частности.

Так группа Мао Цзэ-дуна эволюционировала от националистического противопоставления своей практики интернациональным задачам коммунистов к шовинистическому навязыванию своей «стратегии» всей освободительной борьбе Азии, Африки и Латинской Америки, всему коммунистическому движению. Если в идеологической области они пытаются подменить марксизм-ленинизм «идеями Мао Цзэ-дуна», то в

тактике и стратегии они намереваются выдать свою «генеральную линию» за стратегический курс мирового коммунистического движения. XI пленум ЦК КПК, состоявшийся в августе 1966 г., официально подтвердил намерение руководства КПК продолжать свой особый курс, противопоставляя его марксистско-ленинской линии, совместно выработанной братскими партиями на Совещаниях 1957 и 1960 гг. Пленум отверг предложение КПСС и других братских партий о совместных действиях в борьбе против империализма, в том числе против агрессии американского империализма во Вьетнаме. Китайские руководители показали, что они и впредь намерены вести открытую политическую борьбу против Советского Союза, против всех социалистических государств и коммунистических партий, не разделяющих идеологических и политических концепций Пекина. Группа Мао Цзэ-дуна под флагом «культурной революции» расправляется со всеми противниками и сомневающимися в непогрешимости своего идола.

Отступничество Мао Цзэ-дуна со всей убедительностью свидетельствует о том, что подлинный социалистический строй предполагает в качестве неперемennого условия верность ленинским интернационалистским принципам в области внешней политики и взаимоотношений с другими братскими партиями и странами, исключаям всякий диктат и нигилистическое, высокомерное отношение к коллективному опыту.

Группировка Мао Цзэ-дуна исходит из своих особых, застывших представлений о сущности современной эпохи. Она не признает диалектичности этой проблемы.

Первые десятилетия XX в. считались марксистами эпохой империализма, революционных войн и пролетарских революций. Это определение выражало главное содержание и особенности общественного развития в то время, когда силы империализма еще играли основную роль в развитии событий. Разгром фашизма во второй мировой войне, ослабление мирового империализма, рождение мировой системы социализма, подъем рабочего революционного движения, развитие национально-освободительной борьбы и крах системы колониализма, углубление общего кризиса капитализма внесли коренные изменения в соотношение классовых сил. Поэтому марксисты-ленинцы в Заявлении Московского совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. дали новое определение эпохи, отражающее происшедшие в мире изменения: «Наша эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных сил, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы,

эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всем мире». Такое определение эпохи, основанное на ленинской научной методологии, дает четкое представление о характерных чертах, главном направлении и главных особенностях развития человечества.

К попыткам ревизовать положение документов международных совещаний коммунистических и рабочих партий о месте и соотношении отдельных потоков мирового революционного процесса относятся утверждения, что «фокус противоречий» или «самая острая форма противоречий» могут отодвинуть на второй план основное противоречие эпохи. С теоретической точки зрения эта попытка представляет собой вульгарное смешение понятий сущности и явления. Если же обратиться к фактам, то аргументы сторонников «фокуса» не выдерживают критики. Так, они, отмечая, что вторая мировая война началась как столкновение империалистов между собой, делают вывод, что в 1939 г. межимпериалистические противоречия оказались острее, чем противоречия империализма и социализма. Но последующие события опровергли это представление, они показали, что захват Польши, Франции и других стран державами «оси» служил в первую очередь накоплению и концентрации сил фашизма как военно-террористической диктатуры монополистического капитализма для нападения на первое социалистическое государство.

В качестве примера того, что «фокус противоречий» передвинулся якобы в сферу столкновений национально-освободительных революций с империализмом, нередко ссылаются на пример империалистических агрессий против Вьетнама и Кубы или же прогрессивных арабских стран. Но очевидно, что острота столкновений в этих районах как раз и объясняется тем, что первые две страны уже являются социалистическими, а другие избрали социалистическую перспективу! В этих районах империализм сталкивается в первую очередь с социализмом, с революционной национальной демократией, поворачиваемой к социализму, а не с обычным национализмом, как утверждают Уолтер Липпман и некоторые псевдомарксисты. Конечно, несостоятельность концепции маоистского «фокуса» пытаются преодолеть некоторые идеологи, открыто перейдя на откровенную расистскую позицию «зоны бурь» из трех «цветных» континентов. В конце концов положение о «фокусе противоречий», как его понимают такие «теоретики», — лишь камуфляж этой маоистской концепции, спекулирующей на чувстве недоверия угнетенных ко всем угнетавшим нациям.

Более чем странную перспективу для ранее угнетенных народов рисуют сторонники концепции «фокуса противоре-

чий». Получается, что эти народы, по мере своего продвижения к социалистической перспективе, будут как бы уходить от противоречий с империализмом. Эти противоречия будут ослабевать. По этой логике, пока, допустим, корейский народ вооруженным путем защищал свою родину, он находился в «фокусе противоречий», а отстояв свою независимость и приступив к развернутому социалистическому строительству, попал в разряд государств, якобы капитулировавших перед ним. То же самое — Куба. Подобное же превращение, как получается, пережило освободительное движение в Алжире, которое от вооруженной борьбы с империализмом перешло с завоеванием суверенитета к социально-экономическим преобразованиям, последние в сложившейся обстановке не исключают и определенных форм сотрудничества с иностранным капиталом в целях подъема народного хозяйства и утверждения на этой основе общей некапиталистической перспективы.

Таким образом, хотя теория «фокуса противоречий» внешне как бы стремится возвысить освободительную борьбу афро-азиатских и латиноамериканских народов, на самом деле она исходит из того, что их исторический прогресс должен быть заморожен на досоциалистических этапах — прежде всего на этапе отстаивания национального суверенитета. Из иной перспективы исходят марксисты-ленинцы, определяя свое отношение к историческим возможностям освобождающихся народов, к их вкладу в мировой революционный процесс на его современном этапе, к их способности решать не только национально-освободительные и общедемократические, но и социалистические задачи своей революции.

Мировой революционный процесс — историческая категория. В XIX в. по сравнению с современной эпохой он был ограничен территориально (по крайней мере до наступления эпохи империализма) главным образом Европой и США, т. е. странами, в которых победил капиталистический способ производства. Это положение не отрицает и не снижает роли и значения национально-освободительной борьбы угнетенных народов Азии и других континентов в тот период. Но эта борьба до начала XX в. носила спорадический характер, не приобрела еще всемирного характера, не была органически связана, переплетена с борьбой пролетариата развитых стран.

Национально-освободительное движение в нашу эпоху не только стало составной частью мирового революционного процесса, но и оказалось способным — в условиях взаимодействия с мировым социализмом и рабочим движением в капиталистических странах — сокрушить колониальную систему империализма, подняться на новую историческую ступень, под-

твердив и обогатив ленинское учение о единстве мирового революционного процесса, о взаимосвязи и взаимозависимости его составных частей.

Теоретическая и практическая деятельность Коммунистической партии Советского Союза являет собой пример подлинно интернационалистского понимания и осуществления обязанностей марксистской партии и социалистического государства перед национально-освободительным движением. До Октября большевики неизменно выступали против национального и колониального угнетения, против каждого акта колониальной агрессии прежде всего «своего», российского империализма. Они разоблачали интервенцию империалистов, подавивших восстание ихэтуаней 1900 г. в Китае, захватнические цели России и Японии в войне 1904—1905 гг. Большой размах борьба партии против колониализма получила в период революционного пробуждения Азии в 1905—1911 гг., когда большевики оказали прямую помощь патриотическим силам Азии. В ходе революции 1905—1907 гг. и последующей борьбы были скованы и подорваны силы царизма, который не смог развернуть широкую интервенцию в соседних азиатских странах. Закавказские большевики оказали прямую поддержку иранским патриотам.

После Великого Октября ленинский пролетарский интернационализм обогатился новым содержанием, ибо он лег в основу политики правящей партии рабочего класса. В первые годы Советской власти насилия империалистов — интервенции в Советской России, Турции, Афганистане, Монголии, вмешательство в дела Китая — сделали неотложным военно-политическое сотрудничество молодой рабоче-крестьянской республики и угнетенных народов для отражения наступления захватчиков. В тяжелый период гражданской войны и разрухи Советское правительство делало все возможное, чтобы облегчить положение трудящихся Востока. Одним из первых его актов было аннулирование неравноправных договоров, навязанных царизмом ряду стран Азии. Несмотря на гигантские трудности, Советское государство оказало материальную военно-экономическую помощь народам Турции, Афганистана и других стран.

В. И. Ленин предвидел, что место и роль освобождающихся народов в мировом революционном преобразовании будут возрастать по мере того, как они сами будут переходить от первоначального, национально-освободительного этапа движения к борьбе с капитализмом и империализмом, за полное социальное и классовое раскрепощение. В. И. Ленин предусматривал не только развитие освободительного движения вширь (в смысле вовлечения в него новых народов и слоев населения), но и его переход на новую качественную сту-

пень — от борьбы за национальную независимость против империализма к ниспровержению капитализма вообще, от завоевания суверенитета к социальному прогрессу. Постепенное возрастание антикапиталистического содержания в освободительной борьбе народов Азии и Африки — вот предвиденный Лениным и подтвержденный историческим опытом путь дальнейшего сплочения международного коммунистического движения с борьбой освобождающихся народов, путь их включения в основной процесс современности — переход от капитализма к социализму.

Такое понимание развития общемирового революционного процесса определяет глубокий исторический смысл сотрудничества социалистических стран с суверенными государствами Востока, который прозорливо раскрыл Ленин. Объективная суть этого сотрудничества раскрывается Лениным в большой исторической перспективе, в соответствии с основными этапами освободительной борьбы после завоевания политической независимости — общедемократическим этапом (решение аграрного вопроса, борьба за экономическую независимость, улучшение условий труда, демократизация) и этапом социалистических преобразований. На всех этапах смысл и содержание «бескорыстной культурной помощи» социалистических стран соответствуют неотложным нуждам и историческим чаяниям освобождающихся народов Азии и Африки.

Выдвинутое В. И. Лениным учение о возможности минования капиталистической стадии или, как мы теперь формулируем, о некапиталистическом развитии послужило теоретической и политической основой для сотрудничества первого в мире социалистического государства с силами социального освобождения на Востоке. Это учение было конкретной разработкой ранее изложенных Лениным положений о «культурной бескорыстной помощи», но уже применительно к «тем определенным историческим рамкам», которые сложились в мире после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

После второй мировой войны объективная основа союза и взаимодействия сил социализма и национально-освободительного движения как составных частей мирового революционного процесса остается неизменной. Тем не менее формы союза, формы солидарности этих сил, а также главные проблемы, на решение которых направлена эта солидарность, менялись и меняются в соответствии с развитием национально-освободительной борьбы, с ростом могущества социалистических стран. На том этапе национально-освободительной революции, когда главной ее задачей было свержение колониальных режимов и достижение политической самостоятельности, социалистические государства оказали большую мораль-

но-политическую поддержку и материальную помощь, в том числе оружием, народом, штурмовавшим бастионы колониальных империй. Эта форма поддержки не исчерпала и не исчерпает себя до тех пор, пока есть хоть один народ, стонущий под пятой колонизаторов и ведущий против них борьбу.

Однако в новых условиях, когда главная задача освободительной борьбы и развертывающейся антиимпериалистической революции состоит в том, чтобы сбросить господство иностранных монополий, добиться экономической самостоятельности и социального прогресса, поддержка освободительных сил социалистическим содружеством распространяется на новые сферы, все шире охватывает область межгосударственных отношений и хозяйственной жизни освободившихся народов. Тесные связи многих молодых национальных государств с государствами социализма становятся все более эффективной преградой попыткам империалистов лишить суверенные страны возможности свободно в соответствии со своими интересами избирать путь развития.

Мировой социализм всей системой своих экономических, политических и идеологических отношений помогает народам, пережившим целую эпоху неравноправия, преодолеть недоверие к трудящимся бывших метрополий, выковать единство в совместной борьбе против общего врага. В коммюнике о Консультативной встрече представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшейся в марте 1965 г. в Москве, подчеркивается, что даже при наличии разногласий, касающихся политической линии, многих важных проблем теории и тактики, вполне возможно и необходимо добиваться единства действий в борьбе против империализма.

Национально-освободительные революции по мере развития и углубления ведут к социальным преобразованиям и тем самым сближаются с революциями социалистическими. Главным препятствием на пути дальнейшего развития освободительных революций был и остается империализм. Границы колониальных империй были первыми рубежами, которые отделяли угнетенные народы не только от первого социалистического государства, но и от прогрессивной идеологии и ее носителей из самой метрополии. Однако колониальные кордоны не смогли отгородить угнетенный мир от воздействия научного социализма, хотя его идеи доходили туда значительно позднее в урезанном, а подчас в искаженном виде. И все же еще до второй мировой войны, можно сказать — вслед за победой Октябрьской революции в России началось соединение марксизма-ленинизма с рабочим движением ряда колоний и полуколоний и применение его отдельных теоретических положений, организационных и тактических прин-

ципов в национально-освободительной и антифеодальной крестьянской борьбе народов Азии и Африки.

Эти положения и принципы были взяты на вооружение не только руководством коммунистических партий, но широко использовались и такими патриотическими лидерами, как Сунь Ят-сен, Дж. Неру, Аун Сан и другие. Введение в программы национально-демократических партий и организаций таких задач, как полный суверенитет, ликвидация помещичьего землевладения и ростовщической кабалы, плановые начала в руководстве народным хозяйством и индустриализации, поддержка мелкого производителя и кооперирование, ограничение иностранного и национального капитала, означало не только укрепление антиимпериалистической и антифеодальной направленности освободительных движений, но и вызревание в них определенных антикапиталистических начал.

На протяжении первых послевоенных лет полное осознание перемен, происшедших в структуре мира и в условиях собственной борьбы, в известной мере запаздывало; из этих изменений не извлекались все необходимые теоретические, стратегические и тактические выводы. Имел место застой в разработке теории, в научном анализе изменений, происшедших в мире и в отдельных странах. Идейные и боевые позиции, завоеванные коммунистическим движением с VII Конгресса Коминтерна в огне борьбы против фашизма, в борьбе за единство всех демократических прогрессивных сил, не получали дальнейшего последовательного развития.

Борьба против догматизма и сектантства стала условием изживания коммунистическим движением последствий культа личности. Этот процесс, начало которому положил XX съезд КПСС, сопровождался глубоким творческим марксистско-ленинским осмыслением явлений и изменений, происходящих в мире.

Как уже подчеркивалось, на XX и последующих съездах КПСС, а также на совещаниях братских партий при разработке тактики по отношению к странам Востока, добившимся суверенитета, учитывалось то обстоятельство, что во многих из них к власти пришла национальная буржуазия. Естественно поэтому, что сама практика общественной жизни стран Азии и Африки побуждала коммунистов сосредоточить внимание на определении своего отношения к основному правящему классу — национальной буржуазии. В последующие годы все более очевидными становились неспособность да и нежелание буржуазно-национального руководства осуществить последовательные демократические преобразования в интересах большинства народа. Вот почему марксисты-ленинцы уделяют растущее внимание своим отношениям с теми рево-

люционно-патриотическими кругами, которые вставляли у власти на завершающем этапе распада колониальной системы империализма, или в результате устранения буржуазно-помещичьих режимов, или при образовании новых государств Африки.

Победа современных национально-демократических революций в ряде стран Азии и Африки может быть достигнута лишь в союзе с мировым революционным движением рабочего класса и мировой системой социализма. Но к власти пришел здесь не пролетариат, а блок патриотических сил во главе с революционными демократами. Ввиду исторически сложившегося соотношения классов и особенностей социальной структуры эти силы оказались в политическом отношении влиятельнее и опытнее местного пролетариата. Однако сам приход к власти революционной демократии и претворение в жизнь программ, носящих не только антиимпериалистический, но и антикапиталистический характер, демонстрируют возросшие, под влиянием мирового социализма и его научной идеологии, революционные возможности непролетарских и полупролетарских слоев.

Такой ход событий ни в коем случае не умаляет значения растущих или формирующихся отрядов рабочего класса. Наоборот, рабочий класс — самый решительный борец против империализма, колониализма и неоколониализма, за национальную независимость и прогресс — добивается осуществления прогрессивных социально-экономических преобразований, проходит школу политического самовоспитания, школу демократии, накапливает опыт защиты своих интересов и интересов всей нации с последовательно социалистических позиций. В свою очередь революционные патриоты и демократы на основе практики политической жизни, в условиях поддержки со стороны мира социализма и патриотических национальных сил уточняют свои позиции, делают их более классово определенными, совершают известную эволюцию в сторону сближения с идеологией научного социализма.

Вот почему отрицание возможности направить национально-освободительное движение в той или иной стране, завоевавшей независимость, против капитализма до того, как пролетариат будет играть в общественной жизни главнейшую роль, ведет к противопоставлению национально-освободительного движения борьбе рабочего класса и, следовательно, мешает ему осуществить свою историческую миссию и авангардную роль, препятствует союзу всех революционных сил и их общей борьбе. Марксисты-ленинцы видят свою задачу не в нигилистическом отрицании прогрессивных возможностей революционной демократии, а в том, чтобы в рамках непредвзятого, дружественного обмена мнениями и опытом тесного

политического сотрудничества помочь революционерам-патриотам пройти неизбежный путь эволюции в сторону признания руководящей роли мирового рабочего класса с наименьшими для дела революции издержками и потерями.

Политическое искусство состоит в том, чтобы учесть, уловить своеобразие форм этой эволюции, этого поворота, который определяется всей совокупностью исторических и национальных условий, уровнем развития той или иной страны. Поступая так, коммунисты руководствуются указанием Ленина о том, что «недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающихся к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины» *. Возросшее значение революционных патриотов и демократов — одно из свидетельств расширения социальной базы революционного движения, увеличения многообразия форм и путей подхода и перехода к социализму.

Новые явления, возникшие в мировом революционном процессе, были обобщены XXIII съездом КПСС. «Народы, — указывается в резолюции съезда по отчетному докладу ЦК КПСС, — все решительнее связывают перспективы полной победы национально-освободительной революции, ликвидации вековой отсталости и улучшения условий жизни с некапиталистическим путем развития». На съезде было подчеркнуто, что складывается обстановка, когда некапиталистический путь развития со всем многообразием его форм и начальных подходов становится маршрутом прогресса народов. Таков общий вывод, с неизбежностью вытекающий из всей длительной и сложной, героической борьбы народов Азии и Африки за свое национальное освобождение, за мир, демократию и социальный прогресс.

* В. И. Ленин, *Ценные признания Питирима Сорокина*, — Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 194.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЛИКВИДАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА И ОБРАЗОВАНИЕ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В АЗИИ И АФРИКЕ

От редакционной коллегии	7
Глава 1. Завершение второй мировой войны и образование су- веренных государств в Азии	10
Образование народно-демократических государств в Азии	12
Образование новых государств в Юго-Восточной Азии	43
Ликвидация колониальных и зависимых режимов в Южной Азии	55
Освободительная борьба арабских народов после второй ми- ровой войны	71
Глава 2. Вооруженная агрессия империализма и сопротивление освобождающихся народов	79
Вооруженная борьба народов Юго-Восточной Азии с колони- альной агрессией	79
Развитие национально-освободительной борьбы в арабских странах Северной Африки и Ближнего Востока	98
Национально-освободительное движение в Тропической и Юж- ной Африке	109
Некоторые итоги освободительной борьбы в послевоенное деся- тилетие и XX съезд КПСС	115
Глава 3. Ликвидация колониальных империй в Африке и остат- ков колониализма в Азии	119
Борьба арабских народов с империалистическими интервенция- ми и колониальными режимами	120
Образование суверенных государств в Тропической Африке	124
Внешнеполитический курс молодых государств и ликвидация остатков колониальных империй в Азии	142
Тактика колониализма в послевоенном мире	145
Роль отдельных классов и слоев в завоевании суверенитета и установлении национальной государственности	152

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛОНИАЛИЗМА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ

Глава 1. Экономические последствия колониализма и методы их преодоления	171
Экономическая зависимость — наследие колониализма	171
Социально-экономические последствия колониализма в Тропической Африке	178
Молодые суверенные государства — зависимые, неравноправные члены мирового капиталистического хозяйства	184
Ликвидация отсталости и мировые хозяйственные связи	199
Отраслевые, технические и финансовые аспекты экономической реконструкции	212
Глава 2. Классы, их положение и идеология в период суверенного развития на путях капитализма	251
Буржуазия — ее формирование и структурные изменения как правящего класса на этапе суверенитета	252
Экономические и социальные изменения в деревне и сдвиги в крестьянском движении	265
Рабочий класс и его борьба на этапе суверенитета	279
Социальные предпосылки вызревания элементов капиталистического общества в Тропической Африке	303
Изменения в идеологии классов и общенациональные задачи	313

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

УГЛУБЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В АФРО-АЗИАТСКИХ СТРАНАХ И БОРЬБА ДВУХ МИРОВЫХ СИСТЕМ

Глава 1. Углубление национально-демократической революции и начало перехода к некапиталистическому развитию некоторых освободившихся стран	325
Общедемократические и антикапиталистические преобразования в афро-азиатских странах	326
Демократизация — политическая и социальная основа антикапиталистических преобразований	352
Программные основы и идеологические концепции революционных патриотов и демократов	384
Некапиталистическое развитие на современном этапе мирового революционного процесса	397
Глава 2. Социалистические преобразования в МНР, КНР, КНДР и ДРВ	405
Монгольская Народная Республика	405
Китайская Народная Республика	418
Корейская Народно-Демократическая Республика	452
Демократическая Республика Вьетнам	470

Глава 3. Борьба двух мировых систем и освобождение народов 491

Низвержение колониализма — общее дело всех прогрессивных сил мира 491

Неоколониализм и преодоление фактического неравноправия суверенных государств Азии и Африки 520

Мировой революционный процесс и место в нем освободительных движений народов Азии и Африки 570

Коллектив авторов

НА НОВОМ ПУТИ

Утверждено к печати

*Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *В. Н. Кюзаджян*

Художник *А. Степанова*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Л. Т. Михлина*

Корректоры *Т. К. Кузина* и *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 8/VI 1967 г.

Подписано к печати 20/XII 1967 г.

А-11 994. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1.

Печ. л. 37. Уч.-изд. л. 36,58

Тираж 2900 экз. Изд. № 1878. Зак. 622

Цена 2 р. 51 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»

Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

*

НА НОВОМ ПУТИ

НА НОВОМ ПУТИ

*

*

*